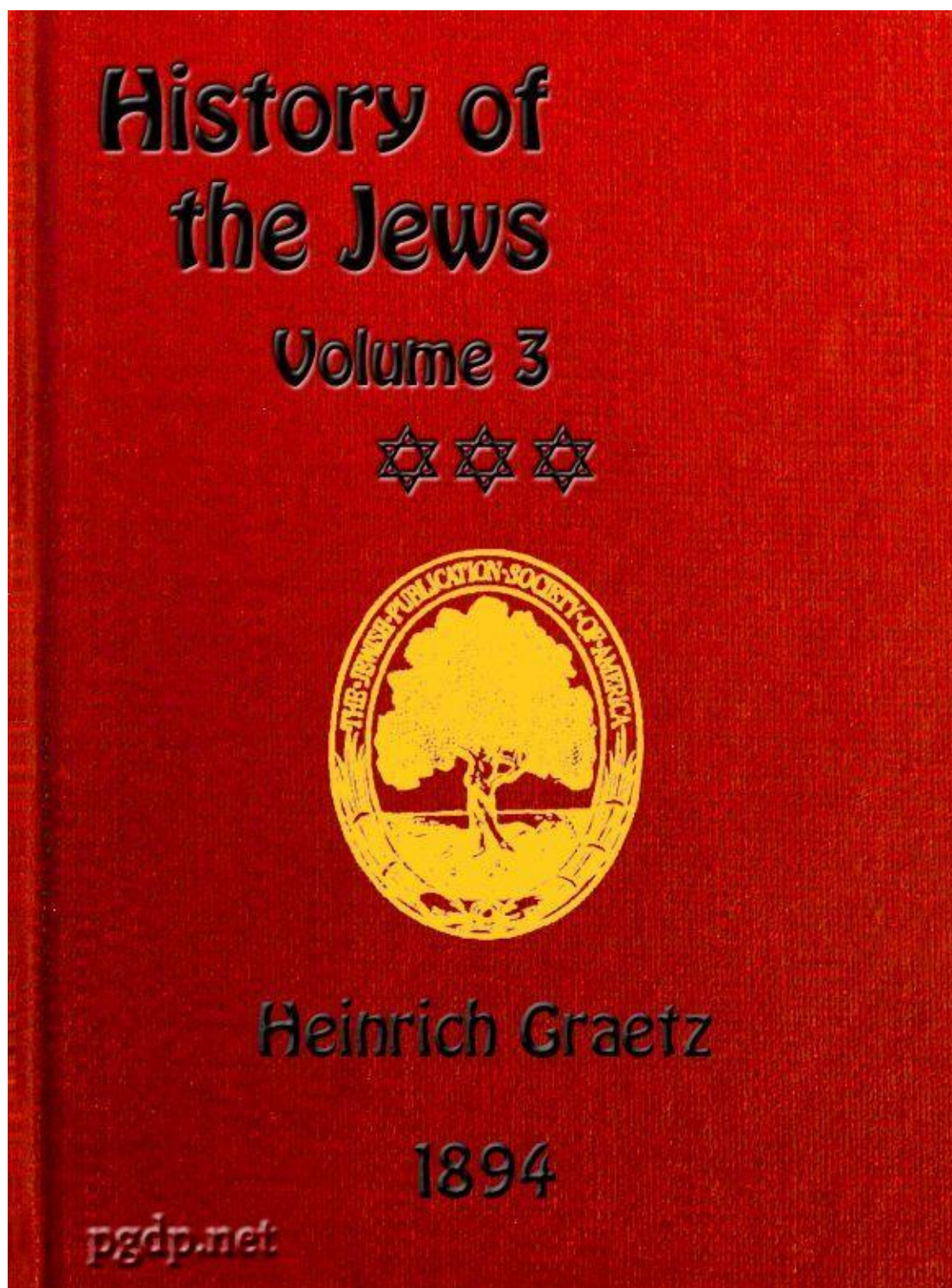

История евреев, Том 3 (из 6)

Генрих Грец

Электронная книга проекта "Гутенберг" по истории евреев, том 3 (из 6)

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: История евреев, Том 3 (из 6)

Author: Генрих Грец

Дата выхода: 28 июля 2013 г. [Электронная книга № 43337]

Последнее обновление: 23 октября 2024 г.

Язык: Английский

Титры: Продюсерами выступили Дэвид Эдвардс, Чарли Ховард и команда онлайн-корректоров на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ", ТОМ 3 (ИЗ 6) ***

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ

АВТОР ПРОФЕССОРА Х. GRAETZ

ТОМ III

От восстания против зендиков (511 г. н. э.) до захвата Сен-Жан-д'Акра .

Авторское право, 1894,

Еврейским издательским обществом Америки.

Содержание.

ГЛАВА I.

страница

УПАДОК ИУДЕИ И РАССЕЯНИЕ ЕВРЕЕВ.

Религия зендиков—Король Кобад и Маздак Реформатор—Восстание евреев—Мар-Зутра—Возрождение школ—Сабураим—Талмуд, обязанный быть написанным—Терпимость к Хосру II—Христианизация Иудеи—Евреи под властью Византии—Юстиниан—Преследование самаритян—Вениамин Тивериадский—Нападение на Тир—Император Ираклий

1

500-628 гг. н. э.

ГЛАВА II.

ЕВРЕИ В ЕВРОПЕ.

Рост евреев в Европе—Общины в Константинополе и Италии—Теодорих—Исидор Севильский—Папа Григорий I—Евреи Франции—Хильперик и Дагоберт—Авитус—Евреи в Испании—Разногласия между евреями и христианами

24

510-640 гг. н.э.

ГЛАВА III.

ЕВРЕИ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.

Счастливое положение евреев в Аравии—Традиции их первоначальных поселений—Ясриб и Чайбар—Еврейско-арабские племена—Бену-Надир, Бену-Курайза и Бену-Бахдал—Бену-Кайнукаа—Евреи Йемена—Их сила и влияние—Обращение арабских племен в иудаизм—Абу-Кариба, первый еврейско-химьяритский царь—Зорах Ду-Новас—Самуил Ибн-Адиджа—Магомет—Его долг иудаизму—Раннее дружелюбие Магомета к евреям и последующий разрыв с ними—Его нападения на еврейские племена—Война на Рву—Положение евреев при халифах

53

500-662 гг. н.э.

ГЛАВА IV.

ЭПОХА ГЕОНИМОВ.

Завоевания ислама—Нетерпимость Омара—Положение евреев в Вавилонии—Бостанаи—Принцы плена и Геонимы—Достоинство и доходы принца—Общинная организация—Отлучение от церкви—Юлиан Толедский и евреи—Мусульмане в Испании—Евреи и арабская литература—Ассирийская система гласных-

86

Неоеврейская поэзия: Хосе бен Хосе—Симон бен Каифа-Использование рифмы—
Джаннаи—Елеазар Калири—Противодействие изучению Талмуда—Еврейская
литература Лжемессия Сириец Серенус —Евреи в Крыму и Земле хазар—
Лжемессия Обадия Абу—Иса

640-760 гг. н.э.

ГЛАВА V.

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРАИЗМА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

Анан бен Давид, основатель караизма — Его жизнь, труды и влияние—
Враждебность к Талмуду—Нововведения Анана—Караимское почитание Анана—
Экзилархат становится выборным—Принятие иудаизма хазарами—Король Булан и
Исаак Синджари—Еврейские преемники Булана—Карл Великий и Империя
франков—Евреи и торговля—Еврейский посланник, отправленный к халифу Гаруну
Аль—Рашиду—Распространение евреев в Европе—Халифы и евреи—Изучение
философии —Сахал—Калам—Мутазилисты и антропоморфисты—Иуда Джадган—
Шуур Комах—Акбариты-Моисей Персидский

127

761-840 гг. н.э.

ГЛАВА VI.

БЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ ВО ФРАНКСКИХ ВЛАДЕНИЯХ И УПАДОК ЭКЗИЛАРХАТА НА ВОСТОКЕ.

Евреи при Луи ле Дебоннере—Императрица Юдифь и ее почитание иудаизма—
Агобард, епископ Лионский—Обращение епископа Бодо—Усилия Амоло против
евреев—Карл Лысый—Беспорядки в Безье и Тулузе—Указ против евреев в Италии—
Босо Бургундский—Базилиус—Лев Философ—Упадок Экзилархата—Геонимы
приобретают дополнительное влияние—Молитвенник Амрама—Мар-Земаха—
Литературная и научная деятельность евреев—Упадок караизма—Разногласия в
Пумбедита

160

814-920 гг. н. э.

ГЛАВА VII.

ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕВРЕЙСКОЙ НАУКИ: СААДИЯ И ХАСДАЙ.

Иудаизм в десятом веке—Саадия, основатель религиозной философии—Перевод
Библии на арабский язык—Саадия выступает против караизма—Караим Соломон
бен Йерухам—Саадия и школа в Соре—Саадия уходит из Соры—Его литературная
деятельность—Исчезновение Экзилархата—Сахал и другие караимские писатели—
Евреи в Испании—Школа в Кордове—Дунаш бен Тамим—Хасдай—Его заслуги
перед иудаизмом—Менахем бен Сарук—Хасдай и царь хазар

187

928-970 гг. н. э.

ГЛАВА VIII.

РАСЦВЕТ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И УПАДОК ГАОНАТА.

Гаон Шерира и его сын Хай—Историческое письмо Шериры—Еврейские общины в
Испании—Еврейская культура в Андалусии—Ученики Менахема и Дунаша—Иегуда
Чаюдж—Спор между Чанохом и Ибн-Абитуром—Якоб Ибн-Джау—Евреи Франции—
Натан Вавилонянин и Леонтин—Евреи Германии—Гершом и его Постановления—

231

Император Генрих II—Халиф Хакем—Еврейские общины Северной Африки—Чананель, Сын Хушиэля, и Ниссим бар Якоб Ибн Шахин —Иерусалимский Талмуд—Хай Гаон —Его характер и значение—Самуэль бар Чофни—Чиския, Последний Гаон—Самуэль Ибн Нагрела-Иона Ибн Джанах

970-1050 гг. н.э.

ГЛАВА IX.

ИБН ГЕБИРОЛЬ И ЕГО ЭПОХА.

Соломон Ибн-Гебируль—Его ранняя жизнь—Его стихи—Государственный деятель 265
Екутиэль Ибн-Хасан дружит с ним—Убийство Екутиэля—Бачья Ибн-Пакуда и его моральная философия—Библейский критик Ицхаки бен Ясус—Джозеф бен Хасдай, поэт—Смерть Самуэля Ибн Нагрелы—Характер его сына Джозефа и его трагическая судьба—Смерть Ибн-Гебируля—Французская и немецкая общины—Альфасси—Жизнь и труды Раши—Еврейские ученые в Испании—Король Альфонсо

1027-1070 гг. н. э.

ГЛАВА X.

ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Положение евреев в Германии до Крестовых походов—Община Шпейера и Генрих 297
IV—Мученики Тревеса и Шпейера—Эммерих Лейнингенский и мученики Майнца—Жестокие преследования в Кельне—Страдания евреев в Богемии—Прискорбная смерть евреев Иерусалима—Правосудие императора Генриха по отношению к евреям—Возвращение обращенных в иудаизм—Смерть Альфасси и Раши

1096-1105 гг. н.э.

ГЛАВА XI.

ЗЕНИТ ИСПАНО-ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИЕГУДА ГАЛЕВИ .

Евреи при Альморавидах—Джозеф Ибн Сахаль, Джозеф Ибн Цадик-Джозеф Ибн 311
Мигаш-Поэты Ибн Гиат, Ибн Аббас, Ибн Сакбель и Ибн Эзра—Абулхассан Иегуда Халеви-Его стихи и философия—Хозари-Происшествия из его жизни-Принц Самуэль Альмансур-Паломничество Иегуды Халеви в Иерусалим-Его смерть

1105-1148 гг. н.э.

ГЛАВА XII.

ГОНЕНИЯ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА И При АЛЬМОХАДАХ.

Положение евреев во Франции—Второй крестовый поход—Петр Достопочтенный и 347
монах Рудольф—Бернард Клерво и император Конрад—Защитники евреев—Преследования при Альмохадах—Абдулмумен и его эдикт—Принц Иегуда Ибн-Эзра—Караимы в Испании—Иегуда Хадасси—Историк Авраам Ибн-Дауд и его философия—Авраам Ибн-Эзра—Раббену Там

1143-1170 гг. н. э.

ГЛАВА XIII.

ОБЗОР ЭПОХИ МАЙМУНИ (МАЙМОНИДА).

Евреи Толедо—Ибн-Шошан, Ибн-Альфачар—Поэт Харизи—Шешет Бенвенист— 382
Бенджамин из Туделы—Евреи Прованса—Кимчи—Общины Безье, Монпелье,

Люнеля и Тулузы—Преследования евреев в Северной Франции—Евреи Англии—Ричард I—Евреи Йорка—Евреи Германии—Эфраим бен Якоб—Зюскинд—Путешественник Петахья—Евреи Италии и Византийской империи—Общины Сирии и Палестины —Евреи Багдада—Мосула—Псевдомессия Дэвид Алрой—Евреи Индии—Обращение татар в иудаизм—Евреи Египта

1171-1205 гг. н. э.

ГЛАВА XIV.

МАЙМУНИ (МАЙМОНИД).

Ранние годы Маймуни (Маймонида) —Его путешествие в Фес—Утешительное письмо Маймуна (отца Маймонида)—Маймуни и обращенные в ислам евреи—Семья Маймунов в Палестине и Египте—Комментарий Маймуни к Мишне—Саладин и евреи—Письмо Маймонида в Йемен—*Мишне-Тора* Маймуни—Споры относительно этой работы—Джозеф Ибн Акнин-Маймуни как врач—На Маймуни напали Самуэль бен Али—Маймуни и евреи Прованса —*Еще один Небухим* и его значение — Смерть Маймонида

446

1171-1205 гг. н. э.

ГЛАВА XV.

НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ХРИСТИАНСКИХ ЗЕМЛЯХ В НАЧАЛЕ ТРИНАДЦАТОГО ВЕКА.

Последствия смерти Маймуни—Авраам Маймуни, сын Маймуни—Враждебность папства к евреям—Папа Иннокентий III—Альбигойцы—Эмиграция раввинов в Палестину—Латеранский собор и еврейские значки—Синод раввинов в Майнце—Доминиканцы и подъем инквизиции—Король Арагона Хайм и его врач Бенвенист—Стивен Лэнгтон и евреи Англии—Григорий IX и Людовик IX Франции—Евреи Венгрии

494

1205-1232 гг. н.э.

ГЛАВА XVI.

МАЙМУНИСТИЧЕСКАЯ ПОЛЕМИКА И РАСЦВЕТ КАББАЛЫ.

Оппозиция против Маймуни—Маймунисты и антимаймунисты—Меир Абулафия—Самсон из Сенса—Соломон из Монпелье—Отлучение маймунистов—Энергичная защита Маймуни Дэвидом Кимчи—Нахмани—Его характер и деятельность—Его отношения к Маймуни, Ибн—Эзре и Каббале—Соломон из Монпелье призывает на помощь доминиканцев—Моисей из Куси—Современная дата Каббалы—Азриэль и Эзра—Доктрины Каббала—Якоб бен Шешет Герунди—Бахир—Три стороны в иудаизме—Последний проблеск неоеврейской поэзии—Сатирический роман: Аль-Хариси и Джозеф бен Сабара

522

1232-1236 гг. н.э.

ГЛАВА XVII.

ПУБЛИЧНЫЕ ДИСКУССИИ И СОЖЖЕНИЕ ТАЛМУДА.

Папа Григорий IX—Император Фридрих II и еврейские ученые Иегуда Ибн Матка и Якоб Анатоли—Еврейское законодательство Фридриха Австрийского—Мученики Аквитании и Григорий IX—Людовик IX Французский и его вражда к евреям—

563

Нападки на Талмуд—Отступник Николай—Донин-Диспут при французском дворе между Иехиэлем Парижским и Николасом—Донином-Иудой Мелунским—Сожженный в Париже Талмуд—Церковь и еврейские врачи—Моисей Ибн Тиббон и Шем—Тоб Тортоси-Папская булла, оправдывающая евреев от Кровавых обвинений—Последние французские тоссафисты—Евреи Англии-Еврейский парламент—Альфонсо Мудрый и евреи Испании—Меир де Малеа и его сыновья—Еврейские астрономы Дон Джуда Коэн и Дон Заг Ибн Саид—Евреи Арагона—Де Пеньяфорте и отступник Пабло Кристиани—Первая цензура Талмуда-Спор Нахмани с Пабло—Влияние Нахмани—Караимы

1236-1270 гг. Н.э. Е.

ГЛАВА XVIII.

ЭПОХА СОЛОМОНА БЕН АДРЕТА И АШЕРИ.

Мученики в Германии—Евреи Венгрии и Польши—Собор в Буде—Евреи Испании и Португалии—Соломон бен Адрет, его характер и труды—Антиеврейские работы Раймунда Мартина-Новый антагонизм философии маймунизма—Давид Маймуни—Мозес Таку—Меир из Ротенбурга—Евреи Италии—Соломон Пети—Рудольф Габсбург—Эмиграция евреев из рейнских провинций—Страдания английских евреев—Изгнание евреев из Англии и Гаскони—Саад Аддаула—Исаак Акчо

610

1270-1306 гг. н. э.

ИСТОРИЯ ЕВРЕЕВ.

ГЛАВА I.

УПАДОК ИУДЕИ И ЕВРЕИ В РАССЕЯНИИ.

Религия зендиков—Король Кобад и Маздак Реформатор—Восстание евреев—Мар-Зутра—Возрождение школ—Сабураим—Талмуд, обязанный быть написанным—Терпимость к Хосру II—Христианизация Иудеи—Евреи под властью Византии—Юстиниан—Преследование самаритян—Вениамин Тивериадский—Нападение на Тир—Император Ираклий.

500-628 гг. н. э.

Едва евреи оправились от долгих и ужасных преследований, которым их подвергал царь Фируз, как их настигли новые бури, которые разрушили дело трех столетий. За Фирузом последовал его брат, который правил недолго, и ему наследовал Кобад (Ковад, Кабадес). Последний был слабым королем, не лишенным хороших качеств, но он позволил себе стать орудием фанатика, и его убедили начать религиозные преследования. При этом монархе появился человек, который желал реформировать религию магов и сделать ее господствующей верой. Маздак — ибо так звали этого реформатора магианства — верил, что открыл средство продвижения обещанной победы Света над Тьмой, Ахура-Мазды над Ангромайнюсом. Он считал алчность к собственности и вожделение к женщинам причинами всего зла среди мужчин, и он желал

устранить эти причины, введя общность собственности и женщин, даже разрешив беспорядочные половые сношения между теми, кого связывают узы кровного родства. По мнению Маздака, именно на фундаменте коммунистического равенства можно было наиболее безопасно воздвигнуть здание доктрины Зороастра. Поскольку он вел добродетельную и аскетичную жизнь и был очень серьезен в своих усилиях по реформированию, ему вскоре удалось приобрести многочисленных приверженцев (примерно в 501 году), которые воспользовались этими выгодными свободами и назвали себя зендиками, или истинно верующими в Зенд. Сам царь Кобад стал верным учеником и сторонником Маздака. Он издал указ, повелевающий всем жителям Персидской империи принять доктрины Маздака и жить в соответствии с ними. Низшие классы стали самыми ревностными зендиками; они быстро присваивали имущество богатых и тех женщин, которые им нравились. Так возникло такое смешение представлений о добре и зле, о добродетели и пороке, какого никогда не знала история народов. В конце концов персидская знать свергла с престола этого царя-коммуниста и бросила его в тюрьму; но когда Кобад сбежал из заключения и с помощью гуннов снова вступил во владение своими владениями, они не смогли помешать приверженцам Маздака возобновить свое распутное поведение. Многие дети, родившиеся во время правления Кобада, были сомнительного отцовства, и никто не мог быть уверен в мирном пользовании его имуществом.

Евреи и христиане, естественно, не избежали коммунистической чумы, и хотя от узаконенного грабежа зендиков пострадали только богатые, женское сообщество нанесло страшный удар по всем классам. Целомудрие и священное соблюдение брачных обетов с самого начала были характерными добродетелями евреев, а по талмудическим законам они еще глубже укоренились в их природе. Они не могли вынести мысли о том, что их жены и девицы подвергнутся насилию, а чистоте их семей, которую они берегли как зеницу ока, угрожало осквернение. Таким образом, они, по-видимому, оказали вооруженное сопротивление распущенным нападкам зендиков. Восстание евреев, вспыхнувшее на этом этапе, было, по всей вероятности, организовано с целью сопротивления этому невыносимому коммунизму. Во главе этого восстания стоял Мар-Зутра II, юный принц Плена, который, судя по тому факту, что легенда приукрасила его рождение и деяния замечательными подробностями, должен был быть выдающейся личностью.

Мар-Зутра, родившийся примерно в 496 году, был сыном Хуны, ученого принца Плена, который после смерти тирана Фируза был облечен достоинством экзилархата (488-508). На момент смерти своего отца Мар-Зутра был еще маленьким мальчиком. В период его совершеннолетия должность принца Плена занимал Пачда, муж его сестры, который, по-видимому, не был склонен уступать это звание законному наследнику. Дед Мар-Зутры, Мар-Чанина, вместе со своим внуком обратился ко двору персидского царя и в 511 году, предположительно с помощью ценных подарков, добился низложения Пачды и вступления Мар-Зутры в должность. Именно этот молодой принц поднялся с мечом в руке, чтобы защитить своих братьев. Говорят, что непосредственной причиной восстания стало убийство Мар-Исаака, президента одной из академий. Силы Мар-Зутры состояли из четырехсот еврейских воинов, с помощью которых ему, вероятно, удалось изгнать алчных и похотливых приверженцев Маздака с территории еврейской Вавилонии и противостоять этому бесстыдному нарушению самых священных прав. Далее говорят, что он совершил такие блестящие ратные подвиги, что войска, посланные королем для подавления восстания, не смогли противостоять ему. Говорят даже, что Мар-Зутра завоевал независимость для своего народа и обложил данью нееврейских жителей Вавилонии.

Мачуза, недалеко от Ктесифона, стала столицей небольшого еврейского государства, царем которого был принц Плена.

Независимость, завоеванная таким образом Мар-Зутра, длилась почти семь лет; в конце концов еврейская армия была разбита численно превосходящим персидским войском, а принц Плена был взят в плен. Он и его престарелый дед Мар-Чанина были казнены, а их тела прибиты гвоздями к кресту на мосту Мачуза (около 520 года). Жители этого города были лишены своего имущества и уведены в плен, и вполне вероятно, что это был не полный масштаб преследований. Члены семьи принца из Плена были вынуждены бежать. Они бежали в Иудею, прихватив с собой посмертного наследника Мар-Зутры, который также носил имя Мар-Зутра. Он получил образование в Иудее и там стал выдающимся ученым. Из-за преследований Кобада должность принца Плена в Вавилонии на некоторое время приостановилась. Талмудические академии были закрыты, поскольку законоучители подвергались преследованиям и были вынуждены скрываться. Двое из лидеров, Ахунай и Гиза, бежали, и последний поселился на реке Заб. Другие беглецы, вероятно, направили свои стопы в Палестину или Аравию. Месть Кобада за восстание, спровоцированное фанатизмом, нанесла серьезный удар по общественной жизни вавилонских евреев, которая была сосредоточена в двух академиях, в Соре и Пумбедите. Однако преследование, похоже, не распространилось на всю Персию, поскольку еврейские солдаты служили в персидской армии, сражавшейся против греческого полководца Велисария, и персидский военачальник питал к ним такое большое уважение, что попросил перемирия, чтобы они могли мирно отметить праздник Пасхи.

После смерти Кобада преследования вавилонских евреев прекратились. Его преемник, Хосров Нуширван, действительно, не был расположен к ним благосклонно и обложил их и христиан подушным налогом, от которого освобождались только дети и старики; однако этот налог не был признаком нетерпимости или ненависти, а просто средством пополнения императорской казны.

Как только был восстановлен мир, представители вавилонских евреев поспешили восстановить свои институты, вновь открыть академии и, так сказать, заново соединить разорванные звенья в цепи традиций. Беглый Гиза, скрывавшийся у реки Заб, был призван возглавить академию в Соре; сестринская академия в Пумбедите избрала Семуну своим главой. Третье имя этого периода было передано потомкам - Рабаи из Роба (недалеко от Нахардеи), положение и должность которого, однако, точно неизвестны. Эти люди вместе со своими единомышленниками и учениками посвятили всю свою деятельность Талмуду. Это был единственный объект внимания всех вдумчивых и благочестивых людей того периода; это удовлетворяло религиозное рвение, способствовало спокойствию ума, а также было средством приобретения славы и, таким образом, продвижения как духовных, так и мирских целей. Преследование Закона вызывало любовь и освящало его, а Талмуд был священным знаменем, вокруг которого сплотилась вся нация.

Но ученики последнего амораима утратили всякую творческую силу и были неспособны продолжать развитие Талмуда. Предмет и метод преподавания были определены настолько полно, что не поддавались расширению или амплификации. Застой в развитии талмуда был более заметен, чем когда-либо прежде. Президенты академий довольствовались тем, что придерживались древнего обычая собирать своих учеников в течение месяцев Адар (март) и Эллул (сентябрь), читая им лекции по традиционным знаниям и методологии Талмуда и

назначая им темы для частного изучения. В лучшем случае они урегулировали, в соответствии с определенными принципами, многие практические аспекты ритуала, гражданского права и брачного кодекса, которые до тех пор оставались неопределенными или относительно которых в академиях существовали разногласия. Их цель состояла в том, чтобы сделать исчерпывающий материал Талмуда, который дискуссии и противоречия лишили всякой определенности, доступным для практического использования. Чтобы предотвратить упадок религиозной жизни, было необходимо, чтобы прекратились все сомнения и неуверенность; судьи нуждались в твердых принципах, с помощью которых можно было бы решать переданные им дела, и все были неосведомлены об авторитетных предписаниях, с помощью которых можно было бы регулировать свое религиозное поведение. Установление окончательных правил религиозной и юридической практики после тщательного рассмотрения аргументов *за* и *против*, присвоило постамурайским учителям название сабурейцев (Saburai). После того, как были рассмотрены различные мнения (Sebora), именно они установили окончательный, действующий закон. Деятельность сабурейцев действительно началась сразу после завершения работы над Талмудом, и Гиза, Семуна и их единомышленники просто работали в том же направлении; их намерением было разработать практический кодекс, а не теорию Права. Они не присваивали себе право создавать тексты. Прежде всего, Гиза и Семуна, президенты академий, участвовали в работе по подготовке Талмуда к написанию. Они воспользовались частично устными преданиями, частично письменными заметками, сделанными разными людьми в качестве пособия для запоминания.

Поскольку все, что исходило от амораикских авторитетов, представлялось важным их преемникам, они собрали каждое высказывание, каждый анекдот, имевший хождение в ученых кругах, чтобы потомки не были лишены того, что они считали полнотой мудрости. Они внесли дополнения с целью пояснения неясных отрывков. В таком виде, отредактированном сабурейцами, современные общины и потомки получили Талмуд.

Эпоха сабурейцев была свидетелем зарождения искусства, без которого священные писания оставались запечатанной книгой, — введения системы гласных, с помощью которых текст Священного Писания становился понятным для неученых. Это искусство обязано своим происхождением слабому дуновению "научных исследований", доносившемуся из умирающей Греции. Юстиниан закрыл философские школы в Греции, и последние из ее мудрецов искали убежища в Персии. От них наука грамматики была передана сирийским христианам, которые, в свою очередь, пробудили в своих еврейских соседях дух соперничества в изучении Священных Писаний, и это привело к принятию точек на гласных и ударений.

Имена непосредственных преемников Гизы и Семуны не сохранились ни в хрониках, ни в предании; они были забыты во время преследований, которым вновь подверглись академии. В этом столетии магианство соперничало с христианством за пальму первенства в нетерпимости. Иудаизм был мерзостью для обоих, и священники этих двух религий, из которых одна проповедовала победу света, а другая - господство братской любви, использовали слабых королей в качестве инструментов ужасных преследований.

Сын Хосрова Нуширвана, Хормиздас (Ормуз) IV, был непохож на своего великого отца во всех отношениях. Говорят, что его наставник и советник Абузурдж-Михир, персидский сенека, изобрел игру в шахматы для этого слабого монарха, чтобы научить его зависимости короля от армии и народа. При жизни этого философа истинный характер Гормизда был скрыт, но сразу

же после его ухода на пенсию характер царя, подобный Нерону, вырвался наружу и перешел границы благоразумия и умеренности.

Ведомый волхвами, которые пытались остановить приближающийся распад своей религии, преследуя приверженцев других верований, он обрушил свой гнев на евреев и христиан своей империи. Талмудические академии в Соре и Пумбедите были закрыты, и, как и при Фирузе и Кобаде, многие преподаватели права снова эмигрировали (около 581 года). Они поселились в Фируз-Шабуре (недалеко от Нахардеи), который управлялся арабским вождем и, следовательно, был менее подвержен шпионажу. Они продолжили свой труд в Фируз-Шабуре, и в этом городе возникли новые академии, самой выдающейся из которых была академия Мари.

Жестокое правление Ормизда, однако, было недолгим; персы стали недовольными и непокорными, и политические враги Персии вторглись на ее территорию и овладели страной. Империя Сасанидов стала бы добычей какого-нибудь удачливого захватчика, если бы ее не спасли усилия храброго генерала Бахрама Чубина. Но когда глупый монарх зашел так далеко, что вознаградил освободителя своей страны неблагодарностью и отправил его в отставку, Бахрам восстал против недостойного царя, сверг его с престола и бросил в тюрьму, в которой он впоследствии был убит (589). Сначала, для видимости, Бахрам правил от имени принца Хосру, но вскоре он сбросил всякую маскировку и взошел на персидский трон. Евреи Персии и Вавилонии приветствовали Бахрама как своего освободителя. Он был для них тем же, чем император Юлиан был для евреев Римской империи двести лет назад; он положил конец их угнетению и содействовал их начинаниям. По этой причине они с великой преданностью поддерживали его дело, помогали ему деньгами и войсками и поддерживали его пошатнувшийся трон. Без помощи евреев, вероятно, ему было бы очень трудно удерживать его в течение какого-либо периода времени, поскольку после некоторых колебаний персидский народ обратился к Хосру, законному наследнику престола. Только армия по большей части оставалась верной Бахраму, и евреи, несомненно, обеспечивали содержание войск и жалование им. Повторное открытие академий в Соре и Пумбедите, несомненно, следует приписать благосклонности Бахрама в обмен на преданность персидских евреев. Чанан из Искии вернулся из Фируз-Шабура в Пумбедиту и восстановил древнюю академическую организацию; также вероятно, что академия Сора, которая пользовалась гораздо большей репутацией, в это время избрала президента, хотя его имя не упоминается в хрониках.

Правлению Бахрама внезапно пришел конец. Византийский император Маврикий, к которому бежал беглый принц Хосру, послал ему на помощь армию, с которой верные персы объединились, чтобы пойти войной на Бахрама. Евреи заплатили своими жизнями за свою приверженность узурпатору. При взятии Мачузы, города с большим еврейским населением, персидский генерал Мебодес казнил большую часть евреев. Вероятно, в других городах, в которые проникла победоносная армия Хосру, дела обстояли не лучше. Армия Бахрама была разбита, а сам он вынужден был искать убежища у гуннов. Хосру II по прозвищу Фируз взошел на трон своих предков. Этот принц, который был справедлив и гуманен одновременно, больше походил на своего деда Нуширвана, чем на Хормиздаса, своего отца; он не привлекал евреев к ответственности за их участие в восстании. На протяжении всего его долгого правления (590-628) обе академии непрерывно процветали. Чанана сменил Мари бар Мар, который основал академию в Фируз-Шабуре, а президентом Сора в тот же период был учитель с похожим именем Мар бар Хуна (609-620 гг.), во время правления которого судьбы евреев Палестины чередовались от победы к поражению. Преемниками этих учителей были Чанинаи в Пумбедите

и Чананья в Соре; они дожили до победоносного наступления арабов и конца персидского владычества. Последний из сасанидских царей, которых за короткий двенадцатилетний период сменилось десять, не имел досуга, чтобы посвятить его делам еврейского населения своей разрушенной империи; поэтому еврейская община в Вавилонии продолжала существовать в своем древнем порядке, во главе с князем Плена. В течение полувека, прошедшего между повторным открытием академий при Бахrame и арабским завоеванием Персии (589-640), три Реш-Галута упоминаются поименно: Кафнаи, Чанинаи и Бостанаи. Последнее из них относится к последующей эпохе, в которую при содействии благоприятных обстоятельств ему удалось снова наделить достоинство принца Плена значительной властью.

Положение евреев в Иудее в шестом веке было настолько ужасным, что последовало полное прекращение интеллектуальных поисков. Как и их единоверцы в Византийской империи, они не имели политического статуса; законы младшего Феодосия все еще действовали, и Юстин I применял их с повышенной суровостью. Евреи были отстранены от всех почетных должностей, и им было запрещено строить новые синагоги. Преемники этого императора, такие же ограниченные, как и он, и еще более жестокосердные, строго соблюдали антиеврейские законы. Дух, который воодушевлял правителей Восточной империи против евреев, проявляется в высказывании императора Зенона, исаврийского выскочки. В Антиохии, где, как и во всех крупных городах Византийской империи, существовали ипподромы (стадионы) и фракции двух цветов, синего и зеленого, одно из тех волнений, которые редко заканчивались без кровопролития, было спровоцировано последней партией. По этому случаю зеленые партизаны убили много евреев, бросили их тела в огонь и сожгли их синагоги. Когда императору Зенону сообщили об этом происшествии, он воскликнул, что единственная вина зеленых заключалась в том, что они сожгли только мертвых евреев, а не живых! Фанатичное население, деморализованное спорами духовенства и цветных фракций, увидело в ненависти своего правителя к евреям молчаливое приглашение выместить на них свой гнев. Жители Антиохии всегда враждебно относились к евреям. Поэтому, когда печально известный константинопольский возничий по имени Каллиопа приехал в Антиохию и, присоединившись к партии зеленых, вызвал бунт, евреи снова ощутили жестокое варварство этой фракции. Его сторонники отправились в Дафну, недалеко от Антиохии, чтобы отпраздновать какой-то праздник, и там, без какой-либо достаточной причины, они разрушили синагогу и ее святилища и зверски убили верующих (507).

Между тем, какая часть земли их отцов все еще оставалась в руках евреев? Христианство сделало себя хозяином Иудеи и стало наследником иудаизма. На Святой земле возникали церкви и монастыри, но ее бывшие хозяева подвергались всевозможным преследованиям всякий раз, когда пытались отремонтировать полуразрушенную синагогу. Епископы, аббаты и монахи правили Палестиной и превратили ее в театр догматических споров о простой или двойственной природе Христа. Иерусалим перестал быть центром для евреев; он стал полностью христианским городом, резиденцией архиепископа, недоступным для своих собственных сыновей. Закон, запрещающий евреям входить в Святой Город, который был возрожден Константином, после смерти Юлиана был самым строгим образом соблюден властями. Тверия, величественный город на берегу озера, единственный сохранил свой академический статус, и под председательством Мар-Зутры III и его потомков он стал центром власти для евреев других стран. Даже иудейский царь Аравии добровольно подчинился увещаниям, обращенным к нему из Тивериады. Но христианство утвердилось даже там, и Тверия также была резиденцией епископства. Горные города Галилеи были населены евреями,

которые, вероятно, занимались теми же занятиями, что и их предки, а именно земледелием и выращиванием оливок.

Назарет, колыбель христианства, где можно было найти самых красивых женщин во всей Палестине, по-видимому, был в основном населен евреями, поскольку он не был возведен в ранг епископства. В Скифополе (Вифсане), который стал столицей Палестины Второй в этом столетии, и Неаполе (Сихеме), столице самаритян с тех пор, как Самария стала христианской, проживали евреи. Но во всех этих городах, за исключением Назарета, евреи, по-видимому, были в меньшинстве, незначительном по сравнению с числом христиан.

Вероятно, среди евреев Палестины существовала система образования, но она, должно быть, была неадекватной и неважной, поскольку, за исключением Мар-Зутры, неизвестны даже имена учителей. До времен Юстиниана евреи Палестины и Византийской империи, каковы бы ни были их гражданские недостатки, пользовались полной религиозной свободой; императоры не вмешивались в сердечные дела. Юстиниан был императором, который, помимо введения более строгих гражданских ограничений, первым вмешался в дела совести. Именно он обнародовал позорный закон, согласно которому свидетелям-евреям не разрешалось давать показания против христиан и что они должны были считаться компетентными свидетелями только в своих собственных делах (532). По сравнению с самаритянами евреи были привилегированным классом, поскольку свидетельства первых не имели никакой силы, и им даже не разрешалось распоряжаться своим имуществом по завещанию. Это был акт мести самаритянам, которые несколько раз поднимали восстания против императорской власти и однажды установили царя в лице Хулиана бен Сабара (около 530 года). Поскольку евреи не принимали участия в этом восстании, им в определенной степени оказали поддержку. Однако тем временем Юстиниан также опубликовал антиеврейский закон. Хотя иудеи и самаряне, как и все еретики, были лишены почетных должностей, по закону они были обязаны принять на себя обременительную и дорогостоящую декурионату (должность судьи), не имея, однако, права пользоваться прилагаемыми к ней привилегиями, а именно освобождением от изгнания и порки. "Они понесут ярмо, хотя и вздыхают под ним; но они будут признаны недостойными всякой чести" (537).

Юстиниан был одним из тех правителей, которые, несмотря на ограниченность ума и порочность, имеют свое собственное мнение по религиозным вопросам и желают отстаивать его, не заботясь о душевном спокойствии своих подданных. Юстиниан хотел осуществить свои взгляды относительно христианского празднования Пасхи, и поэтому он запретил евреям праздновать Пасху до христианской Пасхи. Губернаторы провинций получили строгий приказ обеспечить соблюдение этого запрета. Таким образом, всякий раз, когда еврейский праздник Пасхи предшествовал христианской Пасхе, за год до високосного года евреи несли большие штрафы за проведение богослужения и употребление в пищу пресного хлеба (около 540 г.).

Другие вторжения Юстиниана были совершены на территорию религиозных дел. Еврейская община, вероятно, в Константинополе или Кесарии, в течение некоторого времени была разделена сама против себя. Одна партия хотела, чтобы за чтением отрывков из Пятикнижия и Пророков следовал перевод на греческий язык в интересах неграмотных и женщин. С другой стороны, благочестивые прихожане, особенно законоучители, испытывали отвращение к использованию языка своих мучителей и Церкви в богослужении, вероятно, также на том основании, что не оставалось времени для изложения Агадических текстов. Спор стал

настолько ожесточенным, что греческая сторона передала дело императору и обратилась к нему как к судье в последней инстанции. Юстиниан, конечно, вынес решение в пользу греческого перевода и рекомендовал евреям использовать Септуагинту или перевод Аквилы в их богослужении. Он также приказал, чтобы во всех провинциях его империи уроки из Священного Писания были переведены на народный язык. Пока Юстиниан был прав. Верно, что он также запретил, под угрозой телесного наказания, отлучение от церкви греческой партии или партии новаторов теми, кто придерживался старой литургической системы; но даже это можно рассматривать как акт справедливости, поскольку император желал гарантировать свободу в вопросах, связанных с литургией. Но другой пункт того же рескрипта безошибочно доказывает, что в этом вопросе он руководствовался исключительно интересами Церкви, пребывая при этом в заблуждении, что использование греческого перевода в синагогальных службах, особенно Септуагинты, христианской по окраске, привлечет евреев к христианской вере. Он постановил, что все еврейские общины Византийской империи, естественно, включая те, которые не проявляли желания в этом направлении, должны использовать греческий или латинский перевод уроков для каждой субботы, и запретил использование агадического изложения, которое было обычным до тех пор. Юстиниан желал подавить национальные представления о Священном Писании в пользу перевода, который был изменен во многих местах в соответствии с целями христианства.

Вероятно, именно Юстиниан запретил повторение исповедания веры "Слушай, о Израиль, Господь един" в синагогах, потому что это казалось протестом против учения о Троице. Он также запретил молитву "Свят, свят, свят", потому что евреи добавили арамейское предложение в качестве объяснения, чтобы эта молитва не могла быть воспринята как подтверждение Троицы, как считали христиане. Наконец, он запретил читать пророка Исаяю в субботу, чтобы евреи были лишены этого источника утешения в своих нынешних горестях и надежды на будущее счастье.

Служба в синагоге должна была стать средством обращения евреев, и дух иудаизма, проявляющийся в агадических разъяснениях и проповедях, должен был уступить место христианским доктринам, путь к которым должен был быть проложен методом толкования, показывающим, что Христос был прообразом в Ветхом Завете. Таким образом, представляется, что деспотичный Юстиниан ни в коем случае не собирался предоставлять синагоге какие-либо свободы, но, напротив, желал ввести своего рода ограничения. Он был очень ревностен в требовании выполнения этого указа и приказал своему министру Ареобинду довести указ о переводе уроков, читаемых в синагоге, до сведения всех должностных лиц провинций и обязать их строго следить за его неукоснительным исполнением (13 февраля 553 г.).

Однако за этим злонамеренным указом не последовало серьезных последствий; потребность в переводе Библии не была достаточно острой среди евреев, чтобы заставить их воспользоваться им. Сторона, желавшая ввести перевод, находилась в изоляции, и было нетрудно проводить богослужение обычным образом и ускользнуть от внимания властей в тех случаях, когда прихожане пребывали в мире. Проповедники продолжали использовать Агаду, даже вводя в свои проповеди скрытые нападки на антиеврейскую Византию. ""Неисчислимы ползучие твари" (Псалом *civ*) означает бесчисленные указы, которые Римская империя (Византия) издает против нас; "малые и великие звери" - это герцоги, губернаторы и военачальники; всякий, кто из евреев связывает себя с ними, станет объектом презрения". "Как стрела не воспринимается до тех пор, пока не пронзит сердце, так и с указами Исава (Византия). Его стрелы приходят внезапно и не

ощущаются до тех пор, пока не будет произнесено слово о смерти или тюремном заключении. Их писания - "стрела, летящая днем". "В таком духе проповедовали законоучители в Иудее.

У евреев Палестины было мало причин быть довольными правлением Юстиниана, которое вдвойне угнетало их своими грабительскими налогами и религиозным лицемерием. Стефан, губернатор примы Палестины, несомненно, ничем не лучше большинства чиновников времен Юстиниана, способствовал раздражению евреев, которые его люто ненавидели. Однако прошло то время, когда евреи могли в гневе сбросить с себя тягостное ярмо и поднять оружие против своих угнетателей. Самаритяне, испытывавшие трудности со времен императора Зенона, были более страстными и отважными, но их многочисленные восстания привели к тому, что для них выковали новые цепи, особенно со времен их недолговечного царя Юлиана, когда они так безжалостно истребляли своих ненавистных врагов, христиан. Их принуждали с еще большей строгостью, чем евреев, принять христианство, и все, кто отказывался подчиниться, лишались права распоряжаться своим имуществом. Хотя Сергей, епископ Кесарийский, заявил, что упрямство самаритян уменьшилось и что они принимают христианство со все возрастающей искренностью, и хотя ему удалось убедить Юстиниана смягчить суровые законы, которые были приняты против них, они, тем не менее, скрывали в своих сердцах глубочайшую ненависть к своим мучителям.

По случаю гонок на колесницах в Кесарии, столице, где ревность цветных фракций друг к другу никогда не позволяла мероприятию такого рода пройти без беспорядков, самаритяне отбросили всякую сдержанность и напали на христиан. Еврейская молодежь объединилась с ними, и вместе они вырезали своих христианских противников в Кесарии и разрушили их церкви. Стефан, наместник, поспешил на помощь христианам, но самаритяне так сильно наседали на него и его военный эскорт, что он был вынужден укрыться в своей официальной резиденции. В конце концов они убили его в его собственном доме и посеяли ужас по всему городу и окрестностям (июль 556 г.). Самаритяне, вероятно, рассчитывали на поддержку одного из своих соотечественников по имени Арсений, всесильного фаворита императрицы Феодоры, выполнение секретных поручений которого ему было поручено. Вдова Стефана поспешила в Константинополь, чтобы сообщить императору об этих беспорядках и смерти своего мужа, после чего Юстиниан приказал Амантию, восточному губернатору, проживавшему в Антиохии, вмешаться с вооруженными силами.

Амантию было легко выполнить этот приказ, поскольку движение не было серьезным, но мало кто из самаритян и евреев Палестины был вовлечен в него. Наказание назначалось только виновным, но соответствовало духу времени и состояло из обезглавливания, повешения, потери правой руки и конфискации имущества.

Преемник Юстиниана, Юстин Младший, по-видимому, не внес никаких изменений в антиеврейские законы. Хотя он возобновил репрессивные постановления своего предшественника против самаритян, которых он лишил права распоряжаться своим имуществом по завещанию или по делу, нет ни одного его эдикта, который наносил бы ущерб евреям. При двух выдающихся императорах, Тиберии и Маврикии, евреи вообще не упоминаются. Только после восшествия на престол узурпатора Фоки, возобновившего времена Калигулы и Коммода, происходят беспорядки, в ходе которых евреи были вовлечены в акт жестокого насилия, что доказывает, что произвол чиновников и высокомерие духовенства, должно быть, причинили им невыносимые страдания.

В Антиохии ненависть между евреями и христианами существовала веками и усиливалась из-за постоянных трений. Внезапно евреи напали на своих соседей-христиан, возможно, на скачках в цирке, и отомстили за нанесенные им увечья; они убивали всех, кто попадался им под руку, и бросали их тела в огонь, как христиане поступили с ними столетием раньше. Патриарх Анастасий по прозвищу Синаит, объект особой ненависти, подвергся их позорному надругательству, и его тело протащили по улицам, прежде чем он был предан смерти. Когда весть об этом восстании достигла Фоки, он назначил Боноса губернатором Востока, а Котиса - командующим войсками и поручил им привлечь мятежников к ответственности. Но евреи Антиохии сражались так храбро, что римская армия не могла получить над ними никакого преимущества. Только когда кампания была возобновлена многочисленными войсками, собранными из соседней страны, они уступили римским полководцам, которые убили часть из них, искалечили других, а остальных отправили в изгнание (сентябрь и октябрь 608 г.).

Злодеяния императора Фоки предоставили евреям неожиданную возможность дать выход своему глубокому негодованию. Он лишил собственности своего предшественника Маврикия, и это спровоцировало персидского царя Хосру II, зятя последнего, напасть на римские владения на Востоке. Персидское войско наводнило Малую Азию и Сирию, несмотря на то, что Ираклий, новоизбранный император, прислал персидскому царю известие о заслуженном наказании Фоки и умолял о мире.

Подразделение персидской армии под командованием генерала Шарбарзы спустилось с ливанских высот, чтобы вырвать Палестину из-под византийского скипетра. Услышав о слабости христианского оружия и о продвижении персидских войск, евреи Палестины почувствовали яростное желание сражаться. Им казалось, что настал час отомстить их двоякому врагу, римлянину и христианину, за унижения, которые они терпели веками. Тверия была очагом этого воинственного движения, и оно было начато человеком по имени Вениамин, обладавшим огромным состоянием, которое он использовал для вербовки и вооружения еврейских войск. Ко всем евреям Палестины был обращен призыв собраться и присоединиться к персидской армии, и он встретил готовый отклик. Крепкие еврейские жители Тверии, Назарета и горных городов Галилеи стекались под персидские знамена. Охваченные яростью, они не пощадили ни христиан, ни их церкви в Тверии и, вероятно, положили конец епископству. Вместе с армией Шарбарзы они двинулись на Иерусалим, чтобы отвоевать Святой город у христиан. Евреи южной Палестины присоединились к своим соотечественникам, и с помощью евреев и отряда сарацин персидский полководец взял Иерусалим штурмом (июль 614 года). Говорят, что в Иерусалиме погибло девяносто тысяч христиан; но история о том, что евреи выкупили пленных христиан у персов и хладнокровно убили их, является чистым вымыслом.

Однако в своей ярости евреи безжалостно разрушали христианские святыни. Все церкви и монастыри были сожжены, и евреи, несомненно, сыграли в этом большую роль, чем персы. Разве Иерусалим — исконное владение евреев — не был отнят у них насилем и предательством? Разве они не чувствовали, что Святой Город был столь же отвратительно осквернен поклонением кресту и костям мучеников, как и идолопоклонством Антиоха Епифана и Адриана? Евреи, по-видимому, тешили себя надеждой, что персы предоставят им Иерусалим и прилегающую территорию для создания государства.

Вместе с персами евреи пронесли по Палестине, разрушили монастыри, которыми изобиловала страна, и изгнали или убили монахов. Отряд евреев из Иерусалима, Тверии,

Галилеи, Дамаска и даже Кипра предпринял вторжение в Тир, получив приглашение от четырех тысяч еврейских жителей этого города напасть на христиан в пасхальную ночь и истребить их. Говорят, что еврейское войско состояло из 20 000 человек. Однако экспедиция провалилась, поскольку христиане Тира были проинформированы о надвигающейся опасности. Они предвосхитили своих врагов, схватив своих еврейских сограждан и бросив их в тюрьму; затем они дождались прибытия еврейских войск, которые обнаружили ворота закрытыми и укрепленными. Вторгшиеся евреи отомстили за себя, разрушив церкви вокруг Тира. Однако всякий раз, как христиане Тира слышали о разрушении церкви, они убивали сотню своих еврейских пленников и сбрасывали их головы со стен. Таким образом, как говорят, 2000 из последних встретили свою смерть. Осаждающие, обескураженные смертью своих братьев, отступили, и их преследовали тирийцы.

Палестинские евреи были избавлены от вида своих врагов примерно на четырнадцать лет, и непосредственный результат этих войн наполнил их радостью. Несомненно, многие христиане обратились из-за страха или потому, что они отчаялись в продолжении христианства. Обращение монаха, который по собственной воле принял иудаизм, было большим триумфом для евреев. Этот монах провел много лет в монастыре на горе Синай, совершая покаяние и читая литании. Внезапно на него напали сомнения относительно истинности христианства. Он утверждал, что к этой перемене его привели яркие сны, которые показывали ему, с одной стороны, Христа, апостолов и мучеников, окутанных мрачной тьмой, в то время как с другой стороны были Моисей, пророки и святые мужи иудаизма, залитые светом. Устав от этой внутренней борьбы, он спустился с горы Синай, пересек пустыню в Палестине и, наконец, отправился в Тверию, где заявил о своей твердой решимости принять иудаизм. Он предложил себя для обрезания, принял имя Авраам, женился на еврейке и с тех пор стал ревностным защитником иудаизма и ярым противником своей прежней религии.

Между тем надежды, которые евреи возлагали на персидских завоевателей, не оправдались. Персы не передали им город Иерусалим и ничего не сделали для создания свободного еврейского государства, кроме того, они, вероятно, притесняли евреев налогами. Таким образом, между союзниками возникли большие разногласия, которые закончились тем, что персидский генерал захватил многих евреев Палестины и изгнал их в Персию. Это только усилило недовольство евреев и побудило их изменить свое мнение и больше склоняться к императору Ираклию. Этот принц, претерпевший редкую трансформацию, благодаря которой тупой трус за ночь превращается в восторженного героя, стремился примирить своих врагов-евреев, чтобы использовать их против своего главного противника. Поэтому он заключил официальный союз с евреями, переговоры о котором, вероятно, вел Вениамин Тивериадский. Этот договор обеспечил им иммунитет от наказания за ущерб, который они нанесли христианам, и предоставил им другие преимущества, которые до нас не дошли (около 627 г.).

Победы Ираклия вкупе с неспособностью Хосру и восстанием, которое Сироес, сын последнего, поднял против своего отца, вернули греческому императору все те провинции, которые были на грани того, чтобы навсегда стать персидскими сатрапиями. После заключения мира между Ираклием и Сироесом, который сверг с престола и убил своего престарелого отца, персы покинули Иудею, и страна снова попала под власть Византии (628). Осенью того же года император с триумфом проследовал в Иерусалим. По пути он заехал в Тверию, где его гостеприимно принял Вениамин, который также снабжал византийскую армию средствами к

существованию. В ходе беседы император спросил его, почему он проявил такую ненависть к христианам, на что Вениамин простодушно ответил: "Потому что они враги моей религии".

Когда Ираклий вступил в Святой Город, он был встречен яростным требованием монахов и патриарха Модеста об истреблении всех евреев Палестины, одновременно в качестве мести за их прошлое обращение с христианами и гарантии от повторения бесчинств, если произойдут подобные вторжения. Однако император возразил, что он торжественно и в письменной форме пообещал евреям неприкосновенность от наказания, и нарушение этого обещания сделало бы его грешником перед Богом и предателем перед людьми. Фанатичные монахи ответили, что убийство евреев отнюдь не является преступлением, напротив, это приношение, приемлемое для Бога. Они предложили взять всю ответственность за грех на свои собственные плечи и назначить специальную неделю поста в качестве искупления. Этот аргумент убедил фанатичного императора и успокоил его совесть; он начал преследование евреев по всей Палестине и вырезал всех, кому не удалось укрыться в горах или бежать в Египет.

В Египте все еще существовали еврейские общины, даже в самой Александрии, откуда евреи были изгнаны фанатиком Кириллом в начале пятого века. Некий александрийский еврей по имени Урбиб, известный своим богатством и щедростью, во время страшного голода милосердно кормил нуждающихся без различия вероисповедания. Александрийские евреи, движимые теплым сочувствием к своим страдающим единоверцам, по-братски приветствовали несчастных беглецов из Иудеи, жертв монашеского фанатизма. Ираклий воспользовался этим случаем, чтобы возобновить эдикты Адриана и Константина, по которым евреям запрещался вход в Иерусалим или его окрестности (628).

ГЛАВА II. ЕВРЕИ В ЕВРОПЕ.

Рост евреев в Европе—Общины в Константинополе и Италии—Теодорих—Исидор Севильский—Папа Григорий I.—Евреи Франции—Хильперик и Дагоберт—Авитус—Евреи в Испании—Разногласия между евреями и христианами.

510-640 гг. н. э.

У евреев Европы не было истории в собственном смысле этого слова, пока удачное стечение обстоятельств не позволило им развить свои способности и произвести определенные работы, благодаря которым они вырвали превосходство у своих братьев на Востоке. До тех пор существуют только хроники мученичества от рук победоносной Церкви, монотонно повторяющиеся с небольшими вариациями во всех странах. "Рассеянные по всему миру, - говорит знаменитый автор того периода, - евреи, хотя и находятся под римским игом, тем не менее живут в соответствии со своими собственными законами". Единственный интересный момент - это то, каким образом евреи поселились в европейских государствах и жили без помех, в дружеских отношениях со своими соседями, пока христианство постепенно не охватило их и не лишило самого дыхания жизни. В Византийской империи, в Остготской Италии, во франкской и Бургундской Галлии, в Вестготской Испании - везде мы сталкиваемся с одними и теми же явлениями. Народ, даже бароны и князья, был совершенно свободен от нетерпимости,

не испытывал антипатии к евреям и общался с ними без предубеждения; однако высшему духовенству процветание и комфорт евреев казались унижением христианства. Они желали исполнения проклятия, которое, как говорят, основатель христианства наложил на еврейский народ, и каждая антиеврейская, ограниченная мысль, высказанная против них отцами Церкви, должна была быть буквально исполнена, отравив их жизнь. На соборах и синодах еврейский вопрос занимал делегатов от духовенства столь же полно, как и догматические споры и преобладающая безнравственность, которая постоянно набирала силу среди духовенства и мирян, несмотря на церковную строгость и возросшую строгость в соблюдении обрядов, или, возможно, вследствие этого.

Примечательно, однако, что римские епископы, признанные поборники христианства, относились к евреям с предельной терпимостью и либеральностью. Те, кто занял папский престол, защищали евреев и призывали духовенство и князей не применять силу для обращения их в христианство. Такая щедрость на самом деле была непоследовательной, поскольку Церковь, следуя линии развития, предписанной Ниццким собором, должна была быть исключительной, а следовательно, жестокосердной и подверженной гонениям. Он мог только сказать еврею, самарянину и еретiku: "Верь, как я, или умри", а меч восполнял недостаток аргументов. Но кто бы не предпочел благожелательную непоследовательность Григория Святого ужасной последовательности кровожадных королей Сисебута и Дагоберта, которые с церковной точки зрения были большими католиками, чем папа? Но терпимость даже самого либерального из епископов не имела большого значения. Они просто воздерживались от обращения в свою веру посредством угроз изгнания или смерти, потому что были убеждены, что таким образом Церковь будет населена лжехристианами, которые проклянут ее в глубине своих сердец. Но они без колебаний заковывали евреев в кандалы и преследовали их, ставя их рядом с крепостными на общественной лестнице. Этот курс казался абсолютно справедливым и благочестивым почти всем представителям христианства в течение веков варварства. Однако те народы, которые были крещены в арианском вероучении, проявляли меньшую нетерпимость к евреям. Чем больше арианство вытеснялось из Европы и чем больше оно уступало католической религии, тем больше евреев преследовало прозелитическое рвение. Их доблестное сопротивление постоянно вызывало новые нападения. Поэтому их героическое постоянство перед лицом постоянной деградации является благородной чертой, которую история не должна скрывать. В те неграмотные времена евреи не были лишены всех знаний. Они, безусловно, были лучше знакомы с летописями своей религии, чем низшее духовенство, поскольку последние не были способны читать свой молитвенник.

Наш обзор расселения евреев в Европе начинается на нашем пути из Азии с Византийской империи. Они жили в ее городах до того, как христианство начало завоевывать мир. В Константинополе еврейская община проживала в отдельном квартале, называемом медный рынок, где также находилась большая синагога, из которой они, однако, были изгнаны одним из императоров, Феодосием II или Юстином II, и синагога была преобразована в "Церковь Божьей Матери".

Священные сосуды из разрушенного Храма, после того как их перевозили с места на место, наконец были доставлены в Карфаген, где они оставались почти столетие. Евреи византийской столицы с болью наблюдали за тем, как Велисарий, завоеватель империи вандалов, перевез их в Константинополь. Еврейские трофеи были с триумфом выставлены на всеобщее обозрение вместе с Гелимом, принцем вандалов и внуком Гензериха, и сокровищами этого несчастного

монарха. Некий еврей, преисполнившись глубокой скорби при виде живых памятников былого величия Иудеи в руках ее врагов, заметил придворному, что нецелесообразно хранить их в императорском дворце, поскольку они могут принести несчастье в своей свите. Они принесли несчастье Риму, который был разграблен Гензерихом, и они же навлекли несчастья на его преемника Гелимера и его столицу. Поэтому было бы лучше перевезти эти святые реликвии в Иерусалим, где они были созданы царем Соломоном. Как только императору Юстиниану сообщили об этом наблюдении, его суеверный ум начал опасаться последствий, и он, соответственно, в спешке перевез храмовые сосуды в Иерусалим, где они были переданы на хранение в церковь.

В Греции, Македонии и Иллирии евреи были поселены с давних пор, и хотя христианские императоры преследовали их и подвергали значительным ограничениям, они, тем не менее, предоставили им автономию в общинных делах и применение их собственной системы юриспруденции в гражданских исках. В каждой общине был еврейский надзиратель (эфорос), который контролировал рыночные цены, веса и меры. Известно, что в Италии евреи проживали еще во времена Республики и пользовались всеми политическими правами до тех пор, пока они не были ограничены христианскими императорами. Вероятно, они с простительным удовольствием смотрели на падение Рима и ликовали, видя, как правящий город мира становится добычей варваров и посмешищем всего мира, и чувствовали, что плач по Иерусалиму можно буквально применить и к Риму: "Она, которая была великой среди народов и царевной среди провинций, как она стала данницей?" После Гепидов и герулов, которыми Рим был временно поработщен, пришли готы, которые предали имя Рима забвению, основав остготскую империю под руководством Теодориха (Диотериха) из дома Амали.

Евреям также пришлось понести долю бедствий, которые дикие полчища варварских племен обрушили на римский мир. С принятием христианства германские и славянские орды также научились нетерпимости у римлян, своих учителей, и в их грубых умах она приняла еще более ненавистные формы. Еврейским проповедникам того времени приходилось жаловаться на новых врагов. "Посмотри, Господи, сколько у меня врагов! "Если Исав (Рим) ненавидит Иакова, - так выражались сторонники Агады, - то у него есть по крайней мере какие-то веские основания, поскольку его лишили права первородства; но что Израиль сделал варварам и готам?" Но чего варвары могли лишиться евреев? Они давно утратили свою политическую независимость, и их духовное состояние было надежно защищено от разрушения. Однако варвары отняли у Рима его корону и облекли в одежду раба.

Рим не оставался политическим центром Италии, Равенна, чередуясь с Вероной, была резиденцией остготских императоров. В этих городах, а также в Риме, Милане и Генуе в тот период существовали еврейские общины. Евреи также были хорошо представлены в Нижней Италии, особенно в прекрасном городе Неаполе, в Палермо, Мессине и Агридженте, на острове Сицилия и на Сардинии. В Палермо жили еврейские семьи древней знати, носившие фамилию Насас (Nassi). Законами, регулирующими жизнь итальянских евреев, были указы Феодосия, которые предоставляли им автономию в управлении внутренними делами своих общин, но запрещали строительство новых синагог, занятие судебных должностей и воинских званий, а также владение рабами-христианами. Последний пункт часто приводил к трениям между духовенством и евреями. Неоднократные вторжения варварских племен и многочисленные войны увеличили число пленных, и евреи вели оживленную торговлю рабами, хотя они были не единственными работоторговцами. Обезлюдившие города и опустошенные поля сделали рынок

рабов необходимостью. Таким образом, были получены рабочие для сельского хозяйства и повседневных дел. Еврейские рабовладельцы практиковали обращение своих рабов в иудаизм, отчасти потому, что существовало талмудическое постановление, предписывающее им либо подвергнуться обрезанию, либо, в случае сопротивления, быть проданными снова, а отчасти для того, чтобы присутствие посторонних элементов в доме не препятствовало исполнению религиозных обязанностей. Сами рабы предпочитали оставаться со своими еврейскими хозяевами, которые, за редким исключением, обращались с ними гуманно, считали их членами семьи и разделяли их радости и горести.

Хотя ограничения Феодосийского кодекса имели силу закона, можно усомниться в том, были ли они действительно приведены в действие. Епископы апостольского престола, научившиеся политической проницательности у римских государственных деятелей, были слишком благоразумны, чтобы быть фанатиками. У папы Геласия был друг, еврей из Телесины, носивший титул "самого прославленного" (clarissimus), и по его заступничеству его родственник Антонин был тепло рекомендован папой епископу Секундину. Когда против еврея по имени Базилиус было выдвинуто обвинение в продаже рабов-христиан из Галлии, он заявил, что продавал только рабов-язычников и что было невозможно предотвратить включение нескольких христиан в число других рабов; это оправдание было принято папой Геласием.

Когда Италия стала остготской при Теодорихе, евреи этой страны оказались в особом положении. Вспышки вражды были нередки в это царствование, но в сущности они были направлены не против евреев, а против этого ненавистного арианского монарха. Теодорих, хотя и был арианином, отнюдь не был благосклонно расположен к евреям, обращения которых он желал. Однажды он поручил своему советнику и министру Кассиодору написать миланской общине следующее: "Почему ты ищешь временного покоя, о Иуда, когда из-за своего упрямства ты не можешь обрести вечный покой?" Евреи Генуи попросили разрешения отремонтировать свою синагогу получше, и Теодорих послал им следующий ответ: "Почему вы желаете того, чего должны избегать? Мы действительно даем вам разрешение, о котором вы просите, но мы осуждаем ваше желание, которое запятнано ошибкой. Однако мы не можем повелевать религией или принуждать кого-либо верить вопреки своей совести ". Он не разрешал евреям ни возводить новые синагоги, ни украшать старые, а просто позволял им ремонтировать те, которые приходили в упадок.

Правитель остготов ревностно относился к сохранению внутреннего мира и соблюдению законов, и, соответственно, он был справедлив к евреям всякий раз, когда им причинялся какой-либо незаслуженный вред. Католики питали тайную ненависть к арианам и с глубочайшим негодованием видели арианство на троне, в то время как католическую церковь просто великодушно терпели: они хватались за любую возможность помешать Теодориху, когда это можно было сделать безнаказанно. Однажды, когда несколько рабов восстали против своих еврейских хозяев в Риме, собралась толпа, сожгла синагогу, жестоко обращалась с евреями и разграбила их имущество, чтобы высмеять эдикты Теодориха. Теодорих, узнав об этом, горько упрекнул римский сенат, который теперь был всего лишь тенью самого себя, за допущение подобного проступка, и повелительно поручил ему найти виновных и обязать их возместить причиненный ими ущерб. Поскольку руководители бунта так и не были обнаружены, Теодорих

обязал римскую коммуну выплатить компенсацию. Эта суровость настроила против него всю католическую церковь.

Итальянским евреям того периода следует отдать должное за то, что, несмотря на общее ухудшение положения и деморализацию, политическая и церковная литература того времени не вменяет им никаких других преступлений, кроме упрямства и неверия. Их религия защищала их от господствующего зла. Кассиодор, ставший монахом после того, как сложил с себя все свои саны, сочинил среди других произведений гомилетическое изложение Псалмов, в котором он часто ссылается на евреев, обращаясь к ним с апострофией и пытаясь обратить их в свою веру. Характерно для этого периода, что Кассиодор, который, помимо Боэция, был единственной знаменитостью шестого века, обладавшей определенной философской культурой, называл евреев самыми позорными именами. Было бы легко составить словарь бранных слов из его сочинений; он называл их "скорпионами и львами", "дикими ослами", "собаками и единорогами".

Несмотря на антипатию лидеров общественного мнения, евреи Италии были счастливы по сравнению со своими собратьями в византийской империи. Преемники Теодориха, его прекрасная и образованная дочь Амаласунта и ее муж и убийца Теодатус, слабак с философскими претензиями, следовали его принципам. Евреи поддерживали царя Теодата с непоколебимой преданностью, даже когда он сам потерял всякую надежду. Евреи Неаполя рисковали своими жизнями, чтобы не попасть под кару Юстиниана. Велизарий, завоеватель империи Вандалов, увенчанный лаврами герой, дрогнул перед гневом Юстиниана и позволил использовать себя в качестве слепого орудия тирании последнего; он уже подчинил всю Сицилию и южную оконечность итальянского полуострова и теперь быстро приближался к Неаполю, самому большому и красивому городу Нижней Италии. Когда он призвал жителей сдаваться, неаполитанцы разделились на две фракции. Но даже военная партия не была расположена жертвовать собой ради остготов, которых ненавидели в Италии. Только евреи и два юриста, пастор и Асклепиадот, прославившиеся благодаря влиянию остготских королей, выступали против сдачи города византийскому военачальнику. Евреи, которые были богаты и патриотичны, пожертвовали своими жизнями и состоянием для защиты города. Чтобы развеять опасения по поводу нехватки провизии, они пообещали снабдить Неаполь всем необходимым во время осады. Евреи без посторонней помощи защищали ту часть города, которая была ближе всего к морю, и сражались с такой храбростью, что враг не осмеливался направлять свои атаки против этого квартала. Современный историк (Прокопий) воздвиг великолепный памятник героической храбрости неаполитанских евреев.

Проникнув однажды ночью с помощью предательства в город, враг почти овладел им (536), но евреи с мужеством львов все еще продолжали борьбу. Только на рассвете, когда враг превзошел их численностью и многие из их соратников были убиты, евреи покинули свои посты. О том, как вели себя выжившие еврейские бойцы, не сообщается — уж точно не лучше, чем об их союзниках Асклепиадоте и Пасторе, которые пали жертвами ярости народа. Теперь произошло то, чего итальянские евреи ожидали с ужасом: они попали под власть императора Юстиниана, чьи антиеврейские идеи ставят его в один ряд с Адрианом, Константином и Фирузом. Италия, владычица мира, опустилась до ранга провинции (экзархата) Византийской империи, и евреи Италии трепетали перед экзархом Равенны.

Однако такая ситуация продолжалась недолго. Преемники Юстиниана были вынуждены навсегда оставить большую часть Италии могущественным и неотесанным лангобардам (589), которые, наполовину язычники, наполовину ариане, почти не беспокоились о евреях. Во всяком случае, в лангобардском кодексе нет никаких исключительных законов для евреев. Даже когда лангобарды приняли католическую веру, положение евреев в Италии оставалось терпимым. Главы католической церкви, папы римские, были свободны от крайней нетерпимости. Григорий I (590-604), прозванный Великим и Святым, заложивший основы могущества католицизма, провозгласил принцип, согласно которому евреев следует обращать только посредством мягкого убеждения, а не насилия. Он добросовестно поддерживал их права римского гражданства, которые признавались различными императорами. На территории, находившейся под властью папы в Риме, Нижней Италии, Сицилии и Сардинии, он непоколебимо придерживался этого курса перед лицом фанатичных епископов, которые считали угнетение евреев благочестивым делом. Его пастырские послания полны искренних увещаний, таких как следующее: "Мы запрещаем вам приставать к евреям или накладывать на них ограничения, не налагаемые установленными законами; мы также разрешаем им жить как римлянам и распоряжаться своим имуществом по своему усмотрению; мы запрещаем им только владеть рабами-христианами".

Но как ни сильно Григорий ненавидел насильственное обращение евреев, он приложил все усилия, чтобы завоевать их для Церкви другими средствами. Он, не колеблясь, воззвал к алчности и передал часть земельного налога тем еврейским фермерам и крестьянам, которые приняли христианство. На самом деле он не обманывал себя верой в то, что обращенные, полученные таким образом, были верными христианами; однако он рассчитывал на их потомков. "Если мы не завоюем их расположение, - писал он, - то, по крайней мере, завоюем их детей". Услышав, что еврей по имени Насас воздвиг алтарь Илии (вероятно, синагога, известная под этим названием) на острове Сицилия, и что христиане собрались там, чтобы отслужить богослужение, Григорий приказал префекту Либертину снести здание и подвергнуть Насаса телесному наказанию за его проступок. Григорий яростно преследовал тех евреев, которые покупали христианских рабов или владели ими. Во Франкской империи, где фанатизм еще не пробил себе дорогу, евреям не запрещалось заниматься работоторговлей. Григорий был возмущен этим и написал королю Бургундии Теодориху (Дитериху), Теодеберту, королю Австразии, а также королеве Брунгильде, выражая свое удивление тем, что они позволили евреям владеть рабами-христианами. Он с большой теплотой призывал их устранить это зло и освободить истинно верующих от власти их врага. Реккаред, король вестготов, подчинившийся папскому престолу, был безмерно польщен Григорием за обнародование указа о нетерпимости.

В Византийской империи и в Италии христианство с самого начала проявляло более или менее враждебное отношение к иудаизму, но на западе Европы, во Франции и Испании, где Церковь утвердилась с трудом, положение евреев приобрело иной и гораздо более благоприятный аспект. Нашествия варваров полностью изменили общественный строй, существовавший в этих странах. Римские институты, как политические, так и церковные, были почти стерты, а государственное устройство империй, созданных языческими или наполовину христианизированными народами, не было построено на основе церковного права. Прошло немало времени, прежде чем католицизм прочно утвердился на западе Европы, и евреи, поселившиеся там, наслаждались безмятежным миром, пока победоносная Церковь не одержала верх.

Иммиграция евреев в эти важные и богатые провинции произошла, вероятно, еще во времена Республики или Цезаря. Еврейские купцы, чьи деловые занятия привели их из Александрии или Малой Азии в Рим и Италию, еврейские воины, которых императоры Веспасиан и Тит, завоеватели Иудеи, рассеяли в качестве пленников по римским провинциям, вольно или невольно оказались в Галлии и Иберии. Присутствие евреев на западе Европы является несомненным фактом только со второго века.

Галльские евреи, чье первое поселение находилось в районе Арля, пользовались всеми правами римского гражданства, независимо от того, прибыли ли они в Галлию как торговцы или как беглецы, с корабейническим мешком или в одежде рабов; франкские и бургундские завоеватели также обращались с ними как с римлянами. Древнейшее законодательство франков и бургундов не рассматривало евреев как отдельную расу, подчиняющуюся особым законам. Во Франкском королевстве, основанном Хлодвигом, евреи жили в Оверни (Арверне), Каркассоне, Арле, Орлеане и на севере до Парижа и Бельгии. Многие из них проживали в старом греческом порту Марсель и в Безье (Битерре), и так много их проживало в провинции Нарбонна, что гора недалеко от города с таким названием называлась *Монс Иудаикус*. Территория Нарбонны долгое время принадлежала Вестготской Испании, и по этой причине еврейская история этого района отражает все превратности судьбы евреев по ту сторону Пиренеев.

Евреи Франкского и Бургундского королевств беспрепятственно занимались сельским хозяйством, торговлей; они бороздили моря и реки на своих собственных кораблях. Они также занимались медициной, и к совету еврейских врачей обращалось даже духовенство, которое, вероятно, не желало полностью полагаться на чудесную целебную силу святых и реликвий. Они также были искусны в обращении с боевым оружием и принимали активное участие в битвах между Хлодвигом и полководцами Теодориха под Арлем (508).

Помимо своих библейских имен, евреи Галлии носили названия, которые были распространены в стране, такие как Арментарий, Гозолас, Приск или Сидерий. Они жили в наилучших отношениях с населением страны, и смешанные браки даже происходили между евреями и христианами. Христианское духовенство не стеснялось есть за еврейскими столами и, в свою очередь, часто угощало евреев.

Высшие духовные лица, однако, были оскорблены тем, что евреи отказывались на христианских пирах есть определенные блюда, которые предписания их религии запрещали им есть. По этой причине Ваннский собор (465 г.) запретил духовенству принимать участие в еврейских пирах, "потому что они считали недостойным, чтобы христиане ели яства евреев, в то время как последние отказывались есть христианские блюда, создавая впечатление, что духовенство ниже евреев". Но это решение собора не принесло пользы; каноническая строгость была бессильна остановить это дружеское общение. Возникла необходимость несколько раз повторно вводить этот церковный запрет. Таким образом, несмотря на свою отделенность от Иудеи и Вавилонии, центров иудаизма, евреи Галлии жили в строгом соответствии с предписаниями своей религии. Где бы они ни селились, они строили свои синагоги и создавали свои общины в точном соответствии с указаниями Талмуда.

Дружеские отношения, существовавшие между евреями и жителями Галлии, не претерпели изменений даже тогда, когда страна по причине обращения Хлодвига перешла под власть католической церкви. Хлодвиг действительно был кровожадным мясником, но не фанатиком.

Духовенство было в долгу перед ним, потому что он отказался от язычества ради христианства, и ему ни в коем случае не нужно было уступать им. Поскольку он оставил наследственное королевство своим преемникам, они не были поставлены в болезненные ситуации и дилеммы, как выборные короли вестготов, и не были обязаны идти на уступки или жертвы Церкви. Поэтому среди франков языческие обычаи долгое время оставались в моде, и евреям было позволено жить в соответствии со своей религией, не подвергаясь насилию. Это правда, что многие церковные фанатики прилагали усилия, чтобы обратить евреев всеми доступными им средствами, даже используя жестокое обращение, и на их соборах было принято много суровых резолюций. Но эти преследования оставались единичными, даже когда их одобрял тот или иной из ревностных королей. Бургундия, однако, с тех пор, как король Сигизмунд принял католическую веру (516 г.) и почувствовал себя обязанным включить угнетение ариан и евреев в государственную политику, была более враждебна к евреям, чем остальная Франция. Именно этот царь первым воздвиг барьер между евреями и христианами. Он подтвердил решение Эпаонского собора, проходившего под председательством кровожадного епископа Авитуса, запрещавшего даже мирянам принимать участие в еврейских пирах (517).

Дух враждебности к евреям постепенно распространился из Бургундии по франкским странам. Уже на третьем и четвертом соборах в Орлеане (538 и 545 гг.) против них были приняты суровые законы. Христианам было не только приказано не участвовать в еврейских пирах, а евреям запрещено обращать в свою веру новообращенных, но последним даже было запрещено появляться на улицах и площадях во время Пасхи, потому что "их появление было оскорблением христианства". Хильдеберт I Парижский воплотил этот последний пункт в своей конституции (554 г.) и таким образом возвел нетерпимость духовенства в ранг государственного закона. Это чувство враждебности, однако, не было распространено среди современников Хильдеберта. Франкская империя была разделена между несколькими монархами, которые, хотя и состояли в родстве, смертельно ненавидели друг друга; это разделение привело к ограничению нетерпимости отдельными провинциями. Даже высокопоставленные церковные сановники продолжали поддерживать дружеские отношения с евреями, не опасаясь какой-либо опасности для Церкви. Но фанатизм от природы заразителен; однажды утвердившись в стране, он вскоре овладевает всеми умами и преодолевает все угрызения совести. Во Франкской империи преследование евреев исходило от человека, которого можно рассматривать как само воплощение ненависти к евреям. Это был Авитус, епископ Арверны, чья кафедра находилась в Клермоне; тем, чем Кирилл был для alexandрийских евреев, Авитус был для евреев Галлии.

Еврейское население его епископства было занозой в его боку, и он, соответственно, поднял против этого членов своей паствы. Снова и снова он призывал евреев Клермона обратиться в христианство, но его проповеди не находили отклика, он подстрекал толпу нападать на синагоги и сровнять их с землей. Но даже это не удовлетворило фанатика; он предложил евреям выбор между тем, чтобы явиться для крещения или покинуть город. Только один еврей принял крещение, тем самым сделав себя объектом отвращения всей общины. Когда он шел по улицам в день Пятидесятницы в своем белом одеянии для крещения, еврей окропил его прогорклым маслом. Это показалось вызовом толпе фанатиков, и они набросились на евреев. Последние отступили в свои дома, где подверглись нападению, и многие из них были убиты. Вид крови заставил дрогнуть малодушные сердца, и пятьсот евреев обратились к епископу Авитусу с просьбой даровать им благосклонность к крещению и умоляли его немедленно положить конец резне. Те из них, кто остался верен своей религии, бежали в Марсель (576). Христианское население праздновало день крещения пятисот человек с диким ликованием, как будто крест

мог гордиться победой, одержанной мечом. Известие о происшествии в Клермоне вызвало огромную радость среди фанатиков. Епископ Турский Григорий пригласил благочестивого поэта Венанция Фортуната воспеть в песне достижение Авитуса. Но латинские стихи этого поэта, эмигрировавшего во Францию из Италии, вместо того чтобы прославлять Авитуса, воздвигли позорный памятник его памяти. Они совершенно ясно указывают на то, что евреи Клермона пострадали невинно и обратились в христианство из чистого отчаяния. Таким образом, последствия постоянно растущего фанатизма дали о себе знать во многих частях Франции. Маконский собор (581) принял несколько резолюций, направленных на то, чтобы поставить евреев в более низкое положение в обществе. Им не разрешалось ни исполнять обязанности судей, ни собирать налоги, "чтобы христианское население не казалось им подчиненным". Евреи были также обязаны проявлять глубокое почтение к христианским священникам и должны были садиться в их присутствии только с особого разрешения. Все, кто нарушал этот закон, подлежали суровому наказанию. Этот собор вновь ввел в действие эдикт, запрещающий евреям появляться на публике во время Пасхи. Даже король Чилперик, хотя и не питал особой благосклонности к католическому духовенству, последовал примеру Авитуса. Он также принудил евреев своей империи принять крещение и сам выступил поручителем еврейских неофитов у купели для крещения. Но он был доволен простой видимостью обращения и не оказывал никакого сопротивления евреям, хотя они продолжали праздновать субботу и соблюдать законы иудаизма.

Более поздние короли-Меровинги становились все более и более фанатичными, и, следовательно, их ненависть к евреям возрастала. Клотер II, на которого перешло правление всей Франкской империей (613), был матереубийцей, но, тем не менее, считался образцом религиозного благочестия. Он санкционировал решения Парижского совета, которые запрещали евреям обладать судебной властью или проходить военную службу (615). Его сын Дагоберт должен быть причислен к числу самых антиеврейских монархов за всю мировую историю. Многие тысячи еврейских беглецов, бежавших во Франкскую империю, спасаясь от фанатизма Сисебута, короля вестготов, вызывали ревность этого чувственного монарха, который стыдился того, что его считали ниже его современника-вестгота и проявлял меньше религиозного рвения. Поэтому он издал указ, в котором объявил, что все еврейское население Франкской империи должно либо принять христианство до определенного дня, либо с ним будут обращаться как с врагами и предадут смерти (около 629 г.).

Чем больше падал авторитет меровингов, *фейнеантов*, как их называли, и чем больше росла власть политических и осторожных правителей, потомков Пипина, тем большим освобождением от преследований и пыток пользовались евреи. Предшественники Карла Великого, по-видимому, считали евреев полезным классом людей, чья деятельность и интеллектуальные способности не могли не быть выгодны государству. Только работорговля оставалась постоянным предметом законодательства Советов; но, несмотря на их рвение, они не смогли отменить торговлю людьми, потому что их осуждение касалось только одной фазы торговли.

Евреев Германии следует рассматривать просто как колонии франкских евреев, и те из них, которые жили в Австразии, провинции, подвластной королям Меровингам, разделили ту же участь, что и их собратья во Франции. Согласно хронике, говорят, что самые древние евреи Рейнского округа были потомками легионеров, принимавших участие в разрушении Храма. Из огромной орды еврейских заключенных ванджиони выбрали самых красивых женщин, вернули их на их места жительства на берегах Рейна и Майна и заставили служить удовлетворению их

желаний. Дети, рожденные таким образом от еврейских и германских родителей, воспитывались своими матерями в еврейской вере, их отцы не беспокоились о них. Говорят, что именно эти дети были основателями первых еврейских общин между Вормсом и Майнцем. Несомненно, что еврейская община существовала в римской колонии, городе Кельне, задолго до того, как христианство пришло к власти при Константине. Главы общины и ее наиболее уважаемые члены получили от языческих императоров привилегию освобождения от обременительных муниципальных должностей. Однако первый христианский император сузил пределы этого иммунитета, освободив только две или три семьи. Кельнские евреи также пользовались привилегией осуществлять свою собственную юрисдикцию, которую им было разрешено сохранять до средневековья. Истец-нееврей, даже если он был священником, был обязан подать свой иск против еврея еврейскому судье (епископу евреев).

В то время как история евреев в Византии, Италии и Франции представляет интерес для особых студентов, история их братьев на Пиренейском полуострове приобретает всеобщее значение. Еврейские жители этого счастливого полуострова своим искренним интересом способствовали величии страны, которую они любили так, как можно любить только отечество, и тем самым добились всемирной известности. Еврейская Испания внесла почти такой же вклад в развитие иудаизма, как Иудея и Вавилония, и, как и в этих странах, каждое место в этом новом доме стало классическим для еврейской расы. Кордова, Гранада и Толедо так же знакомы евреям, как Иерусалим и Тверия, и едва ли не больше, чем Нахардея и Сора. Когда иудаизм замер на Востоке и с возрастом ослабел, он приобрел новую силу в Испании и распространил свое плодотворное влияние на широкую сферу. Испании, казалось, было предначертано Провидением стать новым центром для представителей рассеянной расы, где их дух мог возродиться и на который они могли с гордостью указывать.

Первое поселение евреев в прекрасной Гесперии погружено в тусклую безвестность. Несомненно, что они отправились туда еще во времена Римской республики как свободные люди, чтобы воспользоваться богатыми ресурсами этой страны.

Жертвы несчастных восстаний при Веспасиане, Тите и Адриане также были рассеяны на крайнем западе, и согласно преувеличенным сведениям, 80 000 из них были увезены в Испанию в качестве пленников. Вероятно, они недолго оставались в рабстве; сочувствие их свободных братьев, несомненно, поспешило выкупить их и таким образом выполнить самую важную из обязанностей, предписанных талмудическим иудаизмом своим приверженцам. О том, как многочисленно евреи поселились в некоторых частях Испании, свидетельствуют названия, которые они присвоили этим населенным пунктам. Город Гранада в прежние времена назывался городом евреев из-за того, что он был полностью населен ими: такое же название носил и древний город Таррагона (Tarracona) до его завоевания арабами. В Кордове существовали древние еврейские ворота, а недалеко от Сарагосы находилась крепость, которая во времена арабов называлась Рута аль-Джахуд. В окрестностях Тортосы было найдено надгробие с надписью как на иврите, так и с национальным названием. Надпись на этом памятнике была сделана на трех языках — иврите, греческом и латыни; следовательно, евреи, должно быть, в ранний период эмигрировали из греческого района на севере Испании и усвоили латинский язык, не забыв при этом язык Священных Писаний.

Гордость происхождением, которая была характерной чертой евреев этой страны, как и других испанцев, не удовлетворялась тем фактом, что еврейская колония в Испании обладала правом

гражданства задолго до того, как вестготы и другие германские племена ступили на эту землю своей железной ногой, но желала претендовать на еще большую древность. Испанские евреи утверждали, что они были перевезены сюда после разрушения Храма вавилонским завоевателем Навуходоносором. Некоторые еврейские семьи, Ибн-Дауды и Абрабанели, хвастались происхождением от царского дома Давида и утверждали, что их предки с незапамятных времен жили частично в районе Лусена, а частично в окрестностях Толедо и Севильи. Многочисленная испано-еврейская семья Наси также вела свою родословную от царя Давида и доказала это с помощью генеалогической таблицы и печатей. Семья Ибн-Альбалиаса была более скромной и датировала свое переселение только разрушением Второго Храма. Семейное предание гласит, что римский наместник Испании умолял завоевателя Иерусалима прислать ему несколько знатных семей из столицы Иудеи, и что Тит выполнил его просьбу. Среди тех, кого перевозили таким образом, был человек по имени Барух, который преуспел в искусстве ткачества занавесей для Храма. Этот Барух, поселившийся в Мериде, был предком Ибн-Альбалии.

Христианство рано пустило корни в Испании. На самом деле собор епископов, священников и подчиненного духовенства собрался в Иллиберисе (Эльвира, недалеко от Гранады) незадолго до обращения Константина. Тем не менее евреи пользовались большим уважением как у христианского населения, так и у язычников. Иберийцы и римляне, которые были обращены в христианство, еще не обнаружили в евреях расу, отвергнутую Богом, народ, присутствия которого следовало избегать. Они совершенно свободно общались со своими еврейскими соседями. Новообращенные жители страны, которые часто слышали проповеди своего апостола о евреях и иудаизме, не имели представления о широкой пропасти, отделяющей иудаизм от христианства, и плоды их полей так же часто благословлялись благочестивыми евреями, как и их собственным духовенством. Смешанные браки между евреями и христианами происходили в Испании так же часто, как и в Галлии.

Высшее католическое духовенство, однако, не могло допустить продолжения этих дружеских отношений между евреями и христианами; они считали это опасным для новообразованной Церкви. Представителям Церкви в Испании выпала честь — если это вообще честь — первыми воздвигнуть барьер между евреем и христианином. Собор в Иллиберисе (около 320 г.), во главе которого стоял Осий, епископ Кордовы, запретил христианам под страхом отлучения от церкви поддерживать дружеские отношения с евреями, заключать с ними браки или разрешать им благословлять плоды своих полей. Семя злобной ненависти к евреям, которое, таким образом, было впервые посеяно Синодом Иллибериса, однако дало свои ядовитые плоды гораздо позже. Когда мигрирующие германские орды свевов, вандалов и вестготов сначала опустошили эту прекрасную страну, а затем выбрали ее своим домом, католики этой страны были вынуждены нести ярмо политической и религиозной зависимости, поскольку вестготы, надолго овладевшие полуостровом, случайно были обращены в арианскую веру. В целом, вестготские арии были относительно безразличны к разногласиям вероучений относительно того, был ли Сын Божий тем же самым или подобным Отцу, и следует ли считать епископа Ария ортодоксальным или еретиком. Но они искренне ненавидели католических жителей страны, потому что в каждом католике они видели римлянина, а следовательно, и врага. Евреи, с другой стороны, не подвергались притеснениям при арианских царях и, помимо того, что пользовались гражданским и политическим равенством, были допущены к государственным должностям. Их мастерство и знания, которые давали им преимущество перед нецивилизованными вестготами, специально подходили им для этих должностей. Благоприятное положение евреев в Испании

продолжалось более столетия, начиная с того времени, когда эта страна впервые стала провинцией Толетано-Вестготской империи, и продолжаясь в более поздний период, когда при Теудесе (531 г.) она стала ее центром. Евреи, жившие в провинции Нарбонна и в том районе Африки, который составлял часть Вестготской империи, также пользовались гражданским и политическим равенством; некоторые из них оказывали материальные услуги вестготским королям. Евреи, жившие у подножия Пиренеев, защищали перевалы, ведущие из Галлии в Испанию, от вторжений франков и бургундов, которые жаждали овладеть этой страной. Они считались самыми надежными стражами границы, и их боевое мужество снискало им особое признание. Евреи-вестготы, должно быть, поддерживали связь либо через Италию, либо через Африку с Иудеей или Вавилонией, из которых они, вероятно, получили своих религиозных учителей. Они строго придерживались предписаний Талмуда, воздерживались от вина, изготовленного неевреями, и допускали своих рабов-язычников и христиан в завет Авраама, как предписано Талмудом. В то время как их собратья по другую сторону Пиренеев подвергались жестоким притеснениям и были насильственно обращены в христианство или вынуждены эмигрировать, они пользовались полной свободой вероисповедания и, кроме того, получили привилегию посвящать своих рабов в свою религию, в которой было отказано евреям во всех других странах Европы.

Но как только католическая церковь получила господство в Испании, а арианство начало подвергаться преследованиям, дела евреев этой страны приняли неблагоприятный оборот. Король Реккаред, отрекшийся от арианского вероучения на соборе в Толедо, был первым, кто объединился с Синодом в введении ограничений в отношении евреев. Им было запрещено заключать браки с христианами, приобретать христианских рабов и занимать государственные должности; те из их детей, которые родились от смешанных браков, должны были быть насильственно крещены (589). Таким образом, они были вынуждены занять изолированное положение, которое причиняло им тем большую боль, что они были движимы чувством чести и до сих пор жили на равных со своими согражданами, фактически пользуясь большими привилегиями, чем католики. Самым деспотичным из всех было ограничение владения рабами. Отныне евреи не должны были ни покупать рабов-христиан, ни принимать их в подарок, и если они нарушали приказ и посвящали рабов в иудаизм, они теряли на них все права. Все состояние того, кто сделал обрезание рабыне, было конфисковано государством. Все состоятельные люди в стране владели рабами и крепостными, которые обрабатывали свою землю и обеспечивали нужды дома; только евреи должны были быть лишены этого преимущества. Вполне возможно, что богатые евреи, владевшие рабами, приложили все усилия, чтобы добиться отмены закона Реккареда, и с этой целью они предложили королю значительную сумму денег. Реккаред, однако, отказался от их предложения, и за этот поступок был безмерно высоко оценен папой Григорием, желание сердца которого было исполнено этим законом (599). Григорий сравнил вестготского монарха с Давидом, царем Израиля, "который отказался принять воду, которую его воины принесли ему, рискуя своими жизнями, и вылил ее перед Господом". Он утверждал, что таким же образом Реккаред пожертвовал Богу золото, которое было ему предложено. В то же время Реккаред подтвердил решение Нарбоннского собора, запрещавшее евреям петь псалмы на своих заупокойных службах — обычай, который они, вероятно, переняли у Церкви.

Хотя Реккаред желал ввести в действие эти ограничительные законы против евреев, тем не менее последним было не очень трудно обойти их. Своеобразная конституция вестготской Испании давала им возможность избежать их давления. Согласно этой конституции, король не

был всемогущим правителем, поскольку вестготская знать, обладавшая правом его избрания, была абсолютно независима в своих собственных провинциях. Ни они, ни народ в целом не разделяли фанатизма Церкви по отношению к евреям. Они предоставили им, как и в прошлом, право покупать рабов и, вероятно, также даровали им должности. За двадцать лет законы Реккареда, направленные против евреев, полностью вышли из употребления. Его преемники уделяли этому вопросу мало внимания и в целом были настроены по отношению к евреям благосклонно.

Однако в этот период был избран король вестготов, который, будучи либеральным в других отношениях и не лишенным культуры, был бичом для евреев своих владений и, как следствие, уготовил своей империи печальную судьбу. Сисевут, современник императора Ираклия, был, как и последний, фанатичным преследователем евреев. Но хотя некоторое оправдание поведению Ираклия можно найти в восстании евреев Палестины и в том факте, что он был вынужден избрать этот курс из-за слепой ярости монахов, Сисевут действовал таким образом без какой-либо провокации, по собственной воле и почти вопреки желанию католического духовенства. В самом начале его правления (612 г.) евреи привлекли его внимание. Его совесть была обеспокоена тем фактом, что, несмотря на законы Реккареда, рабы-христиане все еще служили еврейским хозяевам и были посвящены в иудаизм, веры которого они охотно придерживались. Поэтому Он обновил эти законы и повелел священнослужителям и судьям, а также всему населению страны следить за тем, чтобы в будущем христиане не находились в рабских отношениях к евреям, но он пошел в этом направлении дальше, чем предполагал; евреям было не только запрещено приобретать каких-либо рабов, но и запрещено удерживать тех, кем они владели. Только тем евреям, которые приняли христианство, разрешалось владеть рабами, и только им было разрешено предъявлять права на рабов, оставленных их еврейскими родственниками. Сисевут торжественно призвал своих преемников соблюдать этот закон. "Пусть царь, который осмелится отменить этот закон", — так гласила формула проклятия Сисевута, — "навлечет на себя глубочайший позор в этом мире и вечные муки в адском пламени". Несмотря на эту суровость и искренние увещевания Сисевута, этот закон, по-видимому, в тот период соблюдался так же мало, как и при Реккареде. Независимая знать страны распространила свою защиту на евреев либо в своих собственных интересах, либо из неповиновения королю. Даже многие священники и епископы, по-видимому, поддерживали евреев и мало заботились о приказе царя. Поэтому Сисевут издал еще более суровый указ. В течение определенного периода все евреи страны должны были либо принять крещение, либо покинуть территорию Вестготской империи. Этот приказ строго выполнялся. Слабые, которые цеплялись за свою собственность или любили землю, на которой с незапамятных времен жили их отцы, позволяли себе креститься. С другой стороны, более сильные духом, чья совесть не могла одобрить никаких компромиссов, эмигрировали во Францию или на соседний африканский континент (612-613). Духовенство, однако, ни в коем случае не было удовлетворено этим принудительным обращением, и один из их главных представителей упрекнул короля в том, что тот действительно "проявлял рвение к вере, но не добросовестное рвение". Этим фанатичным преследованием Сисевут проложил путь к распаду Вестготской империи.

Строгие законы Сисевута против евреев действовали не дольше его правления. Они были отменены его преемником Свинтилой, справедливым и либеральным монархом, которого угнетенные называли "отцом своей страны". Изгнанные евреи вернулись на родину, а прозелиты обратились в иудаизм (621-631). Несмотря на свое крещение, новообращенные

евреи не отказались от своей религии. В то время акт крещения считался достаточным, и никто не интересовался, сохранили ли новообращенные по-прежнему свои прежние обычаи. Благородный король Свинтила был, однако, свергнут с престола в результате заговора знати и духовенства, и на его место был возведен послушный инструмент по имени Сисенанд. При этом монархе духовенство снова приобрело господство. И снова, на Толедском соборе (633 г.), евреи стали объектом синодального внимания. Во главе этого совета стоял Исидор, архиепископ Испании (Севилья), хорошо информированный и справедливый прелат, но зараженный предрассудками своего времени. Синод провозгласил принцип, согласно которому евреев не следует принуждать к принятию христианства насилием и угрозами наказания; тем не менее законы Реккареда против них были вновь введены в действие. Однако вся суровость церковного законодательства была направлена против евреев, которые были насильственно обращены при Сисебуте и вернулись к своей религии. Хотя само духовенство критиковало метод их обращения, они, тем не менее, считали своим долгом удерживать в рамках христианства евреев, которые когда-то принимали святое причастие, "чтобы вера не была обесчещена". Религия в тот период рассматривалась просто как исповедь на словах. Поэтому синод, заседавший под руководством Сисенанда, постановил, что крещенные евреи должны быть насильственно отстранены от соблюдения своей религии и удалены из общества своих единоверцев, а дети обоего пола должны быть оторваны от своих родителей и отправлены в монастыри. Те, кого уличали в соблюдении субботы и еврейских праздников, заключении браков в соответствии с еврейскими обрядами, обрезании или воздержании от определенных продуктов в соответствии с предписаниями иудаизма, должны были искупить свои проступки лишением свободы. Они должны были быть обращены в рабство и представлены православным христианам, избранным королем. Согласно этому каноническому законодательству, насильственно обращенные евреи и их потомки не должны были допускаться в качестве свидетелей, потому что "те, кто был неверен Богу, не могут быть искренними по отношению к человеку"; к такому выводу пришли невежественные участники заседания. По сравнению с этой суровостью обращение с евреями, которые оставались непоколебимыми в своей вере, кажется весьма милосердным.

Однако даже их духовенство приложило все усилия, чтобы оттолкнуть от иудаизма. Исидор Севильский написал две книги против евреев, в которых он попытался доказать доктрины христианства с помощью отрывков из Ветхого Завета, естественно, в той безвкусной, бессмысленной манере, которая использовалась с начала полемики Отцов Церкви против иудаизма. Испанские евреи, чтобы утвердиться в вере своих предков, были вынуждены вступить в спор и опровергнуть это надуманное доказательство. Ученые мужи среди них ответили встречными трактатами, написанными, вероятно, на латыни. Их превосходное знание библейских записей сделало их победу легкой. В ответ на основное возражение, что скипетр отошел от Иудеи и что христиане, у которых были короли, таким образом сформировали истинный народ Израиля, евреи указали на еврейское царство на крайнем Востоке, которым, как они утверждали, правил потомок Давида. Они ссылались на еврейско-химьяритскую империю в южной Аравии, но ею управляла династия, которая была обращена в иудаизм.

Эти резолюции четвертого Толедского собора и преследование Сисенандом новообращенных евреев, по-видимому, не были выполнены со всей предполагаемой суровостью. Вестготско-испанская знать все больше и больше брала евреев под свое покровительство, и против них королевская власть была бессильна. Однако в этот период на вестготский трон взошел король, похожий на Сисебута. Чинтила собрал генеральный совет, и он не только добился от них

подтверждения всех антиеврейских положений, содержащихся в существующих законах, но и постановил, что никому не должно быть позволено оставаться в Вестготской империи, кто не принял католическую религию. Церковное собрание с радостью приняло эти предложения и ликovalo по поводу того факта, что "благодаря благочестию короля непреклонная неверность евреев, наконец, будет уничтожена". Они приложили канонический закон, согласно которому в будущем каждый король перед своим вступлением на престол должен быть вынужден принести торжественную клятву не позволять обращенным евреям нарушать католическую веру и не поощрять их неверие, но строго исполнять церковные решения против них (638).

Во второй раз евреи были вынуждены эмигрировать, и новообращенные, которые в глубине души все еще цеплялись за иудаизм, были вынуждены подписать признание в том, что они будут безоговорочно соблюдать католическую религию и повиноваться ей. Но признание, подписанное таким образом людьми, чьи священные убеждения были оскорблены, не было и не могло быть искренним. Они непоколебимо надеялись на лучшие времена, когда они, возможно, смогут сбросить маску, и выборная конституция вестготской империи вскоре сделала это возможным. Нынешняя ситуация сохранялась только в течение четырех лет правления Чинтилы (638-642).

ГЛАВА III. ЕВРЕИ АРАВИЙСКОГО ПОЛУОСТРОВА.

Счастливое положение евреев в Аравии—Традиции их первоначальных поселений—Ясриб и Чайбар—Еврейско-арабские племена—Бену-Надир, Бену-Курайза и Бену-Бахдал—Бену-Кайнукаа—Евреи Йемена—Их сила и влияние—Обращение арабских племен в иудаизм—Абу-Кариба, первый еврейско-химьяритский царь—Зорах Ду-Новас—Самуил Ибн-Адиджа—Магомет—Его долг иудаизму—Раннее дружелюбие Магомета к евреям и последующий разрыв с ними —Его нападения на еврейские племена—Война на Рву—Положение евреев при халифах.

500-662 гг. н. э.

Утомленный созерцанием жалкого положения евреев на их древней родине и в странах Европы, а также утомленный постоянным зрелищем фанатичного угнетения, взор наблюдателя с радостью останавливается на их положении на Аравийском полуострове. Здесь сыны Иудеи могли свободно поднять свои головы, и им не нужно было смотреть по сторонам со страхом и унижением, чтобы на них не обрушился церковный гнев или светская власть не сокрушила их. Здесь они не были свернуты с пути чести и лишены государственных привилегий, но им было позволено беспрепятственно развивать свои силы среди свободного, простого и талантливого народа, проявлять свою мужественность, соревноваться за дары славы и опытной рукой меряться силами со своими противниками. Вместо того чтобы нести иго, евреи нередко становились вождями арабских племен. Их интеллектуальное превосходство делало их силой, и они заключали наступательные и оборонительные союзы и вели междоусобицу. Однако, помимо меча и копья, они обращались с оралом и лирой и в конце концов стали учителями

арабской нации. История евреев Аравии в столетие, предшествовавшее появлению Магомета, и в период его деятельности составляет славную страницу в еврейских анналах.

Первая иммиграция еврейских семей на свободный полуостров окутана туманными преданиями. Согласно одному сообщению, израильтяне, посланные Иисусом Навином сражаться с амаликитянами, поселились в городе Ясриб (впоследствии Медина) и в провинции Хаибар; согласно другому, израильские воины под командованием Саула, которые пощадили прекрасного юного сына царя Амаликитян и были отвергнуты народом за свое неповиновение, вернулись в Хиджас (северную Аравию) и поселились там. Предполагается также, что израильская колония была образована в северной Аравии во времена правления Давида. Возможно, что при могущественных царях Иудеи израильтяне—мореплаватели, которые плавали по Красному морю на пути в Офир — страну золота, - основали торговые станции для торговли с Индией в Марибе и Сане (Усал), наиболее важных торговых городах южной Аравии (Йемен, Химьяра, Сабей), и основали там еврейские колонии. Однако более поздние арабские евреи говорили, что они слышали от своих предков, что многие еврейские беглецы бежали в северную Аравию после разрушения Первого Храма Навуходоносором. Но не может быть никаких сомнений в том, что преследование евреев римлянами было средством создания еврейского населения на Аравийском полуострове. Бросавшие вызов смерти zeloty, которые после разрушения Второго Храма частично бежали в Египет и Кирену, чтобы продолжить там отчаянную борьбу против римского рабства, также разрозненными группами проникали в Аравию, где им не приходилось скрывать свою любовь к свободе или отказываться от своей воинственной выправки.

От этих беглецов произошли три еврейско-арабских племени - бену-надир, Бену-курайза и Бену-бахдал, первые два из которых произошли от Аарона и поэтому называли себя коханим (Аль-кахинани). Другая еврейская семья — Бену-Кайнукаа - обосновалась в северной Аравии, и их образ жизни отличался от образа жизни надиров и курайз. Центр этих племен находился в городе Ясриб, который был расположен в плодородном районе, засаженном пальмами и рисом и орошаемом небольшими ручьями. Поскольку бедуины часто приставали к евреям, они строили замки на возвышенностях в городе и окрестностях, защищая таким образом свою независимость. Хотя первоначально они были единоличными правителями этого района, впоследствии они были вынуждены разделить свою власть и владение землей с арабами, поскольку примерно в 300 году две родственные семьи, Бену-аус и хазрадж (вместе образующие племя Кайла), поселились в одном районе и иногда находились в дружеских, иногда во враждебных отношениях с евреями.

К северу от Ясриба располагался район Чайбар, который был полностью населен евреями, составлявшими отдельное государство. Предполагается, что евреи Хайбара были потомками рехабитов, которые, в соответствии с повелением своего прародителя Ионадава, сына Рехаба, вели кочевой назорейский образ жизни; говорят, что после разрушения Первого Храма они дошли до района Хайбар, привлеченные его обилием пальм и зерна. Евреи Хайбара построили ряд замков или крепостей, подобных замкам христианских рыцарей; самым сильным из них был Камус, построенный на труднодоступном холме. Эти замки защищали их от грабительских набегов воинственных бедуинов и позволяли им предоставлять убежище многим преследуемым беглецам. Вадиль-Кора (долина деревень), плодородная равнина в дне пути от Чайбара, также была населена исключительно евреями. В Мекке, где находилось святилище арабов, вероятно, жило совсем немного евреев.

Однако они были многочисленно представлены в южной Аравии (Йемен), "земле, - хвастались ее жители, - сама пыль которой была золотой, которая производила на свет самых здоровых мужчин, а женщины которой рожали без боли". Но в отличие от своих собратьев в Хиджасе, евреи Аравии Феликс жили без расовой или политической сплоченности, рассеянные среди арабов. Тем не менее, со временем они приобрели настолько большое влияние на арабские племена и королей Йемена (Химьяра), что смогли предотвратить распространение христианства в этом регионе. Византийские христианские императоры стремились заполучить эти рынки сбыта индийских продуктов. На самом деле, не помышляя о порабощении храбрых химьяритов (гомеритов), они хотели завоевать их дружбу, обратив их в христианство; крест должен был стать средством установления коммерческих связей. Только в конце пятого или начале шестого века христианским посланникам удалось обратить в христианство арабского принца и его племя, столицей которого был торговый город Наджара. —Аравии принадлежала только половина острова Йотабе (ныне Джиджбан) в Красном море (в 60 милях к югу от столицы Айлы); небольшое еврейское свободное государство существовало там с незапамятных времен.

В силу своего семитского происхождения евреи Аравии обладали многими чертами сходства с первобытными обитателями этой страны. Их язык был тесно связан с арабским, и их обычаи, за исключением тех, которые были порождены их религией, не отличались от обычаев сынов Аравии. Таким образом, евреи стали настолько основательно арабами, что отличались от коренных жителей страны только своими религиозными убеждениями. Смешанные браки между двумя народами, как правило, усиливали сходство их характеров. Подобно химьяритам, евреи южной Аравии уделяли больше внимания торговле между Индией, Византийской империей и Персией. Евреи северной Аравии, напротив, вели жизнь бедуинов; они занимались земледелием, скотоводством, караванными перевозками, торговлей оружием и, вероятно, также разбойничьим ремеслом. Арабские евреи также обладали патриархальной, племенной конституцией. Несколько семей были объединены под одним именем и возглавлялись вождем (шайхом), который в мирное время разрешал споры и выносил решения, а на войне командовал всеми мужчинами, способными носить оружие, и заключал союзы с соседними племенами. Подобно арабам, евреи полуострова оказывали гостеприимство каждому, кто входил в их палатки, и сохраняли нерушимую веру в своих союзников; но они также разделяли ошибки коренных жителей полуострова, мстя за смерть одного из своих со строгой непреклонностью и прячась в засаде, чтобы застать врасплох и уничтожить своего врага. Иногда случалось, что еврейское племя, вступив в союз с арабским кланом, оказывалось в оппозиции к родственному племени, выступавшему за другое дело. Но даже при том, что евреи враждовали друг с другом, их врожденные качества умеряли в них бедуинскую свирепость, которая никогда не проявляла милосердия к врагу. Они выкупили пленных из родственного племени, с которым им довелось воевать, из рук своих собственных союзников, не желая оставлять их в рабство язычникам, "потому что, - говорили они, - выкуп таких наших единоверцев, которые находятся в плену, является религиозным долгом". Евреи не только равнялись арабам в храбрости, но и соперничали с ними за пальму первенства в поэзии. Ибо в дополнение к мужественности и отваге среди арабской знати культивировалась поэзия; ее поощряли вожди и щедро вознаграждали арабские короли. После воина поэт был самым почитаемым человеком в Аравии; для него широко распахнулись все сердца и шатры. Евреи Аравии также умели изящно говорить на арабском языке и украшать свою поэзию рифмами.

Знание своей религии, которое арабские евреи принесли с собой во время своего бегства из Иудеи, и то, что впоследствии пришло к ним из академий, придало им превосходство над

языческими племенами и вскоре сделало их своими хозяевами. Хотя до конца седьмого века лишь немногие арабы были знакомы с искусством письма, евреи повсеместно понимали его, которые, однако, использовали квадрат, так называемые ассирийские иероглифы. Поскольку те немногие арабы, которым удалось научиться писать, в основном использовали ивритские иероглифы, создается впечатление, что они впервые овладели искусством письма у евреев. Вероятно, каждый еврей в Аравии умел читать Священное Писание, по этой причине арабы называли евреев "нацией письма" (Ахль-уль-китаб).

В том виде, в каком он был передан им, то есть с тем характером, который придали ему танаим и амораим, иудаизм был самым святым для арабских евреев. Они строго соблюдали диетические законы, отмечали праздники и пост Йом-Кипур, который они называли Ашура. Они праздновали субботу с такой строгостью, что, несмотря на их восторг от войны и возможность насладиться ею, их меч в тот день оставался в ножнах. Хотя им не на что было жаловаться в этой гостеприимной стране, которую они могли считать и любить как свое отечество, они, тем не менее, стремились вернуться в святую землю своих отцов и ежедневно ожидали пришествия Мессии. Поэтому, как и все евреи земного шара, они в молитве обратили свое лицо к Иерусалиму. Они поддерживали связь с евреями Палестины и даже после падения Патриархата охотно подчинились властям в Тивериаде, где они получали, как, вероятно, и в вавилонских академиях, религиозное обучение и толкование Библии. Ясриб был центром еврейской учености, и в нем были учителя Закона (Ахбар, Хабар), которые разъясняли Священные Писания в академии (Мидрас). Но знания Библии, которыми обладали арабские евреи, были невелики. Они были знакомы с ним только через агадическую экзегезу, которая стала им знакома во время их путешествий или была принесена иммигрантами. Для них славная история прошлого настолько слилась с дополнениями Агады, что они больше не могли отделить золото от шлака. Арабские евреи, наделенные поэтической фантазией, со своей стороны приукрасили библейскую историю интересными легендами, которые впоследствии были распространены как реальные факты.

Евреи Аравии, пользовавшиеся полной свободой и не подвергавшиеся никаким ограничениям, могли без страха отстаивать свои религиозные взгляды и безнаказанно сообщать их своим соседям-язычникам. Арабский ум, восприимчивый к интеллектуальным побуждениям, был в восторге от простого, возвышенного содержания Библии, и постепенно некоторые еврейские концепции и религиозные идеи стали привычными в Аравии. Арабские евреи познакомили своих соседей с календарной системой, без которой последние были совершенно не в состоянии распределять свои священные сезоны; ученые евреи из Ясриба научили арабов добавлять еще один месяц в свой лунный год, который значительно отставал от солнечного. Арабы переняли девятнадцатилетний цикл евреев (около 420 г.) и называли промежуточный месяц Наси, несомненно, из-за того, что евреи привыкли получать свой календарь праздников от своего Наси (Патриарха).

Евреям даже удалось проинструктировать арабов относительно их исторического происхождения, относительно которого их воспоминания были пусты, и в своей доверчивости последние приняли эту генеалогию за истинную. Для евреев было очень важно, чтобы арабы считали их своими родственниками, и слишком много вопросов, представляющих общественный интерес, было связано с этими отношениями, чтобы они могли позволить этому ускользнуть от их внимания. Священный город Мекка (Аль-Харам), главный город страны, был построен вокруг древнего храма (Каабы, Площади), или, точнее, вокруг черного камня; для всех

арабов это было убежище, в котором меч не смел покидать ножен. Пять ярмарок, самая важная из которых находилась в Оказе, можно было посещать только в четыре священных месяца в году, когда царило Божье перемирие. Тот, кто желал воспользоваться этими периодами и наслаждаться безопасной жизнью среди воинственного народа, не слишком щепетильного в вопросе пролития крови, был обязан установить свои отношения с арабами, в противном случае он был лишен этих привилегий.

К счастью, арабские евреи вспомнили о генеалогии арабов, изложенной в первой книге Пятикнижия, и ухватились за нее как за инструмент, с помощью которого можно доказать свое родство с ними. Евреи были убеждены, что они связаны с арабами с двух сторон, через Йоктана и через Измаила. Таким образом, под их руководством два основных арабских племени проследили линию своих предков до этих двух прародителей: настоящие арабы (химьяриты) считали себя потомками Йоктана; псевдоарабы на севере, с другой стороны, вели свое происхождение от Измаила. Благодаря этим точкам соприкосновения у евреев было достаточно возможностей умножить доказательства своего родства. Арабы любили генеалогические таблицы и были рады возможности проследить свое происхождение и историю так далеко, в седую древность; соответственно, все это казалось им очевидным и лестным. Следовательно, они приложили все усилия, чтобы привести свои генеалогические записи и традиции в соответствие с библейскими повествованиями. Хотя их традиции простирались менее чем на шесть столетий, с одной стороны, до их прародителя Яроба и его сыновей или внуков Химьяра и Качтана, а с другой - до Аднана, однако при их полном пренебрежении исторической точностью этот факт не представлял собой препятствия. Без зазрения совести южные арабы называли себя качтанитами, а северные - измаилитами. Они с готовностью предоставили евреям права родства, то есть равенство и все сопутствующие ему преимущества.

Таким образом, арабы находились в тесных сношениях с евреями, и сыны пустыни, чья непоэтическая мифология не давала им повода для вдохновения, многое почерпнули из иудаизма. В этих обстоятельствах у многих арабов не могло не развиться особой привязанности к иудаизму, и некоторые приняли эту религию, хотя евреи и не помышляли об их обращении. Поскольку они практиковали обрезание, будучи язычниками, их обращение в иудаизм было особенно легким. Члены семьи у арабов были неразрывно связаны друг с другом, и, в соответствии со своим филархическим строем, индивидуумы отождествляли себя с племенем. Это привело к тому, что, когда вождь становился евреем, весь его клан сразу же следовал за ним, мудрейшим, в лоно иудаизма. О нескольких арабских племенах четко записано, что они были обращены в иудаизм; таковыми были Бену-Кинана, воинственный, сварливый клан, состоящий в родстве с самыми уважаемыми курайшитами Мекки, и несколько других семей племен Аус и Хазрадж в Ясрибе.

Однако особенно запоминающимся в истории арабов является обращение в иудаизм могущественного короля Йемена. Принцы или короли Йемена носили имя Тобба и временами правили всей Аравией; они вели свое историческое происхождение от Химьяра, их легендарное происхождение от Качтана. Один из этих царей, носивший имя Абу-Кариба Асад-Тоббан, был человеком рассудительным, знающим, одаренным поэзией и доблестью, которые подстрекали его к завоеваниям. Поэтому Абу-Кариба предпринял (около 500 человек) экспедицию против Персии и арабских провинций Византийской империи. В своем походе он прошел через Ясриб, столицу северной Аравии, и, не ожидая предательства от жителей города, оставил там своего сына губернатором. Однако едва он двинулся дальше, как получил печальное известие о том,

что жители Ясриба убили его сына. Сраженный горем, он повернул назад, чтобы совершить кровавую месть вероломному городу, и, срубив пальмы, из которых жители получали основное пропитание, осадил его со своим многочисленным отрядом воинов. Еврейский поэт сочинил элегию об уничтоженных пальмах, которые арабы любили как живые существа и об уничтожении которых они оплакивали, как о смерти дорогих родственников. Евреи соперничали с арабами-хазраджитами в храбрости при отражении атаки Абу-Карибы, и в конце концов им удалось измотать его войска. Во время осады химьяритский царь заболел тяжелой болезнью, и в окрестностях нельзя было найти пресной воды, чтобы утолить его жгучую жажду. Два еврейских законоучителя из Ясриба, Кааб и Асад по имени, воспользовались усталостью Абу-Карибы, чтобы пробраться в его палатку и убедить его простить жителей Ясриба и снять осаду. Арабы сочинили целую легенду об этой беседе, но несомненно, что еврейские мудрецы нашли возможность поговорить с Абу-Карибой об иудаизме и преуспели в том, чтобы пробудить в нем живой интерес к нему. Увещевания Кааба и Асада подняли его симпатии до такой степени, что он решил принять еврейскую веру и побудил химьяритскую армию поступить так же.

По его желанию два еврейских мудреца из Ясриба сопровождали его в Йемен, чтобы обратить его народ в иудаизм. Это обращение, однако, было нелегким, поскольку нация не отказывается от своих мнений, обычаев и вредных привычек по своему желанию. В стране оставалось столько же язычников, сколько и евреев; они сохранили свои храмы, и им было позволено беспрепятственно исповедовать свою религию. В целом иудаизм, который исповедовал король Йемена, должно быть, был очень поверхностным и не мог оказать заметного влияния на обычаи или образ жизни народа. Принц благородного племени кендитов, племянник короля Йемена по имени Харит Ибн-Амру, также принял иудейскую веру. Абу-Кариба назначил его наместником мааддитов на Красном море, а также передал ему управление Меккой и Ясрибом. Вместе с Харитом многие кендиты перешли в иудаизм. Весть о еврейском царе и еврейской империи в самой красивой и плодородной части Аравии распространилась за границу многочисленными иностранцами, посещавшими страну с целью торговли, и достигла евреев самых отдаленных земель. Утверждалось, что они поселились там еще до разрушения Первого Храма и падения Израильского царства.

Правление Абу-Карибы длилось недолго после принятия им иудаизма. Его воинственный характер мешал ему поддерживать мир и побуждал его к смелым предприятиям. Говорят, что в одной из таких кампаний он был убит своими собственными солдатами, которые были измотаны усталостью и утомительными маршами. У него осталось трое сыновей: Хасан, Амру и Зора, все они были несовершеннолетними.

Зора, самый младший (520-530), получил прозвище Ду-Новас (кудрявый) из-за своей прекрасной шевелюры. Он был ревностным последователем иудаизма и по этой причине дал себе еврейское имя Юсуф. Но его рвение к религии, ревностным сторонником которой также был его отец, постоянно втягивало его в трудности и приносило несчастье ему, его королевству и евреям Химьяры. Король Зорах Юсуф Ду-Новас слышал, как его единоверцы в византийском королевстве ежедневно страдали от преследований. Он глубоко сочувствовал им и поэтому хотел возмездием заставить византийских императоров вершить правосудие над евреями. Когда несколько римских (византийских) купцов путешествовали по делам через Химьяру, царь приказал схватить их и предать смерти. Это посеяло ужас среди христианских купцов, которые вели торговлю со страной, откуда поступали сладкие духи и богатства Индии. Это также

привело к упадку индийской и арабской торговли. Вследствие этого Ду-Новас втянул свой народ в изнурительную войну.

Соседний царь Айдуг, который все еще придерживался язычества, упрекнул еврейского царя в его невежливом шаге по разрушению торговли с Европой. Оправдание Ду-Новаса состояло в том, что каждый год многие известные евреи в Византии невинно предавались смерти. Это, однако, не произвело никакого впечатления на Айдуга. Он объявил войну Ду-Новасу и победил его в битве (521). Говорят, что в результате своей победы Айдуг принял христианство. Дуновас не был убит в этой битве, как сообщают христианские авторитеты, но предпринял еще одну попытку и из-за своей импульсивности оказался втянутым в новые трудности. Наджаран в Йемене был населен в основном христианами; у него также был христианский вождь, Харит (Арета) Ибн-Калерб, который был феодалом иудео-химьяритского королевства. Харит, вероятно, не выполнял свои феодальные обязанности во время войны против Айдуга, или же он, возможно, совершил другие акты неподчинения. В одном сообщении говорится, что в Наджаране были убиты два молодых еврея и что главный харит знал об этом. Иудейский царь был этим очень недоволен; во всяком случае, у Дуноваса был предлог наказать правителя Наджарана как мятежника. Он осадил город и довел жителей до такого положения, что они были вынуждены капитулировать. Триста сорок избранных мужчин во главе с Харисом отправились в лагерь Ду-Новаса, чтобы подписать условия мира (523). Говорят, что там царь Химьяры, хотя и заверил этих людей в неприкосновенности от наказания, решил либо заставить их принять иудаизм, либо предать смерти. Поскольку они отказались отречься от своей веры, сообщается, что они были казнены, а их тела выброшены в реку. Все это настолько легендарно, что невозможно обнаружить какой-либо исторический факт. Несомненно одно: Ду-Новас обложил христиан в королевстве Химьяра тяжелой данью в качестве возмездия за преследование своих единомыслителей в христианских странах.

Весть о событиях в Наджаране распространилась со скоростью лесного пожара; число жертв было преувеличено, а наказание повстанцев было заклеено как преследование христиан со стороны еврейского царя. О мучениках была написана элегия. Симеон, сирийский епископ, путешествовавший по северной Аравии, сделал все возможное, чтобы поднять врагов против Дуноваса. Симеон поверил распространенному преувеличенному рассказу. Он послал язвительное письмо другому епископу, жившему недалеко от Аравии, умоляя его настроить христиан против иудейского царя и подстрекнуть неджуса (царя) Эфиопии к войне против него. Он также предложил заключить в тюрьму учителей иудаизма в Тверии и заставить их написать Ду-Новасу, чтобы тот ради них прекратил преследование христиан. Императора Юстина Первого, слабого и глупого старика, также попросили пойти войной на иудейского царя. Но его народ был вовлечен в войну против персов, и поэтому он ответил: "Химьяра находится слишком далеко от нас, и я не могу позволить моей армии пройти такое большое расстояние по песчаной пустыне. Но я напишу королю Эфиопии, чтобы он послал войска в Химьяру".

Таким образом, многие враги сговорились погубить того, кто пытался всячески помогать своим единомыслителям. Самым грозным врагом Дуноваса был Элесбаа (Ацбаха), неджу из Эфиопии, монарх, полный религиозного рвения. Он с завистью взирал на корону на голове еврея, и его не нужно было уговаривать сражаться, ибо еврейское царство долгое время было занозой в его боку. Элесбаа снарядил мощный флот, который византийский император, или, скорее, молодой Юстиниан, его соправитель, пополнил кораблями из Египта. Многочисленная армия пересекла узкий пролив Красного моря и направилась в Йемен. Христианские воины объединились с этой

армией. Ду-Новас, это правда, принял меры, чтобы предотвратить высадку эфиопской армии, оградив места высадки цепями и собрав армию на своей стороне. Армия Химьяры, однако, уступала по численности армии Эфиопии, но король полагался на свою верную и отважную кавалерию. Первое сражение закончилось катастрофически для Ду-Новаса. Город Зафара (Thafar) попал в руки врага, а вместе с ним королева и сокровища. Химьярские солдаты потеряли всякое мужество. Юсуф Ду-Новас, видевший, что спасения нет, и не желавший попадать в руки своего надменного врага, бросился вместе со своим конем со скалы в море, и его тело унесло далеко (530). Победоносные эфиопы бушевали в Химьяре огнем и мечом, грабя, убивая и уводя безоружных пленников. Они были так разгневаны на евреев в Химьяре, что убили тысячи людей в качестве искупительной жертвы за предполагаемых христианских мучеников Наджарана. Таков был конец еврейского царства Химьяра, которое возникло за ночь и в ту же ночь исчезло.

Примерно в это же время евреи Ясриба вступили в междоусобицу с соседними племенами Аравии. Евреи в Ясрибе, благодаря своим близким отношениям с царем Химьяры, чья власть распространялась на провинцию, правили язычниками, и еврейский вождь был губернатором. Арабы кайланской расы (Аус и Хазрадж) ненавидели правление евреев и воспользовались возможностью восстания, когда евреи не могли рассчитывать на помощь Химьяры. Арабский вождь из рода Гассанидов, Харит Ибн Абу Шаммир, который был тесно связан с расой Кайланов, был приглашен повести свои войска в направлении Ясриба. Этот храбрый и предприимчивый принц Аравии, находившийся при византийском дворе, принял приглашение. Чтобы не вызывать подозрений у евреев, Ибн Абу Шаммир сообщил, что намерен отправиться в Химьяру. Он расположился лагерем близ Ясриба и пригласил еврейских вождей посетить его. Многие из них пришли, ожидая, что их встретят с обычной щедростью принца и завалят подарками. Но когда они вошли в палатку принца Гассанидов, их одного за другим убили. Вслед за этим Ибн Абу Шаммир воскликнул арабам Ясриба: "Я освободил вас от большей части ваших врагов; теперь вам будет легко справиться с остальными, если у вас хватит силы и мужества". Затем он удалился. Арабы, однако, не решились открыто вступить в бой с евреями, а прибегли к хитрости. Во время банкета были убиты все еврейские вожди, а также Альгитджун, или Шериф, еврейский принц. Лишенные своих вождей, евреи Ясриба были легко завоеваны арабами, и они были вынуждены уступить им свои крепости (530-535). Прошло много времени, прежде чем они смогли оправиться от потери своей силы и чувства поражения. Ненадежность их жизни научила их притворству, и они постепенно отдавали себя под защиту того или иного племени и таким образом становились зависимыми (мавали) от Ауса и Хазраджа. Они надеялись на пришествие Мессии, который сокрушит их врагов.

Харис Ибн Абу Шаммир, принц Гассанидов, по возвращении из Ясриба затеял вражду с еврейским поэтом, который благодаря этому стал известен по всей Аравии. Самуил Ибн-Адия (родился около 500 года и умер около 560 года), чей воинственный дух проявился в нападениях Гассанидов, обрел бессмертие благодаря своей дружбе с самым знаменитым поэтом Аравии времен до Магомета. Его биография дает представление о жизни евреев Аравии того времени. По мнению одних, Самуил происходил из языческой расы Гассанидов; по мнению других, он был еврейского происхождения, или, если быть более точным, у него была мать-арабка и отец-еврей. Адия, его отец, жил в Ясрибе, пока не построил замок по соседству с Таймой, который из-за множества цветов получил название Аль-аблак и был увековечен в арабской поэзии. Самуил, вождь небольшого племени, пользовался таким уважением в Хиджасе, что более слабые

племена отдавали себя под его защиту. Аблак был убежищем для преследуемых и изгнанников, и владелец замка защищал тех, кто жил под его крышей, рискуя своей жизнью.

Имрулькаис Ибн Ходжр, отважный сын кендитского принца и в то же время самый выдающийся поэт Аравии, был окружен со всех сторон тайными и явными врагами и нигде не мог найти убежища, кроме безопасного убежища Самуила. Еврейский поэт, хозяин замка, гордился тем, что предоставил убежище самому знаменитому писателю Аравии, слава и приключения которого были известны по всему полуострову. Имрулькаис отвез свою дочь и то, что осталось от его свиты, в Аблак и прожил там некоторое время. Поскольку у кендитского принца не было никаких шансов заручиться помощью арабов, чтобы отомстить за убийство своего отца и вернуть себе отцовское наследство, он попытался привлечь на свою сторону Юстиниана, византийского императора. Прежде чем отправиться в путь, он поручил Сэмюэлю позаботиться о своей дочери, своей двоюродной сестре, а также о пяти ценных кольчугах и другом оружии. Самуил обещал охранять вверенных ему людей и имущество как зеницу ока. Но это оружие принесло ему несчастье. Когда принц Гассанидов находился в Хиджасе, он отправился в Аблак, замок Самуила, и потребовал сдачи оружия Имрулькаиса. Самуил отказался сдать их в соответствии со своим обещанием. Затем Харит осадил замок. Однако, сочтя его неприступным, тиран прибегнул к варварскому способу, чтобы заставить Самуила подчиниться. Один из сыновей Самуила был выведен за пределы цитадели своей кормилицей, и Харит схватила его и пригрозила убить, если Самуил не выполнит его просьбу. Несчастный отец лишь мгновение колебался между долгом перед своим гостем и привязанностью к сыну; его чувство долга возобладало, и он сказал принцу Гассанидов: "Делай, что хочешь; время всегда мстит за предательство, а у моего сына есть братья". Не тронутый таким великодушием, деспот убил сына на глазах у его отца. Тем не менее, Хариту пришлось уйти из Аблака, так и не достигнув своей цели. Арабская пословица "Верный, как Самуил", используемая для выражения бессмертной веры, возникла из этого обстоятельства.

Многие обвиняли его в том, что он пожертвовал своим сыном; но он защищал себя в стихотворении, полном благородных чувств, мужества и рыцарских идей:

О, вы, цензоры, перестаньте обвинять человека,
Который так часто игнорировал ваше порицание.
Тебе следовало бы, когда я заблуждался, правильно направлять меня,
Вместо того, чтобы сбивать с пути пустыми словами.
Я сохранил кольчуги кендитов;
Другой может предать оказанное ему доверие!
Так Адия, мой отец, наставлял меня в давно минувшие дни:
"О Самуил, не разрушай того, что я построил!"
Для меня он построил сильное и безопасное место, где
я никогда не боялся бросить вызов своему угнетателю.

Перед своей смертью (около 560 г.) Самуил мог с гордостью вспоминать свою рыцарскую жизнь и защиту, которую он оказывал слабым. Его лебединая песня гласит:-

О, если бы я знал, в тот день, когда будут оплакивать мою потерю,
Какое свидетельство дадут мне мои скорбящие;
Скажут ли они: "Оставайся с нами! Ибо
Во многих бедах ты утешал нас;
От прав, которые у тебя были, ты никогда не отказывался,
И не нуждался в напоминании, чтобы передать их другим ".

Его сын Шораич пошел по стопам отца. Он был храбрым и благородным человеком. Однажды Маймун Аша, знаменитый арабский поэт, чей неуправляемый нрав возбудил против него множество врагов, был преследуем противником, и, попав в плен, он был, случайно и никем не признанный, доставлен вместе с другими пленниками в Тайму, замок Шораич. Здесь, чтобы добиться своего освобождения, он спел стихотворение во славу Сэмюэля:

Будьте подобны Самуилу, когда свирепый воин
тяжело давил на него своим строем;
"Выбирайте между потерей ребенка и неверием!"
О, дурной выбор, который тебе пришлось сделать!
Но он быстро и спокойно ответил:
"Убей своего пленника, я выполняю свои обещания".

К концу VI века евреи Ясриба почти оправились от жестоких ударов, нанесенных им их соседями в Аравии. Их правители, Аусы и Хазраджи, истощили себя в кровавых междоусобицах, длившихся двадцать лет, в то время как их союзники пострадали меньше. В результате очередной войны между теми же племенами евреи снова приобрели большое значение в Ясрибе.

Иудаизм не только привлек на свою сторону многие племена Аравии и научил сынов пустыни некоторым незаменимым искусствам, но и вдохновил основателя религии, сыгравшего важную роль в великой драме мировой истории и чье влияние сохраняется по сей день. Магомет, пророк Мекки и Ясриба, правда, не был верным сыном иудаизма, но он ценил его высшие цели, и это побудило его дать миру новую веру, известную как ислам, основанную на возвышенной основе. Эта религия оказала удивительное влияние на ход еврейской истории и на эволюцию иудаизма. На мирных собраниях в Мекке, на родине Абдаллы, на общественных рынках и во время своих путешествий сын Абдаллы много слышал разговоров о религии, которая признает веру в единого Бога, который правит миром. Он много слышал об Аврааме, посвятившем себя служению Богу, а также о религии и морали, которые давали последователям иудаизма преимущество перед неверными. Все это произвело сильное впечатление на ум Магомета, одновременно оригинальный и восприимчивый. Варака Ибн Науфаль, знаменитый мекканец и потомок благородной расы хорайш, был двоюродным братом Хадиджи, жены Магомета, он принял иудаизм и хорошо знал иврит. Он, несомненно, внушил Магомету любовь к религии Авраама.

Первые доктрины Магомета были сильно окрашены еврейским колоритом. Впервые он задумал их, когда страдал эпилепсией, и сообщил о них своим друзьям, притворившись, что они были открыты ему ангелом Гавриилом. Прежде всего он провозгласил простой, но фундаментальный принцип иудаизма: "Нет Бога, кроме Аллаха"; позже его гордость побудила его добавить в

качестве неотъемлемой части исповедания веры: "и Магомет - его пророк". Иудаизм может справедливо считать его учение победой своих собственных истин и исполнением пророчества о том, что "однажды каждое колено преклонится перед единственным Богом, и каждый язык будет поклоняться Ему", поскольку Магомет учил единству Бога, что нет богов, кроме Него (анти-троицы), и что Он не может быть представлен никаким образом. Он проповедовал против распутного идолопоклонства, которое практиковалось с 300 идолами в Каабе; он выступал против безнравственности, которая открыто и бесстыдно практиковалась среди арабов; он осуждал отвратительную практику родителей, которые из страха или для того, чтобы избавиться от них, топили своих новорожденных дочерей, и он заявил, что во всех этих изменениях нет ничего нового, но что они были предписаны верой в древнюю религию Авраама. Нечто подобное произошло в то время, когда Павел из Тарса впервые ознакомил эллинов с историей и принципами иудаизма.

Лучшие учения Корана заимствованы из Библии или Талмуда. Вследствие трудностей, с которыми Магомету в течение нескольких лет (612-633) приходилось сталкиваться в Мекке из-за этих очищенных доктрин, вокруг здорового ядра выросла отвратительная шелуха. Связь Магомета с евреями Аравии оказала немалую помощь в определении и модификации учения ислама. Им посвящены отрывки из Корана, иногда в дружеском, иногда во враждебном духе.

Когда Магомету не удалось добиться слушания в Мекке, центре идолопоклонничества в Аравии, и он даже рисковал расстаться там с жизнью, он обратился к нескольким людям из Ясриба и убедил их принять его доктрины. Эти люди были лучше знакомы с еврейскими доктринами, чем жители Мекки; они находили в откровениях Магомета близкую аналогию с тем, что они часто слышали от своих еврейских соседей. Поэтому они проявили склонность последовать за ним и добились того, что его пригласили в Ясриб, где его учение, вероятно, было благосклонно воспринято из-за проживавшего там множества евреев. Как только он прибыл туда (622 год изгнания — Хиджра), Магомет позаботился о том, чтобы привлечь на свою сторону евреев Ясриба и изложить свои цели, как будто он хотел добиться всеобщего признания иудаизма в Аравии. Когда он увидел, что евреи постятся в день Искупления, он сказал: "Нам подобает поститься в этот день больше, чем евреям", - и он установил постный день (Ашура). Магомет заключил официальный союз для взаимной защиты с еврейскими племенами и ввел обычай обращаться в молитве к Иерусалиму (Кибле). В спорах между евреями и его учениками (мусульманами), которые были вынесены на его суд, он вел себя снисходительно к евреям. По этой причине ученики Магомета предпочитали выносить спорные вопросы на рассмотрение еврейского вождя, потому что они ожидали от него большей беспристрастности, чем от Магомета. Магомет долгое время нанимал писца-еврея для ведения своей переписки, поскольку сам он не умел писать. Эти успехи со стороны человека со столь большими перспективами были очень лестны евреям Медины. Они смотрели на него в какой-то степени как на еврейского прозелита и ожидали увидеть, как иудаизм через него придет к власти в Аравии. Некоторые из них преданно следовали за ним и были его верными союзниками (ансарами); среди них был ученый юноша Абдаллах Ибн Салам из племени Кайнука. Абдаллах и другие евреи помогали Магомету в распространении Корана. Неверующие арабы часто упрекали его, говоря, что он был слухачом (принимал все за истину), что его учил не ангел Гавриил, а смертный человек. Тем не менее, хотя Абдаллах Ибн Салам и другие еврейские ансары поддерживали его, они были далеки от отказа от иудаизма по этой причине и продолжали соблюдать еврейские заповеди, и Магомет поначалу не был оскорблен таким поведением.

Но лишь небольшое число евреев Медины присоединилось к группе верующих, особенно когда они увидели его эгоистичные усилия, надменность и ненасытную любовь к женщинам. Они носили в своих сердцах слишком высокий идеал своих древних пророков, чтобы ставить этого энтузиаста, который стремился к каждой красивой женщине, наравне с ними. "Посмотрите на него, - говорили евреи, - он не довольствуется едой и не имеет другого желания, кроме как быть окруженным женщинами. Если он пророк, он должен ограничиться своими обязанностями пророка, а не обращаться к женщинам". Другие евреи говорили: "Если Магомет - пророк, он должен появиться в Палестине, ибо только в этом месте Бог является своим избранным". Евреи также возражали ему, говоря: "Ты гордишься тем, что придерживаешься веры Авраама, но Авраам не употреблял мясо и молоко верблюдиц". Главными противниками Магомета со стороны евреев были Пинехас Ибн Азура, человек едкого ума, который пользовался любой возможностью, чтобы выставить Магомета в смешном свете; более того, широко известный Кааб Ибн Ашараф, отпрыск отца-араба и матери-еврейки; поэт Абу-Афак, старик более ста лет от роду, который пытался возбудить ненависть к Магомету среди невежественных арабов; и Абдаллах, сын Сауры, которого считали самым образованным евреем в Миров. Хиджас. Пинехас является автором остроумного ответа на приглашение Магомета еврейскому племени Бену-Кайнука принять ислам. Магомет в своем послании использовал слова: "Предоставьте себя Богу в качестве прекрасного залога". Пинехас ответил: "Бог настолько беден, что берет у нас займы!" Таким образом, еврейские противники Магомета придавали смехотворный смысл его высказываниям и откровениям и относились к нему презрительно, не ожидая, что беглец из Мекки, пришедший в Медину за помощью, вскоре смирит и частично уничтожит их племена, и что в грядущие времена он будет управлять судьбой многих их единоверцев. Они слишком полагались на собственное мужество и силу и забыли, что самый опасный враг - это тот, кем слишком часто пренебрегают. Магомет, действительно, с хитрым притворством поначалу принимал презрение, которым его одаривали евреи, с кажущимся хладнокровием. Он посоветовал своим ученикам: "Сражайтесь только подобающим образом с людьми, которые верят в Священное Писание (евреями), и говорите: "Мы верим в то, что было открыто нам и вам. Наш Бог такой же, как и ваш, и мы верны Ему". Но взаимное недовольство затрудняло постоянное поддержание мира. С одной стороны, евреи делали все возможное, чтобы оттолкнуть последователей Магомета. Им удалось настроить против Магомета первого человека в Медине, хазраджита Абдаллаха Ибн Убея, так что он оставался враждебен Магомету до конца своих дней. Этот человек должен был вот-вот быть избран царем своего города, но с приходом Магомета он был отброшен в тень. С другой стороны, его последователи убеждали его заявить, до какой степени он придерживается иудаизма. Они увидели, что его ученики среди евреев все еще продолжали соблюдать еврейские законы и воздерживаться от верблюжьего мяса, и они сказали ему: "Если Тора - божественная книга, то давайте следовать ее учению". Поскольку Магомет был истинным арабом, он не мог присоединиться к иудаизму и понимал, что арабы не будут следовать религиозным обычаям, которые были им совершенно чужды. Так что ему оставалось только окончательно порвать с евреями. Вслед за этим он опубликовал длинную суру (называемую "Сура коровы"), полную оскорблений в адрес евреев. Он изменил положение, принимаемое во время молитвы, и постановил, что верующие должны больше обращать свои лица не к Иерусалиму, а к Мекке и Каабе. Он отказался от поста в день Искупления (Ашура) и установил вместо него священный месяц Рамадан, как это было принято у арабов с очень древних времен. Он был вынужден отказаться от многого из того, что он вначале выдавал за Божье откровение. Теперь Магомет утверждал, что Тора содержала много намеков на его внешность и призвание как пророка, но евреи вычеркнули эти отрывки. Сначала он заявил, что

евреи обладают истинной верой; позже он сказал, что они почитают Эзру (Озаира) как сына Божьего, точно так же, как христиане почитали Иисуса, и что, следовательно, евреев следует считать неверующими. Его ненависть к евреям, которые отказывались принять его пророчества и разгадывали его замыслы, постоянно увеличивала пропасть между ними и им.

Хотя в глубине души он ненавидел евреев, все же он не осмеливался провоцировать их актами насилия, потому что его авторитет был недостаточно велик, а евреи превосходили числом его последователей. Но после битвы при Бедре (зимой 624 года), когда небольшой отряд магометан одержал победу над многочисленными курайшитами, ситуация изменилась. Магомет, чье могущество значительно возросло благодаря этой победе, сменил позицию смиренного пророка на позицию фанатичного тирана, для которого любая мера, даже убийство, была оправданным средством освобождения от своих врагов. Однако он был достаточно благоразумен, чтобы не ввязываться в споры с могущественными еврейскими племенами; он начал со слабых и беззащитных. Поэтесса Асма, дочь Мервана, еврейского происхождения, вышедшая замуж за араба, была убита ночью во сне (потому что она сочиняла сатиры на лжепророка), и он похвалил убийцу. После этого еврейское племя Кайнукаа испытало на себе его религиозный гнев. Это было самое слабое из еврейско-арабских племен, и к нему принадлежал Пинехас Ибн-Азура, чье саркастическое остроумие выставило Магомета в смешном свете. Предлог был самый незначительный. Магометанин убил еврея из-за неудачной розыгрыша, и кайнукаа отомстил за его смерть. Вслед за этим Магомет призвал их исповедовать ислам или принять войну как альтернативу. Они ответили: "Мы, это правда, за мир и с радостью сохранили бы наш союз с вами; но поскольку вы хотите начать с нами войну, мы покажем, что у нас нет страха". Они рассчитывали на помощь племен Надир и курайза, которые были их единоверцами, и удалились в свои крепости в Медине. Магомет собрал свои войска и осадил Кайнуку. Если бы многочисленные евреи северной Аравии, Надира, Курайзы и те из Хайбара, которые, подобно кайнукаа, находились под угрозой, пришли к ним на помощь, и если бы они, пока не стало слишком поздно, заключили наступательный и оборонительный союз, они смогли бы сокрушить Магомета и его разрозненных последователей, на верность которых он, к тому же, не мог полностью полагаться. Но евреи, как и арабы, были разделены, и каждое племя руководствовалось только своими интересами. Кайнукаа отчаянно сражались в течение пятнадцати дней, ожидая подкрепления от своих единоверцев. Но так как они не пришли, они сдались врагу. Магомет приказал заковать в цепи всех евреев Кайнуки с намерением убить их; но слово Абдаллаха Ибн Убея, их союзника, заставило его в тревоге отступить от своей цели. Абдаллах схватился за свою кольчугу и сказал: "Я не отпущу тебя, пока ты не пообещаешь мне пощадить пленников; ибо они составляют мою силу; они защищали меня от черных и краснокожих". На что Магомет ответил: "Пусть они будут свободны; пусть Бог осудит их и Абдаллаха вместе с ними!" Евреи Кайнукаа, числом 700 человек, были вынуждены оставить свое имущество, и они отправились в Палестину в самом нищем состоянии (февраль 624 г.). Они поселились в Батане, главным городом которой был Адраат, где они, вероятно, были по-братски приняты своими единоверцами, которые в то время были свободны от византийского ига.

После победы над кайнука Магомет сообщил мусульманам откровение против евреев, которое лишило их всякой защиты: "О вы, верующие, не выбирайте себе в союзники евреев и христиан; они могут защитить себя сами. Тот, кто дружит с ними, является одним из них; Бог не терпит грешных людей". Это исключение было менее вредным для христиан, поскольку они были немногочисленно представлены в северной Аравии и в целом сохраняли нейтралитет.

Напротив, евреи, привыкшие к независимости и полные воинственного мужества, оказались втянутыми в многочисленные споры из-за этого акта вне закона. Их бывшие союзники по большей части отреклись от них и по приказу Магомета жестоко отомстили им.

Говорят, что из-за этой взаимной смертельной ненависти, существующей между Магометом и евреями, Бену-надиры однажды пригласили его в свой замок Зухара с намерением сбросить его с террасы и таким образом покончить с его жизнью. В то время их начальником был Худжей Ибн-Ахтат. Магомет принял приглашение, но наблюдал за передвижениями евреев.

Подозревая, что они желают его смерти, он скрылся и поспешил в Медину. Говорят, что евреи Надира дорого заплатили за этот вероломный проект. Магомет предоставил им выбор: покинуть свои дома в течение десяти дней или готовиться к смерти. Сначала надириты были полны решимости избежать войны и эмигрировать, но, ободренные Абдаллахом, который пообещал им помощь, они приняли брошенный вызов. Однако они напрасно ждали обещанной им помощи. Магомет начал военные действия против них, выкорчевал и сжег финиковые деревья, которые снабжали их пищей. Его собственный народ взбунтовался из-за этого, ибо для этих беспринципных воинов пальмовая ветвь была святее человеческой жизни. После нескольких дней осады надириты были вынуждены капитулировать, и условия заключались в том, что они должны были уйти без оружия и взять с собой только определенную часть своего имущества — столько, сколько мог унести верблюд.

После этого они эмигрировали числом в шестьсот человек, некоторые из них отправились к своим соотечественникам в Чайбар, а некоторые поселились в Иерихоне и Адраате (июнь-июль 625 г.). Война против надиритов была позже оправдана Магометом через откровение Корана, которое гласило: "Все на небесах и на земле восхваляют Бога; Он - самый почитаемый, самый мудрый. Он - тот, кто изгнал неверующих из числа людей Писания из мест их обитания (Кайнука), чтобы отправить их к тем, кто уже эмигрировал. Вы не думали, что они выйдут, они сами думали, что их укрепления защитят их от самого Бога, но Бог напал на них неожиданно и вселил ужас в их сердца, так что их дома были разрушены их собственными руками, а также опустошены верующими". Изгнанные Бену-Надиры, оставшиеся в Аравии, не восприняли свое несчастье спокойно, но предприняли усилия по созданию коалиции с врагами Магомета, чтобы напасть на него объединенными силами. Трое уважаемых надиритов, Худжедж, Кинана Ибн-ол-Раба и Саллам Ибн Мишхам, подстрекали курайшитов в Мекке в союзе с могущественным племенем Гатафан и другими начать войну против надменного пророка-тирана, который с каждым днем становился все более могущественным и жестоким. Враги Магомета в Мекке, хотя и были полны гнева против него, сначала были подстрекаемы евреями вступить с ним в бой.

Благодаря деятельности надиритов арабские племена были вынуждены присоединиться к войне. Однако им было труднее склонить своих единоверцев, бену-курайза, к участию в этом деле. Кааб Ибн Асад, губернатор Курайзы, сначала не захотел принять надирита Худжеджу, который просил его защиты, потому что его племя заключило союз с Магометом и мусульманами, а он был настолько простодушен, что полагался на слово Магомета. Худже удалось убедить его в опасности, угрожавшей евреям, и в том, что победа стольких союзников над менее многочисленными мусульманами была несомненной. Бену-Курайза уступил его доводам. Десять тысяч союзных войск выступили в поход, намереваясь застать Медину врасплох. Магомет, предупрежденный дезертиром, не позволил своей армии, уступавшей ему по численности, вступить в решительное сражение. Он укрепил Медину, окружив ее глубоким ровом и другими оборонительными сооружениями. Арабы, привыкшие сражаться в одиночку,

тщетно выпускали свои стрелы по укреплениям. В конце концов Магомету удалось посеять семена взаимного недоверия между главными союзниками, а именно курайшитами, гатафанцами и евреями.

"Война на рву" закончилась благоприятно для Магомета и очень неудачно для евреев, на которых теперь обрушился весь его гнев. На следующий день после ухода союзников Магомет с 3000 человек выступил в поход на Курайзу, объявив, что таким образом он повинуетя прямому откровению. Его следующим шагом было пробудить энтузиазм своих последователей в деле войны. "Пусть послушный вознесет свои молитвы по соседству с Курайзой", - такова была формула, которой он увещевал их. Евреи, не в силах сопротивляться в битве, удалились в свои крепости, которые они привели в состояние обороны. Здесь они были осаждены Магометом и его войсками в течение двадцати пяти дней (февраль-март 627 г.). Затем у осажденных стало не хватать продовольствия, и возникла необходимость подумать о капитуляции. Они умоляли Магомета поступить с ними так, как он поступил с их братьями, надиритами, а именно позволить им уйти со своими женами, детьми и частью имущества. Мстительный пророк, однако, отклонил их просьбу и потребовал безоговорочной капитуляции.

Почти 700 евреев, среди них вожди Кааб и Худжей, были безжалостно убиты на рыночной площади, а их тела брошены в общую могилу. Рыночная площадь с тех пор называлась Курайза. И все это было сделано во имя Бога! Коран ссылается на это в следующем стихе: "Бог изгнал из их крепостей тех людей Писания [евреев], которые помогали союзникам, и он вселил в их сердца ужас и смятение. Некоторых из них ты обратил в бегство, некоторых взял в плен; он заставил тебя унаследовать их землю, их дома и их богатство, а также землю, по которой ты не ступал; ибо Бог всемогущ". Женщин обменяли на оружие и лошадей. Магомет пожелал оставить одну из пленниц, красивую девушку по имени Рихана, в качестве своей наложницы; однако она гордо отвергла его ухаживания. Только один из курайзитов остался в живых, некий Забир Ибн-Бата, и то только благодаря заступничеству Табита, одного из его друзей. Полный радости, последний поспешил к престарелому Забиру, чтобы рассказать ему о своей удаче. "Благодарю тебя", - сказал еврейский мудрец, лежавший в оковах. - "Но скажи мне, что стало с нашим вождем Каабом?" "Он мертв", - ответил Табит. "А Худжедж Ибн-Ахтаб, князь евреев?" "Он мертв", - снова ответил он. "А Аззель Ибн-Самуил, бесстрашный воин?" "Он тоже мертв", - снова был его ответ. "Тогда я не хочу жить", - сказал Забир. Старик умолял позволить ему умереть от рук своего друга. Его желание было исполнено.

Год спустя настала очередь евреев округа Чайбар, конфедерации небольших еврейских государств. Эта война, однако, затянулась в длительную кампанию, потому что в провинции было несколько крепостей, которые находились в хорошем состоянии и были хорошо защищены. Изгнанные надириты в Чайбаре подняли своих товарищей на решительное сопротивление. Арабские племена Гатафана и Фезары пообещали помощь. Ведущим духом чайбаритов был изгнанный надирит Кинана Ибн Рабаи, человек, обладавший неукротимой твердостью и мужеством. Его называли царем иудейским, и ему подстрекали Мархаба, гиганта химьяритского происхождения. Магомет перед началом войны обратился с молитвой к Богу, умоляя его даровать победу над евреями Чайбара. Война, в которой Магомет задействовал 14 000 воинов, длилась почти два месяца (весна 628 г.).

Война против Хайбара приняла тот же характер, что и та, что велась против других еврейских племен. Все началось с вырубki пальм и осады небольших крепостей, которые сдались после

непродолжительного сопротивления. Магомет встретил самое энергичное сопротивление в крепости Камус, которая была построена на отвесной скале. Магометане несколько раз были отброшены евреями. Абу-Бекр и Омар, два храбрейших полководца Магомета, потеряли свою славу непокоренных героев у стен Камуса. Мархаб совершил замечательные подвиги доблести, чтобы отомстить за смерть своего брата, павшего ранее на войне.

Когда Магомет послал против него своего третьего полководца, Али, еврейский герой обратился к нему так: "Чайбар знает мою доблесть, я Мархаб, герой, хорошо вооруженный и испытанный в бою". Затем он вызвал Али на поединок один на один. Но его время пришло. Он пал от рук своего сверстника. После многих попыток врагу удалось проникнуть в крепость. Как жили пленники, неизвестно. Кинану схватили и вздернули на дыбу, чтобы заставить его открыть свои спрятанные сокровища. Но он перенес боль и даже смерть, не произнеся ни слова. После того, как крепость пала, евреи пали духом, и другие крепости сдались при условии, что гарнизонам будет позволено уйти. Впоследствии им было разрешено вступить во владение своими землями, и они должны были платить в качестве ежегодной дани только половину своей продукции. Магометанские завоеватели завладели всем движимым имуществом и вернулись домой, нагруженные добычей евреев. Фадак, Вадил-Кора и Таима также подчинились. Их жителям, согласно соглашению, было разрешено остаться на своей земле. 628 год повсюду отличался для евреев смертельными исходами. Он знаменует победу Магомета над евреями Хайбара, упадок последних независимых еврейских племен и преследование евреев Палестины императором Ираклием, который на короткое время снова взялся за оружие. Меч, которым пользовались хасмонеи, защищая свою религию, и который, в свою очередь, использовали zeloty и арабские евреи, был вырван из рук последних еврейских героев Хайбара, и с этого момента евреям приходилось использовать другое оружие для защиты своего святилища.

Магомет привез с собой с войны в Чайбаре двух хорошеньких еврейских женщин: Сафию, дочь его заклятого врага, надиритки Худжедж, и Зайнаб, сестру Мархаб. Эта отважная женщина придумала хитрость, с помощью которой она могла бы отомстить за убийство своих единоверцев и родственников. Она притворилась дружелюбной по отношению к нему и приготовила для него угощение. Магомет, ничего не подозревая, съел отравленное блюдо, которое она поставила перед ним и его спутниками. Один из них умер от последствий. Но Магомет, которому это блюдо не пришлось по вкусу и который едва попробовал его, был спасен живым, но долго страдал и ощущал действие яда до самого своего смертного часа. На вопрос о причине своего поступка Зейнаб хладнокровно ответила: "Ты преследовал мой народ невыразимыми страданиями; поэтому я подумала, что если бы ты был просто воином, я могла бы обеспечить им покой с помощью яда, но если бы ты действительно был пророком, Бог вовремя предупредил бы тебя, и тебе не причинили бы вреда".

Вслед за этим Магомет приказал предать ее смерти и приказал своим войскам не пользоваться кухонными принадлежностями евреев до того, как они будут ошпарены. Остальные евреи даже сейчас не оставляли надежды освободиться от своего заклятого врага. Они интриговали против него и объединились с некоторыми недоброжелательно настроенными арабами. Дом еврея Сувайлима в Медине был назначенным местом встречи недовольных, которых Магомет и его фанатичные последователи называли "лицемерами" (Мунафикун). Предатель предал их, и дом Сувайлима был сожжен дотла. Евреи Аравии испытывали настоящую радость по поводу смерти Магомета (632 г.), потому что они, как и другие, верили, что арабы излечатся от своей ложной веры в то, что он был высшим существом, наделенным бессмертием. Но фанатизм вкупе с

любовью к войне и завоеваниям уже овладел арабами, и они приняли Коран в целом, как его отвратительные черты, так и истины, заимствованные из иудаизма, как непреложное Слово Божье. Иудаизм вырастил в исламе второго неестественного ребенка. Коран стал книгой веры значительной части человечества в трех частях света, и, будучи полон враждебных выражений по отношению к евреям, он, естественно, побуждал магометан к враждебным действиям по отношению к евреям. Это сопоставимо с тем воздействием, которое Апостолы и Евангелисты оказывали на христиан. Фанатизм второго халифа, Омара, человека дикой и энергичной натуры, был настолько велик, что он нарушил договор, заключенный Магометом с евреями Чайбара и Вадиль-Коры. Он изгнал их с их земель, как и христиан Наджарана, чтобы священная земля Аравии не была осквернена евреями и христианами.

Омар передал земельную собственность евреев магометанским воинам, а взамен им была передана полоса земли близ города Куфа на Евфрате (около 640 г.). Но поскольку ни одно зло в истории не обходится без благих последствий, господство ислама способствовало возвышению иудаизма из его глубочайшей деградации.

ГЛАВА IV. ЭПОХА ГЕОНИМОВ.

Завоевания ислама—Нетерпимость Омара—Положение евреев в Вавилонии—Бостанаи—Принцы плена и Геонимы—Достоинство и доходы принца—Общинная организация—Отлучение от церкви—Юлиан Толедский и евреи—Мусульмане в Испании—Евреи и арабская литература—Ассирийская система гласных—Неоеврейская поэзия: Хосе бен Хосе—Симон бен Каифа—Использование рифмы—Джаннаи—Елеазар Калири—Противодействие изучению Талмуда —Лжемессия Серенус, Сириец—Евреи в Крыму и Земле хазар—Лжемессия Обадия Абу—Иса.

640-760 гг. н. э.

Всего через десять лет после смерти Магомета прекраснейшие земли на севере Аравии и северо-западе Африки признали превосходство арабов, которые с мечом в одной руке и Кораном в другой пересекли границы Аравии с криком: "Нет Бога, кроме Аллаха, и Магомет - его пророк". Хотя во главе арабских войск не было выдающегося человека, они завоевали мир с гораздо большей скоростью, чем войска Александра Македонского. Персидское королевство, ослабленное старостью и раздорами, пало под первым ударом, а византийские провинции, Палестина, Сирия и Египет, жители которых испытывали лишь слабую симпатию к интриганскому константинопольскому двору, не оказали арабам ни малейшего сопротивления.

Медина, оазис в великой пустыне, место, неизвестное разным народам, стала законодателем для миллионов, точно так же, как Рим в древности. У различных народов, которые были покорены, не было иного выбора, кроме как признать Магомета пророком и принять ислам или платить дань. Император Ираклий отнял Палестину у персов всего за десять лет до того, как она снова была потеряна. И евреи, и самаритяне помогли арабам захватить эту землю, чтобы они могли освободиться от тяжелого ига злобного византийского владычества. Еврей передал в руки мусульман сильно укрепленный город Кесарию, политическую столицу королевства, в

котором, как говорят, находилось 700 000 воинов, среди которых было 20 000 евреев. Он показал им подземный ход, который привел осаждающих в сердце города. Святой город также после короткой осады был вынужден уступить магометанскому оружию. Второй преемник Магомета, халиф Омар, вступил в личное владение Иерусалимом (около 638 г.) и заложил первый камень в основание мечети на месте Храма. Говорят, что епископ Софроний, передавший ключи от Иерусалима Омару, не удивленный переменой судьбы, которую он сам пережил, капитулируя, договорился с халифом о том, что евреям будет запрещено селиться в Святом Городе. Это правда, что мусульмане считали Иерусалим святым местом, и они совершали туда паломничества. Они также называли его Святым городом (Алкудс), но он должен был оставаться недоступным для его сыновей. Говорят, что Омар изгнал из Твeрии как евреев, так и христиан. Так прекратилась литературная деятельность местной школы. Однако они получили разрешение снова поселиться там при последующих халифах.

Восходящий ислам был таким же нетерпимым, как и христианство. Когда Омар изгнал евреев из Чайбара и христиан из Наджарана, он дал указания своим генералам против евреев и христиан. Эти приказы назывались "завет Омара" и содержали множество ограничений в отношении "народов Книги" (евреев и христиан). Им не разрешалось строить новые молитвенные дома, ни восстанавливать те, которые лежали в руинах. Они должны были петь приглушенными голосами в синагогах и церквях и были вынуждены молча молиться за умерших.

Они не осмеливались препятствовать своим последователям в принятии ислама и были вынуждены оказывать знаки уважения мусульманам всякий раз, когда встречали их. Кроме того, им не разрешалось занимать судебные или административные должности. Им запрещалось ездить верхом на лошадях, и они должны были носить знаки отличия, по которым их можно было легко отличить от мусульман. Евреям и христианам не разрешалось пользоваться печаткой, которая считалась знаком почета. В то время как магометане были освобождены от налогов и в лучшем случае должны были платить лишь небольшой взнос в пользу бедных, евреи и христиане должны были платить подушный налог и арендную плату за землю.

Несмотря на этот факт, евреи чувствовали себя более свободными при новом правлении ислама, чем в христианских землях. Ограничительные законы Омара не выполнялись даже при жизни Омара, и хотя мусульмане-фанатики презирали евреев за их религию, они не презирали их как граждан, а оказывали большое почтение достойным евреям. Первые магометане относились к евреям как к равным себе; они уважали их как друзей и союзников и проявляли к ним интерес даже как к врагам. Азиатские и египетские евреи, следовательно, относились к магометанам как к своим освободителям от ига христиан. Мистический апокалипсис явно ссылается на радость, испытываемую при победе ислама. Симеон бар Йохай, которого считали мистиком, предсказывает возвышение ислама и оплакивает то же самое в молитве, которая звучит следующим образом: "Разве мы недостаточно пострадали от владычества нечестивого Эдома (римско-христианского владычества), чтобы теперь над нами возвышалось владычество Измаила?" Метаторон, один из главных ангелов, отвечает ему: "Не бойся, сын человеческий! Бог создает царство Измаил только для того, чтобы оно могло освободить вас от владычества нечестивого Эдома. Он воздвигнет для них пророка, он завоеует для них страны, и будет великая ненависть между ними и сынами Исава" (христианами). Таковы были чувства евреев по отношению к завоеваниям магометан.

Евреи в древнем вавилонском районе (арабы называли Ирак) достигли значительной степени свободы благодаря победам магометан. Во время их кампаний против последних персидских царей евреи и христиане-несториане, подвергавшиеся гонениям при последних сасанидских князьях, оказали им большую помощь. Евреи и халдейские христиане составляли основную массу населения близ Евфрата и Тигра. Их помощь, должно быть, была своевременной, поскольку мы находим, что даже фанатичный халиф Омар даровал им награды и привилегии. Несомненно, именно вследствие оказанных ими услуг магометанские военачальники признали Бостанаи, потомка экзиларха дома Давидова, главой евреев. Омар настолько уважал Бостани, что отдал ему в жены дочь персидского царя Хосру. Она была взята в плен вместе со своими сестрами (642) — необычный поворот судьбы! Внук расы, которая могла похвастаться происхождением от дома Давида, женился на принцессе, чьи предки вели свое происхождение от Дария, основателя персидской династии. Бостанаи был первым экзилархом, ставшим вассалом магометан.

Экзиларх выполнял как гражданские, так и судебные функции, и все евреи Вавилонии образовали при нем отдельную общину. Бостанаи также получил исключительное разрешение носить печатку (гушпанку). Таким образом, он смог придать своим документам и указам официальный характер. На печати, отсылающей к какому-то неизвестному историческому намеку, был отпечаток мухи. Бостанаи, должно быть, был важной личностью и в других отношениях, поскольку о нем сложены легенды, и само его рождение выглядит чудесным событием. Иудео-вавилонская община, приобретшая некоторое значение благодаря Бостанаи, обрела настоящую силу при Али, четвертом халифе, товарище и зяте Магомета, герое Чайбара.

Омар погиб от рук наемного убийцы (644), а его преемник Осман был убит во время восстания (655). Заговорщики назначили Али халифом, но ему пришлось бороться со многими непримиримыми противниками. Ислам был разделен на два лагеря. Одно было объявлено за Али, который проживал в недавно построенном городе Куфа; другое - за Моавию, родственника убитого халифа Османа.

Вавилонские евреи и христиане-несториане встали на сторону Али и оказали ему помощь. Еврей Абдаллах Ибн-Саба был ярым сторонником Али. Он утверждал, что наследование халифата принадлежит ему по праву и что божественный дух Магомета перешел к нему, как это было от Моисея к Иисусу Навину. Говорят, что когда Али взял город Фируз-Шабур или Анбар, 90 000 евреев под предводительством Мар-Исаака, главы коллегии, собрались, чтобы выразить почтение халифу, которого лишь равнодушно поддерживали его собственные последователи (658). Несчастный Али ценил это почтение и, несомненно, предоставил привилегии еврейскому руководителю. Вполне вероятно, что с этого времени глава школы Сора был облечен определенным достоинством и принял титул гаона. С Гаонатом были связаны определенные привилегии, на которые даже Экзиларх не осмеливался посягать. Таким образом, между соперничающими ведомствами — экзилархатом и Гаонатом - сложились своеобразные отношения, приведшие к последующим ссорам. С Бостанаи и Мар-Исаака, еврейских чиновников, признанных халифом, начинается новый период в еврейской истории — эпоха геонимов. После смерти Бостанаи среди его сыновей возникли разногласия. Бостанаи оставил нескольких сыновей от разных жен, одна из которых была дочерью персидского царя. Возможно, ее сын был любимцем своего отца, потому что в его жилах текла королевская кровь, и ему, вероятно, было суждено стать его преемником. Следовательно, его братья от еврейских жен ревновали его и обращались с ним как с рабом, *то есть* как с тем, кто родился от

плененной нееврейки, которая, согласно талмудическим законам, считалась рабыней до тех пор, пока он не мог представить доказательства того, что либо его мать, либо он сам были формально освобождены. Этого, однако, он сделать не смог. Тогда братья решили продать фаворита, своего родного брата, в рабство. Каким бы отвратительным ни был этот процесс, он был одобрен несколькими членами коллегии Пумбедиты, частично из религиозных соображений, частично из желания оказать дружескую услугу законным сыновьям Бостанаи. Другие авторитеты, однако, утверждали, что Бостанаи, который был набожным человеком, не женился бы на дочери короля до того, как он законно освободил ее и обратил в свою веру. Чтобы защитить своего сына от унижения, один из главных судей, Чанинаи, поспешил оформить документ, подтверждающий ее освобождение, и таким образом злой замысел братьев был сорван; но пятно незаконнорожденности все еще оставалось на сыне, и его потомки никогда не были допущены к званию потомков Экзиларха Бостанаи.

Потомки Бостанаи в Экзилархате произвольно сместили президентов колледжей и назначили на освободившиеся места своих сторонников. Таким образом, религиозные лидеры народа затаили обиду на потомков Бостанаи. Даже в более поздние времена авторитету среди евреев приходилось защищаться словами: "Я член дома Экзиларха, но не потомок сыновей Бостанаи, которые были гордыми и деспотичными". Ожесточенные споры о халифате между домом Али и Оммиядами повторялись в небольших масштабах в еврейской Вавилонии. Вследствие этого полвека, прошедшие от Бостанаи и возвышения Гаоната до экзилархата Хасдаи (670-730), погружены в неизвестность. Мало что известно также о геонимах, занимавших этот пост, и о президентах колледжей в этот период, и их хронологический порядок не может быть установлен. После Мар-Исаака, вероятно, первого гаона Соры, Хунай занимал должность одновременно с Мар-Рабой в Пумбедите (670-680). Эти президенты издали важный указ в отношении закона о разводе, которым талмудический закон был отменен. Согласно Талмуду, жена может добиваться развода только в очень редких случаях, *например*, если муж страдает неизлечимой болезнью. Даже если жена испытывала непреодолимое отвращение к своему мужу, закон мог заставить ее жить с ним и выполнять свои обязанности под страхом потери брачного контракта и даже приданого, если она настаивала на раздельном проживании. Благодаря господству ислама обстоятельства теперь изменились. Коран несколько улучшил положение женщин и наделил жену правом подавать на развод. Это побудило многих несчастных жен обратиться в магометанские суды, и они вынудили своих мужей дать им развод без вышеупомянутых наказаний. Именно вследствие только что описанных событий Хунай и Мар-Раба провели полную реформу законов о разводе. Они полностью отменили талмудический закон и наделили жену правом подавать на развод без какой-либо потери своих имущественных прав. Таким образом, закон установил равенство между мужем и женой. На протяжении сорока лет (с 680 по 720 год) нам известны только имена геонимов и экзилархов; исторические подробности, однако, совершенно отсутствуют. В это время, в результате ссор и уступок, возникли своеобразные отношения должностных лиц иудео-персидского царства друг к другу, которые переросли в своего рода конституцию.

Еврейская община в Вавилонии (Персия), имевшая вид государства, имела своеобразную конституцию. Экзиларх и гаон были равного ранга. Должность экзиларха была политической. Он представлял вавилонско-персидский иудаизм при халифах. Он собирал налоги с различных общин и вносил их в казну. Экзилархи, как по поведению, так и по образу жизни, были принцами. Они разъезжали в парадной карете; у них были всадники и что-то вроде личной охраны, и им оказывали королевское почтение.

Религиозное единство иудаизма, с другой стороны, было воплощено в Гаонате Соры и Пумбедиты. Геонимы разъясняли Талмуд с целью практического применения его положений; они издавали новые законы и предписания; вводили их в действие и назначали наказание тем, кто их нарушал. Экзиларх делил судебную власть с гаоном Соры и главой колледжа Пумбедиты.

Экзиларх имел право назначать на должности, хотя и не без согласия коллегии. Глава колледжа Сора, однако, единственный имел честь именоваться "Гаон"; глава колледжа Пумбедита официально не носил этого титула. Гаону Соры вместе с его колледжем, как правило, оказывали большее уважение, чем его коллеге из Пумбедиты, отчасти из уважения к памяти его великих основателей Раба и Аши, отчасти из-за его близости к Куфе, столице Ирака и королевства ислама на Востоке. По торжественным случаям глава коллегии Сора сидел справа от Экзиларха. Он получал две трети определенных доходов для своей школы и исполнял обязанности экзиларха, когда должность была вакантной. Долгое время президентом школы Пумбедита также избирался только член школы Сора, этой школе не разрешалось избирать кого-либо из своих рядов.

Теперь, когда экзиларха повсюду встречали с уважением, подобающим принцу, он был установлен с определенной церемонией и помпой. Хотя должность в доме Бостанаи передавалась по наследству, для назначения нового экзиларха требовалось согласие обеих коллегий, и, таким образом, возникла постоянная служба по назначению. Чиновники обеих колледжей вместе со своими коллегами по колледжу и самыми уважаемыми людьми в стране отправились в резиденцию назначенного Экзиларха. На большом открытом месте, богато украшенном, были установлены скамьи для него и президентов двух школ. Гаон Соры обратился к будущему экзиларху с речью, в которой ему напомнили об обязанностях его высокого поста и предостерегли от надменного поведения по отношению к своим собратьям. Установка всегда происходила в синагоге, причем в четверг. Оба чиновника возложили руки на голову кандидата и провозгласили под звуки труб: "Да здравствует наш господин, принц Изгнания".

Люди, которые всегда присутствовали по этому случаю в большом количестве, громко повторили это пожелание. Затем все присутствующие сопроводили нового экзиларха домой из синагоги, и подарки посыпались со всех сторон. В следующую субботу вечером в честь нового принца была проведена специальная праздничная служба. В синагоге для него была воздвигнута платформа в форме башни. Он был украшен дорогими украшениями, чтобы он мог выглядеть как цари дома Давидова в Храме, на возвышении, отдельно от народа. Многочисленная и почетная свита проводила Его на богослужение. Чтец произносил молитвы с помощью хорошо укомплектованного хора.

Когда Экзиларх воссел на свое высокое кресло, гаон Соры подошел к Экзиларху, преклонил перед ним колени и сел по правую руку от него. Его коллега из Пумбедиты, сделав такой же поклон, занял свое место слева. Когда Закон был зачитан, они принесли свиток Экзиларху, что считалось королевской прерогативой. Он также был первым, кого вызвали на чтение Закона, что в обычных случаях было прерогативой потомков дома Аарона. Чтобы почтить его память, президент колледжа Сора выступил в роли переводчика (Meturgeman), разъяснив прочитанный отрывок.

После того, как Закон был зачитан, принц в Изгнании обычно выступал с речью. Но если Экзиларх не был образованным человеком, он делегировал эту обязанность гаону Соры. В заключительной молитве о прославлении имени Бога (Кадिश, Глория) было упомянуто имя

Экзиларха: "Пусть это произойдет при жизни Принца". После этого последовало особое благословение для него, руководителей колледжей и их членов (Йекум Пуркан), а также названия стран, мест и людей, далеких и близких, которые своим вкладом улучшили благосостояние колледжей. Праздничное шествие от синагоги к дому или дворцу экзиларха и роскошная трапеза для чиновников и выдающихся личностей, среди которых часто были государственные чиновники, стали завершением этого своеобразного акта почтения к Экзиларху.

Раз в год, на третьей неделе после праздника Кушей, в доме экзиларха устраивалось нечто вроде суда. Руководители колледжа вместе со своими коллегами, президентами общины и многими другими людьми пришли навестить его в Соре, вероятно, с подарками. В следующую субботу состоялась та же церемония, что и при выдвижении кандидатуры. Лекции читались в течение этой придворной недели, которая впоследствии стала известна как "Великое собрание", или "Праздник экзиларха".

Экзиларх получал свой доход частично от определенных районов и городов, а частично от нерегулярных поступлений. Округа Нахарован (к востоку от Тигра), Фарсистан, Холван — насколько простиралась юрисдикция Экзиларха - даже в период упадка приносили ему доход в размере 700 золотых динариев (1700 долларов). Мы легко можем представить, насколько велик должен был быть его доход в дни расцвета. Экзиларх также имел право налагать обязательный налог на общины, находящиеся под его юрисдикцией, и чиновники халифа поддерживали его в этом, потому что они сами были заинтересованы в этом.

Президент колледжа Сора был вторым по рангу в иудео-вавилонской общине. Он был единственным, кто официально носил титул Гаона, и у него было преимущество перед своим коллегой из Пумбедиты во всех случаях, даже несмотря на то, что первый был молодым человеком, а второй - пожилым. Между тем школа Пумбедиты пользовалась совершенным равенством и независимостью в отношении своих внутренних дел, за исключением случаев, когда тот или иной Экзиларх, согласно восточному обычаю, совершал на нее незаконные посягательства.

Рядом с президентом шел главный судья, который исполнял судебские обязанности и, как правило, был его преемником на этом посту. Ниже них стояли семь президентов Ассамблеи учителей и трое других, носивших звание ассоциированных или ученых, и которые вместе, по-видимому, составляли Сенат в ограниченном смысле этого слова. Затем появилась коллегия из ста членов, которая была разделена на два неравных органа: один из семидесяти членов представлял "великий Синхедрион", другой из тридцати образовывал "меньший Синхедрион". Семьдесят человек были рукоположены и, следовательно, имели право на продвижение по службе; они носили титул Учителя. Тридцать или "меньший Синхедрион", по-видимому, не имели права на место и голос, они были просто кандидатами на более высокое звание. Члены колледжа обычно завещали свои должности своим сыновьям, но должность президента не передавалась по наследству.

Этот своеобразно организованный совет двух колледжей постепенно утратил свой строго коллегиальный характер и приобрел статус совещательного и законодательного парламента. Дважды в год, в марте и сентябре (Адар и Элул), в соответствии с древним обычаем, колледж проводил общее собрание и заседал целый месяц. В течение этого периода участники занимались также теоретическими вопросами, обсуждая и объясняя некоторые отрывки из

Талмуда, которые были заранее определены в качестве темы. Но внимание собрания было в основном направлено на практические вопросы. Были рассмотрены и приняты новые законы и нормативные акты, а также обсуждены вопросы, которые были предметом запросов иностранных сообществ в течение предыдущих месяцев, и даны ответы на них. Мало-помалу большую часть заседания заняли ответы на многочисленные запросы, адресованные им иностранными общинами по вопросам религии, морали и гражданского права. В конце заседания все мнения, выраженные собранием по пунктам, представленным на их рассмотрение, были зачитаны, подписаны президентом от имени всего совета, подтверждены печатью колледжа (Чумрата) и разосланы посыльным в каждую общину с церемонной формой приветствия от колледжа. У различных конгрегаций было принято сопровождать свои расспросы ценными денежными подарками. Если эти подарки отправлялись специально в один из двух колледжей, другой не получал никакой доли; но если они передавались без каких-либо точных указаний, соранийская школа, будучи более важной, получала две трети, а остальное отправлялось в колледж-побратим. Президент разделил эти подарки между членами колледжа и изучающими Талмуд.

Помимо таких нерегулярных поступлений, два колледжа получали регулярный доход от округов, находившихся под их юрисдикцией. Соре принадлежал юг Ирака с двумя важными городами Васит и Бассора, и его юрисдикция простиралась до Офира (Индия или Йемен?). В более поздние времена доходы этих стран все еще составляли 1500 золотых динаров (около 3700 долларов). Северные общины принадлежали Пумбедите, юрисдикция которой простиралась до Хорасана.

Назначение судей округа, по всей вероятности, входило в обязанности директора коллегии совместно с главным судьей и семью членами Сената-совета. Каждый из этих трех глав вавилонско-еврейского содружества, соответственно, обладал правом назначать судей своей провинции, и общины, таким образом, находились либо под властью принца Плена, либо соранийского гаоната, либо зависели от коллегии Пумбедиты. Когда судья назначался над определенной общиной, он получал поручение от начальствующих над ним властей. Он носил титул Даяна и должен был принимать решения не только по гражданским, но и по религиозным делам, и поэтому был в то же время раввином. Он выбрализ числа членов общины двух помощников (зекеним), вместе с которыми сформировал судебный и раввинский трибунал. Все действительные документы, брачные контракты, письма о разводе, переводные, купчие и дарственные, также были подтверждены этим раввином-судьей. В то же время он был нотариусом общины. За эти различные функции он получал, во—первых, определенный взнос от каждого независимого члена общины; во-вторых, плату за составление документов; и, в-третьих, еженедельное жалованье от поставщиков мяса. Детские школы, которые были связаны с синагогой, вероятно, также находились под надзором этого раввина-судьи.

Общинный строй в еврейской Вавилонии служил образцом для всего еврейского народа, частично до настоящего времени. Во главе общины стояла комиссия, отвечающая за общественные интересы и состоящая из семи членов, которые назывались Парнесе-ха-Кенесет (Сторонники общины). Делегат плененного принца или одного из директоров колледжей был уполномочен осуществлять надзор за общественными делами, а также обладал правом наказывать непокорных членов. Применяемыми наказаниями были порка и отлучение от церкви. Последнее, невидимое оружие Средневековья, превращавшее свои жертвы в живые трупы, применялось, однако, евреями не так часто и не так произвольно, как христианами; но

даже среди них оно действовало со страшной силой. Те, кто отказывался соблюдать религиозные или официальные предписания, наказывались меньшим отлучением от церкви. Оно было мягким по форме и не влекло за собой полной изоляции отлученного от церкви человека, а еще меньше затронуло членов его собственной семьи. Но всякий, кто не раскаивался в течение предоставленной тридцатидневной отсрочки и не подавал прошения об отмене отлучения от церкви, навлекал на себя наказание в виде более строгого запрета. Это наказание отпугивало самых близких друзей человека, изолировало его в обществе и приводило к тому, что с ним обращались как с изгоем иудаизма. Никому не разрешалось вступать с ним в общественные отношения под страхом применения аналогичных наказаний. Его детей исключили из школы, а жену - из синагоги. Всем было запрещено хоронить его умерших или даже принимать его новорожденного сына в завет Авраама. Ему было отказано во всех отличительных признаках иудаизма, и на нем осталось клеймо проклятого Богом. Объявление о запрете было вывешено перед зданием суда и доведено до сведения прихожан. Хотя это наказание в виде отлучения от церкви и его последствия были чрезвычайно ужасны, тем не менее, в то время, когда толпа не была открыта рациональным убеждениям, оно было единственным средством сохранения религиозного единства в неприкосновенности, отправления правосудия и поддержания общественного порядка.

Еврейское содружество Вавилонии, несмотря на свою зависимость от нравов магометанского правителя и прихотей своих собственных лидеров, тем не менее казалось тем, кто находился на расстоянии, окруженным ореолом могущества и величия. Евреям далеких стран, до которых доходили только смутные слухи, казалось, что Князь Плена вернул себе скипетр Давида; для них геонимы двух колледжей были живыми сторонниками и представителями идеальных времен Талмуда. Чем дальше расширялось владычество халифата дома Омийи - на север за Окс, на восток до Индии, на запад и юг до Африки и Пиренеев, - тем больше приверженцев приобретали вавилонские еврейские вожди. Каждое завоевание магометанских полководцев расширяло границы владений под властью принца Плена и геонимов. Даже Палестина, лишенная своего центра, подчинилась Вавилонии. Сердца всех евреев обратились к властителям на Евфрате, и их подарки потекли рекой, позволяя дому Давида предстать в достойном виде, а талмудическим колледжам продолжать существовать в великолепии. Скорбь по поводу их рассеяния по всем уголкам земли смягчалась знанием того, что у рек Вавилона, где поселился цвет еврейской нации в полном расцвете сил и где жили и творили великие амораимы, все еще существовало еврейское содружество. Евреи повсеместно верили, что в изначальном очаге еврейского величия все еще течет первобытный источник древней еврейской мудрости. "Бог позволил колледжам Соры и Пумбедиты возникнуть за двенадцать лет до разрушения Храма Навуходоносором и даровал им Свое особое покровительство. Они никогда не подвергались преследованиям со стороны римлян или византийцев и не знали ни принуждения, ни неволи. Оттуда произойдет освобождение Израиля, и жители этого счастливого уголка земли будут избавлены от страданий, которые возвестят о наступлении эры Мессии". Такого мнения придерживались все, кто не видел вавилонское поселение собственными глазами.

Упоминание умершего человека на поминальной службе в колледжах считалось честью. Для этой цели в каждом месяце собраний был выделен особый день, в течение которого колледжи не занимались никакими делами; члены оплакивали благодетелей колледжей, умерших в прошлом году, и молились за упокой их душ (Ашкаба). Позже стало обычным пересылать списки погибших даже из Франции и Испании, чтобы их тоже можно было таким образом почтить.

Евреи Испании, которым отведена столь блестящая роль в еврейской истории, осушили чашу страданий до дна в то самое время, когда их братья в Ираке получили почти совершенную свободу и независимость. Некоторые из них были вынуждены эмигрировать; другие были вынуждены принять христианство, и король Чинтила потребовал от них торжественно заявить в письменной форме о своей искренней приверженности католической вере и полном отказе от иудаизма. Но, несмотря на то, что евреи Вестготской Испании были насильственно обращены, они, тем не менее, стойко придерживались своей запрещенной религии. Независимая вестготская знать в определенной степени защищала их от суровости короля, и как только глаза фанатичного Чинтилы закрылись после смерти, евреи открыто вернулись в иудаизм при Чиндасвинте, его преемнике (642-652). Этот монарх был в открытой вражде с духовенством, которое желало ограничить власть престола в пользу Церкви, но при этом хорошо относился к евреям.

Однако его сын Ресесвинт, который был совершенно не похож на него, придерживался совершенно иной политики. То ли из фанатизма, то ли для того, чтобы снискать расположение духовенства, в то время враждебного трону, он предложил в церковном совете (который в то же время был парламентом) строго расправиться с евреями, особенно с теми из них, которые раньше выдавали себя за христиан. В своей тронной речи Ресесвинт обратился к членам совета со следующим призывом: "Именно потому, что я узнал, что мое королевство заражено ими, как эпидемией, я осуждаю жизнь и поведение евреев. Ибо, хотя Всемогуший полностью освободил страну от ереси, позорное осквернение церковей все еще продолжается. Это должно быть либо исправлено нашим благочестием, либо искоренено нашей строгостью. Я имею в виду, что многие евреи все еще упорствуют в своем старом неверии, в то время как другие, хотя и очистились крещением, так глубоко погрязли в ошибках отступничества, что их богохульство кажется даже более отвратительным, чем грех тех, кто не был крещен. Поэтому я заклинаю вас принять против евреев, без благосклонности или уважения к личностям, какую-нибудь меру, которая была бы угодна Богу и нашей вере". Толедский собор (восьмой), однако, не принял никакого нового закона против евреев, а просто подтвердил канонические решения четвертого Толедского собора. Евреям, правда, разрешалось оставаться в стране, но они не могли ни владеть рабами, ни занимать какие-либо должности, ни выступать в качестве свидетелей против христиан. Но гораздо тяжелее была судьба тех, кто во время гонений делал вид, что принимает христианство. Они были вынуждены оставаться в черте Церкви и снова отречься от иудаизма. Бегство было невозможно, поскольку были установлены суровые наказания против всех, кто отрекался от христианства, или скрывался где-либо, или пытался покинуть страну. Даже подстрекатели или пособники бегства обращенных понесли суровое наказание. Однако те, кто внешне желал продолжать придерживаться своей мнимой веры, но в глубине души все еще цеплялся за иудаизм, должны были заново подписаться под отказом от своей религии (*placitum Judæorum*).

18 февраля 654 года евреи столицы Толетума (Толедо) подписали признание, смысл которого заключался в том, что они уже обещали, правда, при короле Чинтила, оставаться верными католической вере, но что их неверие и ошибочные мнения, унаследованные ими от своих отцов, помешали им признать Христа своим Учителем. Теперь, однако, они добровольно пообещали себе, своим женам и своим детям, что в будущем не будут соблюдать обряды иудаизма. Они больше не будут вступать в преступные сношения с необращенными евреями, не будут вступать в браки с близкими родственниками (детьми братьев и сестер), не будут брать еврейских жен, не будут соблюдать еврейские брачные обычаи, не будут практиковать

обрезание, не будут соблюдать Пасху, субботу или любые другие еврейские праздники; они больше не будут соблюдать законы о питании — одним словом, отныне они будут пренебрегать законами евреев и их отвратительными обычаями. С другой стороны, они честно и благочестиво исповедовали бы религию в соответствии с Евангелием и апостольскими традициями и соблюдали бы заповеди Церкви без обмана или притворства. Одно, однако, было невозможно, а именно, чтобы они ели свинину; они были совершенно неспособны преодолеть свое отвращение к ней. Однако они пообещали свободно есть все, что могло быть приготовлено со свининой. Кто бы из них ни был виновен в нарушении этого обещания, он должен был быть предан смерти огнем или побитием камнями от рук их товарищей или их сыновей. На все это они поклялись "Троицей". Вполне вероятно, что вынужденные новообращенные в других городах вестготско-испанской империи были вынуждены давать аналогичные письменные заверения. В то же время они все еще были вынуждены платить налог, взимаемый с евреев, поскольку казначейство не могло позволить себе потерять их из-за смены веры.

Однако, поскольку король Ресесвинт был хорошо осведомлен о том, что независимая знать страны предоставляла евреям свою защиту и позволяла тем из них, кто был обращен силой, жить в соответствии со своими убеждениями, он издал указ, запрещающий всем христианам дружить с тайными евреями под страхом отлучения от Церкви и исключения из черты Церкви. Но эти меры и предосторожности ни в коем случае не привели к желаемому результату.

Тайные евреи, или, как их официально называли, иудействующие христиане, не смогли вырвать иудаизм из своих сердец. Испанские евреи, окруженные смертельной опасностью, рано научились искусству оставаться в глубине души верными своей религии и избегать своего врага с глазами Аргуса. Они продолжали отмечать еврейские праздники в своих домах и пренебрегать святыми днями, установленными Церковью. Желая положить конец такому положению вещей, представители Церкви издали указ, целью которого было лишить этот несчастный народ семейной жизни; отныне они были вынуждены проводить еврейские и христианские святые дни на глазах у духовенства, чтобы таким образом быть вынужденными пренебрегать первыми и соблюдать вторые (655).

Когда после долгого правления умер Ресесвинт, измученные новообращенные евреи приняли участие в восстании против его преемника Вамбы (672-680). Граф Хильдерик, губернатор Септимании, провинции Испании, отказавшись признать новоизбранного короля, поднял знамя восстания. Чтобы приобрести приверженцев и средства, он пообещал обращенным евреям надежное убежище и религиозную свободу в своей провинции, и они, воспользовавшись приглашением, массово эмигрировали. Восстание Хильдерика Нисмского приобрело большие масштабы и поначалу вселяло надежды на успешное завершение, но в конечном итоге повстанцы потерпели поражение. Вамба появился с войском перед Нарбонной и изгнал евреев из этого города. На созванном им соборе (одиннадцатом) евреи не были предметом какого-либо законодательства; напротив, они, по-видимому, пользовались определенной свободой во время его правления и предприняли некоторые усилия для своего самосохранения.

Чтобы, с одной стороны, доказать, что, хотя они и не смогли примириться с христианством, они не были полностью лишены разума, как заявляли их враги на соборах, а также в своих трудах; и, с другой стороны, чтобы сохранить веру своих предков живой как в них самих, так и в тех из своих братьев, которые лишь частично принадлежали к христианской вере, некоторые

талантливые евреи взялись за сочинение антихристианских трактатов, вероятно, на латыни. Из аргументов, выдвинутых в этих полемических трудах, известен только один момент. Авторы ссылались на традицию, согласно которой Мессия не появится раньше седьмого цикла в тысячу лет, считая от сотворения мира; первые шесть циклов соответствовали шести дням творения, а седьмым будет всеобщая суббота, царствование Мессии. Но поскольку, согласно их методу подсчета, от сотворения мира до рождения Иисуса прошло едва ли пять тысяч лет, они утверждали, что явление Мессии невозможно. Это возражение, должно быть, было настойчиво выдвинуто еврейскими авторами, поскольку многие христиане были тем самым поколеблены в своей вере.

Эта частичная свобода религии, мысли и слова была подавлена преемником Вамбы, который завладел тронном предательским путем. Эрвиг, который был византийского происхождения и в полной мере обладал лживостью и беспринципностью выродившихся греков, заставил Вамбу надеть капюшон и провозгласил себя королем. Чтобы узурпация была признана законным престолонаследием, Эрвиг оказался вынужден пойти на некоторые уступки духовенству и, соответственно, передал евреям им в качестве жертв. С напускной серьезностью он обратился к совету, который был собран, чтобы короновать его, и в фанатичной речи представил на утверждение ряд законов, направленных против евреев. Часть королевской речи, направленная против евреев, звучала следующим образом: "Со слезами, текущими из моих глаз, я умоляю это почтенное собрание проявить свое рвение и освободить страну от этой чумы вырождения. Восстаньте, восстаньте, я взываю к вам; подвергните испытанию законы против отступничества евреев, которые мы только что обнародовали".

Из двадцати семи пунктов, которые Эрвиг представил совету на ратификацию, только один касался евреев; остальные были направлены против тех вынужденных новообращенных, которые, несмотря на свои обещания оставаться в христианской вере и суровое наказание, которое следовало в случае обнаружения, все еще не могли отказаться от иудаизма. Эдикт Эрвига лишь ненадолго расправился севреями. Им было приказано принести себя, своих детей и всех лиц, находящихся под их контролем, в жертву крещению в течение года, в противном случае их имущество будет конфисковано, им будет нанесено сто ударов плетью, с их головы и лба будет содрана кожа к их вечному позору, а сами они будут изгнаны из страны. На обращенных евреев были возложены новые тяготы. Теперь они были не только обязаны проводить христианские и иудейские святые дни на глазах духовенства, но и подвергались клерикальному контролю во всех своих передвижениях. Всякий раз, когда они отправлялись в путешествие, они должны были представлять перед церковными властями того места и получать от них свидетельство, в котором указывалось время, в течение которого они там жили, и подтверждалось, что их поведение в тот период строго соответствовало церковному законодательству. В то же время, если они не могли доказать, что вели непорочную христианскую жизнь, они были некомпетентны занимать какие-либо должности, даже выступать в качестве деревенского судебного пристава (*vilicus*, актера) над рабами-христианами. Им всегда приходилось носить с собой копию законов, которые были приняты против них, чтобы они никогда не смогли сослаться на невежество в оправдание. Церковным и королевским судьям было поручено строго следить за исполнением этих приказов, и всем христианам было запрещено принимать какие-либо подарки от обращенных евреев.

Совет, во главе которого стоял Юлиан, митрополит Толедский, человек еврейского происхождения, одобрил все предложения Эрвига и постановил, что эти законы, утвержденные

решением синода, по общему признанию, неприкосновенны на все времена. Через два дня после отсрочки этого собора евреи, как те, что остались верны своей религии, так и те, что были обращены, были созваны вместе, им были зачитаны законы и строго предписано их неукоснительное соблюдение (25 января 681 г.). В третий раз обращенные евреи были вынуждены отречься от иудаизма и составить исповедание веры — разумеется, с той же искренностью, что и при Чинтиле и Рецесвинте.

Но вестготско-испанским евреям жилось еще хуже при преемнике Эрвига, Эгике. Он не выгнал их из страны, это правда, но он сделал то, что было еще хуже, он ограничил их права. Он запретил евреям и иудействующим христианам владеть земельной собственностью и домами; более того, им было запрещено отправляться в Африку, или торговать с этим континентом, или вести дела с какими бы то ни было христианами. Они были вынуждены передать всю свою недвижимость в казну и получили за это компенсацию, вероятно, не слишком щедрую (693). Только те, кто действительно был обращен, остались свободными от этих ограничений.

Евреи были доведены до отчаяния этим новым законом, обойти который было невозможно, поскольку их недвижимость фактически была конфискована; соответственно, они объединились в опасный заговор против своего безжалостного врага. Они вступили в союз со своими более удачливыми братьями в Африке с намерением свергнуть Вестготскую империю, и, вероятно, им помогли смело наступавшие магометане и недовольная знать страны (694). Эта попытка легко могла увенчаться успехом, поскольку из-за разногласий, противоестественных пороков и слабости страна находилась далеко в состоянии разорения. Но заговор евреев был раскрыт до того, как он созрел, и суровое наказание было понесено не только виновникам, но и всему еврейскому населению Испании, включая население провинции Септимания (вместе с Нарбонной). Все они были приговорены к рабству, подарены различным хозяевам и распределены по всей стране, причем их владельцам было запрещено снова выпускать их на свободу. Детей в возрасте семи лет и старше отрывали от родителей и отдавали христианам для получения образования. Единственное исключение было сделано в пользу еврейских воинов на узких перевалах Галльской провинции, которые служили оплотом против вторжения. Они были незаменимы, и их храбрость защищала их от деградации и рабства, но даже они были вынуждены сменить религию.

Испанские евреи продолжали пребывать в таком состоянии деградации до самой смерти Эгики. Когда его сын Витига последовал за ним в могилу, последние часы этой империи, очевидно, были уже близки. Евреи Африки, которые в разное время эмигрировали туда из Испании, и их неудачливые единоверцы с полуострова объединились с магометанским завоевателем Тариком, который привел из Африки в Андалусию армию, жаждущую битвы. После битвы при Хересе (июль 711 г.) и смерти Родерика, последнего из вестготских королей, победоносные арабы двинулись вперед, и повсюду их поддерживали евреи. В каждом городе, который они завоевывали, мусульманские генералы могли оставить лишь небольшой гарнизон из своих собственных войск, поскольку им нужен был каждый человек для подчинения страны; поэтому они доверяли их охране евреям. Таким образом, евреи, которые еще недавно были крепостными, теперь стали хозяевами городов Кордовы, Гранады, Малаги и многих других. Когда Тарик появился перед столицей, Толедо, он обнаружил, что она занята только небольшим гарнизоном, а дворяне и духовенство спаслись бегством. В то время как христиане были в церкви, молясь о безопасности своей страны и религии, евреи распахнули ворота перед победоносными арабами (Вербное воскресенье, 712 г.), встретив их одобрительными

возгласами, и таким образом отомстили за многие несчастья, выпавшие на их долю в течение столетия со времен Реккареда и Сисебута. Столица также была вверена Тариком опеке евреев, в то время как он продолжал преследовать трусливых вестготов, которые искали спасения в бегстве, с целью отобрать у них сокровища, которые они унесли.

Наконец, когда Муза Ибн-Носайр, губернатор Африки, ввел вторую армию в Испанию и завоевал другие города, он также передал их под опеку евреев. Именно при этих благоприятных условиях испанские евреи попали под власть магометан, и, подобно своим единоверцам в Вавилонии и Персии, они считались союзниками своих правителей. С ними обращались по-доброму, они получили свободу вероисповедания, которой они так долго были лишены, им было разрешено осуществлять юрисдикцию над своими единоверцами, и они были обязаны, подобно покоренным христианам, платить только подушный налог (Dsimma). Так они были приняты в этот великий союз, который в определенной степени объединил всех евреев исламской империи в одно содружество.

По мере того как магометанская империя увеличивалась в размерах, пропорционально возрастала активность ее еврейских жителей. Первые халифы дома Оммии, в результате их постоянных войн с потомками и соратниками Магомета, с фанатичными приверженцами буквы Корана и со сторонниками духовного имамата (первосвященства), полностью освободились от той ограниченности взглядов и мании преследования, которые характеризовали основателя и двух первых халифов. Следующие правители магометан, Моавия, Езид I., Абдул-Малик, Валид I. и Сулейман (656-717), были гораздо более мирскими, чем духовными; их политический горизонт был обширен, и они лишь в малой степени ограничивали себя узкими предписаниями Корана и традиций (сунны). Они любили арабскую поэзию (Абдул-Малик сам был поэтом), ценили знания и вознаграждали автора так же щедро, как солдата, сражавшегося за них. Еврейские жители магометанских стран вскоре усвоили арабский язык. По многим своим корням и формам он тесно связан с ивритом, с которым все они были более или менее знакомы, и они нуждались в его знании, поскольку это было незаменимое средство общения. Энтузиазм, который арабы испытывали по отношению к своему языку и его поэзии, забота, которую они проявляли, чтобы сохранить его чистым, аккуратным и звучным, оказали свое влияние на евреев и научили их использовать правильные формы речи. За шестьсот лет, прошедших с момента падения еврейской нации, евреи утратили чувство красоты и изящества выражения; они были небрежны в своей речи, небрежны к чистоте форм и безразличны к тому, чтобы облекать свои мысли и эмоции в подходящие выражения. Народ, обладавший несовершенной речью, использующий смесь иврита, халдейского и испорченного греческого, был не в состоянии создать литературу, не говоря уже о том, чтобы заковать в цепи своенравную музу поэзии. Но, как уже упоминалось, евреи Аравии составляли исключение. Они переняли у своих соседей правильный вкус и искусство красиво и впечатляюще формулировать свою речь. Еврейские племена Кайнука и Надир, эмигрировавшие в Палестину и Сирию, евреи Чайбара и Вадиль-Коры, переселившиеся в район Куфы и центр Гаоната, принесли с собой в свой новый дом эту любовь и вкус к поэтическому арабскому языку и постепенно привили их своим единоверцам. Едва ли через полвека после оккупации арабами Палестины и Персии вавилонский еврей смог использовать арабский язык в литературных целях: еврейский врач Мессер-Джавайх из Бассоры перевел медицинский труд с сирийского на арабский. С тех пор евреи вместе с сирийскими христианами были каналами, по которым научная литература доходила до арабов.

Энтузиазм арабов по отношению к своему языку и Корану пробудил в сердцах евреев аналогичное чувство по отношению к ивриту и его священным записям. Кроме того, евреи теперь были вынуждены ближе познакомиться со Священным Писанием, чтобы не краснеть в своих спорах с магометанами. До сих пор талантливые люди среди них обращали свое внимание исключительно на Талмуд и агадическое изложение, но необходимость, наконец, вынудила их вернуться к источнику, Библии.

Однако, как только возникло желание восстановить то, что было утрачено на протяжении веков, и с рвением вернуться к изучению библейской литературы, возникла потребность, которую в первую очередь необходимо было удовлетворить. При снабжении библейского текста гласными знаками, изобретенными в Вавилонии или Тивериаде, необходимо было использовать такие отрывки, которые не стали привычными при частом чтении в общественных местах, в соответствии с грамматическими правилами. Пунктуаторы были вынуждены руководствоваться отчасти традицией, а отчасти своим чувством языка. Таким образом, возникли зачатки двух отраслей знания: одна трактует вышеупомянутые правила еврейского языка, другая - науку орфографии вместе с исключениями, переданными традицией (Массора). Это, казалось бы, неважное изобретение добавления определенных штрихов и точек к согласным, таким образом, привело к пониманию Священного Писания широкой публикой и распространению более общих знаний об иудаизме. С его помощью священный язык теперь мог праздновать свое возрождение; это больше не был мертвый язык, которым пользовались только ученые, но мог стать средством просвещения людей. Вспомогательные знаки, как правило, разрушали барьер между учеными (Чачам) и необразованными (Ам-ха-Арез).

Непосредственным следствием контакта с арабами и изучения Священного Писания стало рождение неоеврейской поэзии. Поэтические натуры, естественно, чувствовали себя обязанными использовать богатый словарный запас иврита в метрических композициях и отточенных стихах таким же образом, как арабы поступали со своим языком. Но в то время как арабские барды воспевали меч, рыцарство, необузданную любовь, оплакивали потерю мирских благ и атаковали своей сатирой тех своих врагов, до которых они не могли дотянуться мечом, недавно пробудившаяся еврейская поэзия знала только одну тему, достойную энтузиазма и обожания, - Бога и Его провидение, только одну тему, достойную оплакивания, - нужду и горести еврейской нации. Новорожденная еврейская поэзия, как бы ни отличалась по форме и содержанию от библейской, имела общую с ней религиозную основу. Хвалебный псалом и душераздирающая панихида были взяты неоеврейскими поэтами за образцы. Но третий элемент также требовал внимания. С тех пор как государство утратило свою независимость, ученость стала душой иудаизма; религиозные поступки, если они не сопровождались знанием Закона, не имели никакой ценности. Главной особенностью субботних и праздничных служб было чтение отрывков из Закона и Пророков, их толкование таргумистами и объяснение текста агадистами (проповедниками). Неоеврейская поэзия, если она должна была достигать до сердец людей, не могла быть полностью лишена дидактического элемента. Единственным местом действия поэта была синагога, его единственной аудиторией была паства, собиравшаяся для молитвы и наставлений, и поэтому его поэзия неизбежно носила синагогальный или литургический характер.

Практическая необходимость усилила поэтический порыв. Первоначального богослужения с его короткими и простыми молитвами было уже недостаточно. Правда, оно было расширено чтением псалмов и соответствующих литургических композиций, но даже это не заполнило того

времени, которое прихожане с радостью провели бы в доме Божьем. Это особенно ощущалось на новогоднем празднике и в День Искупления, которые были посвящены глубокой преданности, и в течение большей части которых прихожане оставались в молитвенном доме, раскаиваясь и умоляя о прощении и искуплении. Было очевидно, что божественное служение должно быть усилено и предоставлено больше материала для медитации. Так возникло синагогальное, или, как его еще называли, *поэтическое* сочинение. Во главе преемственности неоеврейских поэтов стоит Хосе бар Хосе Хаятом (или Хайтом), чьи произведения не лишены истинно поэтического звучания, хотя и лишены художественной формы. Дата и национальность этого поэта совершенно неизвестны, но представляется вероятным, что он был уроженцем Палестины и жил не ранее первого гаонического века.

Хосе б. Хосе взял в качестве темы своих стихотворений эмоции и воспоминания, которые волнуют еврейскую общину в День Нового года. По этому случаю, в день рождения нового разделения времени, в который, согласно еврейским представлениям, решается судьба, уготованная годом людям и сообществам, Бог превозносится в возвышенной поэме как могущественный Учитель, Творец мира, справедливый Судья и Искупитель Израиля. Это стихотворение, которое было приложено к старым молитвам о предписанном звуке корнета и предназначалось для их толкования, охватывает в небольшом объеме историю славного прошлого Израиля, его угнетенного настоящего и обещанного будущего. Стихотворение Хосе - это одновременно псалом триумфа и плача, переплетенный с покаянными молитвами и словами надежды. Воскресение описано несколькими яркими, живописными строками.

Другое, более длинное стихотворение Хосе посвящено древнему богослужению в Храме в День Искупления, которому внимательный народ когда-то следовал с благоговением, и описание которого было хорошо рассчитано, чтобы пробудить прекрасные воспоминания о славных временах национальной независимости (Абода). Это своего рода литургический эпос, который просто и без всякого лирического налета описывает сотворение вселенной и человека, нечестие первого поколения, признание Авраамом Бога, избрание его потомства особым народом Божьим и призвание семьи Аарона к служению в Храме. Достигнув священства Аарона, поэт, следуя рассказу Мишны, переходит к описанию обязанностей первосвященника в Храме в День Искупления и завершает моментом, когда первосвященник в сопровождении всего народа, радостный и уверенный в видимых признаках прощения, покидает Храм и направляется домой, - прекрасный фрагмент прошлого, который всегда вызывал мощный отклик в сердцах еврейского народа.

Возвышенность мысли и красота языка - вот характерные черты поэзии Хосе б. Хосе. Его новогодние сонеты и храмовый эпос стали частью богослужения в одних общинах и послужили образцом для других. Его стихи не рифмованы и лишены метра, что свидетельствует об их глубокой древности. Единственной искусственной чертой его поэтических произведений является алфавитное или акростихическое начало стихов, образцами для которого послужили некоторые Псалмы, Плач Иеремии и постталмудические молитвы. В первых плодах новоеврейской поэзии форма полностью подчинена предмету. Здесь с древних времен сохранилась еще одна Обитель, приписываемая поэту по имени Симон бен Каифа. Похоже, что она была написана в подражание книге Хосе б. Хосе, но значительно уступает своей модели. Тем не менее, она была удостоена чести быть принятой синагогой Гаоната. С именем Симона Каифа, которое звучит как еврейское имя апостола Петра, связана своеобразная легенда: апостол, поддерживающий основание Католической церкви, представлен как автор этой книги,

чтобы заявить во вступительной части о своем истинно еврейском признании единства Бога и отречься от своей приверженности Иисусу, как будто ученик, трижды отрекшийся от своего Учителя, хотел в этом литургическом стихотворении засвидетельствовать свое неверие.

Было невозможно, чтобы еврейская литургическая поэзия могла долго довольствоваться такой простотой формы. Мало-помалу евреи познакомились с поэзией арабов, приятное звучание ее рифм пленило их, и они стали считать рифму совершенством поэзии. Поэтому *поэты*, если они хотели быть хорошо приняты, не могли позволить себе пренебречь этим художественным приемом и усердно занимались его культивированием. Насколько известно, первым поэтом, который ввел рифму в неоеврейскую поэзию, был некий Джаннай, вероятно, житель Палестины. Он сочинял стихотворные молитвы для тех особых суббот, которые либо в силу связанных с ними исторических событий, либо в силу того, что были временем подготовки к приближающимся праздникам, обладали особой важностью. Беседы-агады, которые были представлены в эти субботы, похоже, больше не радовали прихожан, потому что проповедники были неспособны найти что-то новое и привлекательное; похоже, они действительно зачитывали одни и те же речи в определенном порядке из года в год.

Стихи Джаннаи и его коллег были направлены на то, чтобы изложить суть этих агадических изложений в форме приятных стихов. Следовательно, произведения Джаннаи представляют собой стихотворные агады. Но поскольку он был недостаточно поэтом, чтобы воспроизвести возвышенные и поразительные отрывки агадической литературы, поскольку его рифмы были тяжелыми и выверенными, а также поскольку он обременял себя задачей начинать свои стихи последовательными буквами алфавита и вплетать в них свое имя, его стихи получились скучными, неуклюжими и громоздкими.

В целом неоеврейская поэзия ничего не выиграла за первые годы своего существования от введения рифмы. Элеазар бен Калир или Калири (из Кириат-Сефер), один из первых и самых плодовитых *поэтических* писателей и ученик Джаннаи, был таким же неуклюжим и резким, как и его учитель, а его стиль был еще более неясным. Он написал более 150 литургических произведений, включая гимны для праздников, покаянные молитвы для святых дней, песни плача для основных постов и различные другие сочинения, которые нельзя отнести к отдельным рубрикам. Калири вложил в большинство искусственных стихов большую часть агадической литературы, но лишь немногие из его сочинений имеют какую-либо поэтическую ценность, и ни одно не обладает красотой. Чтобы преодолеть трудности, связанные с отсылками к Агаде, использованием рифмы, алфавитно расположенных начальных слов и переплетением своего имени, Калири был вынужден прибегнуть к насилию над ивритом, нарушить установленные правила, регулирующие использование слов, и создать беспрецедентные комбинации. Вместо словесных картинок он часто преподносит своему читателю непонятные загадки, разгадать которые невозможно без досконального знакомства с агадическими письменами. Тем не менее поэтические произведения Калири вошли в богослужения вавилонских, итальянских, немецких и французских евреев; только испанцы, руководствуясь тонким чувством языка, отказались их перенимать. Калири почитался как величайший из *поэтов*, и традиция прославила его имя.

С появлением этих композиций литургия приобрела измененный характер. Перевод частей Закона, которые зачитывались собранию, и их агадические толкования, которые, поскольку евреи исламской империи перешли на арабский язык, стали незнакомы толпе, постепенно исчезли из богослужения, и их места были заполнены метрическими композициями (пюти́м),

которые отвечали той же цели и в то же время обладали преимуществом поэтического характера. Таким образом, богослужение значительно расширилось. Чтец вытеснил проповедника. В синагоге было введено пение, поскольку поэтические молитвы не читались, а распевались (Хазанут). Для различных молитв были введены специальные мелодии. Но *поэтические* композиции не были приняты всеми конгрегациями как часть их богослужения. Талмудические авторитеты сначала были против их принятия по той причине, что они обычно вставлялись между различными разделами основной молитвы и таким образом нарушали непрерывность и согласованность ее отдельных частей.

Результатом возвращения к источнику Библии стало разжигание поэтического пламени в артистичных натурах; но в то же время оно породило дикий дух, который поначалу принес с собой смуту, раскол и проклятие, хотя впоследствии стал источником очищения, энергии и благословения для евреев. Зарождение этого движения, разделившего еврейское содружество востока и запада на два лагеря, относится к первому гаонскому веку.

Вавилонский талмуд имел власть над еврейской общиной в Вавилонии; это был не только кодекс, но и конституция общины, главными сановниками которой были принц Плена и два президента талмудических колледжей. В результате расширения исламского владычества от Индии до Испании, от Кавказа до Африки авторитет Талмуда распространился далеко за его первоначальные пределы; ибо самые отдаленные общины вступали в общение с геонимами, обращались к ним за советом по вопросам религии, морали и гражданского права и с полной верой принимали их решения, основанные на Талмуде. Вавилонско-персидские общины ни в коей мере не ощущали препятствий со стороны талмудических постановлений, которые были их собственным творением и возникли в их среде, как результат их взглядов, морали и обычаев, работы их властей. Африканское и европейское сообщества были слишком неосведомлены в Библии и Талмуде, чтобы иметь возможность высказать свое мнение по этому вопросу. Они принимали решения геонимов как закон, не особо заботясь о своем согласии с Библией.

Однако не так обстояло дело с арабскими евреями, эмигрировавшими из Аравии в Палестину, Сирию и Ирак, бену-кайнукаа, бену-надирами и чайбаритами. Они были сынами пустыни, людьми меча, солдатами и воительницами, с детства приученными к свободной жизни и развитию своей силы; людьми, которые поддерживали социальные связи со своими бывшими арабскими союзниками и соратниками-воинами, среди которых они снова поселились после завоевания Персии и Сирии. Иудаизм был им действительно дорог, ибо они пожертвовали свободой, страной, славой и богатством ради его достижения, устояли перед настойчивостью Магомета и не позволили обратить себя в ислам. Но между иудаизмом, который они практиковали в Аравии, и иудаизмом, которому учил Талмуд и который был принят колледжами в качестве стандарта, лежала глубокая пропасть. Чтобы соответствовать талмудическим предписаниям, им было бы необходимо отказаться от дружеского общения со своими бывшими товарищами и прекратить попойки с арабами, которые, несмотря на запрет Корана, последние очень любили. Одним словом, они чувствовали, что Талмуд мешает им.

Евреи Аравии, которые вступали в тесный контакт с магометанами и поэтому часто были вовлечены в споры о том, по-прежнему ли иудаизм пользуется авторитетом или его вытеснил ислам, были вынуждены, чтобы не растеряться в подобных дискуссиях, ознакомиться с Библией. Таким образом, они, вероятно, обнаружили, что многое из того, что Талмуд и колледжи объявили религиозными предписаниями, не было подтверждено Библией. Но по какой бы

причине ни возникло это отвращение к талмудическим предписаниям, несомненно, что впервые оно возникло в арабской еврейской колонии в Сирии или Ираке. В достоверном источнике сообщается, что в первой половине восьмого века многие евреи позволили убедить себя отказаться от талмудического иудаизма и следовать только библейским заповедям.

Лидером этого движения был сириец по имени Серен (Serenus), называвший себя Мессией (около 720 г.). Он пообещал евреям передать им во владение Святую Землю, предварительно, конечно, изгнав магометан. Эта попытка вернуть свою давно утраченную независимость, возможно, была предпринята фанатичным халифом Омаром II (717-720). Этот фанатичный принц, возведенный на трон интригами ревностного чтеца Корана, вновь ввел в действие ограничительные законы своего предшественника Омара I ("завет Омара"), которые канули в лету при политиканстве Омийядов. После своего восшествия на престол он написал своим губернаторам следующее: "Не сносите церковь или синагогу, но и не позволяйте строить новые в ваших провинциях". Омар посвятил себя обращению в свою веру, раздавая заманчивые обещания новообращенным или бесцеремонно принуждая как евреев, так и христиан принять ислам. Вероятно, именно по этой причине евреи были склонны поддерживать лжемессию и верить его заявлениям о том, что он снова сделает их свободными на земле их отцов и уничтожит их врагов. На своем знамени Безмятежный начертал освобождение от талмудических предписаний; он отменил празднование праздников на второй день, предписанные формы молитвы и законы Талмуда, касающиеся еды: он разрешил употребление вина, полученного от неевреев, и санкционировал браки между лицами, состоящими в более близком родстве, чем это было разрешено Талмудом, а также заключение браков без брачного контракта. Вполне вероятно, что эта враждебность к Талмуду приобрела у него много приверженцев.

Слава Серена распространилась до самой Испании, и евреи этой страны решили отказаться от своей собственности и отдать себя под руководство псевдомессии. Не прошло и десяти лет после того, как евреи Испании были избавлены от ига вестготов в результате завоеваний магометан, как они, или, по крайней мере, многие из них, возжелали снова покинуть свое недавно приобретенное отечество. По-видимому, они были недовольны правлением и администрацией магометанских наместников. Поскольку они оказали заметные услуги арабам при завоевании полуострова, они, вероятно, ожидали особого внимания и отличия, а вместо этого обнищали наравне с христианами. Судьба Сирены была печальной, чего он, собственно, и заслуживал. Он был схвачен и доставлен к халифу Езиду, преемнику Омара II, который положил конец его мессианским притязаниям, задав ему коварные вопросы, на которые он не смог ответить. Однако Серен, как говорят, отрицал перед халифом, что у него были какие-либо серьезные замыслы, но что он намеревался только поиграть с евреями; после чего халиф передал его евреям для наказания. Многие из его приверженцев, раскаиваясь в своей легкомысленности, желали воссоединиться с общинами, от которых они отделились из-за нарушения талмудических предписаний. Однако сирийские общины сомневались, следует ли им вновь принимать в свою среду своих раскаявшихся братьев или же с ними не следует обращаться как с прозелитами. Поэтому они передали дело Натронаи бен Неемии по прозвищу Мар-Янка, директору колледжа в Пумбедите и преемнику Мар-Раба (719-730). Решение Натронаи относительно приема приверженцев Сирены было выдержано в либеральном духе и гласило следующее: согласно законам Талмуда, ничто не препятствует их повторному принятию общинами и обращению с ними как с евреями; но они должны открыто заявить в синагогах о своей скорби и раскаянии и пообещать, что их будущее поведение будет благочестивым и в

соответствии с предписаниями Талмуда, и, кроме того, они должны понести наказание в виде порки. В то время были и другие отступники, которые зашли так далеко, что пренебрегли библейскими заповедями, касающимися субботы, ритуала забоя скота, употребления крови в пищу и смешанных браков между близкими родственниками. Неизвестно, однако, в какой стране жили эти люди. Не заявляя о своей принадлежности ни к христианству, ни к исламу, они полностью порвали свою связь с иудаизмом. Когда некоторые из них попытались вернуться в лоно иудаизма, Натроная снова спросили его мнения. Он сказал: "Лучше взять их под крыло Бога, чем изгонять".

Примерно в это же время евреи Византийской империи подверглись жестоким преследованиям, от последствий которых они долгое время не могли оправиться, и это тоже со стороны монарха, от которого они меньше всего ожидали враждебного обращения. Лев Исавриец, сын грубых родителей-крестьян, после того как евреи и арабы привлекли его внимание к идолопоклонническому характеру поклонения образам, которое получило распространение в церквях, предпринял кампанию с намерением уничтожить эти изображения. Однако, будучи осужден некультурной толпой как еретик и еврей духовенством, поклоняющимся образам, Лев продолжил отстаивать свою ортодоксальность, преследуя еретиков и евреев. Он издал указ, повелевающий всем евреям Византийской империи и остаткам монтанистов в Малой Азии принять христианство греческой церкви под страхом сурового наказания (723). Многие евреи подчинились этому указу и неохотно приняли крещение; таким образом, они были менее стойкими, чем монтанисты, которые, чтобы остаться верными своим убеждениям, собрались в своем молитвенном доме, подожгли его и погибли в огне. Те из евреев, которые позволили себе креститься, придерживались мнения, что буря скоро утихнет и им будет разрешено вернуться в иудаизм. Следовательно, они приняли христианство только внешне, ибо тайно соблюдали еврейские обряды, тем самым подвергая себя новым преследованиям. Таким образом, евреи Византийской империи изнывали от непрекращающихся мелких преследований, и на какое-то время они скрылись из поля зрения истории.

Однако многие евреи византийской империи избежали обязательного крещения в результате эмиграции. Они покинули страну, в которой поселились их предки задолго до возникновения той Церкви, которая так упорно преследовала их. Евреи Малой Азии выбрали своим домом соседний Киммерийский или Таврический полуостров (Крым), нецивилизованные жители которого скифского, финского и славянского происхождения практиковали идолопоклонство. Эти аланы, болгары и хазары, однако, не завидовали людям другой расы и другой веры, которые поселились по соседству с ними. Таким образом, бок о бок с еврейскими общинами, существовавшими с древних времен, возникли новые общины на берегах Черного моря и Феодосийского пролива (Каффа), а также во внутренних районах страны, в Сульчате (Солгат, ныне Эски-Крым), в Фанагории (ныне Тамань) и на Босфоре (Керчь), расположенном напротив. Из Крыма греческие евреи распространились на Кавказ и в гостеприимные страны хазар на западном побережье Каспийского моря и в устье Волги (Ател). Еврейские общины поселились в Бердаа (Дербенд), у Албанских ворот, в Семендере (Тарки) и, наконец, в Баланьяре, столице земли хазар. Благодаря своей энергии, способностям и уму греко-еврейские эмигранты быстро приобрели власть среди этих варварских народов и подготовили почву для важного исторического события.

Едва ли через тридцать лет после падения лжемессии "Безмятежный", антиталмудическое движение в сочетании с мессианским энтузиазмом, снова получило развитие, но на этот раз на другой сцене. Главной движущей силой был фантастический и воинственный житель персидского города Исфахан, некто Обайя Абу-Иса бен Исхак. Он не был невежественным человеком; он понимал Библию и Талмуд и был способен выражать свои мысли в письменной форме. Говорят, что он осознал свое призвание к возвышенному призванию благодаря внезапному излечению от проказы. Абу-Иса не провозглашал себя Мессией, но утверждал, что он был предтечей и пробуждающим (Даи), который должен был подготовиться к пришествию Мессии. Его взгляды на должность предтечи Мессии были, действительно, совершенно своеобразными. Он учил, что Мессии будут предшествовать пять предтеч и что каждый из них будет более совершенным, чем его предшественник. Он считал себя последним и наиболее совершенным из пятерых и обладал равными заслугами с Мессией. Он со всей серьезностью отнесся к своему призванию и объявил, что Бог призвал его освободить еврейскую расу от ига народов и несправедливых правителей.

Мессианский предшественник Исфахана обнаружил, что многие сторонники, как говорят, 10 000 евреев, собрались вокруг него с целью помочь ему в его работе по освобождению. Абу-Иса изложил им форму иудаизма, в некоторых отношениях отличающуюся от принятой в то время; однако точки различия неизвестны. Он полностью отменил развод, даже в случае супружеской измены. Он увеличил три ежедневных периода для молитвы четырьмя новыми периодами, приведя в подтверждение этого нововведения стих из псалма: "Семь раз в день я восхваляю тебя". Абу-Иса сохранил формы молитвы, предписанные Талмудом, и никоим образом не нарушил существующий порядок календаря. Он объяснил свою собственную своеобразную религиозную систему в одной из своих работ, в которой запрещает своим последователям употребление мяса и вина, но объявляет об отмене культа жертвоприношений.

Абу-Иса желал выполнить свою мессианскую задачу освобождения с мечом в руке. Соответственно, он сделал солдат из своих последователей и ехал во главе их, как полководец. Более благоприятного момента для попытки вернуть себе свободу с помощью открытой силы и быть не могло. Во всех провинциях магометанской империи поднялся дух восстания против Мервана II, последнего халифа династии Омийядов. Амбициозные правители, недовольные сторонники, аббасиды, претендовавшие на верховную власть, все эти антагонистические элементы сговорились свергнуть дом Омийй и превратили обширные владения империи в поле битвы ожесточенных страстей. В этот период восстания Абу-Иса и его банда, по-видимому, начали свою работу по освобождению в окрестностях Исфахана. Вероятно, они укрепили свои позиции во время беспорядков, последовавших за тяжелым поражением, нанесенным полководцем Мервана на Евфрате (при Кербелле, август 749 г.).

В конце концов Абу-Иса пал в битве; его последователи рассеялись, и евреям Исфахана пришлось пострадать из-за его восстания. Его приверженцы, однако, преданно хранили память о нем; под именем исавитов или испаханитов они продолжали существовать до десятого века, образовав первую религиозную секту, которую породил иудаизм после падения еврейского государства. Исавиты жили в соответствии с учением своего учителя, соблюдая некоторые пункты талмудического иудаизма, в то же время игнорируя многие другие.

Однако за это время в центре еврейской религиозной жизни не произошло никаких экстраординарных изменений; все продолжалось по-старому, директора колледжей и геонимы

сменяли друг друга, не оставляя за собой никаких заметных следов. Они и не подозревали, что в иудаизме распространился новый дух, который потрясет его до самых основ.

ГЛАВА V. ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАРАИЗМА И ЕГО РЕЗУЛЬТАТЫ.

Анан бен Давид, основатель караизма — Его жизнь, труды и влияние—Враждебность к Талмуду—Нововведения Анана—Караимское почитание Анана—Экзилархат становится выборным—Принятие иудаизма хазарами—Король Булан и Исаак Синджари—Еврейские преемники Булана—Карл Великий и Империя франков—Евреи и торговля—Еврейский посланник, отправленный к халифу Гаруну Аль—Рашиду—Распространение евреев в Европе—Халифы и евреи—Исследование философии—Сахал—Калам—Мутазилисты и антропоморфисты—Иуда Джадган—*Шиур Комах*—Акбариты—Моисей перс.

761-840 гг. н. э.

Эволюция исторического события столь же маловероятна, как и естественное рождение без труда. Чтобы новый исторический феномен смог пробиться к существованию, комфортный аспект вещей должен быть разрушен, ленивый покой в лелеемом обычае нарушен, а сила привычки сломлена. Эта разрушительная деятельность, хотя поначалу и болезненная, в конечном итоге благоприятствует росту здоровых институтов, поскольку таким образом рассеивается всякая неопределенность, разрушается всякое притворство и тусклая реальность более отчетливо вырисовывается на свет. Оппозиции, соли истории, предотвращающей коррупцию, не хватало в еврейской истории на протяжении нескольких столетий, и религиозная жизнь была сформирована в устоявшихся формах и там окаменела. Павел и послеапостольское христианство в свое время представляли собой как раз ту оппозицию, которая требовалась. Оно отменило стандарт Закона, покончило со знанием, заменило веру и, таким образом, породило в эволюции иудаизма склонность твердо придерживаться Закона и развивать систему религиозных учений, которая должна учитывать мельчайшие детали. Талмуд возник в результате этого оппозиционного движения; он был единственным преобладающим авторитетом в иудаизме и преуспел в вытеснении Библии в глазах народа. Даже изучение Талмуда, которое обладало освежающим и просветляющим влиянием во времена амораим, выродилось в следующем столетии и в первый гаонический период в простой предмет памяти, полностью лишенный какой-либо силы интеллектуального оплодотворения. Свободный поток воздуха стремился рассеять тяжелую атмосферу. Оппозиция Талмуду, пароллю двух глашатаев Мессии, Серена и Абу-Исы, не произвела длительного впечатления, отчасти потому, что движение, сопровождавшееся фанатичной агитацией в пользу мнимого Мессии, не привело ни к какому иному результату, кроме как к разуверению своих сторонников, а отчасти потому, что оно было начато неизвестными личностями, не обладавшими ни важностью, ни авторитетом. Если эта односторонность должна была быть преодолена, если Библия должна была быть восстановлена в своих правах, а религиозная жизнь вновь обрести свою духовность, было необходимо, чтобы оппозиция к ней, которая до тех пор проявлялась только в узких кругах, была доведена до более широкой общественности каким-нибудь умеренным реформатором, облеченным официальным характером. До тех пор, пока это движение не исходило не из какого-

нибудь отдаленного уголка, а из региона, который в то время составлял центр еврейской жизни, оно не могло быть подхвачено толпой или произвести какой-либо восстановительный эффект. Требуемая агитация была начата сыном принца Плена из дома Бостанаи и произвела длительный эффект.

Похоже, что экзиларх Соломон умер (761-762), не оставив потомства, и что этот пост должен был быть передан его племяннику Анану бен Давиду. Биография этого человека, оказавшего столь глубокое влияние на еврейскую историю и сторонники которого существуют по сей день, совершенно неизвестна, и факты были полностью искажены вследствие раскола, произошедшего позже. В то время как его ученики почитают его как благочестивого и святого человека, который, "если бы он жил в то время, когда Храм еще стоял, был бы удостоен дара пророчества", его противники не могут достаточно пренебрежительно относиться к нему. Но даже они признают, что Анан был чрезвычайно начитан в Талмуде и что он с большим умением использовал его стиль. Также несомненно, что сын Экзиларха считал, что определенные решения Талмуда не имеют религиозной силы, и что о его антиталмудических тенденциях было известно, во всяком случае, представителям двух академий, которые руководили избранием экзиларха. Должность Гаоника в то время занимали два брата, сыновья Нахмана: должность Соры от Иуды Слепого (759-762) и должность Пумбедиты от Дудаи (761-764). Эти два брата объединились со своими колледжами, чтобы помешать Анану унаследовать сан экзиларха и выбрать вместо него своего младшего брата Чананью (или Ачунаи). Но Анан был не совсем одинок; будучи высокого ранга, он, естественно, имел друзей. Его надежда занять руководящий пост, влияние которого признавали, по крайней мере, все еврейские общины Востока, несомненно, привлекла многих амбициозных, жадных и паразитических последователей. Но у него также были приверженцы среди тех, кто более или менее открыто отказывался считать иудаизм Талмуда истинным иудаизмом и кто приветствовал Анана как могущественного поборника. Партия ананитов не жалела усилий, чтобы добиться назначения своего вождя халифом Абу Джафаром Альмансуром, который, как они предполагали, был благосклонно расположен к ним; но их противники одержали победу. Говорят, что они покушались на жизнь Анана и обвинили его в планировании восстания против халифа, который после этого бросил его в тюрьму, где, как гласит легенда, был заключен магометанин. Их обоих должны были повесить, но товарищ Анана по несчастью посоветовал ему объяснить халифу, что он не принадлежит к той же секте, что и его брат Чананья. После этого Альмансур, как говорят, освободил его, потому что, по словам сторонников Анана, он относился к нему с добротой, по мнению его противников, из-за щедрых денежных подарков и позволил ему эмигрировать со своими последователями в Палестину.

Несомненно только одно из всех этих сомнительных утверждений, а именно, что Анан был вынужден покинуть свою страну и поселиться в Палестине. В Иерусалиме он построил свою собственную синагогу, которая все еще стояла во времена первого крестового похода. Точно так же несомненно, что вследствие унижительного пренебрежения, нанесенного ему гаонами, Анан стал враждебен Гаонату и направил всю свою враждебность против Талмуда, главного источника его важности. На самом деле он проявлял яростную враждебность к Талмуду и его сторонникам. Сообщается, что он сказал, что хотел бы, чтобы все приверженцы Талмуда были в его теле, чтобы, убив себя, он мог в то же время покончить с ними. Он считал все в Талмуде предосудительным и желал вернуться к Библии в упорядочении религиозной жизни. Он упрекнул талмудистов в том, что они извратили иудаизм, и в то же время обвинил их не только в том, что они многое добавили к Торе, но и в пренебрежении многими ее заповедями, которые

они объявили больше не обязательными. Многие вещи, которые, согласно тексту Библии, должны были быть обязательными на все времена, они отложили в сторону. Совет, который он дал своим последователям, заключался в том, чтобы "усердно искать в Писании". Из-за этого возвращения к букве Библии (Микра) религиозная система, которую основал Анан, получила название Религии Текста, или караизма.

Анан изложил свои взгляды относительно религиозных заповедей и запретов в трех произведениях, одним из которых был комментарий к Пятикнижию, безусловно, самое первое из всех произведений этого класса. Работы Анана не сохранились по прошествии времени; таким образом, первоначальный характер караизма окутан полной неизвестностью. Ясно только, что в своей враждебности к Талмуду основатель караимской секты скорее увеличивал, чем уменьшал религиозные обязанности в жизни, навязывал многие обряды, которые время и обычай давно отменили, и в своем слепом стремлении изменить талмудическое толкование Закона часто впадал в нелепые преувеличения. Он использовал талмудические, или, точнее, мишнаитские правила толкования, и с их помощью считал себя вправе, наравне со старыми учителями (Мишны), выводить новые законы религии. Наиболее важные изменения были внесены в даты праздников, субботу, законы о браке и правила питания. Анан отменил фиксированный календарь, который был установлен в середине четвертого века; но, не найдя в Библии оснований для этого нововведения, он был вынужден обратиться ко временам Второго Храма и танаитов. Как и в прежние времена, начало каждого месяца должно было определяться по наблюдению за новолунием. Високосные годы не должны были следовать регулярной чередой, согласно девятнадцатилетнему циклу, но должны были определяться путем неоднократного изучения состояния посевов, особенно во время созревания ячменя. Это было не столько абсолютное новшество, сколько обновление метода регулирования праздников, несостоятельность которого в условиях рассеяния еврейской нации очевидна. Такая изменчивость календаря не представляла особых трудностей для Анана и его последователей в Палестине, но это свидетельствует о слабом предвидении будущего. Как раньше делали саддукеи, Анан установил праздник Пятидесятницы через пятьдесят дней после субботы, следующей за Пасхой.

В строгом соблюдении субботы Анан намного опередил Талмуд. Он объявил незаконным принимать какие-либо лекарства в субботу, даже в случае опасной болезни, или выполнять операцию обрезания, или выходить из дома в тех городах, где евреи не жили отдельно от нееврейского населения; он не разрешал употреблять в пищу какую-либо теплую пищу, и даже разжигать свет или костер накануне субботы самим евреям или другим лицам для их использования. Анан ввел среди караимов обычай проводить канун субботы в полной темноте. Все эти изменения и многие другие он якобы вывел из буквы Библии. Он ввел сверх всякой меры строгие законы, касающиеся питания, и распространил запрет на брак на родственников, которым, согласно Талмуду, разрешались смешанные браки, так что брак дяди и племянницы, а также сводных братьев и сестер, которые не были абсолютно связаны друг с другом, рассматривался им как кровосмешение. По сравнению с этой преувеличенной строгостью, какое значение имела отмена филактерий (тефиллина), праздничных растений на праздник Кушпей и праздника Посвящения, учрежденного в память о временах хасмонеев, и других мелочей? Как справедливо утверждали его оппоненты, он создал новый и гораздо более строгий Талмуд. Таким образом, Анан придал религиозной жизни мрачный и непоэтичный характер. Формы молитвы, которые использовались на протяжении многих веков, некоторые из которых использовались в Храме, были запрещены основателем этой секты для использования

в синагоге, и они были изгнаны вместе с молитвами *поэтаним*. Вместо них должны были зачитываться только безвкусно сделанные библейские отрывки на манер ектении в караимских синагогах. Поскольку евреи исламской империи обладали собственной юрисдикцией, нововведения Анана касались также вопросов гражданского права. Вопреки тексту Библии, он поставил наследниц женского пола в равные условия с мужчинами в отношении имущества, унаследованного от родителей, в то время как, с другой стороны, он отказал мужу в праве наследования имущества его умершей жены.

Но хотя Анан дал большой толчок изучению Библии, поскольку система точек на гласных уже была введена, что позволило всем людям читать Священные Писания, тем не менее возраст, в который он жил, не был ни достаточно зрелым, ни его ум недостаточно всесторонним, чтобы позволить ему составить здоровое, независимое изложение текста. Он сам был вынужден, чтобы утвердить свои нововведения, прибегнуть к принудительным толкованиям, которые вряд ли были бы предложены талмудистами, которых он поносил. Отвергая Талмуд, он разрушил мост, соединяющий библейское прошлое с настоящим. Таким образом, религия караимов - это не естественный рост, а полностью искусственное и искусственно созданное творение. Анан не считался с обычаями и чувствами людей. Поскольку его религиозная система зависела от толкования Священного Писания, караизм, естественно, был неустойчивым по своему характеру. Новое толкование текста может угрожать самим основам религиозной жизни, поскольку то, что было законным, может стать незаконным, и *наоборот*. Анан был так же лишен способности ценить поэзию, как и понимания истории. Священная пророческая и поэтическая литература больше не была ему нужна, кроме как для доказательства существования какого-то закона или религиозного предписания. Повинуясь вновь пробудившемуся поэтическому порыву, он закрыл врата святилища.

Удивительно, что Анан и его последователи оправдывали свое неприятие Талмуда примером основателя христианства. Согласно их представлению, Иисус был богобоязненным, святым человеком, который не желал ни быть признанным пророком, ни основывать новую религию в противовес иудаизму, а просто подтвердить заповеди Торы и отменить законы, установленные человеческой властью. Помимо признания основателя христианства, Анан также признавал Магомета пророком арабов. Но он не признавал, что Тора была отменена ни Иисусом, ни Магомедом, но считал ее обязательной на все времена.

Невозможно установить количество приверженцев Анана, последовавших за ним в изгнание. Его ученики называли себя в его честь ананитами и караимами (караимы, Бене Микра), в то время как своим противникам они давали прозвище раббаниты, что эквивалентно "Сторонникам Власти". Поначалу раздражение, существовавшее между двумя сторонами, было чрезвычайно сильным. Вряд ли нужно говорить, что представители колледжей наложили на главу партии и его приверженцев запрет на отлучение от церкви и исключили их из черты иудаизма. Но, со своей стороны, караимы отказались от всякой связи с равванитами, не вступали с ними в брак, отказывались есть за их столом и даже воздерживались от посещения дома равванитов в субботу, потому что считали, что там оскверняется святой день. Равваниты объявили караимов еретиками, проповедовали против них с кафедры, особенно против их обычая проводить канун субботы в темноте, и отказались позволить последователям Анана принимать участие в молитвах. Караимы, с другой стороны, не могли в достаточной степени злоупотреблять двумя колледжами и их представителями. Они применили к ним аллегорию пророка Захарии о двух женщинах, которые отнесли Грех в бушеле в Вавилон и там основали

для нее жилище. "Эти две женщины - геонимы в Соре и Анбаре (Пумбедите)". Эта сатира, которая, вероятно, возникла из-за Анана, стала популярной среди караимов, и они никогда не называли две коллегии иначе, чем "две женщины".

Таким образом, в третий раз еврейская раса была разделена на два враждебных лагеря. Подобно Израилю и Иудее в первый период, а также фарисеям и саддукеям во времена Второго Храма, равваниты и караимы теперь находились в оппозиции друг к другу. Иерусалим, святая мать, ставшая свидетельницей стольких войн между своими сыновьями, снова стала ареной братоубийственной борьбы. Караимская община, вышедшая из общего союза, признала Анана законным князем Плена и присвоила этот почетный титул ему и его потомкам. Обе стороны приложили все возможные усилия, чтобы расширить брешь.

После смерти Анана его последователи из благоговения ввели поминальные молитвы о нем в субботнее богослужение. Они молились за него так: "Пусть Бог будет милостив к принцу Анану, человеку Божьему, который открыл путь к Торе и открыл глаза караимам; который искупил многих от греха и указал нам путь к праведности. Пусть Бог дарует ему хорошее место среди семи классов, которые войдут в Рай". Эта служба в память об Анане все еще используется караимами по сей день.

Однако беспристрастное суждение не может одобрить это восхваление, поскольку невозможно разглядеть в Анане какое-либо величие ума. Он не был глубоким мыслителем и был полностью лишен философских знаний. У него было настолько скудное представление о душе, что в болезненной приверженности букве Библии он определил кровь как ее вместилище. Но он был также непоследователен в своем неприятии талмудического иудаизма, поскольку позволял продолжать действовать многим религиозным законам, которые не больше восходили к библейскому происхождению, чем институты, которые он отвергал.

После смерти Анана караимская община передала руководство его сыну Саулу. Ученики Анана, называвшие себя ананитами, расходились со своим учителем по разным пунктам, особенно в том, что касалось предписанного способа убийства птиц. Таким образом, сразу после смерти Анана прочный характер, который он хотел придать религиозной жизни, был разрушен, и возникли разногласия, которые усиливались с каждым поколением. Этот раскол заставил караимов более внимательно изучать Библию, а также поддерживать и укреплять свои позиции друг против друга и против равванитов на основе Священного Писания. Именно по этой причине караимы с большим рвением занимались изучением Библии. С этим изучением шло рука об руку знание грамматики иврита и массоры, определение манеры чтения Священного Писания. Появилось много комментаторов Библии, и в целом была создана роскошная литература, поскольку каждая партия, думая, что открыла что-то новое в Библии, желала, чтобы ее авторитет был общепризнан.

В то время как караимы, таким образом, были чрезвычайно активны, раббаниты были наиболее бесплодны в литературном творчестве. Известно, что в те времена появилось только одно произведение. Иуда, слепой гаон Соры, который уже упоминался и который много сделал, чтобы противостоять притязаниям Анана, составил Талмудический сборник под названием "Краткая и устоявшаяся практика" (Галахот Кетуот). В этой работе Иуда собрал и упорядочил темы, которые были разбросаны по Талмуду, и кратко указал, опуская все обсуждения, на то, что все еще годилось на практике. Судя по нескольким фрагментам, Галахоты Иуды были написаны на иврите, благодаря чему он сделал Талмуд популярным и понятным. По этой причине

произведение проникло в самые отдаленные еврейские общины и стало образцом для более поздних композиций аналогичного описания.

Волнения караимов также способствовали ослаблению авторитета экзиларха. До времен Анана академии и их коллегии подчинялись принцу Плена и директорам школ, выбранным или утвержденным им; в то же время, однако, они не имели прямого влияния на назначение на эту должность, когда она становилась вакантной. Но однажды преуспев в изгнании Анана из Экзилархата, гаоны решили, что эта власть не должна быть вырвана у них из рук, и, соответственно, с этого времени осуществляли ее на том основании, что они не могли допустить, чтобы князья караимских убеждений стояли во главе еврейского содружества. Экзилархат, который был наследственным со времен Бостанаи, стал выборным после Анана, и президенты академий руководили выборами. После смерти Чананьи (Ачунаи), и всего через десять лет после отхода Анана от раввинизма, борьба за экзилархат вспыхнула с новой силой между двумя претендентами, Заккай бен Ачунаи и Натронаи бен Чабибаи. Последний был членом коллегии при Иуде. Два главы школ в этот период, Малка бар Ача из Пумбедиты (771-773) и Ханинай Кахана бен Хуна из Соры (765-775), объединились, чтобы добиться свержения Натронаи, и преуспели в том, чтобы добиться через приближенных халифа его изгнания из Вавилонии. Он эмигрировал в Магриб (Кайруан), в этом городе с момента его основания существовало многочисленное еврейское население. Заккай был утвержден в должности экзиларха. Экзилархат продолжал становиться все более и более зависимым от Гаоната, который часто низлагал несносных принцев и нередко изгонял их. Но когда экзилархи, придя к власти, попытались освободиться от этого состояния зависимости, произошли столкновения, которые оказали пагубное влияние на вавилонское государство.

Примерно в то же время, когда возник караизм, произошло событие, которое лишь незначительно повлияло на развитие еврейской истории, но которое подняло дух рассеянной расы и восстановило их мужество. Языческий царь варварского народа, живущего на севере, вместе со всем своим двором принял еврейскую религию. Хазары, или хозары, нация финского происхождения, родственная булгарам, аварам, угурам или венграм, поселилась после распада империи гуннов на границе между Европой и Азией. Они основали царство на Волге (которое они называли Итиль или Ател) в том месте, недалеко от которого она впадает в Каспийское море, по соседству с Астраханью, ныне родиной калмыков. Их цари, носившие титул Чакан или Каган, вели этих воинственных сынов степи от победы к победе. Хазары внушали персам такой ужас, что Хосров, один из их царей, не нашел другого способа защитить свои владения от их жестоких вторжений, кроме как построить прочную стену, которая перекрыла перевалы между Кавказом и морем. Но эти "врата врат" (Баб аль-Абваб, близ Дербенда) недолго служили преградой для воинственной отваги хазар. После падения Персидской империи они пересекли Кавказ, вторглись в Армению и завоевали Крымский полуостров, который некоторое время носил название Хазария. Византийские императоры трепетали при одном имени хазар, лестили им и платили им дань, чтобы обуздать их жажду добычи Константинополя. Болгары и другие племена были вассалами хазар, и киевляне (русские) на Днепре были обязаны платить им в качестве ежегодного налога меч и тонкую кожу для каждого дома. С арабами, чьими ближайшими соседями они постепенно стали, они вели ужасные войны.

Подобно своим соседям, болгарам и русским, хазары исповедовали грубую религию, которая сочеталась с чувственностью и распутством. Хазары познакомились с исламом и христианством через арабов и греков, которые приезжали в столицу Баланьяр по делам

бизнеса, чтобы обменивать товары своих стран на прекрасные меха. Были также евреи в стране хазар; они были одними из беглецов, спасшихся (723 г.) от мании обращения, овладевшей византийским императором Львом. Именно через этих греческих евреев хазары познакомились с иудаизмом. Как переводчики или торговцы, врачи или советники, евреи были известны и любимы при хазарском дворе, и они внушили воинственному царю Булану любовь к иудаизму.

Однако в последующие времена хазары имели лишь смутное представление о мотивах, побудивших их предков принять иудаизм. Один из их более поздних каганов дает следующий отчет об их обращении: Царь Булан пришел в ужас от грязного идолопоклонства своих предков и запретил его осуществление в пределах своих владений, не приняв, однако, никакой другой формы религии. Сон вдохновил его на то, чтобы открыть для себя правильный способ поклонения Богу. Одержав великую победу над арабами и завоевав армянскую крепость Ардебиль, Булан решил открыто принять еврейскую религию. Халиф и византийский император желали, однако, побудить царя хазар принять их соответствующие религии и с этим намерением послали в Булан депутацию с письмами и ценными подарками, а также людей, хорошо сведущих в религиозных вопросах. Вслед за этим царь устроил перед нимрелигиозную дискуссию между византийским священнослужителем, магометанским мудрецом и ученым евреем. Однако поборники трех религий оспаривали весь вопрос, не будучи в состоянии убедить друг друга или короля в превосходстве их соответствующих религий по сравнению с двумя другими. Но поскольку Булан заметил, что представители религии Христа и ислама оба ссылаются на иудаизм как на основу и отправную точку своих верований, он заявил послам халифа и императора, что, поскольку он слышал от самих противников иудаизма беспристрастное признание превосходства этой религии, он осуществит свое намерение исповедовать иудаизм в качестве своей религии. После этого он немедленно предложил себя для обрезания. Предполагается, что еврейским мудрецом, который способствовал обращению Булана, был Исаак Санджари или Синджари.

Возможно, обстоятельства, при которых хазары приняли иудаизм, были приукрашены легендой, но сам факт слишком определенно доказан со всех сторон, чтобы допускать какие-либо сомнения относительно его реальности. Помимо Булана, зная его королевства, насчитывающая почти четыре тысячи человек, приняла еврейскую религию. Мало-помалу это распространилось среди людей, так что большинство жителей городов Хазарского царства были евреями; армия, однако, состояла из магометанских наемников. Поначалу иудаизм хазар, должно быть, был довольно поверхностным и мог оказать лишь незначительное влияние на их ум и манеры. Преемник Булана, носивший еврейское имя Обадиа, был первым, кто предпринял серьезные усилия для продвижения еврейской религии. Он пригласил еврейских мудрецов поселиться в его владениях, щедро наградил их, основал синагоги и школы, велел обучать себя и свой народ Библии и Талмуду и ввел богослужение по образцу древних общин. Влияние иудаизма на характер этой нецивилизованной расы было столь велико, что в то время как хазары, оставшиеся язычниками, без зазрения совести продавали своих детей в рабство, те из них, кто стал евреями, отказались от этого варварского обычая. После Авдии последовала длинная череда еврейских каганов, поскольку, согласно основному закону государства, только еврейским правителям было разрешено восходить на трон. Ни Обадиа, ни его преемники не проявляли никакой нетерпимости к нееврейскому населению страны; напротив, неевреи были поставлены в условия полного равенства с другими жителями. Существовал верховный суд, состоявший из семи судей, из которых двое были евреями для еврейского населения, двое магометанами и двое христианами для тех, кто исповедовал эти религии, и по одному язычнику

для русских и болгар. Некоторое время евреи других стран ничего не знали об обращении этого могущественного царства в иудаизм, и когда, наконец, до них дошел смутный слух на этот счет, они придерживались мнения, что Хазария была населена остатками прежних десяти колен. Легенда гласит так: Далеко-далеко за мрачными горами, за киммерийской тьмой Кавказа живут истинные почитатели Бога, святые люди, потомки Авраама, колена Симеонова и половины колена Манассиина, которые настолько могущественны, что двадцать пять народов платят им дань.

Примерно в это же время — во второй половине VIII века — евреи Европы также немного вышли из тьмы, которая покрывала их веками. Пользующиеся благосклонностью правителей или, по крайней мере, не подвергавшиеся с их стороны жестокому обращению и преследованиям, они поднялись до определенного уровня культуры. Карл Великий, основатель империи франков, которому Европа обязана своим возрождением и частичным освобождением от варварства, также внес свой вклад в духовный и социальный прогресс евреев во Франции и Германии. Создав германо-Франкскую империю, которая простиралась от океана до дальнего берега Эльбы и от Средиземного до Северного моря, Карл Великий перенес центр истории в Западную Европу, тогда как до сих пор он находился в Константинополе, на границе между Восточной Европой и Азией. Хотя Карл Великий был защитником Церкви и помог основать верховенство папства, а Адриан, современный папа римский, был далеко не дружелюбен к евреям и неоднократно призывал испанских епископов не допускать общения христиан с евреями и язычниками (арабами), Карл Великий был слишком дальновиден, чтобы разделять предрассудки духовенства по отношению к евреям. Вопреки всем предписаниям Церкви и решениям соборов, первый франкский император благоволил евреям своей империи и воспользовался знаниями ученого человека этой расы, который отправился ради него в Сирию и привез во Францию продукты Востока. В то время как другие монархи наказывали евреев за покупку церковных сосудов или взятие их в залог у духовенства или служителей Церкви, Карл Великий пошел противоположным путем; он подвергал суровым наказаниям святотатствующих священнослужителей и освобождал евреев от всех наказаний.

Евреи были в этот период главными представителями мировой торговли. В то время как дворяне посвящали себя военному делу, простолюдины - ремеслам, а крестьяне и крепостные - сельскому хозяйству, евреи, которые не подлежали призыву на военную службу и не обладали феодальными землями, обратили свое внимание на вывоз и импорт товаров и рабов, так что благосклонность, оказанная им Карлом Великим, была, в определенной степени, привилегией, предоставляемой коммерческой компании. Они испытывали лишь ограничения, налагаемые на всех торговцев зерном и вином; император считал нечестным получать прибыль от предметов первой необходимости. Эта несколько материалистическая ценность, придаваемая евреям, знаменует, однако, большой прогресс по сравнению с ограниченностью меровингских монархов, Гунтрамов и Дагобертов, которые не видели в евреях ничего, кроме убийц Бога. Но Карл Великий также проявлял глубокий интерес к духовному развитию еврейских жителей своей империи. Точно так же, как он заботился об образовании немцев и французов, приглашая ученых людей из Италии, точно так же он искренне желал сделать более высокую культуру доступной для немецких и французских евреев. С этим намерением он перевез ученую семью, состоящую из Калонимоса, его сына Моисея и его племянника, из Лукки в Майнц (787), надеясь, кроме того, сделать евреев независимыми от академий Леванта.

Посольство Карла Великого к могущественному халифу Гаруну Аль-Рашиду, к которому был прикреплен еврей по имени Исаак, знакомо каждому изучающему историю (797). Хотя поначалу, вероятно, Исаак сопровождал двух дворян, Ландфрида и Сигизмунда, только в качестве переводчика, он, тем не менее, был посвящен в дипломатические секреты Карла Великого. Таким образом, когда два главных посла умерли в пути, ответ халифа и ценные подарки, которые он переправил, перешли в единоличное ведение Исаака, и он был принят императором на торжественной аудиенции в Эксе. Говорят также, что император попросил халифа через свое посольство прислать ему из Вавилонии ученого еврея для его страны, и Гарун, как сообщается, прислал ему человека, отвечающего его требованиям. Этим человеком был некий Махир, которого Карл Великий поставил во главе еврейской конгрегации Нарбонны. Махир, который, подобно Калонимосу из Лукки, стал родоначальником образованного потомства, основал талмудическую школу в Нарбонне.

Благодаря их выгодному положению во Франкско-Германской империи, в которой они владели землями, евреям разрешалось совершать путешествия и заниматься бизнесом, и их не преследовали ни люди, ни по-настоящему религиозные немецкие священнослужители; им также было позволено отдаться своей склонности к путешествиям и, таким образом, распространиться по многим провинциям Германии. В девятом веке многие из них проживали в городах Магдебург, Мерзебург и Ратисбон. Из этих пунктов они проникали все дальше и дальше в страны, населенные славянами, по ту сторону Одера, вплоть до Богемии и Польши. Между тем, несмотря на благосклонность, которую Карл Великий оказывал им, ему, подобно лучшим людям средневековья, было трудно относиться к ним на совершенно равных началах с христианами. Пропасть, которую Отцы Церкви проложили между христианством и иудаизмом и которая была расширена отдельными священнослужителями и синодами, была слишком глубокой, чтобы ее мог преодолеть император, беззаветно преданный Церкви. Сам Карл Великий поддерживал, в одном пункте, различие между евреем и христианином и увековечил его в особой форме клятвы, которая налагалась на евреев, которые были свидетелями против христианина или обвинителями его. От них требовалось, принося клятву против христианина, окружить себя шипами, взять Тору в правую руку и призвать на себя проказу Неемана и наказание сторонников Кореи в подтверждение истинности их заявления. Если под рукой не было еврейского экземпляра Торы, считалось достаточным использовать латинскую Библию. Однако невозможно не признать, что разрешение евреям свидетельствовать против христианина само по себе было отклонением от постановлений Церкви.

На Востоке, в начале IX века, евреям также напомнили, в неприятной форме, что они должны ожидать презрения и угнетения даже от лучших правителей. Правление абасидских халифов, Гаруна Аль-Рашида и его сыновей, считается самым процветающим периодом Восточного халифата, но именно в это время жалобы евреев на притеснения звучат громче всего. Возможно, что, повторно вводя в действие закон Омара против христиан (807), Гарун применил его и к евреям; ибо они были вынуждены носить отличительный знак желтого цвета на своей одежде точно так же, как христиане были обязаны носить синий, и им приходилось использовать веревку вместо пояса. Когда после его смерти (809 г.) двое его сыновей, Магомет Алемин и Абдаллах Алмамун, для которых их отец разделил Халифат на две части, развязали разрушительную гражданскую войну на всей территории великой империи, евреи, особенно в Палестине, подверглись жестоким преследованиям. Христиане, однако, были их товарищами по несчастью. В течение четырех лет (809-813) этой братоубийственной борьбы грабежи и массовые убийства, похоже, были обычным делом. Страдания были, по-видимому, настолько

ужасны, что один проповедник тех времен объявил их признаком скорого пришествия Мессии. "Израиль может быть искуплен только посредством покаяния, а истинное покаяние может быть вызвано только страданиями, невзгодами, скитаниями и нуждой", - заявил этот оратор в утешение своей страждущей пастве. В гражданской войне, бушевавшей между двумя халифами, ему казалось, что он видит приближающееся разрушение правления измаилитов и наступление мессианской империи. "Два брата, наконец, будут править измаильтянами (магометанами); тогда восстанет потомок Давида, и во дни этого царя Господь Небесный основает царство, которое никогда не погибнет". "Бог истребит сыновей Исава (Византия), врагов Израиля, а также сыновей Измаила, его противников". Но эти, как и многие другие, надежды были обманчивыми. Гражданская война, действительно, потрясла Халифат до основания, но не разрушила его. Алемин был убит, и Алмамун стал единоличным правителем этой обширной империи.

Именно во время правления Альмамуна (813-833) Восточный халифат процветал наиболее пышно. Поскольку он был проникнут терпимостью, стало возможным развитие наук и определенной формы философии. Багдад, Кайруан в северной Африке и Мерв в Хорасане стали центрами науки, какими Европа обладала только много веков спустя. Греческий гений праздновал свое возрождение в арабских одеждах. Государственные деятели соревновались с праздными людьми за пальму первенства в эрудиции. Евреи не остались равнодушными к этому увлечению наукой. Исследование и утонченный поиск действительно являются частью их сокровенной природы. Они проявляли искренний интерес к этой интеллектуальной деятельности, и многие из их достижений получили одобрение арабов. В истории арабской цивилизации есть несколько еврейских имен, занесенных в ее анналы. Сахал по прозвищу Раббан (раббанит, авторитет в Талмуде) из Таберистана на Каспийском море (около 800 года) был известен как врач и математик. Он перевел на арабский "Альмагест" греческого астронома Птолемея, учебник астрономии средневековья, и был первым, кто обратил внимание на преломление света. Его сын Абу-Сахал Али (835-853) входит в число тех, кто продвинул изучение медицины, и был учителем двух авторитетных арабских врачей, Рази и Анзарби.

С еще большим рвением, чем то, с которым они занимались медициной, математикой и астрономией, мусульмане занялись изучением науки о религии, своего рода философии религии (калам). Этому придавалось такое же значение, как и государственным делам, и оно оказывало определенное влияние на политику. Толкователи Корана, пытаясь объяснить грубые чувственные упоминания о Боге и примирить противоречия, содержащиеся в этом труде, развивали идеи, выходящие далеко за пределы ограниченного кругозора ислама. Многие комментаторы из-за своих рационалистических объяснений вступали в конфликт с защитниками текста и были заклеены ими как еретики. Мутазилисты (еретики) придавали большое значение единству Бога и желали, чтобы ему не приписывались никакие определенные атрибуты; ибо таким образом сущность Бога представлялась им разделенной на части, а несколько существ были включены в идею Бога, единство которого таким образом отрицалось. Далее они утверждали свободу человеческой воли, поскольку безусловное предопределение Богом, в которое верит восточный разум и которое подтверждает Коран, было несовместимо с божественной справедливостью, которая вознаграждает хороших и наказывает плохих. Однако они верили, что по-прежнему стоят на той же почве, что и Коран, хотя, конечно, выходят далеко за его пределы, и для того, чтобы привести свое учение в соответствие с прямыми высказываниями своей религиозной книги, они использовали тот же метод, который александрийско-еврейские философы религии использовали для согласования

Библии с греческой философией; они приняли аллегорическое толкование текста. Эта интерпретация была использована с целью наведения мостов через пропасть, существующую между рационалистической идеей Бога и иррациональной идеей, как учит Коран. Рационалистическая мутазилистская теология магометан, хотя поначалу и была осуждена как еретическая, неуклонно набирала силу; школы Багдада и Бассоры славились ее доктринами. Халиф Аль-Мамун возвысил его до уровня придворной теологии и осудил старые простые взгляды на религию.

Приверженцы ортодоксии были в ужасе от такой вольности толкования, поскольку тексту Корана тайным образом было навязано противоположное значение, и простая вера потеряла всякую опору. Поэтому они строго придерживались буквы и естественного смысла текста. Некоторые из них пошли еще дальше. Они приняли в буквальном смысле все выражения, касающиеся Бога, какими бы грубыми они ни были, которые встречались в Коране или использовались в традиции, и построили самую мерзкую теологию. Магомет выразил откровение так: "Мой Господь вышел мне навстречу, протянул руку в знак приветствия, посмотрел мне в лицо, положил руку мне между плеч, так что я почувствовал холодные кончики его пальцев", и ортодоксальная школа приняла все это с отвратительной буквальностью. Эта школа (антропоморфисты) без колебаний заявляла, что Бог - это тело, состоящее из членов и имеющее определенную форму; что он был семи пядей в высоту, измеряемой его собственным ростом; что он находился в определенном месте — на своем троне; что о нем можно утверждать, что он движется, взбирается на свой трон и сходит с него, останавливается и отдыхает. Эти и еще более богохульные описания Высшего Существа в том же грубо материалистическом ключе были даны ортодоксальными магометанскими учителями религии, чтобы показать свою приверженность букве Корана в отличие от рационалистов.

Евреи Востока жили в столь тесной связи с мусульманами, что они не могли не быть затронуты этими тенденциями. Таким образом, те же явления повторялись в еврейских кругах, а разногласия между караимами и рабанитами способствовали переносу исламских противоречий на иудаизм. Однако официальные сторонники иудаизма, колледжи Соры и Пумбедиты, держались от них в стороне. Полностью поглощенные Талмудом и его изложением, они поначалу либо не обращали внимания на царящее в умах сильное возбуждение, либо отказывались поддаваться ему. Но за пределами колледжей мужчины активно интересовались этими новыми методами, и иудаизм прошел через другой процесс очищения.

Слабый луч философии, упавший в этот мир простой слепой веры, не знающий своих собственных верований, произвел ослепительное освещение. Караимы по большей части придерживались мутазилистской (рационалистической) тенденции, в то время как рабаниты, напротив, будучи вынуждены защищать странные агадические утверждения о Боге, были настроены враждебно по отношению к науке. Но поскольку религиозное здание караизма не было завершено, в его черте возникли новые секты со своеобразными теориями и различными религиозными практиками.

Первым известным человеком, привнесшим мутазилистскую тенденцию исламской теологии в иудаизм, был Иуда Джадган, перс из города Хамадан (около 800 г.). Его противники рассказывают о нем, что изначально он был стадом верблюдов. Он сам выдавал себя за вестника Мессии, и когда у него появились приверженцы, он раскрыл им особую доктрину, которая, как он утверждал, была открыта ему в видении.

В противовес древним традиционным взглядам, в соответствии с которыми библейский рассказ о деяниях и мыслях Бога следует понимать буквально, Иуда Джадган утверждал, что мы не должны представлять Бога материальными атрибутами или антропоморфно, ибо он возвышен над всеми сотворенными вещами. Выражения, которые Тора использует в этой связи, следует понимать исключительно в метафорическом смысле. Мы также не можем считать само собой разумеющимся, что в силу Своего всемогущества и всеведения Бог предопределяет поступки человека. Гораздо скорее мы должны исходить из Божьей справедливости и предполагать, что человек является хозяином своих действий и обладает свободной волей, и что награда и наказание назначаются нам в соответствии с нашими заслугами. Хотя Иуда из Хамадана придерживался либеральных взглядов в отношении теоретических вопросов, он рекомендовал самый суровый аскетизм на практике. Его приверженцы воздерживались от мяса и вина, часто постились и молились, но были менее строги в отношении праздников. Его последователи, которые долгое время сохраняли себя как особая секта под названием джадганитов, так твердо верили в него, что утверждали, что он не умер, а появится снова, чтобы принести с собой новое учение, как шииты верили в Али. Один из его учеников, по имени Мушка, желал силой навязать евреям учение своего учителя. Он выступил из Хамадана с отрядом товарищей схожих настроений, но вместе с девятнадцатью своими последователями был убит в окрестностях Кума (к востоку от Хамадана, к юго-западу от Тегерана), скорее всего, мусульманами.

Иуда Джадган придавал большее значение аскетическому образу жизни, чем установлению философских основ иудаизма, и поэтому был скорее основателем секты, чем религиозным философом. Современный караим, Бенджамин бен Моисей из Нахавенда (около 800-820), распространил мутазилистскую философию среди караимов. Бенджамин Нахавенди считается своими собратьями-караимами авторитетом, и они почитают его так же сильно, как Анана, их основателя, хотя он отличался от последнего по многим пунктам. Бенджамин был полностью пропитан концепциями мутазилистов. Он был шокирован не только физическими и человеческими характеристиками Бога, содержащимися в Священном Писании, но также откровением и творением. Он не мог успокоиться от мысли, что духовное Существо создало этот земной мир, вошло с ним в контакт, ограничило себя в пространстве с целью откровения на Синае и издавало членораздельные звуки. Чтобы не отказываться от своего возвышенного представления о Боге и в то же время сохранить откровение Торы, он принял следующее представление, как это делали другие до него: Бог сам создал только духовный мир и ангелов; земная вселенная, с другой стороны, была создана ангелами, так что Бога следует рассматривать только как опосредованного творца мира. Точно так же откровение, дарование Закона на Синае и вдохновение пророков были делом рук только ангела. Некоторые ученики приняли взгляды Вениамина и образовали особую секту, названную (неизвестно по какой причине) макариитами или магариитами.

В то время как Бенджамин Нахавенди, как общепризнано, сильно отклонился от еврейской системы в отношении религиозной философии, он обратился к рабанитам по вопросу морали; он принял многие талмудические предписания и предоставил караимам свободный выбор отвергнуть или принять их в качестве своего стандарта. Чтобы добиться соблюдения законов, Бенджамин Нахавенди ввел разновидность отлучения от церкви, которая лишь незначительно отличалась от отлучения рабанитов. Когда обвиняемый отказывался повиноваться врученной ему повестке и пытался уклониться от суда, он должен был подвергаться проклятию каждый из

семи последовательных дней, а затем на него накладывалось отлучение от церкви. Отлучение от церкви состояло в запрете общения со всеми членами общины, которым также запрещалось приветствовать его или принимать от него что-либо; с ним следовало обращаться во всех отношениях как с покойным, пока он не подчинится. Если он упрямо игнорировал указ, было законно передать его в руки светского правосудия. Хотя Бенджамин Нахавенди в некоторых вопросах склонялся к раввинизму, он, тем не менее, твердо придерживался караимского принципа безудержного исследования Библии. Человек не должен привязывать себя к авторитетам, но следовать своим собственным убеждениям; сын может отличаться от отца, ученик от учителя, как только у них появятся причины для расхождения во взглядах. "Расследование - это обязанность, и ошибки, вызванные расследованием, не являются грехом".

Точно так же, как ортодоксальные магометанские религиозные учителя действовали вопреки необузданной утонченности мутазилистов и, впадая в противоположную крайность, рассматривали божество как обладающее телесной формой, так и еврейские приверженцы ортодоксального учения сбились с пути истинного и, рассматривая рационалистическое новшество как отступление от иудаизма, они выдвигали самые абсурдные идеи относительно материальности Бога. Они даже желали принять в самом буквальном смысле библейские выражения "Божья рука, Божья нога, его сидение или хождение". Агадическое изложение Священного Писания, в котором иногда использовались материальные, осязаемые фигуры, адаптированные к пониманию людей, способствовало принятию этой антиеврейской теории. Эта теория, порождение слабоумного, приобрела приверженцев из-за своей таинственной природы. В нем дается подробное описание Божества, измеряется его рост с головы до ног по шкале парсанга, в богохульных подробностях описываются правый и левый глаз Бога, его верхняя и нижняя губа, его борода и другие члены, о которых было бы кощунством даже упоминать. Однако, чтобы не умалять величия Бога, эта теория увеличивает каждый орган до огромных размеров и считает, что справедливость восторжествовала, когда добавляет, что масштаб, по которому измеряются члены, значительно превышает весь мир (Шиур-Комах). Этому Богу, которого она таким образом препарировала и измерила, теория приписала особый дом на небесах с семью залами (Хехалот). В самом верхнем зале Бог восседает на возвышенном троне, пропорции которого измеряются такими же огромными весами. Согласно этой материалистической теории, залы населены мириадами ангелов, некоторым из которых присвоены имена, образованные произвольным сочетанием ивритских и иностранных слов в варварские звуки. Главным ангелом, однако, является некий Метаторон, и теория добавляет, по примеру христианских и магометанских авторов, что это был Енох или Хенох, первоначально человек, но перенесенный Богом на небеса и превращенный в пламя огня. Теория с явным удовольствием останавливается на описании этого порождения болезненной фантазии. Оно даже осмелилось поставить его рядом с Божеством и назвать "маленьким Богом".

Эта теория, представлявшая собой смесь неправильно понятых Агад, а также иудейских, христианских и магометанских фантастических представлений, окутывала себя таинственным мраком и выдавала себя за откровение. Чтобы ответить на вопрос, откуда она приобрела эту мудрость, позволившую ей насмехаться над иудаизмом, другими словами, над Библией и Талмудом, она цитирует предполагаемые божественные наставления. Поскольку нет такой бессмыслицы, какой бы очевидной она ни была, которая не могла бы найти приверженцев, когда ее искренне и впечатляюще излагают, это учение о тайне, основанное на грубо материальном представлении о Боге, нашло много последователей. Его адепты называли себя "Мужами веры". Они хвастались тем, что обладают средствами, позволяющими увидеть

божественный дом. Благодаря определенным заклинаниям, обращению к именам Бога и ангелов и повторению определенных молитвообразных песнопений в сочетании с постом и аскетическим образом жизни они притворялись, что способны совершать сверхъестественные поступки. Для этой цели они использовали амулеты и камни (Kameoth) и писали на них имена Бога или ангелов с определенными знаками. Чудотворство было пустяком для этих мистиков. Они утверждали, что каждый благочестивый человек обладает способностью творить чудеса, если только он использует надлежащие средства. С этой целью они написали ряд работ по теории и практике эзотерической доктрины; по большей части они содержали откровенную бессмыслицу, но кое-где они поднимались до поэзии. Но эта мистическая литература давала только намеки; адепты передавали настоящий ключ к познанию божественных тайн и силы творить чудеса только определенным людям, на чьей руке и лбу они якобы обнаруживали линии, доказывающие, что они достойны этой милости.

Это мистическое учение процветало главным образом в Палестине, где настоящее изучение Талмуда находилось в зачаточном состоянии; мало-помалу оно проникло в Вавилонию. Это стало очевидным по случаю избрания ректора академии Пумбедита (814). Больше всего на эту должность претендовал некий Мар-Аарон (бен Самуэль), благодаря своей эрудиции и тому, что до тех пор он исполнял обязанности главного судьи. Тем не менее, предпочтение было отдано притязаниям соперника, престарелого Иосифа бар Аббы, который намного уступал ему в учености; причина этого предпочтения заключалась в том, что последний был адептом мистицизма и, как считалось, пользовался близостью пророка Илии. Однажды, когда тот же Иосиф бар Абба председательствовал на публичном собрании, он с восторгом воскликнул: "Освободите место для старика, который только что вошел". Взгляды всех присутствующих немедленно обратились ко входу, и те, кто сидел справа от директора, почтительно расступились. Однако они не видели, чтобы кто-нибудь входил, и поэтому были тем более уверены, что пророк Илия вошел невидимым, сел справа от своего друга Иосифа и присутствовал во время всей его речи. С тех пор никто не осмеливался занимать место рядом с директором академии Пумбедита, ибо оно было почитаемо и освящено Илией, и вошло в обычай оставлять его вакантным.

Преемник Иосифа, Мар-Авраам бен Шерира (816-828), также был мистиком. Говорили, что он мог предвидеть будущее по шелесту пальмовых листьев в безветренный день.

Более либеральные взгляды и даже караизм нашли путь в учебные залы, точно так же, как это сделал мистицизм раньше. Из-за этих противоположных взглядов естественным образом возникли ссоры, которые выявились, когда должен был быть заполнен пост экзиларха. В 825 году должны были состояться выборы нового принца Изгнания. На этот пост было два кандидата, Давид бен Иуда и Даниил. Последний был склонен к караизму и, возможно, именно по этой причине нашел в южной Вавилонии много сторонников, которые отдали ему свои голоса. Вавилоняне на севере, принадлежавшие к Пумбедите (Анбар), приняли решение в пользу Давида, поскольку он, несомненно, принадлежал к ортодоксальной партии. Ссора разгорелась с большой яростью. В результате мистик Авраам бен Шерира был смещен, а на его место назначен Джозеф бен Чийя. Неизвестно, какая партия это спровоцировала. Но у Авраама были последователи в Пумбедите, которые оказали ему свою поддержку и отказались присягнуть сопернику Гаону. Ссора не могла быть разрешена их собственными властями, и обе стороны обратились к халифу Альмамуну с просьбой утвердить избранного ими экзиларха. Однако Алмамун в то время был вовлечен в спор о Восточной Церкви. Он был призван принять

решение между двумя претендентами на Халдейско-христианский патриархат и хотел избавиться от подобного судебного разбирательства. Поэтому он отказался вмешиваться во внутренние дела евреев и христиан и постановил, что в будущем каждая партия должна быть уполномочена избирать своего собственного религиозного лидера. Если десять евреев желали избрать Экзиларха, десять христиан - архиепископа или десять огнепоклонников - первосвященника, у них была власть сделать это. Этот указ не удовлетворил обе стороны, поскольку оставил ссору нерешенной; неизвестно, чем она закончилась. Однако известно очень многое: Давид бен Иуда утвердил свою власть и занимал этот пост около десяти лет (до 840 года).

В школе Сора также вспыхнули ссоры (827). Ссора между вождями продолжалась долгое время в школе Пумбедита. В конце концов был достигнут компромисс. Должны были быть два гаона, занимающих должность вместе, которые должны были поровну делить титул и доходы. Абрахаму, однако, выпала честь выступить с речью на генеральной ассамблее.

Однажды оба директора школы в Пумбедите встретились в Багдаде на церемонии установки, на которой было принято выступать с речью. В столице халифата в то время располагалась многочисленная еврейская община и несколько синагог. Багдад, который был ближе к Пумбедите, чем к Соре, принадлежал к району Школы Пумбедита. Его президенту там отдали предпочтение перед ним из Соры.

Когда лекция должна была начаться и было громко объявлено: "Послушайте, что собираются сказать главы школ", присутствующие разразились слезами из-за разлада в их среде. Слезы толпы произвели такое сильное впечатление на Джозефа бен Чийю, что он встал и публично подал в отставку в пользу своего оппонента.

В награду за свою благородную решимость он получил оскорбительное благословение. "Пусть Бог даст тебе долю в грядущем мире", - сказал его оппонент, который теперь занял его позицию. Только после смерти Авраама (828) благородный Джозеф был вновь назначен гаоном Пумбедиты (828-833).

Все споры в школе Соры прекратились, но вскоре они вспыхнули снова и вызвали такую неразбериху, что Сора на два года (837-839) остался без гаона. Мы пребываем в неведении относительно истинной причины всех этих разногласий, но вполне вероятно, что подъем караизма имел к этому какое-то отношение. Как бы сильно равваниты ни ненавидели караимскую секту, и хотя они объявили ее еретической и держались от нее подальше, все же они приняли некоторые из ее учений и подражали им в других.

Но если секта Анана посеяла семена раздора среди последователей более древней секты, то сама она никоим образом не была свободна от них. Главной догмой караизма была неограниченная свобода в толковании и регулирование религии в соответствии с результатом честного исследования. Результатом было то, что каждый караим конструировал свой иудаизм в соответствии со своей собственной интерпретацией текста. Религиозная практика регулировалась в соответствии с умными или глупыми идеями толкователя. Более того, экзегеза все еще находилась в зачаточном состоянии. Знание еврейского языка, основы здорового, рационального толкования, было все еще скудным, и произвол имел все возможности заявить о себе. Каждый считал себя обладателем истины, и когда он не осуждал их, то жалел тех, кто не разделял его взглядов. Мы имеем печальную картину состояния караизма всего лишь через

столетие после смерти Анана. Из него также возникли новые секты, основатели которых имели странные представления о некоторых обычаях иудаизма. Говорят, что Муса (или Месви) и Измаил из города Акбара (в семи милях к востоку от Багдада) придерживались особых взглядов на соблюдение субботы. Каковы были эти взгляды, мы сейчас не знаем, но они приближались к доктринам самаритян. Два акбарита далее заявили, что запрет Пятикнижия на употребление в пищу определенных частей жира животного относится только к жертвоприношениям и что разрешается использовать их иным образом. Муса и Измаил нашли последователей, которые жили в соответствии с их доктринами. Они сформировали секту в караизме и назвали себя акбаритами.

Одновременно с ними возник другой лжеучитель, Абу-Амран Моисей, перс из маленького городка Сафран (недалеко от Керман-шаха в Персии), который эмигрировал в город Тифлис в Армении. Абу Амран Алтифлиси высказал другие взгляды, которые, по его мнению, были основаны на тексте Библии. Он, как и другие караимы, хотел, чтобы брак дяди с его племянницей считался одним из запрещенных союзов. У него были своеобразные взгляды на календарь, отличавшиеся как от взглядов караимов, так и от взглядов рабанитов. Фиксированного календаря не должно было быть, и месяц должен был начинаться не с момента появления новой луны, а в момент ее затмения. Перс Моисей отрицал телесное воскресение и ввел другие новшества, которые подробно неизвестны. Его последователи образовали особую секту под названием Абу-амраниты или тифлиситы и продолжали существовать в течение нескольких столетий.

Другой Моисей (или Месви) из Баальбека в Сирии продолжил раскол и еще больше отошел от караизма. Он подтвердил, что Праздник Пасхи всегда должен приходиться на четверг, а День Искупления - на субботу, потому что этот день обозначен в Библии как "Суббота суббот". Во многих отношениях Моисей из Баальбека отличался как от караимов, так и от равванитов. Он ввел в своей секте правило, что во время молитвы они всегда должны поворачиваться на запад, а не в сторону Храма. Он тоже основал секту, названную его именем, которая продолжала существовать долгое время.

Поскольку у караизма не было религиозного центра и духовного суда, олицетворявшего его единство, вполне естественно, что между одной караимской общиной и другой не могло быть симпатий. Так и случилось, что жители Хорасана отмечали праздники иначе, чем другие караимы.

В принципах, которые караимы мало-помалу были вынуждены установить, чтобы в какой-то мере положить конец индивидуалистическим тенденциям своих приверженцев, которые постоянно формировали новые секты, они признавали авторитет традиции. Они приняли законы о забое скота и способ определения начала каждого месяца, согласно их правилу, согласно которому великое множество обычаев, не предписанных ни в Законе, ни в Пророках, ни в Агиографиях, но повсеместно соблюдаемых среди представителей еврейской расы, были обязательными в качестве религиозных практик. Это правило согласия или аналогии позже было названо ими традицией (Хатака) или наследственным учением (Себель ха Йеруша). Однако на практике они были произвольными, поскольку сохраняли один обычай в качестве традиционного, в то время как отвергали другие, имевшие равные права считаться традиционными. Правило аналогии привело караизм к новым трудностям, особенно в том, что касается брака определенных кровных родственников. Они переходили от одной трудности к

другой. Они считали, что близость между мужчиной и его женой, согласно Библии, непрерывна. Следовательно, приемным детям не следует разрешать вступать в смешанные браки. Но они пошли еще дальше. По их словам, близость между мужчиной и его женой сохраняется, даже если брак расторгнут. Если в таком случае муж или жена снова женятся, родство распространяется и на новые семьи, хотя они и неизвестны друг другу. Следовательно, члены семьи первого мужа не могут вступать в брак с членами семьи второго мужа. Это родство продолжается до третьего и четвертого поколений. Таким образом, круг родства значительно расширился. Авторы этой системы искусственных отношений называли это "передачей" (Риккуб, Таркиб). Трудно понять, почему они остановились на четвертом поколении, но, похоже, они опасались окончательных последствий. Такова была путаница, в которую погрузился караизм в своем стремлении порвать с прошлым.

ГЛАВА VI. БЛАГОПРИЯТНОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ ВО ФРАНКСКИХ ВЛАДЕНИЯХ И УПАДОК ЭКЗИЛАРХАТА На ВОСТОКЕ.

Евреи при Луи ле Дебоннере—Императрица Юдифь и ее почитание иудаизма—Агобард, епископ Лионский—Обращение епископа Бодо—Усилия Амолу против евреев—Карл Лысый—Беспорядки в Безье и Тулузе—Указ против евреев в Италии—Босо Бургундский—Базилиус—Лев Философ—Упадок Экзилархата—Геонимы приобретают дополнительное влияние—Молитвенник Амрама—Мар-Земаха—Литературная и научная деятельность евреев—Упадок караизма—Разногласия в Пумбедита.

814-920 гг. н. э.

Евреи Европы ничего не знали о расколе в иудаизме на Востоке, о борьбе между Экзилархатом и гаонатами или о соперничестве глав школ. Вавилония, резиденция гаонических школ, рассматривалась ими почти как рай на земле, как место вечного мира и познания Бога. Решение Пумбедиты считалось важным событием и было прочитано с величайшим уважением. Такому решению католики подчинились охотнее, чем папской булле, потому что оно было вынесено без принятия власти. Западные нации, еще находясь в детском возрасте в отношении литературы, находились под опекой в отношении религии — христиане при папском престоле, евреи при гаонических школах.

Это правда, что некоторые видные евреи во Франции и Италии занимались изучением мистицизма и Агады, но они считали себя зависимыми от восточных властей.

Благоприятное положение евреев во франкских владениях при Карле Великом продолжалось и при его сыне Людовике (814-840), и при этих благоприятных обстоятельствах проявился импульс к интеллектуальной деятельности. Они проявили такое усердие в деле защиты иудаизма, что даже внушили христианам любовь к нему. Преемник Карла Великого, великодушный, но слабый Людовик, несмотря на свою религиозную склонность, за которую он получил прозвище "благочестивый", проявлял необычайную благосклонность к евреям. Он взял их под свое особое покровительство, оградив от несправедливости как со стороны баронов, так и со стороны

духовенства. Они пользовались правом селиться в любой части королевства. Несмотря на многочисленные указы об обратном, им не только разрешалось нанимать рабочих-христиан, но они могли даже ввозить рабов. Духовенству было запрещено крестить рабов-евреев, чтобы дать им возможность вновь обрести свободу. Из уважения к ним базарный день был перенесен с субботы на воскресенье. Евреи были освобождены от наказания бичеванием и имели в своих руках юрисдикцию над еврейскими правонарушителями. Более того, они не подвергались варварским испытаниям огнем и водой. Им разрешалось беспрепятственно заниматься своим ремеслом, но они должны были платить налог в казну и периодически отчитываться о своих доходах. Евреи также собирали налоги и получали благодаря этой привилегии определенную власть над христианами, хотя это явно противоречило положениям канонического права.

Был назначен офицер (*Magister Judæorum*), в обязанности которого входило следить за правами евреев и не допускать, чтобы на них посягали. Во времена Людовика этот пост занимал человек по имени Эберард. Возникает почти искушение поверить, что поразительная благосклонность, проявленная к евреям благочестивым императором, была вызвана главным образом коммерческими мотивами. Международная торговля, которую наладил Карл Великий и которую советники Людовика хотели развивать, находилась в основном в руках евреев, потому что им было легче вступать в коммерческие отношения со своими собратьями в других странах, поскольку им не мешала военная служба. Но была и более глубокая причина необычайного благоволения, оказанного евреям, не только еврейским торговцам, но и евреям как таковым — носителям очищенного знания о Боге.

Императрица Юдифь, вторая супруга Людовика, была наиболее дружелюбна к иудаизму. Эта красивая и умная царица, восхищение друзей которой сравнивалось только с враждебностью ее врагов, испытывала большое уважение к еврейским героям древности. Когда ученый настоятель Фульды Рабанус Маурус захотел завоевать ее расположение, он не смог найти более действенного средства, чем посвятить ей свою работу над книгами Есфири и Юдифи и сравнить ее с обеими этими еврейскими героинями. Императрица и ее друзья, а также, вероятно, казначей Бернхард, настоящий правитель королевства, стали покровителями евреев из-за их происхождения от патриархов и пророков. "За это им следует оказать честь", - говорили их друзья при дворе, и император разделял их мнение. Образованные христиане освежали свои знания трудами еврейского историка Иосифа Флавия и еврейского философа Филона и предпочитали читать их труды трудам апостолов. Образованные дамы и придворные открыто признавались, что почитают еврейского законодателя выше, чем своего собственного. Они даже зашли так далеко, что попросили у евреев их благословения. Евреи имели свободный доступ ко двору и поддерживали прямые сношения с императором и его приближенными. Родственники императора дарили еврейским дамам дорогие одежды, чтобы показать свою признательность и уважение.

Поскольку такая благосклонность была оказана им в высших кругах, было вполне естественно, что евреи франкских владений (которые также включали Германию и Италию) пользовались широкой терпимостью, возможно, большей, чем в любой другой период их истории. Ненавистные канонические законы были молчаливо отменены. Евреям было позволено строить синагоги, свободно говорить о значении иудаизма в присутствии христиан и даже называть себя "потомками патриархов", "расой праведных", "детьми пророков". Они могли бесстрашно высказывать свое искреннее мнение о христианстве, чудесах святых, мощах и поклонении образам. Христиане посещали синагоги и получали наставления от еврейского метода ведения

богослужения, и, как ни странно, им больше нравились лекции еврейских проповедников (даршаним), чем лекции их собственного духовенства, хотя даршаним вряд ли были способны раскрыть глубокий смысл иудаизма. Однако многое несомненно: еврейские проповедники произносили свои проповеди на местном наречии. Высокопоставленные священнослужители не стыдились перенимать толкования Священного Писания у евреев. Аббат Рабанус Маурус из Фульды признался, что он узнал от евреев несколько вещей, которые использовал в своем комментарии к Библии, посвященном Людовику Германскому, который впоследствии стал императором.

Вследствие благосклонности, оказанной евреям при дворе, некоторые христиане прониклись симпатией к иудаизму, смотрели на иудаизм как на истинную религию, находили его более убедительным, чем христианство, уважали субботу и работали по воскресеньям. Короче говоря, правление императора Людовика Благочестивого было золотой эпохой для евреев его королевства, какой они никогда не наслаждались и которой им никогда больше не суждено было наслаждаться в Европе. Но поскольку у еврейской расы всегда были враги, у французских евреев той эпохи в них не было недостатка, тем более что они пользовались благосклонностью при дворе, были любимы народом и могли открыто заявлять о своих религиозных взглядах. Сторонники строгой церковной дисциплины видели в нарушении канонических законов, в благосклонности, оказанной евреям, и в свободе, которая тогда была им дарована, гибель христианского мира. Зависть и ненависть были скрыты под покровом ортодоксальности. Покровители евреев при дворе, во главе с императрицей, были ненавистны клерикальной партии, которая стремилась управлять императором и которая теперь перенесла свой гнев против либеральной придворной партии на евреев.

Выразителем клерикальной ортодоксальности и ненависти к евреям в то время был Агобард, епископ Лионский, которого Церковь причислила к лику святых. Беспокойный и страстный человек, он оклеветал императрицу Юдифь, восстал против императора и подстрекал принцев к бунту. Он поддерживал нелояльных сыновей императора, особенно Лотэра, против их отца. Его называли Ахитофелом, который натравливал Авессалома на своего отца Давида. Этот епископ хотел ограничить свободу евреев и низвести их до того низкого положения, которое они занимали при королях Меровингах.

Незначительное происшествие дало ему желанную возможность. Рабыня уважаемого еврея из Лиона сбежала от своего хозяина и, чтобы вернуть себе свободу, позволила себе креститься (около 827 года). Евреи, усмотревшие в этом акте посягательство на их законные права и на их собственность, потребовали выдачи беглого раба. После отказа Агобарда предоставить это, евреи обратились к Эберарду, магистру иудаизма, который пригрозил наказать епископа, если он будет упорствовать в своем отказе вернуть ее хозяину.

Это было началом соперничества между Агобардом и евреями, которое длилось несколько лет. Это вызвало множество ссор и закончилось низложением Агобарда. Он заботился не столько об этом рабе, сколько о поддержании и утверждении канонических законов против евреев. Но теперь он столкнулся с серьезной трудностью. Подстрекаемый, с одной стороны, своей ненавистью к евреям, сдерживаемый, с другой, страхом наказания, он не знал, как действовать. Озадаченный, он обратился к представителям церковной партии при дворе, которых, как он знал, считал врагами императрицы и ее фаворитов, евреев. Он призвал их убедить императора ограничить свободу евреев. Они, по-видимому, предложили нечто в этом роде императору.

Друзья евреев при дворе тем временем пытались расстроить планы духовенства. Император созвал епископов и представителей иудаизма для урегулирования спорных вопросов. Агобард, однако, был настолько полон ярости на встрече, что, как он сам говорит, "скорее рычал, чем говорил". Затем он получил аудиенцию у императора. Когда епископ предстал перед Людовиком, тот посмотрел на него с такой яростью, что не мог вымолвить ни слова и не услышал ничего, кроме приказа удалиться. Пристыженный и смущенный, епископ вернулся в свою епархию. Однако вскоре он оправился от своего замешательства и снова замышлял заговор против евреев. Агобард произносил антиеврейские речи и призывал своих прихожан прекратить всякие сношения с евреями, не иметь с ними никаких дел и отказаться от поступления к ним на службу. К счастью, их покровители при дворе действовали от их имени и сделали все возможное, чтобы расстроить планы священника-фанатика. Как только им сообщили о его действиях, они получили охранные письма (*indiculi*) от императора, скрепленные его печатью, и отправили их евреям Лиона.

Епископу также было направлено письмо, в котором ему предписывалось под страхом сурового наказания прекратить свои антиеврейские проповеди. Другое письмо было отправлено губернатору Лионского округа с просьбой оказать евреям всяческую помощь (828). Агобард не обратил внимания на эти письма и злобно заявил, что императорский указ был поддельным — на самом деле, он никак не мог быть подлинным. Вслед за этим Эберард, магистр Иудаизма, послал к нему с сообщением о неудовольствии императора из-за его неповиновения. Но он оставался настолько упрямым, что императору пришлось послать двух уполномоченных, Джеррика и Фредерика, людей с высоким положением при дворе, вооруженных всей полнотой власти, чтобы образумить этого упрямого и мятежного епископа. Какие средства они были уполномочены применить против него, мы не знаем, но они, должно быть, были суровыми, потому что несколько священников, принимавших участие в агитации Агобарда, не осмелились показаться. Знаменательно, что жители Лиона вовсе не были на стороне своего епископа против евреев.

Ненавистник евреев Агобард не останавливался в своих усилиях против евреев. Он решил выступить против придворной партии, которая благоволила евреям, и привлечь на свою сторону императора, взывая к его совести. Возможно, он был знаком с планами заговорщиков Вали, Хелисахара и Хильдуина, которые хотели настроить сыновей императора от первого брака против императрицы и главного канцлера Бернхарда, потому что они побудили императора произвести новый раздел королевства в пользу сына Юдифи. Отныне Агобард избавился от всякой робости и стал совершенно решительным, как будто он предвидел быстрое падение партии, которая благоволила евреям. Сначала он обратился к епископам и умолял их упрекнуть короля в его грехе и убедить его низвести евреев до того смиренного положения, которое они занимали во времена Меровингов. Сохранилось только одно из писем Агобарда к прелатам - епископу Нарбонны Нибридию. Она полна горечи по отношению к евреям и интересна из-за фанатизма автора и признания, которое он в ней делает. Среди прочего он жалуется, что христианам, несмотря на их усилия, не удалось привлечь к христианству ни одной еврейской души, в то время как христиане, присоединяясь к евреям за их трапезами, вкушали также их духовную пищу. Хотя ожесточенную ненависть Агобарда к евреям в основном следует рассматривать как проявление его собственных чувств, нельзя отрицать, что она была в полной гармонии с учением Церкви. Он справедливо апеллирует к высказываниям апостолов и каноническим законам. Нерушимые постановления соборов также были на его стороне. Агобард, с его мрачной ненавистью, был строго ортодоксален, в то время как император

Людвиг с его мягкостью был склонен к ереси. Но Агобард не решался открыто распространять это мнение. В своем заявлении он скорее намекал на то, что не может поверить в возможность того, что император предал Церковь евреям. Его жалоба нашла отклик в сердцах князей Церкви.

Несколько епископов собрались в Лионе с целью обсудить наилучший метод унижения евреев и нарушения их до сих пор мирного существования. Они также обдумывали, как лучше всего повлиять на императора, чтобы он принял их резолюции. На собрании было решено, что императору следует вручить письмо, в котором излагались бы порочность и опасность благосклонности к евреям и указывались привилегии, которые должны быть отменены (829). Письмо синода в том виде, в каком мы его имеем сейчас, подписано тремя епископами и озаглавлено "О суевериях евреев". Агобард написал предисловие, в котором объясняет свою позицию в этой споре. В нем, обвинив евреев, он обвинил их друзей как причину всего зла. Евреи, по его словам, осмелели благодаря поддержке комиссаров, которые заявили, что евреи, в конце концов, не так уж плохи, но очень дороги императору. С точки зрения веры и канонических законов доводы Агобарда и других епископов были неопровержимы, и если бы император Людвиг Благочестивый руководствовался этой логикой, ему пришлось бы искоренить евреев с корнем и ветвями. К счастью, однако, он не обратил на это внимания. Это произошло либо потому, что он знал характер Агобарда, либо потому, что письмо с обвинениями против евреев так и не дошло до него. Опасения Агобарда, что письмо будет перехвачено друзьями евреев при дворе, возможно, оказались вполне обоснованными. Однако ненавидящий евреев епископ Лиона отомстил. В следующем году (830) он принял участие в заговоре против императрицы Юдифи, присоединившись к сыновьям, которым почти удалось свергнуть с престола своего отца. После этого Агобард был лишен своего поста и вынужден был искать безопасности в Италии, но Людвиг вскоре восстановил его в должности, после чего Агобард оставил евреев в покое.

До конца своей жизни Людвиг оставался благосклонно настроенным по отношению к евреям. Это тем более удивительно, что он почувствовал себя очень обиженным, когда один из его любимцев обратился в иудаизм, что легко могло бы озлобить его против них. Обращение епископа Бодо, который до этого занимал высокое положение, произвело большую сенсацию в свое время. Хроники говорят об этом событии, как о каком-то экстраординарном природном явлении. Это событие, действительно, сопровождалось особыми обстоятельствами и стало большим потрясением для благочестивых христиан. Бодо, или Пуото, происходивший из древней алеманнской расы, человек, столь же хорошо осведомленный как в мирских, так и в духовных делах, стал священнослужителем и занимал сан дьякона. Император благоволил к нему и, чтобы постоянно иметь его рядом, сделал своим духовным наставником.

Придерживаясь строгих католических взглядов, Бодо желал отправиться в Рим, чтобы получить благословение папы Римского и совершить паломничество к могилам апостолов и мучеников. Ему дали отпуск, но в Риме, оплоте христианства, Бодо проникся сильной симпатией к иудаизму. Возможно, благосклонность, проявленная к евреям и иудаизму при дворе Людовика, натолкнула его на сравнение двух религий, и его исследование, возможно, привело его к признанию достоинств иудаизма. Кроме того, безнравственная жизнь духовенства в христианской столице, послужившая поводом для сатиры на папу Иоанна, осквернившего кафедру Петра, вызвала у него отвращение и привлекла к более чистой религии иудаизма.

Позже он сам писал, что вместе с другими богословами использовал церкви в крайне аморальных целях. Христианская ортодоксия, не вдаваясь в истинную причину смены веры

Бодо, имела готовый ответ, а именно, что сатана, враг человечества и Церкви, привел его к этому. Бодо, не останавливаясь ни при дворе, ни во Франции, отправился из Рима в Испанию и там формально стал евреем, отказавшись ради новой веры от своего отечества, своего положения и своих друзей. Он был обрезан в Сарагосе, принял имя Елеазар и отпустил бороду (август 938 года). Он женился на еврейке в Сарагосе и, по-видимому, поступил на военную службу к арабскому принцу. Теперь он испытывал такую ненависть к своим бывшим единоверцам, что убедил магометанского завоевателя не терпеть христиан в своих владениях, а заставить их принять либо ислам, либо иудаизм. Говорят, что вслед за этим испанские христиане обратились к императору Франкской империи и епископам с просьбой приложить все усилия, чтобы заполучить этого опасного отступника в свою власть. Император Людовик был глубоко тронут обращением Бодо. Однако он не позволил евреям страдать из-за своего горя, но продолжал защищать их от несправедливости. У нас есть четкое доказательство этого в его действиях в отношении судебного процесса, который попал в поле его зрения через несколько месяцев после обращения Бодо. Вероятно, что от Людовика Благодетеля зародилась теория, распространенная на протяжении всего позднего периода Средневековья и, несомненно, вдохновленная благожелательными желаниями, что император является естественным покровителем евреев и что они, будучи его подопечными, неприкосновенны.

Со смертью императора Людовика золотой век евреев во франкских владениях подошел к концу, и их благополучие не возобновлялось в течение значительного времени. Южная Европа, охваченная анархией и управляемая фанатичным духовенством, не представляла собой благоприятного поля для развития иудаизма. Это правда, что Карл Лысый, сын Людовика от Юдифи, который вызвал столько беспорядков во франкских владениях, что последовал последующий раздел королевства на Францию, Германию, Лотарингию и Италию, не был враждебен евреям (843). Похоже, он действительно унаследовал от своей матери определенное предпочтение иудаизму. У него был врач-еврей Седекия, к которому он был очень привязан, но чье мастерство в медицине невежественные и суеверные люди считали магией и делом рук дьявола, а также любимец евреев, чьи политические заслуги заслужили похвалу от его царственного хозяина: "Мой верный Иуда".

При Карле Лысом, как и при его предшественнике, евреи пользовались равными правами с христианами. Им было разрешено беспрепятственно вести свой бизнес, а также владеть земельной собственностью. Некоторые из них контролировали пошлины. Но у них были непримиримые враги среди высшего духовенства. Они слишком сильно разозлили сановников Церкви своим унижением Агобарда, и духовенство, хотя и постоянно говорило о любви и доброте, не позволяло евреям пользоваться их преимуществами.

Злейшим врагом евреев был ученик и преемник Агобарда, епископ Лионский Амол. Он перенял ненависть к евреям от своего учителя; и он был в этом не одинок, поскольку Хинкмар, епископ Реймса, фаворит императора Карла, архиепископ Санса, архиепископ Буржа и другие представители духовенства разделяли его антиеврейские настроения. На соборе, проведенном этими прелатами в Мо (недалеко от Парижа) в 845 году с целью возвышения духовной власти за счет королевской власти и подавления разгульной жизни многих священнослужителей, было решено восстановить старые канонические законы и антиеврейские ограничения и утвердить их Карлом. Члены совета не отметили предел возрождения старых ограничений, но в список, аналогичный списку Агобарда, содержащий злобные постановления, из которых король должен был выбрать те, которые будут приведены в исполнение заново, были включены

некоторые, датируемые временами первого христианского императора Константина. В нем также упоминался указ императора Феодосия II, согласно которому ни одному еврею не разрешалось занимать какие-либо должности или почетное положение. Также были процитированы постановления различных советов и эдикт короля Меровингов Хильдеберта, согласно которому евреям не разрешалось занимать должности судей и сборщиков налогов, а также появляться на улицах в течение пасхальной недели и от них требовалось проявлять максимальное уважение к духовенству. Они даже ссылались на синодальные указы, которые были приняты за пределами Франции и, следовательно, никогда не имели силы закона, а также на бесчеловечные постановления вестготского синода, которые были направлены в первую очередь против крещеных евреев, которые все еще цеплялись за иудаизм. Члены совета также упомянули вестготские синодальные указы, которые предписывали, что дети обращенных евреев должны быть разлучены со своими родителями и помещены среди христиан. В заключении они подчеркнули, что еврейских и христианских работяг следует заставить продавать рабов-язычников на христианской территории, чтобы они могли быть обращены в христианство.

Прелаты думали, что смогут уговорить Карла уступить их желаниям, представив ему, что вторжение норманнов было божественным наказанием за его греховность. Но Карл не был настолько унижен государственными неурядицами, чтобы позволять фанатичному и амбициозному духовенству диктовать ему законы. Хотя его фаворит, Хинкмар, принимал участие в совете, он распорядился распустить собрание. Позже, однако, он снова созвал членов церкви на новое заседание под своим собственным руководством в Париже (14 февраля 846 г.). Предстояло рассмотреть вопрос об улучшении церковных дел. Им пришлось опустить три четверти из восьмидесяти постановлений совета Мо, в том числе предложенные антиеврейские постановления. Таким образом, ни при Карловингах, ни при более поздних правителях деградация евреев во Франции не была законодательно закреплена. Карл обложил еврейских торговцев налогом в размере одиннадцати процентов от стоимости всех проданных товаров, в то время как христиане должны были платить только десять процентов.

Амолу и его коллеги не могли забыть поражение, которое они потерпели на соборе в Мо, где их план смирения евреев был сорван. Преемник Агобарда направил письмо духовным властям, напоминая им, что они должны использовать свое влияние на князей, чтобы лишить евреев всех их привилегий. Письмо Амолу, полное ярости и клеветы на еврейскую расу, является достойным приложением к письму Агобарда императору Людовику на ту же тему. Многие в нем заимствованы у последнего. В конце своего письма Амолу выражает свое глубокое сожаление по поводу того, что евреи во Франции пользовались правом на свободу слова и что многие христиане были хорошо расположены к ним. Евреям даже разрешалось иметь слуг-христиан для работы в их домах и на полях. Он также жалуется, что многие христиане открыто заявляют, что проповеди еврейских проповедников нравятся им больше, чем проповеди христианского духовенства, создавая впечатление, что евреи виноваты в том, что христианское духовенство не смогло привлечь аудиторию. Он также упрекал евреев в том, что знатный церковный деятель перешел в иудаизм и теперь насквозь ненавидит христианство. Амолу призвал всех епископов страны сделать все возможное, чтобы вновь ввести старые канонические ограничения в отношении евреев. Он перечислил ряд антиеврейских князей и советов, которые настаивали на юридическом унижении евреев, точно так же, как это делали ранее Агобард и члены совета Мо. Амолу, прежде всего, напоминал им о благочестивом вестготском короле Сисебуте, который вынудил евреев принять христианство. "Мы не смеем, - заканчивается его злобное письмо, - ни

своей обходительностью, ни лестью, ни защитой поощрять самодовольство евреев, которые прокляты и все же слепы к своему собственному проклятию".

В то время злобное письмо Амоло возымело столь же незначительное действие, как письмо Агобарда и постановление совета Мо. Но постепенно яд распространился от духовенства к народу и князьям. Еще одним неблагоприятным обстоятельством стало разделение Франции на небольшие независимые государства, отказавшиеся от верности королю. Его результатом было то, что евреи оказались во власти фанатичного духовенства и тирании мелких князьков.

Насколько злобным был дух, одушевлявший французское духовенство, можно судить по тому факту, что сменявшие друг друга епископы Безье имели обыкновение произносить страстные проповеди с Вербного воскресенья до Пасхального понедельника, призывая христиан отомстить евреям города за то, что они распяли Иисуса. Подстрекаемая таким образом фанатичная толпа вооружилась камнями, чтобы напасть на евреев. Это злодеяние повторялось год за годом на протяжении веков. Евреи Безье часто защищали себя, и в этих случаях обеим сторонам был нанесен большой ущерб. Евреям Тулузы тоже долгое время приходилось терпеть многочисленные унижения. Графы этого города имели честь публично надавать президенту еврейской общины по ушам в Страстную пятницу. Это, без сомнения, подразумевалось как месть евреям за смерть Иисуса; без сомнения, также во исполнение заповеди "Возлюби врагов твоих". Есть история, в которой рассказывается о капеллане по имени Хью, который умолял разрешить ему совершить служение и нанес жертве такой сильный удар, что она безжизненно упала на землю. Те, кто хотел найти оправдание этому варварству, утверждали, что евреи однажды либо предали, либо намеревались предать город Тулузу магометанам. Позже надавание по ушам было заменено евреями ежегодной денежной выплатой. Правнук Людовика Благочестивого, Людовик II, сын Лотаря, находился под таким влиянием духовенства, что, как только правительство Италии оказалось в его собственных руках (855 г.), он издал указ, согласно которому все итальянские евреи должны покинуть землю, где их предки жили задолго до прихода немцев и лонгобардов. Ни один еврей не должен сметь показываться на глаза после 1 октября того же года. Любому еврей, появившийся на улице, может быть схвачен и безапелляционно передан для наказания. К счастью для евреев, этот указ не мог быть выполнен, поскольку Италия тогда была разделена на небольшие округа, правители которых, по большей части, отказались повиноваться итальянскому императору. Магометане часто вторгались в страну, и их часто призывали на помощь христианским князьям друг против друга или против короля. Эта анархия была защитой евреев, и декрет оставался в силе.

При преемниках Карла, когда власть короля значительно уменьшилась, а фанатизм принцев усилился, дело дошло до того, что Карл Простодушный передал Церкви все земли и виноградники евреев в герцогстве Нарбонна, чтобы показать свое великое рвение к своей религии (899-914). Французские принцы постепенно привыкли думать, что защита, которую императоры Карл Великий и его сын Людовик оказывали евреям, подразумевала вывод о том, что подопечные и их имущество полностью принадлежат опекуну. Эта мысль, по крайней мере, лежит в основе акта, которым узурпатор Босо, король Бургундии и Прованса, находившийся под большим влиянием духовенства, преподнес евреев в дар Церкви, *то есть* он считал их во всех отношениях своими рабами. Этому произволу в отношении евреев пришел конец только с приходом к власти капетингов.

Подобно своим собратьям в Западной Европе, евреям на Востоке, в византийских владениях, пришлось пережить печальные преследования. Несмотря на принудительное крещение и притеснения императора Льва Исаврийского, евреи снова распространились по всей Византийской империи, особенно по Малой Азии и Греции. Многие греческие евреи занимались выращиванием тутовых деревьев и прядением шелка. Греческие евреи в других отношениях подвергались всем ограничениям, налагаемым прежними правителями, и, подобно язычникам и еретикам, им не разрешалось занимать государственные должности. Однако им была предоставлена свобода вероисповедания. Василий, вззошедший на престол примерно в 850 году, был сравнительно справедливым и мягким правителем. Тем не менее, он был полон решимости обратить евреев в христианство. Поэтому Он устроил религиозные дискуссии между еврейским и христианским духовенством и постановил, что евреи должны либо неопровержимыми аргументами доказать, что их религия истинна, либо признать, что "Иисус был воплощением Закона и Пророков".

Базилий, предвидя, что эти дискуссии, вероятно, не приведут ни к каким результатам, пообещал почетные назначения тем, кто докажет, что готов к обращению. Неизвестно, какое наказание было применено к тем, кто не пожелал обратиться, но им, несомненно, пришлось подвергнуться жестоким преследованиям. Многие евреи приняли христианство или делали вид, что принимают. Едва Василий умер (886 г.), как они сбросили маску, как это было в Испании, Франции и в других странах, где их угнетали, и вернулись к религии, которой на самом деле они ни на минуту не были неверны. Но они совершили ошибку. Сын и преемник Василия, Лев Философ — титул, который в те времена покупался дешево, — превзошел своего отца в нетерпимости. Он постановил, что с теми, кто вновь принял еврейские обычаи, следует обращаться как с отступниками, то есть карать смертью (около 900 г.). Тем не менее, после смерти этого императора евреи вернулись жить в Византийскую империю, как они это сделали после смерти Льва Исаврийца.

В землях Халифата, особенно в Вавилонии (Ирак), в то время центре еврейской жизни, евреи постепенно утратили выгодное положение, которым они пользовались до сих пор, хотя нетерпимость магометанских правителей была умеренной по сравнению с нетерпимостью христианских князей. На Востоке они тоже стали жертвой каприза, ибо халифы отказались от своей власти в пользу визирей и таким образом лишили себя всякой власти. Халифы после Аль-Мамуна все больше и больше становились орудиями амбициозных и жадных министров и генералов, и восточным евреям часто приходилось покупать благосклонность этих эфемерных правителей дорогой ценой. Халиф Аль-Мутаваккиль, третий преемник Аль-Мамуна, обновил законы Омара против евреев, христиан и магов и заставил их носить характерную одежду, желтый шарф поверх платья и толстый шнур вместо пояса. Более того, он превратил синагоги и церкви в мечети и запретил магометанам учить евреев и христиан или допускать их к служебным обязанностям (849-856). Десятая часть их имущества должна была быть отдана халифу; им было запрещено ездить верхом, и им разрешалось пользоваться только осликами и мулами (853-854). Экзилархи потеряли часть своей власти, когда Аль-Мамун постановил, что они больше не должны быть официально признаны и поддержаны, и они потеряли еще больше из-за фанатизма Аль-Мутаваккиля. Мало-помалу они перестали быть государственными чиновниками, облеченными определенными полномочиями, и были вынуждены довольствоваться положением, которое им предоставили еврейские общины из уважения к старым и дорогим воспоминаниям.

По мере упадка экзилархата росло уважение к школе Пумбедиты, потому что она находилась недалеко от столицы Багдадского халифата, еврейская община влиятельных людей которого перешла под его юрисдикцию. Теперь Пумбедита поднялась из подчиненного положения, в которое ее вынудили. Она поставила себя в равные условия с сестринской академией Сора, и ее президенты также приняли титул Гаон. Затем он стал независимым от экзилархата. Раньше глава школы и профессорско-преподавательский состав Пумбедиты должны были посещать Пумбедиту раз в год, чтобы отдать дань уважения Экзиларху, но теперь, если Экзиларх хотел провести публичное собрание, он должен был отправляться в Пумбедиту. Вероятно, это было вызвано начальником школы Палтой бен Абайи (842-858), который возглавляет список важных геонимов и который был известен своим свободным использованием Черема (Отлучения от церкви). В этот период не было недостатка в разногласиях по поводу наследования Гаоната, хотя экзилархи не могли дать о себе знать своим влиянием.

Гаон Соры Натронай II, сын Хиллая (859-869), поддерживал плодотворную переписку с иностранными общинами на арабском языке. Его предшественники использовали смесь иврита и халдейского языка в качестве средства общения. Натронай II также переписывался с еврейско-испанской общиной в Лусене, члены которой, несомненно, понимали арабский лучше, чем иврит. Он выступал против караимов так же яростно, как геонимы во времена возникновения этой секты, "потому что они презирали слова мудрецов Талмуда и создали для себя свой собственный произвольный Талмуд". Его ученик и преемник, Мар-Амрам бен Шешна (869-881), был составителем литургического порядка молитв, используемого европейскими евреями. По просьбе испанской общины, предпочитаемой их религиозным лидером Исааком бен Симеоном, он собрал все, что было одобрено Талмудом и школьными обычаями в отношении молитвы и богослужения (Сиддур Раб Амрам). Форма, которую молитвы приняли с течением времени, была им объявлена имеющей силу установленного закона. Каждый, кто отклонялся от него, считался еретиком и исключался из общины Израиля. Поэтические композиции для фестивалей в то время еще не были широко распространены, и Мар-Амрам оставил выбор на усмотрение каждого.

Во время правления Мар-Амрама в Пумбедите сменяли друг друга два главы школ: Рабба бен Ами (869-872), о котором ничего не известно, и Мар-Земах И. бен Палтой (872-890), который возглавляет список литературных геонимов. До сих пор руководители школы занимались изложением Талмуда, регулированием внутренних дел общин и ответами на вопросы, которые им задавали. Тот или иной из них, правда, составил сборник агадических изречений, но для литературной деятельности у них либо не было ни досуга, ни возможности, ни склонности. Но когда рвение к изучению Талмуда возросло в различных общинах Египта, Африки, Испании и Франции, и изучающие Талмуд тратили свое время на изучение неясных и трудных отрывков, им часто приходилось обращаться в школы за решением своих трудностей. Вскоре их вопросы касались только теоретических моментов, и геонимы сочли необходимым написать трактаты по определенным разделам Талмуда вместо простых и кратких ответов. Эти книги использовались студентами в качестве талмудических справочников. Гаон Земах бен Палтой из Пумбедиты составил алфавитный указатель трудных слов в Талмуде под названием "Арух". В нем он демонстрирует знакомство с персидским языком. Этот словарь является первым вкладом в постоянно растущий отдел талмудической лексикографии. Вторым литературным гаоном был Нахшон бен Садок из Соры (881-889), современник Цемаха. Он тоже написал книгу с объяснениями трудных слов в Талмуде. Нахшон прославился благодаря открытию ключа к еврейскому календарю. Он обнаружил, что порядок лет и праздников повторяется после цикла

в двести сорок семь лет и что формы лет можно разложить по четырнадцати таблицам. Этот ключ носит его имя; он известен как цикл рабби Нахшона.

Третьим автором того времени был раввин Симон из Каира, или Мисра, в Египте, который, хотя и не был представителем вавилонской школы, смог составить кодекс, охватывающий все религиозные и церемониальные законы (около 900 г.). Это произведение, направленное против караимов, носит название "Великие галахи" (Галахот гедолот) и является дополнением к труду Иегудаи аналогичного характера. История периода после изгнания до разрушения Храма также была написана в это время; ее автор неизвестен. Она написана по-арабски и основана частично на Иосифе Флавии, частично на апокрифах и частично на традиции. Она называется "История Маккавеев" или "Иосиф бен Горион". Позже итальянец перевел ее на иврит, и в расширенном виде она носит название "Иосиппон" (псевдо-Иосиф Флавий), и этот труд послужил тому, чтобы пробудить в евреях, которые не знали оригинальных источников еврейской истории, интерес к своему славному прошлому.

Литературная деятельность официальных руководителей иудаизма в этих двух школах ограничивалась талмудическими предметами. Они не имели ни малейшего представления о научных исследованиях, фактически осудили бы их как пристрастие к караимской доктрине. За пределами Гаоната, в Египте и Кайруане, среди рабанитов существовало научное движение, поначалу слабое, но с каждым годом набиравшее силу. Мыслители-равваниты, должно быть, чувствовали, что до тех пор, пока талмудический иудаизм сохранял враждебную позицию по отношению к науке, он не мог выстоять против караимов. Библейская экзегеза и еврейская филология составили специальные дисциплины караимов, и в связи с ними была разработана своего рода философия, хотя и лишь как вспомогательная наука. Именно в этой ветви, ближе к концу девятого века, им подражали несколько равванитов. Известным среди них был Исаак бен Сулейман Израэль (845-940). Он был врачом, философом и еврейским филологом. Он был египтянином и был призван в Кайруан примерно в 904 году в качестве врача последнего аглабитского принца Зиадет-Аллаха. Когда основатель династии Фатимидов Убайд-Аллах, мессиянский имам (Аль-Махди, который, как говорят, был сыном еврейки), победил аглабитского принца и основал великое королевство в Африке (909-933), Исаак Израэль поступил к нему на службу и пользовался его полным расположением. Израэль имел отличную репутацию врача, и у него было много учеников. По просьбе халифа Убайд-Аллаха он написал восемь медицинских трудов, лучшим из которых, как говорят, является труд о лихорадке. Его медицинские труды были переведены на иврит, латынь и часть из них на испанский, и их ревностно изучали врачи. Врач-христианин, основатель медицинской школы Салерно, воспользовался его исследованиями и даже переиздал некоторые из его работ, не отдавая должное Израэлю за них. Таким образом, он внес важный вклад в развитие медицинской науки, но как философ он сделал немного. Его работа "Определения и описания" едва ли демонстрирует зачатки философских знаний.

Его лекции, должно быть, произвели большее впечатление, чем его труды. Он наставлял двух учеников, магометанина Абу-Джафара Ибн Аль-Джеззара, признанного авторитета в медицине, и еврея Дунаша бен Тамима, который продолжил работу своего учителя. Исаак Израэль дожил более чем до ста лет и пережил своего покровителя халифа Убайд-Аллаха, смерть которого была ускорена из-за того, что он пренебрег советом своего врача-еврея. Когда Исаак Израэль умер около 940 года, его пример занял место в исследованиях рабанитов для научного метода, который формировал деятельность последующих поколений.

В то время как раббанииты предпринимали первые попытки следовать научному методу, караимы шли широким проторенным путем мутазилистской философии. Несмотря на юный возраст, караизм демонстрировал признаки глубокой старости. Все свои силы он отдавал изложению Библии в сочетании с филологией, но даже здесь он не добился прогресса. В центральной общине караимов, в Иерусалиме, это приобрело аскетический характер. Шестьдесят караимов согласились покинуть свои дома, свое имущество и свои семьи, жить вместе, воздерживаться от вина и мяса, плохо одеваться и проводить время в посте и молитве. Они приняли этот образ жизни, как они сказали, с целью содействия искуплению Израиля. Они называли себя скорбящими Сиона и Иерусалима (Abele Zion), и каждый из них добавлял к своей подписи термин "Скорбящий". Именно благодаря им религиозная жизнь караимов приобрела аскетический оттенок. Они не только строжайшим образом соблюдали левитские законы чистоты, но и избегали общения с неевреями. Они не покупали у них хлеба и не ели ничего, к чему они прикасались. Чем строже становились караимы, тем больше они смотрели на равванитов как на нечестивцев, посещать дома которых было грехом. Караимы постепенно распространились из Вавилонии и Иудеи в Египет, с одной стороны, и в Сирию, с другой, и на север, вплоть до Крыма. Крупные караимские общины существовали в Александрии и Каире, а также в Крыму, на Босфоре (Керчь), Сульчате и Каффе (Феодосия). Усердие отдельных людей во многом способствовало распространению караизма. Посредством диспутов, проповедей и писем они пытались привлечь последователей среди равванитов. Как и любая другая по сути слабая секта, караимы полагались на пропаганду, как будто численность могла искупить недостаток реальной силы. Был среди них некий прозелит, хитрый человек по имени Эльдад, который рассказывал о чудесных приключениях и произвел большой переполох в свое время. Романтические путешествия Эльдада проливают зловещий свет на еврейскую историю того времени. Он принадлежит к тому классу обманщиков, которые преследуют благочестивую цель, знают, как извлечь выгоду из доверчивости масс, и могут легко поймать людей в паутину лжи. Сами геонимы были почти обмануты, поверив в его мнимые предания, которые, как он утверждал, были получены непосредственно от Моисея.

Между тем институт, с которым были связаны воспоминания о былой политической независимости иудаизма, быстро приближался к распаду. Экзилархат оказался в пренебрежении из-за соперничества школы Пумбедиты, а также потерял доходы, которые были его основой. Несмотря на то, что вопросы из-за рубежа продолжали поступать к геониму Соре, академия-сестра считалась даже в Вавилонии главным авторитетом и имела наибольшее влияние. Это влияние еще больше усилилось благодаря выбору гаоном Пумбедиты Хая бен Давида (890-897), который до сих пор занимал пост раввина и судьи в столице халифата. Как раз в это время, в конце IX века, евреи снова заняли высокое положение в халифате при халифе Аль-Мутадхиде (892-902). Его визирь и регент Убайд-Аллах Ибн Сулейман назначал на государственные должности как евреев, так и христиан.

Община Багдада больше всего выиграла благодаря благосклонности визиря к евреям. Поскольку Хай долгое время занимал свой пост в столице и пользовался популярностью в обществе, влиятельные члены общины избрали его гаоном Пумбедиты. Их целью было придать школе Пумбедиты большее значение, и академия в Соре приходила в упадок все больше и больше. Преемники Хая, которые, как и он сам, начинали свою карьеру в раввинате Багдада, работали в том же духе, и влиятельные члены общины помогали им в стремлении превратить Пумбедиту в центр вавилонской общины и иудаизма в целом и положить конец экзилархату, а также школе Сора. Одним из них был Мар Коэн-Цедек II. б. Джозеф (занимал должность 917-

936). Он был страстным и энергичным и был одним из тех, кто действительно свободен от личного эгоизма, но стремится к увеличению власти в обществе, невзирая ни на какие другие соображения. Как только он вступил в должность, Коэн-Цедек потребовал, чтобы школа Пумбедиты получала большую долю доходов, которые вносили различные общины. Он обосновал свое требование тем фактом, что учеников колледжа в Пумбедите было больше, чем в Соре, и поэтому они заслуживали большего внимания. Из-за этого требования между двумя школами возникло так много ссор, что несколько важных людей сочли необходимым вмешаться. Был достигнут компромисс, и было решено, что в будущем деньги должны быть разделены поровну, в результате чего академия в Соре утратила последние следы своего превосходства. Затем Коэн-Цедек попытался лишить Экзилархат его небольшого остатка власти. Экзилархом в то время был Укба, человек арабской культуры, писавший стихи на арабском. Коэн-Цедек потребовал, чтобы назначение судей в общинах Хорасана было возложено на него, а доходы, полученные от этого, должны направляться школе Пумбедита. Укба не отказался ни от какой доли своего достоинства и обратился к халифу. Но у Коэн-Цедека были друзья в Багдаде, имевшие влияние при дворе, и им удалось склонить халифа Аль-Муктадира (908-932), или, скорее, визиря Ибн Фурата, поскольку халиф проводил свое время в разгуле, лишить Мар-Укбу его поста и изгнать его из Багдада. Экзиларх отправился в Кармисин (Керманшах, к востоку от Багдада), и Коэн-Цедек радовался, что Экзилархат теперь разрушен. Слабый президент Соры, Джейкоб бен Натронай, позволил все эти узурпации, не вмешиваясь.

Тем временем дела приняли благоприятный оборот для изгнанного Экзиларха, благодаря чему он смог расстроить планы Коэн-Цедека. Как раз в это время в Керманшах приехал молодой и искавший удовольствий халиф. Изгнанный экзиларх Укба часто встречался с ним, приветствовал и восхвалял его в хорошо продуманных арабских стихах. Его стихи так понравились секретарю Аль-Муктадира, что он приказал скопировать их и обратил внимание халифа на многочисленные изменения, внесенные еврейским поэтом в одну простую тему - верность.

Поэзия так ценилась у арабов, что ни один завоеватель, каким бы неотесанным он ни был, не оставался к ней равнодушным. Аль-Муктадир послал за поэтическим Экзилархом, остался доволен им и, наконец, спросил его, какую милость он может оказать ему. Укба ничего так страстно не желал, как вернуться на свой пост. Халиф даровал ему это. Теперь, после годичного отсутствия, он вернулся в Багдад, к изумлению своего противника, и вновь занял свое высокое положение (918). Поэзия спасла его. Коэн-Цедек и его партия, однако, не позволили ему долго наслаждаться своим триумфом. С помощью подкупа и интриг они снова добились его низложения, и он был изгнан. Чтобы к нему больше не вернулось благосклонность, он был сослан за пределы Восточного халифата в недавно основанное королевство Фатимидов — в Кайруан в Африке. Здесь, где врача и философа Исаака Израэля очень уважали, его приняли с распростертыми объятиями и пользовались большим уважением. Община Кайруана относилась к нему как к Экзиларху, выделила для него возвышенное место в синагоге и заставила его забыть о бедах, которые он перенес на земле своих отцов (919).

Коэн-Цедек выступал против Экзилархата скорее лично, чем Укба; теперь он позаботился о том, чтобы не было назначено преемника Экзилархату, который он хотел ликвидировать. Его современник гаон в Соре, Якоб бен Натронай, был либо слишком слаб, либо слишком стеснен в средствах, чтобы вмешиваться. Таким образом, должность экзиларха оставалась вакантной на год или два. Однако, как бы ни ненавидели Экзилархат представители колледжа Пумбедита,

люди были тепло привязаны к дому Давида, вокруг которого сложились традиции и воспоминания. Они требовали восстановления офиса. После этого гаон Сора набрался храбрости и отказался больше быть слабым орудием в руках Коэн-Цедека. Народ яростно требовал, чтобы Давид бен Заккай, родственник Укбы, был назначен экзилархом, и весь колледж школы Сора почтил его память в Касре, где он жил (921). Коэн-Цедек и колледж Пумбедиты отказались признать его. Давид бен Заккай был таким же решительным и амбициозным, как и его оппонент, и был полон решимости утвердить свою власть. В силу своей власти он сверг Коэн-Цедека и назначил его преемника. Возникли новые осложнения, на этот раз разделившие школу Пумбедиты между собой. Эти пререкания глубоко ранили лучшие слои народа; однако споры между Экзилархатом и Гаонатом, затронувшие всю еврейско-вавилонскую общину, продолжались почти два года.

Нисси Нахарвани, слепой человек, которого все уважали за его набожность и который сожалел о таком положении дел, взялся за примирение. Однажды поздно ночью он ощупью добрался до комнаты Коэн-Цедека, который был поражен внезапным появлением почтенного слепца в такой час и был уговорен им примириться. Затем Нисси также вынудил Экзиларха уступить. Давид и Коэн-Цедек встретились со своими последователями в Сарсаре (в половине дня пути к югу от Багдада), заключили мир, и Коэн-Цедек сопровождал Экзиларха до Багдада (весна 921 года). Давид, в свою очередь, признал Коэн-Цедека законным гаоном Пумбедиты. Коэн-Цедек, которому не удалось осуществить свой план по уничтожению Экзилархата, дожил до того, чтобы увидеть, как школа Сора, которая была унижена им, снова поднялась со своего низкого положения и вновь обрела великолепие, пролитое на нее пришельцем из чужой страны, так что на несколько лет это отбросило школу Пумбедиты в тень.

ГЛАВА VII. ЗОЛОТОЙ ВЕК ЕВРЕЙСКОЙ НАУКИ: САДИЯ И ЧАСДАЙ.

Иудаизм в Десятом веке—Саадия, Основатель религиозной философии—Перевод Библии на арабский—Саадия выступает против караизма—Караим Соломон бен Йерухам—Саадия и школа в Соре—Саадия уходит из Соры—Его литературная деятельность—Исчезновение Экзилархата—Сахал и другие караимские писатели—Евреи в Испании—Школа в Кордове—Дунаш бен Тамим—Хасдай—Его заслуги перед иудаизмом—Менахем бен Сарук—Хасдай и король Хазары.

928-970 гг. н. э.

С падением правления Карловингов в христианской Европе погасла последняя искра духовной жизни. Тьма средневековья становилась все гуще и гуще, но духовный свет иудаизма сиял во всем своем великолепии.

Церковь была средоточием монашеского невежества и варварства, синагога была местом науки и цивилизации. В христианстве всякое научное усилие осуждалось должностными лицами Церкви, а также народом, как дело рук сатаны; в иудаизме лидеры и религиозные

учителя сами продвигали науку и стремились возвысить людей. Далекие от осуждения знания, геонимы рассматривали его как помощь и дополнение к религии. В течение трех столетий учителя иудаизма были по большей части приверженцами науки, и эта позиция впервые была занята в эту эпоху. Особенно два человека, один на востоке, а другой на западе, сделали науку принципом иудаизма. Это были гаон Саадия и государственный деятель Хасдай.

С них начинается новый период еврейской истории, который мы можем с уверенностью назвать научной эпохой. Вернулась весенняя пора истории Израиля, и в его чистой атмосфере снова зазвучал сладкий голос поэзии. Современные писатели едва ли заметили, что пережитку еврейской древности, Экзилархату, пришел конец. Вскоре об этом забыли в новой жизни, которая только что дала о себе знать. Точно так же, как религиозная жизнь освободилась от Храма жертвоприношений, так и теперь она постепенно выходила из-под влияния храма учения на берегах Евфрата и основывала для себя новый центр. Первая половина десятого века стала, благодаря стечению благоприятных обстоятельств, поворотным пунктом в развитии еврейской истории.

Еврейская история постепенно переносилась на европейскую почву. Иудаизм приобрел, так сказать, европейский характер и все больше и больше отклонялся от своей восточной формы. Саадия был последним важным звеном в ее развитии на Востоке; Хасдай и ученые, на которых он оказал влияние, стали первыми представителями иудео-европейской культуры.

Саадия (по-арабски Саид) бен Иосиф из города Фаюм в Верхнем Египте (892-942) был основателем научного иудаизма среди раввинитов и создателем религиозной философии в средние века. Он был человеком обширных знаний, впитавшим знания магометан и караимов и наполнившим их элементами талмуда. Даже более примечательной, чем его знания, была его личность. Его отличали религиозный дух и глубокая моральная серьезность. У него был решительный характер, и он принадлежал к тем, кто знает, как отчитываться в своих действиях, и кто настойчиво выполняет то, что считает правильным. Мало что известно о его юности. В то время в Египте было мало великих ученых-талмудистов, если таковые вообще были, и тот факт, что Саадия прославился в этой области литературы, хорошо говорит о его умственных способностях. Он был более сведущ в караимской литературе, чем предыдущие раббаниты. На двадцать третьем году жизни (913) он предпринял яростную атаку на караимов, которая ощущалась ими в течение последующих столетий. Он написал книгу "В опровержение Анана". Содержание этой книги неизвестно, но, вероятно, Саадия пытался доказать в ней необходимость традиции, а также разоблачить непоследовательность Анана. Он привел семь аргументов в доказательство необходимости традиции, которые, какими бы слабыми они ни были, впоследствии были приняты по большей части караимами. Он написал еще одну книгу, в которой показал абсурдность безграничного расширения родственных связей в караимском праве. Он охарактеризовал Анана как "честолюбивого человека, который обладал слишком большой смелостью и слишком малым страхом перед Богом" и который отверг талмудический иудаизм только для того, чтобы отомстить за личное оскорбление.

Прежде чем он достиг зрелости, он взялся за более трудную задачу, чреватую важными последствиями для иудаизма. До сих пор караимы уделяли особое внимание тексту Священного Писания, в то время как учителя-раввиниты в определенной степени пренебрегали им, потому что Талмуд удовлетворял всем потребностям их религиозной жизни.

Караимы сочинили множество толкований Библии, раббаниты - лишь немногие. Саадия, почувствовавший эту потребность, взялся перевести Библию на арабский, язык, понятный в то время от крайнего Запада до Индии. К этому переводу он добавил примечания по трем причинам. Он хотел сделать Библию доступной для людей. Он думал, что таким образом будет противодействовано влиянию караизма, который стремился опровергнуть талмудический иудаизм посредством его толкования. Наконец, он хотел развеять заблуждения людей и победить извращенность мистиков, которые буквально интерпретировали слова Библии и таким образом давали недостойное описание Божества. Он поддерживал философскую идею, согласно которой Бог в Его возвышенности и святости является духом. Его перевод должен был удовлетворить как разум, так и талмудическую традицию. Это было основой его взгляда на иудаизм. Учения Талмуда столь же божественны, как и учения Библии, и ни Библия, ни традиция не могут противоречить разуму. По словам Саадии, противоречия находятся только на поверхности, и он стремился своим переводом и изложением устранить эту иллюзию. Для достижения этой цели он принял произвольные и принудительные толкования текста.

Из уважения к своим читателям-магометанам Саадия использовал арабские символы, которые редко использовались евреями, писавшими по-арабски. Хотя Саадия проявляет большую силу ума и независимость в своем переводе, его интерпретации нельзя высоко оценить. Сам факт, что он не позволяет тексту говорить на его собственном языке, и что он хотел найти в одно время талмудическую традицию, в другое - философский смысл в словах и контексте, неизбежно помешал ему дать истинное изложение. Он поставил толкование Священного Писания на службу традиции и философии того времени и придал тексту больший смысл, чем позволяло значение слов. Одновременно с написанием своего перевода Саадия составил своего рода грамматику иврита для арабского языка. Он также составил лексикон иврита (на иврите Иггарон). Даже здесь он часто упускал истину относительно грамматики и этимологии слов. Его экзегетические и грамматические работы важны постольку, поскольку они заложили новые основы в изучении раббанитов и ввели экзегезу и филологию в качестве новых факультетов. Даже его ошибки оказались поучительными в более поздние времена.

В своем изложении первой книги Пятикнижия Саадия снова бросил вызов караимам. Спор возник из-за его попытки доказать, что караимский календарь не соответствовал Священному Писанию. Нападая на караизм, он потревожил осиное гнездо и вызвал множество противников. Караимы до сих пор вели войну против талмудического иудаизма, не встречая противодействия. Поэтому они были сильно встревожены, когда равванит, наделенный интеллектом и знаниями, выступил против них на ристалище. Возникло оживленное соревнование, которое послужило своей цели - пробудило научный интерес. Главным противником Саадии был караим Соломон бен Йерухам (Рухаим). Этот караим (родился в Фостате в 885 году, умер в 960 году), живший в Палестине и бывший всего на несколько лет старше Саадии, не поднялся выше посредственности. Он был вспыльчивым и язвительным по натуре и воображал, что может решать научные вопросы с помощью насмешек и оскорблений. Когда он вернулся из Палестины в Египет и увидел впечатление, которое письменные и устные нападки Саадии на караизм произвели даже в караимских кругах, он преисполнился гнева против молодого и энергичного автора-раббанита и решил написать двойное опровержение — на иврите для образованных и на арабском для широких масс в целом. В своем ответе на иврите, который состоит из восемнадцати стихов, расположенных в алфавитном порядке (Milchamoth), он обращается к Саадии как к ребенком. Все произведение дышит ничем, кроме клеветы и грубости. На самом деле, караимские полемические сочинения в целом заслуживают

внимания больше из-за метода, с помощью которого они стремятся скрыть свои ошибки, чем из-за их содержания или формы. Сочинение Бен-Йерухама приняло форму письма к караимским общинам Египта.

Бен-Йерухам был не единственным караимом, который пытался защитить секту от нападок Саадии. Различные писатели соперничали друг с другом в яростности своих нападков на молодого равванита, который угрожал уничтожением их антиталмудическому вероучению. Если караимские авторы ожидали заставить замолчать Саадию с помощью оскорблений, они ошиблись. Он опровергал их доводы, обосновывал свои утверждения и всегда был готов взяться за оружие. Он написал два других полемических трактата против караизма на арабском языке, один "Различие" (Тамгиз) и один против Ибн Саквии, который был внесен в списки в защиту караимов. Работы Саадии принесли его славу общинам Африканского и Восточного Халифата. Достопочтенный Исаак Израэль с жадностью читал свои труды, а его ученик Дунаш бен Тамим буквально поглощал их. В резиденции Гаоната он также был хорошо известен, и внимание вождей было приковано к нему.

Школа Сора находилась в печальном состоянии упадка и испытывала такую нехватку ученых людей, что экзиларх Давид бен Заккай счел необходимым присвоить ткачу по имени Йом-Тоб Кахана бен Якоб звание Гаоната, но он умер на втором году своего правления (926-928). Гаон Пумбедиты, Коэн-Цедек, который сделал все возможное, чтобы сделать свой колледж исключительной властью, заключил соглашение с экзилархом, с которым он примирился, о закрытии школы Сора, переводе членов в Пумбедиту и назначении титульного гаона Сора, который должен был занять свое место в Пумбедите. Сын гаона по имени Натан бен Иегудай был облечен этим титулом, но он скоропостижно скончался. Его внезапная смерть, по-видимому, была воспринята как осуждение намерения упразднить старый колледж в Соре. Затем экзиларх Дэвид решил заполнить вакансию и восстановить древнюю школу в Соре. У него было на примете два кандидата: Саадия и Цемах бен Шахин, малоизвестный представитель старой знати. Экзиларх обратился к слепому Нисси Нахарвани с просьбой помочь ему в выборе. Его совет был тем более бескорыстным, что он сам отказался от этой чести. Нисси проголосовал за Цемаха, но не потому, что у него была какая-то личная неприязнь к Саадии; напротив, он проявлял к нему большую любовь. "Саадия превосходит всех своих современников мудростью, благочестием и красноречием, - сказал он о нем, - но он очень независим и ни перед чем не гнушается". Нисси справедливо опасался, что непреклонный дух Саадии станет причиной споров и раздоров между ним и Экзилархом. Тем не менее, Дэвид принял решение за Саадию. Он был вызван из Египта в Сору и официально назначен гаоном (май 928 года). Это было исключительное обстоятельство, что иностранец, который не учился в талмудических школах и не проходил шаг за шагом различные должности, должен был в одночасье достичь высшей чести после экзилархата. Кроме того, Саадия был больше известен своими научными работами, чем талмудическими познаниями. С его приходом к власти Вавилония в некотором смысле отказалась от господства, которое на протяжении семи столетий она удерживала над всеми другими землями. Этим превосходством теперь пользовалась другая страна, и философия была поставлена на один уровень с Талмудом. Дух исследования, который был изгнан из залов школ Ананом, основателем караизма, торжественно вернулся в эти залы вместе с Саадией.

Благодаря своему характеру и славе Саадия придал колледжу Сора новое величие. Во время его президентства Пумбедита был отброшен в тень. Он стремился заполнить пробелы,

возникшие в академии. Он назначал достойных молодых людей на академические должности и был верен своим должностным обязанностям. Каковы, должно быть, были его чувства, когда он впервые вошел в залы обучения, где до него преподавали великие авторитеты, амораимы! Вскоре, однако, он, без сомнения, осознал тот факт, что существовали лишь самые незначительные остатки того былого величия и что звучные титулы и звания были всего лишь подобиями вещей, давно канувших в лету. Экзилархат, глава иудео-вавилонской общины, не отличался присущим ему совершенством и постоянно конфликтовал со школами. Не будучи официально признанным при дворе, Экзилархат был вынужден покупать свое существование у придворных и эфемерных правителей, и ему угрожало исчезновение всякий раз, когда его противники предлагали большую сумму. Деньги, необходимые для содержания Экзилархата, были принудительно взысканы с народа. Как в Экзилархате, так и в академических колледжах коррупция и угнетение были в порядке вещей, и единственной целью было поддержание авторитета вождей. Красноречия, добродетели, благочестия не хватало в сердцах вождей. Экзиларх Давид однажды послал своих сыновей взимать чрезвычайный взнос с различных общин; и когда община в Фарсе (Хамадане?) отказалась от этого, Давид отлучил их от церкви, донес на них визирю, который обвинил их перед халифом, когда на них был наложен крупный штраф. У геонимов не нашлось ни слова, чтобы возразить на все это! Самому Саадии пришлось промолчать; он находился у власти недостаточно долго, чтобы протестовать. Его высокопреосвященство нажил себе много врагов, которые жаждали его падения. Не только Коэн-Цедек завидовал ему, потому что Пумбедита был отброшен в тень, но и молодой человек из Багдада, Аарон (Халеб) Ибн-Сарджаду, образованный, богатый и влиятельный, не доверял ему и выступал против него. Саадия молча наблюдал за большими недостатками в жизни еврейской общины в Вавилонии. Сначала он хотел встать на более прочную основу. Однако его чувство справедливости было слишком глубоко уязвлено, когда от него ожидали участия в беззакониях представителя еврейской общины. Он больше не мог сдерживаться и теперь проявил свой негибкий характер.

Одно неважное обстоятельство выявило моральную испорченность еврейско-вавилонских вождей. Был судебный процесс о крупном наследстве, который не был добросовестно решен экзилархом Дэвидом. На его решение повлияла перспектива большой выгоды. Чтобы сделать свой указ законным и безупречным, Давид потребовал подписи двух геонимов под подготовленным им документом. Коэн-Цедек подписал без возражений; Саадия, однако, не согласился с несправедливостью. Под давлением сторон он объяснил причину своего отказа. Экзиларх Давид, который теперь был вдвойне заинтересован в получении его подписи, послал своего сына Иуду попросить его подписать документ без промедления. Саадия спокойно ответил, что Закон запрещает ему делать подобные вещи, как сказано: "Вы не должны уважать людей в суде". Давид снова послал своего сына к Саадии, чтобы пригрозить ему низложением в случае, если он все же откажется. Поначалу Иуда вел себя тихо и умолял Саадию не быть причиной ссор в общине. Однако, когда он убедился, что тот настроен решительно, он поднял руку на Саадию и яростно потребовал его подписи. Вскоре слуги Саадии увели Иуду и заперли дверь зала собраний. Давид бен Заккай, почувствовавший себя оскорбленным, лишил гаона его должности. Он отлучил его от церкви и назначил своим преемником молодого человека, Джозефа бен Якоба бен Сатиа. Саадия, однако, был не из тех людей, которых можно запугать силой. Он, в свою очередь, объявил Давида больше не экзилархом и назначил Иосию Хасана принцем Плена (930). В Вавилонии немедленно возникли две фракции: одна за Саадию, другая за Давида. На стороне Саадии были члены академии Сора и многие уважаемые и образованные

люди Багдада, среди которых были сыновья Нетиры. Против него выступали Аарон Ибн-Сарджаду и его партия, а также, вероятно, Коэн-Цедек и члены коллегии Пумбедиты. Обе стороны обратились к халифу Аль-Муктадиру и подкупили его фаворитов и придворных, чтобы привлечь его на свою сторону. Ибн-Сарджаду потратил 10 000 дукатов, чтобы добиться низложения Саадии. Халиф пожелал выслушать обе стороны и приказал провести официальный судебный процесс в Багдаде под председательством визиря, которому помогали многие важные люди. Спор не был урегулирован. Вероятно, это было связано с тем фактом, что халиф Аль-Муктадир постоянно менял своих визирей в течение последних двух лет своего правления, а также с беспокойным состоянием столицы в это время (930-932). Саадия утверждал свою власть как гаон, хотя у Гаона был соперник в лице Джозефа бен Сатии. Были также соперничающие экзилархи, Давид и его брат Иосия Хассан.

Только когда Аль-Муктадир был убит во время восстания (октябрь 932 г.), а Кахир, который был настолько беден, что был вынужден одалживать одежду для церемонии возведения на престол, стал халифом, партия Давида, которая могла влить больше денег в пустую казну, одержала победу. Чтобы добиться падения своего противника, Экзиларх растратил деньги, которые были вымоганы у различных общин. Вскоре халиф запретил Саадии оставаться на своем посту, возможно, также оставаться в Соре (начало 933 года). Соперничающий экзиларх Хасан был сослан в Хорасан, где и умер. Теперь Саадия четыре года (933-937) прожил на покое в Багдаде. Его здоровье серьезно пострадало из-за постоянных ссор и доставшегося ему раздражения, и он впал в меланхолию. Но это не мешало его интеллектуальной деятельности. Именно во время его выхода на пенсию были написаны его лучшие работы, несущие на себе печать свежести и оригинальности.

Он писал талмудические трактаты, сочинял поэтические произведения и молитвы в прозе, полные религиозного рвения. Он также составил молитвенник (Сидур) на манер Амрама, собрал правила календаря (Иббур), написал полемику против массорета Аарона бен Ашера из Тверии и в целом был особенно плодovit в литературном творчестве в этот период. Однако величайшими из его работ являются два философских сочинения: одно - комментарий к "Книге Творения" (Сефер Езира), другое - его *величайший труд* о вере и вероучении. Обе эти работы написаны на арабском языке. Саадия был первым, кто создал достаточно полную систему религиозной философии. Караимские учителя, это правда, любили длительные философские диспуты, которые они часто затевали по самым неподходящим поводам, но они так и не смогли разработать полную и совершенную религиозную систему, и у арабов тоже пока еще не было систематической философии. Саадия, благодаря своей собственной интеллектуальной силе, без посторонней помощи создал еврейскую философию религии, хотя свой метод лечения и философские темы он позаимствовал у арабской школы мутазилистов. Его сочинение о Десяти заповедях, в котором он стремился соотнести их с десятью категориями аристотелевской философии, относится к его более ранним и менее выдающимся попыткам.

Он написал свой труд по философии религии "Эмунот ве-Деот" в 934 году. Его целью было опровергнуть и исправить ошибочные взгляды его современников относительно значения иудаизма; с одной стороны, это были мнения неверующих, которые принижали его; а с другой - мнения невежественных людей, которые осуждали все спекуляции на религиозные темы как связанные с отрицанием Бога. "На сердце у меня печаль, - пишет он во введении, - из-за моего народа, у которого нечистая вера и смутное представление о своей религии. Некоторые отрицают истину, какой бы ясной она ни была, и хвастаются своим неверием. Другие тонут в

море сомнений, и волны ошибок смыкаются над их головами, и нет достаточно сильного пловца, чтобы остановить прилив и спасти их. Поскольку Бог дал мне способность быть полезным им, я считаю своим долгом наставить их на путь истинный. Должен ли кто-нибудь возразить и спросить: "Как мы можем достичь истинной веры с помощью философского мышления, когда многие считают это ересью и неверием?" Я бы ответил: "Так поступают только глупцы, такие, как те, кто верит, что каждый, кто поедет в Индию, разбогатеет, или что лунное затмение вызвано тем, что дракон проглотил лунный диск, и тому подобными вещами". Таким людям нет нужды беспокоить нас. Предположим, однако, что кто-то процитировал предупреждение Талмуда против философских спекуляций: "Если кто-либо исследует тайну вечности и пространства, такой человек не заслуживает жизни", - мы должны были бы ответить, что Талмуд не мог препятствовать правильному мышлению, поскольку Священное Писание побуждает нас к этому. Предупреждение мудрецов было предназначено только для того, чтобы уберечь нас от тех односторонних спекуляций, которые не принимают во внимание истинность Священного Писания. Безграничные спекуляции могут породить только заблуждение, и если они даже в конечном итоге приведут к истине, у них нет прочного основания, потому что они отвергают откровение и ставят на его место сомнение. Но когда философия работает рука об руку с верой, она не может ввести нас в заблуждение. Она подтверждает откровение и способна опровергнуть возражения неверующих. Истина богооткровенного иудаизма может быть предположена, поскольку она была подтверждена видимыми знамениями и чудесами. Если, однако, кто-нибудь возразит, что если умозрение приводит к тому же убеждению, что и откровение, то последнее излишне, поскольку человеческий разум мог бы прийти к истине без божественного вмешательства, я отвечу, что откровение необходимо, поскольку без него людям пришлось бы пройти долгий путь, чтобы достичь ясности посредством своей собственной мысли. Тысячи случайностей и сомнений могут помешать их продвижению. Поэтому Бог послал к нам Своих посланников, чтобы избавить нас от всех этих проблем. Таким образом, мы имеем прямое знание о Нем, подтвержденное чудесами".

Неверие уже достигло такого прогресса в Восточном халифате вследствие учения философской школы мутазилистов, что арабский поэт Абуль-Ала, современник Саадии, который осуждал слабости своего времени, сказал: "Мусульмане, евреи, христиане и маги погрязли в заблуждениях и суевериях. Мир делится на два класса: те, у кого есть разум, но нет веры, и те, кто верит, но не имеет понимания". В еврейских кругах многие начали критиковать ответы геонимов и больше не рассматривали их как пророческие высказывания. Эта критика не ограничивалась решениями Геонимов или Талмуда, но заходила так далеко, что ставила под сомнение достоверность Библии и самого факта откровения.

Неверие того времени лучше всего было проиллюстрировано равванитом Чиви Альбальчи из города Балч в древней Бактрии. Чиви написал работу против Библии и откровения, в которой выдвинул двести возражений против них. Некоторые из этих возражений того же рода, что и те, которые даже сейчас используются противниками Библии. Чиви был первым полностью последовательным, рационалистическим критиком Библии. В свое время у него были последователи; и учителя молодежи распространяли его еретические взгляды в школах. В борьбе с неортодоксальными взглядами Чиви два оппонента, Саадия и Соломон бен Йерухам, нашли общий язык. Саадия, еще находясь в Египте, написал книгу, опровергающую доктрины Чиви. В своей философии религии он особенно учитывал эту тенденцию, враждебную откровению, и стремился выявить ее слабость. Он также не упускал из виду возражения, выдвинутые против иудаизма христианством и исламом.

В то время как Саадия разрабатывал идеи для возвышения будущих поколений, он все еще находился под запретом отлучения от церкви. Следовательно, у него не было иной сферы деятельности, кроме как писательской. Но тем временем обстоятельства изменились. Справедливый халиф Абрадхи теперь восседал на троне вместо жестокого и алчного Кахира, который издал указ о низложении Саадии. Его визирь Али Ибн-Иса благосклонно относился к Саадии. Гаон Коэн-Цедек, выступавший заодно с экзилархом, умер в 936 году. Его преемник, Земах бен Кафнай, был безобидным человеком. Таким образом, у Давида был только Аарон Ибн-Сарджаду, чтобы помочь ему в его ссоре; однако народ во все возрастающем количестве становился на сторону Саадии. Случилось так, что необходимо было решить важный судебный процесс; одна сторона предложила в качестве судьи изгнанного и низложенного Гаона, в то время как противоположная сторона предложила экзиларха. Дэвид в ярости применил личное насилие к человеку, который обратился к Саадии. Этот акт насилия вызвал еще большую неприязнь, поскольку человек, с которым так жестоко обращались, не находился под юрисдикцией экзиларха и имел полное право выбирать своего судью без вмешательства со стороны Экзиларха.

Уважаемые члены общины теперь совещались о наилучшем способе положить конец раздору между принцем Изгнания и Гаоном. Миротворцы встретились в доме влиятельного человека в Багдаде, Кассера бен Аарона, тестя Ибн-Сарджаду, и довели до его сведения тот факт, что ссора уже перешла все границы, что община раскололась на два лагеря и что за всем этим последовали самые печальные последствия. Кассер заверил их в своем сотрудничестве в восстановлении мира и преуспел в преодолении враждебности своего зятя по отношению к Саадии. После этого миротворцы отправились к Давиду и спорили с ним, пока он не уступил. Когда Кассер убедился, что Экзиларх склонен к примирению, он поспешил сообщить об этом Саадии. Вся община Багдада присоединилась к ликованию. Одни сопровождали Давида, другие Саадию, пока не встретились. Враги обнялись и с тех пор стали самыми крепкими друзьями. Примирение было настолько полным, что Саадия несколько дней пользовалась гостеприимством Давида. Последний вернул его на прежний пост со многими знаками отличия.

Академия Сора восстановила часть своей былой славы благодаря Саадии и отбросила сестринскую академию в тень. В последнем случае пост гаона последовательно занимали два человека, в остальном неизвестных. Вопросы из местных и зарубежных сообществ снова были направлены Соре, и Саадия ответил на них без промедления, хотя его здоровье было серьезно подорвано и он страдал от неизлечимой меланхолии. Сохранившихся ответов множество; вероятно, они были составлены в последний год его Правления. Многие из них на иврите, хотя большинство - на арабском. Его великодушие проявилось в его поведении по отношению к семье его противника Дэвида. Когда последний умер в 940 году, его сын Иуда, благодаря влиянию Саадии, был избран на его место, хотя он занимал этот пост всего семь месяцев, оставив двенадцатилетнего сына, которого Саадия назначил своим преемником. Он принял внука своего бывшего врага в свой дом и усыновил его. Тем временем этот пост должен был занять дальний родственник, член семьи Бене-Хайман из Нисибиса. Едва его назначили, как он поссорился с мусульманином. Свидетели показали, что он пренебрежительно отзывался о Магомете. За это преступление он был приговорен к смерти. Когда последний представитель дома Экзиларха, воспитанный Саадией, был возведен в княжество, мусульманский фанатизм бушевал и против него. Было решено убить его, пока он ехал в своей государственной карете, потому что евреи не любили даже тени княжеской власти. Халиф пытался предотвратить его

убийство, но тщетно. Так умер последний из экзилархов, и представители иудаизма, чтобы унять эту фанатичную ненависть, решили оставить должность вакантной.

Таким образом, после семивекового существования закончился Экзилархат, который был признаком политической независимости иудаизма. Подобно тому, как достоинство Патриархата прекратилось в Иудее из-за нетерпимости христианских императоров, так и Экзилархат теперь прекратился из-за фанатизма магометан. Только две школы остались представлять единство евреев, но даже им вскоре предстояло исчезнуть. Со смертью Саадии (942) тьма опустилась на академию Сора. Это правда, что у него остался сын Досса, который был сведущ как в талмуде, так и в философии - автор нескольких работ, — но он не был назначен преемником своего отца. Джозеф бен Сатиа, который был свергнут, снова был назначен начальником школы. Он, однако, не смог сохранить свое превосходство над сестринской академией, которая, имея во главе Аарона Ибн Сарджаду, бывшего противника Саадии, снова приобрела значение.

Ибн Сарджаду, богатый багдадский купец, не прошел обычного курса академического обучения. Он был выбран из-за его богатства, а также за его знания и энергию. Он занимал свою должность восемнадцать лет (943-960). Он обладал хорошим философским образованием, написал философский труд и комментарий к Пятикнижию. Как и Коэн-Зедек, Ибн Сарджаду стремился возвысить школу Пумбедиты в ущерб школе Соры. К нему обращались с вопросами из-за рубежа. Следовательно, школа Сора, заброшенная и обедневшая, не получала ничего из доходов и поэтому не могла обучать новых учеников, которые обращались к более богатой Пумбедите. Этот упадок школы побудил ее руководителя Джозефа бен Сатиа покинуть ее и эмигрировать в Бассору (около 948 года). Школа, основанная Рабом, теперь была закрыта, после того как она просуществовала семьсот лет. Жители Соры почувствовали это настолько сильно, что предприняли энергичную попытку восстановить его. Четверо молодых людей были отправлены за границу, чтобы пробудить интерес к школе и получить пожертвования на ее содержание. Но они не достигли своей цели. Казалось, судьба была против них. Они были захвачены в плен в Бари, на побережье Италии, мавританско-испанским адмиралом Ибн-Румахисом. Их перевезли: одного в Египет, другого в Африку, третьего в Кордову, а четвертого в Нарбонну. Вместо того чтобы помочь создать школу Сора, эти четверо талмудистов невольно способствовали падению Гаоната.

Копии Талмуда в Соре, которые теперь больше не использовались, позже были переданы в Испанию. Вавилония, столь долгое время являвшаяся центром иудаизма, была вынуждена уступить свое господство в пользу иностранного государства. Упадок одной из вавилонских школ и последовавшее за этим снижение интереса к ней были использованы караимами для обращения в веру рабанистов. Они делали это с таким рвением, что думали, что вот-вот нанесут смертельный удар рабанизму. Пока был жив Саадия, могущественный поборник раввинизма, они не осмеливались делать ничего, что могло бы подвергнуть их критике. Но после его смерти, когда они поняли, что нет сколь-нибудь важного человека, способного устоять в проломе, они надеялись одержать легкую победу. Противник Саадии, Соломон бен Йерухам, немедленно поспешил из Палестины в Вавилонию, чтобы доказать последователям Саадии, что он искажил факты в свою защиту талмудистов. Таким образом, он рассчитывал привлечь равванитов к караизму.

Но более ярим, ревностным и хитроумным обращенцем был Абулсари Сахал бен Мазлиах Коэн, житель Иерусалима, принадлежавший к аскетической части караимской общины. Абулсари Сахал досконально владел арабским и ивритом и писал гораздо более элегантным стилем, чем кто-либо из его современников. Он составил грамматику иврита, комментарии к нескольким книгам Библии, а также сборник религиозных обязанностей под названием "Мицвот". Однако он не написал ничего существенного. Караимы, по-видимому, не обладали способностью выходить за рамки начал; уж точно не Сахал, который был одержим мрачным монашеским благочестием. Тем не менее, своим единоверцам он предстал в свете великого учителя. Сахал также написал опровержение нападок Саади на караизм. Несомненно, среди караимов считалось почетным делом завоевать шпоры в бою с этим великим чемпионом. Сахал, по-видимому, читал свои лекции против рабанитов в Багдаде. Он призвал народ отречься от традиции и отказаться от послушания школам, "которые были двумя женщинами, о которых говорит пророк Захария, и которые понесли грех и оставили его в Вавилоне". Сахал умолял своих слушателей отказаться от поблажек, которые позволяли им их учителя-равваниты, таких как хранение масла в верблюжьих шкурах, покупка хлеба у христиан и магометан и выход из их домов в субботу.

Нападки Сахала на рабанитов были слишком оскорбительными, чтобы остаться без ответа. Влиятельный рабанит, похоже, заставил его замолчать с помощью правительства. Ученик Саади, Якоб бен Самуил, задетый за живое оскорблениями, которыми Сахал и другие караимы осыпали его учителя, взялся за дубинки в его защиту. Он произносил речи на улицах и в общественных местах против караизма и прозелитиста Сахала. Последний, однако, не молчал. В страстном письме Иакову, написанном прекрасным ивритом, он продолжил свои нападки и дал точную картину состояния караизма и раввинизма в свое время, не упуская ни света, ни тени обеих сторон. После стихотворной атаки и упреков в неправильном иврите Джейкоба и в ущербе, нанесенном иудаизму равванитами, Сахал продолжает:

Я пришел из Иерусалима, чтобы предостеречь народ и вернуть его к страху Божьему. Если бы у меня была сила ходить из города в город, чтобы пробуждать народ Господень. Вы думаете, что я пришел сюда ради наживы, как приходят другие, которые калечат лица бедняков; но я пришел во имя Бога, чтобы вернуть мысли людей к истинному благочестию и предостеречь их не полагаться на человеческие институты и не прислушиваться к высказываниям двух злых женщин (школы Гаоников). Как мне не сделать этого, если мое сердце тронутно неверием моих братьев, которые идут по ложному пути, которые налагают тяжелое ярмо на невежественных людей, которые угнетают их и правят ими посредством отлучения от церкви и преследований, которые призывают себе на помощь власть магометанских чиновников, которые вынуждают бедных занимать деньги под проценты, чтобы извлечь из этого выгоду и иметь возможность подкупить чиновников? Они кормят себя сами, но не свои стада, и они не учат слову Божьему должным образом. Если кто-нибудь спросит их о причине того, что они делают, они настроят его против себя. Я далек от того, чтобы молчать, когда вижу, что лидеры общины, которые говорят, что они составляют Синхедрион, едят без угрызений совести с неевреями. Как я могу молчать, когда вижу, что многие из моего народа практикуют идолопоклонство? Они сидят на могилах усопших, взывают к умершим и молятся раввину Хосе Галилеянину, говоря: "О, исцели меня и сделай меня плодовитым". Они совершают паломничества к святыням благочестивых усопших, зажигают там свечи и воскуривают благовония. Они также дают обеты, что смогут излечиться от своих болезней. О, если бы у меня была сила ходить повсюду и

провозглашать это вслух, увещевать людей именем Господа и удерживать их от их злого пути. А теперь, о Дом Израилев, смилуйся над вашими душами и выбери правильный путь. Не возражайте и не говорите, что караимы тоже расходятся между собой в том, что касается религиозных обязанностей, и что вы сомневаетесь, с кем искать истину. Поэтому знайте, что караимы не желают проявлять власть; они лишь желают стимулировать исследования. Вы спрашиваете, что должен делать невежда, который не способен исследовать Священное Писание? Я говорю вам, что такой человек должен полагаться на результаты, к которым пришел исследователь и толкователь Священного Писания.

В конце Сахал пророчествовала, что Бог разрушит ярмо двух женщин, как написано у пророков: "Тогда и только тогда сыны Израиля примирятся и объединятся, и придет Мессия".

Другой плодовитый караимский автор из Басоры, Джеф Ибн Али Халеви (950-990), написал полемику против того же Якоба бен Самуила. Джеф считался у караимов великим учителем. Он был грамматиком, комментатором и толкователем Закона, но он не был свободен от ошибок последователей своего вероучения. Его стиль был напыщенным и рассеянным, и, как и они, он был поверхностным и буквалистским. Караимским авторам очень не хватает талмудической диалектики, поскольку это делало их утомительными болтунами. Абсурдная полемика Джеф-Фета против ученика Саадии несет на себе печать поверхностности и безвкусицы, и в ней никогда не отражается прекрасный стиль иврита его современника и друга Сахала.

Соломон бен Йерухам, который продолжал писать до глубокой старости (несомненно, до 957 года), написал комментарии к Пятикнижию и Агиографии, а также другие произведения, которые больше не известны. Он был заклятым врагом философских исследований. В своем комментарии к Псалмам он горько жалуется на то, что евреи занимаются еретическими сочинениями, авторов и учителей которых он сурово проклинает.

"Горе тому, - восклицает он, - кто оставляет Книгу Божью и ищет других! Горе тому, кто проводит время за чуждыми науками и кто отворачивается от чистой истины Божьей! Мудрость философии тщетна и ничего не стоит, ибо мы не найдем двух человек, согласных в чем-либо одном. Они проповедуют доктрины, которые прямо противоречат Закону. Среди них есть такие, кто изучает арабскую литературу вместо того, чтобы всегда иметь слово Божье на устах".

Какой контраст между Саадией и его оппонентом-караимом! Один изучал философию и поставил ее на службу иудаизму; другой (ничего о ней не зная) объявил ее еретической и позволил своему иудаизму окаменеть. Равваниты вошли в храм философии, а караимы избегали его, как зараженного дома.

Рвение, с которым караимы стремились превознести свое вероучение над раввинизмом, привело к желаемому результату - его широкому распространению примерно в середине десятого века. Они проникли в Испанию и достигли влияния в Африке и Азии. Мы знаем, что египетские раббаниты многое переняли у караимов. Моисей и Аарон бен Ашеры, отец и сын из Тверии, оказали мощное влияние в этот период (890-950). Они были грамматиками и массоретами. Они писали с еврейским акцентом и библейской орфографией, но таким неуклюжим стилем и такими убогими стихами, что их наблюдения по большей части непонятны. Но эти незначительные работы не имели никакого значения, в то время как значительную ценность придавали экземплярам Библии, которые были исправлены ими с величайшей

тщательностью и точностью в соответствии с правилами массоретики, которыми они полностью овладели. Копии Библии Бен-Ашера рассматривались как образцы как караимами, так и раввинитами и считались священными. Впоследствии с них были сделаны новые копии в Иерусалиме и Египте. Массоретские тексты Библии, используемые в настоящее время, в значительной степени заимствованы из оригинальных копий Бен-Ашера, потому что впоследствии раббаниты упустили из виду тот факт, что переписчик был караимом.

Напротив, Саадия, знавший сына Бен-Ашера, был недоволен этими массоретическими трудами и написал против него очень острую полемику. Помимо Саадии, Бен-Неффалим выдвинул возражения против результатов массоретических исследований Бен-Ашера, хотя в основном по незначительным пунктам. Тем не менее, текст Библии, согласно тивериадским массоретам, сохранил свое превосходство. Древневосточные знаки для обозначения гласных и ударений в библейском тексте были изменены, расширены и усовершенствованы массоретской школой Бен-Ашера.

С распадом Экзилархата и школы Сора Азия потеряла лидерство иудаизма. Если Пумбедита при Аароне Ибн-Сарджаду льстила себе мыслью, что обладает превосходством, она была обманута. После смерти Ибн-Сарджаду внутренние распри привели к его разрушению. Неемия, сын Коэн-Цедека, который был соперником Ибн-Сарджаду, но не добился успеха, хитростью получил пост главы школы (960). Однако коллегия, возглавляемая главным судьей Шерирой бен Чананья, выступила против него. Было несколько прихожан и богатых мирян, которые поддерживали Неимию, но его противники отказывались признавать его в течение всего периода его правления (960-968). В то время, когда две партии боролись за Гаонат Пумбедиты, а вместе с ним и за религиозную власть над евреями, четверо мужчин, посланных из Соры для сбора пожертвований от различных общин и взятых в плен, основали новые школы в Египте, Африке (Кайруан), Испании и Франции и тем самым отделили эти общины от Гаоната. Этими четырьмя людьми, благодаря которым семена талмудического духа расцвели в разных местах, были: Шемария бен Эльчанан, который был продан адмиралом Ибн-Румахисом в Александрии, а затем выкуплен еврейской общиной и, наконец, добрался до Мисра (Каир). Вторым был Хушиэль, который был продан на побережье Африки и прибыл в Кайруан. Третьим, вероятно, был Натан бен Исаак Коэн, вавилонянин, который, возможно, достиг Нарбонны. Четвертым был Моисей бен Чанох, подвергшийся большому количеству опасностей, чем трое других. Он был единственным из четверых, кто был женат. Его красивая и набожная жена и его маленький сын сопровождали его в путешествии и были взяты в плен вместе с ним. Ибн-Румахис положил глаз на красивую женщину и намеревался изнасиловать ее. Жена, однако, спросила своего мужа на иврите, могут ли утонувшие надеяться на воскресение, и когда он ответил утвердительно и подтвердил свой ответ стихом из Библии, она бросилась в море и утонула. В глубокой скорби и в одежде раба Моисей бен Чанох со своим маленьким сыном был перевезен в Кордову, где еврейская община выкупила его. Они не представляли себе, что с ним Испания получила превосходство над евреями всех других стран. Моисей не выдавал своего глубокого знания Талмуда общине, в среду которой он был брошен, чтобы не извлечь никакой пользы из своего знания Закона. Поэтому поначалу он вел себя как обычный пленник. Вскоре Моисей отправился в школу Кордовы, президентом которой был Натан. Он был раввином, а также судьей и обладал лишь небольшими талмудическими познаниями, но в Испании считался ярким светочем. Моисей сидел в углу у двери, как невежественный слушатель. Но когда он понял, что Натан, излагая отрывок из Талмуда, допустил детскую ошибку, он скромно осмелился высказать несколько возражений, в которых предал свою ученость. Аудитория в школе была поражена,

обнаружив столь основательного талмудиста в плохо одетом пленнике, который только что обрел свободу.

Моисею было предложено объяснить рассматриваемый отрывок, а также разрешить другие трудности. Он сделал это тщательно, к огромному удовольствию всех присутствующих. В тот самый день Натан заявил перед теми, кто находился под его юрисдикцией: "Я больше не могу быть вашим судьей и раввином. Этот незнакомец, который сейчас так бедно одет, отныне должен занять мое место". Богатая община Кордовы немедленно выбрала Моисея своим главой раввинов, преподнесла ему богатые подарки и назначила жалованье, а также предоставила в его распоряжение карету. Когда адмирал Ибн-Румахис услышал, что его пленник так ценен для общины Кордовы, он пожелал отказаться от продажи, чтобы получить более высокий выкуп. Евреи обратились к справедливому халифу Абдул-Рахману III через еврейского государственного деятеля Хасдая и заявили ему, что они смогут, через раввина Моисея, отделиться от Гаоната восточного халифата. Абдул-Рахман, который, к своему глубокому сожалению, видел, как ежегодно из его страны вывозились значительные суммы денег для Гаоната, то есть во враждебную ему страну, был рад, что теперь в его собственном королевстве будет основано место для изучения Талмуда, и выразил адмиралу пожелание, чтобы он воздержался от своего требования. Таким образом, Кордова стала резиденцией важной школы, которая была независима от гаоната. Бывшие сокамерники Моисея также были признаны общинами Кахиры и Кайруана выдающимися учеными и основали важные талмудические школы в Египте и на землях Фатимидского халифата. Эти люди незаслуженно отделили общины Испании и магометанской Андалусии от гаоната. Состояние политики и культуры в высшей степени соответствовало Испании или магометанству (мавританскому) Андалусия должна была стать центром объединенного иудаизма и занять лидерство, которого лишился Вавилон. Египет больше не был независимым царством, а всего лишь провинцией Фатимидского халифата, который завоевал его благодаря политике еврейского ренегата. В дополнение к этому, Египет не представлял собой благоприятного поля для развития высшей цивилизации, но продолжал оставаться тем, чем его сделала природа, - житницей мира. Империя Фатимидов в Северной Африке, главным городом которой был Кайруан (впоследствии Махадия), по крайней мере, обеспечивала основные условия для развития иудаизма и вполне могла стать одним из его главных центров. Богатая община Кайруана проявляла живейший интерес к изучению Талмуда, а также к научным усилиям. Еще до прибытия Чушиэля у них были школы и вождь, носивший титул Реш-Калла или Рош. Точно так же, как они подружались с изгнанным экзилархом Укбой и оказали ему честь, теперь они даровали Чушиэлю титул Рош и позволили ему придать более сильный импульс изучению Талмуда. Последний обучил двух учеников во время своего правления (950-980), и впоследствии они были признаны авторитетами. Это были его сын Чананель и местный житель, Джейкоб бен Ниссим Ибн-Шахин. Врач и любимец первых двух халифов, Исаак Израэль, посеял семена еврейской науки, которые были развиты его учеником, также снискавшим благосклонность двора.

Этот ученик, Абусахал Дунаш бен Тамим (900-960), глава еврейской науки во владениях Фатимидов, был врачом третьего фатимидского халифа Ишмаэля Альмансура Ибнуль Каима, возможно, также его отца. Этот правитель пользовался таким расположением Дунаша, что посвятил ему одну из своих работ по астрономии. Дунаш бен Тамим был родом из Ирака, в юности совершенствовался под руководством Исаака Израэля в Кайруане, обучаясь у него медицине, языкам и метафизике. Дунаш бен Тамим был сведущ во всем круге известных тогда наук и написал книги по медицине, астрономии и математике. Он также классифицировал

науки; по его мнению, математика, астрономия и музыка занимают самое низкое место; далее следуют физика и медицина; выше всего стоит метафизика, познание Бога и души. Арабы были настолько высокого мнения о Дунаше, что говорили, что он принял ислам, несомненно, для того, чтобы они могли считать его своим, но он, безусловно, оставался верен иудаизму до конца своей жизни. Он переписывался с еврейским государственным деятелем Хасдаем, для которого написал астрономический труд по еврейскому календарю.

Между тем, хотя Дунаш не был гением, он смог дать общине Кайруана, а через них и более широкому кругу, более научное понимание иудаизма. Однако Фатимидский халифат не был рассчитан на то, чтобы стать центром культуры для евреев. Фанатичная династия Фатимидов—пришедшая к власти благодаря восторженному миссионеру, видевшему в халифе из дома Али своего рода воплощенное божество, и основанная введенным в заблуждение обманщиком, считавшим себя истинным имамом и Махди (священником), логически не могла мириться с иудаизмом. Преемники первого фатимидского халифа использовали, точно так же, как это делали преемники первого христианского императора, меч как средство распространения религии. Вскоре на трон взошел Фатимид, который восстановил то, чем пренебрегли его предки в своем снисхождении, и проповедовал доктрины божественного имамата с кровавым фанатизмом. В таком окружении иудаизм не мог процветать; ему требовалась более благоприятная ситуация.

Европейские христианские страны были еще менее пригодны для того, чтобы стать центром иудаизма, чем магометанские королевства Египта и северной Африки. В то время там царил величайшее варварство, и обстоятельства были отнюдь не благоприятны для развития науки и литературы. Литературный статус евреев был очень низким, и поэтому исторические отчеты умалчивают о еврейских общинах Европы. То тут, то там в Италии появлялись ученые-талмудисты, как, например, в Ории (близ Отранто), но едва ли кто-либо из них поднялся выше посредственности. Хотя итальянские евреи никогда не достигали превосходства, они были прилежными и верными учениками иностранных учителей. В Вавилонии смеялись над "мудрецами" Рима или Италии. Даже Саббатая Донноло, главу еврейской науки в Италии во времена Саадии, вряд ли можно было назвать умеренным ученым. Этот человек известен скорее по своей карьере, чем по своим работам. Саббатай Донноло (913-970) из Ории был взят в плен, когда магометане Фатимидского королевства форсировали Сицилийский пролив, вторглись в Апулию и Калабрию, разграбили город Орию и либо убили жителей, либо увели их в плен (9 Таммуза—4 июля 925 г.). Донноло в то время было двенадцать лет. Десять знатных граждан были казнены, а родители и родственники Донноло были перевезены в Палермо и Африку. За него самого был получен выкуп в Трани. Осиротевший, без друзей, молодой Донноло был предоставлен самому себе. Он изучал медицину и астрологию, в обеих из которых он преуспел. Теперь он стал врачом византийского наместника (Базилика) Евпраксия, который правил Калабрией от имени императора. Он разбогател благодаря своей медицинской практике и тратил свои деньги на покупку работ по астрологии и путешествия. В своих путешествиях Донноло дошел до Багдада. Он воплотил результаты своих исследований в работе, опубликованной в 946 году. Но мало мудрости содержалось в этой книге, если судить по фрагментам, которые до нас дошли. Автор, однако, придавал ему такое большое значение, что думал, что благодаря ему имя Саббатаи Донноло из Ории будет передано потомкам.

Между тем, каким бы неважным ни было сравнение Донноло со своими современниками Саадией и другими, он, по-видимому, намного превосходил главу католиков в то время. Это был

его земляк, Нилус Младший, которого Церковь причислила к лику святых. Отношения двух итальянцев — врача-еврея и настоятеля Россаны и Гротто Феррата - служат эталоном, по которому мы можем оценить состояние иудаизма и христианства в Италии в середине десятого века.

Донноло знал Нилуса с юности; возможно, они вместе пострадали, когда южная Италия была разграблена. Еврейский врач однажды заметил, что христианский аскет был очень болен из-за чрезмерного умерщвления плоти. Он великодушно предложил ему лекарство. Святой Нил, однако, отклонил его предложение, заметив, что он не стал бы принимать лекарства еврея, чтобы не говорили, что еврей вылечил его — святого, чудотворца, — ибо это заставило бы простодушных христиан больше доверять евреям.

Иудаизм всегда стремился к свету, в то время как монашеское христианство оставалось во тьме. Таким образом, в десятом веке была только одна страна, которая предлагала подходящую почву для развития иудаизма, где он мог расцвести — это была магометанская Испания, занимавшая большую часть Пиренейского полуострова.

В то время как христианская Европа погрузилась в состояние варварства, от которого ее пытались освободить Карловинги, а Восточный Халифат находился на последней стадии своего упадка, испанский халифат при сыновьях Оммии находился в таком цветущем состоянии, что это почти заставляет нас забыть о средневековье. При Абдул-Рахмане III (Ан-Насире), который первым получил полный титул халифа, "Принц правоверных" (эмир Аль-Муменин), Испания была исключительным центром науки и искусства, которые повсюду были запрещены или игнорировались. С него начался классический период мусульманской культуры, период процветания и мощи, которого можно было достичь только под властью благородных князей, свободных от предубеждений против приверженцев других религий.

Особо почитаемыми в Испании были любимцы Муз-поэты. Удачное стихотворение прославлялось больше, чем победоносная битва, которая сама по себе становилась предметом поэзии. Каждый знатный человек, от халифа до эмира самой низшей провинции, стремился и гордился тем, что среди его друзей были ученые люди и поэты, которым он давал средства к существованию. Ученые и поэты были назначены на высокие посты и им были поручены самые важные государственные дела.

Эта духовная атмосфера не могла не оказать своего воздействия на евреев с их от природы эмоциональной и отзывчивой натурой. Ими овладел энтузиазм к науке и поэзии, и еврейская Испания стала "домом цивилизации и духовной деятельности — благоухающим садом радостной, веселой поэзии, а также средоточием серьезных исследований и ясной мысли". Подобно мосарабам, христианам, жившим среди магометан, евреи познакомились с языком и литературой местных жителей и часто превосходили их в знаниях. Но в то время как мосарабы отказались от своей индивидуальности, забыли свой собственный язык — готскую латынь — не могли даже читать символы веры и стыдились христианства, евреи Испании, благодаря этому контакту с арабами, только усилили свою любовь и энтузиазм к своему родному языку, своему святому закону и своей религии. Благодаря благоприятным обстоятельствам еврейская Испания смогла сначала соперничать с Вавилонией, затем вытеснить ее и, наконец, сохранять свое превосходство почти пятьсот лет. Три человека были основателями иудео-испанской культуры: (1) Моисей бен Чанох, ученый-талмудист, которого увезли в плен в Кордову; (2) первый андалузский грамматик Менахем бен Сарук; (3) и создатель художественной формы еврейской

поэзии Дунаш Ибн-Лабрат. Эта культура, однако, развивалась благодаря одному человеку, который благодаря своим высоким способностям, чистому характеру и выдающемуся положению смог придать ей должный импульс. Этим человеком был Абу-Юсуф Хасдай бен Исаак Ибн-Шапрут (915-970), член знатной семьи Ибн-Эзры. Он был первым из длинной череды высоко мыслящих людей, которые сделали защиту и продвижение иудаизма задачей своей жизни.

Хасдай был вполне современным человеком по своему характеру, полностью отличавшимся от своих предшественников. Его легкая, податливая и добродушная натура была свободна как от тяжеловесности жителей Востока, так и от мрачной серьезности евреев. Его действия и выражения заставляют нас смотреть на него как на европейца, и через него, так сказать, еврейская история приобретает европейский характер. Его предки происходили из Хаэна; его отец Исаак, который, вероятно, жил в Кордове, был богатым, либеральным и в какой-то мере меценатом. Сын унаследовал от него любовь к науке и умение достойно применять богатство. Он получил лишь теоретические знания в медицине, но в литературе, как и в дипломатии, был мастером. Он не только хорошо знал иврит и арабский, но и латынь, которую тогда понимали только священнослужители среди испанских христиан.

Халиф Абдул-Рахман III, поддерживавший дипломатические отношения с небольшими христианскими дворами северной Испании, оценил ценность и полезность Хасдая и назначил его переводчиком и дипломатом (940). Сначала Хасдаю приходилось лишь сопровождать главных послов при испанских христианских дворах. Но чем способнее он проявлял себя, тем больше его почитали и продвигали. В одном случае дипломатия Хасдая оказалась очень полезной. Однажды он уговорил короля Леона (Санчо Рамирес) и королеву Наварры (Тода) вместе с духовенством и другими знатными людьми посетить Кордову, чтобы заключить долгосрочный мирный договор с Абдул-Рахманом. Халиф вознаградил его за услуги, назначив на различные должности. Хасдай был, в определенном смысле, министром иностранных дел. Он должен был принимать иностранных послов и их подарки, а в ответ вручать им подарки от халифа. В то же время он был министром торговли и финансов, и доходы, поступавшие в казну от различных налогов и сборов, проходили через его руки. Несмотря на все это, у Хасдая не было официального титула. Он не был ни визирем (хагибом испанских арабов), ни государственным секретарем (катибом). Ибо у арабов поначалу тоже было сильное предубеждение против евреев, вследствие чего они не позволяли включать их в число государственных чиновников. Зарождающаяся культура магометанской Испании была еще недостаточно развита, чтобы преодолеть антиеврейские настроения Корана.

Даже справедливый и благородный принц, который в свое время был величайшим украшением трона, не осмеливался отбросить эти врожденные предрассудки. Самим евреям оставалось постепенно преодолевать их благодаря своему духовному превосходству. Хасдай внушил андалузским мусульманам благоприятное мнение о своих единоверцах и смог, благодаря своим личным контактам с халифами, защитить их от искажения фактов. И вот еврейский поэт смог сказать о нем:

"С шеи своего народа он сбросил тяжелое ярмо;
им была отдана его душа, он привлек их к своему сердцу;
Бичом, ранившим их, он уничтожил,

изгнал от них в ужасе жестокого угнетателя.
Несравненный даровал через него
Крохи утешения и спасения".

Эта похвала ни в коем случае не преувеличена. Хасдай действительно был утешителем и избавителем для всех общин, далеких и близких. Его высокое положение и богатство делали его полезным для своих братьев. Его глубокое религиозное чувство заставило его увидеть, что он должен благодарить Бога за высокую оценку, которой он пользовался, и что это было не из-за его собственных заслуг; поэтому он чувствовал призыв активно участвовать в деле своей религии и своей расы. Он был, в какой-то степени, юридическим и политическим главой еврейской общины Кордовы. Вавилонская школа, которая получила от негомного пожертвований, присвоила ему титул "Глава школы" (Реш-Каллах), хотя он знал о Талмуде меньше, чем Натан, который отказался от своей должности в пользу Моисея. Он переписывался с Дунашем бен Тамимом, которого попросил произвести некоторые астрономические расчеты по еврейскому календарю. Он также переписывался с сыном Саадии Доссой и попросил его прислать ему биографию своего отца. Послы многих стран, которые либо искали благосклонности, либо защиты халифа, приносили ему подарки, чтобы заручиться его интересом к их делу. У них он всегда спрашивал подробности о положении евреев и добивался расположения своих братьев.

Хасдай сыграл важную роль в двух посольствах от самых могущественных дворов Европы. Византийская империя, угнетаемая со всех сторон, оставалась безжизненной в течение нескольких столетий и теперь нуждалась в иностранной помощи. Слабый и педантичный император Константин VIII, сын и брат императоров, причинивших евреям столько неприятностей, стремился к дипломатическому союзу с могущественным мусульманским завоевателем Испании, чтобы обрести союзника против Восточного халифата. Поэтому он отправил великолепное посольство в Кордову (944-949) с богатыми подарками, среди которых был прекрасный экземпляр греческого медицинского труда Диоскорида о простых лекарствах, который халиф и его медицинский колледж очень хотели получить. Послы от самого антиеврейского двора были приняты еврейским государственным деятелем и представлены халифу. Но труд, которому арабские врачи и натуралисты придавали столь высокое значение, был для них закрытой книгой. Поэтому Абдул-Рахман умолял византийского императора прислать ему ученого, который понимал бы и греческий, и латынь. Константин, желавший выказать свое расположение к магометанскому двору, прислал монаха по имени Николай в качестве переводчика. Среди всех врачей Кордовы Хасдай был единственным, кто понимал латынь, и поэтому халиф попросил его принять участие в переводе. Николас перевел греческий оригинал на латынь, а Хасдай повторно перевел его на арабский. Абдул-Рахман был доволен завершением работы, которая, по его мнению, придала большое величие его правлению. Хасдай также сыграл особую роль в посольстве, которое могущественный германский император Оттон I направил ко двору Кордовы. Абдул-Рахман ранее отправил гонца к Отто и в письме использовал некоторые неприличные выражения против христианства. Андалузским послам пришлось ждать несколько лет, прежде чем они были допущены на аудиенцию к императору. После того, как они были получены, германский император направил посольство, во главе которого стоял аббат Иоанн из Горзе (Жан де Вандьер), и письмо, в котором содержались резкие выражения против ислама. Халиф, подозревавший нечто подобное, попросил Хасдая разузнать для него содержание дипломатического письма. Хасдай несколько

дней беседовал с Джоном из Горзе, и хотя последний был очень умен, Хасдай перехитрил его и узнал от него смысл письма. После этого Абдул-Рахман заставил немецких послов ждать целый год, прежде чем допустить их к аудиенции. Он заставил бы их ждать еще дольше, если бы Хасдай и мосарабский епископ Кордовы не убедили Иоанна из Горзе получить от императора новый документ, не вызывающий возражений (956-959).

Хасдай, который из-за своего высокого положения привык заниматься общественными делами в больших масштабах, был глубоко опечален, когда думал о состоянии евреев, об их зависимом и страдающем положении, об их рассеянии и отсутствии единства. Как часто, должно быть, он слышал, как магометане и христиане выдвигали этот самый мощный аргумент против иудаизма: "Поскольку скипетр отошел от Иуды, Бог отверг его!" Даже Хасдай разделял ограниченный взгляд того времени, а именно, что религия и народ без страны, короля, двора, суверенитета и подданных не обладают ни стабильностью, ни жизнеспособностью.

Слух о существовании независимой еврейской общины в земле хазар, который проник в Испанию, пробудил его интерес. Появление Эльдада в Испании за несколько десятилетий до рождения Хасдая придало правдоподобие смутной традиции, но, с другой стороны, сделало ее невероятной из-за преувеличения того, что десять племен все еще существовали во всей своей силе. Хасдай никогда не упускал случая навести справки о еврейском царстве или еврейском правителе, когда к нему приезжали посольства издалека или вблизи. Известие о еврейской общине в стране хазар, которое он получил от послов из Хорасана, было для него очень приятным, особенно когда он узнал, что там на троне находится еврейский царь. Теперь он искренне желал вступить в общение с этим королем. Он обрадовался, когда эта новость была подтверждена византийскими послами, которые сообщили ему дополнительную информацию о том, что правящего царя хазар звали Иосиф и что они были могущественным и воинственным народом. Эта информация только усилила его желание вступить в тесное общение с еврейским царством и его правителем. Поэтому он искал надежного посланника, который мог бы позаботиться о его письме с выражением почтения и в то же время передать дальнейшие подробности. После нескольких тщетных попыток ему удалось осуществить желаемое сообщение. В посольстве славянского короля с Нижнего Дуная было два еврея, которые должны были выступать в качестве переводчиков в Кордове. Хасдай передал славянским послам письмо к царю хазар. Это письмо в прекрасной еврейской прозе со вступительными стихами, написанное Менахемом бен Саруком, является бесценным документом для истории того времени. Автор в своих благочестивых пожеланиях и скромном поведении умело демонстрировал свою государственную мудрость и чувство собственной значимости. Письмо Хасдая, к счастью, попало в руки короля Иосифа через посредство некоего Якоба бен Елеазара из земли Немес (Германия). Иосиф был одиннадцатым еврейским принцем со времен Обадии, основателя иудаизма в этой стране. Страна хазар даже в то время (960 г.) все еще обладала огромной мощью, хотя уже потеряла несколько округов или феодальных земель. Резиденция царя Иосифа располагалась на острове в Волге и включала в себя золотой шатровый дворец с золотыми воротами. Королям пришлось выступить против русских, которые стали более могущественными после иммиграции вараги и которые всегда жаждали заполучить плодородную страну хазар. Они сочли необходимым содержать постоянную армию, чтобы иметь возможность атаковать врага в любой момент. В десятом веке насчитывалось 12 000 регулярных солдат, частично кавалерия, одетая в шлемы и кольчуги, и частично пехота, вооруженная только копьями. Распадающаяся Византийская империя была вынуждена уважать царство хазар как великую державу и признавать еврейского правителя "благородным и

прославленным царем". В то время как византийские императоры обычно запечатывали свои дипломатические письма Папе Римскому и франкским императорам золотой буллой легкого веса (два солида), они сделали ее на треть тяжелее, когда писали хазарским королям. Тот, кто знаком с педантичным этикетом этого нестабильного двора, сразу поймет, сколько страха вызывал этот знак почета. Хазарские цари проявляли большой интерес к своим иностранным единоверцам и совершали репрессии за зло, причиненное евреям. Король выразил свою радость по поводу получения письма Хаздая и опроверг ложное впечатление о том, что земля хазар всегда была населена евреями. "Хазары были скорее языческого происхождения", - написал он в своем ответе и рассказал, как его великий предок Булан был обращен в иудаизм. Далее он перечислил преемников Булана, у всех из которых были еврейские имена. Затем он описывает масштабы своих владений и различные народы, которые были ему подвластны. Что касается надежд на мессианское искупление, которые он также лелеял, он замечает, что ни он, ни его народ не знали ничего определенного. "Мы обращаем наш взор на Иерусалим, - говорит он, - а также на вавилонские школы. Пусть Бог поскорее осуществит искупление". "Ты пишешь, - говорит он, - что жаждешь меня увидеть. У меня такое же страстное желание познакомиться с тобой и твоей мудростью. Если бы это желание могло быть исполнено, и я мог бы поговорить с вами с глазу на глаз, вы были бы моим отцом, а я был бы вашим сыном, и я бы вверил управление моим государством в ваши руки".

Когда Джозеф писал это письмо, он мог похвастаться мирным состоянием своего королевства. Но за несколько лет обстоятельства изменились. Один из потомков Рюрика, русский князь Святослав Киевский, ранее почти подданный хазар, совершил грозное нападение на страну и захватил крепость Саркел (965). Завоеватель становился все более могущественным, и несколько лет спустя, в 969 году, тот же Святослав взял столицу Итиль (Ател), а также захватил Семендер, второй город хазар. Хазары обратились в бегство, одни отправились на остров в Каспийском море, другие - в Дербенд, третьи - в Крым, в котором проживало много представителей той же расы и который с тех пор получил название "Земля хазар". Его столицей был Боспор (Керчь). Так пришло в упадок царство хазар, и Иосиф был его последним царем, обладавшим какой-либо властью. Когда Хасдай получил это письмо, его покровитель Абдул-Рахман умер. Его сын Альхакем, более ревностный покровитель науки и поэзии, чем его отец, теперь восседал на троне. Более миролюбивый, чем его отец, он чтит Хасдая, которого сделал важным государственным чиновником и чьи выдающиеся таланты использовал так же свободно, как это делал его отец.

Подражая примеру двух халифов, которые уважали гения, Хасдай защищал евреев, и ему принадлежит заслуга в том, что он дал импульс еврейско-андалузской культуре. Он собрал вокруг себя в Кордове группу талантливых философов и поэтов, которые, в свою очередь, увековечили его в своих произведениях и поэмах. "Во времена Хасдая в Испании повсюду ценили мудрость. Красноречивые языки воспевали Его хвалу". Только двое из философов и поэтов того времени прославились, Менахем бен Сарук и Дунаш бен Лабрат. Оба они сделали ивритский язык, который они значительно обогатили, объектом глубокого исследования. Они пошли намного дальше всех своих предшественников, работавших в филологии, караимов и даже Саади.

Дунаш бен Лабрат в своих произведениях развил такую симметрию и гармонию выражения на священной языке, какие едва ли были мыслимы его предшественниками. Он был первым, кто использовал метр в еврейской поэзии, которую он сделал мелодичной благодаря введению

строфы. Саадия обвинил в этом Дунаша, как будто он совершил неслыханное нововведение. Саадия считал, что таким образом было совершено насилие над ивритом. Однако новая еврейская поэзия обогатилась благодаря усилиям еврейско-андалузских писателей. До сих пор поэтические произведения носили синагогальный характер, всегда мрачный и никогда не приобретающий радостного оттенка. Даже поэзия гимнов не была лишена этой характеристики и оставалась такой же прерывистой и резкой, как у Калири. В дидактических и противоречивых стихотворениях использовалась жалкая болтовня, как в стихах Соломона бен Ерухама, Абу-Али Джеф, Бен-Ашера и Саббатая Донноло. Часдай, однако, дал поэтам возможность сменить тему. Его импозантная личность, его высокое положение, его поступки и его царственная щедрость оказали вдохновляющее влияние на поэтов, и, воспевая его с воодушевлением, они вдохнули новую жизнь в, казалось бы, мертвый ивритский язык, сделав его гармоничным и способным к развитию. Конечно, еврейско-андалузские поэты взяли за образец арабов. Они, по правде говоря, не отрицают, что "Араб стал учителем Эбера". Но Дунаш и другие, которые подражали ему, не рабски придерживались своего арабского образца и не перенимали его неестественный размер, а отбирали его красоты и подражали им. Стихи в начале этого периода расцвета поэзии были в меру живыми, и все же еврейская поэзия эпохи Хасдая не сбросила полностью свои оковы и не изменила своего высокопарного стиля. "Поэты во времена Хасдая впервые начали щебетать", - как заметил неподражаемый критик более позднего времени. Любимыми темами новоеврейской поэзии теперь стали панегирик и сатира, но она не упускала из виду литургическую поэзию, которую также украсила красотой метра.

Мало что известно о жизни и характере первых двух основоположников андалузско-еврейской культуры. Насколько можно судить по существующим источникам, Менахем бен Сарук из Тортосы (родился в 910 году, умер в 970 году) с ранних лет находился в стесненных обстоятельствах; во всяком случае, его наследство было слишком маленьким, чтобы содержать его. Отец Хасдая, Исаак, проявлял к нему интерес и заботился о том, чтобы денежные трудности не уничтожили зародыш поэзии, который был скрыт в нем. Его любимым занятием было изучение иврита; он пользовался работами своих предшественников, но свой благородный ивритский стиль он перенял не у них — это было врожденным.

Когда Хасдай достиг своего высокого положения, он лестными словами и пылкими обещаниями пригласил любимца своего отца приехать в Кордову. Менахем стал придворным поэтом Хасдая и был тепло привязан к нему, восхваляя его во всевозможных стихах и, как он сам утверждает, "исчерпал поэзию, воспевая Хасдаю дифирамбы". Хасдай побудил его написать о филологии еврейского языка и попытаться установить его различные формы, а также исследовать значения слов. Впоследствии Менахем написал полный словарь иврита (Махберет) с некоторыми грамматическими правилами, в которых он во многих отношениях исправил своих предшественников. Выросший в окружении, где ценилась гармоничная и впечатляющая речь, грамматик из Тортосы очень высоко ценил язык в целом и иврит в частности, и целью его работы было обнаружить особые тонкости этого языка. Менахем бен Сарук был первым, кто четко различил чистые корни в еврейском языке и отделил их от формирующих префиксов и суффиксов — теория, которая появилась впервые и которая была неправильно понята предыдущими грамматистами. Это неправильное понимание, действительно, привело их к использованию искаженных и плохо звучащих слов в своих стихах. Менахем в своей лексикографической работе подводит различные формы под каждый корень и часто излагает их значения с удивительной ясностью и тонкостью. В тех случаях, когда он дает своеобразное объяснение в соответствии со своим пониманием библейского стиха, он часто демонстрирует

здравый смысл и утонченный вкус, и это заметный шаг вперед в толковании от Саадии до Менахема. Время от времени он давал объяснения, противоречащие талмудической традиции и идеям того времени. Его лексикографическую работу много читали и использовали, потому что она была написана на иврите. Она проникла во Францию и Италию, вытеснила труды Саадии и караимов и долгое время была путеводителем для толкователей Библии. Но какой бы величественной и плавной ни была еврейская проза Менахема, его стихи непривлекательны и неуклюжи; он не понимал, как обращаться с еврейским метром. Однако его заменил его соперник Дунаш бен Лабрат.

Этот поэт (также называемый Адоним) был родом из Багдада и был моложе Менахема (родился в 920 году, умер в 970 году). Впоследствии он жил в Фесе, и Хасдаи также пригласил его в Кордову. Дунаш, по-видимому, был богат и, таким образом, мог быть более свободным и независимым, чем грамматик из Тортосы. Он был человеком энергичного и безрассудного нрава, который не взвешивал свои слова и был хорошо подготовлен к литературным спорам. Он тоже обладал глубокими знаниями иврита и был гораздо более успешным поэтом, чем Менахем. Как уже упоминалось, он был первым из раббанитского круга в Испании, кто ввел метр в новую еврейскую поэзию, которой он тем самым придал новое очарование. Однако он был смелым и отважным. Он критиковал экзегетические и грамматические работы Саадии в полемике (Тешубот), приняв довольно резкий тон, хотя был лично знаком с автором и, возможно, был его учеником. Как только словарь Менахема попал к нему, Дунаш решил выступить с беспощадной критикой и выявить содержащиеся в нем ошибки. Его отзыв был остроумным, но презрительным. Дунаш не укладывался в рамки научной дискуссии, а использовал ее для продвижения своих собственных интересов. Он посвятил свои критические работы против Менахема еврейскому государственному деятелю, которому он так унижительно льстил в нескольких вступительных стихах, что мы вряд ли можем не видеть, что его целью было привлечь на свою сторону еврейского Мецената и оскорбить Менахема в глазах последнего.

Лесть Дунаша еврейскому государственному деятелю и его грубая полемика с Менахемом не вызывают недостатка у власти. Восхищение Хасдая Бен-Саруком уменьшилось, когда он понял, что Дунаш был лучшим поэтом и, по крайней мере, таким же хорошим филологом. Когда различные клеветники, желавшие втереться в доверие к еврейскому князю, очернили Менахема перед ним, благосклонность Хасдая была утрачена у последнего и сменилась прямой враждебностью. В чем заключалась их клевета, неизвестно.

Менахем, по-видимому, умер раньше своего соперника Дунаша, и его ученики взялись оправдывать его. Наиболее важными из них были Иегуда бен Дауд, Исаак Ибн Гикатилия и Бен-Кафрен (Эфраим). Они тоже посвятили свои полемические сочинения еврейскому министру и послали ему панегирик и сатиру против Дунаша. Хасдай, похоже, только что вернулся после дипломатической победы, которую он одержал для халифа Аль-Хакима. Последователи Менахема праздновали его триумф: "Горы приветствуют защитника науки, князя Иудеи. Весь мир радуется его возвращению, ибо всякий раз, когда он отсутствует, наступает тьма, надменное правление обрушивается на сыновей Иуды. Но Хасдай возвращает мир и порядок. Бог назначил его принцем и даровал ему королевскую милость, благодаря чему Он возвысил его над всей знатью".

Защитники Менахема пытались воззвать к любви Хасдая к истине и сделать его арбитром против Дунаша, "который провозгласил себя главным комментатором, не знающим ни закона,

ни предела переменам, и который оскверняет священный язык своим иностранным метром". Изучение иврита в Испании продолжалось с помощью серьезных разногласий и ядовитой сатиры. Ученики Дунаша продолжили ссору. Последователи Менахема и Дунаша обрушивали друг на друга остроумные пасквилы, что во многом способствовало тому, что еврейский язык стал одновременно гибким и богатым.

Как Хасдай Ибн-Шапрут давал импульс различным поэтам и писателям посредством поощрений и наград, так и он основал в Испании дом для изучения Талмуда. Еврейская наука в Европе еще не достигла достаточно прочной опоры, чтобы позволить ей обойтись без опеки покровителя. Моисей бен Чанох, который также был выбран для сбора пожертвований для школы Сора и которого в качестве раба привезли в Кордову и там выкупили, нашел покровителя в Хасдае, и два халифа, дружелюбно относившиеся к науке, с удовольствием наблюдали за развитием изучения Талмуда в их королевствах, потому что это привело бы к отделению их еврейских подданных от Багдадского халифата. Моисей не мог приехать в Испанию в более благоприятное время для того, чтобы прочно начать изучение Талмуда, без которого только что зарождающаяся литературная деятельность не смогла бы продвинуться вперед. Точно так же, как испанские мавры стремились отбросить в тень Багдадский халифат в надежде монополизировать все политические и литературные различия, так и испанские евреи стремились затмить вавилонские школы и передать школе, которую Моисей открыл в Кордове, превосходство, которым до сих пор пользовались первые, благодаря более глубокому знанию тамошнего Талмуда.

Поэтому они относились к Моисею с большим почтением, окружили его великолепием и признали своим главой. Религиозные вопросы, которые до сих пор задавались в вавилонских школах, отныне были адресованы Моисею. Со всех концов Африки в его школу стекались нетерпеливые ученики. Теперь у них возникло сильное желание получить основательные талмудические знания, которые позволили бы им обойтись без вавилонских учителей. Хасдай распорядился купить за свой счет экземпляры Талмуда в Соре, где многие из них лежали без дела и ими не пользовались. Он раздал их ученикам, которых, несомненно, обеспечил средствами к существованию. Таким образом, Кордова стала андалузской Сорой, и основатель тамошней школы имел такое же значение для Испании, какое Раб имел для Вавилона. Хотя он носил скромный титул судьи (Даян), он все же выполнял различные функции гаона. Он рукополагал раввинов для различных общин, как выясняется, посредством церемонии возложения рук (Семича); он разъяснял Закон, к нему обращались с высочайшими призывами в судебных делах, и он мог отлучать непокорных членов общины. Все эти функции перешли к раввинам в более поздние времена.

Таким образом, Испания во многих отношениях стала центром иудаизма. Этому результату способствовали несколько, по-видимому, случайных событий, и пробужденное чувство собственной важности у испанских евреев не позволило этому превосходству уйти из их среды; на самом деле, они прилагали величайшие усилия, чтобы утвердить его и заслужить. Процветание еврейской общины Кордовы позволило им сделать столицу Андалусии центром всех начинаний. В Кордове насчитывалось несколько тысяч богатых семей, которые вполне могли соперничать с арабами в показном мастерстве. Они одевались в шелка, носили дорогие тюрбаны и разъезжали в великолепных экипажах. Они ездили верхом и переняли манеры рыцарского общества, которые отличали их от евреев других стран. Однако нельзя отрицать,

что некоторые из них были обязаны своим богатством торговле славонскими рабами. Их они продали халифам, которые постепенно сформировали из них свою личную гвардию.

После смерти Моисея (965 г.) общине Кордовы угрожал раскол из-за наследования престола. С одной стороны, был сын Моисея Ханох, который в детстве был в плену у своих родителей и видел, как его мать бросилась в море. Его соперником был Джозеф бен Исаак Ибн-Абитур, выдающийся ученик Моисея. Он обладал глубокими знаниями арабской литературы, был сносным поэтом и уроженцем Испании. Но Чанох не обладал никакими достижениями, кроме знания Талмуда и того преимущества, что был сыном человека, которого высоко ценили.

Оба соперника в равной степени отличались благочестием и характером. Следовательно, возникли две партии— одна встала на сторону туземца, который был представителем культуры, другая - на сторону сына Моисея. Между тем, прежде чем борьба приняла серьезный оборот, Хасдай оказал свое мощное влияние в пользу Чаноха. Таким образом, последний стал раввином Кордовы и авторитетом для еврейско-испанских общин. Пока был жив еврейский министр Альхакема, право Чаноха на раввинат оставалось неоспоримым. Хасдай Ибн-Шапрут умер при жизни благородного халифа (970 г.) и оставил после себя прославленное имя, и как евреи, так и магометане соперничали друг с другом в увековечении его для потомков.

ГЛАВА VIII. РАСЦВЕТ ЕВРЕЙСКО-ИСПАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ И УПАДОК ГАОНАТА.

Гаон Шерира и его сын Хай—Историческое письмо Шериры—Еврейские общины в Испании—Еврейская культура в Андалусии—Ученики Менахема и Дунаша—Иегуда Чаудж—Спор между Чанохом и Ибн Абитуром—Якоб Ибн Джау—Евреи Франции—Натан Вавилонянин и Леонтин—Евреи Германии—Гершом и его Постановления—Император Генрих II.—Халиф Хаким—Еврейские общины Северной Африки—Чананель, Сын Хушиэля , и Ниссим бар Якоб Ибн-Шахин — Иерусалимский Талмуд—Хай Гаон — Его характер и значение—Самуэль бар Чофни—Чиския, последний Гаон—Самуэль Ибн-Нагрела—Иона Ибн-Джанах.

970-1050 гг. н. э.

Когда институт исторического происхождения обречен кануть в лету, самые напряженные усилия людей не могут спасти его; и хотя благодаря щедрым жертвам им удастся отсрочить время его исчезновения, его существование в лучшем случае подобно существованию человека в трансе.

Так случилось и с вавилонским гаонатом, когда-то таким полным жизни. После того, как наиболее культурные общины Испании и Африки отказались от своей поддержки и сделали себя независимыми от него, его судьба была предрешена. Напрасно двое мужчин, которые последовательно украшали школу Пумбедиты своей добродетелью и знаниями, прилагали напряженные усилия, чтобы вдохнуть в нее новую жизнь. Им удалось отсрочить гибель Гаоната лишь чуть более чем на полвека, но они не смогли восстановить его жизнеспособность. Этими

двумя мужчинами — отцом и сыном, последними выдающимися президентами школы Пумбедита — были Шерира и Хай (Хааджа), которым последующие поколения дали имя "отцы и учителя Израиля".

Шерира, сын Гаона Чанина (родился в 920 году, умер в 1000 году), имел выдающееся происхождение как по отцовской, так и по материнской линии, несколько членов обеих семей занимали пост Гаона. Он хвастался, что может проследить свое происхождение от рода Экзилархов до Бостанаи. На печати семьи Шерира был отпечаток льва, который, как говорят, был гербом еврейских царей.

Шерира был гаоном старой школы, который превыше всего ценил Талмуд и держался подальше от философских идей. Он был достаточно знаком с арабским языком, чтобы использовать его при ответе на вопросы, которые задавали ему еврейские общины в мусульманских странах. Однако он предпочитал использовать иврит и халдейский языки и не имел вкуса к арабской литературе. Его литературная деятельность была полностью посвящена Талмуду и родственным предметам. Он не слишком утруждал себя толкованием Библии, но его моральная серьезность заставляет нас не обращать внимания на отсутствие у него высокой культуры. Как судья, он всегда стремился установить истину и принять соответствующее решение. Как глава школы, он не жалел сил на распространение обучения повсюду, поэтому его решения носят объемный характер. Но Шерира добросовестно придерживался талмудических прецедентов при формулировании своих решений; и однажды сурово раскритиковал хозяина, который обучал своего молодого раба Библии, а когда тот вырос, позволил ему заключить незаконный брак с другим рабом, потому что это противоречило решению нескольких талмудических учителей. Шерира был сведущ в теософии, у которой в его время было мало последователей.

Шерира особенно выделяется своим "Письмом", которое является главным авторитетом по истории талмудического, постталмудического и гаонического периодов еврейской истории. Джейкоб бен Ниссим (Ибн-Шахин), ученик Чушиэля, который был взят в плен в Африке и который преподавал Талмуд в Кайруане, направил письмо с запросом от имени общины Кайруана в Шериру. В нем были заданы следующие вопросы: "Каким образом была записана Мишна? Если традиционное право имеет отдаленное происхождение, то как получилось, что только авторитеты сравнительно недавнего периода известны нам как его носители? В каком порядке были составлены различные книги Мишны?" Джейкоб также спросил об орденах сабораимов и геонимов, а также об их соответствующих сроках полномочий. Шерира написал ответ (987) наполовину на иврите, наполовину на халдейском, в котором он пролил свет на несколько темных моментов еврейской истории. Хроника Сабораима и геонима, данная им, является нашим путеводителем по этой эпохе. Шерира в этом "Письме" отвечает на поставленные ему вопросы с простой прямоотой хроникера. Но его мнения об экзилархах из рода Бостанаи и о некоторых его современниках, *например*, об Аароне Ибн-Сарджаду, не совсем беспристрастны. Мы должны поблагодарить Гаона Шериру за сохранение фактов еврейской истории с периода завершения работы над Талмудом до его собственного времени. Не в его силах было создать историческое произведение критического характера, да это и не было возможно для гения Средневековья.

Несмотря на свою непрестанную деятельность в качестве главы школы, он не смог предотвратить упадок школы Пумбедита. Рвение к изучению Талмуда и научной деятельности остыло в вавилонских странах. В то время в академии было так мало ученых, что Шерира был

вынужден продвинуть своего юного сына Хая, которому было всего шестнадцать лет, на высокий пост главного судьи. Уважение к Гаону исчезло. Злонамеренные люди привлекли Шериру к ответственности перед халифом Алкадиром по какому-то неизвестному обвинению, вероятно, выросшему из строгости его администрации (997). Вследствие этого отец и сын были лишены свободы, все их имущество конфисковано, и им не хватало средств к существованию. Однако они были освобождены по заступничеству влиятельного человека и восстановлены в своем достоинстве. Вскоре после этого Шерира, по причине преклонного возраста, отрекся от престола в пользу своего сына (998) и умер несколько лет спустя.

Его сын Гай, хотя ему было всего 30 лет, был настолько популярен, что к чтению Закона о субботе в знак уважения к нему была добавлена часть Пятикнижия, в которой Моисей молится о достойном преемнике, а вместо обычного пророческого урока была прочитана история о помазании Давидом своего преемника, и в заключение были произнесены слова: "И сел Гай на престоле Шериры, отца своего, и царство его было твердо установлено".

Мы с радостью переходим от упадка внутренней организации евреев на Востоке к жизнеспособности общин на Гвадалквивере и Гвадиане. Энергичные силы и духовные течения самого разнообразного характера заявляли о себе повсюду и вызвали блестящий расцвет еврейской культуры. В еврейских общинах Андалусии возникло сильное рвение к различным отраслям знаний и страстное стремление к творческой деятельности.

Семя, посеянное Хасдаем, еврейским меценатом, изучением Талмуда при Моисее Вавилоняnine и поэтическими и филологическими трудами Менахема и Дунаша, принесло прекраснейшие плоды. Многогранные знания считались среди испанских евреев, так же как и среди андалузских мусульман, самым красивым украшением человека и приносили их обладателю почести и богатство. Следуя примеру Абдул-Рахмана Великого, мусульмане допускали евреев на государственные должности благодаря их превосходной процицательности и деловым способностям; таким образом, мы находим как еврейских консулов, так и еврейских министров при магометанских и христианских дворах. Они подражали поведению Хасдая в поощрении обучения и поэзии. Знания того периода не были ни односторонними, ни бесплодными; напротив, они были полны здоровой жизни, полезной и продуктивной. Культурные евреи Андалусии говорили и писали на языке страны так же свободно, как и их арабские сограждане, которые гордились еврейскими поэтами так же, как и сами евреи.

Андалузские евреи были одинаково активны в толковании Библии и грамматике, в изучении Талмуда, философии и поэзии. Но студенты ни на одном из этих факультетов не были узкими специалистами. Те, кто изучал Талмуд, не были равнодушны ни к библейским знаниям, ни к поэзии, и если не сами поэты, то они находили удовольствие в ритмичных композициях новоеврейской поэзии. Философы стремились досконально изучить Талмуд, и во многих случаях раввины были в то же время преподавателями философии.

Испанские евреи также не рассматривали науку и искусство просто как украшения, но они возвышали и облагораживали их жизнь. Многие из них были преисполнены того энтузиазма и идеальности, которые не допускают приближения какой-либо подлости. Выдающиеся люди, которые либо благодаря своему политическому положению, либо своим заслугам стояли во главе еврейских дел в Испании, были по большей части благородными личностями, проникнутыми самыми высокими чувствами. Они были такими же рыцарственными, как

андалузские арабы, и превосходили их в великодушии, которое они сохранили еще долго после того, как арабы выродились. Как и их соседи, они остро осознавали собственную ценность, что проявлялось в длинной череде имен, но это самосознание покоилось на прочной моральной основе. Они очень гордились своим происхождением, и некоторые семьи, такие как Ибн-Эзра, Альфачар, Альнаква, Ибн-Фалядж, Ибн-Гиат, Бенвенисте, Ибн-Мигаш, Абулафия и другие, составляли дворянство. Они не использовали свое происхождение как средство получения привилегий, но видели в нем обязанность преуспевать в знаниях и благородстве, чтобы быть достойными своих предков. Высота культуры, к которой стремятся народы современности, была достигнута евреями Испании в период их наибольшего расцвета. Их религиозная жизнь была возвышена и идеализирована благодаря этой высшей культуре. Они любили свою религию со всем пылом убежденности и энтузиазма. Все предписания иудаизма, как они предписаны в Библии и объяснены в Талмуде, считались ими святыми и неприкосновенными; но они в равной степени выступали против флегматичного фанатизма и бессмысленного мистицизма. Хотя они часто доводили свои исследования до границ неверия, все же вряд ли кто-то из еврейско-испанских мыслителей переступал эти границы, и экстравагантный мистицизм не пользовался у них благосклонностью в период расцвета. Неудивительно поэтому, что на евреев Испании смотрели как на высших существ их некультурные собратья в других странах — во Франции, Германии и Италии - и что они с радостью уступили им преимущество, которым раньше пользовались вавилонские академии. Кордова, Лусена и Гранада вскоре заняли место Соры и Пумбедиты. Официальным главой евреев Андалусии был Чанох, о котором мы уже говорили (940-1014). Он сменил своего отца в раввинате. Его соперник, Джозеф бен Исаак Ибн-Абитур (Ибн-Сатанас или Сантас), член уважаемой андалузской семьи, был сведущ в Талмуде и превосходил его в объеме своих светских знаний. Ибн-Абитур писал стихами. Среди прочего, он сочинил синагогальные стихи ко Дню Искупления, но его стихи резкие, неуклюжие и совершенно лишены поэтического очарования. Поэзия Дунаша не принесла ему пользы. Джозеф Ибн-Абитур настолько хорошо понимал арабский язык, что смог перевести Мишну на этот язык. Халиф Аль-Хаким выразил желание получить перевод произведения, содержащего источники еврейской традиции, и Ибн-Абитур, к своему удовлетворению, удовлетворил это желание. Утонченный халиф, вероятно, желал только увеличить свою библиотеку (которая была таких размеров, что каталог занимал двадцать четыре тома) за счет добавления Мишны, которая так высоко ценилась евреями. Люди, наиболее выдающиеся в филологии и еврейской поэзии в период после Хасдая, были учениками Менахема и Дунаша. Они вели полемику в эпиграммах, в прозе и стихах. Из них Исаак Ибн-Гикатилия был поэтом, а Иегуда Ибн-Дауд - грамматиком иврита. Последний, чье арабское имя было Ибн-Захария Яхья Чаюдж, происходивший из семьи, происходившей из Феса, был первым, кто поставил еврейскую филологию на прочную основу, и может рассматриваться как первый научный грамматик. Чаюдж тоже был первым, кто осознал, что библейские корни иврита состоят из трех букв и что несколько согласных (жидкостей, полугласных и звуков, производимых одним и тем же органом) ассимилируются и превращаются в гласные. Таким образом, он дал возможность познать различные формы и их изменения и применить эти знания к поэзии. Таким образом, Чаюдж провел полную реформу еврейского языка и осветил тьму, в которой были потеряны его предшественники, среди них Саадия, Менахем и Дунаш, и в большей степени караимы. Чаюдж писал свои грамматические труды на арабском языке; по этой причине они остались неизвестными евреям за пределами Испании, которые сохранили несовершенные системы Менахема и Дунаша в своих филологических исследованиях.

Хотя раввинат Кордовы был всего лишь почетной должностью, и Чанох не получал от нее никакого дохода, тем не менее после смерти Хасдая это вызвало раздор. Последователи Иосифа Ибн-Абитура, среди которых была многочисленная семья Ибн-Абитур, и братья Ибн-Джау, производители шелка, которые работали при дворе, стремились поставить своего фаворита во главе дел. Большая часть евреев Кордовы держалась за Чаноха. Ссора стала слишком серьезной, чтобы ее можно было уладить мирным путем, и каждая сторона обратилась к халифу от имени своего фаворита. Семьсот влиятельных людей, сторонников Чаноха, несколько дней подряд в праздничных одеждах отправлялись в Аз-Захру, резиденцию Аль-Хакима, недалеко от Кордовы, чтобы добиться расположения халифа к своему раввину.

Оппозиционная партия в своем рвении восполнила недостаток численности. Аль-Хаким принял решение в пользу большинства и утвердил Чаноха в своем раввинате. Но поскольку Ибн-Абитур не отказался от своих притязаний, победившая сторона отлучила его от церкви. Несмотря на это, он не оставлял надежды. Он лично обратился к халифу. Он надеялся привлечь его на свою сторону благодаря его знанию арабской литературы и его заслугам в переводе Мишны и таким образом добиться отмены указа. Но его надежды были тщетны. Халиф обратился к нему со словами: "Если бы мои подданные презирали меня, как община Кордовы презирает вас, я бы отрекся от своего королевства. Мой единственный совет тебе - эмигрируй". Желание халифа показалось Ибн-Абитуру повелением, и он покинул Кордову (975). Когда он увидел, что не может обрести последователей в Испании, он отплыл в Африку, пересек Магриб, владения Фатимидов и, вероятно, также Египет, нигде не найдя расположения. Тем временем, однако, дела неожиданно приняли благоприятный оборот для Ибн-Абитура. Один из его главных сторонников получил высокое положение и использовал свое влияние в его интересах. Это был шелковый фабрикант Якоб Ибн-Джау, чья неоднозначная карьера свидетельствует о произволе, господствовавшем в испанском халифате после смерти последнего справедливого и образованного халифа Аль-Хакима (976).

Титул халифа, по-видимому, перешел к его сыну Хишаму, болезненному юноше, но главная власть находилась в руках Магомета Аль-Мансура, наводившего ужас на христиан в горах северной Испании и на африканцев в их крепостях. При этом магометанском "Главном доме" Якоб Ибн-Джау, сторонник Ибн-Абитура, приобрел большое уважение и значительную власть над еврейско-испанской общиной. Обстоятельства его удачи довольно необычны. Джейкоб Ибн-Джау и его брат Джозеф снабжали двор дорогим расшитым шелком. Их товарами восхищались и пользовались спросом. Их бизнес привел их в контакт с Альмансуром, и однажды они нашли во дворе его дворца значительную сумму денег, потерянную несколькими провинциалами, подвергшимися жестокому обращению. Братья Ибн-Джау потратили эти деньги на подарки молодому халифу и Альмансуру, чтобы заручиться их благосклонностью и добиться возвращения изгнанного Ибн-Абитура. Их попытка увенчалась успехом. В 985 году Альмансур назначил старшего брата Иакова принцем и главным судьей различных еврейских общин в королевстве Андалузский халифат по обе стороны пролива, от Сегельмессы в Африке до реки Дору. Он имел исключительное право назначать судей и раввинов в общинах, а также определять налоги для государственных целей и удовлетворения общественных нужд. Якоб Ибн-Джау, так сказать, состоял при дворе, в его свите было восемнадцать пажей, и он разъезжал в парадной карете. Община Кордовы, гордясь отличием, оказанным одному из ее собственных членов, признала его своим главой, отдала ему дань уважения, сделала его должностью наследственной, и поэты воспели ему хвалу.

Как только Ибн-Джау был назначен главой евреев Андалузского халифата, он попытался реализовать цели, ради которых добивался благосклонности двора. Он уведомил Чануха о прекращении своих раввинских обязанностей, пригрозив, что в случае неповиновения его бросят по течению в море на корабле без руля, и таким образом он вернется туда, откуда пришел. Затем Ибн-Джау приготовился отозвать своего любимца Ибн-Абитура и наделить его саном раввина. Но прежде чем он смог это сделать, запрет на отлучение от церкви должен был быть снят, и для этого акта требовалось согласие и одобрение всей общины. Из уважения к Ибн-Джау, которого уважали при дворе, все члены общины, среди которых были его бывшие противники, направили Ибн-Абитуру лестное письмо, приглашая его принять раввинат Кордовы. Чанох был свергнут. Когда община Кордовы, и особенно его друзья, приготовились достойно встретить Ибн-Абитура, они получили от него письмо, которое быстро развеяло их заблуждение. Он в резких выражениях выступил против их безрассудного обращения с его оппонентом. Он безмерно похвалил Чануха, сказав, что за все свои странствия он никогда не встречал человека, подобного ему в добродетели и благочестии, и в то же время посоветовал общине Кордовы восстановить его в должности.

Между тем Ибн-Джау не мог сохранить свой авторитет. Его покровитель, Альмансур, низложил его и бросил в тюрьму, мотивируя свое осуждение его честностью и бескорыстием. Регент (хаджиб) полагал, что еврейский принц воспользуется своей властью над общинами западного халифата с целью вымогательства денег и сделает его получателем богатых подарков; но Ибн-Джау не обременял общину и, следовательно, не мог удовлетворить алчность Альмансура. За это он был лишен свободы. После того, как он пробыл в заключении год, халиф Хишам освободил его и восстановил в его прежнем достоинстве (987). Однако, поскольку Альмансур был ему неугоден, он был практически бессилен. Когда Ибн-Джау умер, один из родственников Чануха поспешил сообщить ему эту новость, думая, что он примет ее с радостью. Но этот благородный раввин плакал о смерти своего врага и сказал: "Кто теперь будет заботиться о нуждах бедных, как тот, кто только что ушел? Я не могу занять его место, потому что я сам беден".

Чанох дожил до начала упадка Кордовы и первых всеобщих преследований своих единоверцев в Германии, Африке и на Востоке. Он был убит падением письменного стола в синагоге в последний день праздника Кущей (сентябрь 1014 г.).

Положение евреев во Франции и Германии в то время показывает, насколько их духовная жизнь зависела от внешних обстоятельств.

Во время слабого правления последних Карловингов и даже при первых капетингах во Франции, когда светские и духовные вассалы стали могущественнее королей, а также при саксонских императорах евреи подвергались притеснениям, и их литературная деятельность почти полностью пресекалась. Канонические законы задолго до этого запретили им занимать должности. Они не искали почестей, а лишь хотели, чтобы им позволили жить спокойно и соблюдать свою религию. Но главы Церкви нарушили их мирное положение без какой-либо выгоды для себя. На территории Франции главная власть находилась в руках баронов и духовенства. Власть царей была еще ограничена со всех сторон и не могла защитить евреев от тиранического произвола. Только фанатичное духовенство питало предубеждения теологического характера против евреев, но их рвение возбуждало ненависть народа к евреям. Люди, неотесанные, жестокие, и рабы суеверий, смотрели на сынов Израиля как на проклятую

расу, недостойную сострадания. Они обвинили евреев в применении злых чар против христиан. Когда король Гуго Капет умер от опасной болезни (996 г.) после лечения у врача-еврея, народ поверил сообщению о том, что евреи убили его. Летописцы тоже рассматривали это как факт и занесли в свои летописи.

У евреев, правда, были поля и виноградники, но им не хватало личной безопасности, которую могло обеспечить только сильное правительство. На юге Франции, в Провансе и Лангедоке, где власть короля была незначительной, судьба евреев еще больше зависела от каприза графов и виконтов. В одном месте они владели земельной собственностью и соляными копиями, и им даже разрешалось стать судебными исполнителями (Bailli); в другом они должны были смириться с тем, что с ними обращаются как с рабами. Главной общиной была община Нарбонны. Со времен Карла Великого там существовала талмудическая школа, но, похоже, она не пользовалась достаточной поддержкой. Внезапно на сцене появился талмудист из школы Сора, который привил евреям южной Франции истинное рвение к изучению Талмуда. Возможно, это был Натан бар Исаак, вавилонянин, но более вероятно, что это был его ученик Леон или Леонтин (Иегуда бен Меир), который, хотя и не оставил после себя никаких трудов, все же был первым основателем научного изучения Талмуда, которое с тех пор процветало во Франции и Германии. Его знаменитый ученик Гершом признался, что всеми своими знаниями он обязан Леону.

Евреи в Германии во времена саксонских императоров не подвергались притеснениям, хотя и не пользовались особой милостью. Феодальная система, существовавшая в Германии, запрещала им владеть земельной собственностью и, таким образом, вынуждала их быть торговцами. Еврей и торговец были синонимами в Германии. Богатые были банкирами, люди со средним достатком занимали деньги, чтобы посетить ярмарку в Кельне, за что им приходилось платить низкие, разумные проценты. Германские императоры продолжали обычай, введенный первыми Карловингами, взимать с евреев фиксированную дань. Когда Оттон Великий пожелал предоставить субсидию недавно построенной церкви в Магдебурге, он подарил ей доходы, которые он получал от "евреев и других торговцев" (965). Оттон II аналогичным образом представил "евреев Мерзебурга" епископу этого города в 981 году. В свите этого императора был итальянский еврей Калонимос, который был очень привязан к нему и однажды помогал ему, рискуя собственной жизнью (982). Но столь восхваляемое правление оттонов не давало подвластным им евреям никаких шансов подняться со своего низкого положения.

Христианские народы многому научились у арабов, но они не научились поощрять науку среди представителей религий, отличных от их собственной. Вследствие этого немецкие евреи, хотя и вели более нравственную и трудолюбивую жизнь, чем их братья-христиане, не были более культурными. У них даже не было собственных известных учителей-талмудистов, они привлекали их из-за границы. Их первым талмудическим авторитетом был Гершом. Он вместе со своим братом Махиром распространил семена талмудических знаний с юга Франции до Рейна и придал им значение, которого они не приобрели даже в гаонических школах.

Гершом бен Иегуда (родился в 960 году, умер в 1028 году) родился во Франции и по неизвестной причине эмигрировал в Майнс. Как уже упоминалось, он был учеником Леона. В Майнце Гершом основал школу, которая вскоре привлекла множество учеников из Германии и Италии. Уважение к Гершому было настолько велико, что его называли "Светом изгнания". Он излагал Талмуд своим ученикам с ясностью, недостижимой ни для одного из его предшественников, и его комментарии к Талмуду также отличаются ясностью и прямоотой.

Гершом был первым комментатором обширного Талмуда, и тот, кто знает сложность такой работы, поймет, сколько энергии, преданности и терпения потребовалось для ее выполнения. Он сразу же был признан авторитетом немецкой, французской и итальянской общинами. Ему задавали вопросы, и он, сам того не желая, стал соперником последнего Гаон Хая, хотя и смотрел на него с почтением ученика. Благодаря своеобразному стечению обстоятельств те, кто больше всего уважал Гаоната, способствовали его распаду. Комментарии Гершомы к Талмуду, написанные на иврите, привели к тому, что можно было обойтись без гаонической школы, и таким образом отделили от нее немецкие общины и общины северной Франции. Любой, кто захотел бы сделать это, мог бы получить глубокие знания Талмуда, не обращаясь предварительно за помощью в Вавилонию. Гершом также занялся Массорой и выделил место для ее изучения, которым до тех пор занимались только в магометанских странах, в Германии и во Франции.

Гершом стал еще более известен благодаря своим указам, чем благодаря своим комментариям. Они оказали очень благотворное влияние на немецкий и французский иудаизм. Среди прочего, он запретил многоженство, практиковавшееся даже среди европейских евреев, допуская его только в крайних случаях. Далее он постановил, что для развода необходимо согласие жены, в то время как, согласно Талмуду, муж мог выдать ей документ о разводе против ее желания. Он также установил важное правило относительно перевозки писем, а именно, что предъявитель не должен читать письмо, даже если оно не запечатано. В те времена общение с друзьями осуществлялось с помощью путешественников, которые случайно направлялись в нужном направлении. Следовательно, это правило имело первостепенное значение. Те, кто нарушал этот указ, должны были подвергаться запрету отлучения от церкви. Хотя эти и другие учреждения были лишены синодальных формальностей, и их автор никоим образом не был облечен официальными полномочиями, тем не менее, уважение, испытываемое к Гершому, было настолько велико, что они были восприняты немецкой и французской общинами как постановления синода, и им неукоснительно подчинялись.

Одновременно с этим авторитетом немецко-французских общин в Майнце жил человек, заслуги которого до недавнего времени оставались неоцененными. Этим человеком был Симон бен Исаак бен Абун, французского происхождения, из Ле-Мана. Он изучал Талмуд и написал по нему оригинальную работу (Ессад). Кроме того, он был разносторонним и плодовитым еврейским поэтом (Poetan) и написал ряд литургических сочинений в стиле Калири, таких же тяжелых и нелюбезных, как у него, в которых он представлял агадическую литературу, часто в загадочной форме. Симон бен Исаак был богат и, таким образом, смог предотвратить надвигающуюся бурю, которая угрожала разразиться над евреями Германии.

В одиннадцатом веке произошли первые преследования евреев в Германии. Вполне возможно, что обращение церковника в иудаизм, о котором хронисты упоминали в своих летописях как о несчастливом событии, вызвало гнев духовенства против евреев. Новообращенный, которого звали Вецелинус, был капелланом герцога Конрада, родственника императора. После своего обращения в иудаизм (1005) Вецелин написал пасквиль на свою прежнюю религию, свидетельствующий о его собственной великой ненависти к христианству и грубости вкуса того времени. Император Генрих, однако, был так разгневан обращением капеллана, что поручил одному из своих священнослужителей написать ответ. Он так и сделал, и это было сказано столь же грубым и недостойным языком. Несколько лет спустя (1012) император издал указ об изгнании евреев из Майнца в наказание за их отказ креститься. Этот указ, вероятно, был

распространен не только на Майнц, но и на другие общины. Поэт Симон бен Исаак сочинял панихиды, оплакивая изгнание, как будто это было ужасное преследование, призванное искоренить иудаизм из сердец его последователей.

Гершом тоже, хотя ни в коем случае не был поэтом, выразил свою скорбь по поводу жестоких преследований Генриха II в покаянных гимнах. "Ты заставил тех, кто презирает Твой Закон, - говорит он, - властвовать над Твоим народом; они преклоняются перед бессмысленными изображениями и хотели бы заставить нас тоже поклоняться им. Они призывают Твое наследие заменить Тебя Богом, созданным ими самими. Они полны решимости больше не называть Тебя Богом и ниспровергать Твое слово. Если я говорю: "Я далек от того, чтобы оставить Бога моих отцов", - они скрежещут зубами, протягивают руку для грабежа и открывают рот в насмешке. Твой народ изгнан из своих домов, они с тоской поднимают к Тебе глаза". Во время этого преследования многие евреи стали христианами, либо чтобы спасти свои жизни, либо свое имущество. Среди них был сын Гершома. Когда последний умер христианином, его несчастный отец соблюдал траурные церемонии по нему, как по человеку, умершему евреем.

Симону бен Исааку благодаря своему рвению и, вероятно, подкупу чиновников крупными суммами денег удалось приостановить преследование и даже получить разрешение евреям снова поселиться в Майнце. Те евреи, которые были вынуждены принять крещение, теперь с радостью вернулись к своей религии, и Гирсом защитил их от презрения их братьев из-за их временного отступничества, пригрозив отлучить от церкви любого, кто их упрекнет.

Благодарная община стремилась увековечить память Симона. Это было сделано путем упоминания его имени в синагоге каждую субботу и добавления, "что он приложил все усилия ради своих братьев и что благодаря ему прекратились преследования". Имя Гирсома также было увековечено, потому что "он просвещал тех, кто находился в изгнании, своими указами".

Школа, основанная Гершомом в Майнце, процветала более восьмидесяти лет и стала центром талмудической деятельности в Германии, Франции и Италии. В то же время, примерно в конце четвертого века Хиджры, когда караимы ожидали пришествия Мессии, на Востоке и в Египте вспыхнули гонения на евреев, которые длились дольше, чем в Германии. Немецких евреев преследовали за то, что они не верили во Христа и святых; восточных евреев теперь угнетали, потому что они не хотели верить в Магомета и непорочного имама, в небесного наставника (Махди).

Это преследование было инициировано безумным египетским халифом Хакимом, магометанином Гаем Калигулой, который верил, что он был воплощением божественной силы и наместником Бога на земле. Хаким преследовал всех, кто осмеливался сомневаться в его божественности, — магометан, евреев и христиан без различия. Сначала он постановил, что если евреи его владений не обратятся в шиитский ислам, они должны будут носить на шее изображение тельца в память о золотом тельце своих предков в пустыне. Кроме того, они должны были отличаться от верующих своим внешним видом, как предписано Омаром. Те, кто нарушал закон, должны были быть наказаны изгнанием и потерей всего своего имущества (1008). Аналогичное постановление было принято против христиан. Когда Хаким услышал, что евреи уклонились от его указа, надев золотое изображение тельца, он добавил еще одно условие, а именно, что они должны носить дополнительно деревянный брусок весом в шесть фунтов и прикреплять к своей одежде маленькие колокольчики, чтобы на расстоянии их можно было узнать как неверующих (1010). Впоследствии он приказал разрушить церкви и синагоги и

изгнал как евреев, так и христиан из своего королевства (1014). Владения Фатимидов в то время были очень обширными. Они охватили Египет, северную Африку, Палестину и Сирию, а поскольку у Хакима были приверженцы и в Багдадском халифате, для евреев было открыто лишь несколько мест убежища. Поэтому многие внешне соответствовали исламу, ожидая наступления лучших времен. Преследование продолжалось до тех пор, пока сами магометане не устали от слабоумного халифа и не убили его (1020).

Северная Африка, также пережившая краткий расцвет при Исааке Израэле, Дунаше бен Тамиме и иностранце Р. Хушиэле, произвела на свет последних великих людей во второй половине одиннадцатого века, а затем канула в лету. Двумя его великими авторитетами были Чананель, сын Хушиэля, иммигрант, и Ниссим бар Якоб Ибн-Шахин (1015-1055). Они жили в одном месте, и обычно их называют вместе, но, похоже, они не были в дружеских отношениях друг с другом. Напротив, между ними, по-видимому, существовало такое же соперничество, как между Чанохом и Ибн-Абитуром, Ниссим, как и последний, был коренным жителем, а Чананель, как и первый, сыном иностранки. Мы даже не уверены, кто из них двоих был официальным раввином Кайруана; однако оба они руководили школой. Кроме того, у Шананеля был крупный бизнес, в то время как Ниссим был настолько беден, что его должен был содержать еврейский священник в Гранаде. Однако они продемонстрировали поразительное сходство в своих идеях; они занимались одними и теми же исследованиями и писали работы на одни и те же темы, но Шананель использовал иврит, а Ниссим - арабский.

Трудами этих двух людей был добавлен новый элемент в изучение Талмуда, который установил его на более прочной основе, чем та, на которую смогли поставить его геонимы. Иерусалимский талмуд, хотя и более древний, чем вавилонский, значительно пострадал от участи, которой подвергаются как книги, так и люди. В то время как Вавилонский талмуд был известен и изучался на Востоке до границ Хорасана и Индии, а на Западе до конца древнего мира, его спутник долгое время оставался неизвестным за пределами своей родины. У первого были комментаторы, которые подробно объясняли и разъясняли его; вторым долгое время пренебрегали. Вследствие связи северной Африки с Палестиной, возникшей в результате ее завоевания фатимидскими халифами, еврейские учителя двух стран вступили в контакт друг с другом, и Талмуд Святой Земли (как его называли) стал известен в Кайруане. Два великих талмудиста, Шананель и Ниссим, были первыми в талмудических кругах, кто занялся этим. В своих талмудических трудах, которые частично состояли из комментариев, объяснений отдельных слов и предмета обсуждения, а частично из практических решений, они придавали большое значение Иерусалимскому талмуду. Оба написали комментарии к Пятикнижию, в которых они следовали пути, указанному Саадией для рационального изложения сложных отрывков Пятикнижия.

Они оба находились в постоянном общении с Вавилонией, с одной стороны, и с Испанией - с другой, и образовывали, так сказать, связующее звено между двумя землями. Они дожили до полного исчезновения гаонате, но после их смерти школа Кайруан пришла в полное запустение. Один из его учеников, впоследствии прославившийся как раввинский авторитет, был обязан своей известностью исключительно эмиграции в Испанию.

В то время институты и традиции вавилонско-персидского иудаизма также демонстрировали явные признаки упадка. Правда, у них были два человека с экстраординарными способностями,

а именно. Хай и Самуэль бен Чофни, но они были не в состоянии остановить его распад и могли лишь пролить тусклый свет на умирающего Гаоната.

Хай (или Хайя, родился в 969 году, умер в 1038 году), который на восемнадцатом году жизни был возведен на высший пост после Гаона, в возрасте тридцати лет сменил своего отца Шериру в Гаонате Пумбедиты. При его установке ему была оказана высокая честь в том, что его имя было упомянуто при публичном чтении отрывка из Пророков, и его сравнили с царем Соломоном. Иностранные общины, так же как и вавилоняне, оказывали ему высочайшее уважение. У него был благородный характер, и он был человеком независимого мышления. Он был сведущ во всех отраслях науки, как их тогда преподавали, и проявлял большую литературную активность. Хаинапоминает Саадию, которого он взял за образец и которого защищал от нападков, но по сути он был талмудистом, тогда как Саадия был религиозным философом. Как и он, Хай был глубоким знатоком арабского языка и использовал этот язык во многих своих письмах и в многочисленных научных трактатах. Подобно фаюмскому гаону, он был свободен от той узколобой исключительности, которая позволяет людям видеть истину только в их собственной религии и заставляет их смотреть на все внешнее как на ложь. Он был в дружеских отношениях с главой восточных христиан Багдада, и однажды, когда в своих лекциях по экзегетике он случайно наткнулся на трудный отрывок, он, не колеблясь, посоветовался с патриархом (Марией I).

В своем объяснении редких и архаичных слов в Библии Хаи смело обратился за помощью к Корану и старым традициям магометан, чтобы подтвердить их значение. Он был непредубежденным мудрецом, который любил свет и избегал тьмы. Он часто спорил с магометанскими богословами о связи между иудаизмом и исламом, и, как говорят, часто заставлял их замолчать своим красноречием. Однако его основным предметом изучения был Талмуд. В этом он походил на своего отца Шериру, но его изучение дало лучшие результаты. Он написал краткий комментарий, в котором объяснил слова в самых сложных местах Мишны и Талмуда.

Хай с систематической точностью трактовал гражданское право Талмуда, контракты, займы, границы и клятвы. Он сделал это так, как не делал никто до него, и поэтому стал образцом и авторитетом для последующих поколений. Он не вступал в область метафизики, но, хотя он не был философом, у него были здравые взгляды на мистицизм. Окруженная ореолом религии, мистическая вера часто кажется разумной людям со слабыми мыслительными способностями, но я осознал ее обманчивый характер.

Вера в чудеса в каждой стране, во все времена и во всех вероучениях затуманивала интеллект бездумных людей и лишала их способности формировать рациональный взгляд на божественную мудрость и на жизнь. Эта вера многими способами поощрялась евреями и овладела ими так же прочно, как и христианским и магометанским миром. Особенно она была распространена в Палестине и Италии. Его приверженцы верили, что любой по-настоящему набожный человек может по своему желанию творить чудеса, столь же великие и удивительные, как чудеса древних пророков. Они думали, однако, что для этой цели необходимо произносить определенные магические формулы, состоящие из различных комбинаций букв во имя Бога. Истинная религиозная проницательность Хая побудила его с негодованием выступить против этой веры, которую, несмотря на то, что его отец не был свободен от нее, он считал осквернением религии. Ученик Якоба бен Ниссима из Кайруана

однажды спросил Хая, что он думает о магической силе имен Бога, которыми, как многие хвастались, они могли пользоваться. Хай ответил кратко и разумно: "Если кто-либо простым использованием формул мог творить чудеса и тем самым изменять ход природы, то в чем же отличие пророков?" Бог дал пророкам силу временно изменять законы природы, чтобы они могли проявить себя Его истинными посланниками. Теперь, если бы благочестивые люди могли делать то же самое, и если бы их было много, чудеса стали бы повседневным явлением, а движение солнца с запада на восток казалось бы не более необычным, чем его обычное движение в противоположном направлении, — короче говоря, чудеса перестали бы быть чудесами. "Неправильно, - сказал Гай, - использовать имя Бога в таких целях", и он предостерег людей от этой практики, в которой много сомнений и мало истины; и человек, должно быть, действительно глуп, если верит всему.

Хай был общепризнанным авторитетом, и благодаря его влиянию школа Пумбедиты несколько восстановила свой престиж. Великие ученые Ниссим и Чананель из Кайруана, община Феса, визирь Самуэль Нагид, Гершом из Майнца, авторитет немецких евреев, и другие авторитеты общин трех частей света задавали ему вопросы и читали его как главного представителя иудаизма. Его называли "отцом Израиля". Экзилархат практически исчез после смерти внука Давида бен Заккая, а Хай стоял во главе иудаизма. Невозможно было найти более подходящего человека, чтобы представить его. В отличие от бывшего геонима Пумбедиты, который все косо смотрели на сестринскую академию, в отличие от своего отца, который испытывал острую радость, когда Сора оставался без руководителя, Хай сделал все возможное, чтобы дать ему лидера в лице Самуэля бен Чофни, который занимал его должность во время Гаоната Хая. Сэмюэль был его тестем и равнялся ему по учености и характеру. Он написал несколько систематических работ по ритуалу и комментариев к Пятикнижию, в котором изложил те же философские взгляды на единство Бога, что и последователи мутазилистской школы. Его комментариев к Пятикнижию, действительно, не очень хвалили. Он был, как и караимские комментарии, размытым и содержал обсуждения несущественных вопросов. Но хотя его экзегетические работы не отмечают заметного прогресса, все же они показывают важный факт, что геоним следовал научным принципам, изложенным Саадией. Все толкования Библии Самуэлем бен Хофни рационалистичны. Он всегда старается объяснить чудесные события, описанные в Библии, так, как если бы они были естественными. Он объяснил историю о ведьме из Эндора и о Валааме как сны. Как и Саадия, он атаковал караизм, поводом послужила острая полемика, разгоревшаяся в то время между караимами и рабанитами. Самуэль бен Хофни умер на четыре года раньше своего зятя Хая (1034) и, таким образом, положил конец роду геонимов Соры.

Эта школа, по-видимому, не предпринимала никаких усилий для продолжения работы после его смерти. Времена были во всех отношениях неблагоприятными для Гаоната, и ему было невозможно восстановить свою первоначальную силу. Когда Хай умер в 1038 году, оплакиваемый всеми евреями и восхваляемый величайшим поэтом того времени Ибн-Гебиролем и его почитателем Чананелем, в Африке, также пришло время для роспуска школы Пумбедиты. Это правда, что коллегия немедленно выбрала преемника, который действовал одновременно как гаон и как экзиларх, по-видимому, только для того, чтобы эти две должности были похоронены вместе в одной могиле с его персоной.

Чиския, правнук сварливого экзиларха Давида бен Заккая, был назначен главой школы. Но слава, которую, как предполагалось, он прольет на школу, не могла стать заметной. У Чискии

было много непримиримых врагов, которые завидовали его возвышению. Они оклеветали его при дворе, по какой причине или под каким предлогом неизвестно. Политическая власть Восточного халифата в то время находилась в руках Джелала Аддаулы. Он вырвал у призрачного халифа титул "Царя царей" и взимал дань как с евреев, так и с христиан. Великий султан, возможно, воспользовался справедливой или несправедливой жалобой на Чискию для своей собственной выгоды. Последний гаон был заключен в тюрьму, вероятно, подвергнут пыткам, чтобы узнать о своих сокровищах, у него отняли все его имущество, а затем казнили (1040). Так Гаонату пришел конец из-за угнетения слабого халифата. Вавилония сыграла свою роль в еврейской истории, и на долгое время она канула в полное забвение. Двум сыновьям Чискии также грозил арест, но они сбежали и после долгих странствий поселились в Испании, где пользовались уважением как последние представители Дома Давида и под именем Ибн-Дауди посвятили себя служению музам.

Таким образом, еврейская Испания стала наследницей Иудеи, Вавилонии и северной Африки и значительно увеличила свое наследие для последующих поколений. Там нашли убежище изгнанные сыновья иудейско-хазарских князей и экзилархов. Во главе общины Андалусии стоял Самуэль Ибн-Нагрела (или Нагдела), человек, отличавшийся мудростью, добродетелью и положением, первый в череде еврейских учителей, идущих после геонимов. Он объединил в своем лице все добродетели трех людей, прославивших еврейскую Испанию. Он был как Хасдай, щедрый вождь и покровитель образования, как Моисей бен Чанох, прилежный талмудист, и как Дунаш бен Лабрат, поэт и грамматик.

Жизнь Самуила (Измаила) Халеви Ибн-Нагрела была замечательной. Он родился в Кордове (в 993 году), куда его отец эмигрировал из Мерида, и изучал Талмуд в школе Чаноха. Иегуда Чаюдж, отец еврейской филологии, обучил его тонкостям языка иврит, и столица Андалусии, которая в то время была центром культуры, предоставила ему достаточную возможность овладеть арабским языком. Когда ему было 20 лет, из-за гражданской войны он и многие другие были вынуждены покинуть Кордову. Вождь берберийцев Сулейман, разгромив в битве арабов и славянскую гвардию халифов, с африканской яростью разрушил прекрасные здания столицы, позволил насиловать женщин и довел самые богатые семьи до нищеты (апрель 1013 г.).

Знатные еврейские семьи эмигрировали в Гранаду, Толедо и даже в Сарагосу, спасаясь от этого преследования. Самуэль Ибн-Нагрела поселился в порту Малаги.

У него был небольшой бизнес, и в то же время он изучал талмуд и лингвистику. Помимо иврита, арабского и халдейского, он понимал четыре языка, включая латынь, кастильский и берберский. В отличие от большинства других евреев, писавших по-арабски еврейскими иероглифами, Ибн-Нагрела был мастером арабской каллиграфии, искусства, высоко почитаемого среди арабов. Своему знанию языков и каллиграфии он был обязан тому высокому положению, которое занимал и которого не достигал ни один еврей со времен разрушения еврейского государства.

Гражданские войны и амбиции эмиров раскололи империю Оммиадских халифов на небольшие княжества. Андалусия после падения последнего Оммиадеса была разделена, как Германия и Италия прошлого. Арабские историки называют правителей этого периода "Королями анархии". Одна раса берберов, синхаи, основала собственное королевство на юге Испании под предводительством Максена (1020). Гранада, в основном населенная евреями, стала столицей этого королевства, и Малага также была его частью. В Малаге у Абулькасима Ибн-Аларифа,

визиря Хабуса, второго короля Гранады, был дворец рядом с маленькой лавкой Самуила. Это принесло удачу бедному ученому, подняло его над нуждой и в конечном счете возвысило до высоты, достойной его величия.

Рабыня визиря, которая часто передавала информацию своему хозяину, регулярно получала письма, написанные бедной еврейкой. В этих письмах проявилось такое лингвистическое и каллиграфическое мастерство, что визирю Ибн-Аларифу захотелось познакомиться с автором. Он вызвал Ибн-Нагрелу к себе и взял его к себе на службу в качестве личного секретаря (1025). Визирь вскоре обнаружил, что Самуил обладает большой политической проницательностью, и советовался с ним по всем важным государственным делам, а поскольку его советы всегда были разумными, визирь в конце концов ничего не предпринимал без одобрения Самуила.

Когда Ибн-Алариф заболел, король Хабус был в отчаянии, не зная, что делать со своими сложными отношениями с соседними государствами. Умирающий визирь направил его к своему секретарю-еврею, признался, что его успешные начинания были в основном обусловлены мудрыми советами Самуила, и посоветовал Хабусу нанять его в качестве советника. Берберский король Гранады, у которого было меньше предубеждений против евреев, чем у арабских мусульман, возвел Самуэля Ибн-Нагрелу в достоинство министра (катиба) и назначил его ответственным за дипломатические и военные дела (1027). Так, лавочник из Малаги жил во дворце короля и имел право голоса во всех делах, касающихся Пиренейского полуострова. Ибомагометанин, который выбирал визиря, правил, но не управлял. Это было делом главного министра, который отвечал перед королем своей жизнью. У Хабуса не было причин сожалеть о своем выборе. Его королевство процветало под властью мудрого и деятельного еврейского визиря. Самуил знал, как занять царя и как доставить ему удовольствие. Он сочинил хвалебную поэму Хабусу на семи разных языках. Дипломатичный, мудрый и всегда владевший собой Ибн-Нагрела знал, как использовать обстоятельства, и владел искусством обезоруживать своих противников. Он мастерски нарисовал портрет достойного правителя, который, похоже, был его собственным руководством: "Тот, чьи советы чисты, как солнечный свет, кто свободен от низменных желаний, чьи глаза не закрываются во сне, чьи мысли тверды, как башни, кого достоинство окружает, как сверкающие доспехи, кто знает, как подчинить волю других, и держится в стороне от того, что навлекает позор, достоин править". Его мудрость и благочестие уберегли его от гордыни, свойственной тем, кто поднялся из низов, что делало их ненавистными. Мягкость, с которой он противостоял своим врагам, показана в одном анекдоте. Недалеко от дворца Хабус жил мусульманин, продавец пряностей, который, как только увидел еврейского министра в обществе царя, осыпал его проклятиями и упреками. Хабус, возмущенный таким поведением, приказал Самуилу наказать этого фанатика, отрезав ему язык. Еврейский визирь, однако, знал, как заставить замолчать того, кто проклинал. Он дал ему денег и превратил проклятия в благословения. Когда Хабус снова заметил продавца специй, он был поражен переменной и спросил Самуила об этом. Он ответил: "Я вырвал его злой язык и дал ему взамен добрый". Однако продавец специй был не единственным его врагом; было несколько других, и очень опасных. Фанатичные магометане видели в возвышении неверующего до столь высокого положения насмешку над своей религией. Их неудовольствие вызвало то, что многочисленные евреи королевства Гранада высоко подняли головы, как бы наравне с мусульманами. Два государственных чиновника, Ибн-Аббас и Ибн-Аби Муса, составили заговор с целью его смещения. Но их заговоры провалились, и они были приговорены к смерти. Удача всегда улыбалась этому еврейскому визирю, хотя одно время он был в опасности потерять свое положение и свою жизнь. Когда в 1037 году умер король Хабус, в

Гранаде возникли две партии, объединившиеся вокруг двух принцев. Большинство берберийских вельмож и некоторые влиятельные евреи, Джозеф Ибн-Мигаш, Исаак бен Леон и Нехемия Ашкафа, встали на сторону младшего сына Балкина (или Бологгина); меньшая группа (среди них Самуил) желала, чтобы преемником стал старший сын по имени Бадис. Влиятельная партия была готова провозгласить Балкина королем, когда он отрекся от престола в пользу своего брата. Бадис стал королем (октябрь 1037 г.), и Самуил не только сохранил свое прежнее положение, но и стал фактическим королем Гранады, поскольку любящий удовольствия Бадис уделял мало внимания государственным делам. Позже Балкин раскаялся в своем великодушии по отношению к брату и чинил препятствия на пути его правления. Поэтому Бадис наметнул врачу Балкина воздержаться от приема лекарств во время болезни, и это привело к его смерти. После его смерти правительство Бадиса и положение Ибн-Нагрелы остались нетронутыми. Сторонники Балкина были вынуждены покинуть Гранаду, и среди них трое евреев, упомянутых выше. Они эмигрировали в Севилью и были там дружелюбно приняты королем этой страны Магометом Аль-Джафаром, который был противником короля Гранады. Один из беглецов, Джозеф Ибн-Мигаш, был возведен королем Севильи на высокое положение и стал предком выдающейся личности. Интересно увидеть в трудах современного историка форму, использованную еврейским министром в королевских указах, адресованных магометанскому народу. Самуил, или, как его звали, Исмаэль Ибн-Нагрела, не гнушался использовать формулы мусульманских правителей. Он начинался словами "Чамду-ль-Иллахи" ("хвала Аллаху") и добавлял при упоминании имени Магомета фразу: "Пусть Аллах помолится за него и благословит его". Он призывал тех, кому были адресованы циркуляры, жить в соответствии с принципами ислама; и в целом его постановления были выдержаны в магометанском стиле.

Без сомнения, и Хабус, и Бадис позволяли еврейскому визирю осуществлять власть над еврейскими общинами Гранады, подобную той, которой обладали Хасдай и Ибн-Джау в Кордове. Самуил был назван вождем и принцем (Нагидом) евреев, и этот титул используется еврейскими авторами. Государственный министр также был раввином; он руководил школой, где читал лекции по Талмуду своим ученикам. Он выносил судебные решения по религиозным вопросам и фактически полностью выполнял функции раввина того времени. Та же ручка, которой писались правительственные указы, использовалась для написания трактатов и бесед по Талмуду. Самуэль Нагид составил методологию Талмуда (Мебо ха-Талмуд), в которой он четко объяснил технические выражения Талмуда. В качестве введения он добавил список носителей традиции, начиная с членов Великого Собрания и заканчивая последовательными руководителями танаитских, амораитских, сабураитских и гаонических школ вплоть до Моисея и Ханоха, своих учителей. Впоследствии он составил комментарий ко всему Талмуду, посвященный религиозным практикам, который впоследствии был высоко оценен и признан общепринятым авторитетом (Hilchetha Gabriatha). Самуэль Ибн-Нагрела также был неоеврейским поэтом и умело использовал как рифму, так и размер. Он сочинил молитвы в форме псалмов, полных религиозной глубины и покорности, и назвал сборник "Молодая псалтирь" (Бен Техиллим). Он писал вдумчивые афоризмы и притчи, ставшие плодом его глубокого наблюдения за людьми и манерами, и назвал это сочинение "Младшей книгой притчей" (Бен Мишле). Последним он составил философскую книгу по образцу книги Проповедника (Бен Кохелет). Последнее, написанное, когда он достиг преклонного возраста, было самым успешным из его произведений и полно глубокой мысли и красноречия. Он также сочинял эпиграммы и хвалебные песни, но его поэтические произведения, как светские, так и

духовные, тяжелы и скучны, полны мысли, но лишены красоты формы. Вошло в поговорку выражение "Холодный, как снега Хермона или как песни левита Самуила".

Нет ничего удивительного в том, что человек такой чистой честности и глубокого понимания мудрости и религии распространяет вокруг себя благословения, продвигает науку и поэзию и поддерживает обучение с царственной щедростью. Самуил общался с самыми выдающимися людьми своего времени в Ираке, Сирии, Египте и Африке, особенно с последним из великих геонимов, Хаем и с Ниссимом. Он раздавал богатые подарки ученым, у него были сделаны копии книг для раздачи бедным студентам, пробуждая дремлющие таланты и становясь защитником своих соотечественников, далеких и близких. Величайшего поэта того времени, Ибн-Гебириля, он утешал в его беде. Писатель следующего поколения точно описывает его словами: "Во времена Самуила царство науки поднялось из своего низменного состояния, и звезда знания однажды засияла ярче; Бог дал ему великий разум, который достигал сфер и касался небес, чтобы он мог любить знание и тех, кто стремился к нему, и чтобы он мог прославлять религию и ее последователей".

Положение евреев в стране, в которой один из них держал бразды правления, естественно, было высоким. Ни в одной стране мира они не пользовались таким полным равенством, как в городе Гранаде. Это было как луч солнца после мрачных дней. Фактически, они пользовались большим расположением правящей расы, берберов, чем арабское население, которое с молчаливым гневом несло иго сингаджей и чьи взгляды всегда были устремлены на соседний город Севилью, корону в котором носил король чисто арабской расы.

Государственный министр и раввин Ибн-Нагрела также занимался исследованиями структуры священного языка, но это было его слабым местом. Он не выходил за рамки правил, установленных Чауджем. Он был настолько равнодушен к этому мастеру, что не мог оценить новые усилия. Самуэль написал двадцать два тезиса по грамматике иврита. Однако только одна из них, Сефер-ха Ошер, "Книга богатств", достойна упоминания. Остальные были всего лишь полемическими трактатами, направленными против великого еврейского лингвиста Ибн Джанаха, к которому Самуил относился недружелюбно. Ибн Джанах, величайший гебраист своего времени — не меньшее украшение испанского иудаизма, чем визирь Ибн-Нагрела, — заслуживает особой страницы в еврейской истории, особенно потому, что долгое время он был неизвестен, а затем неправильно понят. Иона Маринус (по-арабски Абульвалид Мерван Ибн-Джанах, родился около 995 года, умер в 1050 году) получил образование в Кордове, где после смерти Хасдая все сердца наполнились энтузиазмом к знаниям и преданной любовью к священному языку. Исаак Ибн-Гикатилия из школы Менахема преподавал ему грамматику иврита, а Исаак Ибн-Сахаль был его учителем просодии. Он изучал медицину в средней школе Кордовы, основанной халифом Альхакемом. В юности Ибн-Джанах, как и все в тот период, сочинял стихи, которые даже позже, когда у него развился вкус, не казались ему совсем уж плохими. Но он отказался от стихосложения, чтобы полностью посвятить себя изучению еврейского языка во всех его разветвлениях. Он жил исключительно ради этого исследования и достиг в нем такого мастерства, что до сегодняшнего дня его никто не превзошел. Потомки многому научились у Ибн-Джанаха, но изучающие иврит могут узнать еще гораздо больше. Как и его противник Ибн-Нагрела, он также был вынужден покинуть Кордову после ее разрушения Сулейманом Берберийским (1013), когда поселился в Сарагосе. Евреи Сарагосы по большей части все еще пребывали в заблуждении, что раввинский иудаизм пострадает от научных исследований, и особенно от грамматических. Тем не менее Ибн-Джанах посвятил себя

изучению структуры еврейского языка и объяснению текста Библии. Он также занимался изучением медицины как теоретически, так и практически; но его главное внимание было направлено на тщательное толкование Библии, и изучение грамматики для него было не самоцелью, а просто средством для лучшего понимания Священного Писания. Ибн-Джанах в своих исследованиях пришел к выводам, не обнаруженным Чаюджем. Изменения, которые по этой причине ему неизбежно пришлось внести в грамматическую систему чаюджа, были сделаны скромно и с должным признанием ее достоинств. Он испытывал величайшее восхищение основателем еврейской филологии, но, как и Аристотель, "его любовь к истине была больше, чем его любовь к Платону". Эта независимость учения Чаюджа вызвала гнев последователей последнего, главным среди которых был Самуэль Ибн-Нагрела, и возникшие споры закончились ожесточением. Таким образом, два главных представителя еврейской культуры того периода, благородно мыслящий принц и мастер иврита, стали непримиримыми врагами.

Чувствуя приближение старости, которую вместе с Платоном он называет "матерью забвения", Ибн-Джанах посвятил себя своему величайшему труду, в котором он подвел итог своим исследованиям и хранил сокровища своей душевной жизни. Ибн-Джанах был не только создателем науки о синтаксисе иврита, но и развил ее почти до совершенства. Никто до него и лишь немногие после него вникали во все тонкости священного языка с такой разборчивостью, как Ибн-Джанах. Он первым обратил внимание на многоточия и неправильное расположение букв и стихов в Священном Писании, и у него хватило смелости объяснить, что различные темные и, по-видимому, необъяснимые выражения были вызваны изменением буквы или слога. Он объяснил более двухсот непонятных отрывков, предположив, что автор заменил неподходящее слово более подходящим. Вставляя правильное слово, Ибн-Джанах часто придает предполагаемое значение ряду стихов, которые до его времени интерпретировались по-детски. Он был первым рациональным библейским критиком. Хотя он был убежден в божественности Священного Писания, он, в отличие от других, не ценил этот язык настолько высоко, чтобы принимать явную бессмыслицу; но он предполагал, что, даже будучи богодухновенными, слова, обращенные к человечеству, должны интерпретироваться в соответствии с правилами человеческого языка. Ибн-Джанах, действительно, утверждал не то, что переписчики и пунктуаторы изменили или извратили священную литературу из-за недостатка понимания, но что, будучи людьми, они допустили ошибку. Он справедливо назвал свой главный труд (который вместе с пятью другими он написал на арабском языке) "Критика" (Ат—Танчик) и разделил его на две части - грамматику с толкованием ("Аль-Лума", Рикма) и лексикон ("Китаб аль-Ассваль").

Хотя у Ибн-Джанаха было много врагов среди тех, кто принижал его, и среди тех, кто осуждал его как еретика из-за его научной трактовки Библии, все же в своей работе он никогда не упоминает их в гневе, и, фактически, если бы он был единственным заинтересованным лицом, мир никогда бы не узнал о вражде Самуэля Ибн-Нагрелы к нему. Ибн-Джанах был знаком с философией. Он ссылается на Платона и Аристотеля в научной манере. Он также написал книгу по логике в духе аристотеля. Но он был против метафизических исследований отношения Бога к миру и первых принципов, спекуляций, которыми занимались его соотечественники, и особенно Ибн-Гебироль, потому что считал, что подобные вопросы не ведут к какому-либо определенному знанию и что они подрывают веру. Ибн-Джанах был ясным мыслителем и выступал против любых экстравагантных или эксцентричных тенденций. Он был полной противоположностью

третьему члену триумvirата того периода, своему горожанину Ибн-Гебиролю, с которым его отношения, по-видимому, были не самого приятного рода.

ГЛАВА IX. ИБН-ГЕБИРОЛЬ И ЕГО ЭПОХА.

Соломон Ибн-Гебироль—Его ранняя жизнь—Его стихи—Государственный деятель Екутиэль Ибн-Хасан дружит с ним—Убийство Екутиэля—Бачья Ибн-Пакуда и его моральная философия—Библейский критик Ицхаки бен Ясус—Джозеф бен Хасдай, поэт—Смерть Самуэля Ибн-Нагрелы—Характер его сына Джозефа и его трагическая судьба—Смерть Ибн-Гебироля—Французская и немецкая общины—Альфасси—Жизнь и труды Раши—Еврейские ученые в Испании—Король Альфонсо.

1027-1070 гг. н. э.

Идеальным персонажем, богато одаренным, поэтом и в то же время великим мыслителем был Соломон Ибн-Гебироль (Jebirol), по-арабски Абу Айюб Сулейман Ибн-Яхья (родился в 1021 году, умер в 1070 году). Его отец, Иуда, живший в Кордове, по-видимому, эмигрировал вместе с Ибн-Нагрелой во время беспорядков, обрушившихся на город, в Малагу. В этом месте родился и вырос еврей Платон, которым были согреты многие сердца и от которого многие умы получили свет. Похоже, что Ибн-Гебироль рано потерял своих родителей, и они оставили его без средств. Его нежная, поэтичная душа опечалилась в своем одиночестве; он удалился от внешнего мира и погрузился в самосозерцание. Поэзия и вера, покоящиеся на философской основе, словно два ангела, осеняли его своими крыльями и спасали от отчаяния. Но они не могли принести радости в его сердце; его мысли оставались серьезными, а в его песнях слышалась скорбная нота.

В возрасте, когда другие мужчины все еще предаются юношеским легкомыслиям, Ибн-Гебироль был законченным поэтом, затмевавшим всех своих предшественников. Его стихи показывают, что слова и рифмы, мысли и метафоры приходили к нему с готовностью и изобилием. Он усовершенствовал еврейский метр и смягчил его интонации. Поэтическую музу, которая не была олицетворена ни в библейской, ни в неоеврейской поэзии, он изобразил в виде голубки с золотыми крыльями и сладким голосом. В своем отчаянии и скорби молодой поэт нашел утешителя и защитника в человеке, которого увековечили его стихи. Екутиэль Ибн-Хасан или Альхассан, по-видимому, занимал высокое положение в Сарагосе при короле Яхье Ибн-Мондире, аналогичное тому, которое занимал Самуэль Ибн-Нагрела в Гранаде. Этот выдающийся человек по-доброму защищал безутешного поэта, поддерживал его и успокаивал своей дружбой. Ибн-Гебироль изливал хвалу своему покровителю, под защитой которого его сердце обрело более жизнерадостную философию жизни. В это время его муза воспевала дифирамбы его покровителям и друзьям, а его картины природы яркие, графичны и одухотворенны.

Но судьба недолго позволяла ему пользоваться этими привилегиями, и прежде чем он начал ощущать радость жизни, у него отняли его защитника. Абдаллах Ибн-Хакам составил заговор против короля, своего двоюродного брата, напал на него и убил в его дворце, а также завладел

сокровищами. Фавориты короля не были пощажены заговорщиками, и Екутиэль Ибн-Альхассан был заключен в тюрьму, а затем убит. Северная Испания была погружена в скорбь из-за трагического конца всеми любимого Екутиэля. Скорбь Ибн-Гебиrolя была безгранична, а его элегия о своем благодетеле трогательна и к тому же является образцом высокой поэзии. Стихотворение насчитывает более двухсот стихотворений и является памятником как усопшим, так и поэту. После этого случая Ибн-Гебиrolь снова впал в меланхолию, и отныне его поэзия отражает мрак, которым был окутан его разум. Но то, что свалило бы другого, побудило его к новым взлетам, и теперь он приблизился к вершине своего поэтического и литературного величия. Составление стихов давалось ему так легко, что на девятнадцатом году жизни (1040) он написал грамматику иврита со всеми ее сухими правилами в четырехстах стихах, более того, затрудняя себя акrostихическими приемами и повторением повсюду одной и той же рифмы (Анак). Во введении к этому стихотворению Ибн-Гебиrolь описывает священный язык как язык, избранный Богом, "на котором хоры ангелов ежедневно восхваляют своего Создателя, на котором Бог открыл Синайский закон, пророки пророчествовали и псалмопевцы пели". Он обвинял своих соотечественников, жителей Сарагосы, общины слепых, в их безразличии к чистому ивриту. "Некоторые говорят на идумейском (романском), а некоторые на языке кедар" (арабском). Его стихотворная грамматика иврита была призвана пробудить любовь к языку Библии и в то же время научить законам этого языка.

В Сарагосе Ибн-Гебиrolь написал труд по моральной философии (1045), который, не обладая глубиной его более поздних философских работ, примечателен особым духом, которым он пронизан, и близким знакомством с мастерами философии, продемонстрированным этим молодым человеком. Наряду с изречениями Священного Писания и этическими предложениями Талмуда Ибн-Гебиrolь поместил любимые изречения "божественного Сократа", его ученика Платона, Аристотеля, арабских философов и особенно еврейского философа Алкути (возможно, Чепеза Алкути). Удивительно, как столь молодой писатель мог так глубоко проникнуть в состояние человеческой души и в мирские дела. Труды Ибн-Гебиrolя содержали презрительную критику различных персонажей сарагосской общины, которых он, без сомнения, хотел оскорбить. Они, должно быть, острее почувствовали его упрек, поскольку он сказал: "Мне нет необходимости называть имена, поскольку они достаточно хорошо известны". Он описывает надменных, которые смотрят свысока на своих сограждан и всегда считают лучшим свой собственный совет, и тех, кто, преисполненный ненависти, носит на устах слова любви. На самом деле эта брошюра, по-видимому, была вызовом его противникам в Сарагосе. Ибн-Гебиrolь, вследствие его публикации, был изгнан из Сарагосы (в 1045 году) влиятельными людьми, которых он озлобил.

В свою очередь, он описывает город как вторую Гоморру в скорбном, душераздирающем плаче, прекрасном ритмичном крике отчаяния. Куда он отправился в следующий раз, неизвестно. Несчастный молодой поэт был настолько безутешен, что в негодовании решил совсем покинуть Испанию и отправиться в Египет, Палестину и Вавилонию. В стихотворении он воодушевляет свою душу в решимости стряхнуть пыль Испании. Он призывает к памяти пример патриархов и величайшего пророка, которые покинули свои родные земли и отправились в чужие края. Таким образом, он апострофирует Испанию:

"Горе тебе, земля моих врагов,
В тебе нет моей доли,

Будь то радость или горе, твой удел".

Однако он не осуществил своего решения эмигрировать, а скитался по Испании, сталкиваясь с реальными или мнимыми несчастьями. Он жаловался на непостоянство времени и на своих друзей и изливал свои жалобы в прекрасных стихах:

"Не вини меня за мои обильные слезы,
Но из-за них мое сердце было измучено,
Мои странствия лишили меня всех сил,
Теперь муха могла бы с легкостью поднять меня".

Гений-покровитель испанских евреев Самуэль Ибн-Нагрела, по-видимому, заинтересовался Ибн-Гебиролем и нашел для него убежище. За эту доброту Ибн-Гебироль превознес Нагрелу в мелодичных строках. Под могущественным покровительством еврейского священника он занялся философскими исследованиями, которые занимали в его сердце место рядом с поэзией. Если поэзия была его любимым занятием, философия была для него матерью. Таким образом, он поет:

"Как мне оставить мудрость?
Я заключил с ней завет.
Она моя мать, я ее самое дорогое дитя;
Она надела мне на шею свой драгоценный камень.
Должен ли я отбросить это великолепное украшение?
Пока жизнь принадлежит мне, мой дух будет стремиться
К ее небесным высотам.
Я не успокоюсь, пока не найду ее источник.

Как Ибн-Гебироль, будучи еще ребенком, создавал самые сложные художественные формы еврейской поэзии и обращался с ними с непринужденностью спортсмена; так и, будучи еще юношей, он создал систему, пытающуюся решить глубочайшие проблемы, касающиеся человеческого понимания. Какова высшая цель человека? Какова природа и происхождение души, и куда она направляется, когда покидает свое земное жилище? Как можно представить себе высшее Существо и как Оно, будучи Единым и совершенным, породило многообразные, испорченные и ущербные вещи видимого мира? На эти и многие другие вопросы Ибн-Гебироль пытался ответить, чтобы удовлетворить не верующее сердце, а критичный человеческий разум, показать ему его истинное место во вселенной, направить его внимание на невидимый духовный мир наверху и на мир материи внизу и побудить его искать связующее их звено. В изложении своей системы Ибн-Гебироль раскрывает чрезмерное богатство идей и глубину тонкой мысли, так что мыслитель должен сосредоточить все свое внимание, чтобы иметь возможность следовать своим рассуждениям. Однако для него эти чрезвычайно сложные мысли, охватывающие весь мир с самого его возникновения и весь спектр существ вплоть до безжизненного камня, были настолько понятны, что для всего он находил наиболее подходящее слово и наиболее подходящий образ. Действительно, часть этих мыслей он излил в стихотворении в форме молитвы (Кетер Малхут), которое по возвышенности, возвышенному тону и истине не имеет себе равных. Это правда, что ведущие идеи системы Ибн-Гебироль были

выражены более ранними философами, но он сформировал в единое органическое целое запутанную массу разрозненных мыслей. Он развил свою систему в работе под названием "Источник жизни" (Mekor Chayim, Fons Vitæ), написанной на арабском языке, с которым он обращался так же легко, как с ивритом. Христианский император разрушил храм философии в Афинах и изгнал его последних священников. С тех пор философия была объявлена вне закона в Европе; по крайней мере, там она была мало известна и была вынуждена найти пристанище в Азии. Еврейский мыслитель Ибн-Гебиrolь был первым, кто снова пересадил его в Европу, и он построил ему алтарь в Испании, где оно обрело постоянное пристанище.

Подобно поэтическому Платону, Ибн-Гебиrolь позаимствовал диалогическую форму сочинения у греческого философа. Его система развивается в ходе оживленной беседы между мастером и его учеником. Таким образом, он избежал обычной сухости метафизических исследований, которая делает их неинтересными. Он уделял так мало внимания иудаизму в своей системе, что, если читатель не знает, что он был искренним евреем, полностью преданным своей вере, он не сможет обнаружить это в его трудах. Таким образом, философия Ибн-Гебиrolя не пользовалась особой популярностью в еврейских кругах и оказывала очень небольшое влияние. Еврейские мыслители находили содержание его философии чуждым их собственному способу мышления, а форму демонстрации - слишком сложной, объяснения - слишком отрывочными, метод изложения - слишком несистемным, и все в целом их не удовлетворяло. Система Ибн-Гебиrolя привлекала все большее внимание арабов и христианских схоластов. Спустя столетие после своего появления его главный труд был переведен на латынь совместным трудом христианского священника и крещеного еврея. Несколько выдающихся писателей-схоластов разделяли взгляды Ибн-Гебиrolя, которого они называли Авицеброл или Авицеброн. Другие выступали против них, но все принимали их во внимание. В более поздние времена Каббала позаимствовала у него некоторые формулы.

Другой еврейский философ того времени, которое было так богато великими людьми, придерживался курса, отличного от курса Ибн-Гебиrolя. Он полностью стоял на еврейской почве, но также привнес в свою систему иностранные элементы. Бачья (Бечайя) бен Джозеф Ибн Пакуда (Bakuda) был образцом искреннего благочестия и альтруистической морали. Он основал совершенно оригинальную моральную теологию иудаизма. Бачья был одной из тех натур, чья энергия духа и мощная моральная сила, если им благоприятствуют обстоятельства того времени, приводят к преобразованиям. О подробностях жизни этого философа-моралиста абсолютно ничего не известно, даже о той части Испании, в которой он жил. Мы полностью отождествляем его с его работой "Руководство к обязанностям сердца", которую он написал на арабском языке. Суть его учения заключается в том, что ничто так не важно, как то, чтобы нашим поведением полностью руководили самые серьезные религиозные убеждения и богоподобная святость цели. Толкование Библии, грамматика, поэзия, спекулятивная философия - все те занятия, которыми занимались ученые того времени, являются, по мнению Бачьи, второстепенными отраслями, вряд ли заслуживающими серьезного внимания. Изучение Талмуда даже не имеет в его глазах особой ценности. Целью Бачьи Ибн-Пакуды была одухотворенность иудаизма. Обязанности, которых требует совесть, имеют для него бесконечно большее значение, чем ритуальные обязанности, предписанные юридическим кодексом. Подобно христианским учителям первого века, он различал в иудаизме чисто религиозные и моральные предписания и церемониальные законы, придавая первому большее значение, чем второму.

Полная капитуляция перед требованиями благочестивой, самоотверженной, святой жизни, которая является *высшим благом* Бачьи, не оставалась для него абстрактной теорией, но была воплощена во всем его существе, превратив добросовестность в чрезмерную щепетильность. Слишком тонкая одухотворенность религии привела Бачью к практике жесткого аскетизма, который казался ему высшей степенью мудрости, достижимой человеком. Иудаизм, по его мнению, прививает бережливость и воздержанность. Патриархи, от Еноха до Иакова, не получали законов, ограничивающих их удовольствия, поскольку в них не было необходимости, поскольку их души были способны преодолеть похоти плоти. Но их потомкам, еврейскому народу, было заповедано быть воздержанными, потому что они развратились из-за общения с египтянами и зародили стремление к роскоши, когда они приобрели богатство во время захвата земли Ханаан. По этой причине был установлен закон назорея. Чем более вырождалась еврейская нация, тем больше определенные люди, особенно пророки, чувствовали себя вынужденными отказаться от общения с обществом и от мирских дел, удалиться в уединение и вести созерцательный образ жизни. Этому примеру должны следовать люди. Действительно, невозможно, чтобы все люди отказались от мира и его деятельности, потому что это привело бы к полному опустошению, чего никогда не предполагал Бог. Должен, однако, существовать класс образцовых личностей, которые будут отказывать себе в общении с миром (Перушим) и которые будут служить образцом для человечества, чтобы показать, как страсти можно обуздать и контролировать. Бачья был близок к тому, чтобы превозносить монашество, к которому средневековье, как в магометанском, так и в христианском мире, заметно склонялось. Несмотря на то, что он хорошо разбирался в философии, он провел бы свои дни еврейским отшельником в уединении от мира и в созерцательной жизни, полной медитации, подобно своему младшему современнику, магометанскому философу Альхазали, или он подражал бы "Скорбящим по Сиону" среди караимов, если бы в раввинском иудаизме не отсутствовала основа для таких экстравагантных излишеств.

Первая раввинская эпоха была плодотворной для оригинальных умов, а также породила персонажа, курс которого имел тенденцию сильно поколебать незыблемые основы иудаизма. Абу Ибрахам Исаак Ибн-Кастар (или Сактар) бен Ясус, с литературным псевдонимом Ицхаки, был человеком, чьи глубокие познания в философии и медицине также славились среди арабов. Родившийся в Толедо (982, умер в 1057), он был назначен врачом муджахида, принца Дении, и его сына Али Икбала Аддаулы. Бен Ясус сочинил грамматику иврита под названием "Сочинения" и еще одну работу под названием "Сефер Ицхаки", в которой он проявил замечательную смелость в своих библейских объяснениях. В частности, он утверждал, что та часть Пятикнижия в Книге Бытия, в которой говорится о царях Эдома, не была написана Моисеем, а была вставлена несколькими столетиями позже, что является критическим утверждением, уникальным для Средневековья и не выдвигавшимся до самого недавнего времени.

Было бы неправильно обойти молчанием поэта, который по полету фантазии, глубине мысли и красоте выражения может претендовать на равенство с Соломоном Ибн-Гебиролем, но из стихотворений которого сохранилось только одно - "сиротская песня", как он сам ее назвал. Абу Амр Джозеф бен Хасдай, вероятно, родился в Кордове. Два его брата, которые были вынуждены покинуть дом из-за войн в Испании, жили под защитой государственного деятеля Самуэля Ибн-Нагрелы. Уважение и благодарность к их благородному покровителю побудили Джозефа бен Хасдая написать возвышенное, художественное и богатое воображением стихотворение, в котором он с восторженной теплотой восхвалял Самуила и его маленького сына Джозефа (около

1044-1046). Самуил, который никогда ничего не принимал, даже похвальных даров, не получив ничего взамен, написал в похвалу Джозефу бен Хасдаю похожее стихотворение в том же размере, но не обладающее такой поэтической красотой. Иосиф бен Хасдай оставил сына, который позже получил в Сарагосе должность, аналогичную должности Ибн-Нагрелы в Гранаде.

Самуил, гордость испанских евреев, который, как говорит его биограф, носил четыре короны: корону Закона, корону священства, корону славы и, в первую очередь, корону великодушия, был душой еврейской общины более четверти века и умер, глубоко оплакиваемый современниками (1055). Он был похоронен у ворот Эльвиры в Гранаде, и его сын воздвиг ему великолепный памятник. Еще более прекрасный памятник был воздвигнут ему Соломоном Ибн-Гебиролем в нескольких многозначительных строках:

"Твой дом теперь в моем сердце,
Откуда никогда не покинет твой прочный шатер.
Там я ищу тебя, там я нахожу тебя,
Ты близок мне, как моя душа".

Благородный сын Самуила, Абу Хусейн Джозеф Ибн-Нагрела (родился в 1031 году), был достойным преемником всех почестей и титулов своего отца. Король Бадис назначил его своим визирем, и еврейская община Гранады признала его, хотя ему было всего двадцать четыре года, своим раввином и главой (нагидом). Отец отдал его под опеку опытных наставников из разных стран, и в юности он проявил необычайную зрелость ума. Джозеф, который, как и его отец, был хорошо знаком с арабской литературой, при жизни своего отца стал секретарем предполагаемого наследника Балкина. Когда ему было восемнадцать лет, его отец выбрал ему жену, и он не искал ее среди богатых и знатных семей Андалусии. Она была ученой и добродетельной дочерью бедного Ниссима из Кайруана. Иосиф был наследником всеговеличия своего отца, и, хотя он был богат и необычайно красив, в расцвете своей юности он жил умеренно, что резко контрастировало с распутством магометанской знати. В качестве министра Джозеф работал на благо государства и правил так же независимо, как и его отец. Он поддерживал науку и ее приверженцев, и так велика была его щедрость и так велико благородство его души, что даже арабские поэты воспевали его. "Приветствуй его лик, - сказал о нем магометанин, - ибо в нем ты найдешь счастье и надежду. Ни один друг не нашел в нем ни малейшего изъяна." Когда сыновья последнего гаона, потомка принца Плена, бежали в Испанию, Иосиф Ибн-Нагрела гостеприимно принял их и помог найти новый дом в Гранаде. Молодой еврейский визирь, как и его отец, возглавлял колледж и читал лекции по Талмуду.

Только в двух вещах поведение Джозефа отличалось от поведения его отца: он слишком явно продвигал своих единоверцев на государственные посты и надменно обращался со своими подчиненными. Его ближайший родственник был назначен на должность по соседству с его собственной. Этими действиями Иосиф возбудил ненависть берберов, правящего населения Гранады, к себе и евреям. Они завидовали его поистине королевскому великолепию. У него был дворец, вымощенный мрамором. Определенные события во время его правления превратили ненависть в яростный гнев. Между наследником престола Балкиным и его бывшим секретарем Джозефом существовала взаимная антипатия. Балкин внезапно умер, предполагалось, что в результате отравления. После этого король Бадис приказал казнить некоторых слуг и жен

принца как виновных в его смерти. Остальные бежали, опасаясь аналогичного наказания (1064). Однако в народе считалось, что Джозеф ввел яд принцу. Инцидент, в ходе которого Джозеф сразу проявил себя как гуманный человек и как дипломат, преданный своему хозяину, по-видимому, лишил его расположения Бадиса. Между берберами, которые обладали суверенной властью в Гранаде и других местах Испании, и исконными арабами бушевала настолько жестокая расовая ненависть, что каждый город со смешанным населением был разделен на два лагеря. Однажды король Бадис узнал, что берберский правитель в Ронде был убит в результате заговора арабов, организованного королем Севильи, и по этой причине он преисполнился недоверия к арабам своей столицы. Он каждую минуту боялся, что он, как и его родственник, станет жертвой заговора. Вслед за этим он состряпал дьявольский заговор; он приказал своей армии истребить всех арабов в своей столице во время богослужения в пятницу. Этот план он сообщил своему еврейскому министру, без совета которого ничего не предпринимал, добавив, что его решение было настолько твердым, что никакие возражения не заставили бы его отказаться от своей цели, и что он ожидает, что Джозеф сохранит глубочайшее молчание о своем проекте. Джозеф, однако, рассматривал этот смертоносный план как зловещую политическую ошибку и не упустил ничего, что могло бы убедить кровожадного монарха отказаться от своего замысла. Он просил короля учесть, что заговор может провалиться, и арабы города и пригородов могут броситься к оружию в целях самообороны, и что, даже если все арабское население будет уничтожено без сопротивления, опасность не исчезнет, а скорее усилится; ибо соседние государства, которые, как и Севилья, были полностью арабскими, придут в смертельную ярость и начнут войну мести против убийц своих сородичей. "Я вижу их даже сейчас, - энергично сказал Джозеф. - даже сейчас я вижу, как они спешат к нам, пылая яростью, каждый размахивает своим мечом над твоей головой, о царь. Враги, бесчисленные, как морские волны, обрушиваются на тебя, и ты и твоя армия бессильны". Так говорил еврейский государственный деятель.

Бадис, тем не менее, настаивал на своем решении и отдавал приказы генералам своей армии. Один только Иосиф счел своим долгом воздержаться от участия в коварном замысле короля против своих арабских подданных и решил сорвать заговор даже с риском для собственной жизни. Через посредство определенных женщин, на которых он мог положиться, он отправил тайные инструкции главным арабам столицы, предупредив их, чтобы они не посещали мечеть в следующую пятницу, а держались скрытно. Они поняли намек и подчинились ему. В назначенную пятницу войска были выстроены в боевой готовности возле дворца. Шпионы Бадиса обнаружили в мечети только берберов и нескольких арабов низших классов. Таким образом, Бадис был вынужден отказаться от своего плана; но его гнев обратился против его министра, которого он подозревал в предательстве его доверия, и он горько упрекнул его за это. Джозеф отрицал обвинение в том, что предупредил арабов, и утверждал, что план был раскрыт в результате таинственных, ненужных военных приготовлений. Наконец, он заметил, что король должен благодарить Бога за то, что он защитил его от надвигающейся опасности. "Придет время, когда ты согласишься с моим взглядом на этот вопрос и с готовностью последуешь совету, который я тебе дам". Берберский шейх пришел на помощь визирю, и Бадис был умиротворен. Но в его сердце сохранилась неприязнь к своему министру-еврею, и он был полон подозрений по отношению к нему. Иосиф мог сохранить свое положение только с помощью шпионов, которые докладывали ему о каждом высказывании короля. Берберское население, однако, заметило, что еврейский визирь теперь больше не пользуется большим расположением их государя, и осмелилось участвовать в заговорах против него и следовать

диктату своей ненависти к нему и евреям. О нем постоянно распространялись порочащие слухи. Его враги одержали верх. Фанатичный магометанский поэт Абу Исхак аль-Эльвири в подстрекательском стихотворении подтолкнул ожесточенную вражду магометан Гранады к энергичным действиям против евреев. Отрывок в нем гласил следующее: "Скажи синхаджам, могущественным людям того времени и львам пустыни: "Ваш господь совершил позорное деяние, он оказал честь неверным. Он назначил министром (катибом) еврея, когда ему удалось найти такового среди верующих. Евреи тешат себя глупыми надеждами, возомнили себя господами и относятся к мусульманам с высокомерием. Когда я въехал в Гранаду, я увидел, что евреи обладают единоличной властью и разделили столицу и провинции между собой. Повсюду у власти один из этого проклятого племени". Это крамольное стихотворение вскоре оказалось на устах всех магометан; это было карканье ворона, оплакивающего смерть Иосифа.

Наконец, некий инцидент высвободил ярость его противников. Войска соседнего принца, Альмотасема Альмерийского, вторглись на территорию Гранады, и они заявили, что Иосиф был в союзе с их королем и что армия появилась, потому что он намеревался сдать страну Альмотассему. Истина в этом вопросе не может быть раскрыта сейчас. Как только заявления альмерийских солдат распространились повсюду, берберы, сопровождаемые толпой простого сброда, поспешили в тот же день, в субботу, во дворец Иосифа. Получив известие о восстании, он скрылся и вымазал лицо сажей, чтобы его не узнали. Его разъяренные враги, тем не менее, узнали его, убили и распяли у ворот Гранады. Молодой министр встретил свой печальный конец на тридцать пятом году своей жизни (9 Тебет, 30 декабря 1066 года). Ярость разъяренных убийц также была направлена на всех евреев Гранады, которые не спаслись бегством. В тот день было вырезано более тысячи пятисот еврейских семей, а их дома разрушены. Лишь немногие избежали резни, среди которых были жена Иосифа со своим маленьким сыном Азарией. Они бежали в Лусену, но им удалось спасти так мало из своего огромного богатства, что они были вынуждены рассчитывать на поддержку конгрегации Лусены. Ценная библиотека Джозефа была частично уничтожена, а частично продана. Велик был траур по еврейским мученикам Гранады и по благородному еврейскому принцу. Даже арабский поэт Ибн-Альфара, прославлявший Иосифа при его жизни, посвятил ему элегию, в которой встречаются такие слова: "Верность - моя религия, и это повелевает мне пролить слезу по еврею". Его сочувствие вызвало распространение клеветы на магометанского поэта при дворе короля Альмерии, которого предостерегли от протягивания ему руки дружбы. Принц, однако, ответил: "У этого поэта, должно быть, благородное сердце, раз он оплакивает еврея после его смерти. Я знаю мусульман, которые не обращают внимания на своих живых единоверцев".

Восстание против Иосифа Ибн-Нагрелы в Гранаде стало первым преследованием евреев на Пиренейском полуострове с момента его завоевания исламом. По-видимому, это продолжалось некоторое время, поскольку евреи по всему королевству Гранада были изгнаны и вынуждены продать свою земельную собственность. Однако это никак не повлияло на еврейских жителей других частей Испании. Принцы или короли каждого округа, которые обрели независимость после падения кордовского халифата, были настолько враждебны друг к другу, что люди, которых преследовал один принц, были защищены его врагом. Три выдающихся еврея, изгнанных из Гранады, были дружески приняты Альмутаидом, королем Севильи, и Джозеф Ибн-Мигаш I получил высокий пост. У короля Сарагосы Аль-муктадира Биллаха, покровителя науки и поэзии, также был визирь-еврей Абу Фадл, сын поэта Джозефа Ибн-Хасдаи, который соперничал с Ибн-Гебиролем за лавры поэзии. Этот Абу Фадл Хасдай (родился около 1040 года) также был поэтом, но, хотя и был знаком с ивритом, писал только арабскими стихами.

Следующее мнение о нем высказал один арабский критик: "Когда Абу Фадль писал стихи, можно было поверить в колдовство; он сочинял не стихи, а чудеса". Абу Фадль также отличился в других областях науки. Он разбирался в теории и практике музыки, но его любимым занятием, по-видимому, была спекулятивная философия. Замечательные качества его ума привлекли внимание короля Сарагосы, который сделал его своим визирем (1066).

Вскоре после этих событий Соломон Ибн-Гебиоль, благородный философ-поэт, закончил свои дни на земле. Его мрачный дух, кажется, стал еще более мрачным после трагических событий в Гранаде. Таким образом, его последние стихи были элегическими сетованиями на жестокую судьбу Израиля: "Почему раб правит сыновьями принцев? Мое изгнание длилось тысячу лет, и я подобен воющей птице пустыни. Где первосвященник, который укажет мне конец всего этого?" (1068). В последний год своей жизни Соломон Ибн-Гебиоль жаловался подобным образом: "Наши годы проходят в горе; мы ищем свет, но тьма и унижение настигают нас: рабы правят нами. Пока она не пала, Вавилон господствовал надо мной; затем Рим, Яван и Персия окружили меня и рассеяли повсюду; и эти 461 год (со времен Хиджры) Измаил грабит меня". Вероятно, это было последнее стихотворение Ибн-Гебиоля. Последние годы своей жизни, после долгих странствий, он провел в Валенсии и там умер, не дожив еще до пятидесяти лет (1069 или 1070). Легенда гласит, что арабский поэт убил его из зависти к его мастерскому пению и похоронил его тело под смоковницей. Дерево необычайно расцвело, к нему было привлечено внимание прохожих, и таким образом было раскрыто убийство благородного поэта.

В то время, когда Испания демонстрировала такое изобилие выдающихся людей, Франции и Германии не хватало великих творческих умов, и история евреев этих стран представляет несколько интересных особенностей. Они жили совершенно спокойно, были землевладельцами, выращивали виноград, занимались ремеслами и торговлей и должны были платить князю, на территории которого они проживали, только своего рода еврейский налог.

Французским и немецким евреям, несомненно, не хватало энергии и рыцарства, но их культура была не ниже культуры их соотечественников-христиан. Их главным занятием по обе стороны Рейна было изучение Талмуда, в которое их посвятил Гершом. "Они прогоняют сон, чтобы погрузиться в Талмуд".

Первое преследование евреев на андалузской земле магометанскими фанатиками Гранады встревожило все общины Испании, но это не привело к их обескураживанию или застою. Стремление к науке и поэзии стало второй натурой евреев южной Испании, и только частые и сокрушительные катастрофы могли подавить их любовь. Преследования не повторялись и не имитировались. Жители Гранады убили еврейского визиря и нескольких представителей его народа, что, однако, не помешало другим королям или эмирам привлекать одаренных евреев к своим дворам, поручать им важные дела и ставить евреев наравне с правящим населением государства.

Один арабский историк жаловался, что правоверные князья предались чувственным наслаждениям, передали свою власть в руки евреев и сделали их хайибами, визирями и личными секретарями. Примеру магометанских дворов последовали даже христианские государства. Они также начали использовать евреев в государственных делах, и их способности и верность значительно способствовали росту их могущества. Таким образом, на положение испанских евреев какое-то время совершенно не повлияли успехи христианского оружия и постепенный распад магометанских княжеств. Они чувствовали себя как дома под властью

Креста в Испании, так и под властью Полумесяца, и могли беспрепятственно удовлетворять свою любовь к исследованиям. Их пыл в области науки и поэзии отнюдь не остывал, а возрастал, если это было возможно, все больше и больше, и число студентов росло из года в год. Тем не менее, похоже, что в период после Ибн-Нагрелы и Ибн-Гебиroleя поэзия, филология, экзегеза и философия, хотя и пользовались большим вниманием, были вытеснены изучением Талмуда, который стал, так сказать, центральным предметом изучения. Диалектика Талмуда была возрождена и культивировалась одновременно в Испании, Африке и Франции. Изучение Талмуда преследовалось так тщательно, что достижения геонимов были отброшены в тень. Шесть человек, из которых пятеро носят имена Исаак, а другой - Ицхаки, могут рассматриваться как главные фигуры второй раввинской эпохи: Исаак Ибн-Альбалия, известный также своей политической позицией; Исаак Ибн-Гиат и Исаак бен Рувим, которые были одновременно талмудистами и авторами литургических стихотворений; Исаак Ибн-Сакни; Исаак Альфасси и Соломон Ицхаки, два создателя независимого метода изучения талмуда, намного превосходящего тот, которым пользовались геонимы.

Исаак бен Барух Альбалия с помощью документов проследил свое происхождение от Баруха, знатного изгнанника из Иерусалима, который, как предполагается, был отправлен Титом к проконсулу в Мериду, чтобы продолжить в Испании производство шелка, в котором его семья была искусна. Позже Альбалии переехали в Кордову и стали одной из самых выдающихся семей столицы Андалусии. Исаак (родился в 1035 году, умер в 1094 году) рано проявил одаренный ум и жгучую жажду знаний. Его склонности в равной степени вели его к астрономии, математике, философии и Талмуду. Самуэль Ибн-Нагрела поощрял его в учебе подарками и книгами, а его сын Джозеф снабдил его богатыми средствами. Исаак Ибн-Альбалия жил попеременно в Кордове и у своего благородного покровителя в Гранаде. Он лишь слегка увлекался поэзией и сосредоточился на более глубоких исследованиях. Исааку Ибн-Альбалии едва исполнилось тридцать лет, когда он начал комментировать наиболее трудные части Талмуда. В то же время (1065 г.) он писал астрономический труд под названием "Иббур" о принципах еврейского календаря, который он посвятил своему покровителю Джозефу Ибн-Нагреле. Исаак Ибн-Альбалия, который в то время навещал своего друга Джозефа, к счастью, не пострадал во время резни в Гранаде (1066), и впоследствии он сделал Кордову своим постоянным пристанищем. Здесь он познакомился с благородным принцем Абулкассимом Магометом, любителем науки и поэзии. Когда последний взшел на трон Севильи под именем Аль-Мутамед (май 1069 г.), он призвал Ибн-Альбалию к своему двору в Севилье и назначил его своим астрономом, в обязанности которого входило не столько наблюдать за движением звезд, сколько предсказывать будущие события по положению созвездий. Он также назначил Исаака Альбалию главой всех еврейских общин своего королевства, которое благодаря удачным завоеваниям стало самым могущественным в магометанской Испании. Она простиралась на север до Кордовы и на восток до Мурсии. Таким образом, Исаак, подобно Ибн-Хасдаю, Ибн-Джау и Ибн-Нагреле, принял титул принца (Насси). В то же время он был раввином общин Севильского королевства, и его авторитет был признан за границей. Как его учитель, Аль-Мутамед, был самым прославленным принцем Испании, так и Исаак был самым прославленным и образованным человеком среди испанских евреев. Прекрасная Севилья стала благодаря ему центром еврейской Испании, какими в прошлом были Кордова и Гранада. Аль-Мутамед, последний благородный правитель арабской расы в Испании, имел при своем дворе другого еврейского чиновника, Ибн-Мишеля, которого он нанимал для выполнения дипломатических миссий.

О современнике Альбалии, Исааке бен Иегуде Ибн-Гиате (р. 1030, ум. 1089), известно мало. Он принадлежал к богатой и знатной семье из Лусены (недалеко от Кордовы). Оба Ибн-Нагрела в юности дали ему много доказательств своего уважения, и он был предан им сердцем и душой. После трагической кончины Иосифа Ибн-Нагрелы Ибн-Гиат приложил немало усилий, чтобы возвысить сына Иосифа, Абу-нассара Азарию, до звания раввина Лусены. Но смерть лишила этот благородный дом его последнего отпрыска. Община избрала Исаака Ибн-Гиата своим духовным главой из-за его учености и добродетелей. Литургическая поэзия, философия и Талмуд были тремя областями, которые он усердно культивировал.

Исаак бен Рувим Альбергелони в преклонном возрасте составил оригинальный труд, систематизировавший гражданское право Талмуда. Он также был искренним религиозным поэтом. Он сочинил новый "Азхарот" емким, но неуклюжим языком и украсил свои стихи метко применяемыми библейскими цитатами. Исаак Альбергелони - первый еврейский писатель, использовавший эту мозаику библейских стихов, которые цитируются не по их обычному смыслу, а сплетаются воедино в остроумных и неожиданных сочетаниях.

Альбергелони в ранней юности уехал из Барселоны в Дению; в то же время четвертый Исаак (бен Моисей) Ибн-Сакни уезжал оттуда, вероятно, потому, что к нему отнеслись пренебрежительно. Он отправился на Восток и в Пумбедите стал законоучителем под титулом Гаона. Так сильно изменились времена! В то время как Запад раньше охотно прислушивался к высказываниям геонимов на Востоке, теперь, едва ли через полвека после смерти Гаон Хая, он смог послать учителей в страну, в которой стояла колыбель Талмуда, и человек, не нашедший признания в Испании, считался авторитетом в некогда гордой Пумбедите.

В знании и проникательном понимании Талмуда этих четырех Исааков опередил пятый, Исаак бен Якоб Альфасси, или Алкалай. Родившийся в Кала-Ибн-Хаммаде, по соседству с Фесом (1013), он получил наставления от последних африканских властей, Ниссима и Чананеля, и после их смерти в 1056 году он стал представителем изучения талмуда в Западной Африке. Безразличный к научным занятиям, к которым одаренных евреев Испании и Африки побуждал их вкус, а также забота об их материальном развитии, Альфасси посвятил всю свою проникательность глубокому изучению Талмуда. Он был глубоко серьезной, независимой натурой, не довольствовавшейся следованием проторенным дорогам освященных веками обычаев, но желавшей выйти на новые пути. До сих пор было принято следовать на практике постановлениям геонимов всякий раз, когда, как это часто бывает, в Талмуде фиксируются противоречивые мнения по данному вопросу, и принимать их объяснения и решения как нормы. Альфасси, однако, исходил из комментариев к самому тексту и с присущей ему проникательностью стремился отличить все, что было неоспоримым, долговечным и по-настоящему важным в Талмуде, от того, что было сомнительным, поверхностным и целесообразным. Мнение гаонических властей не было для него окончательным. В этом духе он составил труд, который, несмотря на нападки, обрушившиеся на него в то время, стал стандартной книгой для всей еврейской общины. Его "Галахот" абстрагирует от Талмуда только то, что влияет на поведение, но с абсолютной уверенностью фиксирует практическое значение классифицированных таким образом законов. Работа Альфасси предала забвению все подобные труды, составленные в течение трех столетий, со времен Иегудаи Гаона. Это произведение прославило его имя далеко за пределами Испании, где у него было еще больше поклонников, чем на его родине.

Однако полным соперником Альфасси в знании Талмуда был француз Соломон Ицхаки, человек такой же проникательный и независимый, как и он сам, только менее смелый и порывистый, но более разносторонний.

Соломон Ицхаки, известный под именем Раши, родился в 1040 году (умер в 1105 году) в Труа, в Шампани, в год, когда последний Гаон принял мученическую смерть, как бы намекая на то, что новый дух, привнесенный Раши, полностью компенсирует падение старого института. Мать Раши была сестрой Симона бен Исаака, пользовавшегося большим уважением благодаря его заслугам перед общиной Майнца и его литургической поэзии, а его отец был хорошо сведущ в Талмуде. Таким образом, Раши как бы черпал свое питание из Талмуда, и в нем он жил и существовал. Чтобы совершенствоваться в изучении Талмуда, он часто посещал талмудическую школу в Майнце, но также посещал лекции учителей Талмуда в Вормсе и Элиакима в Шпайере. Как и Акиба, он покинул свой дом и жену, чтобы посвятить себя изучению права в чужих краях. Он рассказывает, в каких стесненных обстоятельствах он занимался этим исследованием, "нуждаясь в хлебе, лишенный одежды и скованный супружеством". Время от времени, вероятно, на фестивалях, он навещал свою жену, но всегда возвращался в немецкие, или, как их тогда называли, лотарингские учебные центры. В возрасте двадцати пяти лет (1064) он навсегда поселился в Труа.

По своей скромности он и не подозревал, что в то раннее время его почитали как знатока талмудических знаний. В самых ранних решениях Раши, которые он принимал в юности, нет и следа начинающего на ощупь новичка, они раскрывают руку искусного адепта, мастера своего дела. Его учителя в своих письмах расточали ему самые лестные похвалы. Исаак Халеви из Вормса написал Раши: "Мы в долгу перед вами за то, что эта эпоха не осталась сиротской, и пусть в Израиле появится много таких, как вы".

Несомненно, община Труа и его окрестностей избрала его своим раввином, хотя у нас нет доказательств этого; но он не получал никакого вознаграждения от этой должности. В то время, о котором беспристрастный автор, говоря о прелатах при папе Гильдебранде, может сказать: "Никто не мог стать епископом или аббатом империи, если он не был богат или пристрастен к пороку; среди священников больше всего ценился тот, у кого были самые роскошные одежды, самый роскошный стол и самые красивые наложницы" — в то время, а также долгое время спустя, в еврейских кругах считалось грехом и позором для раввинов принимать вознаграждение за выполнение своих обязанностей. Раввинат в христианских и мусульманских странах был почетной должностью, которую занимали только самые достойные; и раввин должен был быть ярким светом для общества не только в интеллектуальном плане, но и в моральном облике. Трезвость, бережливость, безразличие к Маммоне, как само собой разумеющееся, ожидалось от каждого раввина. Раши был наиболее совершенным воплощением этой концепции раввина, и еврейское потомство увидело в нем безупречное олицетворение своего идеала. Его современники также почитали его как высший авторитет. Со всех концов Франции и Германии ему присылали сомнительные дела для рассмотрения, и его ответы свидетельствовали о его глубоких знаниях и мягкости характера.

После смерти ученых-талмудистов в Лотарингии, около 1070 года, немецкие и французские студенты стекались в лекционный зал Раши в Труа; на него смотрели как на их достойного преемника. Он читал лекции по Библии и Талмуду. Раши был настолько пропитан духом Талмуда, что для него в нем не было ничего непонятного. В своем разъяснении он превзошел

всех своих предшественников, так что справедливо было сказано, что без него Вавилонским талмудом пренебрегли бы, как Иерусалимским. Его объяснения большого числа талмудических трактатов, которые он назвал "Комментариями" (conteros), являются образцами в своем роде, простыми, краткими и доходчивыми. Он писал четким языком Талмуда, не употребляя ненужных и не опуская необходимых слов. Пояснения к словам и предметам предназначены как для новичка, так и для опытного специалиста. Раши придавал ясность тексту, поставив себя на место читателя; умело подобранным выражением он предотвратил недопонимание, встретил возражения и предвосхитил вопросы. Раши, как комментатора, можно назвать художником. Вскоре он вытеснил комментарии Гершома и своих собственных мастеров. Раши также написал не менее оригинальные комментарии к большинству книг Священного Писания. Его такт и любовь к истине привели его к пониманию истинного значения слов и отрывков. Но он часто позволял себе руководствоваться агадическими мнениями, исходя из предположения, что к разъяснению стихов, встречающихся в Талмуде и в агадических произведениях, следует относиться серьезно. Тем не менее, он в определенной степени осознал, что простой текст (пешат) противоположен агадическому способу объяснения (дераша). В старости это сознание углубилось, и он сказал своему ученому внуку (Рашбаму), что намерен пересмотреть свои комментарии к Библии в духе трезвого и буквального объяснения текста. Раши возвышался над современными христианскими толкователями Библии, которые все верили, что Священное Писание содержит четырехкратный смысл. Мастерство Раши в изложении кажется тем более удивительным, что он не был знаком с важными достижениями испанской школы. Он был знаком только с первой частью грамматики иврита Менахема бен Сарука и Дунаша, и их он взял в качестве своих путеводителей. Однако работы Чаюджа и Ибн-Джанаха, написанные на арабском языке, оставались для него неизвестными. Поэтому его грамматическая терминология неуклюжа и часто неясна. Тем не менее, ни один комментарий к Священному Писанию не был так популярен, как комментарий Раши, так что одно время многие считали его комментарий неотъемлемой частью текста, и каждое его слово, в свою очередь, комментировалось и разъяснялось. Его мантия пала на его внуков и зятьев, которые были его величайшими учениками. Ибо у него не было сыновей, только три дочери, из которых одна была так глубоко сведуща в Талмуде, что во время болезни своего отца читала ему все вопросы, касающиеся Талмуда, которые были ему присланы, и записывала продиктованные ей ответы. Три его дочери были замужем за учеными людьми и родили сыновей, достойных своего происхождения. Один из этих зятьев, Меир из Рамеру, недалеко от Труа, был отцом трех выдающихся сыновей. Благодаря Раши и его школе север Франции, Шампань, стал домом талмудических знаний, каким в древности была Вавилония. Он установил закон для остальной Европы. Французские студенты-талмудисты были востребованы даже в Испании, и за их обучение им щедро платили. Лидерство, которое еврейская Испания переняла у Вавилонии, со времен Раши пришлось разделить с Францией. В то время как Испания оставалась классической страной в отношении еврейской поэзии, лингвистических достижений, экзегезы и философии, ей пришлось уступить пальму первенства Франции в изучении Талмуда.

В то время в Испании было два человека, которые занимались исключительно грамматикой и изучением Библии, и хотя они не особенно обогатили эти занятия, все же они, несомненно, придали им новую жизненную силу. Это были Моисей бен Самуил Ибн-Гикатилия из Кордовы и Иегуда Ибн-Балам из Толедо (примерно с 1070 по 1100 год). Первый, ученик Ибн-Джанаха, в своем изложении Священного Писания придерживался либеральной точки зрения своего учителя. Некоторые Псалмы были отнесены Ибн-Гикатилией к более позднему периоду, в то

время как среди евреев, а также христиан преобладало общее мнение, что вся псалтирь была работой королевского барда. Он был невысокого мнения о разделении стихов Массорой и, вопреки ее указаниям, соединял последовательные стихи.

Таким образом, представители испанских евреев отличились в науке и поэзии, в то время как во Франции был дан большой импульс изучению Талмуда. Однако евреи итальянского полуострова в этот период занимают очень низкое положение в истории культуры. Их поэтические излияния на грубом и варварском языке, будь то литургического или светского характера, лишены истинного очарования поэзии, а их знания о Талмуде были почерпнуты из-за рубежа. Натан бен Иехиэль из Рима - единственный итальянец того времени, чье имя фигурирует в еврейской литературе. Он составил талмудический словарь под названием "Арух" примерно в 1001 или 1002 году; он был более полным, чем более ранние работы аналогичного назначения, но был составлен с небольшой оригинальностью на основе этих более старых работ, главным образом из трудов Чананеля из Кайруана. Этот словарь стал ключом к Талмуду. Калонимус из Рима также упоминается как талмудический авторитет. Раши говорил о нем с большим уважением; община Вормса избрала его раввином после 1096 года. Однако он ничего не оставил в письменном виде и, похоже, не оказал никакого влияния. Исторические труды этого периода умалчивают о политическом положении итальянских евреев, что является доказательством того, что оно не было неблагоприятным.

События мирового значения в Западной Европе, масштабное вторжение христиан в магометанскую Испанию и первый крестовый поход против магометан на Востоке привели к важным переменам для евреев Западной Европы. Перемены были в основном плачевного характера и прервали их мирное занятие Законом. В судьбе Испании евреи сыграли немалую роль, хотя их активное вмешательство не бросается в глаза. Они помогли выкопать яму, в которую должны были упасть их правнуки. Первый мощный удар по исламскому владычеству на полуострове к югу от Пиренеев нанес кастильский король Альфонсо VI, который был столь же храбр в бою, сколь умен в государственных делах, и который больше полагался на меч и дипломатическое искусство, чем на крест и молитву. Его цель - завоевать магометанские королевства и княжества - была достигнута только путем разжигания разногласий между правителями, стимулирования соперничества между ними и натравливания одного на другого, ослабляя таким образом их всех. Для этого ему требовались умные дипломаты, и среди его подданных евреи были лучше всего подготовлены к этой работе. Его рыцари были слишком неуклюжи, а горожане слишком невежественны, чтобы быть пригодными для выполнения столь деликатных заданий. При магометанских дворах Толедо, Севильи, Гранады царил утонченный, культурный, интеллектуальный тон, и в разговорах часто делались ссылки на блестящую историю и литературу арабов. Если посол при этих дворах хотел чего-либо добиться, он был обязан не только быть знакомым со всеми тонкостями арабского языка, но и быть знакомым с его литературой и придворными нравами. В этом отношении евреи были особенно полезны. Поэтому Альфонсо нанимал евреев в дипломатических миссиях при дворах магометанских князей. Одним из них, еврейским дипломатом при дворе короля Альфонсо, был Амрам бен Исаак Ибн-Шалбиб, первоначально личный врач Альфонсо. Поскольку Ибн-Шалбиб хорошо владел арабским языком и обладал пониманием политических обстоятельств того периода, король Кастилии назначил его личным секретарем и поручил ему важные дела. У Альфонсо был еще один советник-еврей, Сиделлус, который был в таких близких отношениях с королем, что сдержанность последнего была преодолена, и он позволил ему говорить более свободно, чем любому из испанских дворян и грандов империи. Альфонсо, который был далек от религиозного

фанатизма и приобрел либеральные взгляды благодаря общению с магометанскими князьями, не только даровал отличия некоторым лицам среди евреев, но и расчистил путь к достоинствам и почестям для всех сыновей Иакова, живших в его владениях. Альфонсо действительно обнаружил определенное равенство в гражданстве, существующее во многих частях христианской Испании, где обычаи вытеснили старые вестготские законы. Согласно вестготскому кодексу, с евреями следовало обращаться как с изгоями, подчиняться правилам, применимым только к ним, и им не разрешалось выступать в качестве свидетелей. С другой стороны, согласно закону обычая (fueros), христиане, евреи и магометане из одного и того же города и одной и той же страны подпадали под действие одного и того же закона. Еврей должен был свидетельствовать против христианина по "Торе". Если у евреев и христиан был судебный процесс, они должны были выбрать христианина и еврея в качестве арбитров (Алкалде). Если человек хотел продать свой дом, два христианина и столько же евреев должны были оценить его. Согласно другому закону, установленному обычаем (fuero de Nájera), с евреями обращались наравне с дворянами и духовенством; одна и та же сумма была установлена в качестве компенсации за убийство еврея, дворянина и священника. Вплоть до мельчайших деталей повседневной жизни, равенство евреев и христиан перед законом было очевидным. Поскольку Альфонсо теперь утвердил эти муниципальные законы, гражданское равенство евреев было юридически признано, и позор вестготского законодательства против евреев был стерт. Евреям, при определенных обстоятельствах, разрешалось пользоваться привилегией дуэлей и поступать на военную службу. Казалось, что над Средневековьем забрезжил свет, и римско-христианская ограниченность, исходившая от Феодосия II, казалось, вот-вот исчезнет.

Однако Церковь, основой которой была нетерпимость, вряд ли одобрила бы выдвижение евреев на почетные должности в христианской стране. Глава Церкви, папа Гильдебранд, который под именем Григория VII через своих легатов и стрелы отлучения от церкви вверх Европу в состояние брожения и разрухи, протестовал против такого положения вещей. Он, могущественнейший из могущественных, перед которым короли и народы пресмыкались в пыли, хотел также унижить беззащитных евреев и лишить их уважения и почестей, которые они приобрели своими заслугами.

Император Генрих IV предоставил евреям Вормса те же привилегии, что и другим гражданам этого города. Когда князья и священники, города и селения, не обращая внимания на свою клятву и возбужденные папой, нарушили верность ему и обращались с ним как с человеком, находящимся под запретом, город Вормс остался ему верен. Год спустя, когда папа Григорий обошелся с императором как с мальчиком, заставив его наносить епитимью в своей рубашке, он также загорелся желанием смирить евреев. На Церковном конгрессе в Риме в 1078 году, когда папа во второй раз издал свой интердикт против врагов папства, он обнародовал канонический закон о том, что евреи не должны занимать никаких должностей в христианском мире и не должны иметь никакого превосходства над христианами. Это каноническое решение было направлено главным образом против Испании, где из-за особого положения, вызванного постоянными раздорами с арабами, Римская церковь отстояла определенную степень независимости. Подобно тому, как Григорий хотел навязать королю Альфонсо иностранных епископов в качестве податливых инструментов в исполнении его воли, так и он стремился ограничить влияние евреев при кастильском дворе. Поэтому в 1080 году он направил Альфонсо энергичное послание, в котором встречаются следующие слова:

"Поскольку мы чувствуем себя обязанными поздравить вас с ростом вашей славы, в то же время мы должны осудить вред, который вы наносите. Мы увещеваем ваше высочество, что вы должны прекратить позволять евреям править христианами и осуществлять власть над ними. Ибо позволять христианам быть в подчинении у евреев и подвергать их их суду - это то же самое, что угнетать Божью Церковь и превозносить синагогу сатаны. Желать угодить врагам Христа - значит пренебрежительно относиться к самому Христу".

С другой стороны, папа был вполне доволен Вильгельмом Завоевателем, королем Англии и герцогом Нормандии, который ратифицировал решение конгресса в Руане о том, что евреям запрещено не только содержать христианских рабов, но и иметь христианских сиделок.

Но Альфонсо пришлось уделить свое внимание другим делам, помимо нетерпимости Церкви. Он мало беспокоился о решении великого собора в Риме и письме с автографом папы римского и нанял своих советников-евреев. Как раз в то время он обдумывал план вторжения в королевство Толедо. Чтобы достичь этого, он должен был изолировать своего правителя от соседних князей его веры и расы и быть уверенным в их нейтралитете или сотрудничестве с ним. Однако для этого он нуждался в своих еврейских дипломатах и не мог допустить мысли об удовлетворении настойчивости папы. Благодаря союзу с благородным и доблестным королем Севильи Аль-Мутамед Ибн Аббадом, по всей вероятности, заключенному еврейскими агентами, Альфонсо завоевал старый и важный город Толедо (1085), первый оплот испанских магометан против агрессивной власти христиан. Победитель при Толедо гарантировал евреям этого города и прилегающей к нему территории все свободы, которыми они пользовались при магометанских правителях. Последний несчастный магометанский король Толедо, Яхья Алкадер, вынужденный укрыться в Валенсии, имел в своей свите доверенное лицо-еврея, которое оставалось верным ему еще долго после его смерти, в то время как его ближайшие друзья предали его.

Альфонсо не был удовлетворен обладанием Толедо, которое снова было возведено в ранг столицы, но хотел воспользоваться разногласиями и мелкой завистью магометанских князей с целью новых завоеваний. Прежде всего он решил напасть на территорию короля Севильи, который также правил Кордовой. Поэтому он внезапно сбросил маску дружбы и выдвинул Аль-Мутамед требования, на которые этот благородный принц по чести не мог пойти. С опасной миссией раскрыть истинное положение дел королю Севильи и предстать перед ним в твердой и вызывающей позе Альфонсо поручил своему государственному советнику-еврею Исааку Ибн-Шалбибу, проинструктировав его не обращать никакого внимания на требования вежливости. Пятьсот христианских рыцарей сопровождали еврейского посланника Альфонсо ко двору Севильи, чтобы придать достоинство его посольству. Это поручение стоило Ибн-Шалбибу жизни. Действуя в духе своего учителя, он говорил в таких позитивных выражениях и так непоколебимо настаивал на выполнении требования, которое ему было поручено предъявить, что Аль-Мутамед впал в ярость и нарушил закон, защищающий личность посла, приказал убить Ибн-Шалбиба, прибить его к виселице, а его последователей заключить в тюрьму.

Разрыв, который в результате произошел между Альфонсо и королем Севильи, побудил последнего присоединиться к лиге остальных магометанских князей и послать за завоевателем северной Африки, альморавидским принцем Юсуфом Ибн-Тешуфином, чтобы помочь им в борьбе против Альфонсо. Аль-Мутамед произнес решающее слово в пользу этого плана.

Африканский герой появился в ответ на приглашение, и его присутствие в конечном итоге привело к порабощению и падению андалузских принцев.

ГЛАВА X. ПЕРВЫЙ КРЕСТОВЫЙ ПОХОД.

Положение евреев в Германии до Крестовых походов—Община Шпейера и Генрих IV—Мученики Трева и Шпейера—Эммерих Лейнингенский и мученики Майнца—Жестокие преследования в Кельне—Страдания евреев в Богемии—Прискорбная смерть евреев Иерусалима—Справедливость императора Генриха по отношению к евреям—Возвращение обращенных в иудаизм—Смерть Альфасси и Раши.

1096-1105 гг. н. э.

Ближе к концу XI века возникло первое соперничество между христианством и исламом на иной почве, чем в Испании. Это состязание повернуло мировую историю на новые пути и вписало в историю евреев страницы, обгащенные кровью. Сетования Петра Амьенского о жестоком обращении с паломниками в Иерусалиме, нашедшие тысячекратный отклик на Церковном съезде в Клермоне, пробудили благочестие, рыцарство, честолюбие и ряд других благородных и низменных страстей, выразившихся в крестовом походе. Последовали ужасные времена; но наибольшие страдания выпали на долю немецких евреев, которым пришлось скрепить свое исповедание веры кровью. До крестовых походов евреи Германии жили в мире; они не были лишены права владения землей, их не презирали и не унижали. Когда епископ Шпейера Рюдигер Хозманн расширил границы города, включив в него деревню Старый Шпейер, он не знал лучшего способа улучшить новую часть, чем позволить евреям иметь в ней привилегии и жилье. Он позволил евреям жить по их собственным законам, а их светский глава или раввин (Archisynagogus), подобно бургомистрам, решал судебные процессы. Евреи могли покупать рабов и нанимать слуг мужского и женского пола у христиан вопреки каноническим законам и против воли папы Григория VII. Чтобы защитить их от толпы, Рюдигер выделил им специальный квартал, окруженный стеной, которую они могли укреплять и оборонять. Эти привилегии, за которые они ежегодно платили 3½ фунта стерлингов. золота, были гарантированы им на все времена. Рюдигер добавляет в хартии, что он предоставлял евреям те же благоприятные условия, которыми они пользовались в других немецких городах. Император Генрих IV подтвердил эти привилегии и добавил другие, более благоприятные пункты. Этот император, который, несмотря на свое легкомыслие и непостоянство, никогда не был несправедливым, издал указ (6 февраля 1095 г.) в пользу евреев. Никому не разрешалось принуждать ни евреев, ни их рабов к крещению. В судебном процессе между евреями и христианами процесс должен был проводиться и клятвы приводились в исполнение в соответствии с еврейским законом, и евреев нельзя было принуждать проходить испытания огнем и водой. Однако вскоре после этого они подверглись насмешкам со стороны святых участников священной войны. Немецкие евреи и евреи северной Франции как раз тогда были полны надежды на пришествие Мессии. Один мистик рассчитал, что сын Давида появится ближе к концу 250-го лунного цикла, между

1096 и 1104 годами, и вернет сынов Иуды в Святую Землю. Но вместо трубного рева о мессианском искуплении они слышали только дикие крики крестоносцев: "Евреи распяли нашего Спасителя, поэтому они должны признать его или умереть".

Первые армии крестоносцев, одну из которых возглавлял благочестивый Петр Амьенский и его восемь рыцарей, другую - Готтшалк, не причинили евреям особого вреда; они грабили как христиан, так и евреев. Но последовавшие за этим орды отбросов французов, англичан и фламандцев, в отсутствие магометан, начали святое дело грабежа и убийства вместе с евреями. Это была бесстыдная толпа мужчин и женщин, которые предавались всевозможным излишествам. Но эти богохульствующие крестоносцы были освященными воинами; их грехи, прошлые и будущие, были отпущены. Монах отверг подстрекательское предположение о том, что евреев следует принудительно обратить в христианство, - надпись, найденная на могиле Иисуса, - сделав их обращение долгом всех верующих. Этот план казался диким крестоносцам одинаково выгодным, легким в исполнении и угодным Богу. Они рассуждали, что евреи были такими же неверными, как сарацины, и что оба были смертельными врагами христианства, и что крестовый поход мог начаться на месте, если бы начало было положено евреям. Когда войска собрались во Франции и Германии, они были отмечены крестом на своей одежде и кровью евреев. Массовые убийства во Франции, однако, были немногочисленны, хотя первое собрание крестоносцев произошло именно там. В то время в Германии царила безопасность, и евреи Рейнского округа не подозревали о печальной участи, которая вот-вот их постигнет. Однако по просьбе главы своей общины они собрались, чтобы помолиться за своих братьев, находящихся в опасности во Франции. Но они, к счастью, отделались лишь небольшим ущербом, потому что князья и священники энергично встали на сторону евреев. Только в Руане, принадлежавшем Англии, крестоносцы загнали евреев в церковь и, приставив мечи к их груди, предоставили им выбор между смертью и крещением. Преследования впервые приобрели трагический характер на территории Германии.

Орды, которые двинулись через Францию и Фландрию на территорию Германии, возглавлял французский рыцарь по имени Уильям Плотник, который начал с грабежа своих крестьян, чтобы экипировать своих солдат. О духе, воодушевлявшем войска Вильгельма, свидетельствует один пример. Они поместили в фургон гуся и стадо коз, твердо веря, что они укажут им путь в Иерусалим. Таким людям были переданы еврейские общины Мозеля и Рейна. Император Генрих в то время был занят войной с Италией, а в Германии царила самая дикая анархия. При первом известии о приближении Вильгельма конгрегацию Трева охватил такой ужас, что некоторые из ее членов убили своих собственных детей. Женщины и девушки нагружали себя камнями и бросались в Мозель, чтобы избежать крещения или позора от рук святых убийц. Остальная часть общины умоляла епископа Эгильберта о защите. Но этот жестокосердный князь Церкви, который, возможно, стремился своим рвением отменить лежащее на нем обвинение в ереси, ответил: "Если ты отступишь, я дам тебе мир и пользование твоим имуществом. Если ты останешься ожесточенным, твоя душа и тело будут уничтожены вместе". После этого иудеи собрались на совет и решили, по совету Михея, одного из образованных членов общины, внешне соответствовать христианству. Он сказал епископу: "Быстро скажи нам, во что верить, и избавь нас от людей, которые караулят у ворот, готовые убить нас". Священник прочитал католическое исповедание веры, которое повторили евреи, а затем крестил их. Это была позорная победа, которую христианство праздновало над конгрегацией Трира, но она длилась недолго. После этого крестоносцы отправились в Шпейер, где конгрегация недавно получила документальные обещания свободы и безопасности. Здесь

нескольких евреев потащили в церковь и приказали пройти крещение. Они решительно отказались и были убиты (8 Ияра—3 мая 1096 г.). Оставшиеся евреи бежали во дворец епископа Йоханнсена и в императорский замок. Епископ, более гуманный и благочестивый, чем Эгильберт, не одобрил бы такого крещения большими силами и выступил против разъяренной толпы. Евреи также энергично защищались, и больше никто из них не стал жертвой фанатизма. Йоханнсен приказал казнить некоторых крестоносцев, что было решительно осуждено монашескими хронистами. Они утверждали, что он был подкуплен евреями. Неудивительно, что евреи содрогались при крещении и считали себя опозоренными, если их в бессознательном состоянии уносили к купели. Христианство одиннадцатого века они могли рассматривать только как ужасную форму язычества. Поклонение реликвиям и изображениям; поведение главы Церкви, который освобождал народы от священной клятвы и подстрекал их к цареубийству; безнравственная, распутная жизнь духовенства; ужасные обычаи крестоносцев — все это гораздо больше напоминало им обычаи идолопоклонников, чем последователей святого Бога. Как во времена Маккавеев их предки восстали против насильственного поклонения Зевсу и сопутствующих ему обычаев, так и немецкие евреи относились к христианству того времени.

Толпа, совершившая нападение на конгрегацию Шпейера, по-видимому, была не очень мощной, и поэтому ее можно было отразить. Теперь он ожидал подкрепления, и две недели спустя большой отряд крестоносцев — "лесных волков", как называет их еврейский хронист, — вошел в Вормс. Епископ Алебранд не мог или не захотел предоставить евреям достаточной защиты. Однако, по-видимому, он не одобрял массовое убийство евреев, поскольку приютил во дворце часть общины, вероятно, ее самых богатых и уважаемых членов. Остальные, предоставленные самим себе, сначала пытались сопротивляться, но, побежденные численностью, они пали под ударами своих убийц, восклицая: "Господь, Бог наш, един". Лишь немногие приняли крещение, но большинство покончили жизнь самоубийством. Женщины убивали своих нежных младенцев. Фанатики разрушали дома евреев, грабили их имущество и сжигали Священные Писания, найденные в синагогах и домах (в воскресенье, 23 Ияра—18 мая). Семь дней спустя те, кто нашел защиту во дворце епископа, также подверглись нападению. Фанатики либо совершили налет на дворец и потребовали выдачи своих жертв, либо сам Алебранд предложил евреям убежище только для того, чтобы обратить их своей добротой. Во всяком случае, епископ сообщил евреям, что он больше не будет укрывать их, если они не согласятся креститься. Главный из них попросил о небольшом перерыве для рассмотрения. Фанатики остались за пределами дворца, готовые повести евреев в купель или на смерть. По истечении назначенного времени епископ приказал открыть дверь и обнаружил евреев в их собственной крови; они предпочли смерть от рук своих братьев. Услышав это, разъяренная толпа набросилась на выживших и убила их, волоча трупы по улицам. Лишь немногие спаслись, якобы обратившись в христианство (воскресенье, 1 Сивана—25 мая). Юноша Симха Коэн, чей отец и семеро братьев были убиты, желал отомстить за себя. Его отвели в церковь, и когда он собирался принять причастие, он вытащил нож и ударил им племянника епископа. Как он и ожидал, он был убит в церкви. Только когда крестоносцы покинули город, еврейские мученики, которых насчитывалось около 800 человек, были похоронены еврейскими руками. Конгрегация, которая была сформирована позже, чтит их память как мучеников или святых (Кедошим), которых следовало почитать и поддерживать как образцы непоколебимой веры.

На следующий день после резни остатков в Вормсе крестоносцы прибыли в Майнц. Здесь их лидером был граф Эммерих, или Эмихо, из Лейнингена, близкий родственник архиепископа

Рутхарда, беспринципный, кровожадный человек. Он жаждал богатств евреев Майнца не меньше, чем их крови, и вместе с архиепископом, противником Генриха IV, разработал дьявольский план уничтожения. Архиепископ пригласил всех евреев укрыться в его дворце, пока опасность не минует. Более 1300 евреев укрылись в подвалах здания с встревоженными сердцами и молитвами на устах. Но на рассвете (вторник, 3 сентября—27 мая) Эммерих Лейнингенский повел крестоносцев к епископскому дворцу и потребовал сдачи евреев. Архиепископ действительно назначил охрану, но солдаты отказались нести оружие против фанатичных паломников, которые легко проникли во дворец, и ужасная сцена в Вормсе повторилась. Мужчины, молодые и старые, женщины и дети, пали от меча своих братьев или врагов. В конце концов, тела тысячи трехсот мучеников были вынесены из дворца. Сокровища евреев были разделены между архиепископом и Эммерихом. Рутхард спрятал в церкви шестьдесят евреев, и они были переправлены в Рейнский округ; но по дороге они также были схвачены и убиты. Крестились лишь немногие; двое мужчин и две девушки — Урия и Исаак с двумя его дочерьми — были побужены страхом принять крещение, но их раскаяние подтолкнуло их к ужасному героическому поступку. Исаак убил двух своих дочерей накануне Пятидесятницы в своем собственном доме, а затем поджег жилище; затем он и его друг Урия пошли в синагогу, подожгли ее и погибли в огне. Большая часть Майнца была уничтожена этим пожаром.

Тем временем крестоносцы под предводительством Германа Плотника собрались в Кельне накануне Пятидесятницы. Члены этой старейшей конгрегации Германии приготовились к худшему, но они умоляли о защите граждан и епископа. Тронутые жалостью к своим еврейским согражданам, гуманные кельнские бюргеры принимали евреев в своих домах. Когда разъяренная толпа на рассвете в день Пятидесятницы (пятница, 30 мая) вошла в дома евреев, они обнаружили их пустыми, и им пришлось потратить свою ярость на камни и дерево. Они разрушали жилища, разграбляя содержимое и раздавливая свитки Закона в тот самый день, когда праздновалось дарование Закона. Землетрясение, произошедшее в тот день, привело безумцев в новую ярость; они сочли это знаком одобрения небес. Один мужчина и его жена стали жертвами их ярости в тот день. Благочестивый человек Мар-Исаак охотно принял мученическую смерть. Он не желал спастись бегством и остался в своем доме, предаваясь молитве. Его затащили в церковь, и, плюнув на распятие, которое держали перед ним, он был убит. Остальные евреи Кельна остались невредимыми в домах горожан и во дворце епископа. Благородный епископ Герман III, чье имя заслуживает увековечения, помог евреям тайно покинуть город и безопасно разместиться в семи соседних городах и деревнях, принадлежащих его епархии. Здесь они провели три недели в тревоге, молясь и постясь день за днем, и когда они услышали, что паломники прибыли в Неус, один из их городов-убежищ, на праздник святого Иоанна (1-й Тамуз, 24 июня), они постились два дня подряд. Паломники подготовились к возобновлению резни во время мессы в день святого Иоанна и убили всех евреев, которые нашли убежище в Неусе, согласно одному источнику, на самом деле не очень надежному, их было двести человек. Некто Самуил бен Ашер, который призывал своих братьев оставаться твердыми, и двое его сыновей были зверски убиты, и их тела повесили на двери их дома.

Паломники наконец обнаружили убежище кельнских евреев и теперь выслеживали их из их укрытий. Многие закончили свою жизнь в озерах и болотах, последовав примеру Самуэля бен Иехиэля, ученого и благочестивого человека. Стоя в воде и произнося благословение, он убил своего сына, красивого и сильного юношу, и когда жертва сказала "Аминь", все присутствующие нараспев произнесли "Услышь, о Израиль" и бросились в воду.

Паломники продолжали свою разрушительную работу, и, как говорят, за два месяца (май-июль) в рейнских городах было убито двенадцать тысяч евреев. Остальные внешне приняли христианство в ожидании, что справедливый император по возвращении из Италии выслушает их жалобы. Везде, где дикие паломники встречались с евреями, повторялись трагические сцены. Большая община города Ратисбон сильно пострадала. В связи с крестовыми походами евреи Богемии входят в историю; до тех пор они не испытывали давления ига, христианство еще не достигло власти в славянских странах. Многие из них были богаты и занимались работоторговлей, в основном славянами, которые экспортировались на запад Европы и в Испанию. Таким образом, евреи вступили в конфликт со священством, и епископ Пражский Адальберт выступил против этой практики и собрал большие суммы денег, чтобы выкупить рабов у евреев. Затем начались крестовые походы, которые посеяли в богемскую почву ядовитое семя фанатизма. Когда крестоносцы вторглись в Богемию, ее могущественный герцог Вратислав II был занят иностранной войной и ничего не мог сделать, чтобы остановить зло. Таким образом, крестоносцы-негодяи были вольны удовлетворять свой фанатизм и уводить пражских евреев на крещение или смерть. Епископ Косма тщетно проповедовал против подобных эксцессов; крестоносцы понимали христианство лучше, чем князь Церкви.

К счастью для евреев Западной Европы, и особенно Германии, те, кто был полон этого кровавого фанатизма, были просто отбросами народа. Князья и горожане были в ужасе от таких преступных деяний, а высшее духовенство, за исключением архиепископов Рутхарда Майнцкого и Эгильберта Тревского, было на стороне евреев. Еще не пришло время, когда три силы — знать, духовенство и народ — были едины в своей ненависти и преследовании евреев. Когда пришло известие о том, что 200 000 крестоносцев под командованием Эммериха и Германа постиг позорный конец — большинство из них были убиты в Венгрии, в то время как лишь жалкие остатки вернулись в Германию, — и евреи, и христиане сочли это Божьим судом. Тем временем император Генрих IV вернулся из Италии, и при известии о зверствах, совершенных крестоносцами против евреев, он публично выразил свой ужас и по просьбе главы конгрегации Шпейера Моисея бен Гутиэля разрешил тем, кто был насильственно крещен, вернуться в иудаизм. Это был проблеск радости для евреев Германии. Новообращенные не преминули воспользоваться своей свободой, чтобы сбросить маску христианства (1097). Представители Церкви, однако, отнюдь не были довольны этим разбирательством. Даже папа Климент III, которого поддерживал император, выступил против его гуманности, что противоречило учению Церкви. "Мы слышали, - писал он Генриху IV, - что крещеным евреям было разрешено покинуть Церковь. Это беспрецедентно и греховно, и мы требуем от всех наших братьев, чтобы они позаботились о том, чтобы таинство Церкви не было осквернено евреями". Императора мало заботило нечестивое рвение священнослужителей. Отнюдь не запрещая евреям возвращаться к своей религии, он даже разрешил возбудить дело против родственников архиепископа Рутхарда из Майнца по обвинению в краже имущества еврейской конгрегации. Евреи Майнца в петиции сообщили императору, что Эммерих Лейнингенский и его родственники вместе с архиепископом присвоили сокровища, хранящиеся евреями во дворце архиепископа. Ни один из обвиняемых не явился в ответ на эту цитату, чтобы защитить себя. Рутхард, совесть которого была нечиста, испугался позора разоблачения и, поскольку он был в немилости у императора, бежал в Эрфурт. Вслед за этим император конфисковал доходы архиепископства (1098). Рутард отомстил, присоединившись к врагам императора, которые замыслили унизить его.

Евреям Богемии очень не повезло в этом году. Услышав, что император разрешил вернуться в иудаизм, они отказались от своей мнимой веры, но побоялись оставаться в стране, где не могли добиться справедливости. Они собрали свое имущество, чтобы отправить его в безопасное место, и решили эмигрировать в Польшу или в Паннонию (Австрия и Венгрия). Врислав, правитель Богемии, вернулся из своего похода и услышал, что евреи намереваются вывезти свои богатства из страны. После этого он установил за ними военное наблюдение. Старейшины были созваны вместе, и казначей герцога объявил им от имени своего господина, что все, чем они владеют, принадлежит ему и что они пытаются ограбить его: "Вы не привезли в Богемию ни одного сокровища Иерусалима. Покоренные Веспасианом и проданные за бесценок, вы были рассеяны по всему земному шару. Нагими вы вступили на землю, нагими же можете и уйти. За ваше отделение от Церкви епископ Косма может судить вас". Против этой логики нечего было возразить; это был аргумент жестокости. Богемские евреи были разграблены, им осталось ровно столько, чтобы на какое-то время утолить жажду голода. Современный хронист со злорадным удовольствием рассказывает, что у евреев было отнято больше золота, чем греки забрали из Трои. Еще более ужасной была судьба евреев Иерусалима. Когда армия крестоносцев под командованием Готфрида Бульонского после многих попыток взяла город штурмом и вырезала магометан, они загнали евреев, равванитов и караимов, в синагогу, подожгли ее и сожгли всех в ее стенах (15 июля 1099 г.).

Император Генрих, однако, всерьез желал защитить евреев своей империи. Услышав об ужасных сценах убийств в Майнце, которые произошли во время его отсутствия, он заставил своих князей и граждан принести клятву, что они будут соблюдать мир с евреями и что они не будут плохо обращаться с ними (1103). Защита, предоставленная таким образом императором евреям, принесла им временную пользу, но через некоторое время принесла плохие результаты. Таким образом, они стали зависимыми от правителя страны, почти его рабами.

Это обстоятельство было не единственным пагубным результатом первого крестового похода для немецких евреев. С одной стороны, папа Климент III утверждал, что новообращенные, присоединившиеся к Церкви, спасли себя от смерти, забыв, что все их существо было обращено против Церкви и что они относились к навязываемому им христианству с презрением и ненавистью. С другой стороны, те, кто остался евреями, держались в стороне от ренегатов, не вступали в браки и не общались с ними, хотя они продемонстрировали свою привязанность к иудаизму быстрым возвращением к нему. Таким образом, обе стороны считали этих несчастных людей отступниками. Однако, когда Раши услышал об этой ограниченности, его истинное благочестие возмутилось против этого. "Мы далеки от того, - сказал он, - чтобы отвергать тех, кто вернулся. Они действовали, боясь меча, и, не теряя времени, вернулись в иудаизм".

Другие результаты первого крестового похода были еще хуже. Немецкие евреи, и без того склонные к экстравагантному благочестию, стали еще более фанатичными из-за своих беспримерных страданий. Всякое веселье угасло среди них, и они облачились только во вретище и пепел. Хотя они ненавидели католическую церковь, они переняли ее обычай посещать могилы мучеников, которых они также называли святыми (Кедошим), возносили молитвы за умерших и просили их заступничества у небес. С этого времени иудаизм Германии приобрел мрачный вид. Так называемые поэты в своих покаянных молитвах и причитаниях говорили об изменениях только на одну тему - о страшных бедах и опустошении Израиля. Изучение Талмуда послужило противовесом растущей тенденции немецких евреев придавать своей религии покаянный характер. Это исследование, проводимое Раши, было защитой от

бездумного, задумчивого монашества. Тот, кто желал найти свой путь в запутанных лабиринтах Талмуда, должен был держать глаза открытыми для фактов и не мог допустить, чтобы его разум заржавел. Изучение Талмуда стало бальзамом на раны, нанесенные толпой крестоносцев общинам Рейнского округа. Удовольствие, получаемое от творческой мысли, царило в школах и подавляло печаль и отчаяние; и Дом обучения стал прибежищем несчастных угнетенных. Два человека, которые дали великий импульс изучению талмуда, умерли в начале двенадцатого века. Это были Исаак Альфасси (умер в 1103 году) и Раши, который умер два года спустя (1105 год, 29 Тамуза—13 июля). Оба оставили большое количество учеников, которые распространяли изучение Талмуда, и оба были высоко почитаемы своими современниками и потомками. Восхищение испанцев Альфасси было выражено, как и подобало их высокой культуре, в стихах, в то время как немецкие евреи и евреи северной Франции, стоявшие на более низкой ступени культуры, увековечивали память о Раши экстравагантными легендами. Два молодых поэта, Моисей Ибн-Эзра и Иегуда Халеви, сочинили трогательные элегии на смерть Альфасси.

ГЛАВА XI. ЗЕНИТ ИСПАНО-ЕВРЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ: ИЕГУДА ХАЛЕВИ.

Евреи при Альморавидах—Джозеф Ибн Сахаль, Джозеф Ибн Цадик-Джозеф Ибн Мигаш-Поэты Ибн Гиат, Ибн Аббас, Ибн Сакбель и Ибн Эзра—Абулхассан Иегуда Халеви-Его стихи и философия—Хозари-Происшествия из его жизни-Принц Самуэль Альмансур-Паломничество Иегуды Халеви в Иерусалим-Его смерть.

1105-1148 гг. н. э.

Евреи Испании, даже андалузские, все еще могли считать эту культурную страну своим домом. Даже при варварах Альморавидах, ставших хозяевами юга, они жили в безопасности и мире, ибо эти люди не были фанатиками. Только однажды принц альморавидов по имени Юсуф Ибн-Тешуфин попытался принудить евреев своего округа принять ислам. Он путешествовал по Лусене и обратил внимание на густонаселенную еврейскую общину, которая благодаря Альфасси стала самой влиятельной в Испании. Принц созвал представителей евреев и объявил им, что он прочитал, что Магомет даровал евреям свободу вероисповедания при условии, что ожидаемый ими Мессия прибудет в течение 500 лет, и что если этот промежуток времени после Хиджры пройдет без его появления, евреи должны без сопротивления принять магометанство; что евреи эпохи Магомета приняли это условие, и теперь, по истечении времени, он (Юсуф Ибн-Тешуфин), лидер правоверных, ожидает, что они выполнят это условие, или его защита будет прекращена. изъятые у них, они были бы объявлены вне закона. Однако евреи Лусены денежными дарами и заступничеством его мудрого визиря Абдаллаха Ибн-Аллаха убедили Юсуфа изменить свое намерение.

При втором правителе династии Альморавидов Али (1106-1143) евреи не только жили в мире, но некоторым из них был доверен сбор подушной подати с еврейских и христианских жителей, а выдающиеся люди получили почетные должности при дворе. Наука и поэзия были необходимыми качествами для получения высокого звания. Еврейский врач и поэт Абу Айюб

(Соломон Ибн Альмуаллем) из Севильи был придворным врачом халифа Али и носил титулы принца и визиря. Алхаризи говорит, что его стихи сделали красноречивыми уста немых и осветили глаза слепых. Врач Абулхассан Абрахам бен Меир Ибн Камниал из Сарагосы также занимал высокий пост при дворе Али и также носил титул визиря. Величайшие поэты того времени воспевали благородство его души, его великодушие и его заинтересованность в благополучии своих единоверцев: "Принц, который ступает по земле, но чья цель - к звездам. Он молниеносно спешит творить добро, в то время как другие только крадутся вперед. Врата его щедрости открыты для его соотечественников и незнакомцев. Благодаря своему состоянию он спас тех, кто был обречен на смерть, и спас жизни тех, кто был обречен на разрушение. Принц (Ибн-Камниал) является защитой и стражем для своего народа; он живет в Испании, но его любящая доброта достигает Вавилона и Египта". Абу Исхак Ибн-Мохаджар также носил титул визиря и точно так же был увековечен поэтами. Принц Соломон Ибн-Фаруссал, которого также восхваляли его современники, по-видимому, состоял на службе у христианского принца, и ему было поручено посольство ко двору Мурсии. Незадолго до битвы при Уклесе, в которой магометанские войска одержали знаменательную победу над христианами, Ибн-Фаруссал был убит (1108, 20 ияра—2 мая). Молодому Иегуде Халеви, сочинившему хвалебную песнь по случаю приема визиря, пришлось переделать ее в элегию, посвященную скорбному известию об убийстве визиря.

Писатель-астроном Авраам бен Хия Альбарджелони (р. 1065, ум. в 1136 г.) занимал высокое положение при другом магометанском князе. Он был кем-то вроде министра полиции (Захиб ас-Шорта) и носил титул принца. Несколько правителей пользовались к нему большим уважением из-за его астрономических познаний, и он спорил с учеными священниками, которым демонстрировал точность еврейского календаря. Но он также практиковал псевдонауку астрологию и составлял гороскоп благоприятных и неблагоприятных часов дня. Таким же образом он рассчитал, что Мессия явится в 5118 году от рождества Христова (1358 год н. э.).

Таким образом, в тот период в Испании не было недостатка во влиятельных и знающих людях, но никто из них не действовал как центр, подобный Хасдаю Ибн-Шапруту и Самуэлю Ибн-Нагреле, от которого мог исходить импульс, который пробудил бы к деятельности дремлющие таланты или проложил путь для литературных усилий. Первая половина XII века произвела на свет огромное количество умных людей в еврейских кругах, поэтов, философов, талмудистов, и почти все их труды носили печать совершенства. Еврейская культура того периода напоминала сад, богатый пахучими цветами и сочными плодами, плоды которых, хотя и различны по цвету и вкусу, уходят корнями в одну и ту же землю. Мелочная ревность, которая делала несчастными Менахема бен Сарука и Ибн-Гебиroleя, враждебные чувства, существовавшие между Ибн Джанахом и Самуэлем Ибн-Нагрелой, между Альфасси и Ибн-Альбалией, были изгнаны из этого круга. Поэты восхваляли друг друга и сердечно восхваляли людей, посвятивших свои силы другой интеллектуальной работе. Они проявляли величайший интерес к успехам друг друга, утешали друг друга в несчастьях и относились друг к другу как к членам одной семьи. Сердечные чувства, которые еврейские поэты и ученые люди питали друг к другу, являются полнейшим свидетельством их благородства ума.

В истории тех времен трудно зафиксировать и описать всех важных персонажей. В тот период было семь выдающихся раввинов, почти все ученики Альфасси, которые, помимо изучения Талмуда, проявляли вкус к поэзии и науке и частично посвятили себя этим занятиям. В Кордове раввином был Джозеф бен Якоб Ибн-Сахаль (родился в 1070 году, умер в 1124 году), ученик Ибн-

Гиата. Похоже, в юности он столкнулся с неприятностями, и в своих стихах он жалуется, что его собственные усилия не были оценены по достоинству и что поэзия в целом не пользуется уважением. Моисею Ибн-Эзре, который был его закадычным другом, он написал стихотворное письмо со слезами. Ибн-Эзра, который тоже жаждал сочувствия, утешил его стихотворением, написанным в той же рифме и размере, что и у Ибн-Сахаля. Стихи легкие, плавные и гладкие, хотя и без особой глубины.

Его преемник в раввинате Кордовы Абу-Амр Джозеф бен Цадик Ибн-Цадик (родился в 1080 году, умер в 1148-49 годах) был еще более знаменит. Хотя Ибн-Цадик известен как опытный талмудист, его работы не являются талмудическими, а состоят из философских трактатов на арабском языке. Ибн-Цадик посвятил свой религиозно-философский труд "Микрокосмос" ученику, который попросил дать ему наставления о величайшем благе, к которому может стремиться человек. Мысли, развитые Ибн-Цади́ком, ни в коем случае не новы, они были актуальны в арабской философии того времени, но были изменены им таким образом, чтобы вписаться в систему иудаизма. Познание себя ведет к познанию Бога, к чистому пониманию идеи Бога и к признанию того, что мир был сотворен из ничего божественной волей. Эта воля содержится в Откровении, в Торе; Бог открыл ее человеку не ради Себя самого, ибо Он богат, самодостаточен и не имеет нужд, но для того, чтобы способствовать счастью человека в потустороннем мире. Первый долг человека, еврея, слуги Божьего, состоит в том, чтобы развивать свой ум и приобретать мудрость и понимание, чтобы он мог почитать Бога достойным и духовным образом и обрести блаженство будущего счастья. Ибн-Цадик также отмечает, что обряды иудаизма, такие как соблюдение субботы, созвучны смыслу и божественной мудрости. Человек обладает свободной волей, и естественно, что Бог назначает ему награду и наказание за его поступки. Наградой души является ее возвращение к своему источнику, вселенской душе, и единственным мыслимым наказанием является неспособность грешной души достичь этой цели. Душа грешника, запятнанная земными недостатками, не может взлететь на крыльях к небесам, но без отдыха порхает по миру; и в этом ее наказание. Философский труд Ибн-Цадика, носивший на себе печать посредственности, был мало замечен его современниками и преемниками. Его слава как поэта была невелика, хотя его литургические и другие стихи легки и приятны. Это не излишества поэтической души, а в какой-то степени дань моде.

Джозеф бен Меир Ибн-Мигаш Халеви (родился в 1077 году, умер в 1141 году) превзошел своих современников в знании Талмуда. Внук важного человека при дворе Аббадидов в Севилье и сын ученого отца, он на двенадцатом году жизни стал учеником школы Альфасси, лекции которой непрерывно посещал в течение четырнадцати лет. Когда Ибн-Мигаш женился (в 1100 году), Иегуда Халеви сочинил для молодой пары сияющую эпиграмму. Перед смертью Альфасси избрал его своим преемником и этим поступком продемонстрировал благородство своего характера; ибо, хотя он оставил после себя ученого сына, он предпочел своим преемником своего одаренного ученика. Мудрость выбора молодого человека двадцати шести лет, по-видимому, была поставлена под сомнение некоторыми членами конгрегации (Сиван, май, 1103 г.). Иосиф Ибн-Мигаш заслужил расточаемые ему похвалы за свои интеллектуальные и моральные качества. Его происхождение из древней и благородной семьи, его высокое положение главы самого уважаемого сообщества не повлияли на его скромность, и достоинство его важной должности не лишило его скромности. Однако, несмотря на свой мягкий характер, он проявлял предельную суровость, когда речь шла о благополучии иудаизма.

Испания находилась в это время в возбужденном состоянии и разделилась на партии. В Андалусии коренные арабы противостояли победоносным альморавидским берберам, и они нападали друг на друга тайно и открыто; христиане (мосарабы), поселившиеся по соседству с Гранадой, тайно составили заговор против своих магометанских землевладельцев и, призвав завоевателя Сарагосы, Альфонсо Арагонского, пообещали передать Гранаду ему. Христианская Испания была разделена не меньше, хотя Кастилия и Арагон должны были объединиться благодаря браку Альфонсо Арагонского и Урраки, королевы Кастилии. Этот несчастливый брак стал причиной анархии. Одна партия встала на сторону короля, другая - королевы, а третья - юного принца Альфонсо VII, чей учитель натравил его на мать и отчима. Часто видели, как христиане и магометане сражались под одним знаменем, иногда против христианского князя, иногда против магометанского эмира. Заключение и разрыв международных договоров быстро сменяли друг друга. Обман и вероломство происходили постоянно, и даже духовенство, занимавшее высокое положение, переходило из партии в партию и сражалось со своими бывшими союзниками или помогало своим бывшим врагам.

Евреи Испании не оставались нейтральными и добровольно или вынужденно присоединялись к той или иной партии, как того требовали их интересы или политические убеждения. Когда магометане или христиане устраивали заговор, они могли, в случае разоблачения, укрыться у своих могущественных единоверцев. Евреи, однако, не пользовались такой защитой и могли держаться вместе только ради безопасности. Поэтому предательство в их среде было для них самым пагубным, поскольку гнев разъяренных правителей обрушился не только на заговорщиков или их паству, но и на все еврейское население страны. Поэтому, когда член конгрегации Лусены однажды пригрозил предать своих единоверцев, раввин и судья Джозеф Ибн-Мигаш решил показать ему пример. Он приговорил предателя к забиванию камнями до смерти в сумерках в День Искупления. Иосиф Ибн-Мигаш оставил ученого сына Меира (1144) и большой круг учеников, среди которых был Маймун из Кордовы, чьему сыну было суждено начать новую эру в еврейской истории.

По мере роста изучения Талмуда в Испании толкование Библии и изучение грамматики иврита приходили в упадок. Развитие этих направлений было приостановлено. Но, с другой стороны, этот период был богат поэтами. Еврейский язык за два столетия, прошедшие после Бен-Лабрата, стал гладким и пластичным, так что составлять стихи, использовать рифму и размер не составляло труда. Задействованные формы, специально разработанные Соломоном Ибн-Гебиролем, нашли множество подражателей. Арабский обычай писать дружеские письма в стихах, перенятый испанскими евреями, сделал знание просодии необходимостью: тот, кто не хотел показаться неграмотным, должен был научиться составлять стихи. Количество стихотворений, которые в этот период увидели свет, исчислялось легионом. Среди достойных упоминания поэтов, которые также занимались другими делами, помимо поэзии, были Иуда Ибн Гиат, Иуда Ибн Аббас, Соломон Ибн Сакбель и братья Ибн Эзра. Всех их превзошел принц поэтов Иегуда Халеви, признанный даже своими современниками мастером песни.

Соломон бен Сакбель, родственник раввина Джозефа Ибн-Сахаля, в отличие от Ибн-Гиата и Ибн-Аббаса, чья муза была серьезной, использовал иврит для легких любовных стихов. Новая форма поэзии, введенная арабским поэтом Харири из Басры, побудила Ибн-Сакбеля предпринять аналогичную попытку на иврите; он написал своего рода сатирический роман под названием "Тахкемони", герой которого, Ашер бен Иегуда, подвергается разочарованиям и превратностям судьбы. Герой рассказывает о своих приключениях рифмованной прозой,

перемежаемой стихами; он рассказывает, как вместе со своей возлюбленной долгое время провел в лесной глуши, пока, устав от однообразия, не возжелал присоединиться к кругу друзей, которые проводили время в пиршествах. Привлеченный письмом какой-то неизвестной красавицы, он отправился на ее поиски и был введен в гарем, хозяин которого с мрачным "берберским видом" пригрозил ему смертью. Однако это была всего лишь маска, надетая служанкой его возлюбленной, чтобы напугать его. В конце концов у него появилась надежда достичь своей цели, но когда он встречает предполагаемую любовницу, то обнаруживает, что все это было шуткой друга. Это стихотворение не имеет художественных достоинств и является всего лишь подражанием его арабскому образцу. Легкость, с которой Ибн-Сакбель использует иврит, и умение, с которым он сочетает глубоко серьезные размышления с легчайшим подшучиванием, - вот единственные черты, заслуживающие восхищения.

Четыре брата Ибн-Эзра из Гранады были богато одарены; они были знатны, образованны и состоятельны. Их звали Абу-Ибрагим Исаак, Абу-Харун Моисей, Абулхассан Джехуда и Абу-Хаджадж Джозеф, самый младший. Их отец Иаков занимал должность при короле Хабусе, или, скорее, при его визире Ибн-Нагреле. По их благородному характеру, сказал современный историк, можно было бы догадаться, что эти четверо знатных сыновей Ибн-Эзры были кровными родственниками Давида и происходили из древнего рода. Самым знаменитым среди них был Абу-Харун Моисей (родился в 1070 году, умер в 1139 году), который хвастался, что был учеником своего старшего брата. Он был самым плодовитым поэтом своего времени.

Несчастье, похоже, пробудило его музу. Он любил свою племянницу, которая любила его в ответ. Брат, однако, отказался отдать ему свою дочь, и другие братья одобрили это решение. Моисей бежал из дома своего отца и отправился в Португалию и Кастилию (1100). Его мучили муки любви, и время не залечило его ран. Ложные друзья, похоже, увеличили пропасть между ним и его братьями. Его любовь нашла выражение в стихах, и муза стала его утешительницей. Он стремился утопить свою печаль в серьезной учебе и найти в знаниях утешение после потери своих братьев и возлюбленной. Он действительно приобрел друзей и почитателей, которые оставались верны ему до самой смерти. Человек, занимающий высокое положение в христианской Испании, которого представляют как благодетеля евреев, проявил интерес к несчастному Моисею, которому он подарил свою дружбу. Моисей Ибн-Эзра во многих отношениях напоминал Соломона Ибн-Гебирию. Он также жаловался на обман и зависть, а также на трудности и неверие того времени. Как и поэта из Малаги, его вдохновляют собственные эмоции; в его поэтических излияниях нет великой цели. Но Моисей Ибн-Эзра не был таким нежным и впечатлительным, как Ибн-Гебирия, и не был таким печальным или жалующимся, но иногда пел веселые песни и развлекался с музой. Как поэт он сильно отставал от Ибн-Гебирии. Его поэзия была натянутой и неестественной, его стихи часто были жесткими, лишенными сладости и свежести, не были ни ритмичными, ни гармоничными. Моисей Ибн-Эзра особенно любил использовать слова с одним и тем же звучанием, но с разным и часто противоположным значением - привычку, которую он перенял у арабских поэтов. Его владение ивритом, обилие его поэтических произведений и разнообразие размеров, которыми он обогатил ивритскую поэзию, в равной степени достойны восхищения. Он сочинил цикл песен, который называл "Нитка жемчуга", состоящий из 1210 стихов в десяти разделах; они были посвящены его покровителю Ибн-Камниалу. Эти стихи столь же разнообразны по форме, как и по содержанию. Поэт в этом сборнике попеременно воспекает вино, любовь и радость, сладострастную жизнь среди лиственных беседок и пения птиц, жалуется на разлуку с друзьями, на неверие и приближение старости, между прочим рекомендует доверять Богу и,

наконец, восхваляет искусство поэзии. Моисей Ибн-Эзра также сочинил триста стихотворений, состоящих более чем из десяти тысяч стихотворений, для особых случаев, а также двести молитв на Новый год и День Искупления, части из которых были включены в ритуал многих конгрегаций (общин Испании, Монпелье, Авиньона и Романьолей). Но лишь немногие из его религиозных стихотворений обладают истинным поэтическим пылом; все они написаны по правилам искусства, но истинной красоты не хватает. Моисей Ибн-Эзра написал на арабском языке диссертацию о правилах поэтического искусства под названием "Беседы и воспоминания", которая в то же время является своего рода историей испано-еврейской поэзии с ее первых зачатков. Эта работа, посвященная также арабской и кастильской поэзии, является сокровищем для истории литературы Испании. Самым бедным произведением Моисея Ибн-Эзры является его так называемый философский трактат, написанный на иврите, в котором он излагает бесплодную философию того времени по арабским образцам.

Несмотря на его сравнительную незначительность как философа и посредственность как поэта, Моисей Ибн-Эзра пользовался большим уважением современников из-за его способности писать. Он был в дружеских отношениях со всеми важными персонами того времени, и они восхваляли его в прозе и стихах, и он точно так же восхвалял их. Он примирился со своими братьями, когда любовь его юности умерла при рождении мальчика (1114). На смертном одре она говорила о нем, и ее слова, ставшие для него святым воспоминанием, вдохновили его на написание элегии, которая, проникнутая истинным чувством, была гораздо более поэтичной, чем другие его произведения. Эту элегию Моисей Ибн-Эзра послал своему старшему брату, и это был первый шаг к их примирению. Когда его братья один за другим покидали эту землю, оставшийся в живых был переполнен горем и посвятил их памяти полные чувства стихи. Моисей Ибн-Эзра сохранил свой поэтический дар до глубокой старости. Иегуда Халеви написал трогательную дань его памяти.

Ярким светилом этого периода и его главным выразителем был Абулхассан Иегуда бен Самуэль Халеви (Ибн-Алави), родившийся в Старой Кастилии в 1086 году. В анналах человечества его имя заслуживает отдельной страницы с золотой каймой. Чтобы достойно описать его, истории пришлось бы позаимствовать у поэзии ее самые яркие краски и самые сладкие тона. Иегуда Халеви был одним из избранных, к которому без преувеличения можно применить выражение "образ Божий". Он был совершенным поэтом, совершенным мыслителем, достойным сыном иудаизма, который благодаря его поэзии и мысли был облагорожен и идеализирован.

Когда Испания отбросит свои предрассудки и перестанет оценивать величие своих исторических персонажей по меркам Церкви, тогда Иегуда Халеви займет почетное место в ее Пантеоне. Еврейский народ уже давно увенчал его лавровым венком поэзии и признал богатство благочестия и чистую нравственность, которыми он обладал.

"Чистой и верной, всегда незапятнанной
Была его песня, такой же, какой была его душа:
Душа, которую Создатель вылепил,
Восхищенный делом своих рук,

Прямо он поцеловал прекрасный дух;
И этот поцелуй, отдающийся эхом сладчайшей музыки, наполняет трепетом все пение
посвященного поэта".

Его глубокая нравственная серьезность была тесно связана с жизнерадостной, безмятежной философией жизни. Восхищение, которым его осыпали, не уничтожило его скромности, и, несмотря на его преданность своим друзьям, он все еще сохранял свои особые черты характера и независимость своих взглядов. Его богатый запас знаний сосредоточился в одном центре, и каким бы великим поэтом в лучшем смысле этого слова он ни был, он остро осознавал свои собственные чувства, мысли и поступки. Он устанавливал для себя правила и оставался верен им. Какими бы глубокими ни были его чувства, он был далек от избытка чувств или сентиментальности.

В биографии Иегуды Халеви нет ничего экстраординарного. Родившийся в христианской Испании, он учился в колледже Альфасси в Лусене, потому что Кастилия и север Испании все еще испытывали нехватку ученых-талмудистов. Когда он был еще юношей, как в случае с Ибн-Гебиroleм, муза будила его; однако не печальными тонами, как у последнего, а чистыми, радостными звуками. Он воспевал в песнях счастливые переживания своих друзей и товарищей, свадьбу Ибн-Мигаши, рождение первенца в доме Баруха Ибн-Альбалии (около 1100 года). Удача улыбалась этому любимцу муз с юности, и из его поэтического сердца никогда не исходило резких раздоров. На юге Испании он познакомился с благородной и культурной семьей Ибн-Эзры. Узнав, что Моисей Ибн-Эзра разочаровался в любви и сам отправился в изгнание, молодой поэт разыскал своего старшего брата-поэта, чтобы утешить его своими песнями. Последний, пораженный прекрасными стихами Иегуды и его переполняющими чувствами, ответил ему стихотворными произведениями.

Иегуда Халеви, по-видимому, находился в Лусене, когда умер Альфасси, и Джозеф Ибн-Мигаш сменил его на посту раввина (1103). По случаю своей смерти Галеви сочинил прекрасную элегию и отпраздновал восшествие на престол своего преемника стихотворением, выражающим его почтение и глубокое уважение. Молодой человек тоже испытал наслаждение и боль любви; он пел о глазах своей возлюбленной, похожих на газель, о ее розовых губах, о ее волосах цвета воронова крыла. Он жаловался на ее неверность и на раны, разрывающие его сердце. Его любовные стихи дышат огнем юности и демонстрируют опрометчивую порывистость. В его стихах были изображены южные небеса, зеленые луга и голубые ручьи. Даже его ранние стихи несут на себе печать художественного лоска, богатой фантазии и прекрасной симметрии, теплоты и очарования. Здесь нет простого звона слов, нет бездумного произнесения — все проявляет гармонию и твердость прикосновения. Иегуда Халеви, по-видимому, полностью подавил муки любви, поскольку в его дальнейшей жизни и стихотворениях не обнаружено никаких следов этого.

Иегуда Халеви не только полностью овладел ивритом и художественными формами неоеврейской поэзии, но и получил доскональное знание Талмуда, изучал естественные науки, проник даже в глубины метафизики и был искусен во всех областях науки. Он элегантно писал по-арабски и был знаком с зарождающейся кастильской поэзией. Он зарабатывал на жизнь как врач, занимаясь медициной по возвращении на родину. По-видимому, его высоко ценили за медицинские способности, поскольку однажды он написал другу, что, живя в большом городе, усердно занимается своим искусством. Но, несмотря на свою постоянную заботу о телах больных и умирающих, он не забывал о своей собственной душе, но всегда придерживался

идеалов своей жизни. Интересно следующее письмо, которое он написал другу, когда был уже в преклонных годах (около 1130 г.):

"В часы, не относящиеся ни к дню, ни к ночи, я занимаюсь тщеславием медицинской науки, хотя и не умею лечить. Город, в котором я живу, велик, жители - великаны, но они жестокие правители. Чем я мог бы умиротворить их лучше, чем проводя свои дни в лечении их болезней! Я лечу Вавилон, но он по-прежнему немощен. Я взываю к Богу, чтобы Он поскорее послал мне избавление и дал мне свободу наслаждаться покоем, чтобы я мог вернуться в какое-нибудь место живого знания, к источнику мудрости".

Город, о котором здесь говорит Иегуда, - Толедо, где он провел годы своей зрелости. Однако ему очень хотелось уехать оттуда, поскольку Толедо еще не стал центром еврейской образованности.

Вся сила его творческого гения была отдана искусству поэзии и вдумчивому исследованию иудаизма. У него было более правильное представление о поэзии, которую он ценил как нечто святое и данное Богом, чем у его арабских и еврейских современников. Он отчетливо высказал точку зрения, что способность к сочинению стихов должна быть врожденной, оригинальной, а не приобретенной. Он насмеялся над теми, кто устанавливал законы о метре и рифме, и был очень точен в этих вопросах. Истинно вдохновленный поэт несет в себе законы и никогда не будет виновен в каких-либо промахах или неточностях. Пока он был молод, он растрачивал золото своей богатой поэзии на легкие, надуманные темы и, следуя примеру других, писал искрометные стихи, в которых прославлял своих многочисленных друзей. Он пел о вине и удовольствиях и сочинял загадки. Когда друзья упрекнули его за такое поведение (около 1110 г.), он с юношеской дерзостью ответил:

"Должен ли тот, чьим годам едва исполнилось двадцать четыре,
Предаться удовольствиям и больше не пить вина?"

В этих поэтических мелочах ему доставляло удовольствие демонстрировать свое мастерство в преодолении трудностей сложных метров. Очень часто он завершал стихотворение арабским или кастильским стихотворением. По словам и структуре узнаешь великого мастера, который умел несколькими смелыми росчерками пера передать целостную картину. Его описания природы можно поставить в один ряд с лучшими поэтическими произведениями всех языков. Мы видим, как распускаются цветы; мы глубоко вдыхаем бальзам, которым пропитаны его стихи. Ветви сгибаются под тяжестью своих золотых плодов; мы слышим, как певчие птицы воздуха изливают свои сладкие напевы любви; он мастерски рисует солнечный свет и чистый воздух. Когда он описывает волнение бушующего моря, он передает читателю все возвышенные эмоции и тревогу, которые испытывал сам. Но во всем этом не раскрывается действие его великой души; в какой-то мере это была лишь дань уважения, которую он отдавал ее человеческой части и моде того времени. Даже его религиозные стихи, которые по количеству не превосходят стихотворения его старшего товарища-поэта Моисея Ибн-Эзры, ибо их насчитывается триста, но которые по глубине, сердечному пылу и отточенности превосходят как его, так и других предшественников, не раскрывают истинного величия его поэтического гения.

Важность Иегуды Халеви как поэта заключается в тех стихотворениях, которые дышат национально-религиозным духом. В них его идеи вырываются из глубин его сердца, все его существо поднимается ввысь в экстазе, и когда он поет о Сионе и его прошлой и будущей славе, когда он опускает голову в трауре по его нынешнему рабству, мы обнаруживаем истинный дух его поэзии, ничего искусственного или наигранного, но все пронизано сильным чувством. Из всей неоеврейской поэзии "Песни о Сионе" Иегуды Халеви лучше всего можно сравнить с Псалмами. Когда он оплакивает вдовство Сионы или мечтает о ее будущем великолепии и изображает, как она снова соединится со своим Богом и своими детьми, нам кажется, что мы слушаем одного из сыновей Кореевых. Муза Иегуды Халеви в ее зрелом возрасте преследовала возвышенную цель; она состояла в том, чтобы воспевать Израиль, его Бога и святилище, его прошлое и его будущее и оплакивать его унижение. Он был национальным поэтом, и поэтому его песни захватывают читателя с непреодолимой силой. Жалобы Ибн-Гебиrole на его собственное покинутое положение могут вызвать лишь слабый интерес; страдания Моисея Ибн-Эзры из-за его несчастной любви не оставляют нас равнодушными; но страдания Иегуды Халеви из-за его горячо любимого Сиона не могут не тронуть каждое восприимчивое сердце.

Национальная поэзия Иегуды Халеви имеет более высокую ценность, поскольку ее источником являются не простые поэтические чувства, а искренняя и страстная убежденность. Он был не только совершенным поэтом, но и блестящим мыслителем; в нем полностью слились чувства и мысли. Поэзия и философия были тесно связаны в нем, и они не были ни странными, ни заимствованными, ни искусственно приобретенными, но каждая из них была его врожденным достоянием. Точно так же, как он выразил национальные чувства Израиля в своих "песнях Сиона", он оригинально и духовно интерпретировал, если можно так выразиться, национальные мысли иудаизма. Поэзией и философией он пользовался только для того, чтобы прославлять и одухотворять наследие Израиля. Он выдвинул оригинальные идеи об отношении Бога к миру, человека к своему Создателю, о ценности метафизических спекуляций, о их связи с иудаизмом и о важности этой религии в отличие от христианства и ислама. Все эти проблемы он решал не сухо, схоластически, а живо, интересно и убедительно. Если в его текстах мы можем сравнить его с сыном Кореевым, то в развитии своих мыслей он напоминает автора книги Иова, но он богаче по содержанию, глубже, всеобъемлюще. У Иова или у Платона Иегуда Халеви позаимствовал форму, в которой представлена его религиозно-философская система. Он излагает свои мысли в форме диалога и, подобно автору книги Иова, сочетает их с историческим фактом, тем самым придавая теме более острый интерес и производя неизгладимое впечатление. Когда некоторые из его учеников спросили его, как он может защитить раввинский иудаизм и как ответить на возражения, выдвигаемые против него философией, христианством, исламом и караимами, он представил свой ответ во всеобъемлющей, эрудированной работе в форме диалога, написанного изящным арабским языком. Как следует из названия, книга была призвана продемонстрировать истинность иудаизма и оправдать презираемую религию.

Язычник, который ничего не знал ни о мудрости схоластов, ни о трех существующих религиях, но который чувствовал необходимость соединиться в духовном, исполненном любви союзе со своим Создателем, убеждается в истинности иудаизма. Этот язычник - Булан, царь хазар, который сам принял иудейскую веру. Им пользуется кастильский философ, чтобы придать своей работе исторический характер, и поэтому она носит название Чозари (неправильно пишется Кусари). Остроумное предисловие, написанное в соответствующем стиле, возбуждает интерес читателя.

Ангел неоднократно являлся во сне царю хазар, который был ревностным приверженцем своего идолопоклоннического культа, но человеком благочестивого склада ума, и обращался к нему с такими многозначительными словами: "Намерение твое благое, но не способ, которым ты служишь Богу". Чтобы с уверенностью установить, каким образом следует поклоняться Божеству, царь обратился к философу. Мудрец, отчасти последователь аристотелевской, отчасти неоплатонической системы, воспитывал в короле скорее недоверие, чем веру. Он сказал ему, что Бог слишком возвышен, чтобы вступать в какие-либо отношения с человеком или требовать какого-либо благоговейного поклонения.

Царь хазар вовсе не был удовлетворен этим безрадостным изложением. Он чувствовал, что поступки, направленные на прославление Бога, должны иметь абсолютную ценность сами по себе, и без этого благочестивые и нравственные мысли могли бы иметь лишь небольшую ценность. Было невозможно понять, почему, если форма поклонения Богу должна была быть совершенно безразличной, христианство и ислам, разделившие мир между собой, должны воевать друг против друга и даже рассматривать взаимное истребление как святое дело, посредством которого можно достичь рая. Более того, обе религии апеллируют к божественным проявлениям и мудрым пророкам, через посредство которых Божество творило чудеса. Следовательно, Бог должен каким-то образом иметь отношение к человечеству. Должно быть, существует нечто таинственное, о чем философы понятия не имеют. Вслед за этим король решил обратиться к представителю христианской веры и магометанину, чтобы научиться у них истинной религии. Сначала ему и в голову не пришло спрашивать совета у евреев, потому что из их жалкого положения и всеобщего презрения, в котором они находились, было достаточно очевидно деградированное состояние их религии.

Священник выступал перед королем в качестве выразителя догматов христианской веры. Христианство, сказал он, верит в вечность Бога и сотворение мира из ничего, и что все люди произошли от Адама; оно принимает как истину все, чему учат Тора и Священные Писания иудаизма, но придерживается в качестве своей основной догмы воплощения Божества через девственницу из еврейского царского дома. Сын Божий, Отец и Святой Дух образуют единое целое. Христиане почитают эту троицу как единство, хотя эта фраза, по-видимому, указывает на тройственную личность. Христиане должны рассматриваться как настоящие израильтяне, а двенадцать апостолов занимают место двенадцати колен.

Ответ христианина удовлетворил короля так же мало, как и ответ Философа, поскольку этот ответ не соответствовал требованиям разума. Христианин, считал он, должен был привести положительные, неопровержимые доказательства, которые удовлетворили бы человеческий интеллект. Поэтому он считал своим долгом продолжать поиски истинной религии.

После этого он спросил у магометанского богослова об основах веры ислама. Мусульмане верят, как он утверждал, в единство и вечность Бога и в *творение из ничего*; но отвергают антропоморфные концепции. Магомет был последним и самым важным среди пророков, который призывал всех людей к вере и обещал правоверным рай со всеми прелестями еды, питья и сладострастной любви, а неверным - вечный огонь проклятия. Истинность ислама зависит от того факта, что ни один человек не способен создать такую замечательную книгу, как Коран, или хотя бы одну из его Сур. Ему также король ответил, что факт интимного общения Бога со смертными должен основываться на неопровержимых доказательствах, которых внутренние свидетельства божественного происхождения Корана не предоставляют, ибо даже если его

дикция способна убедить араба, она не имеет власти над теми, кто не знаком с арабским языком.

Поскольку и христиане, и мусульмане относили свои религии к иудаизму, чтобы проверить историческую основу каждой из них, царь-искатель истины в конце концов решил преодолеть свое предубеждение против иудаизма и навести справки у еврейского мудреца. Последний в ответ на просьбу царя изложил принципы своего вероучения следующим образом: "Евреи верят в Бога своих предков, который освободил израильтян из Египта, творил ради них чудеса, привел их в Святую Землю и воздвиг среди них пророков — короче говоря, во все, чему учит Священное Писание". На это царь хазар ответил: "Значит, я был прав, не обращаясь с просьбой к евреям, потому что их жалкое, низкое положение уничтожило в них все разумные идеи. Ты, о еврей, должен был исходить из того, что веришь в Создателя и Правителя мира, вместо того чтобы излагать мне столь сухую и непривлекательную массу фактов, которые имеют значение только для тебя". Еврейский мудрец ответил: "Это представление о том, что Бог является Создателем и Правителем вселенной, требует длительной демонстрации, и философы придерживаются разных мнений по этому вопросу. Вера, однако, в то, что Бог творил чудеса для нас, израильтян, не требует доказательств, поскольку она зависит от свидетельств несомненных очевидцев". Начиная с этого момента, перед религиозным философом Иегудой Халеви стоит простая задача - раскрыть доказательства истинности и божественного характера иудаизма. Философия полностью отвергает Бога и религию, не зная, какое место отвести им в мире. Христианство и ислам отворачиваются от разума, поскольку находят разум противоположным основным доктринам своих религий. Иудаизм, напротив, исходит из констатации наблюдаемых фактов, которые разум никак не может объяснить. Это вполне совместимо с разумом, но устанавливает для разума его пределы и не принимает выводов разума, часто вырождаясь в софистику, когда уверенности можно достичь другим способом.

В своем правильном взгляде на ценность спекулятивной мысли Иегуда Халеви был одинок в свое время, и предвосхитил многие столетия. Мыслители его времени, евреи, магометане и христиане, раввины, улемы и церковники, преклоняли колени перед Аристотелем, чьи философские суждения о Боге и Его отношении к миру они ставили выше Священного Писания, или, по крайней мере, они усложняли и утончали библейские стихи до тех пор, пока они не выражали философскую идею, и таким образом они становились одновременно верующими и скептиками. Только у Иегуды Халеви хватило смелости указать на пределы, установленные природой для человеческой мысли, и провозгласить: "Так далеко ты зайдешь, и не дальше". Философия не имеет права нападать на хорошо зарекомендовавшие себя факты, но должна принимать их как неоспоримые истины; она должна отталкиваться от них как от основы, применяя свою способность согласовывать факты и освещать их с помощью разума. Точно так же, как в царстве природы интеллект не осмеливается отрицать реальные явления, когда они проявляются, какими бы поразительными и противоречащими разуму они ни казались, но должен стремиться постичь их, точно так же он должен действовать, когда касается вопроса о познании Бога. Эта превосходная и неопровержимая идея, которая в последние годы, после долгих блужданий по лабиринтам философии, наконец нашла для себя выход, была впервые высказана Иегудой Халеви. В стихотворении, столь же прекрасном, сколь и правдивом, он таким образом выражает свое мнение о греческом духе, на который так охотно воздействовали прилежные последователи философии:

"Не соблазняйтесь мудростью греков,
Которая приносит только прекрасные цветы, но не плоды.
В чем его суть? Что Бог сотворил не мир,
Который с самого начала был окутан мифами.
Если к его словам ты прислушиваешься с готовностью, ты
возвращаешься с болтливым ртом, с пустым сердцем, неудовлетворенный".

Согласно этой системе, иудаизм вообще не может подвергаться нападкам со стороны философии, потому что он стоит на прочной основе, которую мыслитель должен уважать, на основе исторических фактов. Еврейская религия вошла в мир не постепенно, понемногу, а внезапно, как нечто новосозданное. Это было открыто огромному множеству людей — миллионам людей, — у которых было достаточно средств для выяснения, не были ли они обмануты каким-либо обманом. Более того, все чудеса, которые предшествовали откровению на Синае и продолжали происходить во время странствий по пустыне, происходили в присутствии множества людей. Очевидное вмешательство Бога проявилось не только в одном случае, в начале становления национальности Израиля, но и часто, в течение пятисот лет, оно проявлялось в излиянии духа пророчества на определенных людей и классы. В силу этого характера, подтвержденной достоверности этих фактов, иудаизм наделен большей уверенностью, чем та, которая установлена философией. Существование Бога более убедительно доказывается откровением на Синае, чем выводами интеллекта. Иегуда Халеви считал, что он не только выбил почву из-под философских взглядов своего времени, но и подорвал основы как христианства, так и ислама и установил критерий, по которому истинную религию можно отличить от ложной. Иудаизм не питает своих приверженцев надеждой на будущий мир, полный блаженства, но дарует им здесь, на земле, проблеск небесного царства и поднимает, посредством прочной цепи неоспоримых фактов, надежду на бессмертие души на уровень абсолютной уверенности.

Излагая таким образом общие принципы иудаизма, он до сих пор не обосновал его во всех деталях. Чтобы сделать это, Иегуда Халеви выдвинул точку зрения, которая, безусловно, оригинальна и остроумна. Истина творения, изложенная в Торе, является предполагаемой, и он исходит из того факта, что Адам был душой и телом совершенно совершенным, когда он вышел из рук Творца, без каких-либо беспокоящих влияний предков, и идеал, к которому должен стремиться человек, был изложен во всей его чистоте. Все истины, доступные человеческой душе, могли быть известны Адаму без какого-либо утомительного изучения, благодаря его врожденному сознанию, и он обладал, так сказать, пророческой природой, и поэтому был назван сыном Божьим. Это совершенство, этот духовный и нравственный дар он завещал тем из своих потомков, которые в силу своей духовной подготовленности были способны его получить. Через длинную цепь предков, с некоторыми незначительными перерывами, эта врожденная добродетель перешла к Аврааму, основателю семьи израильтян, а оттуда к предкам двенадцати колен. Таким образом, народ Израиля составляет сердце и сердцевину человеческой расы, и по божественной благодати, и особенно благодаря дару пророчества, он был особенно приспособлен для этого положения. Эта идеальная природа возвышает обладателя; можно сказать, что она представляет собой промежуточную ступень между человеком и ангелами. Для того чтобы обрести и сохранить этот божественный дар, необходимо иметь какое-нибудь место, которое в силу климатических условий способствует развитию более высокой духовной жизни. Для этой цели Бог избрал землю Ханаан. Как и Израиль, Святая Земля была выбрана

специально; она была выбрана потому, что находится в центре земли. Там правление Бога проявилось в появлении пророков и необычайных благословениях и проклятиях, которые были сверхъестественными. Заповеди и запреты, которые предписывает иудаизм, являются средствами, с помощью которых может быть возвращена и сохранена божественная пророческая природа израильского народа. С этой целью были назначены священники дома Аарона, возведен Храм, установлены законы о жертвоприношениях и весь кодекс. Один Бог, от которого исходят все эти законы, знает, насколько они помогают в достижении этой великой цели. Человеческая мудрость не осмеливается придираться к ним или изменять их, потому что самое незначительное изменение может легко привести к тому, что великая цель будет упущена из виду, даже когда природа производит разнообразные продукты за счет незначительных изменений почвы и климата. Обязанности морали или законы разума не составляют особенность иудаизма, как многие воображают. Скорее всего, это основы, на которых было основано содружество, поскольку даже банда разбойников не может обойтись без справедливости, если она хочет держаться вместе. Религиозные обязанности являются истинной основой иудаизма и предназначены для сохранения в народе Израиля божественного света, благодати и постоянного пророческого вдохновения.

Хотя точное значение религиозных законов справедливо утаивается от человеческого понимания, мудрость их создателя все же отражена в них. Иудаизм не предполагает ни жизни отшельника, ни аскетического умерщвления плоти; и, будучи противником мрачной меланхолии, он желает видеть в своих последователях радостный настрой. Она указывает на пределы деятельности души и побуждения сердца и, таким образом, поддерживает индивидуальную и общественную жизнь нации в гармоничном равновесии. Человек, заслуживающий называться благочестивым с еврейской точки зрения, не бежит от мира, не презирает жизнь и не желает смерти, чтобы быстрее обрести вечную жизнь; он не отказывает себе в радостях жизни, но является честным стражем своей собственной территории, то есть своего тела и души. Он наделяет все способности тела и души тем, что причитается каждой из них, защищает их от нужды и избытка, тем самым делая их послушными, и использует их как добровольные инструменты, позволяющие ему подняться к высшей жизни, которая исходит непосредственно от Божества.

После того, как Иегуда Халеви открыл великую ценность религиозных подвигов, ему было легко доказать превосходство талмудического иудаизма над караизмом, а также наделить его более блистательными добродетелями, чем те, которые отличают ислам и христианство. Состояние рабства, в которое впал Израиль, будучи рассеянным среди народов земли, не является, по мнению поэта-философа, ни свидетельством его упадка, ни причиной для отказа от надежды. Точно так же светская власть, которой в равной степени гордятся христиане и мусульмане, не является доказательством божественности их доктрин. Бедность и убожество, презираемые в глазах человека, имеют более высокую ценность перед Богом, чем раздутая гордыня и величие. Сами христиане гордятся не столько своими могущественными князьями, сколько смиренными людьми, такими как Иисус, который заповедал, что "всякий, кто ударит тебя в правую щеку твою, подставь ему и другую", и своими апостолами, которые приняли мученическую смерть унижения и поношения. Мусульмане также гордятся последователями своего Пророка, которые претерпели много страданий из-за него. Однако самым большим страдальцем является Израиль, поскольку он среди людей - то же, что сердце в человеческом организме. Точно так же, как сердце сочувственно страдает от каждой части тела, так и еврейская нация острее всего страдает от каждого проступка среди народов, совершенного сознательно или бессознательно.

Слова, которыми великий пророк представляет народы мира, применимы и к Израилю: "Он понес наши немощи и понес наши печали". Еврейский народ, несмотря на невыразимые муки, через которые он прошел, не погиб; его можно сравнить с человеком, который опасно болен, которого полностью покинуло мастерство врача, но который ожидает спасения каким-то чудом. Картина разбросанных безжизненных костей, которые по слову пророка соединяются, облекаются плотью и кожей, в них вдыхается новое дыхание и они снова выпрямляются, также применима к Израилю; это полное описание Израиля в его разоренном и низком состоянии. Рассеяние Израиля - это чудесный божественный план, задуманный для того, чтобы передать народам земли дух, которым наделен Израиль. Раса Израиля напоминает зернышко, которое, будучи брошено в землю, по-видимому, гниет и, по-видимому, было поглощено элементами своего окружения. Но когда оно распускается, оно снова принимает свою первоначальную природу, сбрасывает уродующую его оболочку и, наконец, проявляет свою собственную жизненную силу в соответствии со своим видом, пока шаг за шагом не достигнет своего наивысшего развития. Как только человечество, подготовленное к этому христианством и исламом, осознает истинную важность еврейской нации как носителя божественного света, оно также воздаст должное корню, на который до сих пор смотрели с презрением. Все человечество присоединится к Израилю и, развившись в славный плод, наконец войдет в Мессианское царство, которое является истинным плодом дерева.

Конечно, возвышенное значение иудаизма и людей, которые его исповедуют, никогда не проповедовалось так красноречиво. Мысль и чувства, философия и поэзия - все это объединилось в этой оригинальной системе Иегуды Кастильского, чтобы создать возвышенный идеал, точку единения неба и земли.

Абулхассан Иегуда не принадлежал к тому классу людей, которые строят благородные концепции и ведут презренную жизнь. В нем мысли и поступки были идентичны. Как только он пришел к выводу, что еврейский язык и земля Ханаанская обладают особым божественным характером, что они являются освященными средствами для достижения святой цели, это убеждение определило его поведение. Сокровища его поэтического гения долгое время оставались неиспользованными, потому что он считал профанацией использование иврита для имитации арабских ритмов. Более того, поэт-философ был твердо убежден, что Святая Земля несет на себе следы божественной благодати. Его поэтическая душа была наполнена духовной славой Палестины. От обветшалого великолепия этого заброшенного места все еще веяло высшим вдохновением. Самые горькие муки скорби пронзили его сердце при мысли о священных руинах. Для него небесные врата теперь, как всегда, находились у дверей Иерусалима, и оттуда изливалась та божественная благодать, которая позволяла ценящему уму достичь счастья и более высокого состояния покоя. Туда бы он отправился, там жил бы в соответствии с велениями своего сокровеннейшего сердца, и там бы он был одушевлен божественным дыханием. Когда он начал свою работу над философией религии, он скорбным тоном говорил о том факте, что он, как и многие другие, был настолько нечувствителен к достоинствам Святой Земли, что, хотя устами он выражал тоску по ней, он никогда не пытался реализовать это желание. Однако чем больше он размышлял о важности Святой Земли как места, где можно получить божественный дар благодати, тем сильнее становилась его решимость отправиться туда и там провести свои последние дни.

Этот непреодолимый порыв к Сиону, любимому городу, породил серию глубоко проникновенных песен, которые столь же полны истинных чувств, сколь и прекрасны по форме.

"Песни Сиона", сочиненные Иегудой Халеви, представляют собой самые превосходные плоды неоеврейской поэзии, и их вполне можно сравнить с Псалмами:

"О город мира, благословенный священным великолепием,
Мой дух стремится к тебе с далекого Запада;
Будь у меня орлиные крылья, я бы полетел прямо к тебе,
Смочил бы твой священный прах мокрыми щеками, струящимися свободно".²

"На Востоке, на Востоке мое сердце, и я живу на краю Запада;
Как мне присоединиться к вашему пиршеству, как мне разделить вашу шутку,
Как будут оплачены мои подношения, увенчаны мои клятвы исполнением,
Пока Сион пребывает в узах Эдома, а я заключен в узы араба!
Все красоты и сокровища Испании в моих глазах ничтожны, как прах;
Но прах разрушенного дома Господня я ценю как сокровище красоты".

Это лейтмотив всех песен Сиона. Но сколькими разными способами поэт умело манипулирует своей темой! Какое богатство чувств, образов и приемов он развивает! Древние дни Израиля идеализированы в его стихах; люди его возраста в одно время кажутся облаченными в терновый венец тысячи страданий, а в другое - в сверкающую диадему славной надежды. Содержание его текстов невольно проникает в душу читателя и торопит его туда-сюда, от боли и горя к надежде и ликованию, и надолго остается глубокое впечатление, смешанное с чувствами энтузиазма и убежденности.

Бард, который был таким образом вдохновлен делом своего народа, занялся тем, что рассказал своим братьям о своей глубокой тоске по Иерусалиму и побудил их разработать какой-нибудь план возвращения. Одно стихотворение, написанное в возвышенных и прекрасных тонах, призывало людей, "Далекий голубь", покинуть поля Эдома и Араба (христианский мир и магометанские страны) и искать свое родное гнездо в Сионе. Но ответного эха не было. Это была возвышенная, идеальная концепция, позволившая благочестивому поэту-философу даже мечтать о столь дерзком полете.

Душа Иегуды Халеви была притянута невидимыми нитями к древнему дому Израиля, и он не мог оторвать ее от них. Когда он завершил свой бессмертный труд "Диалог Чозари" (около 1141 г.), он серьезно подумывал о том, чтобы отправиться в свое святое путешествие. Он пошел на немалые жертвы ради этого замечательного, хотя и несколько авантюрного решения. Он променял мирную, комфортную жизнь на беспокойство и неуверенность и оставил позади свою единственную дочь и внука, которых он любил больше всего на свете. Он бросил свой колледж, который основал в Толедо, и расстался с кругом учеников, которых любил как сыновей и которые, в свою очередь, почитали его как отца. Он попрощался со своими многочисленными друзьями, которые без зависти похвалили его как выдающегося ученого. Все это, по его мнению, не имело большой ценности по сравнению с его любовью к Богу и Святой Земле. Он желал принести свое сердце в жертву священному месту и найти свою могилу в освященной земле.

Обеспеченный достаточными средствами, Иегуда Халеви отправился в свое путешествие, и его путешествие по Испании напоминало триумф. Его многочисленные поклонники в городах, через которые он проезжал, превосходили друг друга во внимании к нему. С несколькими верными спутниками он сел на борт судна, направлявшегося в Египет. Запертый в узких деревянных каютах, где негде было ни сесть, ни прилечь, ставший предметом грубых шуток грубых моряков, страдающий морской болезнью и слабым здоровьем, его душа все же не утратила своей силы возвыситься в более светлую сферу. Его идеалы были самыми верными спутниками. Шторм, который швырял корабли по волнам, как игрушку, когда "между ним и смертью была только доска", открыл запас песен в его груди. О море он пел песни, которым по верности описания и глубине чувств мало кто может сравниться:

"Волны бушуют —ликуй, о душа моя,
Скоро ты войдешь в святая святых Господа!"³

Задержанный попутным ветром корабль прибыл в Александрию во время праздника Кущей (сентябрь), и Иегуда отправился к своим единоверцам с твердой решимостью провести с ними лишь короткое время и никогда не забывать о цели своего путешествия. Но как только его имя стало известно, все сердца потянулись к нему. Самый выдающийся человек александрийской конгрегации, врач и раввин Аарон Бен-Цион Ибн-Аламани, который был благословлен достатком и детьми и сам был литургическим поэтом, поспешил принять его как благородного гостя, оказал ему высочайшие почести и предоставил свой гостеприимный особняк в распоряжение Халеви и его товарищей. Благодаря заботливому обращению сердечных друзей он оправился от последствий своего морского путешествия и выразил свою благодарность в прекрасных стихах на иврите. Семья Ибн-Аламани была так настойчива в своем желании оставить его при себе, что, несмотря на его сильную тоску по Иерусалиму, он оставался в Александрии почти три месяца, до праздника Посвящения. Он силой оторвался от таких дорогих друзей и намеревался отправиться в порт Дамьетта, где жил один из его лучших друзей, Абу Саид бен Чалфон Халеви, с которым он познакомился в Испании. Однако он был вынужден изменить маршрут своего путешествия, поскольку еврейский принц Абу Мансур Самуэль бен Чананья, занимавший высокий пост при дворе египетского халифа, прислал ему срочное письмо с приглашением.

Абу Мансур, живший во дворце халифа, по-видимому, был главой еврейских общин Египта, носившим титул принца (Нагид). Иегуда Халеви был тем менее способен отклонить это лестное приглашение, поскольку для него было важно получить от еврейского принца, чья слава была широко распространена, рекомендательные письма, облегчающие продолжение его паломничества в Палестину. Намек Абу Мансура на то, что он готов помочь ему большими суммами денег, он деликатно проигнорировал в письме, сказав, что "Бог так щедро одарил его благами, что он многое привез с собой из дома и еще многое оставил после себя". Вскоре после этого он отправился в Каир на лодке по Нилу. Чудесная река пробудила в нем воспоминания о еврейском прошлом и напомнила ему о его обете. Он увековечил свои воспоминания в двух прекрасных стихотворениях. Он был тепло принят принцем Абу Мансуром в Каире, грелся в лучах его великолепия и пел о его щедрости, славе и трех его благородных сыновьях. Он лишь ненадолго задержался в Каире и поспешил в порт Дамьетта, которого достиг во время Тебетского поста (декабрь, около 1141, 1142 гг.). Здесь его хорошо приняли многие друзья, и особенно его старый друг Абу Саид Чалфон Халеви, человек очень выдающийся. Он

посвятил ему и другим своим друзьям несколько прекрасных благодарственных стихотворений. Эти друзья также пытались отговорить его от поездки в Палестину; они рисовали ему опасности, с которыми он столкнется, и напоминали ему, что воспоминания о Божественной милости в первые дни истории евреев были связаны также с Египтом. Он, однако, ответил: "В Египте Провидение проявило себя как бы в спешке, но впервые оно обрело постоянную резиденцию в Святой Земле". В конце концов он расстался со своими друзьями и почитателями, полный решимости осуществить свой проект. Неизвестно, в каком месте он остановился в следующий раз.

В Палестине в то время правили христианские короли и принцы, родственники героя Готфрида Бульонского, и это позволило евреям снова поселиться в Святой Земле и в столице, которая теперь стала христианской. Страна во время паломничества Иегуды не была потревожена войной, ибо христиане, поселившиеся в Палестине поколение назад, женоподобные пуллани, любили мир и покупали его любой ценой у своих врагов, магометанских эмиров. Евреи также пользовались благосклонностью при мелких дворах христианских князей Палестины, и христианский епископ жаловался, что из-за влияния своих жен князь больше доверяли еврейским, самаритянским и сарацинским врачам, чем латинским (то есть христианским). Вероятно, причина заключалась в том, что последние были шарлатанами.

Иегуда Халеви, по-видимому, достиг цели своего желания и посетил Иерусалим, но лишь на короткое время. Христианские жители Святого Города, по-видимому, были очень враждебны к нему и внушали ему отвращение к жизни в столице. Вероятно, именно к этому относится его серьезное религиозное стихотворение, в средних стихах которого он сокрушается следующим образом:

"Долго жаждал мой глаз увидеть Твою славу;
Но когда, наконец, я искал Твое Святое Место,
Как будто я был чем-то нечистым и низменным,
я был грубо отвергнут от Твоего порога.

Бремя моего народа я тоже должен нести,
И смиренно склониться под жезлом угнетения,
Потому что я не буду поклоняться ложному богу,
И, кроме Тебя, не буду протирать руки в молитве".

О последних приключениях его жизни, кроме того факта, что он был в Тире и Дамаске, ничего не известно. Еврейская община в Тире оказала ему большую честь, и память об этом обращении запечатлелась в его благодарном сердце. В стихотворении, обращенном к своему другу из Тира, он скорбит о своих угасших надеждах, о своей напрасно растроченной молодости и о своем нынешнем несчастье, в стихах, которые невозможно читать, не вызывая эмоций при виде уныния этого доблестного солдата. В Дамаске он спел свою лебединую песню, славную песнь Сиона, которая, подобно псалмам Асафа, пробуждает тоску по Иерусалиму. Год его смерти и место его могилы неизвестны. Легенда гласит, что магометанский всадник проехал над ним, когда он пел свою скорбную песню "Слово о Сионе". Так гласит короткая эпитафия, которую написал для него неизвестный поклонник:

"Честь, Вера и Кротость, куда вы улетели?

Тщетно я ищу тебя; Ученость тоже исчезла!

"Здесь мы собрались", - отвечают они как один,

"Здесь мы покоимся с Иудой".

Это, однако, не передает и малой доли того, каким был этот неземной и в то же время могущественный персонаж. Иегуда Халеви был одухотворенным образом расы Израиля, осознающей себя, стремящейся проявить себя в своем прошлом и в своем будущем в интеллектуальной и художественной форме.

В Испании еврейская культура достигла своего зенита и наивысшего совершенства в творчестве величайшего из неоеврейских поэтов. Теперь во Франции проявились зачатки культуры. Правление двух королей из дома Капетингов, Людовика VI и VII (1108-1180), было столь же благоприятным для евреев, как и правление Людовика Благочестивого. Конгрегации на севере Франции жили в комфорте и процветании, вызывающих зависть, их зернохранилища были полны зерна, погреба - вина, склады - товаров, а сундуки - золота и серебра. Они владели домами, полями и виноградниками, возделываемыми либо ими самими, либо слугами-христианами. Говорят, что половина Парижа, который в то время еще не был крупным городом, принадлежала евреям. Еврейские общины были признаны независимыми корпорациями и имели своего собственного мэра с титулом проректора (*præpositus*), который был наделен полномочиями защищать интересы своего народа, а также арестовывать христианских должников и заставляя их платить своим еврейским кредиторам. Еврейский мэр избирался общиной, и его избрание утверждалось королем или бароном, которому город подчинялся; евреи часто посещали двор и занимали должности. Якоб Тэм, величайший раввинский авторитет того времени, пользовался большим уважением короля. Еврейские богословы свободно спорили с духовенством по религиозным вопросам и открыто выражали свое честное мнение о Троице, Деве Марии, почитании святых, исповеди через ушко и чудотворной силе реликвий.

В этих благоприятных обстоятельствах неограниченной терпимости еврейские мудрецы севера Франции смогли следовать по пути, который наметил для них Раши. Понимать и объяснять Талмуд во всей его полноте стало страстью французских евреев. Смерть унесла комментатора Талмуда в разгар его трудов в Труа; его ученики приложили все усилия, чтобы завершить то, что он оставил незаконченным. Он завещал своей школе дух неутомимого исследования, острую диалектику и искусство тонкого различения, и они щедро приумножили свое наследие. Правильное и прецизионное понимание Талмуда было настолько священным делом для учеников Раши, что они без колебаний подвергали толкования своего учителя серьезному критическому пересмотру. Но, с другой стороны, их почитание его было настолько велико, что они не рискнули высказать свое мнение самостоятельно, а присоединили его к комментариям Раши в качестве "Дополнения" (*Tossafoth*). Из-за этого обстоятельства их называли тоссафистами. Они дополнили упущения Раши, а также исправили и расширили объяснения, данные им. Главной характеристикой метода тоссафистов является их независимость от авторитетов, они подвергали все мнения проверке собственным разумом. Их глубокая ученость и огромная эрудиция ясно и точно постигали огромную талмудическую литературу и ее лабиринт ученых дискуссий и аргументов. Их проницательный интеллект проявил замечательную изобретательность в разложении каждого аргумента и каждой идеи на

исходные элементы, выделении мыслей, которые казались схожими, и примирении тех, которые казались противоречащими друг другу. Почти невозможно донести до сознания непосвященного какое-либо удовлетворительное представление о критической проницательности тоссафистов. Они решали самые сложные логические задачи с величайшей легкостью, как если бы это были простые примеры, задаваемые детям. Неподатливый материал Талмуда стал довольно податливым под их руками, и они вылепили удивительные галахические (юридические) формы и вещества. Применительно к обстоятельствам современности они обнаружили в записях многочисленные аналогии, которые при поверхностном рассмотрении никогда бы не были обнаружены.

Круг первых тоссафистов состоял в основном из родственников Раши, а именно: двух его зятьев, Меира бен Самуэля из Рамеру, небольшого городка недалеко от Труа, и Иегуды бен Натана (Рибана); позже - трех его внуков, Исаака, Самуэля и Якоба Тэма, сыновей Меира; и, наконец, немца, Исаака бен Ашера Халеви (Риба) из Шпейера, также связанного с семьей Раши.

Школа тоссафистов разделила изучение Талмуда на две ветви: теоретическое обсуждение, ведущее к глубокому пониманию текста Талмуда (Чиддушим), и практическое применение результатов такого изучения в гражданских законах, в законах о браке и в религиозных ритуалах (Песахим, Респонса). Этот оригинальный метод выявил новые правовые нормы.

Изучение Талмуда полностью занимало интеллектуальные силы евреев севера Франции и Рейна и препятствовало развитию других исследований. Поэзия не процветала в регионе, где скипетром владела логика и где воображение пускалось в ход только для того, чтобы придумывать новые осложнения и гипотетические случаи. Толкование Священного Писания также трактовалось в талмудической манере. Большинство тоссафистов были толкователями Библии, но они не уделяли особого внимания точному значению текста, изучая его с помощью агадических толкований. Тоссафоты были написаны для разъяснения Пятикнижия, а также Талмуда. Только два человека могут быть записаны как известные исключения, которые вернулись от толкования по агадическому методу (Деруш) к строгому и рациональному разъяснению текста (Пешат); это Джозеф Кара и Самуил бен Меир (около 1100-1160). Оба они имеют большее значение, поскольку находились в оппозиции к своим отцам, которые придерживались мидрашистской системы толкования. Джозеф Кара был сыном Симона Кара, составителя агадических произведений, автора "Ялкута"; а Самуэля бен Меира его дед Раши научил проявлять большое уважение к Агаде. Оба они отказались от старого пути и искали объяснение текста в строгом соответствии с правилами грамматики. Самуил, завершивший комментарий Раши к книге Иова и к некоторым трактатам Талмуда, настолько убедил своего деда в правильности рационального толкования, что заявил, что, если бы ему были дарованы силы, он изменил бы свой комментарий к Пятикнижию в соответствии с другими принципами толкования. Самуил, которого звали Рашбам, написал в этом умеренном стиле комментарий к Пятикнижию и Пяти Мегиллотам; а Джозеф Кара написал комментарии к книгам пророков и "Агиографии". Самуэль бен Меир в своем толковании Священного Писания искал смысл и связь текста и не уклонялся от объяснений, расходящихся с Талмудом или согласующихся со взглядами караимов.

ГЛАВА XII.

ПРЕСЛЕДОВАНИЯ ВО ВРЕМЯ ВТОРОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА И При АЛЬМОХАДАХ.

Положение евреев во Франции—Второй крестовый поход—Петр Достопочтенный и монах Рудольф—Бернард Клервосский и император Конрад—Защитники евреев—Преследования при Альмохадах—Абдулмумен и его эдикт—Принц Иегуда Ибн-Эзра—Караимы в Испании—Иегуда Хадасси—Историк Авраам Ибн-Дауд и его философия—Авраам Ибн-Эзра—Раббену Там.

1143-1170 гг. н. э.

Когда величайший неоеврейский поэт жаловался: "Где у нас дом - на Западе или на Востоке?" - его чувствительное сердце, вероятно, было наполнено дурным предчувствием относительно незащищенности его единоверцев. Еврейская раса слишком рано осознала ужасную правду о том, что у нее нет дома на земле и что ее терпели только в странах ее изгнания. Пока нетерпимые религиозные принципы Церкви и мечети оставались неработоспособными либо по причине безразличия, либо инертности, либо эгоистичных устремлений их приверженцев, евреи жили в сравнительном счастье; но когда вспыхнула религиозная ненависть, на Израиль обрушились пытки и мученичество, и он снова был вынужден взять посох странника и с обливающимся кровью сердцем покинуть свой горячо любимый дом. Хотя евреи в целом, и особенно их лидеры, раввины и мудрецы, как правило, превосходили христианские и магометанские народы в преданности Богу, в морали, в утонченности и знаниях, все же те, кому принадлежала земля, воображали себя на более высоком уровне и с барским высокомерием смотрели на евреев свысока, как на обычных рабов. В христианских странах они были объявлены вне закона, потому что не верили в Сына Божьего и во многое другое; а в магометанском царстве их преследовали за то, что они не признавали Магомета пророком. В одной стране от них ожидали насилия над своим разумом и принятия басен за трезвую истину, а в другой от них требовали отречься от своей веры и принять вместо нее сухие формулы, приправленные философией. Оба стояли перед безрадостным выбором между смертью и отречением от своей древней религии. Французы и немцы соперничали с дикими маврами в энергии, с которой они стремились еще больше ослабить самый слабый из народов. На берегах Сены, Рейна и Дуная, на берегах Африки и на юге Испании одновременно, как будто заранее подготовленные, начались кровавые преследования евреев во имя религии, несмотря на тот факт, что все хорошее и божественное в верованиях угнетателей было обязано своим происхождением этому народу. До сих пор преследования евреев были редкими, но с 1146 года они стали более частыми, более жестокими и упорными. Казалось, что эпоха, в которую свет разума начал озарять человечество, стремилась превзойти в бесчеловечности эпохи самого мрачного варварства. Этот период страданий запечатлел в чертах еврейской расы ту атмосферу страдания, тот взгляд мученика, который не стерла даже нынешняя эпоха свободы. "Смысл слов пророка, - сказал Ибн-Эзра, - когда он восклицает: "Его угнетали, и он страдал, но он не открывал уст своих", не требует комментариев, ибо каждый еврей в изгнании иллюстрирует это. Когда он страдает, он не открывает рта, чтобы возразить, что он более праведен, чем его мучитель. Его взор устремлен только к Богу, и ни принц, ни дворянин не помогают ему в его беде".

Преследования, которые одновременно распространились по Европе и Африке, имели своими источниками катастрофы, произошедшие в Азии и Африке. В то время как христианские рыцари в новом Иерусалимском королевстве и в соседних княжествах пребывали в бездействии, турецкий воин Нуреддин, который решил изгнать христиан из Азии, начал свои нападения на них. Важный город Эдесса попал в его руки, и крестоносцы, потерявшие рассудок, были вынуждены обратиться за помощью к Европе. Теперь во Франции и Германии проповедовался второй крестовый поход, и против евреев снова возник кровожадный фанатизм.

Король Франции Людовик VII, мучимый угрызениями совести, взял крест, и с ним отправилась молодая и легкомысленная королева Элеонора вместе с придворными дамами, которые превратили лагерь воинов Божьих во двор галантности. Аббат Бернар из Клерво, поистине благочестивый человек с апостольской простотой сердца, известный своим мощным красноречием, энергично призывал христиан принять участие в этом крестовом походе, и благодаря его влиянию отряды паломников, шедших против неверных, увеличивались день ото дня. На этот раз именно папа Евгений III обратил внимание крестоносцев на евреев. Он издал буллу, в которой объявлялось, что все те, кто участвовал в священной войне, освобождаются от уплаты процентов по долгам, причитающимся евреям. Это было стимулом для многочисленных должников евреев принять участие в крестовом походе и на самом деле было лишь завуалированным разрешением отказаться от своего долга перед евреями. Аббат Бернанд, который в другие времена пренебрегал нечестивыми средствами для достижения святой цели, был вынужден, по повелению папы, проповедовать об отказе от долгов. Другой аббат, Петр Достопочтенный из Ключни, пожелал продвинуть дело еще дальше. Он поднял короля Людовика и армию крестоносцев непосредственно против евреев. Он осыпал их обвинениями, преувеличивая их проступки, чтобы подстрекнуть предубежденного монарха преследовать их или, по крайней мере, грабить. В письме Людовику VII он повторил софистику и ложь, которые изобрели мародерствующие толпы времен первого крестового похода, чтобы смягчить разграбление евреев во имя религии.

"Какой смысл, - писал Питер из Ключни, - отправляться на поиски врагов христианского мира в далекие страны, если евреям-богохульникам, которые гораздо хуже сарацин, позволено безнаказанно глумиться среди нас над Христом и причастием! Сарацин, по крайней мере, верит так же, как и мы, что Христос родился от девственницы, и все же он отвратителен, поскольку отрицает воплощение. Насколько больше этих евреев, которые ни во что не верят и над всем насмеваются! И все же я не требую, чтобы вы предавали смерти этих проклятых существ, потому что написано: "Не убивайте их". Бог не желает уничтожить их, но, подобно Каину, братоубийце, они должны быть подвергнуты страшным мукам и сохранены для еще большего позора, для существования, более горького, чем смерть. Они зависимы, несчастны и охвачены ужасом и должны оставаться в таком состоянии до тех пор, пока не обратятся к Спасителю. Ты должен не убивать их, а наказывать так, как подобает их низости". Святой человек умолял короля лишить евреев либо полностью, либо частично их владений, поскольку армия крестоносцев, шедшая против сарацин, не щадила своего собственного имущества и земель и уж точно не должна была щадить добытые нечестным путем сокровища евреев. Им должна быть оставлена только их голая жизнь, но их деньги конфискованы, ибо дерзость сарацин было бы легче обуздать, если бы руки христиан были укреплены богатством богохульствующих евреев. Этот метод рассуждения, безусловно, последователен; это логика Средневековья. Король Людовик, хотя и был благосклонен к евреям, не мог сделать ничего меньшего в соответствии с папской буллой, чем позволить крестоносцам освободиться от своих

еврейских долгов. На данный момент преследование ограничилось разграблением богатых евреев, которые были низведены до положения своих более бедных братьев. Дружелюбный монарх и его мудрые министры вместе с аббатом Сугером, и особенно с благочестивым Бернаром, который знал, как управлять умами людей, не допустили бы всеобщего кровавого преследования.

Дела пошли по-другому в Германии, и особенно в городах вдоль Рейна, чьи общины едва оправились от ран первого крестового похода. Император Конрад III был бессилен; граждане, которые, как правило, принимали сторону евреев во время первого крестового похода и оказывали им защиту, теперь, в начале второго крестового похода, были настроены против них предвзято. Французский монах по имени Рудольф покинул свой монастырь без разрешения настоятеля, и его пламенное красноречие разожгло фанатизм немецкого народа по отношению к евреям. Он верил, что совершает святое дело по обращению или уничтожению неверных. Из города в город, из деревни в деревню Рудольф путешествовал, проповедуя крестовый поход, и в своих обращениях он призывал начать крестовый поход с евреев. Дела немецких евреев в этом случае обстояли бы гораздо хуже, если бы император Конрад, который поначалу испытывал антипатию к экстравагантным чувствам, порожденным крестовым походом, не позаботился об их безопасности. На землях, которые принадлежали ему по наследству, он выделил город Нюрнберг и некоторые другие крепости в качестве городов-убежищ для них, куда не могла дотянуться рука разъяренных крестоносцев. У него не было юрисдикции над территориями князей и прелатов, но он, по-видимому, призвал их всех распространить свою мощную защиту на евреев. Но слово императора имело мало веса. В августе 1146 года были принесены в жертву первые жертвы преследований, развязанных Рудольфом. Симон Благочестивый из Трева, возвращаясь домой из Англии, задержался в Кельне. Он был схвачен крестоносцами, когда собирался подняться на борт корабля, и, отказавшись креститься, был убит, а его тело изуродовано. Также женщина по имени Минна из Шпейера, перенесшая ужасные пытки на дыбе, осталась непоколебимой в своей вере. Эти события побудили евреев, живущих на берегу Рейна, искать защиты. Они платили огромные суммы принцам, чтобы им разрешили жить в крепостях и замках в целях безопасности. Кардинал-епископ Кельна Арнольд подарил им замок Волькенбург, недалеко от Кенигсвинтера, и позволил им защищаться с оружием в руках. Волькенбург стал убежищем для многих общин округа. Пока евреи оставались в своих убежищах, они были в безопасности; но как только они отважились выступить вперед, христианские паломники, подстерегавшие их в засаде, утащили их креститься, убивая тех, кто сопротивлялся, подвергнув их бесчеловечному обращению. Рейнские прелаты, однако, испытывали отвращение к проповеди крестового похода, которую вел монах Рудольф, и не одобряли массовых убийств евреев, особенно потому, что это порождало раздоры и вражду, и Рудольф даже подбивал население на неповиновение епископам. Архиепископ Майнца Генрих I, который был одновременно канцлером и премьер-министром императора, впустил в свой дом нескольких евреев, которых преследовала толпа. Буйствующая толпа ворвалась внутрь и убила их прямо у него на глазах. Затем архиепископ обратился к самому выдающемуся представителю христианства того времени, Бернару Клервосскому, который обладал большей властью, чем папа римский. Он описал ему безобразия, которые Рудольф учинил в районе Рейна, и умолял его воспользоваться своей властью. Бернард, который решительно не одобрял действия Рудольфа, охотно оказал архиепископу свою поддержку. Он отправил архиепископу Майнца письмо, предназначенное для публичного оглашения. В этом письме он энергично осудил агитатора; он назвал Рудольфа объявленным вне закона сыном Церкви, который бежал из

своего монастыря, был неверен правилам своего ордена, клеветал на епископов и который, вопреки принципам Церкви, проповедовал простодушным христианам убийство евреев. Напротив, евреев следует тщательно щадить. Церковь надеялась, что в определенное время они будут обращены *в массовом порядке*, и специально для этой цели в Страстную пятницу была учреждена молитва. Могла бы надежда Церкви осуществиться, если бы евреи были полностью уничтожены? Бернард написал еще одно письмо, написанное в том же духе, духовенству и народу Франции и Баварии, в котором он недвусмысленно призывал их щадить евреев.

Но письма Бернарда не произвели никакого впечатления на Рудольфа и сбитую с толку толпу; они были настроены на полное уничтожение евреев и со всех сторон подстерегали их. Соответственно, аббат Клерво счел необходимым лично выразить протест против истребления евреев. Когда примерно в это же время он совершил путешествие в Германию, чтобы склонить императора Конрада принять участие в крестовом походе, он задержался в городах на Рейне, чтобы противодействовать дьявольским планам Рудольфа. Он обратился к нему в очень суровых выражениях и убедил его прекратить проповедовать массовое убийство евреев и вернуться в свой монастырь. Введенные в заблуждение люди роптали против действий Бернарда, и если бы он не был защищен своим священным призванием, они бы напали на него. Рудольф исчез со сцены, но ядовитые семена, разбросанные им по всему миру, привели к уничтожению евреев. По мере того как основная масса людей воспламенялась проповедями Бернарда от имени крестового похода, ее ярость против евреев возрастала. Эти люди были более последовательны, чем святой из Клерво и епископы, и их логику невозможно было поколебать. Они сказали: "Если убийство неверующих турок - благочестивое деяние, то, конечно, убийство неверующих евреев не может быть грехом". Примерно в это же время в Вюрцбурге были обнаружены разорванные конечности христианина, и собравшиеся там крестоносцы поверили или сделали вид, что поверили, что этого человека зарезали евреи. Они воспользовались этим предлогом, чтобы напасть на прихожан в Вюрцбурге. Евреи этого города находились под покровительством епископа Эмбичо и спокойно жили в городе, не считая нужным искать убежища. Поэтому ужас, охвативший их, был еще больше, когда на них внезапно напала толпа крестоносцев (22 Адара, 24 февраля 1147 г.). Более двадцати человек приняли мученическую смерть, среди них выдающийся и кроткий раввин Исаак бен Элиаким, который был убит во время чтения священной книги. С некоторыми жестоко обращались и оставляли как мертвых, но впоследствии их возвращали к жизни, и за ними бережно ухаживали сострадательные христиане. Гуманный епископ Вюрцбурга устроил захоронение тел мучеников в своем собственном саду, а оставшихся в живых отправил в замок недалеко от Вюрцбурга. Участь немецких евреев стала еще более плачевной, когда император Конрад со своими рыцарями и армией присоединился к походу крестоносцев, и толпы, оставшиеся позади, не сдерживаемые присутствием императора, получили свободу совершать ужасные бесчинства (май 1147 г.).

Дикий дух убийства во имя благочестия быстро распространился из Германии во Францию во время весеннего сбора крестоносцев. В Карентоне (департамент Ламанш) произошла ожесточенная битва между христианскими паломниками и евреями. Последние собрались в доме и защищались от вторжения. Два брата с истинным мужеством французов сражались как герои, нанося раны направо и налево, и убили множество крестоносцев, пока их враги, разъяренные потерей стольких людей, не нашли вход во двор, не напали на евреев с тыла и не перебили их всех. Среди мучеников того времени во Франции был молодой ученый по имени Питер, ученик Самуэля бен Меира и Тэма, который, несмотря на свою молодость, уже успел

отличиться среди тоссафистов. На небольшом расстоянии от монастыря Клерво, под присмотром аббата Бернара, свирепые банды крестоносцев продолжали без устали выполнять свою кровавую работу. Они напали на еврейскую общину в Рамеру на второй день Пятидесятницы, ворвались в дом Якоба Тэма, который был самым выдающимся человеком среди европейских евреев благодаря своим добродетелям и учености, отняли у него все его имущество, разорвали на куски свиток Закона и потащили его в поле, намереваясь предать смерти пытками. Поскольку Там был самым известным человеком среди евреев, крестоносцы желали отомстить ему за раны и смерть Иисуса. Они уже нанесли ему пять ран в голову, и он был близок к смерти, когда, к счастью, по дороге случайно проходил рыцарь, с которым он был знаком. Тэм все еще сохранял достаточно сознания, чтобы умолять его о помощи, которую рыцарь пообещал оказать при условии, что в награду он получит прекрасного коня. Затем рыцарь приказал банде убийц передать жертву ему, и он либо убедит его креститься, либо вернет его в их руки. Так был спасен человек, который был лидером и образцом для немецких и французских евреев (8 мая 1147 года). Под влиянием Бернара во Франции не проводилось ни одной охоты на евреев, за исключением Карентона, Рамеру и Сюлли. В Англии, где со времен Вильгельма Завоевателя поселилось много евреев, поддерживавших связь с французскими конгрегациями, не было никаких преследований, поскольку король Стефан энергично защищал их. Однако евреи Богемии снова серьезно пострадали, когда крестоносцы прошли маршем по их стране, 150 из них приняли мученическую смерть. Как только французская армия крестоносцев прошла маршем через Германию и вышла за ее пределы, евреи смогли покинуть свои убежища в замках, и их никто не преследовал. Даже те евреи, которые слабо подчинились принудительному крещению, теперь могли вернуться к своей древней вере. Некий священник, который был столь же набожен, сколь и гуманен, но имя которого, к сожалению, утрачено, оказал им очень большую помощь. Он привел тех евреев, которые были насильственно крещены, во Францию и другие страны, где они оставались до тех пор, пока их прежняя приверженность Церкви не была забыта. Затем они вернулись в свои дома и к своей религии.

В целом фанатизм второго крестового похода унес меньше еврейских жертв, чем первый. Отчасти это было связано с защитой, оказанной евреям духовными и светскими сановниками, а также с тем, что участие германского императора и короля Франции не позволило таким толпам мародеров-крестоносцев, которые сопровождали экспедицию Вильгельма Плотнока и Эмиха Лейнингенского. Но евреи были вынуждены заплатить высокую цену за предоставленное им убежище, и этой ценой было все их будущее. С этого времени германский император считался евреями своим защитником, и он считал себя таковым, требуя взамен выполнения определенных обязанностей. Немецкие евреи, которые до сих пор были такими же свободными, как немцы или римляне, отныне стали "слугами палаты" (*servi cameræ*) Священной Римской империи. Это ненавистное название поначалу означало только то, что евреи пользовались иммунитетом от всех нападений, как императорские слуги, и должны были платить определенный налог императору за предоставленную им таким образом защиту, и что они должны были оказывать экстраординарные услуги. Но в более поздние времена это слово употреблялось в его первоначальном, отвратительном смысле, и на евреев смотрели как на рабов и зависимых рабынь. Немецкие евреи, которые были на грани того, чтобы подняться из состояния варварства, были, таким образом, брошены в пучину деградации, из которой они смогли подняться только по прошествии шестисот лет. По этой причине их интеллектуальные усилия несли на себе печать вырождения, их стихи состояли только из элегий и причитаний, которые, как и их речь, были безвкусными и варварскими, и даже в изучении Талмуда было

проделано очень мало примечательной работы. Немецкие евреи были париями в истории до конца восемнадцатого века. С другой стороны, во Франции, где преобладали другие политические и социальные условия, еврейская культура была достаточно энергичной, чтобы расцвести.

В то время как евреи Франции и Германии все еще испытывали страх перед крестоносцами, на севере Африки вспыхнуло преследование, которое было более продолжительным и привело к иным результатам. Его возбудил человек, сочетавший в себе черты философа, реформатора и завоевателя и проявлявший особый политический и религиозный энтузиазм. Абдаллах Ибн-Тумарт, приехавший с северо-запада Африки и живший в Багдаде, был вдохновлен моральным энтузиазмом философа-мистика Альхазали. Вернувшись домой в Африку, он проповедовал простым мавританским племенам простоту жизни и одежды, ненависть к поэзии, музыке и живописи и войну против королей Альморавидов, которые были посвящены утонченной жизни. С другой стороны, Ибн-Тумарт отвергал суннитское учение магометанской ортодоксии и буквальное толкование стихов Корана, которые утверждали, что Бог испытывает чувства человека и испытывает те же эмоции, что и человек. Он приобрел много последователей среди мавров и основал секту, члены которой, из-за того факта, что они поддерживали истинное единство Бога без каких-либо телесных представлений (таучид), были названы альмовачидами или альмохадами (унитариями). Эта секта признавала Ибн-Тумарта Махди, посланным небом имамом ислама. С помощью набата восстания и меча войны против правящих Альморавидов Ибн-Тумарт распространил свою религиозную и моральную реформу на северо-западе Африки. После его смерти его ученик Абдулмумен стал преемником альмохадов и был признан князем правоверных (эмир аль-Муменин). Он одерживал победу за победой, и в своем дальнейшем продвижении он уничтожил династию Альморавидов и стал монархом всей северной Африки. Абдулмумен, однако, был фанатиком, и поскольку он истребил Альморавидов огнем и мечом не только по политическим причинам, но и потому, что они исповедовали другую веру, он не потерпел бы никакой другой религии в своем королевстве.

Когда столица Марокко после долгой и упорной осады попала в руки Абдулмумена, новый правитель созвал многочисленных евреев города и обратился к ним в следующих выражениях: "Вы не верите в миссию пророка Магомета и думаете, что Мессия, о котором вам было объявлено, подтвердит ваш закон и укрепит вашу религию. Ваши предки, однако, утверждали, что Мессия явится самое позднее примерно через полвека после пришествия Магомета. Смотрите! что прошло уже полвека, а среди вас так и не появилось пророка. Терпению, с которым к вам относились, пришел конец. Мы больше не можем позволить вам оставаться в вашем состоянии неверия. Мы больше не желаем от вас никакой дани. У вас есть только выбор между исламом и смертью". Отчаяние евреев при этом суровом заявлении было очень велико. Это был второй раз, с тех пор как они попали под власть магометан, когда им была предложена печальная альтернатива - либо отказаться от своей жизни, либо от своей веры. Тронутый заявлениями, которые были ему сделаны, Абдулмумен изменил указ, разрешив евреям эмигрировать. Он также предоставил им определенное время, чтобы распорядиться тем имуществом, которое они не могли взять с собой. Те, кто предпочел остаться в африканском королевстве, были вынуждены принять ислам под страхом смертной казни. Однако те, кому иудаизм был дорог, покинули Африку и эмигрировали в Испанию, Италию и другие места. Большинство из них, однако, якобы уступили и приняли облик ислама, надеясь на более благоприятные времена (1146 г.).

Преследование было направлено не только против евреев Марокко, но и против всех, кто жил в северной Африке, и всякий раз, когда альмохады захватывали какой-либо город, издавался один и тот же эдикт. Христиане также пострадали от этих преследований, но поскольку христианская Испания была открыта для их приема, а они могли ожидать, что их единоверцы примут их с распростертыми объятиями, они были более стойкими и большими группами покинули страну. Синагоги и церкви были разрушены по всей земле Альмохадов, которая постепенно простиралась от Атласских гор до границы Египта, и от прежних еврейских и христианских жителей не осталось и следа.

Хотя многие североафриканские евреи приняли ислам, лишь немногие стали настоящими новообращенными. От них ничего не требовалось, кроме как исповедовать веру в пророческую миссию Магомета, и время от времени посещать мечеть. Однако в частном порядке они скрупулезно соблюдали еврейские обряды, поскольку альмохады не нанимали полицейских шпионов для наблюдения за действиями новообращенных. Не только простые люди, но и благочестивые раввины поддерживали это внешнее подобие веры, успокаивая свою совесть размышлениями о том, что от них не требовалось идолопоклонства и отрицания иудаизма, поскольку от них просто требовалось произнести формулу о том, что Магомет был пророком, что никоим образом не предполагало идолопоклонства. Некоторые утешали себя надеждой, что это состояние не продлится долго и что вскоре явится Мессия и избавит их от страданий.

Под видом мусульман еврейские ученые Магриба даже занимались изучением Талмуда со своим обычным рвением и собирали в своих колледжах прилежную молодежь, которая в то же время была вынуждена заниматься изучением Корана. Но по-настоящему добросовестные и благочестивые люди были неспособны долго играть эту двойную роль. Они сбросили ненавистные маски и, открыто исповедуя иудаизм, приняли мученическую смерть, как это произошло в Фесе, Сегельмессе, Драе и других городах.

Победоносный Абдулмунен не удовлетворился обладанием всей Берберией; он с тоской взирал на прекрасную землю Андалусии, считая легкой задачей вырвать ее из-под власти альморавидских и христианских правителей и присоединить к своему королевству. Завоевание магометанской территории на юге Испании оказалось легким из-за внутренних раздоров. Кордова, столица Андалусии, попала во власть фанатичных альмохадов в июне 1148 года, и к концу года большая часть Андалусии была в их руках. Прекрасные синагоги, построенные благочестием, любовью к великолепию и утонченным вкусом андалузских евреев, пали жертвой разрушительного безумия фанатизма. Престарелый раввин Кордовы, философ Джозеф Ибн-Цадик, был свидетелем этого печального падения старейшей и наиболее выдающейся конгрегации, но вскоре после этого умер (в конце 1148 или начале 1149 года). Знаменитые еврейские академии в Севилье и Лусене были закрыты. Меир, сын и преемник Иосифа Ибн-Мигаши, отправился из Лусены в Толедо, и с ним все, кто смог спастись. Остальные последовали примеру африканских евреев, уступив на мгновение принуждению и притворившись, что признают ислам, хотя в частном порядке они соблюдали свою древнюю веру, пока не нашли возможность открыто исповедовать иудаизм. Женщины и дети вместе с имуществом изгнанников попали в руки завоевателей, которые обращались со слабыми пленниками как с рабами.

В эту мрачную эпоху, когда центр иудаизма был разрушен, благоприятная перемена судьбы создала новый центр. Христианская Испания, которая приобрела огромную мощь при

императоре Альфонсо Раймундесе (1126-1157), стала убежищем для преследуемых андалузских евреев, а Толедо, ставший столицей королевства, стал новым центром, откуда исходили лучи еврейской науки. Это благоприятное изменение произошло благодаря работе человека, который заслуживает того, чтобы его поставили в один ряд с Ибн-Шапрутом и Ибн-Нагрелой. У мудрого и человеколюбивого императора Альфонсо Раймундеса был любимец среди евреев в лице все еще молодого Иегуды Ибн-Эзры, сына того самого Джозефа Ибн-Эзры, который вместе со своими тремя братьями прославлен в иудео-испанской литературе. При вступлении во владение пограничной крепостью Калатрава, между Толедо и Кордовой (1146 г.), император, вероятно, в награду за его храбрость, назначил Ибн-Эзру комендантом этого места и наделил его достоинством принца (наси).

Иегуда Ибн-Эзра был ангелом-хранителем своих несчастных единоверцев, которые бежали от ярости победоносных Альмохадов. Он помогал им найти жилье и работу в христианской Испании и использовал свои богатства для выкупа пленников, одевания нагих и кормления голодных. Община Толедо значительно увеличилась за счет евреев-иммигрантов. Меир Ибн-Мигаш открыл академию для изучения Талмуда, и ее посещали многочисленные ученики. Еврейское образование, находившееся под защитой христианского короля, теперь процветало в Толедо после его изгнания из магометанского королевства.

Иегуда Ибн-Эзра еще больше завоевал расположение испанского императора и был назначен управляющим императорским дворцом (около 1149 года). Этот еврейский принц в своем рвении к раввинизму поспешил подвергнуться преследованиям, которые легли пятном на его справедливую славу. Караимы, поселившиеся в христианской Испании и к концу XI века подвергшиеся преследованиям со стороны равванита Джозефа Аль-Кабри, с тех пор снова стали многочисленным народом и стремились вернуть себе свое древнее величие. Они привезли в Кастилию обширную литературу своих восточных и египетских лидеров и тем самым укрепились в своей глубокой антипатии к раввинскому иудаизму. В это время константинопольский караим Иегуда бен Элиа Хадасси, называвший себя "скорбящим по Сиону" (ха-Абель), возобновил борьбу с равванитами и написал всеобъемлющую книгу под названием "Эшколь ха-Кофер", в которой он с большой теплотой обсуждал часто оспариваемые различия между двумя еврейскими школами (1149) и вновь разжег пламя вражды. Иегуда Хадасси писал с большой страстью, но использовал грубый язык, алфавитные акростиhi и убогую, монотонную рифму. Эта враждебная работа, вероятно, была внедрена в Кастилию и возобновила конфликт. Вместо того, чтобы опровергнуть эту полемическую книгу каким-нибудь способным равванитом, Иегуда Ибн-Эзра призвал на помощь светскую власть и попросил разрешения императора Альфонсо преследовать караимов. Он не учел, что дремлющий огонь преследований, если его однажды разжечь вновь, рано или поздно вспыхнет вокруг головы преследователей. С разрешения императора Иегуда Ибн-Эзра так жестоко унизил караимов, что они больше никогда не могли поднять головы. Их судьба неизвестна, но, вероятно, они были изгнаны из городов, где жили равваниты (1150-1157). Благоприятное положение евреев в Кастилии длилось недолго. После смерти императора и его старшего сына, короля Кастилии (1158), Иегуда Ибн-Эзра пережил смутные времена. Во время несовершеннолетия инфанта Альфонсо разразилась ожесточенная гражданская война между благородными домами Де Кастро и Де Лара, в которой приняли участие другие христианские короли; прекрасная земля была опустошена, а столица, Толедо, стала ареной кровопролитных боев. Христианские монархи были недостаточно могущественны, чтобы защищать свои границы от постоянных вторжений альмохадов, и были вынуждены предоставить эту задачу фанатичным рыцарским

орденам, которые теперь снова были призваны на действительную службу. Испанские евреи, в отличие от своих немецких и французских собратьев, не оставались просто равнодушными зрителями во время этой политической борьбы и войн, но проявляли живейший интерес ко всему происходящему, присоединяясь то к одной, то к другой из противоборствующих сторон.

Между тем еврейское образование ни в коей мере не пострадало из-за неблагоприятных условий, существовавших почти в каждой стране изгнания, но все же заняло свое место в авангарде культуры. Двое мужчин, оба из Толедо, добавили ему блеска; это были Авраам Ибн-Дауд и Авраам Ибн-Эзра, которые, непохожие по характеру, целям и истории своей жизни, были все же схожи в своей любви к иудаизму и учености. Авраам Ибн-Дауд Халеви (родился около 1110 г., умер мученической смертью в 1180 г.), который был потомком по материнской линии принца Исаака Ибн-Альбалии, был не только хорошо сведущ в Талмуде, но и был знаком со всеми отраслями науки, существовавшими в то время. Он также занимался изучением истории, как еврейской, так и общей, насколько она была ему доступна в ее заброшенном состоянии в средние века. Испанские евреи весьма легкомысленно относились к этой области знаний. Он был врачом и прилежным исследователем в области науки. Ибн-Дауд обладал умным, ясным умом, который позволял ему с точностью проникать в познаваемое и просветлять темное. С блестящей проницательностью он выражал самые трудные идеи и делал их понятными. Он сосредоточил все свое внимание на высочайших проблемах человеческого интеллекта и был в недоумении, не понимая, как кто-то может тратить свою жизнь на пустяковые занятия или изучение филологии, математики, теоретической медицины или права, вместо того чтобы направлять свой ум на самое святое дело жизни. Эта задача, согласно взгляду Ибн-Дауда, состоит в философском изучении, поскольку его целью является познание Бога, и в этом заключается превосходство человека над миром сотворенных вещей. Он решительно подчеркивал этот момент в противовес определенному классу своих единоверцев в Испании, которые испытывали явную неприязнь к философии. Ибн-Дауд был хорошо знаком с причиной их недоверия к независимым исследованиям. "В наше время есть много людей, - заметил он, - которые немного увлеклись наукой и которые не способны держать оба света: свет веры в правой руке и свет знания в левой. Поскольку в таких людях свет исследования погасил свет веры, толпа считает это опасным и уклоняется от этого. Однако в иудаизме знание - это долг, и отвергать его неправильно".

Целью любой философской теории является практическая реализация моральных идеалов. Такие идеалы представляет иудаизм. Никто из его предшественников не выражал эту важную мысль так определенно и ясно. Мораль порождает положительные добродетели, здоровую семейную жизнь и основанное на этом прочное государственное устройство. Согласно этой точке зрения, все религиозные обязанности иудаизма можно разделить на пять классов. Первый класс прививает истинное знание и любовь к Единому Богу и очищенную веру в Него. Во втором классе говорится, в частности, о справедливости и добросовестности, главных из всех добродетелей, о прощении, доброте и любви к врагам, все из которых берут свое начало в смирении. Третий класс предписаний касается отношения главы семьи к своей жене, детям и слугам в соответствии с принципами справедливости и привязанности. Четвертый раздел, включающий большую группу, предписывает отношение гражданина к государству и своим согражданам; он внушает необходимость любви к ближнему, честности в торговле и заботы о слабых и страждущих. Существует, наконец, пятый класс законов, таких как законы о

жертвоприношениях и питании (законы ритуала), цель которых нелегко понять. Эти пять групп обязанностей неодинаковы по важности, вера занимает самое высокое положение, а церемониальные законы - самое низкое, и поэтому пророки также часто придавали большее значение первым. Исходя из других предпосылок, Ибн-Дауд пришел к выводу, отличающемуся от вывода Иегуды Халеви. Согласно последнему, чистые ритуальные предписания составляют суть иудаизма, посредством чего пророческая природа человека должна сохраняться живой, но для Ибн-Дауда они имеют лишь второстепенное значение.

Однако Авраам Ибн-Дауд был не только религиозным философом, но и добросовестным историком, и его исторические труды сослужили еврейской литературе большую службу, чем его философские изыскания. Недавно вспыхнувший конфликт с караимами Испании побудил его заняться их историей. После смерти императора Альфонсо и последующего падения его фаворита Иегуды Ибн-Эзры эти люди снова подняли головы и возобновили издание своих полемических трудов. Вслед за этим Ибн-Дауд взялся исторически доказать, что раввинский иудаизм был основан на непрерывной цепи традиций, которая началась с Моисея и распространилась на Джозефа Ибн-Мигаша. С этой целью он составил историю библейских, послегосударственных, талмудических, сабурейских, гаонических и раввинских времен в хронологическом порядке (1161). Он озаглавил эту работу, написанную на иврите, "Порядок традиции" (Седер ха-Каббала). Информация, которую он сообщает об испанских конгрегациях, представляет величайшую ценность; свои знания он почерпнул из оригинальных трудов Самуэля Ибн-Нагрелы и из независимых исторических исследований. Его рассказ краток, но точен и аутентичен, и многое можно прочесть между строк. Его стиль на иврите плавный и не лишен поэтической окраски.

Еще более эрудированным, всеобъемлющим и глубоким умом был Авраам бен Меир Ибн-Эзра из Толедо (родился около 1088 г., умер в 1167 г.). Он был человеком замечательных способностей, с равным мастерством покорявшим величайшие и мельчайшие достижения науки; он был энергичен, изобретателен, полон остроумия, но лишен теплоты чувств. Его обширная начитанность во всех областях божественного и человеческого знания была поразительной; он также был досконально знаком с литературой караимов. Он, однако, не был симметрично развитой, сильной личностью, но был полон противоречий и склонен к легкомыслию; в одно время он боролся против караимов, в другое - шел им на большие уступки. Его полемический метод был беспощаден, и он стремился не столько к выяснению истины, сколько к нанесению резкого удара противнику. Ему был присущ дух отрицания, и он представляет собой полную противоположность Иегуде Халеви, с которым, как говорят, он был близким родственником. Ибн-Эзра (так его называют) сочетал в своем лице непримиримые контрасты. Его ясное видение, его острое аналитическое восприятие, его смелые исследования, которые продвинулись так далеко, что почти привели его к пантеизму, существовали бок о бок с почитанием авторитетов, что побудило его с фанатичным пылом обвинять независимых мыслителей в ереси. Его умеренный ум, изучавший происхождение каждого явления, не мешал ему блуждать в сумерках мистицизма. Хотя он был преисполнен доверия к Богу, в руки которого он спокойно отдал свою судьбу, он верил во влияние звезд, от которого не мог отказаться ни один человек. Таким образом, Ибн-Эзра был одновременно неумолимым критиком и рабом буквы Закона, рационалистом и мистиком, глубоко религиозным человеком и астрологом. Эти противоречия не отмечали последовательных этапов его жизни, но они контролировали весь ход его существования. В юности он играл с музами, воспевал выдающихся людей и пировал с Моисеем Ибн-Эзрой. Он также был знаком с Иегудой Халеви;

они часто блестяще обсуждали философские проблемы, и ясно, что они не сходились во взглядах.

Хотя Ибн-Эзра был знаком с художественными формами арабской и неоеврейской поэзии, он, тем не менее, не был поэтом. Его стихи искусственны, педантичны, неинтересны и лишены чувства. Его литургическая поэзия, созданная во все периоды его жизни, несет на себе тот же отпечаток трезвого созерцания. Она состоит из мудрых сентенций или строгих наставлений; в ней нет излияния религиозных чувств, которые поглощают душу и которые характеризуют горячую молитву. В религиозной поэзии Ибн-Эзры отсутствует то, что так заметно в сочинениях Ибн-Гебиरोля и Иегуды Халеви; дух возвышенной радости, который выражается во вдохновенных гимнах, возвышенное величие, которое стремится к высшему и достигает его. Однако он был неподражаем в остроумии и метких эпиграммах, в загадках и сатире. Более того, его проза является образцовой, и можно даже сказать, что он ее создал. Он воздерживается от чрезмерных приукрашиваний и пустой фразеологии.

Хотя Ибн-Эзра не занимает высокого места в поэзии, он имеет право на первое место как тщательный толкователь Священного Писания. Таким образом, он проявил большой такт, поскольку руководствовался строго грамматическим толкованием текста. Он был прирожденным экзегетом. Он был способен применить свои обширные знания и блестящие идеи к стихам Священного Писания, не будучи вынужденным связывать их логически. Его беспокойный, непостоянный ум был не способен создать законченное и систематизированное целое. У него не было способности методизировать еврейскую филологию и синоптически упорядочивать свой материал. Однако в толковании Библии он был совершенно оригинален. Он возвел ее в ранг науки с твердыми принципами, так что долгое время у него не было конкурентов в этой области знаний. Стоит отметить, что он никогда не чувствовал себя призванным заниматься библейским толкованием, находясь дома, хотя и обладал замечательным талантом к этой работе. Пока он оставался в Испании, его знали только как умного математика и астронома, а не как экзегета. В общем, у себя на родине он не создал ничего литературного, за исключением, возможно, нескольких еврейских стихотворений религиозного или сатирического характера.

Стесненные обстоятельства вынудили Ибн-Эзру покинуть охваченный войной и разоренный город Толедо. Он никогда не обладал большим богатством. В своей эпиграмматической манере он высмеивал свои несчастья, которые обрекли его на бедность: "Я стремлюсь стать богатым, но звезды против меня. Если бы я занялся изготовлением саванов, люди перестали бы умирать; или если бы я делал свечи, солнце никогда бы не зашло в час моей смерти".

Поскольку он не мог зарабатывать себе на жизнь дома, он отправился в свои путешествия (около 1138-1139) в сопровождении своего взрослого сына Исаака. Он посетил Африку, Египет и Палестину и общался с учеными мужами Тверии, которые гордились тем, что у них есть тщательно написанные экземпляры Торы. Поскольку он нигде не мог найти покоя, он отправился дальше, в сторону Вавилонии, посетив город Багдад, где принц из Плена, с согласия халифа, снова осуществлял своего рода верховенство над всеми восточными общинами. В ходе этого обширного путешествия Ибн-Эзра сделал много тщательных наблюдений и обогатил обширные запасы своего ума.

Трудно понять, почему, повернув домой с Востока, он снова не посетил свою родину. В Риме он, наконец, обрел долгожданный покой (1140). Его появление в Италии знаменует эпоху в развитии

культуры итальянских евреев. Хотя они пользовались свободой до такой степени, что римская община не была обязана платить никаких налогов, евреи Италии все еще оставались на низком культурном уровне. Они изучали Талмуд механически, безжизненно. Они ничего не знали о библейской экзегезе, и неоеврейская поэзия для них состояла из убогих рифм. Их образцом поэзии были неуклюжие стихи Элеазара Калира, которые они считали неподражаемыми. Их вялые умы были склонны ко всем суевериям средневековья. Какой контраст с ними представлял испанский путешественник с его утонченным вкусом к искусству, здоровыми идеями и философским образованием! Время его прибытия в Рим было благоприятным для возрождения высшей культуры. Как раз в это время появился смелый священник, Арнольд из Брешии, который утверждал, что папы правят не в соответствии с духом Евангелия: что они не должны обладать светской властью, но должны жить как истинные слуги Церкви и действовать с должным смирением.

В доме папства возник серьезный дух исследования и стремление к свободе. Народ с нетерпением прислушался к вдохновенным словам молодого реформатора, отказался от своей верности папству и провозгласил свое государство республикой (1139-1143). Как раз в это время Ибн-Эзра жил в Риме. Наиболее вероятно, что молодежь и мужчины собирались в большом количестве, чтобы послушать великого путешественника, глубоко образованного испанского ученого, который хорошо знал, как очаровать их своей краткой, живой, поразительной и остроумной беседой.

В Риме появилась первая постановка Ибн-Эзры, которому к тому времени исполнилось пятьдесят лет, - изложение Пяти Мегилот. Его экзегетические принципы проявились в его первых попытках. Все, что было неясным, исчезало перед его ясным взором, если только он намеренно не закрывал глаза, чтобы не видеть того, что было правильным, или же притворялся, что вообще ничего не видит. Было ли это сомнение, терзавшее его разум, или слабость характера заставляла его уклоняться от грубого развеивания мечтаний толпы? Нельзя отрицать, что Ибн-Эзра часто отрицает истину или скрывает ее таким образом, что ее распознают только люди с равным интеллектом.

Какими бы великими ни были экзегетические таланты Ибн-Эзры, они не позволили ему понять и тщательно проанализировать сомнительные библейские отрывки, чтобы привести их в какую-то связь как органическое целое или как прекрасно сконструированное произведение искусства. Его ум был больше направлен на отдельные, обособленные вопросы, его беспокойная мысль никогда не концентрировалась на чем-то одном, но всегда имела тенденцию отвлекаться на другие темы, лишь слегка связанные с первоначальным вопросом. Ибн-Эзра был первым, кто донес до римских евреев представление о важности еврейской грамматики, о которой они были совершенно не осведомлены. Он перевел грамматические труды Чаюджа с арабского на иврит и написал работу под названием "Баланс" (Moznaim), единственной интересной частью которой является хорошо написанное историческое введение, посвященное трудам его предшественников в области еврейской филологии.

Летом 1145 года он был в Мантуе и здесь сочинил новый грамматический труд о тонкостях древнееврейского стиля (Захот). В этой книге он обвинял в ереси тех, кто отклонялся от массоретских авторитетов. Такое поведение кажется тем более неуместным, что сам он, хотя и тайно, позволял себе еще большие вольности с текстом Библии. Он замечает о грамматических трудах Ибн-Джанаха, что их следует бросить в огонь, потому что автор предполагает, что более

сотни слов в Библии следует читать или понимать не так, как принято. Его осуждающий приговор произвел такой эффект, что важные произведения Ибн-Джанаха остались неизвестными последующим поколениям, и пытливые были вынуждены утолять свою жажду у разбитых водоемов.

По-видимому, он недолго оставался в Мантуе, а оттуда перебрался в Лукку, где прожил несколько лет и собрал вокруг себя круг учеников. Здесь он очень много занимался изучением астрономии, составлял астрономические таблицы и уделял большое внимание также псевдонауке астрологии, которую усердно изучали магометане и христиане. Он написал много книг под разными названиями на эту тему (1148).

Оправившись от тяжелой болезни, он решил написать комментарий к Пятикнижию -самозванная задача, от которой он отказался из-за ее большой сложности. Сейчас ему было шестьдесят четвертый год (1152-1153). Но в работе нет никаких признаков старости, она несет на себе печать свежести и юношеской энергии. Изложение Пятикнижия Ибн-Эзрой является художественным произведением, как по содержанию, так и по форме. Язык энергичен, плавен и остроумен, интерпретация глубока, сдержанна и несет на себе отпечаток самоотверженной работы. Его богатый багаж знаний, обширная начитанность и опыт позволили ему сделать Книгу книг более понятной и рассеять туманные облака, которыми ее окутали невежество и предрассудки.

В своем введении он очень ярко и умно описывает четыре обычных и неподходящих метода интерпретации, которых он желает избежать. Уверенный в успехе, он ставит себя выше своих предшественников и завершает задачу, которую поставил перед собой, - зафиксировать естественный смысл текста. Ибн-Эзра, благодаря своему комментарию к Пятикнижию, стал лидером школы умеренных, тщательных и научных толкователей Библии и занимал первое место среди немногих просвещенных умов, выступавших против неясности агадического объяснения, ведущим представителем которого был Раши. Ибо, хотя он осуждал как еретическое любое толкование, отличное от Массоры, все же рационалисты считали его своим ведущим авторитетом, и даже неверующие обращались к нему за поддержкой. Фактически, Ибн-Эзра дает нам множество оснований причислять его к таким людям, как Чиви Альбальчи, Ицхаки и другие, которые ставили под сомнение авторитет Пятикнижия. Смутным и таинственным образом он предположил, что несколько стихов в Торе были добавлены более поздней рукой и что целые отрывки относятся к более позднему периоду. Трудно сказать, был ли он искренен в своем скептицизме или в своей твердой вере. В Лукке Ибн-Эзра написал свой блестящий комментарий к Исаяе (1154-1155) и другие менее важные работы. После завершения своего комментария к Пятикнижию (1155) Ибн-Эзра покинул Италию и отправился на юг Франции, который из-за своей связи с Каталонией обладал большей частью испано-еврейской культуры, чем север Франции, Италия или Германия. В еврейской истории Прованс образует разделительную линию между двумя методами: строго талмудическим и научно-художественным. Еврейские провансальцы активно работали в соответствии с обоими методами, но не достигли ни в одном из них какой-либо степени совершенства, оставаясь просто поклонниками и подражателями. Ибн-Эзра внес в этот круг новый элемент. В городе Родес он прожил несколько лет (1155-1157) и написал свои комментарии к книге Даниила, Псалмам и Двенадцати пророкам. Его слава получила широкое распространение и привлекла поклонников. Величайший раввинский авторитет того времени, Якоб Тэм, прислал ему стихотворение-дань уважения. Ибн-Эзра был очень удивлен и ответил эпиграммой, наполовину

комплиментарной, наполовину оскорбительной. Любовь к путешествиям привела его, когда ему было уже семьдесят, в туманный Лондон, где он нашел либерального Мецената, который относился к нему с любовью. Здесь он сочинил своего рода философию религии, написанную, однако, с такой крайней небрежностью и поспешностью, что совершенно невозможно уследить за ходом его мыслей. В целом Ибн-Эзра столь же мало преуспел в этой области знаний, как и в общей философии.

После этой работы по философии религии, все еще находясь в Лондоне, он написал работу в защиту субботы, которая интересна своим введением. Он начинает с рассказа о сне, который ему приснился и в котором Шаббат лично вручил ему письмо. Здесь Шаббат жалуется на то, что ученик Ибн-Эзры принес в его дом записи, в которых библейский день, как говорилось, начинался утром, и что, следовательно, вечер перед шаббатом не обладал святостью. Вслед за этим видение повелело ему встать на защиту Субботы. Он пробудился ото сна и при свете луны прочитал принесенные ему нечестивые писания и, действительно, нашел в них утверждение, что библейский день начинался утром, а не вечером. Это неортодоксальное учение, которое, следует отметить, было выдвинуто внуком Раши, благочестивым Самуэлем бен Меиром, взволновало Ибн-Эзру; и он счел своим долгом опровергнуть его изо всех сил, "чтобы Израиль не был введен в заблуждение". В благочестивом гневе он пишет: "Пусть отсохнет рука того, кто написал это, и пусть его глаза потемнеют". Защита, состоящая из толкования библейских стихов и астрономических объяснений, носит название "Субботнее послание". Хотя, находясь в Лондоне, он был в преуспевающем положении и у него было много учеников, он покинул этот город после короткого пребывания. Осенью 1160 года он посетил Нарбонну, а позже (1165 или 1166) снова был в Родезе, где на старости лет переработал свой комментарий к Пятикнижию и сократил его, сохранив наиболее существенные части, и, наконец, написал свою последнюю книгу, грамматический труд (Сафа Берура). Его энергия и свежесть интеллекта, которые он сохранил даже до конца своей жизни, замечательны; его последние постановки, как и первые, несут на себе отпечаток бодрости, уверенности и юношеской силы. Помимо своих экзегетических, грамматических, астрономических и астрологических трудов, он также был автором нескольких работ по математике. Похоже, что в последние годы своей жизни Ибн-Эзра страстно желал вернуться на родину и начал свое путешествие домой. Однако, добравшись до Калаорры, на границе Наварры и Арагона, он умер, и говорят, что на смертном одре он остроумно применил к себе библейский стих: "Аврааму было 78 лет, когда он избежал проклятия этого мира". Он умер в понедельник, 1 Адара (22 января) 1167 года. Он оставил много учеников и талантливого сына, который, однако, не прибавил славы его имени.

Еврейская община Франции в то время также обладала высокоодаренным человеком, который не только сосредоточил в себе основные черты французской школы и, таким образом, стал авторитетом на несколько столетий, но и проникся духом еврейско-испанской школы. Джейкоб Тэм из Рамеру (родился около 1100 г., умер в 1171 г.) был самым выдающимся учеником школы Раши. Будучи младшим из трех образованных внуков великого учителя из Труа, Тэм ничего не мог перенять от своего деда, которого он знал только в ранние годы своего детства. Однако он достиг столь высокой степени совершенства в изучении Талмуда, что затмил своих современников и даже своих старших братьев, Исаака и Самуила (Рашбама). Бесконечные тропинки и извилистые дороги талмудического лабиринта были ему знакомы, и он обладал редкими знаниями обо всем регионе. Он сочетал ясность интеллекта с остротой рассуждений и был главным основателем школы тоссафистов. Ни один из его предшественников не проявил таких глубоких знаний и такой изумительной диалектической изобретательности в области

Талмуда. Хотя он не занимал должности, а занимался бизнесом, он считался самым известным раввином своего времени, и его слава распространилась до Испании и Италии. Вопросы по трудным вопросам направлялись исключительно ему, причем не только из его собственной страны, но также из южной Франции и Германии; и все раввинские авторитеты того периода склонялись перед ним с глубочайшим почтением. В юности он был окружен учениками, которые с благоговением относились к нему как к своему идеалу. Он был настолько перегружен задачей отвечать на присланные ему вопросы, что иногда уступал. Фанатики второго крестового похода, которые чуть не лишили его жизни, отняли у него все его имущество и не оставили ему ничего, кроме его жизни и его библиотеки. Тем не менее, он написал свой комментарий к Талмуду как раз в этот беспокойный период. Он был человеком с совершенно твердыми религиозными и моральными качествами, в которых был только один недостаток: он брал ростовщичество у христиан. Действительно, он в определенной степени пренебрегал жесткими талмудическими законами о ростовщичестве, что противоречило практике его деда.

Якоб Тэм - почти единственный представитель школы северной Франции, который преодолел пристрастие к изучению талмуда и проявил большой вкус к разнообразным исследованиям испанских евреев. Он изучал их искусство ивритского стихосложения и писал литургические молитвы и светские стихи в метрической форме. Он переписывался с Ибн-Эзрой, представителем еврейско-испанской культуры, и, как говорилось выше, обменивался с ним стихами. Поэзия привела Тэма, который ничего не делал поверхностно, к тщательному изучению иврита, и он настолько продвинулся в знании грамматики, что смог выступить арбитром в грамматическом споре между Менахемом бен Саруком и его оппонентом Дунашем.

Большое количество ученых раввинов на севере Франции и в Германии, а также общепризнанный авторитет Там, привели к новому направлению, которое впервые проявилось в постталмудический период. Под председательством раввина Рамеру первый раввинский синод собрался с целью решения важных вопросов дня. Вероятно, соборы, созданные во Франции беглыми папами Паскалем, Иннокентием II, Каликстом и Александром III, дали это предложение раввинам. На раввинских синодах не было той пышности, которая превращала подобные соборы в театры, где поощряются тщеславие и честолюбие. Те, кто принимал участие в мероприятии, встречались в каком-нибудь условленном месте, часто посещаемом евреями, таком как Труа и Реймс, без какой-либо пышности или церемонии, без скрытых мотивов или политических интриг. Решения раввинских синодов касались не только религиозных и общественных вопросов, но и вопросов гражданского законодательства, поскольку евреи по-прежнему обладали своей собственной юрисдикцией.

Наиболее вероятно, что именно на одном из таких соборов раввинов, в чьих умах еще были свежи воспоминания о преследовании во время второго крестового похода, было постановлено, что ни один еврей не должен покупать распятие, церковные принадлежности, облачения для мессы, церковные украшения или молитвенники, поскольку такой поступок может подвергнуть большую опасность всю еврейскую общину. На большом синоде, в котором приняли участие сто пятьдесят раввинов из Труа, Осера, Реймса, Парижа, Сена, Дрома, Лиона, Карпантра, Нормандии, Аквитании, Анжу, Пуату и Лотарингии, возглавляемых братьями Самуилом и Тэмом, а также Менахемом бен Пересом из Жуаньи, Элеазером бен Натаном из Майнца и Элеазером бен Самсоном из Кельна, были приняты следующие резолюции: (1) Чтобы ни один еврей не вызывал никого из своих единоверцев перед судами страны, если обе стороны не согласятся на это, или если обвиняемый не откажется предстать перед еврейским судом. (2)

Любой ущерб, который может быть причинен ответчику в результате этого *судебного разбирательства ex parte* в нееврейском суде, должен быть оплачен истцом в соответствии с оценкой семи старейшин общины. (3) Что никто не должен обращаться к светским властям за назначением на должность президента или проректора или получать должность тайно, но что президент должен быть избран открытым образом большинством членов конгрегации. Был объявлен запрет на отлучение от церкви всех, кто нарушал эти и другие решения синода; ни один еврей не должен вступать в сношения с такими нарушителями, не принимать от них пищу, не пользоваться их книгами или посудой и даже не принимать от них милостыню. На этом синоде также был возрожден эдикт об отлучении от церкви доносчиков и предателей.

На синоде, проходившем в Труа, на котором председательствовал Тэм, всем тем угрожали отлучением от церкви, кто осмеливался придирается к любому закону о разводе после того, как он был вручен жене. Сверхкритичные или злые мужчины часто критиковали законопроект о разводе после того, как он был удовлетворен, вызывая сильное раздражение разведенных сторон. Другие решения принимались синодами, и они имели силу закона среди французских и немецких евреев. Таким образом, было решено, что постановление Гершомы о предотвращении многоженства может быть отменено только сотней раввинов из трех разных провинций, таких как Франция, Нормандия и Анжу, и только по самым веским мотивам. Раввины, в отличие от католических прелатов, использовали эту власть синода не против народа, а в соответствии с чувствами нации и ради благополучия общины. Следовательно, однажды принятые ими решения не требовали частого обновления.

В старости Тэм стал свидетелем кровавого преследования евреев по соседству, в Блуа, которое запомнилось не только суровостью, с которой обошлись с мучениками, но особенно лживым обвинением, тогда впервые выдвинутым против них, в том, что они использовали кровь христиан на Пасху. Это была подлая интрига, которая разожгла костер для невиновных.

Еврей из Блуа ехал в сумерках к Луаре, чтобы напоить свою лошадь. Там он встретил конюха-христианина, чья лошадь шарахнулась от белой шерсти, которую еврей носил под своим плащом, и, занервничав, отказалась идти к воде. Слуга, который был хорошо осведомлен о ненависти к евреям своего хозяина, мэра города, состряпал историю, которая послужила основанием для обвинения. Он утверждал, что видел, как еврейский всадник бросил в воду убитого христианского ребенка. Мэр затаил обиду на влиятельную еврейку по имени Пульселина, которая была фавориткой его господина, графа Теобальда Шартрского, и воспользовался этой возможностью, чтобы отомстить. Он повторил ложь об убийстве христианского ребенка, и обвинение гласило: "Евреи распяли его на Пасху, а затем бросили в Луару". Граф Теобальд вслед за этим приказал заковать всех евреев в цепи и бросить в тюрьму. Одна Пульселина, к которой Теобальд питал особую привязанность, осталась невредимой. Полагаясь на это, она успокоила страхи своих страдающих единоверцев, заверив, что добьется от графа их освобождения. Но вскоре заключенные евреи узнали, что надежды на человеческую помощь нет.

Пульселина из-за проявленной к ней привязанности навлекла на себя ожесточенную вражду Изабель, жены графа, и планировала уничтожение евреев. Она установила наблюдение за Пульселиной и помешала ей встретиться с графом. У евреев был только один проблеск надежды: воззвать к печально известной скупости графа. Он послал еврея из Шартра спросить, какую сумму они готовы заплатить, чтобы с них сняли обвинение в убийстве. После этого они

посоветовались с дружественными христианами, и было решено, что ста фунтов наличных денег и ста восьмидесяти фунтов непогашенных долгов — вероятно, всего богатства маленькой общины - будет достаточно. Однако в этот момент в разбирательстве принял участие священник и, тепло обращаясь к графу, умолял его не относиться к этому делу легкомысленно, а строго наказать евреев, если обвинение против них будет обоснованным. Но как кто-либо мог установить истину, учитывая, что все обвинение основывалось только на показаниях жениха, который, как можно было сказать, видел не более чем тело, брошенное в реку? В средние века подобные сомнения были легко разрешены. Был применен тест на воду. Слугу доставили к реке в лодке, наполненной водой, и поскольку он не утонул, граф и все христианское население были твердо убеждены, что его заявления действительно были правдой. Граф Теобальд издал приказ, приговаривающий всю еврейскую общину в Блуа к смерти на костре. Когда их привели в деревянную башню и вокруг них собирались разжечь хворост, священник умолял их признать христианство и таким образом сохранить им жизни. Тем не менее они остались непоколебимы в своей вере, и их сначала пытали, а затем потащили на костер. Тридцать четыре мужчины и семнадцать женщин погибли в огне во время пения молитвы, содержащей исповедание веры в Единого Бога (среда, 20 Сивана—26 мая 1171 г.), Пульчелина умерла вместе с ними. Лишь немногие евреи из-за страха смерти приняли христианство. Христиане, полагаясь на испытание водой, были твердо убеждены, что евреи по праву заслужили смерть на костре, и хроника повествует кратко: "Теобальд, граф Шартрский, приказал сжечь нескольких евреев Блуа за то, что они распяли христианского ребенка во время празднования своей Пасхи и бросили его тело в Луару".

Когда известие о мученической смерти евреев дошло до Тама, он постановил, что этот день следует соблюдать как строгий пост и день траура. Конгрегации Франции, Анжу и Рейнской области, которым великий учитель посылал письма с просьбами, охотно подчинились его указам. Этот постный день в память о мучениках Блуа, в то же время отмечает начало совершенно ложной и безосновательной выдумки о том, что евреи используют кровь на свою Пасху, которая в течение полувека была причиной гибели гекатомбов жертв. Этот указ был последним публичным актом Тама, поскольку через несколько дней после этого он скончался (среда, 4 Тамуза—9 июня). Один из его учеников, Хаим Козн, заметил, что если бы он был на похоронах, то помог бы в окончательном захоронении тела, несмотря на закон, согласно которому потомок Аарона не может прикасаться к трупам, потому что для такого святого человека святость священника может быть отменена. Раввин Там завершает серию творческих умов французской школы, точно так же, как Ибн-Эзра отмечает конец оригинального элемента в испанской школе. Теперь появился персонаж, который полностью примирил обе школы и с которого началась явно заметная трансформация в еврейской истории.

ГЛАВА XIII. ОБЗОР ЭПОХИ МАЙМУНИ (МАЙМОНИД).

Евреи Толедо—Ибн-Шошан, Ибн-Альфачар—Поэт Харизи—Шешет Бенвенист—Бенджамин из Туделы—Евреи Прованса—Кимчи—Общины Безье, Монпелье, Люнеля и Тулузы—Преследования евреев на Севере Франции—Евреи Англии—Ричард I—Евреи Йорка—Евреи

Германии—Эфраим бен Якоб—Зюскинд—Путешественник Петахья—Евреи Италии и Византийской империи—Общины Сирии и Палестины—Еврейский народ Евреи Багдада— Мосула—Псевдомессия Дэвид Алрой-Евреи Индии—Обращение татар в иудаизм—Евреи Египта.

1171-1205 гг. н. э.

Перед густые облака смертельной ненависти стали стекаться со всех сторон над домом Иакова, затмевая горизонт, не оставляя ни одной пяди голубого неба; перед элементы, беременна уничтожения, были напустил на главу общины Израиля, придавив его к Земле; зло в имени божества подвигло князей и народов, свободных и рабов, малых и великих, против слабых сыновей Иуды, и призвал мужчин с оружием убийства, а колкость насмешки против них, чтобы уничтожить этот небольшой орган мужчины; прежде чем высокомерные папы, сидящего на троне Бога в качестве судьи живых и мертвых, крепится значок презрение одежды еврейских мужчин и женщин, и выставила их на гонения и насмешки от всех, кто сталкивался с ними, до фанатизма приготовили орудия пыток самых невинных мужчин, которые были обвинены в преступлениях, в которых они вздрагивали более, чем их обвинители, обвинения-лишь предлог для пыток и жестокого обращения; до грубой лжи об убитых детях, отравили колодцы, и колдовство, стал общепринятым; пред всеми народами христианской Европы отличился дикие монголы в жестокости по отношению к евреям; перед их страдания тысячекратно погнали кровь от сердца, костный мозг из их костей, и дух из их мозгов, расслабляющей их и тянут вниз их стремление пресмыкаться на земле; короче говоря, прежде чем что жизнь ад начался для евреев, которые, во времена папы Иннокентия III, достиг своего апогея под Фердинанд Католик Испании, это хорошо, чтобы взглянуть вокруг по кругу рассеянные еврейские общины на земле, и отметить их состояние в разных странах, для того, чтобы увидеть, что они до сих пор обладали, и то, что этот дьявольский фанатизм потом грабил их. Жестокость, которая от имени двух религий проповедовалась против евреев, еще не успела окончательно превратить их в изгоев. В то время как в одном месте их презирали, ненавидели и проклинали, в другом на них смотрели с уважением как на граждан и мужчин; в то время как в одной стране они были слугами императорской палаты, в другой они были назначены князьями и муниципалитетами на важные должности; в то время как в одном месте они были низведены до жалкого положения рабов, в другом они все еще держали в руках меч и сражались за свою независимость.

Число евреев в Азии намного превышало число евреев в Европе, но общий уровень последних делал их выше, так что Европу следует рассматривать как главный очаг иудаизма. Здесь пробуждалось истинное самосознание; здесь еврейские мыслители стремились решить трудную проблему, связанную с положением иудаизма и евреев среди других религий и наций, а также с задачей, возложенной на каждого члена общины. Сердце иудаизма все еще билось на Пиренейском полуострове. Еврейская Испания по-прежнему занимала самое высокое положение, поскольку интеллект здесь достиг своего наивысшего развития. Евреи жили во всех пяти христианских королевствах, которые были образованы на этом процветающем полуострове, в Кастилии, Леоне, Арагоне, Португалии и Наварре. Только на юге Испании, в магометанской Андалусии, с момента ее завоевания нетерпимыми альмохадами, не было евреев, по крайней мере, таких, которые открыто исповедовали бы свою религию. Бывшие центры еврейской учености Кордова, Севилья, Гранада и Лусена были опустошены; их место занял Толедо, столица Кастилии и всей страны. Община Толедо в то время возглавляла авангард; она насчитывала более двенадцати тысяч евреев. В городе, блистающем

великолепными зданиями, было также много великолепных синагог, "с красотой которых никто другой не мог сравниться". Среди евреев Толедо были богатые и культурные люди и храбрые воины, искусно владевшие оружием. Еврейские юноши практиковались в военном искусстве, чтобы стать выдающимися рыцарями. При Альфонсо VIII Благородном (1166-1214) многие талантливые евреи получили высокие должности, были назначены государственными служащими и трудились во имя величия своего любимого отечества. Джозеф бен Соломон Ибн-Шошан, прозванный "принцем", был выдающейся личностью при дворе Альфонсо (родился около 1135 года, умер в 1204-1205 годах). Образованный, благочестивый, богатый и милосердный, Ибн-Шошан пользовался благосклонностью короля и, вероятно, принимал активное участие в государственных делах. "Ему была оказана благосклонность, и король и вельможи проявили к нему доброжелательность". С большой щедростью он поощрял изучение Талмуда и воздвиг в королевском великолепии новую синагогу в Толедо. Его сын Соломон не уступал ему во многих добродетелях.

Другим высоко почитаемым человеком при дворе Альфонсо был Авраам Ибн-Альфачар (родился около 1160 года, умер после 1223 года), "увенчанный благородными качествами и великодушными поступками. Он был возвышен словом и делом, украшением короля и гордостью принцев". В совершенстве владея арабским языком, Ибн-Альфачар писал отборную прозу и сочинил хорошо звучащие стихи, высокие достоинства которых побудили арабского автора составить их сборник; среди них был панегирик королю Альфонсо. Этот благородный король однажды отправил Ибн-Альфачара с посольством ко двору Марокко, где правил принц правоверных Абу Якоб Юсуф Альмостансир. Хотя этот принц Альмохадов продолжал нетерпимую политику своих предшественников, не позволял ни одному еврею жить в своем королевстве и даже желал отличать евреев, принявших ислам, от коренных магометан по предписанной одежде, он был вынужден дружелюбно принять еврейского посла Альфонсо. Когда Ибн-Альфачар явился на аудиенцию к визирю Альмостансира, чтобы вручить свои верительные грамоты, его провели по очаровательным садам дворца, великолепие и благоухание которых услаждали чувства. Однако садовник был столь же уродлив, сколь прекрасны были сады. На вопрос визиря, понравился ли ему сад, Ибн-Альфачар ответил: "Я бы определенно принял его за Рай, если бы не знал, что Рай охраняет прекрасный ангел (Редван), в то время как стражем этого является уродливый демон (Малек), указывающий путь к вратам ада". Визирь рассмеялся над этим остроумным сравнением и счел его достойным того, чтобы поделиться им с Альмостансиром. Последний заметил еврейскому послу: "Уродливый привратник был выбран намеренно, чтобы облегчить еврею вход в этот Рай, потому что редванец, безусловно, никогда бы не впустил неверного".

Родственник этого фаворита Альфонсо по имени Иуда бен Джозеф Ибн-Альфачар также носил титул "принц".

Хотя два покровителя Толедо того периода, Ибн-Шошан и Ибн-Альфачар, сами были сведущими в Талмуде и поощряли изучение Талмуда, все же это изучение не процветало в испанской столице в такой степени, как у Альфасси, его учеников и в школе Раши. В Толедо не было известных талмудистов. На протяжении нескольких столетий конгрегация была вынуждена искать своих раввинов в другом месте. Толедцы имели большую склонность к науке и поэзии. Они предпочитали философию, глубоко размышляли о религии и защищали свою веру от сомнений. Они были самыми просвещенными из испанских евреев.

Престарелый историк и религиозный философ Авраам Ибн-Дауд был еще жив и служил украшением толедской конгрегации. Наконец, в 1180 году он пал мученической смертью во время восстания против евреев, происхождение и масштабы которого до конца не установлены. Вполне возможно, что причиной беспорядков стала очень теплая дружба, проявленная королем Альфонсо по отношению к евреям. Этот принц, женившийся на английской принцессе, имел открытую связь с прекрасной еврейской девушкой Рахиль, которую из-за ее красоты звали Формоза. Эта близость не была мимолетным увлечением, а длилась семь лет. Об этой любви поэт спел:

"Ради нее король забыл свою королеву,
Свое королевство и свой народ".

Банда заговорщиков напала на прекрасную еврейку на ее богато украшенном помосте и в присутствии короля убила ее и ее спутников, вероятно, по наущению королевы и духовенства. По этому случаю, возможно, вспыхнул бунт против евреев, в ходе которого Авраам Ибн-Дауд встретил свою смерть.

Однако это не помешало евреям Толедо оказать большую помощь Альфонсо в его войнах с маврами. Когда он собрал свою огромную армию, чтобы подчинить великую державу Альмохадов, которые при Якове Альмансуре снова пытались проникнуть в сердце Испании, евреи перелили свои богатства в казну обедневшего монарха, чтобы дать ему возможность вооружить свои войска. В битве при Аларкос (19 июля 1195 г.) он потерпел поражение, и цвет христианского рыцарства лег на поле битвы. Альмохады разорили прекрасную Кастилию, и Альфонсо был вынужден запереться в своей столице, где евреи сражались с другими жителями, чтобы отразить натиск врага. Они оказали материальную помощь в принуждении противника к отступлению. Евреи Кастилии были особенно заинтересованы в противостоянии альмохадам в их попытках овладеть столицей, чтобы они не стали жертвами фанатизма ислама. Они с радостью наблюдали за отступлением Альмохадов перед королями Кастилии и Арагона, которые вступили в союз против них. Однако из-за этого союза евреи королевства Леон серьезно пострадали, когда союзные войска, опустошая землю, прошли маршем по их территории. В ходе этой кампании старейший еврейский экземпляр Библии в Испании, который до сих пор под названием Хиллалли служил образцом для переписчиков (говорят, что он был написан примерно в 600 году), попал в руки врага (9 Ав, 1197).

В Арагоне, частью которого Каталония была со времен Рамона Беренгара IV, евреи жили в благоприятных условиях и могли развивать свой ум. Альфонсо II (1162-1196), популяризатор и покровитель провансальской поэзии, отдавал предпочтение людям, одаренным словом и мыслью, и среди них евреи в то время занимали видное место. Хотя Сарагоса была столицей Арагона и с древних времен имела еврейскую общину, все же в то время город Барселона считалась центром северной Испании благодаря своему выгодному положению у моря и процветающему состоянию торговли. Поэт Харизи высокопарно назвал Барселону "собранием принцев и знати". Во главе его стоял Шешет Бенвенист, философ, врач, дипломат, талмудист и поэт (р. 1131, ум. около 1210). Хорошо владея арабским языком, он состоял на дипломатической службе у короля Арагона, получил почести и богатство и, подобно Самуэлю Ибн-Нагреле, был обязан своим процветанием своему перу. Подобно этому еврейскому принцу, Шешет Бенвенисте поддерживал людей науки и изучающих Талмуд. Поэты чрезмерно восхваляют его

благородный ум и щедрость. Сам Шешет Бенвенисте на семьдесят втором году жизни сочинил хвалебную песнь из ста сорока двух стихов в честь Джозефа Ибн-Шошана из Толедо.

Рядом с ним по значимости в Барселоне стоял Самуэль бен Авраам Ибн-Хасдай Халеви (1165-1216), "источник мудрости и море мысли", как экстравагантно называет его поэт Харизи. У него было пятеро ученых сыновей, среди которых был Авраам Ибн Хасдай, который как автор нравоучительного романа "Принц и дервиш" и как переводчик философских трудов сделал себе имя в истории литературы.

Община Туделы, небольшого городка на реке Эбро, который был яблоком раздора между королями Арагона и Наварры, дважды мужественно боролась за равные привилегии с христианами и магометанами и завоевала их. Для их безопасности у них был собственный замок. Тудела произвела на свет ученого путешественника Бенджамина бен Иону, которому не только еврейская история, но и всеобщая история обязаны его интересной и достоверной информацией. Он путешествовал по значительной части южной Европы, Азии и Африки (1165-1173). Цель этого путешествия не совсем известна. Он был либо странствующим торговцем, либо благочестивым человеком пытливого склада ума в поисках следов мессианского искупления. Он делал наблюдения над особенностями каждого города, который посещал, и его записи наблюдений были переведены на многие современные языки.

Серачья Халеви Герунди родился (1125, умер в 1186) в маленьком городке Жерона в Каталонии. По-видимому, он обладал значительными познаниями в философии и, вероятно, был одним из первых в своей стране, кто занялся этим предметом. Он посвятил себя особенно Талмуду и, будучи знакомым с трудами французской и испанской школ, объединил в себе методы Альфасси, Раши, Иосифа Ибн-Мигаша и Тэма. Он был основательным и критичным ученым, его ум был одновременно аналитическим и синтетическим. В юности, в возрасте девятнадцати лет, он сочинял талмудические труды и комментировал комментарии Альфасси. Серачья Герунди, по-видимому, подвергся преследованиям со стороны общины Героны, за которые он отомстил сатирой. Он покинул Жерону и поселился в Люнеле, где у него было много друзей и где его содержал покровитель учености. Здесь он сочинил различные сочинения против талмудического авторитета юга Франции — Авраама бен Давида — и здесь же, в преклонном возрасте, он закончил свои острые комментарии к работе Альфасси над большей частью Талмуда. Их он опубликовал под именем Маор. В этой критической работе Серачья продемонстрировал свою независимость духа, и везде он настаивает на глубоком понимании Талмуда. Но сама эта независимость вызывала неудовольствие его современников, которые привыкли подстраховывать себя решениями старых властей. Серачья намного опередил свой возраст во взглядах на Талмуд, и, соответственно, его выводам решительно противодействовали. О его жизни и положении больше ничего не известно.

В районе по другую сторону Пиренеев, в Лангедоке или в Провансе, евреи к концу XII века жили наиболее счастливо. Южная Франция унаследовала североиспанский характер в отношении культуры и морали. Страна была разделена на ряд небольших государств, что выявило многогранность ее гения и привело к периоду литературного совершенства, которого она впоследствии никогда не превзошла. Провинция сначала частично принадлежала французской короне, а частично была феодем Германской империи; затем она принадлежала королю Арагона как графу Прованса, а позже графам Тулузы и Сен-Жиля; и, наконец, разным вассалам, графам, виконтам и баронам.

Почти все они руководствовались широкими взглядами на жизнь; они были покровителями процветающей провансальской поэзии, поощряли ученость и не были фанатичными служителями Церкви. Помимо знати, возник свободный и богатый средний класс, который охранял свою независимость как самое дорогое сокровище. Близкие отношения между жителями, мусульманами и евреями ослабили западные предрассудки против жителей Востока. Широта взглядов провансальцев, которая побудила их противостоять католической церкви, пренебречь папскими буллами, осудить высокомерное духовенство, применить бич к порокам римского двора и которая дала начало секте альбигойцев, также сделала их способными ценить иудаизм и приверженцев этой религии. Среди провансальских вольнодумцев, которых суровая, непреклонная католическая церковь клеймила как еретиков, было много таких, кто тайно и открыто признавал, что закон евреев лучше, чем закон христиан. Многие великие и второстепенные лорды южной Франции назначали офицеров-евреев и вверяли им высокие должности главного судебного пристава (Bailli), с которыми в отсутствие регента были объединены полицейские и судебные полномочия. Евреи этой страны, столь благословленной природой, чувствовали себя благодетельствованными, высоко держали свои головы, проявляли самый живой интерес к благополучию страны и с неутомимым рвением занимались духовными заботами. Подобно тому, как христиане проявляли готовность принимать новшества, так и евреи южной Франции не принимали все традиции с беспрекословной верой, но стремились постичь их значение и испытать их перед судом разума. Хотя евреи Прованса проявляли большой интерес к науке, их нельзя рассматривать как независимых мыслителей, способных развивать новые направления мысли в рамках иудаизма. Еврейский Прованс не произвел на свет ни одного оригинального ума, ни одного глубокого мыслителя, ни одного подлинного поэта, ни одного выдающегося ученого в какой-либо отрасли знания. Еврейские провансальцы были верными учениками иностранных мастеров, выводы которых они переняли и стойко поддерживали; они были скромными работниками науки, переводчиками и распространителями иностранной интеллектуальной продукции. Иудаизм они любили всем своим сердцем, хотя и были готовы продолжать свободное исследование истины. Среди них процветали еврейские добродетели, их дома были гостеприимно открыты для всех незнакомцев; они тайно помогали нуждающимся и всегда практиковали благотворительность. Богатые помогали детям бедных родителей получить высшее образование и давали им книги, которые в то время стоили очень дорого. Особенно примечательна лояльность, с которой конгрегации поддерживали друг друга и интересовались самыми сокровенными заботами друг друга. Когда опасность угрожала какой-либо конкретной общине, остальные немедленно принимали меры, чтобы помочь и предотвратить надвигающуюся опасность. Их общее процветание было достигнуто частично за счет сельского хозяйства, а частично за счет торговли, которая в то время велась с Испанией, Италией, Англией, Египтом и Востоком и находилась в самом цветущем состоянии.

Главной конгрегацией южной Франции был Нарбонн; в то время в нем насчитывалось 300 членов. При правлении разумной и мужественной принцессы Эрменгарды главой конгрегации был Калонимус бен Тодрос, происходивший из старинного рода, предок которого, Махир, как говорили, иммигрировал во времена Карла Великого. Калонимос владел многими поместьями, которые были закреплены за ним абсолютными грантами. Во главе коллегии стоял Авраам бен Исаак, который был признан авторитетом и носил титул верховного судьи (Аб-бет-дин, умер осенью 1172 года). Он был человеком строго талмудических взглядов и почти не был подвержен влиянию общей культуры. Более того, его талмудические познания были скорее широкими, чем

глубокими; его ученики, Серахья и Авраам бен Давид, превзошли его еще при его жизни. В Нарбонне в это время жила семья Кимчи, нельзя сказать, что достижения которой соответствуют их славе, но которые непосредственно для Нарбонны и косвенно для потомков добились большего, чем величайшие мастера. Основатель семьи, Джозеф бен Исаак Кимчи (процветал в 1150-1170 годах), эмигрировал из южной Испании в Нарбонну, вероятно, из-за религиозных преследований Альмохадов. Владея арабским языком, он перевел работы Бачьи по моральной философии и многие другие на чистый, беглый иврит; составил грамматику иврита; написал комментарий к Священному Писанию, характер дошедших до нас фрагментов которого исключает сожаление об утрате остального, и сочинил множество литургических стихотворений, художественных по форме, в соответствии с образцами неоеврейской поэзии, затем доведенных до совершенства в Испании, но имеющих небольшую поэтическую ценность. Заслуга Джозефа Кимчи состоит исключительно в том, что он привнес еврейскую культуру Испании в южную Францию и навсегда закрепил результаты деятельности Ибн-Эзры, скрывавшегося от правосудия. Ему также приписывается полемическое произведение против христианства в форме диалога между верующим и отступником. Независимо от того, подлинна эта работа или нет, в любом случае она принадлежит этому времени и стране и проливает благоприятный свет на состояние морали среди евреев в отличие от христианского населения. Верующий утверждает, что истинная религия евреев подтверждается моралью ее приверженцев. По крайней мере, десять заповедей соблюдаются с предельной добросовестностью. Они не поклоняются никому, кроме Бога, и не дают ложных клятв. Среди них нет убийц, прелюбодеев или грабителей; в то время как христианские разбойники с большой дороги часто грабят слабых, вешают или ослепляют их. Еврейские дети воспитываются в чистоте и страхе Божьем, и ни одно неподобающее слово не должно сорваться с их уст. Еврейские девочки скромно сидят дома, в то время как христиане не заботятся о своем самоуважении. Еврей проявляет гостеприимство по отношению к своему брату-еврею, выкупает пленных, одевает нагих и кормит голодных. Все эти добродетели евреев христианский антагонист признает общеизвестными и обвиняет евреев только в том, что они берут непомерные проценты с христиан. Это оскорбление говорящий по-еврейски смягчает, указывая, что христиане также берут ростовщичество даже у своих единоверцев, в то время как евреи дают займы представителям своей расы без процентов.

Двое сыновей Джозефа, Моисей и Дэвид Кимчи, пошли по стопам своего отца. Первый, процветавший в 1170-1190 годах, был еще более посредственным, чем его отец, и этот характер незначительности подтверждается его грамматическими и экзегетическими трудами. Младший брат, Дэвид Кимчи (родился в 1160 году, умер около 1235 года), на самом деле был учителем еврейского языка для евреев и христиан Европы; но если мы хотим придать какую-либо ценность его грамматическим, лексикографическим и экзегетическим трудам, мы должны игнорировать тот факт, что Ибн-Джанах, Моисей Ибн-Гикатилия и Ибн-Эзра жили до него, поскольку с ними он не выдерживает сравнения. Дэвид Кимчи не выдвинул ни одной оригинальной точки зрения. Во введении к своему грамматическому труду (Michlol) он достаточно честен, чтобы признаться, что всего лишь стремился упорядочить многообразные и подробные результаты трудов своих предшественников. Самое большее, в его пользу можно сказать, что он обнаружил разницу между долгими и краткими гласными и тем самым пролил свет на изменения гласных, и, наконец, что он сохранил в еврейских кругах смутное воспоминание о простой, трезвой, буквальная экзегезе в противовес экстравагантному, агадическому, псевдофилософскому методу изложения.

Старая община Безье, которая так почетно приняла Ибн-Эзру, находилась в это время под руководством виконта Раймона Тренкаваля и его сына Роже в еще более благополучном состоянии, чем община Нарбонны. Евреи и христиане этого города отдавали дань уважения духу свободной мысли. Многие горожане были альбигойцами и отказались от своей верности Папе Римскому и католической церкви. Тем не менее, следуя старому обычаю, епископ в Вербное воскресенье настроил прихожан против евреев как убийц Бога, и люди, вооруженные камнями, напали на еврейские дома. Но поскольку евреи, жившие вместе в одном квартале, окруженные стеной, всегда принимали меры предосторожности, чтобы защититься, обычно было проломлено несколько голов. Вожди еврейской общины теперь стремились отменить этот обычай, более дискредитирующий христианство, чем иудаизм, и получили согласие виконта. Епископ Уильям, которому было стыдно за столь жестокую практику, также согласился с тем, что ее следует прекратить. 2 мая 1160 года было заключено соглашение, согласно которому каждый священник, настроивший народ против евреев, должен быть отлучен от церкви. Евреи взамен обязались выплачивать по четыре фунта серебра каждый год в Вербное воскресенье. Убийство Раймона Тренкаваля несколькими заговорщиками в церкви в воскресенье (5 октября 1167 г.) втянуло евреев Безье в неприятности, вероятно, из-за их известной привязанности к виконту. Некоторые граждане предпочли выдвинуть против них обвинения, и руководители конгрегации были арестованы. Вскоре после этого ужасное возмездие постигло убийц виконта и обвинителей евреев. Рожер нанял вспомогательные войска у Альфонсо, короля Арагона. Эти войска внезапно напали на горожан, казнили мужчин и повесили главарей. Рожер пощадил евреев из-за их преданности его отцу, а кроме них только женщин и детей (февраль 1170 г.). У виконта Роже, который благоволил альбигойцам, были еврейские шерифы, Мозес де Каварите и Натан. Своим пристрастием к еретикам и евреям он вызвал гнев духовенства и папы римского, и в результате его постиг трагический конец.

Важная провансальская конгрегация существовала в процветающем торговом городе Монпелье, который был столицей южной Франции; в ней были очень богатые члены, благотворительность которых широко превозносилась. Как и их единоверцы в Безье, они имели склонность к учебе, чему способствовало наличие в городе медицинской академии и преобладающая свобода образования. Хозяева этого города отнюдь не были так дружелюбны к евреям, как их соседи из Безье. Вильгельм VIII и его сын прямо предписали в своих завещаниях, чтобы ни один еврей не был допущен к должности шерифа (1178-1201), хотя последний был должен еврею Бонету крупную сумму денег. Неизвестно, кто был тогда во главе конгрегации Монпелье, которая не произвела на свет известных людей, хотя в ней было так много ученых талмудистов, что люди сравнивали ее раввинскую школу с Синхедрионом Храмовой горы (Хар).

То, что сейчас является маленьким городком Люнель, недалеко от Монпелье, при лордах Де Гослен было важным городом, и еврейская конгрегация, состоящая почти из трехсот членов, считалась, наряду с Нарбонной, самым важным форпостом еврейского Прованса. Его талмудическая школа, соперничавшая с Нарбоннской, обучала многочисленных иностранных студентов, которые, если нуждались, были обеспечены всем необходимым конгрегацией. Во главе общины стоял человек, которого экстравагантно восхваляли его современники, Мешуллам бен Иаков (умер в 1170 году), ученый и богатый человек, чье мнение считалось решающим во всех вопросах образования и права. Завоевать его одобрение было стимулом для автора. "Его душа придерживалась религии его Бога; мудрость была его наследием. Он осветил нашу тьму и указал нам правильный путь". Так, и еще более экстравагантно описывает его независимый современник. Мешуллам призывал ученых людей обратить свое внимание на

различные отрасли, особенно на переводы арабских произведений еврейских авторов на иврит. Он был первым, кто пробудил у евреев Прованса вкус к знаниям. Он занимал такое же влиятельное положение на юге Франции, какое Хасдай Ибн-Шапрут занимал в Испании. У Мешуллама было пятеро ученых сыновей, которые в узком кругу проиллюстрировали два течения, которым предстояло встретиться в следующем поколении в остром конфликте. Один из сыновей, Аарон, который процветал с 1170 по 1210 год, хотя и был знаком с Талмудом, имел особое пристрастие рассматривать иудаизм с его философской стороны; двое других, Иаков и Ашер, с другой стороны, отдавали дань уважения этому учению, которое отвергало свет разума. Иаков, хотя и был богат, вел аскетический образ жизни, не пил вина и по этой причине получил прозвище назорея. Его описывают как первого распространителя новой Каббалы. Его брат, Ашер из Люнеля, вел, по возможности, жизнь еще более суровую, и, хотя он был не менее богат, он много постился и не ел мяса.

В целом в сообществе Люнеля преобладало научное направление. Его представляли два человека, прославившихся в истории еврейской литературы, а именно основатель семьи Тиббон и Джонатан из Люнеля. Последний был важным талмудическим авторитетом, написавшим комментарий к талмудическому труду Альфасси. Тем не менее он любил науку и был одним из первых, кто настаивал на том, чтобы она занимала высокое место в еврейских исследованиях. Иуда бен Саул Ибн-Тиббон (родился около 1120 года, умер около 1190 года) родом из Гранады и эмигрировал в южную Францию из-за преследования евреев Альмохадами. В Люнеле он выбрал профессию врача и в этом качестве приобрел такую популярность, что к его услугам обращались принцы, рыцари и епископы, и за ним даже посылали из-за моря. Он досконально знал арабский и с энтузиазмом изучал иврит. Однако его ученость сделала его педантом, он тщательно взвешивал каждый шаг и глубоко задумывался, стоит ли ему взяться за него или отказаться. Через равные промежутки времени он просматривал свою важную коллекцию книг, которую держал в идеальном порядке, и был недоволен, если замечал в них какую-либо путаницу. Он придавал большое значение изящному почерку и другим несущественным вещам. Таким образом, Ибн-Тиббон был как бы создан для перевода. По наущению друзей, особенно Мешуллама из Люнеля, с которым, как и Серачьей из Героны и Авраамом бен Давидом, он поддерживал дружеские отношения, он последовательно перевел с арабского на иврит "Обязанности сердца" Бахьи, "Этику" Ибн—Гебиरोля и "Жемчужное ожерелье", религиозно—философский труд Иегуды Халеви, важную грамматическую и лексикографическую работу Ибн-Джанаха и, наконец, "Религиозную философию" Саадии (1161-1186). Его переводы, однако, демонстрируют его педантичный характер; они абсолютно буквальны и неуклюжи; они рабски следуют арабскому оригиналу и насилуют иврит. Иегуда Ибн-Тиббон, который прекрасно знал, что добросовестный переводчик должен досконально понимать оба языка, а также предмет работы, сослался в качестве оправдания скудости своего перевода на бедность иврита.

Второй Тиббонид, Самуил, сын Иуды (1160-1239), представлял собой сильную противоположность характеру своего отца; хотя он был более одарен, чем последний, он был легкомысленным, расточительным и отличался флегматичной беспечностью. Его отец приложил максимум усилий к его образованию, сам проинструктировал его и отдал к высокооплачиваемым мастерам. Таким образом, Самуэль Ибн-Тиббон изучал медицину, арабский язык, Талмуд и другие родственные области знания. Его любящий отец также в раннем возрасте обеспечил его женой и пытался подчинить сына своей опеке и своей педантичной натуре. Последний восстал против деспотического правления своего отца, отбросил его

увещевания и учения на ветер и, отстояв свою независимость, отдалился от отца. Он занимался безрассудными деловыми спекуляциями вместо того, чтобы посвятить себя своей профессии, потеряв все свои деньги, так что в конце концов был вынужден обратиться к отцу за помощью, чтобы уберечь себя и свою семью от голодной смерти. Его отец считал его разоренным, но Сэмюэль спокойно закончил свое образование и в конечном счете превзошел своего отца как в умении переводить, так и в философском понимании. Он перевел на иврит не только произведения еврейских авторов, но и некоторые труды Аристотеля; он также написал философское изложение Экклезиаста и трактат о отрывках из Книги Бытия. Вообще говоря, главная претензия Тиббонидов на различие основывается на их мастерстве переводчиков, а кимчи - на их грамматической проницательности.

Недалеко от Люнеля, в Поскьере, в то время существовала конгрегация из сорока членов. Здесь родился один из величайших талмудистов, Авраам бен Давид (около 1125 г., умер в 1198 г.), зять Авраама бен Исаака Нарбоннского. Получив образование у превосходных учителей и будучи очень богатым, Авраам (Рабед II) содержал собственный колледж, который привлекал множество студентов со всего мира. Он удовлетворял как материальные, так и интеллектуальные потребности своих учеников. Еще будучи юношей, он сочинял талмудические труды огромной важности и по наущению Мешуллама бен Якоба написал комментарий к части Мишны. По натуре невнимательный и мало уважающий правила вежливости, он презрительно относился к тем, чьи труды опровергал. Он был опасным противником. О науках он ничего не знал и, казалось, не был способен постичь высшую концепцию иудаизма; он даже хвастался своим невежеством в таких вещах; в его глазах было вполне достаточно досконального знакомства с Талмудом. Авраам бен Давид и Серачья Халеви были самыми глубокими талмудистами со времен смерти Тама.

Бург-де-Сен-Жиль, вторая столица герцога Раймонда V Тулузского, насчитывал сто прихожан. Эта паства, как и другие при графе Раймонде, которого трубадуры называли Добрым герцогом, жила в самых счастливых условиях и занимала государственные должности. Абба-Мари бен Исаак из Сен-Жиля, более известный благодаря своему ученому сыну, был шерифом города. Этот сын, Исаак бен Абба-Мари, который, вероятно, был учеником Тама, перенял у знаменитого мастера Рамеру скорее тщательный, чем изобретательный метод изучения Талмуда. На семнадцатом году жизни он составил, по просьбе своего отца, сборник некоторых ритуальных законов, а позже суммировал все результаты своих исследований в Талмуде в труде, озаглавленном "Иттур", посвященном раввинским гражданским законам и обрядам.

Раймонд VI Тулузский благоволил евреям даже больше, чем его отец, и назначал их на должности (1192-1222). Из-за этого и за другие подобные грехи он подвергся жестоким преследованиям со стороны папы Иннокентия III и в конце концов был вынужден принести торжественную клятву, что он лишит евреев их должностей и что он никогда не будет назначать никаких евреев и никоим образом не будет им благоприятствовать.

Бокер (Belcaire), принадлежавший графству Тулуза, также имел большую паству, во главе которой стоял Калонимос, "принц". В процветающем торговом городе Марселе, который в то время образовывал независимое государство, проживало триста еврейских семей, принадлежавших к двум общинам. Небольшая конгрегация, члены которой жили недалеко от гавани и, вероятно, занимались мореплаванием или, по крайней мере, занимались иностранными делами, возглавлялась благородным человеком Якобом Перпиньяно (умер в

1170 году). У более крупной конгрегации был талмудический колледж, которым руководил Симон бен Анатолио. В Марселе евреи также были допущены к работе в офисах.

Начало последних двух десятилетий XII века стало границей между удачей и несчастьем для евреев северной Франции, которые частично подчинялись королю, а частично более или менее зависимым баронам. Пока был жив дружественный король Людовик VII, они жили в своем счастливом положении и были защищены от злонамеренных нападков духовенства. Людовик не стал приводить в исполнение постановление Латеранского собора о том, что ни один еврей не должен содержать христианских сиделок или домработниц. По просьбе евреев он спросил Папу Римского, следует ли строго толковать это постановление и можно ли разрешить евреям строить синагоги. Несмотря на решение папы, он проявил так мало энергии в обеспечении соблюдения этого канонического закона, что даже его сын Филипп Август, в пользу которого он отрекся от престола (1169) из-за слабости, не чувствовал себя связанным им. Когда архиепископ Санса настоял на его исполнении и попытался привести в исполнение несколько других решений Церкви, которые посягали на прерогативы короны, молодой король отправил его в изгнание. Постепенно, однако, другие соображения, а не иное влияние, взяли верх над не очень благородной натурой Филиппа Августа, которому в то время было всего двадцать пять лет, побудив его изменить свое мнение о евреях и превратив его в одного из величайших королей, ненавидящих евреев в истории.

Хотя французский король был владыкой всей Франции и феодальным сюзереном могущественного короля Англии, в то время у него было мало собственных земель. Небольшой участок земли Иль-де-Франс с несколькими разбросанными провинциями составлял его единственное наследство, а остальная часть земли находилась под властью могущественных баронов. Политика Филиппа Августа была направлена на обогащение французской короны за счет приобретения землевладений и превращения мнимого вассалитета баронов в реальность. Для достижения этой цели ему нужны были деньги, прежде всего, для того, чтобы собрать войска и поддержать их. Богатство французских евреев показалось ему готовым ресурсом и побудило его разработать план их присвоения. Ему не нужно было долго размышлять, ибо ему нужно было только прислушаться к преобладавшему против них предубеждению, чтобы получить право грабить и угнетать их. Хотя евреи Франции были не единственными, кто практиковал ростовщичество — поскольку христиане также, несмотря на канонические запреты, брали непомерные проценты, — и хотя, возможно, ростовщиками были только богатые евреи этой страны, Филипп Август тем не менее возложил на евреев ответственность за обнищание безрассудных должников; и хотя лично он не верил в ту чудовищную ложь, которая каким-то образом возникла в двенадцатом веке — откуда и на каком основании, мы не знаем, — что евреи убивали христианских детей на празднике Пасхи и пили их кровь, он, тем не менее, поступил как подобает евреям. Если бы они были воплощенными убийцами, чтобы иметь удобный предлог для взыскания с них денег. Еще до смерти старого короля Филипп Август приказал схватить всех евреев, живших в его поместьях, пока они молились в своих синагогах, и бросить в тюрьму (19 января 1180 года). Он подсчитал, что евреи предложили бы большой выкуп за свое освобождение. Когда они собрали полторы тысячи марок серебром, их отпустили. Это вымогательство было лишь прелюдией к дальнейшим требованиям. До конца 1180 года король объявил все претензии евреев к христианам недействительными; но, тем не менее, позаботился о том, чтобы присвоить казне пятую часть долгов христиан. Венсенский отшельник подбодрил его, объяснив, что отнимать у евреев их богатства — дело благочестивое. Филипп Август все еще не был удовлетворен тем, что превратил богатых евреев в нищих, и вскоре после этого издал

эдикт, повелевающий всем евреям в его провинции покинуть ее в период между апрелем и Днем святого Иоанна (1181). Им было разрешено продавать свое движимое имущество. Их поля, виноградники, амбары и винные прессы, которые должны были приносить хороший доход, отошли королю, а заброшенные синагоги использовались как церкви. То, что неправда, что евреи Франции были ненавидимы народом из-за их ростовщичества, предполагаемого детоубийства и других преступлений, наиболее убедительно доказывается тем обстоятельством, что графы, бароны и даже епископы усиленно пытались отвлечь короля от его намерений и побудить его отменить указ об изгнании евреев. Однако все их усилия были напрасны; молодой Филипп Август, в котором было много от Людовика XIV, был, несмотря на свою молодость, настолько упрям, что (как говорит его биограф) легче было поколебать скалу, чем его решимость. И вот евреям Парижа и его окрестностей снова пришлось взять посох странника и покинуть места, где они жили много веков. Предложение о том, что они могут сохранить владение своим имуществом, если примут крещение, они восприняли в противовес своему исповеданию веры в единство Бога. Лишь немногие перешли в христианство.

К счастью для евреев, наследственное имущество короля, как упоминалось выше, было в то время не очень большим, и вассалы все еще были достаточно независимы, чтобы отказаться от повиновения приказу изгнать всех евреев из своих провинций. Они жили на большей части Франции, и даже тем, кто был изгнан с территории Филиппа Августа, было разрешено поселиться среди них. Талмудический колледж Парижа был закрыт, но те, что в Шампани, где тоссафисты продолжали свою работу, все еще процветали. Небольшой городок Рамеру продолжал оставаться центром обучения. Здесь Исаак бен Самуэль из Дампьера (Ri), правнук Раши, держал свою школу. Он был главным авторитетом после смерти своего дяди Тэма. Образованный и проницательный, подобно своим предкам, Исаак занялся завершением комментария Раши, сбором и систематизацией своих заметок по всему Талмуду и дополнением вопросов по запутанным талмудическим пунктам, представленных тоссафистам, и их решений. Требовалось глубокое знание огромного материала Талмуда, чтобы взяться за эту работу, согласовать самые непримиримые мнения, обнаружить несоответствие здесь и объяснить одно там. Рассказывают, что в коллегии Исаака Старшего было шестьдесят ученых членов, все из которых не только были сведущи во всем Талмуде, но и каждый знал наизусть и мог виртуозно объяснить один из его шестидесяти трактатов. Первое собрание глоссов Исаака называлось "старая рухлядь". Вследствие враждебного духа, который начал преобладать в северной Франции из-за преследований Филиппа Августа, сына Исаака по имени Эльханан, который, хотя и был молод, приобрел известность среди тоссафистов и пал мучеником за свою религию при жизни своего отца (1184).

Несколько лет спустя (1191) Филипп Август отправил новые жертвы на могилу мученика. В маленьком городке Брей (на берегу Сены, к северу от Сены), который принадлежал графству Шампань, христианский подданный короля убил еврея. Родственники убитого обратились к графине и добились ее разрешения, щедро одарив деньгами, повесить убийцу. Намеренно или случайно казнь состоялась в праздник Пурим, и это обстоятельство напомнило людям о виселице Амана, а возможно, и о чем-то другом. Как только король получил известие о казни своего подданного, причем в искаженном сообщении, в котором говорилось, что евреи связали руки убийце, увенчали его терновым венцом и протащили по улицам, он поспешил с отрядом людей и, окружив дома евреев стражей, предложил им альтернативу между смертью и обращением. Прихожане не колебались ни минуты, их члены были полны решимости убивать друг друга, а не умирать от руки палача. Филипп приказал сжечь почти сотню человек и

поощаил только детей младше тринадцати лет. Несколько дней спустя король с окровавленными руками был посвящен в рыцари Креста и отплыл в Сирию, в крестовый поход. Так называемая Священная война сделала его лучше, но мало.

Все попытки изгнать этого действительно великого героя, Саладина, из Иерусалима и принадлежащего ему района до сих пор оказывались бесплодными. Ричард Львиное сердце был вынужден заключить перемирие, дискредитирующее христиан, и единственная услуга, которую он получил, заключалась в том, что христианским паломникам разрешалось в любое время посещать храм Гроба Господня в Иерусалиме.

Нужно было проповедовать новый крестовый поход; нужно было снова разжечь угасающие угли фанатизма, и, естественно, евреи снова пострадали первыми. Папа Иннокентий III, самый бездумный и деспотичный из всех князей Церкви, с неистовой энергией взялся за это дело. Он поручил проповеднику Фулько де Нейи, который до тех пор жил безрассудной, греховной жизнью, проповедовать крестовый поход в городах и деревнях; и этот агент, второй Рудольф, использовал непопулярность евреев и перспективу их грабежа как удобное средство для вербовки солдат в армии Креста. Он проповедовал, что христианские должники, приняв Крест, освобождаются от своих долгов перед еврейскими кредиторами. Многие бароны северной Франции, вдохновленные фанатичными речами Фулько или делающие вид, что вдохновлены ими, записались в крестоносцы. Теперь, когда их ненависть к евреям снова разгорелась, они изгнали их из своих провинций, ибо, обнищав из-за аннулирования их долгов, у евреев не осталось ничего, что бароны могли бы у них вымогать.

Вопреки всем ожиданиям, Филипп Август, заклятый враг евреев, принял изгнанников на своей территории и позволил тем, кто ранее был изгнан им, снова вернуться к своим очагам (июль 1198 г.). Это непоследовательное и терпимое действие короля, который до сих пор был неизменно суров, вызвало большое удивление. Похоже, что Филипп Август пошел на этот шаг с целью унижить духовенство и папу Иннокентия III, потому что они выступили против его второго брака, поскольку он развелся со своей первой женой без санкции папы.

На первый взгляд кажется, что французский король и бароны были преисполнены заботы о евреях, как будто последние были им настолько дороги, что они не могли существовать без них. Они ревниво смотрели друг на друга, если евреи эмигрировали из одной провинции в другую; они возвращали их обратно и заключали договоры, по которым все евреи, сменившие место жительства, должны были быть переданы их первоначальному господину; и они зашли так далеко, что взяли с евреев клятву не выезжать за пределы своих границ. Но за этой кажущейся заботой скрывалась самая презренная жадность к деньгам. Короли и бароны считали евреев северной Франции удобными источниками получения золота. Еще в 1198 году Филипп Август заключил соглашение с Тибо Шампанским о том, что ни один из них не должен задерживать евреев, эмигрировавших с территории одного и поселившихся на территории другого, но что евреи должны быть отправлены обратно в провинцию, откуда они прибыли. Однако Филипп Август, как и большинство королей Франции, не был человеком слова; он отказался выдать евреев, которые из-за чрезмерных притеснений переехали во Францию из Шампани, которая была густо населена евреями.

Таким образом, со времен Филиппа Августа евреи северной Франции потеряли одну из самых драгоценных привилегий человечества - свободу передвижения. Если раньше они могли по своему желанию передвигаться с места на место, то теперь были вынуждены оставаться на своей родине, как крепостные. Если они осмеливались уехать оттуда, хозяин страны конфисковывал их недвижимое имущество. Сначала евреи не знали, что делать с таким положением дел, и раввинский авторитет того времени, Исаак из Дампьера, решил, что ни один еврей не должен покупать собственность, которая была конфискована; а если он все-таки купил такую собственность, он должен был вернуть ее первоначальному владельцу. Постепенно это ограбление стало законом. Им было отказано не только в свободе передвижения, но даже в праве владеть собственностью. "Собственность евреев принадлежит барону" было ведущим принципом законодательства северной Франции, касающегося евреев. Король и бароны, действительно, разрешали евреям брать высокие проценты (два денье в неделю на ливр), потому что это служило их целям. Облигации должны были быть оформлены нотариусом, скреплены государственной печатью и засвидетельствованы двумя знатными людьми. Таким образом, правитель провинции мог получать информацию обо всех денежных операциях. С каждого расчетного счета господь взимал большой налог (cens). Евреев северной Франции ценили только за их имущество; к ним относились как к приносящим доход рабам. Дворянин продал герцогине Шампанской все свое "движимое имущество и евреев". Таким образом, евреи были защищены от изгнания и преследований, потому что в них нуждались, но они страдали от бесчисленных неприятностей, и из-за этого их моральное чувство было притуплено. Они были ограничены добыванием денег, и они приобретали как можно больше, чтобы иметь возможность удовлетворить своих мучителей. Духовенство не преминуло подлить масла в огонь ненависти к евреям и изгнало их из христианского мира, как прокаженных. Епископ Парижский Одо, издавший канонические конституции (1197), запретил христианам покупать мясо евреев, вести с ними дискуссии и вообще вступать с ними в какие-либо сношения. Те, кто не подчинился, были приговорены к отлучению от церкви. Если бы евреи северной Франции не были тогда охвачены жгучей страстью к изучению Талмуда, они, несомненно, стали бы такими дегенератами, какими их изображали и желали видеть их враги. Только Талмуд спас их от жестокого эгоизма и морального разложения.

После смерти Исаака, составителя Тоссафота (около 1200 г.), изучению Талмуда в северной Франции способствовали трое представителей его школы: Иуда сэр Леон бен Исаак Благочестивый (ха-хасид) в Париже (родился в 1166 г., умер в 1224 г.), Самсон бен Авраам в Сансе (умер до 1226 г.) и брат последнего, Исаак Младший (Ризба), в Дампьере. Все трое излагали Талмуд в своих школах обычным образом, решали религиозные вопросы, которые им задавали, и писали Тоссафот, книги Самсона, существующие в отдельной форме под названием Sens Tossafoth.

Эти три раввина северной Франции не проложили путь к новым достижениям ни в одной области науки. У них не было вкуса к науке или поэзии, и они изучали Священное Писание только в свете агадического метода изложения. Они не были лишены остроты, но им нужна была широта взглядов. Самсон был настолько неспособен отдать должное искренности религиозных чувств караимов, которые, по возможности, были чрезмерно щепетильны в исполнении своих религиозных обязанностей, что он не только считал незаконным смешанный брак с ними, но и хотел, чтобы на них смотрели как на идолопоклонников, вино которых раббанит не должен пить. Джуда сэр Леон написал книгу, в которой он пытается показать высшие идеалы, к которым должны стремиться истинно благочестивые люди. Это

произведение действительно проникнуто религиозным чувством и отличается исключительно чистой моралью; но оно также полно извращенных представлений о мире и грубых суеверий. Это точно отражает дух того времени: ту религиозную щепетильность, которая со страхом обдумывает на каждом шагу, не совершает ли он греха или не является ли причиной его совершения; тот мрачный настрой, который обнаруживает в каждом естественном порыве подстрекательство сатаны; тот ничтожный дух, который рассматривает каждое незначительное событие как исполненное значения. Наряду с предложениями, которых философам не следует стыдиться, в этой "Книге благочестивых" встречаются нелепости, которые могли быть вызваны только ухудшением всех условий жизни, которое евреи испытали со времен правления Филиппа Августа.

Благочестивый Иуда сэр Леон стал наставником многих учеников, которые впоследствии приобрели известность: Соломон из Монпелье, Моисей из Куси, Исаак из Вены и другие стали раввинами и популяризаторами изучения Талмуда в Испании, Франции и Германии. Все руководствовались его духом, видели иудаизм лишь сквозь толстый слой тумана и были противниками свободного исследования. Ученики его школы позже выступили против испанских приверженцев более высокой концепции иудаизма.

В Англии и в тех французских провинциях, которые в то время принадлежали Англии (Нормандия, Бретань, Анжу, Турень, Мэн, Гиенна, Пуату и Гасконь), евреи долгое время жили при Генрихе II в безмятежном и счастливом покое. Они населяли большие города, и в Лондоне многие из них достигли такого богатства, что их дома имели вид королевских дворцов. Призыв к первому и второму крестовым походам не нашел отклика у флегматичных островитян, и, как следствие, среди евреев Англии в то время не нашлось мучеников. Многие англичане прониклись таким пристрастием к иудаизму, что вступили в завет. Там существовало собрание, полностью состоявшее из прозелитов. Их общественная и интеллектуальная жизнь была похожа на жизнь Франции, которая в то время находилась в тесной связи с Англией. В Лондоне Якоб Орлеанский, ученик Тэма, известного тоссафиста, основал свою школу. Бенджамин Кентерберийский также был учеником учителя Рамеру. Благородный сын Генриха, Ричард Львиное сердце, также не терпел преследований, и еврейская община Англии могла бы мирно развиваться при нем, если бы фанатизм, разжигаемый Томасом Бекетом, не включил их в число своих жертв. Во время коронации Ричарда (3 сентября 1189 г.) вспыхнули первые гонения на евреев, кульминацией которых столетие спустя стало их всеобщее изгнание. Церемония коронации Ричарда стала первой сценой кровавой драмы для евреев.

Когда Ричард вернулся в свой дворец после коронации в церкви, туда вошла, среди прочих, пришедших засвидетельствовать почтение королю, депутация самых богатых и выдающихся членов конгрегаций Англии, чтобы вручить свои подарки. При их появлении Болдуин, архиепископ Кентерберийский, фанатичный церковный сановник, яростно заметил, что от евреев не следует принимать никаких подарков и что их следует выгнать из дворца, поскольку из-за своей религии они утратили привилегию занимать место среди других наций. Ричард, который не думал о дурных последствиях, которые могли за этим последовать, невинно подчинился указанию архиепископа. Дворцовые слуги, которые выводили евреев из дворца, считали для себя привилегией издеваться над ними. Разинувшая рот толпа также накинулась на еврейских депутатов и преследовала их ударами кулаков, камнями и дубинками. Вскоре по всем частям Лондона распространился ложный слух о том, что король желает унижения и уничтожения евреев, и немедленно толпа и крестоносный сброд объединились, чтобы

обогащаться за счет имущества евреев. Мародеры напали на дома, в которых евреи искали убежища, и подожгли их. Тем временем наступила ночь и покрыла своими тенями ужасную резню евреев. Напрасно новоиспеченный король послал одного из своих придворных, Ранульфа де Гранвиля, навести справки о беспорядках и положить им конец. Сначала он не мог заставить себя говорить, и, более того, разбушевавшаяся толпа осыпала его насмешками. Многие евреи были убиты; другие покончили с собой, потому что их призвали принять крещение, среди них Иаков Орлеанский. Большинство еврейских домов было сожжено, а синагоги разрушены. Пожар, который был применен для того, чтобы уничтожить записи о долгах христиан евреям, распространился и поглотил часть города. Только один еврей отступил от христианства, богатый Бенедикт Йоркский, которого вместе со своим коллегой-наместником выгнали из дворца и затащили в церковь, где он притворился, что принимает крещение. Однако, когда Ричард узнал истинные обстоятельства этого дела, он приказал казнить всех замешанных в нем. Ричард настолько заботился о благополучии евреев своего королевства, что, опасаясь, что преследования в Лондоне могут распространиться на Англию и его французские владения, он издал указы о неприкосновенности евреев и даже направил депутатов в Нормандию и Пуату для подавления любых возможных выступлений против евреев. Более того, он позволил Бенедикту Йоркскому вернуться в иудаизм, когда узнал, что тот был крещен по принуждению, и услышал от него признание в том, что в душе он остался евреем и хотел умереть как таковой. Фанатичный архиепископ Кентерберийский, присутствовавший на собеседовании, когда спросили его мнение, ответил: "Если он не хочет оставаться сыном Божиим, пусть будет сыном дьявола". Пока Ричард оставался в Лондоне, евреи жили в мире; но как только он пересек Ла-Манш, чтобы начать новый крестовый поход вместе с Филиппом Августом, лондонские сцены повторились по всей Англии. Не только религиозное рвение подстрекало христиан против евреев Англии, но скорее зависть к их процветанию и, прежде всего, стремление к их собственности. Первыми пострадали богатые и знатные прихожане в процветающем коммерческом городе Линн. Если мы можем верить христианским авторам, то могло бы показаться, что евреи первыми вызвали ярость христиан против самих себя. Говорят, что они напали на крещеного еврея, и когда он укрылся в церкви, они взяли ее штурмом. После этого, как говорят, христиан призвали к оружию. В то время в городе были крестоносцы. Евреи, потерпев поражение от последних, укрылись в своих домах, и на них напали с огнем и мечом, но мало кому удалось спастись. Однако невозможно, чтобы евреи напали первыми, поскольку сами горожане, когда королевские уполномоченные обратились к ним с просьбой объяснить эти беспорядки, возложили вину на крестоносцев, которые тем временем бежали с добычей евреев. Врач-еврей, который своей скромностью и искусством завоевал популярность даже среди христиан, был убит этими негодями за то, что слишком сильно скорбел о своем народе и призывал небесное правосудие над их убийцами.

Вскоре после Линнской резни евреи Норвича были застигнуты врасплох в своих домах и убиты (6 февраля 1190 года). Месяц спустя (7 марта) евреи Стэмфорда подверглись жестокому обращению, потому что в базарный день в городе оказалось много крестоносцев и незнакомцев, которые, несомненно, были сильнее своих противников, на случай, если евреи с помощью горожан окажут им сопротивление. Они верили, что совершают благочестивый поступок, если относятся как к врагам к тем, чьей собственности они жаждали, и надеялись вымогать у евреев деньги на дорогу в крестовый поход. Без малейшей провокации они напали на евреев, одних убили, других вынудили бежать в королевский замок, врывались в дома и уносили все ценное. Крестоносцы-разбойники скрылись из города со своей добычей, чтобы

ничего из нее не попало в руки королевских судей. Один из этих разбойников был почти объявлен святым; он оставил свою добычу в доме друга, который убил его, чтобы завладеть добычей, полученной нечестным путем. Евреи Линкольна едва не разделили судьбу своих братьев из Линна, Норвича и Стэмфорда; но, пронюхав об угрожающей им опасности, они укрылись со своим имуществом в королевском замке для защиты.

Но трагичнее всего была судьба евреев Йорка, потому что среди них были два человека, которые пользовались королевским состоянием, построили великолепные дворцы и, соответственно, вызывали зависть христианских жителей. Одним из них был Джосейс, другим - Бенедикт, с которым так жестоко обошлись во время коронации Ричарда. Последний, вернувшийся в иудаизм после своего обязательного крещения, скончался от ран, которые были нанесены ему в Лондоне. Крестоносцы, которые хотели разбогатеть, горожане, которые были огорчены процветанием евреев, дворяне, которые были должны им деньги, и священники, движимые кровожадным фанатизмом, - все они вступили в заговор с целью уничтожения евреев Йорка. Глубокой ночью, во время пожара, который либо вспыхнул случайно, либо был разожжен намеренно, заговорщики ворвались в дом Бенедикта, в котором жили только его жена и дочери, вынесли все ценности и подожгли дом. Иосиф, предвидевший грозящую ему опасность, отправился со своей семьей и большинством прихожан в цитадель и потребовал защиты. Но в городе осталось мало евреев, и на них напали заговорщики, которые открыто появились на следующий день после своего успешного эксперимента и предложили евреям выбор между крещением и смертью. Однако евреи в тауэре были осаждены огромным количеством людей всех классов и были призваны принять христианство. Однажды начальник цитадели неторопливо вышел из крепости, и так как евреи боялись, что он предаст их и передаст их врагам, они отказали ему в повторном посещении крепости. Последний подал жалобу высокопоставленному королевскому чиновнику, лорду-наместнику провинции, который случайно присутствовал при этом, на то, что евреи имели наглость выгнать его из вверенной ему крепости. Вzbешенный в высшей степени, лорд-наместник отдал приказ осаждающей толпе разрушить крепость и отомстить евреям. Он даже подтянул подкрепления, чтобы обеспечить победу. Осада длилась шесть дней; евреи храбро отражали все атаки. Губернатор начал раскаиваться в том, что отдал приказ штурмовать это место, и многие дворяне и благоразумные горожане отказались от предприятия, которое сулило им столько дурных последствий, если об этом станет известно королю, когда поднялся монах в белом одеянии, который голосом и примером увещевал осаждающих продолжать их дело. Он провел особую торжественную службу, отслужил мессу и принял Гостей, чтобы убедиться, что им будет оказана божественная помощь в победе над маленьким отрядом евреев в замке. Тем не менее он был сбит с ног камнем, брошенным еврейской рукой, и испустил дух фанатизма.

Тем временем евреи истощили свои запасы провизии, и смерть смотрела им в лицо. Когда мужчины обсуждали, что делать, один сведущий в Законе человек, приехавший из Франции, Йом Тоб из Жуаньи, посоветовал им убить друг друга, сказав: "Бог, чьи решения непостижимы, желает, чтобы мы умерли за нашу святую религию. Смерть близка, если только вы не предпочитаете на короткий отрезок жизни быть неверным своей религии. Поскольку мы должны предпочесть славную смерть позорной жизни, желательно, чтобы мы выбрали самый почетный и благородный способ смерти. Жизнь, которую дал нам наш Создатель, мы вернем Ему своими собственными руками. Этот пример многие благочестивые люди и общины подавали нам в древние и современные времена". Многие придерживались того же образа мыслей; однако робкие не оставляли надежды на то, что им удастся спасти свои жизни. Тем

временем героический раввин готовился к жертвоприношению. Все ценные вещи были сожжены, к дверям был применен огонь, и мужчины с отвагой фанатиков перерезали ножом горло тем, кто был им дороже всего. Иосиф, глава общины, первым убил свою любимую жену Анну, и раввин оказал ему честь быть принесенным в жертву. Таким образом, большинство из них погибло друг от друга за день до великой субботы, которая является вступительным праздником в праздновании освобождения из египетского рабства, примерно в то же время, когда последние zeloty подобным же образом предали себя смерти после разрушения Храма, чтобы не попасть в руки римлян. Немногочисленным выжившим пришлось ночью бороться с распространяющимся огнем и обеспечить себе несколько укромных мест. В субботу (17 марта 1190 г.), когда враг перешел в атаку, оставшиеся в живых заявили о своей готовности открыть ворота и принять крещение; и чтобы убедить своих врагов в шокирующей жертве, которая была принесена, они сбросили трупы самоубийц со стены. Едва были открыты ворота, как предводитель христианских заговорщиков вместе со своими гвардейцами перерезал евреев, которые со слезами на глазах умоляли креститься; таким образом, ни один член еврейской общины Йорка не выжил; всего погибло около 500 евреев. На следующий день, в Вербное воскресенье (18 марта), крестоносцы убили 750 евреев в Бери-Сент-Эдмундсе. По всей Англии, где бы ни находились евреи, если только они не были защищены гражданами, их ждала мученическая смерть. Община из двадцати семей, состоящая только из еврейских прозелитов, также приняла мученическую смерть. Король Ричард был сильно разгневан этими жестокостями и поручил своему канцлеру провести расследование и наказать виновных. Но крестоносцы бежали, виновные граждане и дворяне бежали в Шотландию, а остальные избежали наказания. Только губернатор Йорка был смещен со своего поста.

Но с восшествием на престол брата Ричарда, короля Иоанна, который своим беспринципным поведением низвел Англию в вассалитет папской кафедры, евреи были лишены даже помощи великодушных граждан. Если Иоанн вел себя безжалостно по отношению ко всему миру, евреи, конечно, не могли ожидать от него хорошего обращения.

В несколько более благоприятном положении, чем их единоверцы во Франции и Англии, оказались евреи Германской империи, которая в то время была очень обширной. Германские нации, по природе более религиозные и, следовательно, более фанатичные, чем французы и другие романские нации, действительно часто превращали существование евреев в настоящий ад на земле; но поскольку императоры и князья защищали их, ненависть к ним не могла произвести никакого материального эффекта. Поскольку Генрих IV во время первого и Конрад III во время второго крестовых походов защищали евреев, возникло представление, что германские императоры провозгласили себя защитниками евреев, что любой, кто причинил им вред, совершил государственную измену, и что в обмен на его защиту они стали его "servi camerae", крепостными императорской палаты. Фридрих Барбаросса, самый могущественный германский император, взявший за образец Карла Великого, был первым, кто начал превращение свободных евреев в "servi camerae". Интересна легенда, которая характеризует связь германского императора с евреями в истории. Говорят, что после разрушения Иерусалима Титом треть евреев была продана в рабство по цене тридцати долларов за бесценнок. Они, разбросанные по всей Римской империи, были собственностью римского императора и стали его "серви камерами". Император, однако, взял на себя обязанность защищать их в награду за службу Иосифа Флавия Титу, которого он вылечил от подагры. Права и обязанности римских императоров по отношению к евреям перешли через Карла Великого к германским императорам, и, следовательно, последние аналогичным образом стали

защитниками евреев, а евреи стали их "servi camerae". Евреи во всех отношениях были "servi camerae" и раньше, во Франции и Англии; то есть они были наполовину собственностью короля или баронов, и под тем или иным титулом им постоянно приходилось держать свои кошельки наготове, чтобы пополнить пустую казну своих лордов. Однако в Германии они взамен пользовались покровительством императора. Конечно, нельзя было ожидать, что преемники Веспасиана из тевтонского дома будут выполнять эту должность защитника евреев совершенно бескорыстно. Напротив, они нуждались в большем доходе, чем другие князья, поскольку у них не было земли, и они получали от своих вассалов очень мало денег. Поэтому казалось единственно правильным, чтобы евреи в обмен на императорскую поддержку снабжали императора карманными деньгами.

Хотя евреи Германии были "servi camerae", в двенадцатом веке их не лишили полностью личных прав. Им разрешалось носить оружие и даже участвовать в единоборствах. Во время осады Вормса евреи сражались бок о бок с христианами, и раввин даже разрешил им применять оружие в субботу в целях обороны. У них была своя юрисдикция, и их не заставляли предстать перед чужим судьей. Время от времени некоторые из них достигали более высокого положения. У храброго герцога Леопольда Австрийского, прославившегося в истории пленением английского короля Ричарда, был казначей-еврей, которому, несмотря на каноническое постановление Латеранского собора, было разрешено содержать слуг-христиан. В Силезии, в окрестностях Бреслау, евреи владели несколькими деревнями с принадлежащими им рабами. Но по мере того, как запрет содержать христианскую прислугу набирал силу, евреи были вынуждены продавать свои земельные владения, переезжать в города и там заниматься бизнесом и ростовщичеством. Несмотря на императорскую защиту, они часто подвергались жестокому обращению. Печально известное измышление о том, что евреи использовали христианскую кровь, нашло признание также в Германии, и здесь больше, чем в каком-либо другом месте, и где бы ни находили мертвое тело христианина, князья и народ немедленно возлагали вину за убийство на евреев. Корабль с евреями следовал из Кельна в Боппард, а вслед за ним отплыл другой с пассажирами-христианами. Последние нашли мертвое тело христианки в Боппарде и сразу же пришли к выводу, что ее убили евреи с первого корабля; христиане немедленно погнались за ними и настигли их, и призвали их принять крещение, а когда они отказались, сбросили их в Рейн. Во всеобщий мир, который император установил перед своей экспедицией на Восток, были включены и евреи. Он предупредил священника и монаха, чтобы они не настраивали народ против них, но они должны были выделить средства на крестовый поход.

При преемнике Фридриха, Генрихе VI, произошла ужасная резня евреев, фанатики нападали на них в разных местах от Рейнского региона до Вены. При таких печальных обстоятельствах, когда они ни на мгновение не были уверены в своей жизни, для них было невозможно достичь высокого уровня культуры. Они были глубоко религиозны и милосердны, и они помогали друг другу и иностранным иммигрантам всем, что у них было. Религия и сплоченность членов общины были столпами, на которые они должны были опираться в поисках поддержки; но у них не было ни энтузиазма, ни вкуса к какой-либо отрасли знаний. Изучение Талмуда по-прежнему оставалось единственным занятием наиболее интеллектуальных из них; но даже в этом они лишь следовали по пути, указанному Раши и тоссафистами, никогда с него не отклоняясь. Те, кто желал дать духовную пищу своему разуму, а также приобрести интеллектуальную остроту, погружались в своего рода мистические знания, важность и значение которых для нас утрачены.

Эфраим бен Иаков из Бонна (1132-1200) примерно в это же время сделал себе имя. На самом деле он не был раввином по профессии, но, тем не менее, был сведущ в талмудических знаниях и, вдобавок, был выдающимся лингвистом. В возрасте тринадцати лет он был заперт со своими родственниками в башне Волькенбурга во время гонений, сопровождавших второй крестовый поход; там он увидел страдания своих братьев по вере и позже описал их в беспристрастном, восторженном и ярко написанном мартирологе, который он составил в 1196-97 годах. Ефрем также был искусным стихотворцем, и он сочинил много литургических стихотворений, особенно плача о страданиях своего времени. Его стихи не обладают поэтической красотой, но им присуще определенное остроумие, которое проявляется в остроумных намеках на библейские стихи и отрывки из талмуда.

Кажется маловероятным, что Германия, какой бы враждебной она ни была по отношению к евреям в то время, должна была породить еврейского поэта, который умел красиво петь, знал, как обращаться с рифмой, метром, строфами на народном языке, и которого так тепло ценили, что он был принят в круг поэтов. Зюскинд (Süzkint) из Тримберга, небольшого городка на Заале во Франконии, перенял поэтический стиль Вальтера фон дер Фогельвейде и Вольфрама Эшенбахского. Вероятно, по профессии он был врачом, но о событиях его жизни ничего не известно. В замке лордов Тримберг, который стоял на гребне поросшего виноградом холма и отражался в извилистом Заале, или в соседнем замке Боденлаубе, в обществе благородных рыцарей и прекрасных дам, он изливал с лютней в руке свои мелодичные мелодии, и щедроты, которыми его осыпали, были его единственным средством существования. Зюскинд воспевал высокую ценность чистой женщины и рисовал рыцарям свой идеал дворянина: "Кто поступает благородно, того я считаю благородным". Он говорит о свободе мысли, не поддающейся силе:

"Никто не может заставить дурака или мудреца воздержаться от мыслей,
Мысль может скользить сквозь камень, сталь и железную цепь".

Зюскинд также сочинил немецкий псалом. Он описывает пугающую мысль о смерти и распаде, насмехается над собственной бедностью и предписывает избранную добродетель. Однажды дворяне, чей хлеб он ел, по-видимому, горько напомнили ему, что он, как еврей, не принадлежал к их избранному кругу. Свое уныние, вызванное этим напоминанием, он воплотил в прекрасных стихах, в которых прощается с поэзией. При самых благих намерениях евреи не могли культивировать немецкую поэзию, поскольку еврейские поэты получали в награду пинки вместо лаврового венца. Замкнувшись в своем собственном кругу, они притупили чувство благозвучия языка, и вполне вероятно, что немецкая поэзия из-за этого значительно проиграла.

Богемию также следует занести в список талмудических центров, поскольку она произвела на свет нескольких людей, известных еврейскими знаниями. Исаак бен Якоб Халабан из Праги занимает важное место среди тоссафистов; он написал глубокий комментарий к нескольким талмудическим трактатам. Его брат Петахья совершил дальние путешествия (около 1175-1190 гг.) через Польшу, Россию, земли хазар, Армению, Мидию, Персию, Вавилонию и Палестину. Его краткое описание своих путешествий дает интересные сведения о евреях на Востоке. Даже евреи, жившие в Польше и России, начали принимать участие в изучении талмуда, которым в более поздние времена они должны были обладать как монополией.

Примечательно, что итальянские евреи этого периода кажутся более лишенными интеллектуальных достижений, чем чешские или польские евреи. Они не создали ни одного

авторитетного источника по Талмуду. Когда во времена Тэма было сказано: "Закон исходит из Бари, а слово Божье - из Отранто", - это было сказано с иронией, поскольку они никоим образом не продвинули изучение Талмуда. Времена для них были самые благоприятные; безусловно, такие же благоприятные, как и для евреев южной Франции. За исключением единственного случая, изгнания евреев из Болоньи (1171 г.), евреи в Италии примерно в это время были удивительно свободны от преследований. Умный папа Александр III был благосклонен к ним и доверил управление своими финансами еврею по имени Иехиэль бен Абрахам, члену семьи деи Манси и племяннику Натана, знаменитого автора "Аруха". При въезде этого папы в Рим, откуда он был изгнан на много лет соперничающим папой, евреи среди прочих вышли встретить его со свитком Закона и знаменами - проявленная евреями честь папе, о чем не преминули сообщить хроники. К ним относились с уважением, и они не были обязаны платить никаких податей или еврейских налогов. Благосклонное отношение Александра подтверждается решениями великого собора в Латеранской церкви (1179 г.), на котором присутствовало более трехсот князей Церкви. Несколько антиеврейски настроенных прелатов пытались принять определенные пагубные законы против дома Иакова. Евреи, получившие информацию об их враждебных намерениях, жили в мучительной тревоге, и во многих общинах был установлен трехдневный пост и особые молитвы, дабы Небеса пресекли нечестие людей. История не сохранила записей обсуждений на великом церковном собрании, но заключительные постановления свидетельствуют о том, что мягкий дух терпимости возобладал над манией преследования. Собор только запретил евреям держать христианских слуг, или, другими словами, был возобновлен старый церковный запрет. С другой стороны, особо настаивалось на том, чтобы их не крестили насильно, не задерживали без судебного ордера, не грабили и не беспокоили во время их религиозных праздников. Ограничение привилегии евреев, заключавшееся в том, что отныне христиане также должны были быть компетентными свидетелями против евреев, было справедливо установлено. В пояснении было сказано, что показания еврея действительны против христиан, и, конечно, несправедливо, что евреи, которые на самом деле подчинялись христианам и которых терпели только из чистой человечности, должны в этом отношении пользоваться преимуществом перед христианами. Какой контраст с этим старым византийским законом и постановлением вестготского собора, согласно которому евреи не могли выступать в качестве свидетелей против христиан! Не то чтобы дух Церкви смягчился за эти пять столетий; но евреи заслужили уважение к себе, и соответственно представители христианства не осмеливались повторять это старое обвинение: "Тот не может быть верен людям, кто отрицает Бога", *то есть* христианского Бога.

В южной Италии, в Неаполе и на острове Сицилия, находившихся под нормандским владычеством, евреи были еще менее скованы. Рожер II и Вильгельм II прямо подтвердили привилегию суда по своим собственным законам, наравне с греками и сарацинами. В Мессине они пользовались равными правами с христианами и имели право занимать должности. Любимый министр и адмирал короля Сицилии Рожера питал склонность к иудаизму, часто посещал синагоги, жертвовал масло для их освещения и вообще собирал деньги на удовлетворение потребностей общины. Семена более высокой культуры были в изобилии разбросаны в то время по Италии вследствие ее тесных сношений с Востоком во время крестовых походов и иммиграции греков и арабов в Неаполитанское королевство. Евреи, обладающие особыми способностями к овладению иностранными языками, говорили на арабском и греческом, в дополнение к народному языку и ивриту. Разносторонне развитый Ибн-Эзра во время своего пребывания в Риме, Лукке, Мантуе и других местах был средством

распространения среди них более возвышенных представлений о Священном Писании и иудаизме. Его ученик Соломон бен Авраам Пархон из Калатаюда долгое время оставался в университетском городе Салерно и пытался познакомить итальянцев с наукой о еврейском языке и толковании Библии, поскольку они были очень невежественны в этих областях, и с этой целью он составил словарь иврита (1160). Но все эти подстрекательства не оказали никакого воздействия на итальянских евреев. Они оставались невежественными, и история еврейской литературы не может упомянуть даже о незначительном литературном произведении итальянца до второй половины тринадцатого века. Земля, которая в более поздние времена породила новый стиль еврейской поэзии, в данный период не может показать ни одного еврейского поэта.

В том обстоятельстве, что северные и центральные итальянские города были в основном заняты торговлей, следует искать истинную причину, по которой они не были так многочисленны евреями, как южные итальянские города. Крупные торговые дома, имевшие решающий голос в муниципальном совете, не потерпели бы конкуренции со стороны евреев. В Генуе жили только две еврейские семьи, которые эмигрировали туда из Сеуты из-за притеснений альмохадов. В Пизе, Лукке и Мантуе были лишь небольшие общины. Две крупнейшие, состоявшие из 1300 и 200 семей, проживали в Венеции и Риме соответственно. С другой стороны, в Неаполе было 500 семей, а в Капуе - 300, к которым хорошо относились и уважали. Главой неаполитанской конгрегации был Давид, носивший титул принца (*principino*). В Беневенто насчитывалось 200 евреев, в Салерно - 600, в Трани - 200, в Таренте - 300 и в Отранто - 500. Еврейские общины на острове Сицилия были еще более многочисленными. В Мессине проживало 200 семей, а в столице Палермо - 1500. Эта община укрепилась с прибытием греческих евреев, которых король Рожер после своих завоеваний переселил в это место, чтобы наладить разведение шелковичных червей.

Если человек плыл из Брундизия через Адриатическое море, он высаживался в Византийской империи. Здесь были многочисленные и густонаселенные еврейские общины, особенно в самой Греции, Фессалии, Македонии и Фракии. В Арте (или Ларте) проживало 100 семей, президента которых, как ни странно, звали Геркулес; в Лепанто столько же; в Криссе, у подножия горы Парнас, 200 человек, которые занимались сельским хозяйством. В Коринфе было 300 семей, в Негропонте 200, в Джабустриссе 100, в Салониках 500, у которых был собственный мэр-еврей (Эфорос), назначенный греческим императором. В Родосто проживало 400 еврейских семей, в Галлиполи 200, на острове Митилини было 10 общин, на Хиосе 400 семей, на Самосе 300, на Родосе столько же, а на Кипре несколько общин, среди которых была одна, у которой был обычай начинать Шаббат утром, а не вечером, и продолжать его до утра воскресенья. Наиболее важными общинами в греко-византийской империи были общины в Фивах и Константинополе, в обеих из которых проживало около 2000 семей, в последней, кроме того, проживало 500 караимов. Фиванские евреи были самыми искусными производителями шелка и пурпура во всей Греции. Среди них были также богатые купцы, производители шелка и ученые талмудисты. Стена отделяла раввинскую общину Константинополя от караимской.

Если Византийская империя во времена своей славы при Юстиниане и Алексее притесняла евреев, мы можем быть уверены, что она была не лучше расположена к ним во времена своего упадка, когда находилась в предсмертных муках. Принцип, согласно которому евреи и еретики не должны были допускаться ни на какие военные посты или должности, но подлежали полному

презрению, был из всех законодательных актов этого самого неустойчивого из государств наиболее строго и последовательным.

Богатые и бедные, хорошие и плохие евреи были без различия люто ненавидимы греками. Ни одному еврею не разрешалось ездить верхом - привилегия свободных людей; только в виде исключения император Эммануил даровал эту привилегию египтянину Соломону, своему обычному врачу. Любой грек мог публично приставать к евреям и вообще обращаться с ними как с рабами; закон их не защищал. Византия, с незапамятных времен славившаяся своей скупостью, обложила их обременительными налогами. Они переносили эту дерзкую жестокость со смирением мучеников; это не заставляло их забывать о добродетели и раздавать милостыню бедным. Но греческие евреи были неспособны уделять какое-либо внимание развитию своего разума. Ни один из их талмудистов не увековечил свое имя каким-либо произведением. Среди них действительно было много искусных ивритских стихотворцев, но их стихи неуклюжи, "тверды, как гранит, без вкуса и аромата". Харизи признает достоинства стихов только одного еврейского поэта, Михаэля бен Калеба из Фив, и объясняет это обстоятельство тем, что поэт обучался своему искусству в Испании. В Малой Азии, Сирии и Палестине численность еврейской общины в данном месте могла быть взята в качестве критерия для сравнения терпимости христиан и магометан. Там, где господствовал крест, было лишь несколько малонаселенных еврейских общин, но там, где господствовал ислам, было много густонаселенных еврейских общин. В Антиохии, принадлежавшей христианскому князю, жило всего 10 семей, почти все стекольщики. В Леде (Лаодикия) - 200; в Джебиле, принадлежавшем гегуэзцам, 150; в Байруте (Беритус) - 50; в Сайде (Сидон) - 10; только в Тире была община, насчитывающая 400 членов, и там евреи владели фермами, и им даже разрешалось заниматься судоходством. Во главе их стоял Эфраим Каирский. С другой стороны, в Халебе (Алеппо), который благодаря великому магометанскому принцу Нуреддину превратился во вторую столицу после Багдада, проживало 1500 еврейских семей, среди которых было много богатых людей, уважаемых при дворе. Здесь жил еврейский поэт Иегуда бен Аббас, друг князя поэтов Иегуды Халеви. Он эмигрировал сюда из Феса из-за религиозных преследований. В окрестностях древней Пальмиры проживало около 2000 еврейских семей, мужчины которых были воинственны и часто враждовали с христианами и магометанами. Конгрегация Дамаска насчитывала 3000 членов, среди которых было много ученых талмудистов, одним из которых был знаменитый Иосиф бен Пилат, родом из Франции. В Дамаске также существовали караимская община, насчитывавшая около 200 семей, и самаритянская община, насчитывавшая 400 семей, которые, хотя и не вступали в смешанные браки, тем не менее поддерживали мирные отношения с рабанитами. Во всей той части Палестины, которая находилась в руках христиан, проживало едва ли более 1000 семей. Самые большие общины, каждая из 300 членов, существовали в то время в Торон-де-лос-Кабальерос, Иерусалиме и Аскалоне; с другой стороны, в каждом из самых важных городов Иудеи проживало всего около 200 евреев. Еврейские жители Иерусалима были в основном красильщиками, купив исключительное право заниматься этим ремеслом у христианского короля; они жили на окраине города к западу от горы Сион. Между 1169 и 1175 годами все они, за исключением одного, были изгнаны из этого города (вероятно, при юном и прокаженном короле-призраке Балдуине IV), и ему пришлось заплатить высокую цену за привилегию заниматься ремеслом красильщика. Христиане, глубоко погрязшие в пороке, считали, что святой город осквернен евреями континента. Примерно в то же время в Аскалоне проживали 300 самаритянских и 40 караимских семей. В Кесарии, которая прежде давала приют многим тысячам евреев, тогда

проживало всего 10 семей и 200 самаритян. Представителей этой секты было много также в их исконном местопребывании, Самарии и Неаполисе (Сихем), и среди них не было ни одного еврея-раббанита. Небольшие общины из 50 человек были в Тверии и Уламме, 20 - в Гишале, 22 - в Вифлееме и в каждом из других городов от одной до трех семей. Так наследие Израиля было отдано чужеземцам. Еврейские жители Иудеи скорее прозябали, чем жили; они даже не занимались изучением Талмуда. Только в Акчо были талмудисты, один Садок, а другой Иафет бен Элиа, и они были иностранцами. Примерно в это же время многие эмигранты из Европы, и особенно из южной Франции, поселились в Палестине; и они пользовались таким признанием среди еврейских аборигенов по причине своего интеллектуального превосходства, что смогли побудить их отмечать новогодний праздник в течение двух дней, который до тех пор и с незапамятных времен палестинцы привыкли отмечать, как и другие праздники, только один день.

С точки зрения численности и материальной важности мы должны рассматривать район между реками-близнецами Евфратом и Тигром как главную резиденцию иудаизма. Здесь были общины, насчитывавшие тысячи человек. Бывшие академические города Нахардея, Сора и Пумбедита, несомненно, исчезли; но вместо них общины Багдада и Мосула (называемые Новой Ниневией) получили господство над всей Азией. Багдадская община насчитывала 1000 еврейских семей с четырьмя синагогами и жила в безмятежной тишине, как в лучшие дни Халифата. Евреи этой части чувствовали себя настолько свободными, что даже осмелились попытаться помешать магометанскому глашатаю в его делах в мечети в Мадаине (недалеко от Багдада), потому что он мешал их службе в синагоге. Халиф, Магомет Альмуктафи, проникся любовью к уважаемому и богатому еврею Соломону (Хасдаю?) и даровал ему должность экзиларха и сделал его князем над всеми евреями в халифате. Принцу из плена снова разрешили быть окруженным свитой, ездить верхом на лошади, носить шелковую одежду и тюрбан, сопровождаться почетным караулом и пользоваться официальной печатью. Если он появлялся на публике или направлялся ко двору на аудиенцию, и евреи, и магометане должны были встать перед ним под страхом побоев; перед ним шел глашатай, крича: "Дорогу нашему господину, сыну Давидову". Экзиларх назначал и утверждал раввинов, судей и чтецов во всех частях халифата, от Персии до Хорасана и Кавказа, а также до Йемена, Индии и Тибета. Он назначил этих должностных лиц по поручению, за которое ожидал подарков. Таким образом, экзилархат вновь обрел великолепие времен Бостанаи. В Багдаде также возник важный талмудический колледж, директор которого принял титул гаона. Исаак Ибн-Сакни, эмигрировавший из Испании на Восток в конце XI века, по-видимому, вновь пробудил в этих кругах интерес к изучению талмуда. Экзиларх сам был образованным талмудистом. Али Халеви в то время был директором колледжа, который снова посещали многочисленные студенты. В городе Акбара, расположенном по соседству с Багдадом, проживало 10 000 евреев, но особого значения это не имело.

Община Мосула была все еще более значительной, чем община Багдада. Она насчитывала почти 7000 семей. Этот город был возведен в ранг столицы благодаря герою Зенки, отцу великого Нуреддина, и подобно ему наводившему ужас на христиан, а поскольку Зенки не был недоброжелателен к евреям, они пользовались при нем широкими свободами. Арабские историки передают следующую историю. Однажды он пришел со своим войском в город Джезират-уль-Амар (в верховьях Тигра), где проживало 4000 еврейских семей. У них была синагога, которая, как они считали, была построена во времена Ездры, и Зенки поселился в доме еврея. Его хозяин пожаловался ему на обнищание города из-за этих постоянных военных

походов, и Зенки вслед за этим покинул город и приказал своей армии разбить лагерь в палатках перед воротами. Его преемник, Саиф-Эддин Гази (1146-1149), наблюдал такое же дружелюбное отношение к евреям. Во главе мосульской общины стоял человек по имени Заккай, который также провозгласил себя отпрыском дома Давида, вследствие чего носил титул "принц". Он разделил свои полномочия с другим человеком, который считался выдающимся астрономом и носил почетный титул "Глубокого знатока Небесной сферы" и состоял на службе у принца Мосула.

Еврейские жители Новой Ниневии считались самыми невежественными среди евреев и даже не были знакомы с Талмудом. К северу от Мосула, среди Кардучийских гор или среди гор Чафтан, было много больших общин, некоторые из которых были угнетены султанами и персами, но другие были свободными и дикими, как горы, на которых они жили. Эти свободные евреи в земле Адер-Байджан (Асербейдсан) пользовались оружием, жили в дружеских отношениях с фанатичными убийцами, обитавшими в этой части, были врагами каждого, кто не был одним из их единоверцев или союзников, и часто спускались в долину за добычей. Сами они были недоступны и жили в примитивном невежестве, не зная источников своей религии. Они приняли раввина, которого им прислал Экзиларх, и действовали в соответствии с его указаниями. Среди них внезапно появился (около 1160 г.) амбициозный и разносторонне развитый человек, который думал воспользоваться военными способностями, храбростью и невежеством этих евреев для цели, которая сейчас неизвестна. Этот человек, по имени Дэвид Алруи (Alroy) или Ибн-Алручи (Arruchi), добился в свое время значительной известности, а в наши дни стал героем блестящего романа. Этот молодой человек, житель Амадии, красивой внешности, ясного ума и большого мужества, достиг глубоких знаний Библии и Талмуда, а также арабской литературы. Когда он вернулся в Амадию, которая, по-видимому, была его родиной, не только евреи были поражены его обширными познаниями, но и другие люди, среди которых был комендант города по имени Зейн-Эддин. В это время из-за крестовых походов и слабости халифата поднялись жестокие волнения, превратившие всю страну вплоть до Малой Азии в настоящее столпотворение. Правительство было разделено между слабым халифом, его визирями и генералами, сельджукским султаном и эмирами, каждый из которых играл определенную роль и стремился только к завоеваниям и увеличению власти; а подчиненные люди, такие как Нуреддин и Саладин, добивались могущественных завоеваний. Все эти обстоятельства в совокупности побудили Дэвида Алруи играть политическую роль. Однако он хотел привлечь в союзники своих соотечественников и единоверцев, многие из которых были умелыми воинами. Этого он мог добиться только в том случае, если бы ему удалось пробудить их национальные чувства. Дэвид Алруи, или, как его иногда называли, Менахем бен Соломон, соответственно, обратился с пылким призывом к евреям Азии, заявив, что он был назначен Богом освободить их от ига магометан и вернуть их в Иерусалим. С этой целью они должны были помогать ему в ведении войны против других народов. Первым местом, на которое обратил свой взор Дэвид Алруи, был крепкий замок Амадия, который, по его мнению, послужил бы отличной операционной базой для его предприятий. Чтобы завладеть им, он написал евреям Адер-Байджана, Мосула и Багдада, чтобы они в большом количестве приезжали в Амадию и приносили под плащами мечи и другое оружие. В ответ на этот призыв многие евреи, считавшие Алруи обещанным Мессией, собрались в городе в назначенное время, спрятав при себе заточенное оружие, и поначалу у коменданта не возникло никаких подозрений, поскольку он думал, что эта огромная толпа была привлечена в город славой Алруи как ученого.

На этом этапе история оставляет нас, и мы можем обратиться только к легенде, которая продолжает нить истории следующим образом: говорят, что по приглашению персидского султана Давид Алруи предстал перед ним без сопровождения своей свиты; затем он смело объявил себя Мессией и был брошен в тюрьму в Таберистане. Пока султан обдумывал, какое наказание он должен назначить ему и его сторонникам, Алруи внезапно вошел в зал совета и сообщил ему и его изумленным советникам, что он освободил себя из тюрьмы с помощью оккультных искусств, добавив, что он не боится ни султана, ни его министров. Султан приказал схватить Алруи, но последний, как говорят, сделал себя невидимым и таким образом пересек реку, избежав поимки, и за один день добрался до Амадии, путешествие, которое обычно занимало десять дней. Когда он внезапно появился среди своих доверчивых последователей и рассказал им о своих приключениях, власти охватила паника. Султан приказал халифу сообщить еврейским представителям в Багдаде, что, если они не отвратят Давида Алруи от его намерения, он предаст мечу всех евреев своей империи.

Энтузиазм по поводу Давида Алруи распространился, особенно среди евреев Багдада, и предоставил двум мошенникам возможность обманом лишить невежественное население своей собственности. Они предъявили письма, которые, как они сообщили, были написаны героем Амадии, в которых выкуп был назначен на определенную ночь. Теперь два самозванца пользовались доверчивостью энтузиастов; все они должны были вылететь из Багдада в Иерусалим в назначенную ночь и с этой целью взобраться на крыши своих домов, надеть зеленые одежды и ждать назначенного часа. В своей уверенности, что час искупления вот-вот настанет, они передали свое имущество в руки двух самозванцев для надлежащего распределения. Наступила ночь, толпа собралась на крышах своих домов в нетерпеливом ожидании; женщины плакали, дети кричали, все в тревоге приподнимались на цыпочки, пытаясь улететь, пока рассвет не открыл им глаза на то, что с ними творилось. Негодяи скрылись с вверенным им имуществом. Жители Багдада называли это время "годом полета" и впоследствии отсчитывали время от этого события.

Экзиларх и директор колледжа в Багдаде сочли своим долгом, отчасти из-за энтузиазма, который переходил все границы, а отчасти из-за наказания, которым им угрожали, обратиться к Дэвиду Алруи и попытаться отвратить его от его цели угрозами отлучения от церкви. Представители конгрегации Мосула, Заккай и Джозеф Барихан Альфалахи, писали ему в том же духе; пока, наконец, магометанский комендант Амадии, который больше всего на свете хотел избавиться от него, не убедил тестя Алруи убрать его с дороги. Он убил своего зятя, когда тот спал, и таким образом положил конец беспорядкам. Султан, тем не менее, издал указ о преследовании евреев в тех провинциях, которые присоединились к Алруи, и принц Плена с трудом унял его гнев подарком в сто талантов золота. Только после его смерти в Мессию по-настоящему поверили и его почитают; многие евреи из общин Адер-Байджана продолжали почитать убитого Алруи в течение значительного времени; они называли себя менахемистами и клялись его именем.

В то время к востоку от Таберистана, в провинции Хорасан, на высокогорье у Нишабура, жило независимое, воинственное еврейское племя. Это племя насчитывало 4000 семей, и им правил еврейский принц по имени Джозеф Амаркала Халеви. Эти евреи из окрестностей Нишабура верили, что они были потомками колен Дана, Завуллона, Ашера и Неффалима. Они разводили скот в долинах и на склонах гор, были хорошими лучниками, имели в своей среде образованных талмудистов и поддерживали дружеские отношения с турецкими ордами, называемыми гузз.

Последние, жившие на берегах реки Оксус, между Балчем и Бухарой, имели обыкновение совершать набеги на окружающие страны и наводили ужас на цивилизованные народы. Однажды, когда гуззы совершали опустошительный поход, сельджукский султан Синджар Шахин-шах предпринял против них экспедицию (1153). Однако его армия заблудилась в пустыне, и многие люди погибли от голода и истощения. Наконец он прибыл в страну свободных евреев и потребовал у них провизии и бесплатного проезда в провинцию Гузз. Евреи возразили, что они никому не обязаны верностью, кроме своего собственного князя и его союзников, добавив, что они будут относиться к врагам своих друзей как к своим собственным. Они немедленно приготовились к битве, но Синджар прислал им сообщение, что, если они откажутся удовлетворить его требования, он по возвращении прикажет казнить всех евреев в своих владениях. Эта угроза возымела действие; вожди евреев собрались на совет и решили, что они позаботятся о безопасности своих далеких братьев и снабдят армию сельджуков провизией; но в то же время они предупредили гуззов о грозящей им опасности и велели им быть наготове. В результате армия Синджара, продвигавшаяся вперед, была разгромлена турецкими ордами, а их предводители взяты в плен.

Община Исфахана в Персии насчитывала в то время 15 000 евреев, и во главе их стоял Сар Шалом, который был назначен раввином-эксилархом над всеми общинами Персии. Говорят, что во втором персидском городе, Хамадане, проживало 50 000 евреев, а в Ширазе - 10 000. В городе Тустер, ранее называвшемся Сузы, все еще оставалось 7000 евреев, которые жили на берегах реки. В общине было четырнадцать синагог, и рядом с одной из них должна была находиться могила Даниила. Поскольку городские рынки располагались на одном берегу реки, а евреи с другого берега были таким образом отрезаны от всякой торговли, те, кто жил на одном берегу, были более богаты, чем другие. Последние объясняли свою бедность тем обстоятельством, что среди них не было могилы Даниила; и они просили, чтобы гроб был предоставлен в их распоряжение. Остальные, однако, не были готовы отказаться от него, и следствием этого стало то, что между двумя конгрегациями возникли распри и кровавые драки, пока они не пришли к соглашению, что каждая часть города, в свою очередь, должна пользоваться гробом каждый раз в течение одного года. Вынос гроба каждый раз производился с большой помпой, и его сопровождали толпы евреев и магометан. Когда султан Синджар однажды приехал в Сузы и увидел эту процессию в честь перенесения, он счел постыдным, что кости благочестивого Даниила были потревожены таким образом, и приказал, чтобы гроб был установлен на полпути между двумя частями города. Поскольку река находилась на равном расстоянии от обоих, гроб был подвешен на цепях над рекой, и под ним никто не осмеливался ловить рыбу. Тем не менее, гроб Даниила оказался неспособным защитить прихожан. В то время, когда там был Петахья из Ратисбона (около 1180 г.), в Сузах жили только два еврея, которые были красильщиками. Причина этого снижения неизвестна.

К северу от Черного моря и в Крыму были только евреи-караимы; они жили в самом примитивном невежестве и ничего не знали о своем соперничающем учении - раввинидском законе; они даже резали свой хлеб перед субботой, а вечером субботы оставались в полной темноте. Евреи-раббаниты, однако, распространились в Хиву, где насчитывалось 8000 семей, и в Самарканд, где проживало до 50 000 евреев, во главе которых стоял Обадиа. Говоря об общине в Индии, Петахья упоминает, что там существовали евреи с темной кожей, что они жили в соответствии с предписаниями своей религии, но очень мало знали Талмуд. Многие евреи знали об иудаизме не больше, чем о праздновании субботы и обрезании. Говорят, что на острове Канди (Цейлон) в то время проживало 23 000 евреев, которые были наравне с

остальными жителями. У короля этого острова было шестнадцать визирей, четверо из его собственного народа, и столько же евреев, магометан и христиан.

В Адене, ключе к Аравийскому и Индийскому морям, была большая еврейская община, которая была независимой и имела несколько замков; она вела войну с христианами Нубии и поддерживала связь с Египтом и Персией.

В Аравии также существовали еврейские общины, хотя первый халиф изгнал их из страны. Это правда, что им не разрешалось жить в Мекке и Медине, священных для магометан городах, и, возможно, в этих городах не было для них ничего особенно привлекательного, поскольку за пятьсот лет, прошедших со времен Магомета, они стали совершенно незначительными. Но, с другой стороны, в плодородном и торговом городе Йемен и в пустынных районах северной Аравии существовали еврейские общины. В Йемене проживало, правда, всего около 3000 евреев, которые из-за своих оживленных торговых отношений с соседними странами ни в коем случае не были некультурными и насчитывали в своей среде ученых талмудистов. Самым образованным среди них был Якоб бен Натаниэль Ибн-Алфаями. Йеменские евреи были известны своей доброжелательностью: "Их рука протянута навстречу каждому путнику, они держат дом открытым для незнакомцев, и каждый усталый человек находит у них покой". Евреи северной Аравии, с другой стороны, были более многочисленными, и, как и во времена до Магомета, они образовали независимые, воинственные племена, владели замками, занимались земледелием и в некоторой степени также скотоводством и путешествовали караванами для перевозки товаров или, по обычаю бедуинов, нападали на путешественников и грабили их. Говорят, что их число составляло 300 000 душ, но это, безусловно, преувеличено. Большая часть жила в Таиме, и у них был еврейский принц по имени Ханан, который хвастался происхождением от Давида. Среди них были аскеты, позаимствовавшие у караимов мрачные принципы; они воздерживались от вина и мяса и обычно постились всю неделю, за исключением суббот и праздников; жили в пещерах или покосившихся домах, одевались в черное и называли себя "Плакальщицами Сиона". Фермеры и скотовладельцы выделяли этим благочестивым людям, а также тем, кто занимался Талмудом, десятую часть своего годового урожая. Вторая группа арабских евреев жила по соседству с Талмасом, и у них также был принц по имени Соломон, брат Чанана из Таимы. Этот принц жил в старой столице Сана (Тана), в сильно укрепленном замке. Среди них тоже были аскеты, которые постились сорок дней в году, чтобы добиться избавления от рассеяния. Третья группа, около 50 000 человек, населяла провинцию Чайбар; они были самыми воинственными, но также обладали несколькими учеными-талмудистами. Уже в то время была распространена легенда о том, что евреи Хайбара были остатками древних израильтянских племен Гад, Рувим и наполовину Манассия. В полуарабских городах Васит, Басра и Куфа также проживало множество евреев: в первом - 10 000, во втором - 2000 и в третьем - 7000.

Поскольку большая часть Азии, от Средиземного моря до Инда, признала верховенство Багдадских халифов-аббасидов, евреи этого доминиона подчинялись Багдадскому эскиларху. Вторым принцем Плена, который был окружен пышностью, был Даниил, сын Соломона (Хасдая), занимавший этот пост около 1165-1175 годов. Халифы Альмустанджид и Альмустадхи уважали его так же, как Альмуктафи уважал его отца. При Данииле Талмудический колледж Багдада был поднят на такую высоту, что напоминал старые времена амораимов и геонимов. Своим возникновением она была обязана человеку, который в конце двенадцатого века был призван сыграть важную роль. Самуил, сын Али Халеви, раввина из Багдада, который прослеживал свою

генеалогию до пророка Самуила, обладал глубокими знаниями Талмуда, равных которым мало кто в Азии. Но поскольку он не был знаком с прогрессом в изучении Талмуда в Испании и Франции, он продолжал придерживаться буквы Талмуда и не имел возможности сформировать независимое мнение. Самуэль бен Али также обладал тонким налетом философской культуры, но в этой области он на три столетия отстал от своего времени, будучи учеником школы мутазилитов. Он ничего не знал ни о новых открытиях Ибн Сины и Альхазали, ни о более позднем развитии философии своих испанских единоверцев, Ибн Гебироля, Иехуды Халеви и Авраама Ибн Дауда. Несмотря на ограниченный кругозор, он считал свои достижения очень значительными и чрезвычайно гордился ими. Он был высокомерным и амбициозным человеком. Похоже, что Самуэль бен Али принял помпезный титул Гаона, чтобы его колледж мог добиться превосходства над всем иудаизмом. Две тысячи студентов посетили его талмудические лекции; но прежде чем они были допущены к его лекциям, они должны были пройти подготовительный курс у другого талмудиста. Самуэль бен Али читал свои лекции, сидя на чем-то вроде трона и одетый в золото и шитье; он вновь ввел старый обычай не обращаться лично к аудитории, а излагать Закон переводчику (Метургеману), который громким голосом повторял то, что слышал от учителя. Кроме него, там было девять человек, которые также читали лекции и решали вопросы права. Но Самуэль бен Али считался апелляционным судьей, и каждый понедельник он заседал в суде в окружении девяти человек, занимавших подчиненные должности.

Когда умер экзиларх Даниил (1175), Самуил счел время благоприятным для обретения высшего достоинства и власти над азиатскими общинами. Даниил не оставил наследника мужского пола, и двое его племянников, Давид и Самуил, оба из Мосула, теперь претендовали на экзилархат. Но пока каждый из них пытался привлечь на свою сторону политических лидеров и конгрегации, Самуэль бен Али взял на себя всю религиозную и судебную власть. Он назначал раввинов, судей и других должностных лиц по своему усмотрению, присваивал доходы общины и передавал указанную часть государству. Его печать пользовалась большим уважением, чем у претендентов на звание Экзилархата; его имя было защитой для путешественников, и через него они получали доступ ко всем диковинкам. Политические и религиозные деятели признавали только Самуэля бен Али, директора колледжа и багдадского гаона. Более того, он поддерживал свое достоинство строгими мерами. Шестьдесят рабов постоянно были на его призыве бастинадо против любого, на кого указывал их господин. У него был роскошный особняк в Багдаде и великолепные увеселительные сады по соседству со столицей. Таким образом, Самуэль бен Али правил в то время всеми азиатскими общинами от Дамаска до Индии и от Каспийского моря до Аравии. На его дочь смотрели как на чудо, поскольку она была настолько сведуща в Библии и Талмуде, что обычно читала лекции молодым людям, но в такой манере, что ее не могли видеть слушатели. Послы языческого народа с мохнатых холмов Армении (татары?) прибыли к нему, чтобы заполучить еврейских религиозных учителей для своей страны, чтобы обучить людей догматам иудаизма, семь из их вождей решили принять эту веру (около 1180-1185). Путешественник Петачья, который зафиксировал эти факты и является заслуживающим доверия свидетелем, собственными глазами видел послов с Кавказских холмов. Многие бедные студенты из Вавилонии и Египта решили отправиться в эту отдаленную страну прозелитов и обучать их Библии и Талмуду.

Положение иудаизма в Азии в то время было действительно очень низким. Не имея высшего знания, без духа или энтузиазма, евреи Азии, как образованные, так и необразованные, исполняли свои религиозные обязанности небрежным, механическим способом. Даже ученые-

талмудисты думали о божественной сущности как о телесной форме с конечностями, глазами и движением. Агада настолько исказила их понимание, что они не могли постичь того, что было чисто духовным; и эти буквалисты были настолько пропитаны этими извращенными представлениями, что они смотрели на тех, кто поддерживал веру в духовного Бога, как на еретиков и атеистов.

Азиатские евреи позаимствовали у магометан и христиан обычай совершать паломничества к могилам благочестивых людей. Главным пристанищем паломников была могила пророка Иезекииля в окрестностях Куфы. От семидесяти до восьмидесяти тысяч евреев приходили ежегодно с Нового года до Дня Искупления, или Праздника Кущей, помолиться на предполагаемой могиле пророка изгнанников, среди них также экзиларх и директор колледжа в Багдаде. Гробница была защищена сводом из кедрового дерева, покрытым золотом и украшенным прекрасными гобеленами. Тридцать ламп горели там днем и ночью. Рядом с гробницей находилась красивая синагога, которая считалась храмом в миниатюре и якобы была построена королем Иоахином и пророком. В этой синагоге был показан свиток Закона значительных размеров, который, как считалось, был написан рукой самого пророка. Для книг была отведена отдельная комната (Гинзе). Гробница и синагога были обнесены стеной с башенками, вход в которую был через низкие узкие ворота, которые, однако, согласно распространенному мнению, стали выше и шире во время паломничества. В пространстве внутри стены паломники обычно возводили свои шатры на Праздник Кущей. У этой гробницы они были не только набожными, но и веселыми. Период после Дня Искупления был посвящен веселью и пиршествам. Поскольку магометане также почитали гробницу, и даже дикие карматы, жившие поблизости, клялись Богом Иезекииля, регион стал мирным убежищем, а позже там проводился ежегодный рынок (Пера), и возник город (Кабур Кесил). Пожертвования на содержание этого мавзолея оказались настолько богатыми, что излишки были использованы для поддержки студентов-талмудистов и сирот на выданье.

Еще одним пристанищем паломников был предполагаемый мавзолей Эзры книжника. Хотя этот великий возрожденец иудаизма осуществлял свою деятельность только в Иудее, легенда, тем не менее, указывает на его могилу в Нахар-Самара, по соседству с Тигром. Магометане, так же как и евреи, благоговели перед этой гробницей, приносили подарки для ее содержания и совершали к ней паломничества. Подобно католической церкви, евреи Азии также демонстрировали священные реликвии: дерево, разделяющееся на три части, к которому прислонились ангелы, посетившие Авраама, и камень, которым Авраам сделал себе обрезание. Все эти мифические истории возникли в период вырождения, последовавшего за распадом Гаоната.

Возможно, что отчасти именно из-за этого упадка многие образованные евреи отступили от ислама. Одним из отступников был знаменитый врач из Багдада Натаниэль с арабским именем Абуль-Баркат Хибат-Аллах бен Малка, один из трех ведущих медиков с похожим именем, но разных вероисповеданий. Еврейский хибат-Аллах получил прозвище "Единственный в своем времени" (Вахид аль-Земан) из-за его выдающихся достижений. В дополнение к знаниям медицины, он был сведущ в философии и еврейской филологии и, еще будучи евреем, написал комментарий к Экклезиасту. Сыну странствующего Ибн-Эзры по имени Исаак, который сопровождал своего отца в его путешествиях и остался в Багдаде, помогал богатый Хибат-Аллах, и он написал вдохновенные стихи, восхваляющие его благодетеля, и комментарии к ним. В конце своего стихотворения Исаак Ибн-Эзра выразил пожелание, чтобы его жизнь продлилась

до времени мессианского искупления и чтобы он еще мог лицезреть величие нового Иерусалима. Однако ни тот, ни другой не стали дожидаться этого времени, а отреклись от иудаизма и приняли ислам (1160-1170).

Третьим отступником того времени был Самуил Ибн-Аббас, сын поэта Иегуды из Феса. Поэт, говорящий на прекрасном иврите, глубокий математик и философ, Сэмюэль эмигрировал на Восток из-за религиозного принуждения, осуществляемого альмохадами. Его отец поселился в Халебе, а Самуил поселился в Адхер-Байджане, поступил на службу к правителю этого места и в конце концов обратился в магометанство. Старый Иегуда Ибн-Аббас, услышав о том, что его сын сменил религию, поспешил к нему, полный горя, в надежде вернуть его к его наследственной вере, но внезапно заболел в Мосуле и там умер. Самуил стал яростным врагом иудаизма и своих бывших единоверцев. Он написал полемический труд "К замешательству евреев" (около 1165-1175), в котором обнажает и преувеличивает их ошибки и утверждает, что евреи исключили все отрывки, ссылающиеся на Магомета, из своих священных писаний.

Если равваниты в Азии были дегенератами, то караимы того времени были еще более дегенеративными. Караимы, просуществовав 400 лет, так и не смогли утвердить иудаизм на чисто библейской основе, но по необходимости были вынуждены принять многие предписания Талмуда, несмотря на все их попытки держаться подальше от талмудической традиции.

Поскольку магометане Египта при династии Фатимидов были отделены от мусульман Аббасидского халифата в Азии, египетская еврейская община также не имела никакой связи с азиатской общиной. У них был собственный вождь, признанный халифом, который выполнял духовные и судебные функции, носил титул Нагид (по-арабски, Реис) и был, в некотором смысле, египетским экзилархом. Нагид имел право назначать или утверждать раввинов и регентов, а также налагать штрафы, бичевание и тюремное заключение за проступки и преступления. Он регулярно получал жалованье от конгрегаций и гонорары за составление юридических документов. Существует легенда, что институт нагида был введен в Египте по просьбе дочери Багдадского халифа, которая была замужем за фатимидским халифом. Примерно в это же время Нафанаил, сменивший Самуэля Абу-Мансура, был облечен этим достоинством. Его арабское имя было Хибат-Аллах Ибн-Альджами, и он служил обычным врачом у Аладхида, последнего фатимидского халифа Египта, а позже у Саладина. Ибн-Альджами был человеком значительной культуры и образованности. Он очень бегло говорил по-арабски, написал несколько медицинских трактатов, среди прочих "Руководство для души и тела" и трактат о климатических особенностях Александрии. Его очень хвалили за то, что он умно обнаружил жизнь в человеке, которого вот-вот должны были похоронить. Этот образованный человек также был главой колледжа в египетской столице, но у него не было репутации талмудиста.

Главная община находилась в Каире (Новый Миср) и состояла из 2000 еврейских семей, в том числе многих очень богатых людей. В городе было две синагоги, одна из которых следовала палестинскому ритуалу, а другая - вавилонскому. Согласно первой, чтение Пятикнижия по субботам продолжалось в течение трехлетнего цикла. С другой стороны, приверженцы вавилонской системы завершали его в течение одного года. Только в Праздник Седмиц и в Праздник Торжества Закона у двух конгрегаций было общее богослужение. В Каире существовала также караимская община, которая, как говорят, была еще более многочисленной, чем община рабанитов. В нем также был главный раввин, который обладал

полной властью в религиозных и судебных вопросах и носил титул принца (Наси, Рейс). Примерно в это же время Чиския и Соломон I, считавшие себя потомками Анана, последовательно занимали этот пост (около 1160-1200). Многие караимы в Египте пользовались благосклонностью при дворе и в целом превосходили рабанитов.

Следующей по значимости конгрегацией была община Александрии, насчитывавшая 3000 семей; у них был раввин из Прованса Финеас бен Мешуллам. В то время евреи Египта были настолько бедны перед талмудическими авторитетами, что им пришлось импортировать преподавателя талмуда из Франции. Караимская община существовала также в Александрии. В Бильбейсе (к востоку от Нила) была большая община, состоявшая из 3000 членов, которая сильно пострадала во время кампании Амальриха, христианского короля Иерусалима. В Фаюме, родном городе Саади, в тот период проживало всего двадцать еврейских семей.

Уровень культуры египетских евреев того времени был не более блестящим, чем у их азиатских собратьев. Они ничего не добавили к богатству еврейской литературы. Низшие классы были настолько невежественны в принципах своей собственной религии, что заимствовали обычаи у соседних караимов, даже такие, которые находились в вопиющем противоречии с талмудическим иудаизмом. У египетских общин также были собственные святилища для паломников. В Димухе, недалеко от Фостата, по соседству с Пирамидами, они показали синагогу Моисея, которую, по их мнению, построил величайший из пророков; они признали, что она была перестроена после разрушения Храма Титом. Рядом с этой синагогой росло дерево огромной высоты, с вечнозелеными листьями и тонким стволом. Это дерево, согласно верованиям египетских евреев, выросло из жезла Моисея. В Праздник Седмиц египетские евреи совершали паломничество в Димух и молились в освященной синагоге. И именно из этой страны невежества вышел второй Моисей для освобождения еврейской расы, миссия которого заключалась в распространении более утонченного иудаизма, объявлении беспощадной войны суевериям и прекращении невежества. Египет стал, благодаря Моисею Маймуни, центром иудаизма.

ГЛАВА XIV. МАЙМУНИ (МАЙМОНИД).

Ранние годы Маймуни (Маймонида) —Его путешествие в Фес—Утешительное письмо Маймуна (отца Маймонида)—Маймуни и обращенные в ислам евреи—Семья Маймунов в Палестине и Египте—Комментарий Маймуни к Мишне—Саладин и евреи—Письмо Маймонида в Йемен—*Мишне-Тора* Маймуни—Споры относительно этой работы—Джозеф Ибн Акнин-Маймуни как врач—На Маймуни напали Самуэль бен Али—Маймуни и евреи Прованса—*Еще один Небухим* и его значение—Смерть Маймонида.

1171-1205 гг. н. э.

В последней половине двенадцатого века иудаизм, казалось, утратил свой центр тяжести и был близок к полному распаду. С упадком Гаоната лидерство перешло к югу Испании с

конгрегациями Кордовы, Гранады, Севильи и Лусены; но из-за нетерпимости альмохадов в этих местах теперь не было никаких еврейских конгрегаций, и в крайнем случае евреи скрывались под маской магометанства. Общине Толедо, новой столицы христианской Испании, так же как и общинам северных испанских городов, еще не удалось добиться сколько-нибудь значительного влияния. Общины южной Франции все еще находились на первой стадии своего зарождения; евреи северной Франции были слишком поглощены Талмудом и подавлены тревогой за то, что принесет завтрашний день. Немецкие евреи были "servi camerae" Германо-римской империи; евреи других стран Европы едва избавились от варварства. Восстановленный экилархат, порождение каприза халифа, не имел достаточно прочных корней даже в Азии, чтобы иметь возможность оказывать какое-либо влияние на более обеспеченных европейских евреев. Таким образом, нигде не было центра, к которому могла бы собраться широко рассеянная нация. Более того, после смерти Джозефа Ибн-Мигаша и Джейкоба Тэма не появилось ни одного человека, наделенного властью, способного указать путь или даже стимулировать расследование.

Примерно в это же время, когда распад казался неизбежным, появился Маймуни и стал опорой единства иудаизма, центром внимания всех общин на Востоке и Западе, человеком, чьи решения как раввинского авторитета были окончательными, хотя он и не был облечен никаким официальным достоинством. Он был духовным царем евреев, которому с радостью подчинялись самые важные вожди. Все, что было связано с этим великим человеком, настолько запоминалось в глазах его современников, что были зафиксированы даже день и час его рождения.

Моисей Ибн-Маймун (с длинным арабским именем Абу-Амран Муса бен Маймун Обейд Аллах) родился накануне Песаха (30 марта 1135 года, в час дня) в Кордове. Раннее обучение Маймонида (как его часто называют), человека, которому было суждено нести будущее иудаизма на своих сильных плечах, было рассчитано на то, чтобы самым решительным образом укрепить его характер. Его отец, Маймун бен Иосиф, ученик Ибн-Мигаша, был, как и его предки на протяжении восьми поколений назад, так же, как и его прародитель Обадия, ученым талмудистом и членом раввинского колледжа Кордовы. Маймун также интересовался естественными науками, знал математику и астрономию и писал книги по этим предметам, а также на талмудические темы. Именно он привил своему сыну восторженную любовь к учебе и пробудил в нем стремление к идеальной жизни. Маймуни едва минул тринадцатый год, когда общину Кордовы обрушилось большое несчастье. Город был захвачен Альмохадами (май или июнь 1148 г.), которые немедленно обнародовали фанатичные эдикты против евреев и христиан, предоставив им альтернативу обращения в ислам, изгнания или смерти. Маймун и его семья отправились в изгнание вместе с подавляющим большинством прихожан Кордовы. Говорят, что они обосновались в Порт-Альмерии, которая годом ранее была завоевана христианами. В 1151 году Альмерия также попала во власть Альмохадов, чей фанатичный король, конечно же, не преминул навязать еврейским и христианским жителям города смену религии, как он это сделал в других завоеванных городах южной Испании. С того времени семья Маймун была вынуждена много лет вести кочевую жизнь, не имея возможности нигде найти постоянное место жительства.

От своего отца Маймуни изучал Библию, Талмуд, еврейские науки, математику и астрономию; он посещал лекции магометанских профессоров по естественным наукам и медицине и был введен в храм философии. Благодаря чтению и общению он получил солидный запас

информации, и его ясный интеллект, который всегда стремился проникнуть в явления видимого и невидимого мира и сделать их прозрачными, регулировал его знания, какими бы разнообразными они ни были. Маймуни превратился в одну из тех редких личностей, которые не терпят скрытых, тайных и мистических вещей, которые повсюду борются за свет и ясность и не поддадутся обману. У него был досконально логичный и систематический ум, который обладал способностью группировать и упорядочивать самые большие и самые маленькие вещи, и он был заклятым врагом беспорядка и хаотической неразберихи. В этом отношении его по праву можно назвать еврейским Аристотелем, и его интеллектуальный характер сделал его способным испытывать величайшее восхищение философом из Стагиры. У Аристотеля было много учеников среди евреев и магометан. Христианские мыслители того времени все еще не могли достичь высот его ума; но никто до Маймуни так тщательно не впитывал и не ассимилировал философскую систему Аристотеля. Он сделал его частью своего собственного интеллектуального достояния и, таким образом, также заметил его случайные недостатки.

Однако отличительной чертой Маймуни были не только его широкие и глубокие знания, но и его характер. Он был совершенным мудрецом в самом прекрасном и почтенном смысле этого слова. В нем гармонично сочетались хорошо усвоенные знания, спокойная обдуманность, зрелая убежденность и могучая работоспособность. Он обладал глубочайшим и тончайшим религиозным чувством, самой добросовестной моралью и философской мудростью; или, скорее, эти три элемента, которые обычно враждебны друг другу, пришли в нем к полному примирению. То, что он признавал истиной, было для него нерушимым законом; от него он не отступал ни на мгновение, но стремился реализовать его своими действиями на протяжении всей своей жизни, не заботясь о возможных последствиях. С точки зрения образованности он занимал первое место в свое время, в религии и морали с ним соперничали лишь немногие из его коллег, но по своей ярко выраженной индивидуальности он превзошел всех своих современников. Его действия соответствовали его уму. Маймуни был проникнут глубочайшей серьезностью, который рассматривал жизнь не как возможность для удовольствий, а как серьезную миссию благородно трудиться и подтверждать делами великую истину о том, что человек есть образ Бога. Подлое, лживое и нечистое вызывало у него отвращение, и ему не разрешалось приближаться к нему. Следовательно, у него не было вкуса к поэзии, ибо, согласно взглядам того времени, "лучшее из нее фальшиво" и основано на вымысле и неправде. Он считал ленивой тратой времени на то, чтобы заниматься этим; он не потерпел бы на свадьбах сочинения стихов, кроме религиозного характера, и для него не имело значения, были ли они написаны на иврите или на нечестивом языке. Каждое мгновение его жизни было потрачено с пользой, он никогда не тратил впустую свое время, даже в юности, как Иегуда Халеви, и уж точно не всю свою жизнь, как Ибн-Эзра. При всей своей строгости к самому себе, он отличался необычайной мягкостью в общении с другими и критике их. Никогда он не позволял себе произнести ни одного горького слова в адрес своих живых противников, и уж точно никогда не подражал практике Ибн-Эзры, который насмехался над простодушными людьми и не гнушался высмеивать мертвых; только против ложных представлений и теорий он изливал чаши своего презрения, но по отношению к самим людям, даже когда они раздражали его, он был снисходителен. Скромность и смирение были его отличительными чертами в высокой степени, чертами каждой божественно одаренной натуры.

Всеми этими редкими качествами ума и сердца руководила необычайная решимость развивать и пропагандировать принципы и убеждения, которые жили внутри него, противодействовать апатии и слабоумию, выбивать почву из-под безбожия и проливать свет сквозь

непроницаемость невежества. Невзгоды, физические страдания, введение в заблуждение не могли отвратить его от цели, на которую он нацелился. Этой целью было не что иное, как представить иудаизм, весь иудаизм, как библейский, так и талмудический, церемонии, а также догмы, в таком свете, чтобы профессора других вероучений и даже философы могли убедиться в его истинности. Этот замысел возник у него в юности и с возрастом созрел в нем. С этой целью он в совершенстве овладел всеми теми областями знания, которые могли бы послужить ему руководством. Однажды он заявил, что прочитал все труды о религии и поклонении идолопоклоннических народов, которые были доступны ему через арабские переводы, и мы можем вполне поверить этому заявлению, сделанному ненавязчиво, поскольку доскональное знание язычества казалось ему необходимым для правильного понимания иудаизма.

Хотя его привлекали многие отрасли науки, которые объединялись в его сознании в единое целое, все же были четыре специальных предмета, на которых он сосредоточил большую часть своего внимания: весь спектр библейских и талмудических писаний, философия, медицина и математика, а также астрономия. На двадцать третьем году жизни он подготовил на иврите для своего друга диссертацию о еврейском календаре, основанном на астрономических принципах (1158). Хотя эта небольшая книга сама по себе не имеет особого значения, она все же интересна, поскольку показывает нам, что его любовь к методической регулярности и способность к ясному, систематическому обзору доминировали над ним даже в ранней юности. В том же году он приступил к работе, начинание которой само по себе свидетельствует о величии и смелости интеллекта. Он начал объяснять Мишну независимо и в новом свете в возрасте, когда большинство мужчин едва закончили учебу в колледже, — гигантская задача, в которой у него не было образца, которым он мог бы руководствоваться. Он работал над этим среди постоянных странствий и борясь с трудностями; но перед ним был настолько полный кругозор Талмуда, что он мог обходиться без книг. Год или два спустя (1159-1160) его отец эмигрировал вместе с ним, его младшим братом Давидом и сестрой из Испании в Фес. Что заставило семью Маймун переехать в страну величайшей нетерпимости, это вопрос, который до сих пор не выяснен. В Фесе, как и во всей северной Африке, где бы ни правил фанатичный Абдулмунен, евреям не разрешалось исповедовать свою веру, но они должны были заявить о своей вере в первый пункт магометанской веры, что Магомет, ее основатель, был пророком; и даже семье Маймун пришлось надеть маску ислама. Поскольку религиозные преследования длились уже десять лет, африканские общины начали колебаться в своих религиозных убеждениях. Только самые сильные умы могли продолжать исповедовать религию, которая была им навязана, и при этом внутренне оставаться верными своей наследственной религии. Бездумная толпа постепенно привыкла к навязываемой религии, увидела в безжалостном угнетении иудаизма его разложение и превращение притворства в реальность, была близка к тому, чтобы поверить, что Бог через Магомета заменил Свое откровение на горе Синай другим в Мекке, и почти поверила, что Он избрал арабов вместо евреев. Это самоотречение и всепоглощающее отчаяние наполнили Маймуна старшего болью, и он стремился противодействовать их апатии, насколько это было в его силах, и утвердить веру в иудаизм в сердцах псевдомагометанских евреев. С этой целью он написал на арабском языке обращение к общине (1160), полное скорби и проникнутое глубоким религиозным чувством. Он предупреждает общину задуматься о том, что их страдания были вызваны не чувством мести со стороны Бога, а желанием наказать грешников. Моисей в своем Законе обещал Израилю блестящее будущее, которое, несомненно, не подведет. Соответственно, долгом сынов его расы было твердо придерживаться своего Бога и Его Торы. Занятие религией и выполнение того,

что она предписывает, были канатами, за которые должны были цепляться те, кто тонул в море неприятностей. Каждый должен, насколько он в состоянии, соблюдать религиозные предписания иудаизма и обращаться в молитве к своему Богу, а тот, кому помешали молиться в предписанной форме, должен, по крайней мере, произносить короткую молитву на иврите три раза в день. Подобно евреям, которых принудительно крестили при королях-вестготах Испании, те, кто был обращен под принуждением в ислам, теперь призывали друг друга оставаться верными своей древней религии. Вскоре сын Маймуна нашел возможность выйти на арену, выразить свои оригинальные взгляды на иудаизм, ободрить своих товарищей по несчастью и указать им путь, которым они должны следовать.

Один еврейский писатель, отличавшийся чрезмерным благочестием, заявил, что со всеми евреями, претендующими на принятие магометанства, следует обращаться как с отступниками и идолопоклонниками. Тот, кто публично признавал миссию Магомета как пророка, должен был рассматриваться как нееврей, даже если он в частном порядке выполнял все обязанности иудаизма, и он принадлежал к тому классу, чьи показания не имели силы в еврейском суде, особенно в вопросах брака. Тот, кто посещал мечеть, выдавая себя за магометанина, делал себя виновным в богохульстве, хотя и не принимал участия в молитве; и он только усугублял свое преступление, когда в уединении своей собственной комнаты читал еврейские молитвы. Этот фанатик, в конце концов, утверждал, что каждый истинный еврей обязан пожертвовать своей собственной жизнью и жизнью своих детей, вместо того чтобы принять веру ислама, даже формально. Его теория основывалась на предположении, что магометанство - это не что иное, как идолопоклонство, поскольку в Мекке, священном городе магометан, в храме Кааба поклонялись идола. Если ислам настолько предосудителен, — так продолжал зелот, чье имя до нас не дошло, — тогда талмудическая заповедь о том, что каждый еврей должен скорее принять мученическую смерть, чем быть принужденным к идолопоклонству, применима к этому вероучению, и тот, кто при таких обстоятельствах уклонялся от смерти, должен был считаться вероотступником.

Этот документ, по-видимому, вызвал значительное волнение среди тайных евреев в Африке. Добросовестные люди чувствовали себя раздавленными бременем греха, толпа стала еще более неуверенной, не следует ли им вообще перейти в ислам, поскольку, как бы строго они ни соблюдали предписания своей религии, они все равно считались идолопоклонниками и грешниками и не могли рассчитывать на прощение.

Моисей Маймуни, который ощущал всю тяжесть обвинения против себя и своих братьев в страданиях и опасался дурных последствий, подумал, что ему надлежит написать письмо в опровержение доводов нападавшего и оправдать поведение псевдомагометан. Это был его первый шаг к публичности, но эта первая попытка несла на себе отпечаток его ясного, всеобъемлющего ума, который овладел предметом во всех его аспектах. Он рассуждал с новых точек зрения, которые ускользнули от зелота, и все письмо было настолько поразительным, что убедило все умы. Маймуни в этом оправдании, которое он написал по-арабски, чтобы все люди могли прочесть его, занял талмудическую точку зрения наравне с зелотом, но он доказал обратные результаты из тех самых отрывков, которые привел его противник.

Прежде всего, он показал, что частичное нарушение обязанностей иудаизма не означает абсолютного отхода от него. Израильяне-идолопоклонники во времена пророков всегда считались членами народа Господня. Меир, высокоуважаемый знаток Мишны, во время

гонений притворялся язычником, а когда его подвергли испытанию, даже отведал запрещенной пищи. "Мы, однако, - продолжает Маймуни, - никоим образом не отдаем дань язычеству своими действиями, а лишь повторяем пустую формулу, которая, как знают сами магометане, произнесена нами не искренне, а только из желания обойти фанатичного правителя". Затем он углубляется в суть вопроса. Талмуд предписывает, что все евреи должны принять мученическую смерть, а не позволить принудить себя совершить три тяжких греха — идолопоклонство, нецеломудрие и убийство. Действительно, было в высшей степени достойно скорее претерпеть смерть, чем нарушить какую-либо заповедь Закона, чтобы сохранить святое имя Божье. Но тот, кто не обладает решимостью мученика, даже в отношении совершения трех смертных грехов, не подвергает себя наказанию, связанному с идолопоклонством, и, более того, никоим образом не считается нарушителем Закона. Ибо в случае принуждения Тора отменяет все обязательства. Таким образом, тот, кому не хватает мужества пожертвовать собой ради иудаизма, нарушил только одну заповедь - заповедь освящения имени Господня, но он все равно не принадлежит к тем, чьи показания не имеют силы в суде. Даже если бы кто-либо по принуждению действительно поклонялся идолу, он ни в коем случае не подвергся бы наказанию за идолопоклонство, ибо как можно сравнивать невольного преступника с умышленным нарушителем своей религии? "Тогда есть кое-что еще, что следует рассмотреть", - сказал Маймуни. "Мы должны проводить различие между проступком на словах и проступком на деле. Магометанские власти ни в коем случае не требуют от евреев отрицания иудаизма, а просто произносят на словах исповедание веры в то, что Магомет был пророком, и, поскольку это было сделано, они не будут сильно возражать, если евреи будут подчиняться своим собственным законам. Такое принуждение, при котором не требуется ничего, кроме слова, на самом деле не имеет аналогов. Тот, кто жертвует собой как мученик, вместо того чтобы признать Магомета посланником Бога, несомненно, совершает в высшей степени достойный поступок. Но если человек ставит вопрос, обязан ли он расстаться с жизнью в подобном случае, то мы должны добросовестно ответить в соответствии с заповедями иудаизма: "Нет". Но мы должны посоветовать ему покинуть страну, где преобладает такое религиозное принуждение. Этот совет я даю также себе и своим друзьям - переехать в какое-нибудь место, где существует свобода вероисповедания. Те, однако, кто был вынужден остаться, должны считать себя изгнанниками, от которых Бог отвернул Свое лицо, и должны стремиться выполнять свои религиозные обязанности; но мы не должны презирать тех, кто по необходимости был вынужден нарушать Субботу, но должны мягко увещевать их не отступать от Закона. Заблуждаются те, кто считает, что им не нужно делать никаких приготовлений к отъезду на том основании, что Мессия скоро явится, искупит их и приведет обратно в Иерусалим. Пришествие Мессии не имеет ничего общего с религиозными обязательствами; его пришествие не имеет освобождающей силы".

Этот ответ Маймуни, который на самом деле был извинением за свое поведение и поведение своих друзей (написан около 1160-1164 гг.), демонстрирует зачатки его первоначальной концепции иудаизма. Моисей Маймуни, по-видимому, ревностно стремился побудить еврейских псевдомагометан сохранить свою древнюю религию, бороться с их тепловатостью и побудить их отказаться от своей двусмысленной жизни. Из-за этого он подвергся крайней опасности и мог быть казнен, если бы магометанский богослов и поэт по имени Абуль-Араб Ибн-Мойша не заступился за него и не спас его. Чувство незащищенности вкупе с уколами совести, когда они были вынуждены публично отречься от иудаизма, который они считали своим самым ценным сокровищем, побудили семью Маймун покинуть Фес и отправиться в Палестину. Глубокой ночью они поднялись на борт (4 ияра—18 апреля 1165 года). После того как они шесть

дней плыли по Средиземному морю, поднялся ужасный шторм, гигантские волны швыряли судно из стороны в сторону, как волан, и спасение казалось невозможным. Но шторм утих, и после месячного путешествия корабль вошел в гавань Акчо (3 Сивана—16 мая). Этот день Маймун посвятил семейному празднику за то, что они избежали религиозной нетерпимости и опасностей моря. Эмигранты из Испании были дружелюбно приняты конгрегацией Акчо. Прожив в этом городе почти полгода, семья, несмотря на опасности, отправилась в Иерусалим, чтобы помолиться на древнем месте Храма (4 марта—14 октября). Они пробыли в Иерусалиме три дня, затем отправились в Хеврон, а оттуда в Египет, который в то время через Аджубидов обещал стать центром ислама. Через несколько месяцев после их прибытия в Египет глава семьи скончался (начало 1166 года). Все, кто их знал, так высоко ценили отца и сына, что его друзья в Африке и христианской Испании присылали последнему письма с утешением.

С другой стороны, в Египте, в старом Каире (Фостат), где поселилась семья Маймуна, имя Маймуна еще не стало известным. Два брата жили тихо и занимались торговлей ювелирными изделиями, младший брат принимал гораздо более активное участие и путешествовал по делам до самой Индии. Мозес Маймуни, с другой стороны, посвятил себя учебе. Тяжелые несчастья, которые привели бы в отчаяние менее сильный ум, чем у него, оторвали его от этой спокойной жизни. Физические страдания повергли его на одр болезни; тяжелые потери уменьшили его состояние, против него появились доносчики, которые поставили его на грань смерти. Наконец, его брат Дэвид погиб в Индийском океане, а вместе с ним не только их состояние, но и деньги, которые были доверены им другими людьми для деловых целей. Эти накопившиеся несчастья усугубили его страдания и наполнили меланхолией. Смерть брата огорчила его больше всего. Его безграничная вера в Бога, его восторженная любовь к учебе и тревога за свою семью, а также за вдову и дочь своего брата вновь придали ему мужества и побудили начать активную жизнь. Судя по всему, с этого времени Маймуни зарабатывал на жизнь медицинской практикой. Тем не менее, поскольку он все еще был неизвестен, его практика поначалу оказалась не очень прибыльной. Примерно в это же время он также читал публичные лекции на философские темы. Все его мысли, однако, были сосредоточены на завершении гигантской работы, которой он был занят с двадцать третьего года своей жизни, во время всех своих путешествий, переодеваясь магометанином, в морских путешествиях и посреди многочисленных невзгод. Он закончил это свое первое великое произведение в 1168 году на арабском языке под названием "Сирадж" ("Озарение"). Целью этой работы было облегчить изучение Талмуда, которое стало трудным из-за его разрозненных дискуссий, с помощью вставленных объяснений геонимов и комментариев его предшественников, которые не всегда имели отношение к предмету; определить правильную практику (Галаху) из путаницы различных аргументов и определить свою позицию с помощью кратких, но исчерпывающих объяснений слов и вещей.

Комментарий Маймуни к Мишне возник из ментальной организации автора, который всегда стремился к ясности, методу и симметрии. Это была первая научная трактовка Талмуда, и только такой ясный и систематический мыслитель, как Маймуни, мог создать ее, поскольку построение Талмуда, по-видимому, прямо противоположно упорядоченному устройству. Яркие вступления к нескольким частям комментария особенно свидетельствуют о его научном характере. В них он демонстрирует полное владение материалом, а также логическую концепцию применяемого метода.

Маймуни с особым пристрастием относился к тем пунктам Мишны, которые имеют научную окраску и в трактовку которых можно было бы внести принципы математики, астрономии,

физики, анатомии, этики и философии. Здесь он был в своей стихии. В таких местах он мог показать, что знатоки Мишны, приверженцы традиции, также знали науку и основывали на ней свои работы. Особенно он стремился установить, что Мишна содержит здравую этическую и глубокую философскую концепцию Бога. С этой целью он с особым интересом и тщательностью обратил свое внимание на агадические элементы Мишны, на которые до тех пор обращали мало внимания или лишь изредка обращали внимание. Далее он объяснил природу традиции, утверждая, что не все, что содержится в Мишне, является традицией. Ибо традиционная доктрина должна быть позитивной и не должна быть подвержена сомнениям или неуверенности. Маймуни бессознательно противопоставил себя этой теории Талмуду и подорвал его незыблемые позиции.

Трактат Мишны, сочетающий в себе, подобно нитке жемчуга, изречения отцов (Абот), казался в глазах Маймуни настоящей сокровищницей. Объясняя их, он мог продемонстрировать все богатство своего мыслительного мира, и таким образом он насытил талмудический иудаизм философскими идеями. Но тем самым он стал жертвой самообмана. Для будущего было важно, что Маймуни, в своем бессознательном самообмане, впервые предпринял попытку разработать еврейскую систему верований. Поскольку иудаизм, согласно его взглядам, был не более чем богооткровенной философией, он должен был доминировать над верованиями и мнениями людей, а также над их религиозным и моральным поведением; да, одно больше, чем другое, поскольку мораль не имеет ценности сама по себе и является лишь плодом правильного знания. Соответственно, он исходил из того, что иудаизм определяет для нас не только то, что мы должны делать, но и во что мы должны верить; что он утверждает определенные идеи как неопровержимую истину. Маймонид сформулировал тринадцать таких доктрин или догматов веры: — Вера в существование Бога; в Его неделимое единство; в Его бестелесность и невосприимчивость к изменениям; в Его вечность и существование перед миром; в Его абсолютное право на наше поклонение (монотеизм); в пророческое вдохновение избранных людей; в Моисея как величайшего пророка, с которым не может сравниться ни один другой пророк; в божественность Торы; в ее неизменяемость; в Божье провидение; в Его справедливую награду и наказание; в будущее явление Мессии; и, наконец, в воскресении мертвых. Хотя эти догматы веры основаны на исследовании и, следовательно, не могут претендовать на безоговорочное принятие, все же, согласно Маймуни, никто не может считаться истинным израильтянином или евреем, кто не признает их все истинными; тот, кто отрицает хотя бы один из них, является еретиком (Мин, Эпикорос), он не принадлежит к сообществу иудаизма и лишает себя надежды на будущее блаженство.

Таким образом, Маймуни, с одной стороны, поднял еврейское вероучение на высоту рационального знания, а с другой - установил границы свободному развитию мысли. До сих пор религиозное действие ценилось только как характеристика еврейской жизни. Теперь Маймуни положил конец свободе мысли, обозначил границу между верой и ересью, но не в твердой сфере религиозной практики, а в изменчивой почве религиозной веры, и подчинил эфирный элемент мысли жестким формулам.

Каким бы великим ни был труд Маймуни в его комментарии к Мишне, хотя он приложил к нему бесконечную ученость, богатство интеллекта и систематическое изложение, все же он не приобрел репутации, соответствующей его достоинствам. Причина этого заключалась в том, что среди евреев Египта и Востока, которым эта работа, написанная на арабском языке, была наиболее доступна, существовало лишь самое слабое понимание научной трактовки. Поначалу

эта великая работа была едва замечена на Востоке. Его ученики, которым он читал лекции того же плана и которые почитали его как воплощение мудрости, распространили его репутацию за рубежом. Один из его первых учеников, Соломон Коэн, который путешествовал по южной Аравии (Йемен), был полон похвал ему и убедил тамошнюю паству, что в трудную минуту они должны обратиться к Маймуну за утешением и поддержкой.

В Египте произошли далеко идущие перемены, которые привели к благоприятному повороту в судьбе евреев этой империи и соседних стран. Фатимидский халиф умер или был свергнут, и великий Саладин, образец королевского великодушия и рыцарства в ту варварскую эпоху, унаследовал власть (сентябрь 1171 года). Сначала знаменитый Аджубид занимал должность вице-фельдмаршала Нуреддина; постепенно он приобрел абсолютное господство над Египтом и частью Палестины, Сирии и даже районов вокруг Евфрата, и Багдадский халифат подчинился его правлению. Его империя стала безопасным убежищем для угнетенных евреев. Саладин был справедлив к евреям, как, впрочем, и ко всем, даже к своим злейшим врагам. При нем евреи достигли большого процветания и отличия.

Сначала падение Фатимидского халифата и подчинение соседних стран, принадлежащих к нему, Аббасидским или суннитским халифам Багдада высвободили фанатизм, который ощущали еврейские общины Йемена. В этом месте два шиита захватили власть и вынудили евреев принять ислам под угрозой великих страданий. Здесь также, как и в Африке и южной Испании, евреи внешне делали вид, что принимают магометанскую религию (около 1172 года). Но поскольку среди них царило величайшее невежество, существовала опасность, что легкомысленная толпа перейдет от притворства к реальности и полностью отпадет от иудаизма. Этот страх стал реальным, когда еврей-отступник проповедовал прихожанам, что Магомет упоминается в Торе и что ислам - это новое, ниспосланное Богом откровение, которое должно было заменить иудаизм. Кроме того, примерно в это же время в Йемене появился еврейский энтузиаст, который провозгласил себя предтечей Мессии, попытался внушить евреям веру в то, что их несчастье было предвестником скорого приближения мессианской империи, и призвал их быть готовыми к этому событию и разделить свое имущество с бедными. Эта восторженная надежда, за которую многие цеплялись, как утопающий за соломинку, грозила навлечь на головы йеменских евреев самое страшное несчастье. Благочестивые предавались отчаянию при созерцании этих событий, совершенно теряли голову и не знали, какой план им следует принять. В этот момент Якоб Алфауми, самый образованный и уважаемый человек среди них, обратился к Маймуну, о котором он слышал от своих учеников, за советом и утешением, описал ему их страдания и опасения и попросил прислать ответ.

Маймуну соответственно направил письмо с утешением на арабском языке конгрегации Йемена, адресованное лично его корреспонденту, но имеющее отношение ко всем членам (Иггерет Теман). Несмотря на свой небольшой объем, она содержит ценный материал и свидетельствует о возвышенной душе писателя и его духовной утонченности. Он стремился вознести страдальцев на высоту духовного сознания, на которой страдание ради религии теряет свою остроту, а темнота предстает как неизбежное предвестие рассвета. Он высказался об отношении иудаизма к христианству и исламу с остротой и точностью, которые отражают его глубокую убежденность. "Было, конечно, грустно размышлять, - замечает каирский мудрец, - о том, что должны были произойти жестокие преследования евреев в двух противоположных направлениях: на Западе со стороны альмохадов", и на Востоке со стороны магометан Йемена. Тем не менее они не были неожиданными, ибо пророки возвещали о них совершенно

отчетливо. "Поскольку Бог особо выделил нас, сынов Израиля, Своей милостью и назначил нас сторонниками истинной религии и истинного вероучения, народы ненавидят нас не только за нас самих, но и за божество, которое живет среди нас, чтобы в какой-то мере воспрепятствовать божественной воле". Со времени откровения на Синае не было времени, когда иудаизм и его приверженцы не подвергались страданиям и преследованиям. Народы проявляли свою ненависть в трех различных формах: либо с помощью меча, как Амалик, Сennaхериб, Навуходоносор, Тит и Адриан, чтобы полностью искоренить с лица земли нацию, обладавшую истиной; либо с помощью лживых уловок софистического убеждения, как персы, греки и римляне, с целью опровергнуть и фальсифицировать доктрины иудаизма; или, наконец, под маской откровения, так сказать, в одеянии иудаизма, чтобы жонглировать им, лишая его существования. Принцип, враждебный иудаизму, в конце концов обнаружил, что он не в состоянии уничтожить приверженцев Божьей религии или вырвать ее из их сердец; и теперь он надеялся уничтожить их с помощью хитроумного устройства. Он также притворился, что получил откровение, признающее, что это на Синае было разрешено на какое-то время, но заявило, что теперь оно больше не имеет силы. Этот враждебный принцип, стремившийся изгнать божественное с земли, пытался заменить благочестивого ребенка набивной фигуркой и фальсифицировать иудаизм. Новые откровения Назарета и Мекки по сравнению с иудаизмом были подобны хорошо выполненным статуям человека по сравнению с настоящим мужчиной, полным жизни и энергии. Вся эта ожесточенная вражда народов земли против Израиля и его божественной религии была предвидена пророками, особенно Даниилом, который в то же время предсказал победу иудаизма над суеверием. "А теперь, братья, - так Маймуни обратился к конгрегации Йемена в своем письме, - хорошенько обдумайте эти истины и не позволяйте себе впадать в уныние из-за чрезмерности вашего горя. Его цель - испытать вас и показать, что потомки Иакова, потомки тех, кто получил Закон на Синае, владеют истинным Законом ". Более того, он указал, что было неправильно вычислять мессианский период, как, по мнению йеменского энтузиаста, ему удалось сделать; поскольку это никогда не может быть точно определено, поскольку пророки намеренно скрывали это как глубокую тайну.

Наконец, Маймуни призвал Джейкоба Алфаюми распространить его письмо среди конгрегаций Йемена, чтобы оно укрепило их в вере, но соблюдать большие меры предосторожности при его прочтении, чтобы ни у одного предателя не было возможности использовать его в качестве предлога для обвинения. Он сам, сказал Маймуни, писал в тревоге по поводу дурных последствий, которые могут последовать за этим для него; но он считал, что того, кто желает работать на общее благо, не должны останавливать опасения опасности. Это интересное утешительное письмо, написанное с большой теплотой, произвело настолько благоприятное впечатление на евреев южной Аравии, что они, отнюдь не став равнодушными к своей религии, укрепились в ней и были побуждены принимать энергичное участие во всех событиях, влияющих на благосостояние всего еврейского сообщества. В более поздние времена, когда Маймуни приобрел большее значение, он нашел средства положить конец политическому угнетению и фанатичным преследованиям, которым подвергались евреи. За это община Йемена прилепилась к нему с восторженной любовью и почитанием. Они включали его имя в свою ежедневную молитву, демонстрируя почет, который был оказан только Эскилархам в период их расцвета.

Величие Маймуни лишь постепенно получало признание. Уже в 1175 году на него смотрели как на авторитет в определении раввинских законов; и религиозно-правовые вопросы адресовались к нему со всех сторон, что является обстоятельством, из которого мы можем

сделать вывод о всеобщем признании его авторитета. Маймуни, по-видимому, был официально признан в 1177 году раввином Каира благодаря его глубокому знанию Талмуда, его характеру и его славе. Вместе с девятью коллегами он сформировал церковный совет. Свою должность он рассматривал как священство и исполнял ее со свойственной ему добросовестностью и осмотрительностью. Там, где он замечал какие-либо злоупотребления, он смело вмешивался в конфликт. Хотя Маймуни усердно трудился над искоренением в раввинском мире всех проникших в него караимских обычаев, он, тем не менее, всегда проявлял большую терпимость по отношению к последователям Анана. Когда его спросили, как раббаниты должны вести себя по отношению к караимам, он ответил, что до тех пор, пока они держатся в рамках приличия и не насмеются над Талмудом, к ним следует относиться уважительно, а подходить с дружелюбием, смирением и в миролюбивом духе. Равваниты могли навещать их в домах, хоронить их умерших, утешать их скорбящих и посвящать их детей в завет Авраама. Талмуд предписывает нам проявлять дружелюбие по отношению к язычникам и идолопоклонникам, тем более к тем, кто происходит от семени Иакова и признает только одного Бога. В силу своей должности Маймуни изо всех сил старался соблюдать приличия в синагоге, а также устранить многие продолжавшиеся долгое время злоупотребления. Он заметил, например, что, когда прихожане закончили произносить безмолвную молитву, думая, что выполнили свой долг, они не слушали ее громкого повторения чтецом, а болтали друг с другом и вообще вели себя неподобающим образом. Магометане насмеялись над ними, и вполне справедливо, ибо они привыкли проводить свое собственное богослужение с сосредоточенной преданностью. Маймуни, который всегда чувствовал себя глубоко оскорбленным, когда иудаизм подвергался насмешкам, стремился положить конец подобному оскорбительному поведению в синагогах и по этой причине полностью отменил безмолвную молитву, не учитывая, что это прямо предписано Талмудом. Искренняя молитва была для него важнее, чем простое механическое выполнение предписания. Этой практике, введенной Маймуни, согласно которой главную молитву произносил один чтец, следовали не только во всем Египте, но даже в нескольких общинах Палестины, в Дамаске и Халебе, и она продолжалась среди местных общин в течение трех столетий.

В разгар своей энергичной деятельности в общественных делах, практикуя как врач и посвятив себя постоянному изучению философии и естественных наук, Маймуни завершил свой второй великий труд (8 Кислева—7 ноября 1180 г.), свою эпохальную "Мишне-Тору", или Религиозный кодекс. Если, как он утверждает, он работал над этим непрерывно в течение десяти лет подряд, то время не имеет никакого отношения к масштабу проделанной работы. Невозможно дать непосвященному представление об этой гигантской работе, в которой он собрал самые отдаленные вещи изобширной копии Талмуда, извлекая из шлака чистый металл, классифицируя все детали по соответствующим рубрикам, показывая, как Талмуд был основан на Библии, подводя его детали под общие правила, объединяя, казалось бы, несвязанные части в одно организованное целое и превращая его в произведение искусства. Он справедливо сделал особый акцент в Мишне-Торе на необходимости умелой группировки, трудности которой может оценить только специалист, глубоко разбирающийся в предмете. Талмуд напоминает дейдалианский лабиринт, в котором можно с трудом найти дорогу даже с помощью нити Ариадны, но Маймуни разработал хорошо продуманный план местности с крыльями, залами, апартаментами, каморками и чуланами, по которым незнакомец мог бы легко пройти без проводника и таким образом получить представление обо всем, что содержится в Талмуде.

Только ум, привыкший мыслить ясно и систематически и исполненный гения порядка, мог спланировать и построить подобное сооружение.

Помимо технического совершенства и несравненно пропорциональной архитектуры, это произведение оказало, что касается содержания, важнейшее влияние на развитие еврейской истории. Все различные линии, которые его предшественники частично прослеживали на почве иудаизма, Маймуни объединил в величайшей гармонии. Ничему в нем не уделяется чрезмерного внимания, и ничем не пренебрегают. Философская, этическая и церемониальная стороны и, так сказать, эмоциональная сторона иудаизма, которую выражает стремление к мессианскому периоду искупления, рассматриваются в этой работе как имеющие равную ценность и выдающееся значение. Маймуни объединил расходящиеся пути, по которым шел иудаизм, и заставил их сойтись в одной точке. Он довел до окончательного совершенства все усилия, которые с тех пор, как Саадия попытался дать философскую основу иудаизму и прояснить его значение, были воплощены в письменном виде. Его работа была необходимым центром притяжения огромной интеллектуальной структуры трех столетий.

Можно почти сказать, что Маймуни создал новый Талмуд. Старые элементы, безусловно, присутствуют; мы знаем их источник, возникновение и первоначальное применение, но под его обработкой, группировкой и проработкой они принимают новую форму. Ржавчина удалена, сбивающие с толку несущественные вещества удалены, и все выглядит заново отлитым, отполированным, свежим и оригинальным. Мишна, основа Талмуда, начинается с вопроса: "В какое время вечером следует произносить Шма?" и завершается обсуждением того, какие вещи являются нечистыми согласно левитскому закону. Маймуни, с другой стороны, так начинает свой Талмудический Кодекс: "Основанием и столпом всякой мудрости является признание того, что существует изначальное Существо, которое создало все создания", и заканчивает словами: "Земля будет полна знания о Господе, как воды покрывают море". Это произведение дышит духом истинной мудрости, спокойного размышления и глубокой нравственности. Маймуни, так сказать, талмудизировал философию, и философствовал Талмуд. Он включил философию в свой религиозный кодекс и признал за ней место, равное по важности Галахе. Со времен Филона до Авраама Ибн-Дауда к философии всегда относились как к чему-то второстепенному, не имеющему ничего общего с практическим иудаизмом, каким он практикуется ежедневно и ежечасно. Маймуни, с другой стороны, внес его в самое святое место иудаизма и как бы отвел Аристотелю место рядом с учителями Закона. Большая часть первой книги его труда ("Сефер Мадда") носит философский характер. Целью его работы было упростить знание всего иудаизма, как библейского, так и талмудического, которые, по его мнению, имели равную ценность. Он хотел прояснить расплывчатость и неясность, которые возникают из-за талмудической идиомы, дискуссий, неполных объяснений геонимов и делают изучение Талмуда таким трудным; прояснить хаос и навести порядок в неразберихе. Раввину, который должен был решать вопросы религиозного или юридического характера, благочестивому человеку, желавшему выполнить свой религиозный долг по знанию Закона, студенту, желавшему получить знания Талмуда, больше не нужно было продираться сквозь колючие заросли галахических дискуссий, но в дополнение к Священному Писанию нужно было просто обратиться к Кодексу Мишне-Торы, чтобы получить полную информацию. Он довольно широко намекнул, что его работа была направлена на то, чтобы сделать Талмуд менее необходимым, если не заменить его. По этой причине он написал ее на неоеврейском языке (идиома Мишны), который был легко понятен, чтобы сделать ее доступной для всех людей и таким образом распространить знание Закона и принципов иудаизма в целом. Это правда, что он столкнулся

со взглядами своих современников-раввинов, которые ожидали, что к Талмуду следует относиться с таким же уважением, как к Священному Писанию, в котором ни одно слово не является лишним и которое, следовательно, должно изучаться в оригинальном тексте.

Последовательно придерживаясь своего принципа, согласно которому все детали должны быть сведены воедино и что ничто не должно допускаться без убедительных оснований, Маймуни не мог удержаться от того, чтобы время от времени не отклоняться в своих решениях от талмудического метода рассмотрения дела и не избирать путь, присущий только ему. В одном конкретном пункте он вышел за рамки Талмуда. Талмуд рассматривает как библейские многие решения, которые были выведены из стихов Священного Писания путем применения общепринятых правил толкования. Маймуни, однако, выдвинул принцип, согласно которому библейскими являются только те законы, которые Талмуд четко называет таковыми, не фиксируя никаких разногласий по этому вопросу.

На этот смелый взгляд Маймуни явно повлияли возражения караимов против Устного Закона. Сам того не сознавая, он признал, что подлинная традиция не может быть подвержена различиям во мнениях и никогда не должна подвергаться сомнению при передаче из поколения в поколение.

Хотя теория Маймуни, которой последовательно следуют, рассчитана на подрыв талмудического иудаизма, тем не менее, на практике он придерживался такой оценки этого иудаизма, что не считал ничего более важного. Талмудические мудрецы были в его глазах авторитетами, занимавшими положение всего лишь на ступень ниже пророков. Он рассматривал их как идеалы, подражание которым привело бы к добродетельной, религиозной и совершенной жизни. Вытекающие из них юридические решения, будь то обязательные или запрещающие, могли быть отменены только при обстоятельствах, указанных в самом Талмуде. Соответственно, на практике не имело значения, был ли закон библейским или раввинским; оба закона должны соблюдаться с одинаковой добросовестностью.

Маймуни своим религиозным кодексом укрепил раввинский иудаизм, а с другой стороны, помог окостенеть ему. Многие в Талмуде, что все еще оставалось неурегулированным и открытым для объяснения, он выкристаллизовал в неизменный закон. Подобно тому, как он ввел в иудаизм догматы веры, которые должны были ограничивать мысль за мыслью, так и своими кодифицированными определениями законов он лишил его подвижности. Не принимая во внимание условия того времени, в которое возникли талмудические решения, он определил их как обязательные для всех времен и обстоятельств. В этом отношении он был намного строже, чем школа тоссафистов, которые убрали жало из слишком обременительного закона, доказав после тщательного изучения, что он неприменим к изменившимся обстоятельствам и временам. Если бы Кодекс Маймуни приобрел абсолютное превосходство, как это поначалу казалось вероятным, и вытеснил Талмуд из школ, из рук религиозных властей и из еврейских судов, талмудический иудаизм пришел бы в упадок, несмотря на богатую мысль и научную трактовку, которыми Маймуни наделил его.

Однако, как только евреи получили в свое распоряжение Кодекс Маймуни, который был доступен им благодаря своему простому языку и расположению, они начали ясно понимать его высокую важность. Говорили, что в Испании каждый переписывал его для себя; еврейский ум был поглощен им, молодые и старые собирались вместе, чтобы овладеть его содержанием. В настоящее время существует множество докторов юридических наук, которые могут высказать

оригинальное мнение по любому спорному пункту закона и проверить решение судьи. И как в Испании, так было во всех странах, даже на Востоке, где изучение Талмуда проводилось более энергично. Почтение к великому мастеру возрастало с каждым днем, особенно когда стало известно, что его личная жизнь соответствовала идеалу, который он рисовал еврейскому мудрецу. Его народ расточал ему самые восторженные похвалы. "Единственный в свое время", "Знамя раввинов", "Просветитель в глазах Израиля" - это были скромные титулы. Потребовалась вся моральная сила Маймуни, чтобы не быть подавленным благовониями, возжигаемыми перед ним. Имя Маймуни гремело от Испании до Индии, от истоков Евфрата и Тигра до южной Аравии и затмило всех современных знаменитостей. Самые образованные люди подчинялись его суждениям и самым смиренным образом просили его наставлений; он считался главным авторитетом для всего еврейского мира, который почитал его как своего благороднейшего представителя.

Он не избежал нападков мелких противников, завидовавших его безмерному величию, ничтожных раввинов, которые, будучи поверхностно знакомы с текстом Талмуда, считали себя обладателями всей мудрости и были неприятно разбужены ото сна работой Маймуни. В самом Каире некоторые талмудисты не соизволили бы даже взглянуть на Кодекс, чтобы не сказали, что они чему-то из него научились. Другие утверждали, что Багдадский колледж был единственным хранилищем талмудических знаний, и что тот, кто не учился в этой школе, не может быть признан полностью посвященным, и, следовательно, решения Маймуни не заслуживают безоговорочного принятия. Такие недалекие умы убеждали себя, что в их силах сочинить подобное или даже лучшее произведение по всем законам иудаизма. Главой этой мелкой оппозиции был Самуэль бен Али из Багдада, который, сидя на своем богато украшенном троне из гаоната, окруженный своими рабами, вооруженными бичами, не признавал никого себе равным, не говоря уже о начальнике. Маймонид противопоставлял хулителям этого класса презрительное молчание. Однако у него также были почетные противники, которые, чувствуя, что концепция талмудического иудаизма Маймуни не была плотью от их плоти, учуяли ересь в Кодексе и усмотрели в нем опасность для практики религии. Но в чем заключались странные и противоречивые элементы, понимали только более образованные; простые же, с другой стороны, обращали внимание на второстепенные и совершенно несущественные моменты и волновались из-за них, как будто фундаментальные принципы религии были в опасности.

Таким образом, в Александрии после публикации труда Маймуни вспыхнуло народное восстание против него, потому что там учили, что омовение перед молитвой, которое восточные евреи переняли у своих соседей-магометан, не является обязательным. Члены общины объединились и пригрозили донести информацию против него магометанским властям на том основании, что те, кто принял Кодекс Маймуни в качестве закона, хотели внести новшества в религию.

Только после более чем двадцатилетнего пребывания в Египте Маймуни получил назначение врачом при дворе Саладина; к тому времени он приобрел лишь небольшую практику. Он не был обычным врачом Саладина, поскольку султан из-за постоянных войн с приверженцами Нуреддина и христианами долгое время не мог посещать свою столицу. Но благосклонность благородного визиря, мудрого и могущественного Альфадхеля, который также был великим популяризатором образования и о котором современник сказал: "он был всецело головой и сердцем", имела такую же ценность, как и выдающееся признание государя. Альфадель добился того, чтобы Маймуни был внесен в список врачей, назначил ему годовое жалованье и

осыпал его милостями. Вдохновленные его примером, великие люди страны, жившие в Каире, также оказывали ему свое покровительство, так что время Маймуни было настолько занято, что он был вынужден пренебрегать учебой. Своим возвышением Маймуни был обязан скорее своим медицинским познаниям, чем своему мастерству врача; ибо он относился к этой профессии как к изученной науке и не прописывал ни одного рецепта, в отношении эффективности которого он не мог бы сослаться на мнение медицинских авторитетов. Он относился к фактам научной медицины в том же духе, в каком он относился к Талмуду. Таким образом, он развил труды Галена, медицинского оракула средневековья; он сократил и упорядочил их, не позволяя себе ни в малейшей детали отклоняться от оригинала. Тот же характер носят и его медицинские афоризмы, которые представляют собой не что иное, как выдержки из старых теорий и их классификацию. Несмотря на почти абсолютное отсутствие оригинальности в области медицины, Маймуни, тем не менее, пользовался широкой репутацией медицинского автора. Знаменитый магометанский врач и богослов Абдель-Латиф из Багдада, пользовавшийся большим расположением Саладина, признался, что его желание посетить Каир было вызвано желанием познакомиться с тремя мужчинами, среди которых был Муса бен Маймун. Поэт и кади Альсаид Ибн-Сина Альмульк воспел величие Маймуни как врача в экстатических стихах:

"Искусство Галена исцеляет только тело,
но искусство Абу-Амрана (Маймуни) - тело и душу.
Своей мудростью он мог исцелить болезнь невежества.
Если бы луна подчинилась его искусству,
Он избавил бы ее от пятен во время полнолуния,
Вылечил бы ее от периодических дефектов
И во время соединения спас бы ее от убывания".

Репутация Маймуни была настолько велика, что английский король Ричард Львиный Кер, душа третьего крестового похода, хотел назначить его своим обычным врачом, но Маймуни отклонил это предложение.

Примерно в это же время его покровитель, главный судья и визирь Альфадель, оправдал его по серьезному обвинению, за которое при менее мягком магометанском или даже христианском судье он был бы приговорен к смертной казни. Тот самый Абулалараб Ибн-Мойша, который подружился с Маймуни в Фесе, приехал из Магриба в Египет, и когда он увидел Маймуни, которого знал как магометанина, во главе еврейской общины в качестве духовного главы, он выступил против него как обвинитель и заявил, что Маймуни долгое время исповедовал религию ислам и, следовательно, должен быть наказан как отступник. Альфадель, суду которого было отдано предпочтение обвинению, справедливо решил, что принудительное принятие вероучения не может иметь никакой ценности и, следовательно, не может повлечь за собой никаких наказаний (около 1187 года). Вследствие благосклонности визиря Маймуни был назначен верховным главой всех египетских общин, и это достоинство передавалось в его семье от отца к сыну и внуку. Несомненно, что Маймуни не получал жалованья за эту должность, поскольку ничто не казалось ему более позорным и греховным, чем получать плату за выполнение духовных обязанностей или превращать знание в бизнес по зарабатыванию денег.

Он добивался этого выдающегося положения не для себя, а ради своих единоверцев, чтобы спасти их от несправедливости. Именно благодаря ему тяжелое иго преследований было снято с конгрегации Йемена. Когда Саладин в очередной раз вырвал Иерусалим из рук христиан, которые удерживали его почти столетие, он позволил евреям поселиться в городе их отцов (октябрь 1187 года). И со всех сторон прибывали преданные сыновья, чтобы навестить свою скорбящую и покинутую мать. Возможно, Маймуни был причастен к этому акту благородной терпимости. Наконец, он стремился добиться для своих братьев по вере превосходства в государстве над караимами и постепенно вытеснить последних с их выгодного положения при дворе, так что многие из них вернулись к раввинизму. Это было расценено Маймуни как самый достойный поступок в его время.

Чем выше Маймуни поднимался в глазах своих современников, чем больше признавались его экстраординарные способности и чем громче гремела его слава, тем больше высокомерный Самуэль бен Али из Багдада чувствовал себя униженным и тем больше его переполняла зависть. Соответственно, Самуил пользовался любой возможностью, чтобы принизить заслуги Маймуни и лишить его славы. Сэмюэль и его друзья шептались друг другу, что Маймуни ни в коем случае не был строго религиозным евреем или истинным последователем Талмуда, и они распространяли о нем много клеветы. Некоторые ошибки, которые он допустил в своей юношеской работе "Комментарий к Мишне", были использованы этими недоброжелательными людьми с целью заклеймить его как невежду в Талмуде и не претендующего на авторитет в этой провинции. Их представление о религии, как сказал о них Маймуни, состояло в защите от нарушения заповедей; но, согласно их мнению, хорошая мораль, смирение, короче говоря, просто человеческие добродетели, не принадлежат религии. Когда семена, посеянные Маймуни, начали приносить плоды, Самуэль бен Али и его союзники воспользовались этим, чтобы унизить автора в глазах его современников.

В Дамаске и Йемене появились религиозные учителя, которые извлекли из трудов Маймуни логические выводы, к которым он сам не стремился. Поскольку он решительно утверждал и неоднократно настаивал на том, что под бессмертием души следует понимать чисто духовное существование в другом мире, в то время как воскресение мертвых он рассматривал лишь как второстепенное значение, его ученики пришли к выводу, что он не был полностью убежден в воскресении, и сразу же начали учить, что после смерти тело погружается в разложение и тление, и что только душа возвышается до чисто духовной жизни. Эта либеральная точка зрения вступала в противоречие с недвусмысленными заявлениями Талмуда и, следовательно, вызвала всеобщее противодействие. Кто-то в Йемене попросил Самуэля бен Али высказать свое мнение по этому вопросу о вере в воскресение. Сэмюэль написал об этом целый трактат с философскими излишествами, чтобы показаться достойным соперником Маймуни, и воспользовался возможностью раскритиковать труды последнего, надеясь усилить эффект критики, частично восхваляя Маймуни. В другой раз Самуэль бен Али направил Маймуни письмо, в котором, несмотря на много лести и заискивания, упрекал его в том, что он допустил ошибку в толковании Талмуда, которая вряд ли могла быть допущена новичком, любезно добавляя, что Маймуни не должен беспокоиться по этому поводу. В то же время он не забыл любезно пообещать взять его под свою защиту от конгрегации в Йемене. Маймуни ответил пылким письмом, в котором показал своему злонамеренному оппоненту, что именно он допустил ошибку в более глубоком понимании Талмуда. Он также коснулся тайных нападок на его великую работу с этой стороны: одни утверждали, что книга содержит ошибки, другие - что она излишня, третьи, опять же, что она опасна. "Ты, кажется, - заметил ему Маймуни, -

причисляешь меня к тем, кто чувствителен к каждому слову обвинения. Ты совершаешь ошибку. Бог защитил меня от этой слабости, и я протестую вам от Его имени, что если бы самый незначительный ученый, будь то друг или враг, указал мне на ошибку, я был бы благодарен за исправление и наставление". Хотя Маймуни с готовностью опроверг Самуэля бен Али, он все же продолжал распространять слух о том, что последний не был талмудистом и что его кодекс не заслуживает того уважения, которым он пользовался. С другой стороны, из Халеба, Мар Сачарья, человек с ограниченным кругозором и поверхностным знанием Талмуда, считавший, что его затмил ученик Маймуни, Джозеф Ибн-Акнин, работал с равной враждебностью против учителя и ученика. Но поскольку у мудреца из Фостата повсюду были горячие и бескорыстные приверженцы, Самуэль бен Али и его союзник Халеб были вынуждены действовать осторожно. Они организовали против него интригу, в которую втянули одного из двух Экзилархов. По отношению к этой клике Маймуни проявил презрительное безразличие и беззаботность, которые полностью обезоружили его противников.

Несмотря на его столкновения с партией Самуэля бен Али и его выдающуюся деятельность в качестве врача, которая едва оставляла ему время для учебы, он завершил свой религиозно-философский труд "Наставник сбитых с толку" (Море Небухим, Далалат аль Хайрин) примерно в 1190 году. Этот трактат приобрел необычайное значение не только для иудаизма, но и для истории философии средневековья в целом. В этой работе Маймуни предстает на вершине своей интеллектуальной мощи, и она содержит подтверждение его самых глубоких убеждений. На вопросы, которые человеческий разум постоянно задает заново, о существовании высшего мира, о предназначении нашего существа, о несовершенстве и зле земного мира, Маймуни стремился ответить таким образом, который в то время считался убедительным. Сомнения, которые мыслящий еврей может испытывать относительно истинности своей наследственной религии, он постарался развеять убедительным образом. Тот, чьи мысли всегда были устремлены к самым возвышенным предметам, мог с полным правом взять на себя роль проводника для сбитых с толку и колеблющихся. Внешняя форма этого эпохального труда создает впечатление, что автор разработал для своего любимого ученика Джозефа Ибн-Акнина из Феса отдельные трактаты по важным вопросам, которые беспокоили и мучили последнего. Но на самом деле это было продиктовано желанием ясно выразить свою философскую концепцию мира и свои взгляды на место, которое иудаизм занимает в нем, и тщательно проанализировать их взаимную связь.

Маймуни был, с одной стороны, твердо убежден в истинности философии Аристотеля, как ее сформулировали магометанский философ Ибн-Сина и другие. С другой стороны, иудаизм был для него сводом истин, не менее неопровержимых. Ему казалось, что оба они имеют одинаковый вывод и общую цель. Философия признает главной из всех сущностей единого неделимого Бога, правителя мира. Иудаизм также с решительной настойчивостью учит единству Бога и не питает большего отвращения, чем политеизм. Метафизика не знает для человека более высокой цели, чем то, что он должен совершенствовать себя интеллектуально и прокладывать себе путь к высшему знанию. Иудаизм также, даже талмудический иудаизм, ставит понимание и познание, понимание Бога, во главу своих заповедей. Если истина, которую человеческий разум во всей полноте своей силы извлекает из самого себя, и откровение, которое Божество даровало израильскому народу на Синае, похожи друг на друга в начале и конце, тогда их отдельные части должны соответствовать друг другу и быть как одна и та же истина, достигнутая разными путями. Иудаизм не может противоречить философии, поскольку и то, и другое является эманациями божественного духа. Истина, которую открыл Бог,

также должна соответствовать тому, что заложено в человеческом разуме, поскольку последний является силой, исходящей от Бога, и точно так же все истины, которые метафизическое мышление может выявить, должны существовать в откровении —то есть в иудаизме. Следовательно, Маймуни верил, что первоначально, помимо письменного откровения в Пятикнижии, величайшим из пророков были также сообщены устные доктрины философского характера, которые были переданы традицией потомкам и которые были утрачены только в результате бед и огорчений, которые израильтяне испытывали на протяжении веков. Следы этой древней израильской мудрости обнаруживаются, согласно Маймуни, в разрозненных высказываниях пророков и в отражениях Агады. Поэтому, когда мыслящий еврей заимствует истины греческой философии и принимает теории Платона и Аристотеля, они не являются для него совершенно чуждыми элементами, а лишь напоминанием о его собственном забытом сокровище.

Вся вселенная, которую следует рассматривать как единое органическое целое, состоящее из сфер, подвешенных друг над другом и работающих в гармонии, есть не что иное, как реализованные мысли Бога, или, скорее, идеи Бога, всегда стремящиеся к реализации. Он постоянно придает ему новые формы и подобию и насаждает порядок и регулярность в мире. Все устроено в нем в соответствии с конечной целью. Греческая философия, это правда, предполагает, что вселенная разделяет вечность Бога; но она не может ни неопровержимо доказать вечность мира, ни устранить какие-либо трудности, препятствующие признанию изначального существования вселенной. Гораздо более разумно учение иудаизма о том, что мир имел положительное начало, и что само время, которое, действительно, является формой мира и его движения, не безначально, но было вызвано к бытию определяющей волей Бога.

Органически сформированная вселенная, созданная и поддерживающая целостность Богом, состоит из ряда сущностей различной степени. Рядом с Божеством находятся чистые духи, которые просты и не состоят из материи и формы, и, следовательно, обладают большей частью божественной природы. Их необходимое существование доказано философски, потому что многие явления во Вселенной лучше всего поддаются объяснению с их помощью. Эти чистые духи, эти "формы, свободные от материи", иудаизм и Священное Писание называют "ангелами". Среди них должен быть дух или ангел, который является источником мыслей или идей, активным мировым духом или творческим разумом (Сечель ха-Поэль).

На следующей после чистых духов ступени находятся сущности, которые, безусловно, должны рассматриваться как состоящие из материи и формы, материя которых, однако, не тяжелая и грубая, а эфирной природы. Этими эфирными сущностями являются небеса и сверкающий мир звезд, которые обладают вечно равномерным движением и поэтому не подвержены изменению генезиса и растворению, но вращаются на небесном своде с постоянной яркостью и непрерывной регулярностью. Они формируют нижний круг сущностей и влияют на него. Звезды разделены на четыре сферы — на сферу неподвижных звезд, движущихся звезд (планет), солнца и луны. Эти сферы следует рассматривать как наделенные жизнью и интеллектуальной силой. Ниже сферы Луны существует категория сущностей, которые созданы из более грубой материи, но восприимчивы к форме, очертаниям и движению. Это мир четырех элементов, которые, в свою очередь, сформированы в четыре сферы, расположенные одна над другой. Внутри этих сфер в результате многообразных эволюций образуется мир звезд, безжизненных минералов, растений, самодвижущихся животных и людей, способных к интеллекту.

Но как следует понимать влияние Бога на эту многообразную вселенную? Изменения не могут происходить непосредственно через Него. Ожившие сферы звезд, которые являются причиной всех преобразований на земле, не приводятся в движение Богом, но устремлены к Нему с тоской и любовью, чтобы приобщиться к Его совершенству, Его свету и Его благодати. Через это пламенное стремление небесных тел к Богу происходит их регулярное обращение, и таким образом они вызывают все изменения в мире под Луной, в круге зарождения и распада, через получение и утрату особых форм и обликов. Маймуни обнаружил, что эта теория о Боге, вселенной и различных движениях различных существ изложена в Священном Писании и во многих высказываниях Агады, но только в виде неясных намеков, поскольку эти труды, предназначенные для всех, а не только для философа, не могли и не осмеливались, рискуя вызвать грубое непонимание, раскрыть полный образ истины.

Более важным, чем анализ этой концепции мира, является изложение Маймуни своих идей по вопросам, более близко касающимся человечества. Поскольку Бог, творец мира, совершенен и всеблаг, мир не мог быть создан иначе, чем добрым, и в соответствии с определенной целью. "Бог увидел, что все было хорошо", "Свыше не приходит зло". Зло, существующее в мире, следует рассматривать не как дело рук Бога, а просто как отсутствие добра и совершенства, поскольку грубая материя неспособна приобщиться к добру и божественному. Бог не создавал грех, но грех возникает из природы грубой материи, которая несовершенна по своему строению и которая может лишь несовершенно воспринимать и удерживать то, что является добром. Но это зло должно быть преодолено. Бог вложил в душу человека, который выше всех существ, состоящих из грубой материи, способность и инстинкт к знанию. Если душа следует этому инстинкту, ей помогает активный разум, который был специально создан для того, чтобы открыть душе источник божественного духа, чтобы она могла понять структуру мира и влияние Бога на него, и чтобы она могла вести достойную жизнь. Таким образом, человек может подняться до более высокой степени, чем ангелы, и может победить слабости, которые проистекают из его материального тела. Благодаря этому возвышению к высшей обители мысли и нравственной чистоте, а также через овладение своей животной природой человек по своей собственной воле обретает душу; он делает себя сверхземным существом, он завоевывает для себя бессмертие души и соединяется со всеуправляющей мировой душой. Возможность достижения этой высшей ступени дарована человеку его свободой воли.

И человек может приобрести и определенным образом завоевать особое Божье провидение точно так же, как он может приобрести и завоевать бессмертие действием своей души. Ибо Божья забота распространяется только на то, что остается и пребывает вечно. Даже в низшем мире четырех элементов это проявляется в сохранении видов, которые в силу своей формы и назначения имеют духовную природу. Если человек возвышает себя до степени духа, если он становится господином над материей, провиденциальное око Божье не обойдет его стороной. И как человек может обрести для себя с помощью моральной и интеллектуальной дисциплины бессмертную душу, так и он подвергается высшему наказанию, если его духовный свет угасает из-за греховной жизни и подавляется его материальной природой.

Человек обладает способностью приобретать еще больше; благодаря идеальной жизни он может обрести пророческую способность, если посредством постоянного общения с Богом откроет свой разум влияниям активного разума. Но это требует от человека развития и концентрации воображения, а от Бога - эманации Его духа. Поскольку живое, постоянно действующее воображение является главным качеством для пророчества, оно может развиваться

только в состоянии, подобном сну, когда тревожащая активность чувств ослаблена, и разум может свободно подчиниться влияниям свыше. Пророчества пророков всегда происходили в своего рода сновидении. Библейские рассказы о действиях и переживаниях пророков во время их экстатического состояния следует понимать не как рассказы о реальных событиях, а только о процессах души, как видения воображения. Существуют также различные степени пророчества, в зависимости от большей или меньшей способности, необходимой для них. Таким образом, многие чудесные истории в Библии перестают казаться сверхъестественными и удивительными, точно так же, как гиперболический стиль пророков объясняется этой теорией. Все это происходит из-за власти воображения и видений во сне. Чудеса, конечно, не являются невозможными. Тот же самый Творец, который установил законы природы, может также приостановить их действие, но Он делает это лишь временно, чтобы вскоре мог вернуться старый порядок, как тогда, когда воды Нила лишь на короткое время превратились в кровь, и море разделилось для израильтян всего на несколько часов. Однако количество чудес в Библии ограничено. Чудеса, вообще говоря, не являются средством проверки и подтверждения заявлений пророков; они должны быть подтверждены самими пророчествами и исполнением того, что они предсказывают. Чудеса не доказывают их истинность.

Самым совершенным из всех пророков был тот Божий человек с сияющим лицом, который принес в мир религию, оказавшую глубочайшее влияние на умы людей. Пророчество Моисея отличалось от пророчеств более поздних пророков в четырех существенных моментах. Он получил откровение без посредничества другого духовного существа, то есть без влияния активного разума или ангела, но общался с Божеством "лицом к лицу и устами к устам". Во-вторых, Моисей общался с Богом не во сне, когда прекращается всякая деятельность чувств, но высшее учение было даровано ему, когда он находился в обычном расположении духа. Более того, его существо не было потревожено или растворено этим, как в случае с другими пророками, когда на них сходил дух Божий, но он мог поддерживать себя в этом состоянии. Наконец, Моисей постоянно пребывал в пророческом настроении, тогда как на других людей Божьих эта сила нисходила только через более или менее продолжительные промежутки времени, и то только после тщательной подготовки. Моисей обладал этим пророческим совершенством только потому, что благодаря возвышению своего разума он освободился от тирании своих чувств, от желаний и даже от своего воображения и достиг для себя степени ангела, или чистого духа. Все покровы, которые застилают глаза человеческого разума и мешают ему видеть, он сорвал и проник к истоку истины. Он достиг такой степени, какой не достигал ни один другой смертный, и поэтому он также был способен распознавать Божество и Его волю невозмутимым взглядом чистого духа. Истина высшего Существа озарила его без посредничества и в прозрачной ясности, без слов или речью. То, что он воспринял на такой высоте, он принес своему народу как религию, как откровение, и эта истина, непосредственно исходящая от божества, есть Тора.

Эта богооткровенная религия, исходящая от Бога, уникальна, точно так же, как посредник, через которого истина была передана человеку, является единственным в своем роде. Будучи божественной доктриной, она совершенна, и, следовательно, не может быть ничего, что могло бы отменить ее авторитет и заменить ее, точно так же, как не было ничего предшествующего ей.

Божественность Торы доказывается как ее содержанием, так и ее происхождением. Он содержит не только законы и предписания, но и догмы по наиболее важным для человека вопросам, и этот двоякий характер также является признаком, сразу отличающим его от других

кодексов и от других религий. Кроме того, все законы Торы направлены на высшую цель, так что в них нет ничего лишнего, ничего безвозмездного. Замысел откровения, ниспосланного Моисеем, можно резюмировать следующим образом: оно состояло в том, чтобы способствовать духовному и физическому благополучию тех, кто его получил, одним путем прививания правильных идей о Боге и Его правлении миром, другим - предписывая принципы добродетели и морали. Маймуни предпринял попытку показать, что шестьсот тринадцать законов Торы, или иудаизма, стремятся установить истинную теорию относительно Божества и Его отношения к миру, противостоят ложным и пагубным мнениям, искореняют ложные идеи, устраняют зло и насилие, приучают людей к добродетели и, наконец, искореняют безнравственность и порок. Маймуни распределил все обязательства иудаизма по четырнадцати группам в соответствии со своей схемой.

Идеальный труд Маймуни - поднять иудаизм на высоту философской системы - имел самое широкое распространение. Для мыслителей своего времени религиозная философия Маймуни действительно была "Руководством для сбитых с толку". Ибо для этих людей, которые руководствовались теми же принципами, чье мышление, с одной стороны, было аристотелевским, а чувства, с другой стороны, были еврейскими, но которые, тем не менее, осознавали глубокую пропасть между своим мышлением и своими чувствами, ничто не могло быть более желанным, чем открытие моста, ведущего от одного к другому. Многие вещи, которые казались им оскорбительными или, по крайней мере, тривиальными в Библии, получили благодаря изобретательной манере толкования Маймуни более высокое значение, более глубокий смысл и стали ясны для их понимания. Для потомков его философские работы были одновременно стимулирующими и наводящими на размышления. Иудаизм, рассматриваемый в свете философии Маймуни, больше не казался еврейским студентам чем-то странным, принадлежащим прошлому, вымершей и простой механической системой, но чем-то, что принадлежало им самим, частью их сознания, существующим в настоящем, живущим в их мыслях и одушевляющим их. Еврейские мыслители всех времен после Маймуни, следовательно, прибегали к "Руководству" Маймуни, черпали плодотворные идеи из этого источника и даже учились у него выходить за рамки его точки зрения и бороться с ним. И поскольку, в конце концов, мыслители всегда будут оставаться проводниками и лидерами людей и проектировщиками их будущего, можно справедливо сказать, что своим возрождением иудаизм обязан Маймуни. Он имел столь исключительную власть над людьми с интеллектом, что на долгое время его труды полностью вытеснили системы его предшественников от Саадии до Ибн-Дауда.

Философский труд Маймуни, написанный на арабском языке, также оказал значительное влияние за пределами еврейского мира. Правда, он сочинил ее исключительно для евреев, и, более того, говорят, что он строго-настроено приказал переписать ее полностью еврейскими буквами, чтобы она не попала в руки магометан и не спровоцировала вражду против его собственного народа. Он даже предостерег своего любимого ученика от предельной осторожности при обращении с присланными ему главами, чтобы ими не злоупотребляли магометане и злые евреи; но, тем не менее, этот труд стал известен арабам еще при жизни Маймуни. Магометанин написал глубокое изложение предпосылок, установленных Маймуни для доказательства существования Бога. Главные основатели христианской схоластической философии не только использовали труд Маймуни, который был переведен на латынь в ранний период, но и впервые узнали из него, как примирить расходящиеся тенденции веры и философии.

Вряд ли следует выдвигать против Маймуни в качестве упрека то, что, руководствуясь философией своего времени, он ввел в свою систему странные и даже несовместимые элементы; что он возвысил, вместо Бога Откровения, который находится в полном сочувствии к человеческой расе, к израильтянам и к каждому индивидууму, метафизическую сущность, которая существует в холодном уединении и возвышении и которая не смеет беспокоиться о Своих созданиях, если Его существование не должно исчезнуть, превратившись в простой призрак. Этому метафизическому Богу он мог приписывать свободу воли лишь в ограниченном смысле, в то время как практически полностью отрицал Его обладание целостной личностью. Иудаизм, как бы сильно Маймуни ни заботился о его интересах, должен быть проигравшим по своей системе. Поскольку он не мог принять откровение Торы в самом полном смысле как сообщение Божества Своему народу, он должен был рассматривать величайшего пророка в свете полубога, стоящего выше человечества. Идеал совершенно благочестивого человека, согласно концепции Маймуни, достижим очень немногими, и только дисциплинированными мыслителями, которые обладают способностью подняться до этого ранга посредством длинной последовательности степеней знания, которые доступны не каждому. Просто морального и религиозного образа жизни недостаточно, поскольку Богу может поклоняться только душа, наделенная философской интуицией, и, следовательно, лишь немногие могут достичь бессмертия и будущего блаженства и удостоиться божественной заботы. Таким образом, согласно теории Маймуни, избранных очень мало. Наконец, Маймуни пришлось прибегнуть к принудительному толкованию стихов Священного Писания, чтобы привести их в соответствие с результатами философской мысли.

Умные современники Маймуни и даже его любимый ученик Джозеф Ибн-Акнин считали, что его теория не совсем согласуется с иудаизмом. Это чувство стало особенно заметным в связи с верой в воскресение. Маймуни, несомненно, причислял это к догматам веры, но он не придавал этому особого значения; этому не было места в его философской системе. Со многих сторон против него выдвигались обвинения в том, что, хотя он исчерпывающе исследовал вопрос о бессмертии, он несколькими словами отверг доктрину воскресения. Теперь Маймуни чувствовал, что он обязан перед самим собой составить оправдание в форме трактата о воскрешении мертвых, который он написал на арабском языке в 1191 году. В нем он утверждает, что твердо верит в воскресение и что это чудо, возможность которого предполагается верой в сотворение мира во времени. В книге он жалуется на то, что его неправильно поняли. Это сочинение написано в раздражительном настроении, которое сильно контрастирует со спокойствием его прежних работ. Его раздражало, что ему приходилось оправдываться перед "дураками и женщинами".

Среди ученых магометан "Наставник" Маймуни вызвал большой резонанс, но был ими сурово осужден, отчасти из-за его скрытых нападок на ислам и бесплодную, но ортодоксальную философию, царившую в то время, а отчасти из-за его широких взглядов. Абдель-Латиф, представитель ортодоксии в исламском мире Востока, которому покровительствовал Саладин, и который приехал в Египет, чтобы познакомиться с Маймуни (вероятно, в начале 1192 года), говорит о нем, это правда, с уважением, но сильно не одобряет его работу. Он высказался о нем следующим образом: "Моисей, сын Маймуна, посетил меня, и я нашел его человеком очень высоких заслуг, но им руководило честолубивое стремление занять первое место и сделать себя приемлемым для людей, облеченных властью. Помимо медицинских трудов, он написал философскую книгу для евреев, которую я прочитал; я считаю это плохой книгой, которая

рассчитана на то, чтобы подорвать принципы религии теми самыми средствами, которые, по-видимому, предназначены для их укрепления".

Нигде идеи Маймуни не находили более плодотворной почвы, и нигде они не были приняты с большей готовностью, чем в еврейских общинах южной Франции, где процветание, свободная форма правления и агитация альбигойцев против сурового клерикализма пробудили вкус к научным исследованиям и где Ибн-Эзра, семьи Тиббон и Кимчи разбросали семена еврейской культуры. Чем меньше люди южной Франции были способны самостоятельно примирить иудаизм с результатами науки, тем больше они интересовались трудами мудреца, который столь убедительным образом показал, что чистая и искренняя преданность религии совместима со вкусом к свободным исследованиям, и чьи работы демонстрировали осмоторительность, ясность, обдуманность и глубину. Не только миряне, но даже такие глубокие талмудисты, как Джонатан Коэн из Люнеля, боготворили его, жадно впитывали каждое его слово и оказывали ему глубокое почтение. "Со времени смерти последних раввинов Талмуда в Израиле не было такого человека".

Среди правил здоровья, которые Маймуни разработал для Алафдаля, ставшего правителем Египта, он упомянул наблюдение о том, что укрепление души посредством нравственной жизни и философских размышлений необходимо для сохранения сильного тела; что неумеренное употребление вина и любви разрушает жизненные силы. У него хватило смелости сказать своему равному принцу то, чего ни у одного придворного того времени не хватило смелости сказать ему. Он был полон решимости не изменять своему призванию врача-души. Маймуни сам заболел, был сильно измотан своей медицинской практикой и сильно пострадал от политических перемен. Как только он пришел в себя и к нему вернулось спокойствие, он ответил на некоторые вопросы, которые некоторое время назад были адресованы ему Люнелем. В своем послании он оправдывает себя на том основании, что его чувства были нарушены, умственная сила ослаблена, а способности притуплены, однако его доводы свидетельствуют против него, поскольку они демонстрируют совершенную ясность и свежесть ума.

Огромное почитание, которое конгрегации южной Франции испытывали к трудам Маймуни, и особенно к его кодексу, возбудило против него яростного антагониста в лице Авраама бен Давида из Поскьера, чья бесцеремонная манера обращения с теми, кто придерживался противоположных ему взглядов, была испытана на себе Серачьей Халеви Герунди. Этот глубокий талмудист подверг Мишне-Тору Маймуни резкой критике и относился к нему презрительно. Он утверждал, что автор не до конца усвоил многие отрывки из Талмуда, неправильно истолковал их смысл и, таким образом, сделал много ложных выводов. Он упрекнул его в желании предать забвению талмудические авторитеты, сведя Талмуд к кодексу, и, наконец, в контрабанде философских понятий в иудаизм. Но он ни в коем случае не относился к Маймуни как к новатору и еретика; напротив, он отдавал должное его взглядам и его благородной цели. Критика Авраама бен Давида (Хассагот) в адрес работы Маймуни дала повод талмудистам более позднего времени потакать своим казуистическим наклонностям и дала большой толчок вкусу к диспутам. У богатого, образованного и импульсивного раввина из Поскьера тоже были свои поклонники. Когда он умер (пятница, 26 Кислев—27 ноября 1198 г.), потомки Аарона, которым запрещено входить на кладбище, устроили его могилу, поскольку перед таким величием, как у него, священство может утратить свой священный характер.

Полемика Авраама бен Давида против Маймуни никоим образом не повлияла на отношение к последнему среди конгрегаций Прованса; он оставался для них непогрешимым авторитетом. Главный представитель еврейско-провансальской культуры Самуэль Ибн-Тиббон написал Маймуни, что он занят переводом "Путеводителя" с арабского на иврит и что он страстно желает увидеть величайшего человека еврейского мира лицом к лицу. Таким образом, Ибн-Тиббон предвосхитил желание Маймуни, поскольку последний намеревался перевести его труд на иврит. Полный радости, он ответил Ибн-Тиббону и дал ему несколько советов, как справиться со столь сложной темой (8 Тишри—10 сентября 1199 г.). Однако он отговорил его от опасного путешествия из Франции в Египет из-за него, поскольку вряд ли смог бы посвятить ему и часа своего времени. Он воспользовался случаем, чтобы сообщить ему о своих многочисленных занятиях, которые не давали ему ни минуты отдыха: "Султан (Алафдал) живет в Каире, а я в Фостате; два города находятся на расстоянии двух субботних поездок (примерно мили и трети) друг от друга. С султаном мне приходится нелегко; я должен навещать его ежедневно по утрам, и когда он, или кто-нибудь из его детей, или одна из женщин его гарема страдает, я не могу покинуть Каир. Даже когда ничего особенного не происходит, я не могу вернуться домой раньше полудня. Когда я вхожу в свой дом, умирая от голода, я нахожу зал битком набитым людьми — евреями, магометанами, знаменитостями и не только, друзьями и врагами, разношерстной толпой, — которые ждут моего совета как врача. У меня едва остается время, чтобы сойти с лошади, умыться и немного подкрепиться. Так продолжается до ночи, а затем, измученный слабостью, я должен лечь в постель. Только в субботу у меня есть время, чтобы заняться общиной и Законом. Я привык в этот день решать дела общины на следующую неделю и проводить беседу. Так утекают мои дни".

Возможно, конгрегация Люнеля не знала, что Самуэль Ибн-Тиббон занимался переводом "Руководства", или не признавала его способностей в этом направлении; как бы то ни было, некоторые из ее членов обратились к Маймуни с просьбой перевести для них эту работу на иврит. Маймуни сослался на нехватку времени в качестве оправдания и передал их Ибн-Тиббону (около 1200 г.). Он воспользовался случаем также для того, чтобы призвать провансальских евреев заняться научным толкованием Талмуда. "Вы, члены конгрегации Люнеля и соседних городов, единственные, кто высоко поднимает знамя Моисея. Вы посвящаете себя изучению Талмуда, а также цените мудрость. Но на Востоке евреи мертвы для духовного труда. Во всей Сирии лишь немногие в Халебе занимаются изучением Торы, но даже у них это не слишком близко к сердцу. В Ираке есть только два или три сорта винограда (люди проникательности); в Йемене и остальной Аравии они мало знают о Талмуде и знакомы только с изложением в Агадах. Совсем недавно они приобрели копии моего Кодекса и распространили их в нескольких кругах. Евреи Индии мало знают о Библии, а тем более о Талмуде. Те, кто живет среди турок и татар, имеют только Библию и живут в соответствии только с ней. В Магрибе вы знаете, какова позиция евреев (что они должны влиять на исповедание ислама). Таким образом, только вам остается быть сильной опорой нашей религии. Поэтому будьте тверды, мужественны и едины в своей работе". Маймуни чувствовал, что просвещенный иудаизм будет иметь свою главную пропаганду в Провансе. Конгрегация Марселя попросила поэта Харизи перевести Комментарий Маймуни к Мишне на иврит. Провансальцы руководствовались этим великим человеком и его трудами во всех своих действиях.

Когда Маймуни отправил свое последнее послание конгрегации Люнеля, он почувствовал упадок своих сил: "Я чувствую себя старым, не из-за лет, а из-за немощи". Он умер от слабости в возрасте семидесяти лет (20 тебета—13 декабря 1204 г.), оплакиваемый многими общинами во

всех странах. В Фостате как евреи, так и магометане публично оплакивали его в течение трех дней. В Иерусалиме община провела специальную заупокойную службу по нему. Был назначен всеобщий пост, и из Торы была прочитана глава, содержащая наказания за нарушение Божьих заповедей, а из Пророков - история захвата Ковчега Завета филистимлянами. Его земные останки были перевезены в Тверию. Маймуни оставил только одного сына, Абульмени Авраама, который унаследовал характер своего отца, его мягкость, его искреннее благочестие, его медицинские знания, его место рядового врача, его достоинство главы (нагида) египетской общины, но не его интеллект. Его потомки, которых можно проследить до пятнадцатого века, отличались своим благочестием и знанием Талмуда. На устах всех его почитателей звучала краткая, но многозначительная похвала: "От Моисея, пророка, до Моисея (Маймуни) не было равного ему". Неизвестный поместил на его могиле короткую, почти идолопоклонническую надпись:

"Здесь лежит человек, и все еще не мужчина;
Если бы ты был мужчиной, ангелы небесные,
должно быть, затмили твою мать".

Впоследствии эти строки были стерты и заменены следующими:

"Здесь покоится Моисей Маймуни, отлученный от церкви еретик".

Эти две надписи подчеркивают горькие разногласия, которые вспыхнули после смерти Маймуни и разделили иудаизм на два лагеря.

ГЛАВА XV. НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЕВ В ХРИСТИАНСКИХ ЗЕМЛЯХ В НАЧАЛЕ XIII ВЕКА.

Последствия смерти Маймуни—Авраам Маймуни, сын Маймуни—Враждебность папства по отношению к евреям—Папа Иннокентий III—Альбигойцы—Эмиграция раввинов в Палестину—Латеранский собор и еврейские значки—Синод раввинов в Майнце—Доминиканцы и подъем инквизиции—Король Арагона Хайм и его врач Бенвенист—Стивен Лэнгтон и евреи Англии—Григорий IX и Людовик IX французские—Евреи Венгрии.

1205-1232 гг. н. э.

Маймуни, самый интеллектуальный раввин и глубокий религиозный философ, является вершиной средневековой еврейской истории, и вскоре после его смерти тени начинают сгущаться. Постепенно солнечный свет угасает и уступает место унылому мраку. Его интеллектуальное наследие привело к далеко идущему расколу, который разделил иудаизм или его лидеров на два враждебных лагеря и пробудил слабеющий фракционный дух, который представлял собой точки соприкосновения для смертельных врагов. Церковь, чье высокомерие постоянно набирало силу, вмешивалась в споры иудаизма и пускала в ход против непокорной

синагоги соблазнительные приманки, ужасающие наказания, тайный яд или пылающий огонь. Смерть Маймуни и господство папства были двумя несчастьями для иудаизма, которые привели его с его высокого положения к глубочайшей деградации.

Смерть Маймуни не только привела к разрыву и застою в духовных устремлениях евреев, но и лишила их достойного и могущественного лидера, который смог объединить под одним знаменем народ, разбросанный по всему миру. Ему свободно подчинились общины на Востоке и Западе, у него были благоразумные советы на все случаи жизни; но после его ухода евреи остались без лидера, а иудаизм - без проводника. Его сын, Абульмени Авраам Маймуни (родился в 1185 г., умер в 1254 г.), безусловно, унаследовал его глубокое религиозное чувство, его дружелюбный, миролюбивый характер, его высокое достоинство верховного главы (нагида) египетских евреев и его должность придворного врача преемников Саладина; но его интеллект и энергия ему не передались. Авраам Маймуни был искусен в медицине, был ординарным врачом султана Алкамеля — брата Саладина - и руководил госпиталем в Каире вместе с врачом и арабским историком Ибн-Аби Обсайбией. Он также был ученым-талмудистом, защищал учение своего отца талмудическим оружием и вынос раввинские суждения. Он также был хорошо сведущ в философии и сочинил работу, призванную примирить Агаду с философскими идеями того времени. Но Авраам Маймуни был человеком образованным, а не оригинальным, обладающим интеллектуальной силой. Он с рабской преданностью следовал по стопам своего великого отца и перенял его метод мышления, отказавшись от собственной интеллектуальной независимости. Авраам создал маймунистическую систему преподавания самостоятельно. Отсюда происходит, что то, что является поразительной оригинальностью в отце, проявляется в сыне как копия и незначительная банальность. Авраам Маймуни, это правда, пользовался всеобщим уважением, но он ни в коем случае не был авторитетом, привлекающим внимание и требующим подчинения.

В Европе тоже не было влиятельных людей после смерти Маймуни. Появились местные, но не общепризнанные авторитеты. Не существовало человека, который мог бы вмешаться в конфликт, произнести нужное слово в нужный момент и указать правильный путь колеблющимся умам. Если бы у Маймуни был преемник с его собственным духом и характером, разногласия между верующими и теми, кто буквально толковал Библию, не привели бы к таким большим катастрофам, и мистицизм не смог бы заманить умы людей в свои сети.

В то время как иудаизм, таким образом, остался без лидера, в начале XIII века против него восстала сила, осуществляющая безжалостный, неумолимый гнет, какого не было против него со времен Адриана. Папа Иннокентий III, который был отцом всех зол, пережитых европейскими народами до времен лютеранской реформации: тиранического господства Римской Церкви над князьями и народами, порабощения и унижения человеческого разума, преследования свободной мысли, учреждения инквизиции, *аутодафе* против еретиков, *то есть* против тех, кто осмеливался сомневаться в непогрешимости римского епископа; он был также папой Иннокентием III, который был ожесточенным врагом католической Церкви. Евреев и иудаизм и нанес по ним более суровые удары, чем кто-либо из его предшественников.

Маленькая группа евреев была как заноза в боку могущественного властителя Церкви, который возводил на престол и свергал королей, раздавал короны и страны и который через свою армию папских легатов, шпионов, доминиканских и францисканских монахов, с их кровожадным благочестием, подчинил всю Европу, от Атлантического океана до

Константинополя и от Средиземного моря до Арктических регионов. Эта горстка людей, с их ясным интеллектом, их очищенной верой, их моральной силой и их высшей культурой, была молчаливым протестом против римского высокомерия. В начале своего правления Иннокентий, хотя и не совсем благожелательно относился к евреям, был, по крайней мере, готов, как и его предшественники, защитить их от несправедливого обращения. Теперь проповедовались новые крестовые походы против Египетского султаната, могущество которого пришло в упадок после смерти Саладина, с целью вырвать из-под его контроля Священный Город. Крестоносцы, теперь, когда они получили отпущение грехов, могли бы сказать: "Мы можем совершать преступления, поскольку принятие Креста освободило нас от всех грехов, да, и даже позволяет нам выкупать души грешников из чистилища". Травля евреев, обязательное крещение, грабежи и убийства снова стали в порядке вещей. Евреи, видя, что они нуждаются в особой защите, обратились к Иннокентию с просьбой обуздать насилие крестоносцев. В высшей степени милостиво он даровал им то, от чего не отказался бы предводитель любой респектабельно организованной банды разбойников. Евреев нельзя было силой тащить к обращению, равно как и грабить, калечить или убивать без санкции суда. К ним не должны были приставать во время их празднеств, избивая кнутом или бросая в них камни; и, наконец, их кладбища должны были пользоваться уважением, а их мертвые не должны были ни раскапываться, ни бесчеститься. Христианство настолько выродилось, что подобные декреты и конституция (*Constitutio Iudæorum*), подобные этой, должны были быть обнародованы ради евреев. Ее лидеры были настолько введены в заблуждение, что глава Церкви принял эти резолюции не из простых соображений гуманности, а исходя из извращенного представления о том, что евреи должны быть сохранены, чтобы чудо их всеобщего обращения к Иисусу могло иметь возможность свершиться.

Евреи, которые на тысячелетнем опыте научились искусству распознавать врагов и друзей под их масками, ни в коем случае не ошибались относительно истинных чувств Иннокентия по отношению к ним. Когда дон Педро II, король Арагона, вернулся домой из своего путешествия в Рим (декабрь 1204 г.), где он был помазан и коронован папой римским, получив в то же время свою территорию в качестве дани кафедре Петра, арагонские конгрегации были в большом беспокойстве относительно того, что может с ними случиться. Дон Педро дал клятву, что будет преследовать всех еретиков в своей стране, защищать свободы и права Церкви и преданно повиноваться папе. Что, если свободу Церкви истолковать таким образом: евреи должны были либо быть изгнаны со своей земли, либо низведены до положения рабов? Арагонские евреи, предчувствуя нечто подобное, воззвали к своему Богу в горячей молитве, назначили всеобщий пост и со свитком Торы собрались встречать короля по его возвращении. Их опасения по этому поводу, однако, были беспочвенны. Дон Педро, который не отличался особой преданностью папе и был намерен только укрепить свою собственную власть, не думал о преследовании евреев. Кроме того, из-за своих периодических денежных затруднений он не мог без них обойтись; он стал их должником. Иннокентий, однако, ревниво следил за князьями, чтобы они не уступили евреям ничего, кроме простого права на жизнь. Французский король Филипп Август — заклятый враг евреев, который, подвергнув их пыткам и грабежу, изгнал из своей страны и отозвал их только из-за своих финансовых затруднений, — получил выговор от папы за благосклонность к евреям. Папа писал, что его оскорбляет, что некоторые князья предпочитают потомков распинающих наследникам распятого Христа, как будто сын рабыни когда-либо может быть наследником сына свободной женщины; что до его ушей дошло, что во Франции евреи завладели ростовщическим имуществом Церкви и христиан, и что, несмотря на

постановление Латеранского собора, при Александре III они держали в своих домах слуг-христиан и няnek; и далее, что христиан не допускали в качестве свидетелей против евреев, что означало, что евреи не были допущены в качестве свидетелей против евреев. также противоречило решению этого собрания; и еще, что община Сенса построила новую синагогу, которая располагалась выше церкви того района, и в которой читались молитвы, но не тихо, как перед изгнанием, а так громко, что прерывала богослужение в церкви. Наконец, Иннокентий осудил короля Франции за то, что тот позволил евреям слишком много свободы. Они имели наглость в течение пасхальной недели появляться на улицах и в деревнях, насмехаясь над верующими за то, что они поклоняются распятому Богу, и таким образом отворачивая их от своей веры. Он яростно повторял дьявольскую клевету о том, что евреи тайно убивали христиан. Что касается публичных и ежедневных убийств евреев, глава Церкви мало что мог сказать. Он призывал Филиппа Августа сохранять истинно христианское рвение в притеснении евреев и не преминул в то же время упомянуть, что еретики в его стране должны быть истреблены. Духовный правитель Европы не мог найти покоя, пока оставались евреи и еретики. В том же году (май 1205 г.) Иннокентий написал резкое пастырское письмо королю Кастилии Альфонсо Благородному, защитнику евреев, потому что он не допустит, чтобы священники лишали евреев их рабов-магометан, заставляя их креститься, или собирали десятину с ферм евреев и магометан. Папа пригрозил гордому испанскому королю немилостью Церкви, если тот продолжит позволять синагоге процветать, а Церкви - сокращаться. Иннокентий настаивал на том, чтобы евреи платили десятину духовенству со всех земель, которые они приобрели у христиан, чтобы Церковь, могущество которой так сильно зависело от денег, не понесла убытков. Его план принуждения, призванный придать силу своим указаниям, заключался в косвенном отлучении от церкви. Поскольку он не мог наказать евреев отлучением от церкви, он пригрозил применить это наказание к христианам, которые будут поддерживать какие-либо отношения с такими евреями, которые не удовлетворят его апостольский каприз.

Глубокое предубеждение Иннокентия против еврейской расы стало еще более очевидным в обличительном письме, которое он написал графу Неверу, благосклонно относившемуся к евреям. Поскольку этот граф не омрачал жизнь последних и воздерживался от приставаний к ним, папа написал ему следующее (1208): "Евреи, подобно братоубийце Каину, обречены скитаться по земле как беглецы и бродяги, и их лица должны быть покрыты позором. Они ни при каких обстоятельствах не должны находиться под защитой христианских князей, а, напротив, должны быть обречены на крепостничество. Следовательно, христианским князьям недостойно принимать евреев в своих городах и деревнях и использовать их в качестве ростовщиков для вымогательства денег у христиан. Они (князья) арестовывают христиан, которые задолжали евреям, и позволяют евреям брать в залог христианские замки и деревни; и хуже всего то, что Церковь таким образом теряет свою десятину. Возмутительно, что христиане приказывают забивать свой скот и давить виноград евреям, которые таким образом получают возможность взять свою порцию, приготовленную в соответствии с их религиозными заповедями, и передать остатки христианам. Еще большим грехом является то, что это вино, приготовленное евреями, должно использоваться в церкви для совершения таинства Вечери Господней. В то время как христиан отлучают от церкви за благосклонность к евреям, а их земля находится под запретом, евреи все время смеются вслух над тем фактом, что из-за них церковные арфы подвешены на ивах и что священники лишены своих доходов". Иннокентий в своем пастырском письме угрожал графу де Неверу, а также его сторонникам самым суровым наказанием, на какое только была способна Церковь, в случае, если они продолжат благоволить евреям. Он был первым

папой, направившим против евреев жгучую ярость и нечеловеческую суровость Церкви. Все вызывало его гнев против них; он завидовал им за сам воздух и свет, и только обманчивая надежда удерживала его от открытой проповеди крестового похода и войны на уничтожение против них. Иннокентий прекрасно понимал, почему он так глубоко ненавидел евреев и иудаизм. Он ненавидел тех среди них, кто косвенно агитировал против прогнившей формы христианства, на которой папство построило свою власть. Отвращение истинно богобоязненных и нравственных христиан к высокомерию, нецеломудрию и ненасытной алчности иерархии было в какой-то мере вызвано евреями. Альбигойцы на юге Франции, которых заклеили как еретиков и которые были самыми решительными противниками папства, переняли свою враждебность от общения с образованными евреями. Среди альбигойцев существовала секта, которая без колебаний объявляла еврейский закон предпочтительнее христианского. Таким образом, взор Иннокентия был направлен на евреев юга Франции, а также на альбигойцев, чтобы проверить их влияние на умы христиан. Графу Раймунду VI Тулузскому и Сен-Жилльскому, которого трубадуры и певцы того времени называли "Раймундом Добрым", на которого смотрели как на друга альбигойцев и, следовательно, жестоко преследовали, папа также приписывал благосклонность к евреям. В списке проступков, который он составил против графа, Иннокентий обвинил его в том, что он использовал еврейских чиновников в своем штате и в целом благоволил евреям. В кровавом крестовом походе, который папа открыл против него и альбигойцев, еврейские общины южной Франции неизбежно испытали свою долю страданий. Раймунд был унижен и вынужден был смириться с тем, что папский легат Мило втащил его в церковь голым и выпорол плетью. Его также заставили признаться в том, что, помимо прочих грехов, он совершил тяжкое преступление, доверив государственные должности евреям. Вслед за этим легат приказал ему, под страхом потери достоинства, смиренно принести клятву, что он уволит всех еврейских чиновников в своей стране, что он никогда больше не будет их назначать и никогда не допустит евреев ни на государственные, ни на частные должности. Несчастный принц был вынужден, когда меч был приставлен к его груди, сделать и повторить это заявление (июнь 1209 г.). Тринадцать баронов, которые были связаны с Раймундом и считались защитниками альбигойцев, Милон аналогичным образом заставил дать клятвенное заверение, что они сместят своих еврейских офицеров и что они никогда больше не будут доверять им какое-либо общественное доверие. Тем временем по наущению папы римского и кровожадного монаха Арнольда из Сито против альбигойцев была организована фанатичная армия крестоносцев. Его возглавлял амбициозный и алчный граф Симон де Монфор, и он выступил против виконта Раймунда Роже и его столицы Безье. Папа и его легат вдвойне ненавидели Рожера как тайного друга альбигойских еретиков и как защитника евреев. 22 июля (1209 г.) прекрасный город Безье был взят штурмом, и его жители были вырезаны во имя Бога. "Мы не щадили ни достоинства, ни пола, ни возраста, - писал Арнольд, человек крови, Папе Римскому. - Почти 20 000 человек погибли от меча. После резни город был разграблен и сожжен, и месть Божья, казалось, обрушилась на него чудесным образом". Не были пощажены даже ортодоксальные католики, и на вопрос крестоносцев о том, как отличить православных от еретиков, Арнольд ответил: "Бейте, Бог узнает Своих". В этих обстоятельствах у процветающих и культурных еврейских общин Безье было еще меньше оснований надеяться на какие-либо послабления. В результате двести евреев были перерезаны, а большое количество брошено в плен. Евреи, со своей стороны, отметили этот год альбигойского крестового похода как "год траура".

В результате дипломатической победы над Раймундом Тулузским и военной победы над Раймундом Роже из Безье нетерпимая Церковь приобрела господство не только на юге Франции, но и повсюду. Дерзость вольнодумцев, претендовавших на право составлять собственное мнение о религии, Священном Писании или о положении духовенства, была наказана кровопролитием. На церковном языке той эпохи папе приходилось владеть духовным и светским мечом. Те, кто мыслил рационально, были убиты, а независимое мышление было заклеено как преступление. Ученики философа Амалариха из Бены, которые утверждали, что Рим был распущенным Вавилоном, а папа - Антихристом; что он обитал на Елеонской горе, *т.е.*, в роскоши власти, и что разумные люди, которые считали, что строить алтари святым и поклоняться костям мучеников было идолопоклонством, были сожжены в Париже как богохульники. Философские труды, которые были привезены во Францию из Испании и которые могли бы обогатить или оплодотворить христианскую теологию, среди прочих трудов великого еврейского философа Соломона Гебирия, переведенных по приказу архиепископа, были запрещены к прочтению парижским синодом. Свет, который только что забрезжил над народами Европы, был погашен представителями Церкви.

Евреи южной Франции и Испании были единственными апостолами высшего образования. Но Церковь завидовала им даже в этой славе и изо всех сил старалась унижить их. Авиньонский собор (сентябрь 1209 г.) под председательством папского легата Мило, на котором граф Раймунд был снова запрещен и на котором были приняты самые суровые меры против еретиков, постановил, что все бароны вольных городов должны принести клятву, что они не доверят никаких должностей евреям и не позволят нанимать слуг-христиан в еврейских домах. Одно из постановлений этого собора запрещало евреям работать в воскресенье и во все христианские праздники, а также запрещало им есть мясо в дни христианского поста. Повсюду евреи чувствовали тяжелую руку Римской церкви, которая беспрепятственно простиралась, чтобы обратить их в прах.

В Англии у евреев в то время было три врага: распущенный, беспринципный Джон Лэклэнд, который не гнушался вымогать у них деньги; враждебно настроенные бароны, которые видели в них источник королевского богатства, лишая их которого, как они думали, могли нанести ущерб власти короля; и, наконец, Стивен Лэнгтон, которого папа назначил архиепископом Кентерберийским и который привнес в Англию тиранический дух Церкви. В начале своего правления король Иоанн изображал дружелюбие по отношению к ним, ибо, поскольку он узурпировал корону своего племянника и, как следствие, настроил против себя Францию и часть английской знати, он, естественно, стремился привлечь на свою сторону богатые классы народа. Он назначил ученого-талмудиста Джейкоба из Лондона главным раввином всех английских общин (*presbyteratus omnium Judæorum totius Angliæ*), и все его подданные были предупреждены о недопустимости посягательств на его собственность или достоинство. Король назвал этого главного раввина своим "дорогим другом". Каждое оскорбление, которое было нанесено последнему, рассматривалось королем как личное оскорбление ему самому. Далее он обновил и подтвердил привилегии и свободы евреев, которые они получили от Генриха I, включая замечательное положение о том, что христианин обязан был предпочесть свою жалобу на еврея еврейскому суду. Евреям, это правда, пришлось заплатить много денег — 4000 марок серебром — за эти щедрые уступки. Но то, что они получили защиту и свободу передвижения в обмен на свои деньги, было большим благом. Когда евреям угрожала лондонская толпа, Джон написал письмо с угрозами властям столицы, упрекая их в том факте, что, в то время как евреям в других частях Англии никто не угрожал, жители Лондона подвергались травмам, и заявляя, что

он возложит на них ответственность за весь физический и материальный ущерб, понесенный евреями. Однако по мере того, как Иоанн все больше и больше ссорился со своими баронами и испытывал серьезные денежные затруднения, он постепенно отказался от своего мягкого поведения, которое никогда не было искренним, и занял совершенно иное отношение к евреям. Однажды он заключил в тюрьму всех английских евреев, чтобы вымогать у них деньги (1210), и потребовал только от одного еврея из Бристоля сумму в 10 000 марок серебром. Поскольку последний не мог или не хотел платить, Джону удаляли зубы один за другим.

Сокрушительная антипатия к ним со всех сторон и их тоска по Святой Земле, которую пробудил поэт Иегуда Халеви, побудили более 300 раввинов Франции и Англии эмигрировать в Иерусалим (1211). Наиболее известными из них были Джонатан Коэн из Люнеля, который состоял в переписке с Маймуни и был одним из его поклонников, и Самсон бен Абрахам, противник школы Маймонида. Многие эмигранты останавливались по пути в Каире, чтобы познакомиться с сыном Маймуни, который принял их с большим уважением и радостью. Только Самсон бен Авраам, представитель одностороннего иудаизма, избегал встречи с сыном человека, которого считал чуть ли не еретиком.

Французские и английские эмигранты, которых с почетом принял и предоставил привилегии султан Аладиль, способный брат Саладина, не теряя времени, построили молитвенные дома и учебные заведения в Иерусалиме и распространили метод изложения тоссафистов на Восток. Интеллектуальная деятельность, даже в области Талмуда, однако, не процветала в Святом Городе. Казалось, проклятие небес пало на этот некогда славный, а теперь бедствующий город, ибо с тех пор, как римские легионы под командованием Тита и Адриана убили ее благороднейших сыновей, она стала совершенно бесплодной. Со времени разрушения Синхедриона в городе не появилось ни одного важного человека. Иерусалим, как и вся Палестина, был примечателен только своими прославленными мертвецами. Благочестивые люди, тосковавшие по дому своих предков, искали только их могилы, ибо живых источников там больше не было. Джонатан Коэн и его сподвижники добросовестно посетили место, на котором когда-то стоял Храм, могилы патриархов, царей, пророков и учителей Мишны, поплакали и помолились на руинах ушедшей славы. Они встретились с экзилархом Давидом из Мосула, у которого было рекомендательное письмо от халифа Альнасира Ледин Аллаха, которое обеспечивало ему свободный доступ ко всем достопримечательностям. На Востоке евреям все еще позволялось сохранять определенную видимость достоинства; халифы и султаны, обладатели духовной и мирской власти, предоставляли им так много — за деньги. В Европе, однако, сама жизнь евреев постоянно находилась в опасности из-за фанатизма, который постоянно подстрекался к действию.

Повелитель правоверных альмохадов Магомет Альнасир из северной Африки призвал к оружию все имевшееся в его распоряжении мужское население для священной войны против растущего могущества христиан в магометанской Испании и повел по меньшей мере полмиллиона воинов через море в Андалусию. Сильный город Сальватьерра, несмотря на доблестную защиту рыцарского ордена Калатравы, попал в руки магометан (сентябрь 1211 г.). В ходе этой длительной осады еврейская община Сальватьерры была уничтожена, а ее остатки бежали в Толедо. Христианские короли Испании, напуганные этой опасностью, прекратили взаимную вражду, чтобы объединенными силами противостоять могущественному врагу. Но поскольку христианское население Испании не чувствовало себя достаточно сильным, чтобы начать войну против магометан, Альфонсо Благодородный, король Кастилии, обратился к

Иннокентию с просьбой объявить всеобщий крестовый поход против Полумесяца, и папа очень охотно согласился. Таким образом, многие европейские воины пересекли Пиренеи, среди них кровожадный цистерцианский монах Арнольд со своими войсками, которые обеспечили себе будущее блаженство всевозможными варварствами, применяемыми к альбигойцам и евреям юга Франции. Гнев ультрамонтанов, как их называли, в отличие от испанских воинов, против всего, что не было римско-католическим, достиг неистовства; они были оскорблены сравнительно счастливым положением евреев в испанской столице, их богатством, свободой и значением при дворе. Эти иностранные крестоносцы, воодушевленные неистовым фанатизмом Арнольда, внезапно напали на евреев Толедо и убили многих из них (июнь 1212 г.), и всем евреям пришлось бы очень плохо, если бы благородный Альфонсо не вмешался в их защиту, и если бы христианские рыцари и граждане Толедо, движимые чувством чести, не отразили атаки фанатиков. Это было первое преследование евреев в Кастилии, однако нападение было совершено иностранцами и не одобрялось местными жителями.

Однако Церковь вскоре научила испанских королей и народ становиться врагами евреев. Необычайная перемена в настроениях по отношению к евреям, наметившаяся со времени понтификата Иннокентия, была продемонстрирована резолюцией Парижского синода от того же года. Король Людовик VII и даже его сын Филипп решительно сопротивлялись каноническому институту, который предусматривал, что евреи не должны нанимать слуг-христиан. Но теперь французские советы под председательством папских легатов и с согласия короля попытались расширить это узколобое положение, так что не только христианке было запрещено кормить грудью еврейского ребенка, но и христианской акушерке даже не разрешалось ухаживать за еврейской женщиной во время родов, потому что христианам, которые оставались с евреями, нравился иудаизм. Поэтому не без оснований евреи, услышав о создании нового совета, были сильно встревожены тем, что они могут подвергнуться новому виду тирании. Поэтому, когда папский легат Петр из Беневенто созвал синод в Монпелье (начало 1214 г.), на который он пригласил священников и мирян, чтобы полностью лишить графа Тулузского его владений и передать их Симону де Монфору, а также принять самые суровые меры против остатков альбигойцев, евреи юга Франции почувствовали, что им угрожает большая опасность, и немедленно предприняли шаги, чтобы предотвратить ее. По просьбе прославленного дона Исаака (Зага) Бенвенисте, рядового врача короля Арагона, многие еврейские общины прислали по два депутата, чтобы использовать свое влияние на священнослужителей и мирян, чтобы никакие новые ограничения не могли быть наложены на евреев. И, похоже, им удалось предотвратить опасность, поскольку совет Монпелье опустил все упоминания о евреях в своих обсуждениях.

Едва эта локальная опасность была предотвращена, как показалось, что надвигается другая, более общая. Это повергло всех евреев, получивших известие об этом, в величайший ужас. Иннокентий III посредством энциклики, пастырского послания, созвал в Рим представителей всего христианского мира на всеобщий Вселенский собор, на котором должно было быть принято решение об энергичном продолжении крестовых походов против магометан в Святой Земле, на Пиренейском полуострове и против еретиков юга Франции; должны были быть утверждены низложение графа Тулузского и передача его поместий Симону де Монфору, а также реформация Церкви, т. е. расширение ее власти в штатах должен был получить повышение по службе. Конгрегации юга Франции, которым сообщили, что евреям вот-вот будет нанесен серьезный удар на заседании этого собора, были совершенно ошеломлены. Исаак Бенвенист соответственно пригласил еврейских депутатов в город Бург-де-Сен-Жиль, чтобы

выбрать определенных влиятельных и способных людей в качестве депутатов в Рим, которые должны были попытаться предотвратить принятие резолюций против евреев. Имена делегатов, выбранных для этой цели, неизвестны, поскольку их труды оказались бесплодными. Великий Четвертый Латеранский собор проходил под председательством папы Иннокентия III и состоял из более чем 1200 депутатов из многих христианских государств, как церковников, так и мирян. На этом соборе папству было позволено выдвинуть величайшие требования, которые оно когда-либо выдвигало. его действием объясняется основание двух орденов доминиканцев и францисканцев, отличающихся ненавистью к свободе и кровожадностью. Этот собор, опутавший христианскую Европу позорным кольцом духовного рабства и отбросивший ее назад, в невежество варварства, нанес иудаизму глубокие раны. В праздник Маккавеев, во время которого дети Иакова праздновали свое освобождение от сирийской тирании, этот совет, возложивший ярмо глубочайшей деградации на потомство героев-Маккавеев, завершил свои обсуждения (30 ноября 1215 г.). Хотя в разгар гигантских начинаний Папа и Старейшины Собора, тем не менее, не забывали евреев. Четыре из семидесяти принятых тогда канонических декретов касались евреев. Один канон гласит, что христианские князья должны строго следить за евреями, чтобы они не взыскивали слишком высокие проценты со своих христианских должников. Это ограничение не совсем неоправданно - хотя, действительно, христианское духовенство и миряне поощряли еврейское ростовщичество и наживались на нем; а христианские компании, такие как лангобарды и каорсини (называемые также ультрамонтанами), практиковали ростовщичество в огромных масштабах. Церковь не обращала никакого внимания на финансовые нужды того времени и строго придерживалась буквы Библии. Совет, со своей точки зрения, также был в какой-то мере оправдан, запретив крещеным евреям сохранять еврейские обычаи, потому что для Церкви было бы самоубийством разрешить свободу совести. Если верно обвинение в том, что некоторые евреи в то время насмеялись над христианскими процессиями на Пасху, то власти Церкви были отчасти правы, запрещая им открыто появляться в этот день; хотя справедливое законодательство не наложило бы ограничений на всю общину из-за проступков нескольких неблагоприятных членов. Еще более несправедливым был канон, который не только предписывал евреям отдавать десятину со своих домов и имущества, но и предписывал главе каждой еврейской семьи ежегодно платить налог на праздник Пасхи. Католическое духовенство считало себя господами, которым евреи, их подданные, должны были приносить дань. Но для духа Иннокентия, гонителя альбигойцев, было характерно обновление закона о том, что "ни один христианский князь не должен назначать еврея на какую-либо должность". Нарушитель этого правила должен был быть наказан отлучением от церкви, а каждый еврейский чиновник должен был быть исключен из общества христиан до тех пор, пока он с позором не сложит свои полномочия. Собор, однако, не смог привести даже намек на обоснование этого канонического постановления; ни Новый Завет, ни Отцы Церкви, как бы сильно они ни ненавидели евреев, не создали прецедента для этого. Латеранский синод был вынужден вернуться к Провинциальному совету Толедо при Рекареде, короле вестготов-католиков, чтобы найти прецедент для этого скандального закона. Глубина деградации евреев, однако, была достигнута решением собора о том, что евреи во всех христианских странах и во все времена должны носить одежду, отличную от христианской. Причина заключалась в том, что во многих странах, где евреи (и магометане) носили обычную одежду, имели место смешанные браки между евреями и христианами. С помощью софистического аргумента было доказано, что этот закон содержался в Библии и что Моисей повелел евреям носить особую одежду. Поэтому было постановлено, что с двенадцатого года жизни евреи должны были носить особый цвет в качестве знака своей расы: мужчины - на своих

шляпах, а женщины - на своих вуалях. Это клеймо на евреях было изобретением папы Иннокентия и Четвертого Собора, собравшегося в Риме. Однако это нельзя строго назвать изобретением, потому что идею заставить евреев носить особый значок папа позаимствовал у фанатичных магометан. Альмохадский принц правоверных Африки и южной Испании Абу-Юсуф Альмансур заставлял тех евреев, которые приняли магометанскую веру по принуждению, носить отвратительную одежду, тяжелую одежду с длинными рукавами, доходившую почти до пят, и вместо тюрбанов большие шляпы самой уродливой формы. Этот фанатик сказал: "Если бы я знал, что обращенные евреи приняли магометанскую веру с чистым сердцем, тогда я бы позволил им вступать в браки с мусульманами. С другой стороны, если бы я был убежден, что они все еще скептики, я бы предал этих людей мечу, поработил их детей и конфисковал их имущество. Но я сомневаюсь в этом пункте; поэтому они будут выглядеть выделяющимися из-за отвратительной униформы". Его преемник Абу-Абдулла Магомет Аль-Насир разрешил им сменить эту убогую одежду на желтые одежды и тюрбаны. Этот цвет характеризовал класс людей, которые внешне были мусульманами, но в глубине души оставались евреями, в первом десятилетии XIII века в королевстве Марокко. Этому варварскому обращению с евреями теперь подражал папа Иннокентий III, и их величайшее унижение за шесть столетий европейской жизни датируется 30 ноября 1215 года.

С тех пор провинциальные советы, собрания сословий и королевские кабинеты, в дополнение к обсуждению вопроса об исключении евреев из всех почетных званий и должностей, с педантичной тщательностью определяли цвет, форму, длину и ширину еврейского значка. Еврейский значок квадратной или круглой формы, шафраново-желтого или какого-либо другого цвета на шляпе или мантии был приглашением для геймеров оскорблять тех, кто его носит, и забрызгивать их грязью; это был призыв к глупым толпам наброситься на них, жестоко обращаться с ними и даже убить их; и это давало высшему классу возможность подвергнуть евреев остракизму, ограбить их или изгнать.

Хуже этого внешнего бесчестия было влияние значка на самих евреев. Они все больше и больше привыкали к своему позорному положению и потеряли всякое чувство самоуважения. Они пренебрегали своим внешним видом, потому что были не чем иным, как презренной, обесчещенной расой, которая не могла иметь ни малейшего права на честь. Они становились все более и более небрежными в своей речи, потому что их не допускали в культурные круги, и в своей собственной среде они могли объясняться с помощью жаргона. Они потеряли всякий вкус и чувство красоты и в какой-то степени стали такими презренными, какими их хотели видеть их враги. Они утратили свою мужественность и отвагу, и ребенок мог привести их в ужас. Наказание, которое пророчествовал Исайя для дома Иакова, исполнилось в точности: "Ты будешь говорить из земли, и речь твоя будет низка из праха". Великие страдания евреев в средние века начались с папы Иннокентия III. По сравнению с их последующими страданиями, все предшествующие преследования с начала христианского господства казались невинным подшучиванием. Но евреи неохотно подчинились указу, который вынудил их носить клеймо позора. Особенно это касалось общин в Испании и южной Франции, которые, занимая почетное положение, не допустили бы, чтобы их унизили без борьбы. Кроме того, при дворах Толедо и Сарагосы были влиятельные евреи, либо в качестве послов при иностранных дворах, либо в качестве казначеев королевской казны, которые прилагали все усилия, чтобы помешать исполнению указа. Когда умер папа Иннокентий III (1216) и на папский престол взошел папа Гонорий III, обладавший более мягким характером по сравнению с Иннокентием, евреи надеялись на отмену этого канонического закона. Исаак Бенвенист, по-видимому, был

особенно активен в этом направлении, поскольку он пытался предотвратить позор, когда впервые задумался об этом. Им удалось отсрочить исполнение канонического указа. По крайней мере, король Леона Альфонсо IX не принуждал евреев своей страны носить этот значок, и папа Гонорий был вынужден призвать епископа Валенсии и двух братьев-епископов следить за тем, чтобы указ был должным образом исполнен и чтобы все евреи были отстранены от почетных должностей. Общины южной Франции с радостью наблюдали за победоносным продвижением армии неоднократно отлученного от церкви Раймунда VII Тулузского против армии крестоносцев и Симона де Монфора, потому что их безопасность зависела от победы альбигойцев. Герцог Тулузский и его бароны, несмотря на свои клятвы, продолжали продвигать евреев на должности, поскольку видели, что их административная политика принесет им пользу. Возможно, именно из-за тайной и открытой преданности евреев Раймунду жена Симона де Монфора, Алиса Монморанси, приказала арестовать всех евреев Тулузы — города, за который она отвечала, — предложив им выбор между смертью и обращением, хотя ее муж, как и его брат, поклялись евреям, что их жизни будут в безопасности и что им должна быть предоставлена свобода для надлежащего отправления религиозных обрядов. В то же время Алиса приказала, чтобы еврейских детей в возрасте до шести лет оторвали от их родителей и передали священникам, чтобы они крестились и воспитывались как христиане. Бессердечная женщина не испытывала тех мук, которые испытывали еврейские матери. Несмотря на это, большинство членов общины Тулузы отказались стать христианами.

Однако, когда Симон де Монфор услышал об этом жестоком преследовании евреев его женой, он приказал освободить заключенных и позволить им свободно исповедовать свою религию. Радость несчастных людей, когда им сообщили об этом избавлении (1 Ав-7 июля 1217 г.), была велика, но к ней примешивалась печаль, поскольку кардинал-легат Бертран решил, что крещеным детям не следует позволять возвращаться к своим родителям. Легат также настоял на том, чтобы евреи носили отличительный знак. Тем временем от папы римского поступило встречное распоряжение о том, что указ не должен выполняться слишком строго, но причина этого изменения в папской политике неизвестна. В Арагоне евреи получили такой же иммунитет от унижительного знака "еврей" благодаря неустанным усилиям Исаака Бенвениста, рядового врача короля Джеймса I (Иакова). Этот выдающийся человек оказал королю такие важные услуги, что последний, с согласия епископов страны, рекомендовал его папе и стремился добиться для него признания папской кафедры. Удивительно, но Гонорий взялся за это дело и, в знак признания его заслуг в отказе от ростовщичества и ревностной помощи католикам, послал Исааку Бенвенисту грамоту, в которой говорилось, что он ни в коем случае не должен подвергаться насилию. Ради него также евреи были освобождены от ношения значка (1220).

Каким бы дружелюбным ни казался Гонорий в этом вопросе, он, тем не менее, был далек от того, чтобы одобрять назначение евреев на достойные должности. В письме с автографом, датированном тем же годом, он призывал короля Арагона Джейма не поручать ни одному еврею должность посла при магометанском дворе, поскольку маловероятно, "что те, кто ненавидит христианство, докажут свою верность его приверженцам". В этом духе папа написал архиепископу Таррагоны, епископам Барселоны и Илерды, чтобы убедить короля Арагона не использовать евреев в дипломатических миссиях и отменить практику, столь опасную для христианского мира. Папа также призвал церковных сановников Толедо, Валенсии, Бургоса, Леона и Саморы использовать свое влияние на королей Кастилии, Леона и Наварры с той же

целью. Как мало папа знал о неподкупной верности евреев своим суверенам и их любви к земле, на которой они родились! Отнюдь не злоупотребляя оказанным им доверием, еврейские послы приложили максимум усердия к успешному выполнению своего поручения. Но со времен Иннокентия III неизменным принципом Церкви стало принижение и унижение евреев. Хотя Гонорий освободил евреев Арагона от ношения знака позора, он настаивал на том, чтобы евреи Англии не были освобождены от него.

В этой стране Стивен Лэнгтон, назначенный папой римским архиепископом, взял бразды правления в свои руки после смерти безумного тирана Джона Лэкланда и во время совершеннолетия его сына Генриха III. Этот прелат пользовался своей властью так, как если бы он был носителем короны. На Оксфордском совете, который он созвал в 1222 году, было обнародовано несколько указов, касающихся притеснения евреев. Они не должны были содержать никаких христианских слуг и не должны были строить никаких новых синагог. Согласно решению Латеранского собора, они должны были платить десятину со своей продукции и церковные налоги. Помимо всего прочего, их заставляли носить на груди позорный значок - шерстяную полоску длиной в четыре пальца и шириной в два, цвета, отличного от платья. Они не могли входить в церкви, и еще меньше, как это было до сих пор в их обычае, они могли размещать там свои сокровища для защиты от нападений знати-разбойников. Эти ограничения были наложены на английских евреев, потому что они были виновны в чудовищных преступлениях и показали себя неблагодарными; но природа их преступления не упоминается. Возможно, им был предъявлен тот факт, что дьякон в том же году перешел в иудаизм? В последующие годы такое происшествие привело к изгнанию евреев из Англии. На этот раз дьякон был немедленно сожжен на костре за свое отступничество. Церковь не знала более эффективного средства опровержения ереси, чем пылающий огонь.

Примечательно, что враждебные меры папы против евреев в то время имели наименьший эффект в Германии и что при императоре Фридрихе II они пользовались сравнительно благоприятным положением. Это правда, что они были "servi camerae" империи и императора и даже назывались так; но тем не менее князья, особенно эрцгерцоги Австрии, время от времени вверяли в их руки важные должности. Те евреи, которые имели доступ ко дворам князей, всегда старались освободиться от еврейского налога и получить привилегии от своих покровителей. Однако, поскольку в немецких конгрегациях существовал обычай распределять налог между всеми членами общины пропорционально их средствам, случалось, что если более богатые и влиятельные люди получали освобождение от него, то более бедные члены оказывались в большом затруднении, и, соответственно, на это подавались жалобы раввинским властям того времени. Синод раввинов, собравшийся в Майнце (Таммуз—июль 1223 г.), обсудил этот вопрос с целью его корректировки. В этом синоде, насчитывавшем более двадцати членов, были самые влиятельные раввины Германии: Давид бен Калонимос из Мюнценбурга (в Гессен-Дармштадте), известный тоссафист; Барух бен Самуил из Майнца, автор талмудического сочинения; Чиския бен Рубен из Боппарда, мужественный защитник своих преследуемых единоверцев; Симха бен Самуил из Шпейера, также талмудический автор; Элеазар бен Джоэл Халеви, прозванный Аби-Эзри, из его талмудических трудов; наконец, немецкий каббалист Элеазар бен Иегуда из Вормса, названный Рокичем плодовитым автором, который своим мистицизмом помог затемнить свет мысли в иудаизме.

Этот раввинский синод Майнца обновил многие постановления времен Раббену Тамаму и учредил другие помимо них. Его решения отражают положение немецких евреев в начале XIII

века. Синод постановил, что евреи ни в коем случае не должны подвергаться обвинению в бесчестных отношениях с христианами или в подделке монет. Информатор должен был быть вынужден возместить ущерб, который он причинил своей информацией. Те, кто имел свободный доступ к королю (императору), тем не менее были обязаны нести общинное бремя по взиманию налога. Тот, кто получал религиозную должность через христианские власти, подвергался наказанию в виде отлучения от церкви. В синагогах должны были преобладать благочестие и приличия. Шурин должен был завершить освобождение своей овдовевшей невестки от ее левиратного брака без вымогательства денег и без обмана, и он не должен был держать ее в напряжении. Тот, кто не подчинился бы постановлениям синода или не подчинился приговору об отлучении от церкви, должен был быть передан светской власти. Рассмотрение спорных дел было оставлено на усмотрение раввината и конгрегаций Майнца, Вормса и Шпайера, как старейших еврейских общин Германии.

Несмотря на многочисленные усилия культурных евреев предотвратить позор ношения этого знака, папская нетерпимость постепенно взяла верх, и с тех пор эдикт Латеранского собора 1215 года имел силу. Даже император Фридрих II, самый умный и просвещенный правитель, который когда-либо был в Германии, чья ортодоксальность была более чем сомнительной, в конце концов был вынужден подчиниться воле папства и законодательно ввести значок еврея в своих наследственных провинциях Неаполе и Сицилии.

В южной Франции, где вследствие войны с альбигойцами дух преследований среди духовенства усилился, пожалуй, сильнее, чем в других христианских странах, эдикты Иннокентия III, направленные на унижение евреев, нашли слишком ревностных сторонников. На соборе в Нарбонне (1227) были не только подтверждены канонические постановления против них, запрещение брать проценты, ношение еврейского значка, уплата налога Церкви, но даже против них были возобновлены давно забытые указы древних времен королей Меровингов. Евреям не разрешалось появляться на улицах на Пасху, и им было запрещено покидать свои дома во время праздника.

В следующем году альбигойская война подошла к концу, и начались ужасы слепой, мстительной, кровожадной реакции. Монахи-проповедники, ученики Доминго, прославляли христианство через муки дыбы и костра. Всякий, у кого была Библия на романском (провансальском) языке, навлекал на себя обвинение в ереси при дворе доминиканцев, которые имели исключительное право на кровожадные преследования. Их союзники, францисканцы или минорииты, энергично поддерживали их. Прошло незадолго до того, как эти ангелы-разрушители в монашеских рясах вцепились в сыновей Иакова.

Одновременно на сцене истории появились четыре человека, которые были насквозь пропитаны духом христианства, и особенно его деспотичной, непривлекательной, бесчеловечной формой, и они превратили жизнь евреев во многих странах в немыслимую пытку. Первым был папа Григорий IX, страстный старик, смертельный враг императора Фридриха II, единственной целью которого было расширение власти Церкви и уничтожение его противников, которые бросили факел раздора в Германскую империю и уничтожили ее единство и величие. Вторым был король Франции Людовик IX, получивший имя "Святой" из-за простоты своего сердца и узости ума; он был самым податливым орудием в руках хитрых монахов, почитателем реликвий, который был сильно склонен надевать монашеский капюшон и охотнее всего помогал в преследовании еретиков, и который ненавидел евреев так сильно,

что не хотел смотреть на них. Похожим на него был его современник Фердинанд III Кастильский, который также унаследовал корону Леона и также был признан Церковью святым, потому что собственноручно сжигал еретиков. Наконец, генерал-доминиканец Раймонд де Пеньяфорте (Peñaforte), самый яростный угнетатель еретиков, который приложил все свои усилия, чтобы обратить евреев и магометан в христианство. В этом духе он оказал свое влияние на королей Арагона и Кастилии и распорядился о создании семинарий, где преподавалось на иврите и арабском, чтобы эти языки могли использоваться для обращения евреев и сарацин. Эти тиранические, безжалостные враги, вооруженные всеми средствами, были обрушены на евреев. Григорий IX увещевал епископа Валенсии (1229) сокрушить высокомерие евреев по отношению к христианам, как будто Церковь находилась в величайшей опасности. Следовательно, при Джейме I Арагонском положение евреев Арагона и принадлежащих к нему провинций приняло дурной оборот. Подстегиваемый клерикальным фанатизмом и жадностью к золоту, этот царь объявил евреев своими клиентами, *то есть* в некотором роде своими "слугами камеры".

Повсюду враждебный дух, который сначала исходил от Иннокентия и был распространен доминиканцами, принимал форму суровых законов против евреев. На двух церковных собраниях, в Руане и Туре (1231), были вновь введены в действие враждебные декреты Латеранского собора против евреев, и на последнем заседании было добавлено еще одно ограничение: евреи не должны были допускаться в качестве свидетелей против христиан, потому что из показаний евреев могло возникнуть много зла.

Узколобость Церкви по отношению к евреям ощущалась из-за возросшей власти папства после Иннокентия даже евреями, живущими на берегах Нижнего Дуная и Тайссы. В Венгрии они поселились очень рано, иммигрировав туда из Византийской и Хазарской империй. Поскольку среди господствовавших мадьяр было много язычников и магометан, королям приходилось проявлять к ним большую терпимость; кроме того, христианство мадьяр было лишь поверхностным и еще не повлияло на их чувства и образ мыслей. Следовательно, евреи Венгрии с незапамятных времен имели право чеканки монет и находились в дружеских отношениях со своими немецкими братьями. До тринадцатого века евреи, так же как и магометане, были фермерами соляных копей и собирали налоги, а также занимали различные королевские должности. Смешанные браки между евреями и христианами также часто заключались, поскольку Церковь еще не утвердилась в стране. Церковь не могла мириться с тем, что евреи пользуются своим достоинством в стране, лишь наполовину христианской: это было бельмом на глазу. Соответственно, когда король Андреас, поссорившийся с магнатами страны и вынужденный издать хартию свободы, обратился за помощью к папе Григорию IX, последний в письме Роберту, архиепископу Грана, приказал ему заставить короля лишить как евреев, так и магометан их государственных должностей. Андреас сначала подчинился папской воле, но не стал ревностно выполнять приказы папы, потому что не мог обойтись без своих еврейских чиновников и фермеров. По этому поводу и по другим поводам для жалоб архиепископ Гран по приказу папы римского вынес приговор об отлучении короля и его сторонников от церкви (начало 1232 года). Различными решительными мерами Андреас был, наконец, вынужден подчиниться и, подобно Раймунду Тулузскому, торжественно пообещать (1232), что он не допустит евреев или сарацин на должности, не допустит, чтобы какие-либо рабы-христиане оставались в их владении, не допустит смешанных браков и, наконец, что он заставит их носить значок. Таковую же клятву по приказу папского легата должны были принести наследный принц, король Славонии и все магнаты и сановники королевства.

ГЛАВА XVI.

ПОЛЕМИКА МАЙМУНИСТОВ И ВОЗНИКНОВЕНИЕ КАББАЛЫ.

Оппозиция против Маймуни—Маймунисты и антимаймунисты—Меир Абулафия—Самсон из Сенса—Соломон из Монпелье—Отлучение маймунистов—Энергичная защита Маймуни Дэвидом Кимчи—Нахмани—Его характер и деятельность—Его отношения к Маймуни, Ибн—Эзре и Каббале—Соломон из Монпелье призывает на помощь доминиканцев—Моисей из Куси—Современная дата Каббалы—Азриэль и Эзра—Доктрины Каббала—Якоб бен Шешет Герунди—Бахир—Три стороны в иудаизме—Последний проблеск неоеврейской поэзии—Сатирический роман: Аль-Хариси и Джозеф бен Сабара.

1232-1236 гг. н. э.

Поскольку несчастья никогда не приходят сами по себе, а тянут за собой других, поэтому помимо оскорблений и унижений, от которых евреи страдали извне, теперь в их рядах возникло тревожное разобщение. Достаточно примечательно, что эта междоусобная война была связана с Маймуни, целью которого на протяжении всей его жизни было достижение единства и окончательной завершенности в иудаизме. Но, взявшись философски объяснить интеллектуальную сторону иудаизма, он установил принципы, которые никоим образом не несли на себе еврейской печати и не были созвучны Библии, а тем более Талмуду. Те ученые, чье обучение было полностью ограничено Талмудом, игнорировали философские дискуссии об иудаизме, считали греховным заниматься другими отраслями знания, даже когда они применялись для служения иудаизму, и придерживались своей позиции, правильной или неправильной, в соответствии с талмудическим изречением: "Удерживай своих детей от чрезмерных размышлений". Даже интеллигентные люди, получившие философское образование, признавали, что Маймуни в своем стремлении примирить религию с философией того времени подчинил первую последней, а владычицу разума превратил в рабыню. Догматы веры и стихи из Священных Писаний, которые не допускают философского обоснования, не имеют никакой ценности в соответствии с системой Маймуни. Чудеса не были неизбежны в философии Маймуни; но были предприняты попытки свести их, насколько это возможно, к естественным причинам и рационалистически интерпретировать библейские стихи, которые их содержат. Пророчества и прямое общение с Божеством, как этому учит Библия, Маймуни отказывался принимать, но объяснял их как субъективные явления, как следствие разгоряченного воображения или как феномены, приснившиеся во сне. Его учение о бессмертии находилось в не меньшем противоречии с верой талмудического иудаизма. Она отрицает существование рая и ада и представляет очищенную душу как сливающуюся с изначальным духом. Его метод объяснения многих церемониальных законов особенно вызывал противоречия, потому что, если бы он был принят, эти законы потеряли бы свою постоянную ценность и имели бы лишь временное значение. И манера, в которой Маймуни высказывался об Агаде, составной части Талмуда, — которую он либо объяснял, либо отвергал, — была в глазах не только строгих талмудистов, но и более образованных людей еретической атакой на иудаизм, которую они считали своим долгом энергично отразить. Таким образом, помимо восторженных почитателей Маймуни, которые религиозно приняли его учение как новое

откровение, была сформирована партия, которая критиковала его труды и, в частности, боролась с "Руководством для сбитых с толку" (Море) и первой частью его Кодекса (Мадда). Раввины и представители еврейских общин Европы и Азии, следовательно, разделились на маймунистов и противников Маймунизма (анти-маймунисты). Те из последних, кто был его современниками, все еще пребывавшими под сильным впечатлением, произведенным индивидуальностью и деятельностью Маймуни, полностью признавали его гений и благочестие и порицали или критиковали только его взгляды и труды, которые их содержали.

Противодействие его философским доктринам началось еще при жизни Маймуни, но оно оставалось тихим и робким, неспособным противостоять энтузиазму его поклонников. Молодой, интеллектуальный и образованный человек, Меир бен Тодрос Халеви Абулафия из Толедо (родился около 1180 г., умер в 1244 г.), в ранний период выразил свои религиозные возражения против теории Маймуни в письме к "мудрецам Люнеля", которое предназначалось для публикации. Доктрина Маймуни о бессмертии является центральным пунктом атаки Абулафии. Однако это письмо произвело на него мало впечатления, поскольку, хотя Меир Абулафия происходил из весьма уважаемой семьи и пользовался значительным авторитетом, его враждебное отношение к науке и склонность к закостенелому иудаизму изолировали его даже в его собственном кругу. Помимо этого, он был наделен чрезмерным высокомерием - качеством, не рассчитанным на то, чтобы завоевывать сторонников и организовывать вечеринки. Вместо того чтобы найти сторонников, Меир столкнулся с резким отпором со стороны ученого Аарона бен Мешуллама из Люнеля, который был магистром наук и Талмуда и горячим приверженцем Маймуни. Он обвинил его в самонадеянности, осмелившейся, хотя и незрелой по годам и мудрости, высказать мнение о величайшем человеке своего времени. Талмудисты северной Франции, возглавляемые Самсоном из Санса, для которого каждая буква Талмуда была воплощением высших истин и который не одобрял никаких новых толкований, полностью согласились с инквизитором Меиром Абулафией. В свое время на Меира смотрели как на главу мракобесов. Престарелый Шешет Бенвенисте из Барселоны, всегда горячий друг свободных исследований, сочинил на него саркастическую эпиграмму:

"Вы спрашиваете меня, друзья, почему имя этого человека, видящего, что он ходит во тьме, должно быть Меир.⁴
Я отвечаю, мудрецы называли ночь "светом",
Это тоже пример правила противоположностей".

Другой поэт направил стрелы своего остроумия против Абулафии, но их острота непереводаима. Маймунисты, как правило, значительно превосходили своих противников в знаниях и красноречии, и они могли выставить врагов света на посмеище.

Враждебность против Маймуни проявилась и на Востоке, но не так сильно. Ученый талмудист Даниэль бен Саадия, ученик Самуэля бен Али, который так злобно вел себя против мудреца из Фостата, поселился в Дамаске и, воодушевленный духом своего учителя против маймунистической тенденции, считал своим долгом продолжать делать ее мишенью своей враждебности. Даниил, во-первых, поставил под сомнение талмудические решения Маймуни, чтобы ослабить позицию, на которой зиждилось его главенствующее влияние, поскольку именно благодаря признанному раввинскому авторитету Маймуни его философские, или, по

мнению его противников, еретические, доктрины нашли такое опасное и всеобщее признание. Даниил, однако, счел целесообразным сохранять по отношению к нему уважительный тон; он даже отправил свою полемику Аврааму Маймуни на экспертизу. Впоследствии Даниил в своем экзегетическом труде позволил себе завуалированные нападки на ортодоксальность Маймуни и, что довольно любопытно, упрекнул его в неверии в существование злых духов. Его главный аргумент, однако, не был строго связан с существованием или несуществованием демонов, но стремился продемонстрировать, что Маймуни был еретиком, потому что он отказался безоговорочно признавать правильными высказывания, которые встречаются в Талмуде. Поклонники Маймуни, однако, были сильно возмущены этими нападками Даниэля, и Джозеф Ибн-Акнин, любимый ученик Маймуни, убедил Авраама Маймуни вынести приговор об отлучении Даниэля бен Саадии от церкви. Однако Авраам, унаследовавший бескорыстие и любовь к справедливости своего отца, и слышать об этом не хотел. Он высказался по этому поводу с заслуживающей уважения беспристрастностью, сказав, что не считает правильным отлучать Даниила, которого он считал религиозным человеком чистой веры, который допустил ошибку только в одном пункте; более того, поскольку он был стороной в этом споре, он не чувствовал себя уполномоченным отлучать оппонента в вопросе, который был в какой-то степени личным. Поклонники Маймуни, и особенно Джозеф Ибн-Акнин, однако, не были склонны придерживаться той же точки зрения. Они пытались убедить эскиларха Давида Мосульского исключить из общины безупречного и уважаемого ученого из Дамаска до тех пор, пока он смиренно не откажется от своих обвинений в адрес Маймуни. Даниил был отлучен от церкви и умер от горя, а вся оппозиция Маймуни на Востоке надолго замолчала. Азиатские евреи все еще были настолько очарованы его именем, что не могли думать о нем как о еретике. Они также не были достаточно образованны, чтобы осознать диапазон идей Маймуни и их несовместимость с духом Талмуда. Возможно также, что его поклонник Джонатан Коэн, эмигрировавший в Палестину, привлек на свою сторону благочестивых и разгромил враждебную ему партию Самсона из Сены.

Совсем иным было положение дел в Европе, особенно на юге Франции и в Испании. Здесь теории Маймуни пустили корни и овладели умами ученых и большинства влиятельных лидеров конгрегаций; отныне они рассматривали Библию и Талмуд только в маймунистическом свете. Благочестивые евреи Испании и Прованса пытались примирить противоречия между талмудическим иудаизмом и системой Маймуни с помощью метода толкования. Менее религиозные использовали его систему как поддержку своей вялости при исполнении своих религиозных обязанностей; они более свободно выражались о Библии и Талмуде, практически пренебрегали многими заповедями и были склонны к реорганизации иудаизма на рационалистической основе. Среди евреев южной Испании эта тепловатость по отношению к Закону зашла так далеко, что многие заключали браки с христианками и мусульманками. Чрезмерно набожный человек, вся жизнь которого была поглощена Талмудом, ошибочно принимая причину за следствие, рассматривал эти печальные события как ядовитый плод философского семени и предсказывал упадок иудаизма, если теории Маймуни получат господство. Тем не менее прошло немало времени, прежде чем кто-либо отважился выступить против них решительным образом. Раввины северной Франции, придерживавшиеся того же образа мышления, что и Самсон из Санса, мало знали о философских трудах Маймуни и их последствиях, в то время как раввины южной Франции и Испании, которые полностью руководствовались Талмудом, возможно, считали опасным и бесполезным пытаться остановить непреодолимый поток свободомыслия.

Поэтому было сочтено самым смелым шагом, когда раввин школы, которая следовала Талмуду с беспрекословной верой, открыто и безрассудно объявил войну маймунистам. Это был Соломон бен Абрахам из Монпелье, благочестивый, благородный человек, сведущий в Талмуде, но с извращенными представлениями, весь мир которого был Талмудом, за пределами которого ничто не заслуживало доверия. Не только юридические решения Талмуда были приняты им как неопровержимые истины, но и части Агады в их неприкрытой буквальности. Он и его друзья представляли себе Божество, наделенное глазами, ушами и другими человеческими органами, восседающее на небесах на троне, окруженное тьмой и облаками. Рай и Ад они рисовали в цветах Агады; праведники должны были наслаждаться в райском саду Эдема мясом Левиафана и старым вином, хранившимся с начала мира в небесных сосудах, а безбожники, еретики и нарушители Закона должны были подвергаться бичеванию, пыткам и сожжению в адском огне Геенны. Раввины этой школы верили в существование злых духов; в некотором смысле это было для них символом веры, поскольку Талмудическая Агада признает их существование.

Приняв столь грубую и антропоморфную теорию, Соломон из Монпелье не мог не найти почти каждое слово в сочинениях Маймуни нееврейским и еретическим. Он чувствовал, что обязан дать ответ; он видел в терпимости к взглядам маймунистов распад иудаизма и вступил в бой против их выразителей и защитников. Но каким оружием? Средние века не знали более эффективного инструмента, чем отлучение от церкви для уничтожения идей, которые казались пагубными. Он пытался заставить людей, которые на голову возвышались над своими современниками и придерживались мнений о религии, отличных от взглядов легкомысленной толпы, замкнуться в себе или отречься от своих идей как от порочных заблуждений, отрезав их от всякого общения со своими единоверцами. Примерно в то же время папа Григорий приказал Парижскому университету, стороннику свободного философского духа до возвышения доминиканцев и францисканцев, строго придерживаться в своей учебной программе канона Латеранского собора и под угрозой отлучения от церкви избегать использования тех философских трудов, которые были им запрещены. Этот прецедент, вместе с его фанатичной, страстной натурой, возможно, побудил Соломона Монпелье ввести цензуру мысли в еврейском мире и сокрушить маймунистическую ересь отлучением от церкви. Но выступить в одиночку против маймунистов, которых было много и которые управляли общественным мнением, могло лишь погубить его дело. Соломон искал союзников, но не смог найти ни одного раввина на юге Франции, который был бы готов принять участие в разоблачении маймунистической школы. Только двое из его учеников пришли ему на помощь — Иона бен Абрахам Герунди (старший) из Хероны, слепой фанатик, как и его учитель, и Давид бен Саул. Эти трое объявили запрет (начало 1232 года) против всех тех, кто читал сочинения Маймуни, особенно философские части (Море и Мадда), против тех, кто изучал что-либо, кроме Библии и Талмуда, против тех, кто искажал простой буквальный смысл Священного Писания или, в целом, толковал Агаду иначе, чем Раши. Соломон и его союзники объяснили причины своего приговора об отлучении от церкви в письме к общественности и особо подчеркнули тот факт, что аргументация Маймуни подрывает талмудический иудаизм. Они, не колеблясь, даже поносили почитаемого мудреца: возможно, это правда, говорили они, что когда-то он жил строго в соответствии с Талмудом, однако известны случаи, когда еще более великие люди на старости лет становились отступниками от Закона. Сначала Соломон подумал о том, чтобы призвать светскую власть христианских властей помочь ему в подавлении свободной мысли. Однако в настоящее время он искал сторонников среди раввинов северной Франции. Они, принадлежащие к острой, но односторонней школе тоссафистов и поседевшие в Талмуде, ни на мгновение не осознали

необходимости установления иудаизма на рациональной и научной основе, и почти все они приняли мнение Соломона и встали на сторону маймунистов.

Приговор об отлучении от церкви, запрет науки и диффамация Маймуни вызвали бурное негодование его поклонников. Это казалось им неслыханной дерзостью, несравненной наглостью. Три главные конгрегации Прованса, Люнель, Безье и Нарбонна, в которых у власти были маймунисты, восстали против этой самонадеянности мракобесов и, со своей стороны, отлучили Соломона и двух его учеников от церкви и поспешили призвать другие конгрегации Прованса объединиться для спасения чести великого Моисея. В Монпелье община разделилась на две партии; в то время как невежественная толпа оставалась при своем раввине, ученые отказались от своей верности, и жестокие стычки между ними были нередки. Пламя раздора вспыхнуло и распространилось по конгрегациям Прованса, Каталонии, Арагона и Кастилии. Состязание велось обеими сторонами с большой страстью и не совсем честным оружием. Простая вера и философское восприятие религии, которые до тех пор поддерживали дружеские отношения, теперь столкнулись в конфликте, который грозил привести к полному разрыву и расколу. Хуже всего было то, что обе стороны были оправданы, каждая со своей точки зрения; обе могли апеллировать к старым и уважаемым авторитетам, некоторые из которых утверждали, что в Библию и Талмуд нужно верить без исследований и натянутого толкования, в то время как другие считали, что разум также имеет право голоса в религиозных вопросах.

В этой страстной ссоре приняли участие двое мужчин, чьи имена прославлены в еврейской литературе: Давид Кимчи и Нахмани. Первый, уже пожилой человек, находившийся в зените своей славы грамматика и толкователя Библии, был восторженным поклонником Маймуни и другом свободного исследования. Следовательно, он был объектом подозрения мракобесов, и раввины северной Франции, по-видимому, отлучили его от церкви, потому что он объяснил видение Иезекииля относительно божьего трона-колесницы в маймунистическом смысле, *то есть* философски, и потому что он утверждал, что талмудические споры не будут иметь значения в мессиянский период, или, другими словами, что Талмуд не имеет права выдвигать претензии на вечную власть. Соответственно, Кимчи еще быстрее взялся за дубинки Маймуни, поскольку в то же время ему приходилось защищать свое собственное дело. Каким бы старым и слабым он ни был, он, тем не менее, без колебаний предпринял путешествие в Испанию, чтобы лично привлечь конгрегации этой страны на сторону провансальцев против Соломона Монпелье.

Другим человеком, имевшим большое влияние в этой борьбе, был Моисей бен Нахман, или Нахмани (Рамбан) Герунди, согражданин и родственник Ионы Герунди (родился около 1195 года, умер около 1270 года). Нахмани, или, как его называли на языке страны, Бонаструк де Порто, был человеком резко очерченной индивидуальности, со всей силой и слабостью такого характера. Обладая чистым нравственным темпераментом и добросовестным благочестием, мягким нравом и острым пониманием, он был полностью подчинен вере в авторитет. "Мудрость мудрецов" казалась ему непревзойденной, а их ясные высказывания не подлежали ни сомнению, ни критике. "Тот, кто занимается учением мудрецов, пьет старое вино", - был твердо убежден Нахмани. Вся мудрость последующих поколений, по его мнению, состояла исключительно в том, чтобы постичь значение своих великих предков, приобрести знания о них и извлечь из них прецеденты. Не только Священное Писание во всем его объеме и Талмуд во всем его диапазоне, но даже геонимы и их непосредственные ученики до Альфасси были для него непогрешимыми авторитетами, и их поведение достойно подражания. В рамках этого

компас у него были разумные представления, правильные суждения и ясный ум, но за его пределами он не мог двигаться дальше и не мог начать с исходной позиции. Нахмани был врачом и, следовательно, немного изучал естественные науки; он был сведущ в других областях и знаком с философской литературой. Но метафизические рассуждения, к которым он не хотел или не мог прибегнуть сам, оставались для него странными. Талмуд был для него всем во всем; в его свете он рассматривал мир, события прошлого и формирование будущего. В юности изучение Талмуда и защита подвергшихся нападкам властей были любимыми занятиями Нахмани. Примерно на пятнадцатом году жизни (1210) он разработал несколько талмудических трактатов, следуя стилю и методу Альфасси.

В этих работах он демонстрирует настолько поразительную близость с Талмудом, что никто не признал бы в них произведения юноши. Они несут на себе печать полной зрелости, демонстрируют владение предметом и проявляют глубокую проницательность. Не менее великолепной в своем роде была вторая работа его юности, в которой он пытался оправдать талмудические решения Альфасси по вопросам гражданского законодательства и брачного законодательства против нападков Серачы Халеви Герунди.

Нахмани уже прокомментировал несколько талмудических трактатов, и он неутомимо продолжал этот труд, пока не снабдил большую часть Талмуда пояснениями (Чидушим). Каким бы важным ни был вклад Нахмани в эту провинцию, он ни в коем случае не является оригиналом. Талмуд был слишком тщательно исследован на протяжении веков, прошедших со времен Раши и Альфасси, чтобы Нахмани или кто-либо другой мог установить что-либо абсолютно новое. Маймуни ясно видел, с проницательностью разностороннего ума, что, наконец, пришло время дополнить отчеты комментариями к Талмуду, заявить "за" или "против" и довести все до конца. Нахмани не обратил внимания на этот результат; гигантский религиозный кодекс Маймуни для него не существовал.

Если он не сочувствовал Маймуни в его трактовке Талмуда, то еще меньше соглашался с ним в его философских взглядах на религию. Маймуни исходил из философской основы и повсюду применял разум как критерий иудаизма. Нахмани, с другой стороны, как и Иегуда Халеви, исходил из фактов иудаизма, включая даже повествования Талмуда. Для Маймуни библейские чудеса были неудобными фактами, и он старался, насколько это было возможно, свести их к естественным причинам; талмудические рассказы о чудесах он отказывался рассматривать. С другой стороны, для Нахмани вера в чудеса была основой иудаизма, на которой покоились три его столпа: сотворение мира из ничего, всеведение Бога и божественное провидение. Но, хотя Нахмани избегал философии, он, тем не менее, выдвинул новые идеи, которые, хотя и не были продемонстрированы логическими формулами, заслуживают признания. Этическая философия Маймуни стремилась возвысить человека над случайностями жизни, напоминая ему о его высшем происхождении и его будущем блаженстве и вооружая его невозмутимостью, чтобы сделать его нечувствительным к удовольствию и боли. Нахмани, со своей талмудической точки зрения, решительно боролся с этим философским или стоическим безразличием и апатией и противопоставлял им доктрину иудаизма, согласно которой "человек должен радоваться в день радости и плакать в день печали". Маймуни вместе с философами полагал, что чувственные инстинкты позорят человека, предназначенного для духовной жизни. Нахмани был ярким противником этой точки зрения. Поскольку Бог, который совершенен, сотворил мир, все в нем должно быть хорошо таким, как оно есть, и ничто в нем не должно рассматриваться как внутренне предосудительное и ненавистное.

Нахмани, который исходил из совершенно иных принципов, следовательно, имел очень мало точек соприкосновения с Маймуни. Если бы они были современниками, их, возможно, привлекла бы друг к другу эта самая непохожесть. Если иудаизм был для Маймуни культом интеллекта, то для Нахмани это была религия чувств. Согласно первому, в иудаизме не было секрета, который нельзя было бы раскрыть мысли; согласно второму, мистическое и непознанное были самыми святыми элементами иудаизма и не должны были быть осквернены рефлексией. Различие в их методе хорошо иллюстрируется их взглядами на веру в демонов. Согласно Маймуни, приписывать силу злым духам - это не только суеверие, но даже язычество. Нахмани, с другой стороны, был твердо привержен этой теории и отводил демонам значительное место в своей системе мироощущения. Хотя он время от времени выражал свое неодобрение взглядам Маймуни, оказывая ему в то же время величайшее уважение, он испытывал решительную антипатию к Ибн-Эзре. Этот экзегетист, с его скептической улыбкой, едким остроумием и презрением к тайнам, был рассчитан на то, чтобы оттолкнуть Нахмани. В своих нападках на Ибн-Эзру Нахмани не смог сохранить спокойствие своего характера, но использовал против него жестокие выражения, считая его сторонником неверия. Но хотя Нахмани вел войну против философии своего времени, как разрушительной для богооткровенного иудаизма, и осуждал Аристотеля как учителя заблуждений, он, тем не менее, с неодобрением относился к слепой вере и исключению любой рационалистической концепции в религиозных вопросах. В этом пункте он расходился с учением раввинов северной Франции, чьей строго талмудической тенденции он в остальном следовал. Он был слишком большим сыном Испании, в какой-то степени окутанным атмосферой философии, чтобы быть способным с презрением отмахнуться от метафизических исследований. Его ясный ум и испанское образование не позволили бы Нахмани ни следовать примеру раввинов северной Франции, ни принимать Агады в их буквальном смысле, со всеми их антропоморфными и оскорбительными высказываниями. Но в этот момент он оказался вовлеченным в внутреннее противоречие. Он не мог отвергнуть агадические утверждения *in toto*, поскольку в нем слишком сильно доминировали вера в авторитет и уважение к Талмуду. Если, когда его принуждала необходимость, он то тут, то там признавал, что многие агадические высказывания следует рассматривать лишь как риторические метафоры, как гомилетический материал, и что верить в них не является религиозной обязанностью, то не следует предполагать, что он был полностью серьезен. Но, если в Агаду нельзя верить буквально, ее следует интерпретировать. Это, однако, было сделано для того, чтобы пойти на уступки школе маймунизма. Соответственно, из этой дилеммы не было выхода, кроме как признать, что Агада должна быть объяснена, но отрицать, что способ объяснения Маймуни был правильным. На помощь ему пришла Каббала, новое тайное учение, претендовавшее на звание примитивной божественной традиции, и это облегчило его смущение из-за несносных Агадас. С помощью этой мистической теории то, что, с точки зрения буквалистов, кажется богохульным, бессмысленным и ребяческим, было наделено глубоким, таинственным и трансцендентальным смыслом. Нахмани даже не побоялся оправдать порочное представление о том, что весь текст Торы - это просто материал, состоящий из букв, из которых могут быть составлены мистические имена Бога.

В то время, когда был вынесен приговор об отлучении от церкви философских трудов Маймуни, Нахмани не было еще и сорока лет, но уже тогда он имел такое значение, что даже надменный Меир Абулафия отдал ему дань своего уважения. Следовательно, он мог, как раввин конгрегации Героны, поддержать либо ту, либо другую сторону. Он принял решение в пользу своего друга Соломона и племянника Ионы. Как только он узнал, что первый был отлучен от

церкви конгрегациями Прованса, он поспешил, не дожидаясь, пока его должным образом проинформируют обо всем случившемся, разослать послание общинам Арагона, Наварры и Кастилии, в котором, по существу, говорилось, что они не должны поддаваться влиянию "лицемерных, лживых" маймунистов; но что им следует подождать, пока противоположная сторона выскажет свое мнение. Нахмани действительно сожалел в этом письме о том, что единство иудаизма, которое с незапамятных времен поддерживалось во всех странах рассеяния, из-за этого противоречия оказалось под угрозой разрушения, и он рекомендовал по этому поводу благоразумие и спокойное обдумывание. Сам он, однако, не придерживался такого беспристрастного отношения, а больше склонялся на сторону партии, враждебной науке. "Если французские мастера, у ног которых мы сидим, заслоняют солнечный свет в полдень и закрывают луну, им нельзя противоречить"; так он выражается в самом начале.

Но большинство конгрегаций Испании отказались быть уведенными во тьму. Главная конгрегация Арагона со своим лидером, ординарным врачом и любимцем короля Джейма, Бахиэлем Ибн-Альконстантини, решительно выступила в пользу Маймуни и наложила запрет на Соломона и двух его союзников до тех пор, пока они продолжали вести себя порочно. Бахиэль, его брат Соломон и десять других влиятельных людей и лидеров написали письмо (ав—август 1232 г.) конгрегациям Арагона, призывая их присоединиться к их партии и отречься от тех людей, "которые осмелились выступить против той великой силы, которая спасла нас от наводнения невежества, ошибок и безумия". Маймунисты в Сарагосе указывали, что противники науки противопоставили себя Талмуду. "Наши мудрецы учат нас, что мы должны философски объяснить самим себе единство Бога. Мы должны быть знакомы с мирскими науками, чтобы знать, как отвечать врагам религии. Астрономия, геометрия и другие отрасли науки, которые так важны для религии, не могут быть изучены на основе Талмуда. Великий знаток Талмуда Самуил сказал о себе, "что он знал расположение звезд так же хорошо, как улицы своей родины". Из этих замечаний очевидно, что приобретение общих знаний считалось религиозным долгом. И теперь появляются трое растлителей и вводящих людей в заблуждение, которые пятнают репутацию великого Маймуни, хотят увести общины во тьму и запретить чтение его философских трудов и изучение науки в целом". Бахиэль Ибн-Альконстантини, как самый влиятельный человек в Арагоне, в письме призвал прихожан решительно выступить против тех, кто не верит в Бога и его слугу Моисея (Маймуни). В результате этого действия четыре великие конгрегации Арагона — Уэска, Монсон, Калатаюд и Лерида — согласились с конгрегацией Сарагосы вынести приговор об отлучении от церкви Соломона и двух его сторонников. Однако взоры маймунистов и их противников были обращены к конгрегации Толедо, которая была самой большой, богатой, важной и образованной в Испании. Его решение смогло склонить чашу весов либо в пользу одной, либо другой стороны. Здесь наибольшим авторитетом обладал Иегуда бар Джозеф из очень влиятельной семьи Ибн-Альфачара, который, вероятно, был ординарным врачом короля Фердинанда III. До сих пор он не высказывал своего мнения ни за, ни против Маймуни, но соблюдал благоразумное молчание. Но ревностный раввин Толедо Меир Абулафия Халеви, старый противник маймунистического течения, громко повысил голос. На письма Нахмани и конгрегации Героны он ответил, что они могут успокоиться, что ни он, ни его друзья не последуют за "законопослушниками Прованса", что в конгрегации Толедо, безусловно, много тех, кто без ума от Маймуни и его философских трудов, что он не может изменить их мнения, но если они выступают против Соломона из Монпелье, он полностью отвергнет их и не признает никакого сообщества с ними. Ибо он считал поступок Соломона достойным похвалы. Он сам давно осознал опасный характер доктрин, изложенных в

"Руководстве для сбитых с толку" Маймуни; они, безусловно, укрепляют почву религии, но разрушают ее ответвления; они заделывают прорехи в здании, но сносят ограждения.

"Превознесение имени Божьего у них на устах, но также яд и смерть таятся у них на языках". Он всегда держался подальше от этой бездонной ереси и более тридцати лет назад отправил письмо общине Люнель, чтобы противодействовать энтузиазму Маймуни, но его усилия оказались бесплодными.

Помимо этого вооруженного конфликта двух сторон, сопровождавшегося взаимными обвинениями в ереси и громами отлучения от церкви, имела место легкая перепалка с саркастическими стихами. Противник "Руководства" Маймуни и его приверженцев выступил со следующей сатирой:

"Ты ведешь к сомнению, молчи вовеки;
Твое греховное безумие останется неслышанным,
Это превращает библейский факт в метафору,
И низводит слово пророка до сновидения".

На что маймунист возразил:

"Ты, глупый профан, молчи! Никогда больше
не осмеливайся стоять в сандалиях на святой земле;
Что ты знаешь о факте или метафоре?
Ни сон, ни пророк не могут постичь тебя".

Другая эпиграмма осуждает самого Маймуни:

"Прости нас, сын Амрама, не гневайся,
Что мы называем этого глупца твоим великим именем;
Пророком Библия называет Божьих посланников,
Слуг ложного Ваала она называет так же".

Маймунисты, однако, были гораздо энергичнее своих противников; они приложили все усилия, чтобы оттолкнуть французских раввинов от Соломона и привлечь на свою сторону главную конгрегацию Испании. Молодой ученый Самуэль бен Абрахам Сапорта обратился с письмом к французским раввинам и попытался убедить их, что в своем стремлении поддержать Соломона они предприняли опрометчивый шаг, осудив Маймуни и последователей его взглядов как еретиков. "Прежде чем выносить им приговор, вам следовало бы должным образом изучить содержание его сочинений; но, похоже, вы ничего не знаете о сочинениях, которые вы осудили. Ваше дело - это Галаха, определять, какие действия запрещены или разрешены религией. Почему вы выходите за пределы своей провинции, чтобы выражать мнение по вопросам, о которых вы вообще ничего не знаете? В своем поклонении букве, подобно язычникам, вы представляете Божество в человеческом обличье. Какое право вы имеете называть еретиками нас, которые так же твердо, как вы, придерживаются Торы и традиции?" Письмо Сапорты, в дополнение к другим фактам, произвело настолько глубокое впечатление на некоторых

французских раввинов, что они отреклись от Соломона. Вскоре они уведомили провансальские конгрегации о перемене своего мнения. Это изменение было, несомненно, в значительной степени заслугой Моисея из Куси (родился около 1200 г., умер около 1260 г.), одного из самых молодых тоссафистов, который, хотя и был шурином Самсона из Санса и учеником чрезмерно набожного сэра Леона из Парижа, тем не менее питал большое почтение к Маймуни и сделал его галахические труды предметом изучения. Нахмани был крайне раздосадован такой переменной мнения и, крайне огорченный расширением разрыва, разработал план примирения, который, как ему казалось, был рассчитан на восстановление мира. Он написал французским раввинам благонамеренное, но напыщенное письмо, в котором прежде всего выразил свое недовольство тем, что они подверг запрету читателей сочинений Маймуни: "Если вы считали, что на вас лежала обязанность осудить труды Маймуни как ересь, почему часть вашей паствы теперь отступает от этого решения, как будто они сожалеют о сделанном шаге? Правильно ли в таких важных делах капризничать, аплодировать одному сегодня, а другому завтра?"

Наконец, Нахмани объяснил свой план компромисса. Запрет на философскую часть Кодекса Маймуни должен был быть отменен; но, с другой стороны, должно было быть усилено осуждение изучения "Руководства" и отлучение от церкви тех, кто отвергал талмудическое толкование Библии. Этот приговор об отлучении от церкви должен был быть вынесен не только одной партией, но и провансальскими раввинами и даже сыном Маймуни, благочестивым Авраамом, которые должны были поддержать его своим авторитетом. Таким образом, ворота были бы закрыты для недовольства и неверия. Нахмани, однако, проигнорировал тот факт, что все подвергшиеся нападкам композиции были одного состава, так что предать анафеме одно и канонизировать другое было невозможно. Нахмани впал в ошибку, думая, что можно остановить свободное философское исследование. Две тенденции, каждая по-своему законная, не могли не конфликтовать друг с другом, и борьба должна была быть затяжной и не могла быть прекращена компромиссом. Следовательно, борьба продолжалась с обеих сторон, и предложение Нахмани было полностью проигнорировано. Чем дольше это продолжалось, тем больше полемика распаляла мужские чувства, тем больше участников втягивалось на арену.

Престарелый Дэвид Кимчи пожелал совершить путешествие в Толедо, чтобы побудить это великое собрание присоединиться к его партии против Соломона и его приверженцев и своим весом полностью сокрушить их противников. Когда он прибыл в Авилу, ему стало так плохо, что ему пришлось отказаться от путешествия, но на одре болезни он дрожащей рукой написал главному представителю толедской конгрегации Иехуде Ибн-Альфачару. Он обвинил его в упорном молчании в деле, которое так глубоко касалось французской и испанской общин, и настойчиво просил его убедить свою паству объединиться с маймунистами. Однако, к несчастью, он обратился не к тому человеку, ибо Иегуда Альфахар решительно настроился против маймунистов. Он досконально изучил систему Маймуни и пришел к выводу, что, если довести ее до логического завершения, она была рассчитана на ниспровержение иудаизма. Ибн-Альфачар был вдумчивым человеком и более проницательным, чем Нахмани. Недостатки теории Маймуни были для него вполне ощутимы, но даже он был введен в заблуждение мыслью, что дух свободомыслия можно изгнать анафемами. Альфахар отнесся с таким уважением к приговору об отлучении от церкви, вынесенному французскими раввинами, что сначала вообще не стал отвечать Кимчи, но когда в конце концов решил это сделать, то в своем ответе отнесся к нему в такой презрительной манере, что маймунисты, ожидавшие поддержки Толедо, были весьма обескуражены результатом.

Тем временем сочувствие таких влиятельных личностей, как Альфачар, Нахмани и Меир Абулафия, оказалось малоценным для дела Соломона. Чувства людей на его родине и в Испании были настроены против него. Французские раввины, на поддержку которых он рассчитывал, постепенно вышли из полемики, масштабы которой они начали осознавать и которая угрожала подвергнуть участников опасности. Соломон из Монпелье жаловался, что никто, кроме двух его учеников, не встал на его сторону, но неумелость, с которой он вел свое дело, была главным образом ответственна за отсутствие сочувствия, с которым он столкнулся. Таким образом, всеми покинутый и люто ненавидимый в своей собственной пастве, он решился на шаг, который привел к самым плачевным результатам не только для его собственной партии, но и для всего еврейского народа.

Папа Григорий IX, который стремился искоренить остатки альбигойских еретиков в Провансе с корнем и ветвями, примерно в это же время учредил постоянную инквизицию (апрель 1233 г.) и назначил жестоких монахов-доминиканцев инквизиторами, поскольку епископы, которым до тех пор было поручено преследование альбигойцев, как ему казалось, не относились к еретикам с достаточной строгостью. Во всех крупных городах южной Франции, где были доминиканские монастыри, в Монпелье среди прочих, были учреждены кровавые трибуналы, которые приговаривали еретиков или подозреваемых в ереси, а часто и совершенно невинных людей, к пожизненному заключению или к костру.

С этими убийцами был связан раввин Соломон, сторонник Талмуда и буквального толкования Священного Писания. Он и его ученик Иона сказали доминиканцам: "Вы сжигаете своих еретиков, преследуйте и наших. Большинство евреев Прованса извращены еретическими писаниями Маймуни. Если вы прикажете публично и торжественно сжечь эти писания, ваши действия отпугнут от них евреев". Они также зачитали инквизиторам опасные отрывки из сочинений Маймуни, услышав которые, одержимые монахи, должно быть, содрогнулись от священного ужаса. Доминиканцы и францисканцы не стали дожидаться повторного приглашения вмешаться. Папский кардинал-легат, отличавшийся тем же фанатичным рвением, что и Григорий IX, быстро взялся за дело. Доминиканцы, возможно, опасались, что пожар маймунистической ереси может поджечь их собственные дома. Ибо "Путеводитель" был переведен неизвестным ученым на латынь в первой половине тринадцатого века. Этот перевод, вероятно, был сделан на юге Франции, где философское сочинение Маймуни имело свой второй дом и где образованные евреи были знакомы с латинским языком. Защитникам католической ортодоксальности могло показаться, что Маймуни заслужил проклятие за свою религиозную философию. Размышления о религии в те дни рассматривались в официальном христианском мире как тяжкий грех. Если бы инквизиторы в то время обладали властью над личностями евреев, маймунистам действительно пришлось бы плохо; как бы то ни было, преследование распространялось только на пергамент. Работы Маймуни, по крайней мере в Монпелье, разыскивались в еврейских домах и публично сжигались. В Париже также противники Маймуни разожгли огонь с той же целью, и, как говорят, он был зажжен от свечи с алтаря одной из главных церквей. Враги иудаизма поздравляли себя с тем, что теперь среди евреев, которые до тех пор были едины и сплоченны, воцарилась неразбериха, и думали, что они приближаются к своему упадку. Антимаймунисты, однако, еще не были удовлетворены. Уверенные в поддержке власть имущих, они оклеветали своих оппонентов перед властями, так что многие члены конгрегации Монпелье оказались в большой опасности.

Эти действия, естественно, вызвали ужас у всех евреев по обе стороны Пиренеев. Соломона и его сторонников в целом осудили. Призывать на помощь светскую власть и, более того, духовенство, переполненное ненавистью к евреям, в еврейском мире справедливо считалось самым возмутительным предательством; а заставлять доминиканцев судить о том, что согласуется с иудаизмом, а что нет, значило вводить языческого врага в Святая Святых. Сэмюэль Сапорта осудил это поведение в письме французским раввинам. Абрахам бен Хасдай из Барселоны, восторженный поклонник Маймуни, который порицал Иехуду Альфачара за его оскорбительное обращение с Кимчи и за его поддержку дела Соломона, разослал письмо, в котором в неоправданных выражениях осудил действия Соломона в общинах Кастилии, Арагона, Наварры и Леона. Когда Кимчи, который был в Бургосе по пути домой, услышал об этом деле, он спросил Альфачара, думает ли он по-прежнему держать доносчика и предателя Соломона под своей защитой. Умные последователи последнего, Нахмани и Меир Абулафия, были глубоко смущены и хранили молчание. Общественное мнение осудило Соломона и дело, которое он представлял. Поэт из партии маймунистов сочинил по этому поводу очень прекрасную эпиграмму:

"Что вы думали сжечь, когда разжигали погребальный костер
Для писаний, более драгоценных, чем золото?
Воистину, истина — это пламя, - хотите ли вы погасить его огнем?
В колеснице, пылающей, как древняя Фесвитянка,
Он возносится к Небесам. О, фанатики, смотрите —
Ангел Божий появляется в огне!"

Какой-то тайной силой системе информирования в Монпелье через лжесвидетелей, которой подверглись приверженцы Маймуни, был положен конец. Более десяти сторонников Соломона, осужденных за клевету, были наказаны самым жестоким образом. Им отрезали языки. Но редко рассеивается мрак, которым окутаны эти происшествия. Судьба Соломона, причины всех этих событий, неясна. Маймунисты с некоторой злобной радостью наблюдали за суровым наказанием своих противников в Монпелье. Поэт, вероятно, Авраам бен Хасдай, написал на это эпиграмму, которая вскоре оказалась у всех на устах:

"Против проводника Истины
подняла свой голос ложная стая.
Наказание настигло их;
Их язык был обращен к небесам,
Теперь он лежит в пыли".

С этим трагическим исходом борьба была еще далека от завершения. Стороны были более чем когда-либо озлоблены друг против друга.

Когда Авраам Маймуни с негодованием узнал о враждебности по отношению к своему отцу и печальном завершении разразившегося конфликта (январь 1235 г.), он написал небольшую книгу на эту тему, озаглавленную "Война за Бога" (Milchamoth), чтобы отразить нападение на

ортодоксальность своего отца и осудить поведение его противников. Это сочинение, адресованное в форме письма Соломону бен Ашеру (в Люнель?), обосновывало систему Маймуни с позиций Маймуни и ценно только благодаря содержащимся в нем историческим данным.

Усилия Соломона заставить замолчать свободный дух исследований в области религии были, таким образом, ниспровергнуты и закончились плачевно. Другой французский раввин, обладавший мягким характером и кротким благочестием, попробовал другой метод процедуры, с большим успехом. Мозес де Куси, который, хотя и придерживался тоссафистской тенденции, высоко ценил Маймуни, взял на себя задачу укрепить упавший дух религии среди провансальцев и испанцев, произнося проповеди и энергичные увещевания. Моисей, несомненно, был вдохновлен в своей попытке примером монахов-проповедников, которые стремились преодолеть неверие в Римскую церковь, проповедуя в деревне за деревней, и которые, в какой-то степени, добились успеха. Точно так же раввин Куси путешествовал от одной конгрегации к другой по южной Франции и Испании (1235) и, соответственно, был назван "проповедником". Но между еврейским толкователем закона и католическим орденом проповедников существовало важное различие. Единый действовал в неподдельной простоте сердца, без каких-либо честолюбивых побуждений, с мягкостью на устах и в сердце. Доминиканцы, с другой стороны, напускали на себя свое смирение и бедность только напоказ, а за ними скрывался дьявол высокомерия. Они льстили своим покровителям в проповедях и беспощадно унижали своих противников; они тайно получали наследства и наполняли свои монастыри сокровищами; они питали кровавый фанатизм и стремились к власти.

Моисею из Куси удалось привести к покаянию и искуплению многие тысячи тех, кто пренебрег несколькими обрядами (Тефиллин) или никогда их не соблюдал, и убедить их оставаться постоянными в своей практике. В Испании ему даже удалось повлиять на тех, кто заключал смешанные браки с христианками или магометанками, чтобы они развелись со своими чужими женами (1236). Конечно, не только его проповеди привели к этому внезапному обращению, но и суеверный страх перед дурными снами и необычайными небесными явлениями, которым в то время были охвачены евреи и христиане. Моисей из Куси, тем временем, проповедовал своим братьям не только соблюдать церемонии, но и быть правдивыми и прямолинейными в отношениях с неевреями. Со своей кафедры он подчеркивал добродетель смирения, которая тем более шла детям Израиля, что перед ними всегда присутствовал Бог, который ненавидит гордых и любит кротких. Далекий от разжигания фанатичного рвения, Моисей всегда воспринимал мир и дружелюбие как свой текст. Он помог многим примириться, признав величие Маймуни и поставив его на один уровень с геонимами.

Теперь в иудаизме начали проявляться пагубные последствия этого спора о ценности или бесполезности свободного исследования, последствия которого длились веками и до сих пор не исчезли. Маймуни стремился объединить иудаизм, а вызвал разделение; он стремился придать ему прозрачную ясность и общую простоту, и только вызвал непонимание и усложнение. Его честолюбивым намерением было установить мир, но он разжег войну — так мало может даже величайший из смертных просчитать последствия своих действий. Его философская система расколола иудаизм, отделила простых верующих от мыслящих людей и вызвала волнение, которое в своей ярости далеко перешло границы умеренности. Через разрыв, возникший в результате конфликта за и против Маймуни, в общую жизнь евреев проникло ложное учение, которое, хотя и было новым, называло себя первобытным

вдохновением; хотя и нееврейским, называло себя подлинным учением Израиля; и хотя возникло из заблуждения, называло себя единственной истиной. Расцвет этого тайного знания, получившего название *Каббала* (традиция), совпадает со временем маймунистической полемики, благодаря которой оно появилось на свет. Раздор был матерью этого чудовища, которое всегда было причиной раскола. Каббала в своем самом раннем систематическом развитии является детищем первой четверти тринадцатого века. Первые приверженцы этого оккультного учения, когда их просили честно признаться, от кого они впервые получили его, отвечали просто: "От раввина Исаака Слепого или, возможно, от его отца, Авраама бен Давида из Поскьера, антагониста Маймуни". Они откровенно признавались, что каббалистическое учение не встречается ни в Пятикнижии, ни у Пророков, ни в Агиографии, ни в Талмуде, а основывается на едва уловимых указаниях. Из каббалистических высказываний основателя Каббалы Исаака Слепого (процветал около 1190-1210 гг.) сохранились лишь фрагменты, из которых мало что можно сделать. Говорили, что темнота его физического зрения была освещена внутренним светом. Он принял в качестве символа веры доктрину метемпсихоза, которая была осуждена и высмеяна еврейскими мыслителями. Его ученики говорили, что он обладал способностью различать, обладают ли люди новой душой, пришедшей непосредственно из мира небесных духов, или старой душой, которая переселялась из тела в тело, пытаясь восстановить свою чистоту. Двое из его учеников, Азриэль и Эзра, были первыми, кто свел Каббалу к стройной системе. Они были настолько единомышленниками, что их часто путали, и определенные писания и доктрины иногда приписывались то одному, то другому. Следовательно, эти близнецы по мысли, возможно, братья по крови, считаются в истории каббалы всего лишь одним человеком; они дополняют друг друга.

Но о жизни этой пары известно мало, и об одном из них (неизвестно, Эзре или Азриэле) сообщается, что он умер в возрасте по меньшей мере семидесяти лет, через несколько лет после начала маймунистического раскола. Об Азриэле известно гораздо больше. Он рассказывает, как с самой ранней юности путешествовал с места на место в поисках тайного искусства, которое могло бы дать удовлетворительные выводы о Боге и творении. Определенные люди, владевшие этим знанием, научили его этому, и он был твердо убежден в его истинности. Следовательно, он сам распространял это каббалистическое учение среди конгрегаций, которые посещал во время своих странствий; но ученые-философы Испании (Севильи?) подняли его на смех. Так, один из первых мистиков признался, что Каббала встретила противодействие в самом начале своего развития и что древность ее предмета решительно отрицалась. Азриэля и Эзру, однако, не беспокоило это противодействие, но они трудились над укреплением своего положения и распространением своих доктрин. Они развили свою своеобразную теорию в своих объяснениях отрывков из Агады, молитв и Песни Песней Соломона, которая является кладезем всякого рода мистицизма. Азриэль пытался убедить также ученых-философов в истинности Каббалы и облек ее доктрины в язык логики. Но как только это тайное знание выходит из своей темноты на солнечный свет, оно показывает свою наготу и уродство. Несомненно, что Каббала была задумана как противовес растущей ограниченности философии маймунистов. То, что иудаизм не должен учить ничему, кроме аристотелевской философии, было отвратительно для тех, кто с глубоким благочестием рассматривал каждое слово Библии и Талмуда как божественную истину. Есть способ уйти от философского рассмотрения Бога и иудаизма, *то есть* принимать все с наивной верой. Таков был метод евреев Германии и северной Франции; это была жесткая тоссафистская тенденция. Но благочестивые евреи южной Франции и Испании, которые, так сказать, повсюду вдыхали

атмосферу философии, не могли удовлетвориться скучной буквальностью. Иудаизм казался им бессмысленным, если не был пронизан глубокой мыслью. Религиозные предписания Закона, церемонии должны иметь высшее, идеальное значение. Сами антимаймунисты признавали, что предписания иудаизма ни в коем случае нельзя принимать как произвольные постановления деспота, но, будучи божественными постановлениями, они должны иметь разумную основу; и как очевидно бессмысленные законы Библии и неясные стихи Священного Писания, так и агадические высказывания Талмуда должны содержать высший смысл, иначе они были бы лишены рифмы или разума. Каббала - дочь смущения; ее система была способом избежать дилеммы между простым, антропоморфным толкованием Библии и поверхностностью философии маймунизма.

"Тайная доктрина", впервые полностью разработанная Эзрой и Азриэлем, установила не новую, но, во всяком случае, своеобразную философию религии, или, более правильно, теософию, которая, продвигаясь от одного непостижимого утверждения к другому, в конце концов воспарила в туманную область, где прекращается всякое мышление и даже воображение распускает крылья. Она исходила из основы, которая в то время считалась безупречной, но делала из нее смелые выводы, которые противоречили лежащему в ее основе принципу. Единство было превращено ловкостью рук во множественность, духовность - в грубый материализм, а утонченная вера - в экстравагантное суеверие. Первоначальная Каббала установила следующие принципы: Божество возвышено над всем, даже над существованием и мыслью. Следовательно, мы не имеем права говорить о Нем, что Он говорит или действует, и еще меньше - что Он думает, желает и замышляет. Все эти качества, присущие человеку, подразумевают некоторое ограничение, а Бог безграничен, потому что совершенен. Ему может быть присвоен только один атрибут — Он необусловлен или бесконечен. Соответственно, Каббала присваивает Богу титул Вечного (иврит, *En-Sof*). Это было ее первое нововведение. В Своей немыслимой универсальности Бог, или Эн-Соф, скрыт и непостижим, и, следовательно, в некотором смысле несуществующий; ибо то, что не может быть распознано и постигнуто мыслящим умом, не существует для него. Следовательно, универсальное существование, Эн-Соф, тождественно несуществующему (Айин). Следовательно, чтобы сделать Свое существование известным, Божество было обязано или хотело сделать Себя видимым и узнаваемым; Оно должно было стать активным и созидательным, чтобы Его существование могло быть воспринято.

Но низший мир в его порочности и ветхости не мог быть создан Эн-Соф, ибо Бесконечное и Совершенное не может непосредственно вызвать к существованию конечное и несовершенное. Следовательно, Божество не следует рассматривать как непосредственного Творца мира; процесс творения должен быть понят совершенно по-другому. Эн-Соф посредством Своего бесконечного богатства света излучал из Себя духовную субстанцию, силу, или как бы это ни называлось, которая, вытекая непосредственно из Него Самого, приобщается к Его совершенству и бесконечности. С другой стороны, это излучение или эманация не может быть во всем подобна Эн-Соф, своему создателю, поскольку оно не является абсолютно оригинальным, а производным. Эта сила, исходящая из Эн-Соф, следовательно, не тождественна Ему, а лишь подобна Ему, *т.е.* она имеет помимо бесконечной еще и конечную сторону. Каббала называет это первое духовное дитя Эн-Соф первой Сфирой, имя, возможно, принятое как наводящее одновременно на мысль о числе и сфере. Эта первая духовная сила излучает из себя вторую силу, а эта последняя - третью, и так далее, так что в общей сложности десять духовных субстанций, или сил, или промежуточных сущностей, или органов (как их, в

свою очередь, называют), были последовательно раскрыты и стали активными. Эти десять сил каббала называет Десятью сфирот.

Десять субстанций являются частями друг друга и Эн-соф и представляют собой лишь разные стороны (или фазы) одного и того же существа, подобно тому как огонь производит и пламя, и искры, которые, хотя и кажутся разными глазу, тем не менее указывают на одно и то же. Десять сфирот, которые отличаются друг от друга подобно различным цветам одного и того же света, будучи эманациями Божества, зависят друг от друга и, следовательно, обусловлены. Только в той степени, в какой Эн-Соф наделяет их силой, они могут продолжать действовать. Их действие проявляется в сотворении материального и духовного мира по своему образу и подобию, в их вечной поддержке мира, с которым они находятся в союзе, и в том, что они всегда передают ему благодатный дар божественной жизни.

Каббала делит десять сфирот на три группы по три в каждой, и этих девяти сфирот было бы достаточно, чтобы исчерпать все силы, необходимые системе, но Каббала не могла отказаться от числа десять, оно было слишком важным. Десять Заповедей, Десять Заявлений, посредством которых Агада объясняет сотворение вселенной, Десять Сфер, какой мир смысла скрыт в них! Каббала стремилась сохранить десятую степень, но не могла последовательно ввести ее в свою схему, как бы она ни отказывалась от строгой логики; поэтому она барахталась среди множества концепций. Тщательное мышление Каббалу не касается; она довольствуется фантастическими картинками и символами, какими бы несущественными они ни были. С этим числом десять Каббала щеголяла самым причудливым образом. С помощью Сфирот Бог может сделать Себя видимым и даже облечь Себя в тело. Когда в Священном Писании говорится: Бог говорил, сошел на землю или вознесся, это следует понимать не так, как это понимают строгие буквалисты или агадисты, как относящееся к Самому Божеству или к возвышенному Эн-Соф, а как относящееся к Сфирот. Благовония, поднимавшиеся с алтаря и приобретающие сладкий аромат, вдыхались и поглощались не Самим Божеством, а промежуточными существами. Таким образом, Каббала считала, что преодолела трудности, которые предлагают понятие абсолютной духовности Бога и библейский метод представления о Боге. Божество бестелесно и бесконечно, не имеет материальных функций и не подвержено влиянию чего-либо материального. Но Сфирот, которые в дополнение к своей бесконечной стороне имеют также конечную и, так сказать, материальную сторону, также могут выполнять материальные функции и вступать в связь с материальными вещами.

Столь же фантастична и каббалистическая теория сотворения мира. Бог, или Эн-Соф, сотворил видимый мир не сразу, а полностью посредством Сфирот. Все вещи в низшем мире, как классы, так и отдельные личности, имеют свою первоначальную форму (типы) в высших мирах, так что нет ничего бесцельного, но все имеет высшее значение. Вселенная напоминает гигантское дерево с множеством ветвей и листьев, корни которого являются Сфирот; или это тесно сплетенная цепь, последнее звено которой ведет в высший мир; или великое море, которое постоянно наполняется из вечно текущего источника. Человеческая душа, в частности, является привилегированным гражданином высшего мира, находится в непосредственной связи со всеми Сфирот и, следовательно, может оказывать некоторое влияние на них и даже на Божество. В силу своего морального и религиозного поведения душа может увеличивать или уменьшать поток благодати от Божества по каналу промежуточных существ, ее добрые действия вызывают непрерывный поток, а ее злое поведение приводит к его прекращению.

Народ Израиля был специально избран для того, чтобы способствовать полноте благодати и, следовательно, сохранению мира. С этой целью они получили Откровение и Закон с его 613 религиозными предписаниями, чтобы воздействовать на Сфирот посредством каждого религиозного акта и, так сказать, принуждать к раздаче своих щедрот. Следовательно, церемонии имеют глубоко мистический смысл и непреходящую важность: они представляют собой магическое средство, с помощью которого поддерживается и благословляется вся вселенная. "Праведный человек - основа мира". Храм, и особенно жертвенное служение, имели особенно глубокое значение в поддержании связи низшего мира с высшим. Земной Храм соответствовал небесному Храму (Сфирот). Жреческое благословение, произнесенное с поднятыми десятью пальцами, побудило Десять Сфирот излить свои благодатные дары на нижний мир. После разрушения Храма молитва заняла место жертвоприношения, и соответственно молитва имеет особое, мистическое значение. Предписанный ритуал имеет неизменный эффект, если молящийся знает, как обратиться в любом конкретном случае к соответствующей Сфире, поскольку молитва должна быть обращена только к ней, а не непосредственно к Божеству. Тайна молитвы занимает важное место в каббале. Каждое слово, даже каждый слог в молитвах, каждое движение, совершаемое во время богослужения, каждый церемониальный символ интерпретируется Каббалой применительно к высшему миру. Каббалисты проявляли особый интерес к мистическому объяснению религиозных законов иудаизма. Это было центром тяжести их системы; с его помощью они могли противостоять маймунистам. В то время как последние, со своей философской точки зрения, объявляли определенные предписания бессмысленными и устаревшими, мистики относились к этим предписаниям как к высшему моменту. Поэтому они считались хранителями иудаизма.

Жизненно важное значение для иудаизма доктрины возмездия и исследования состояния души после смерти было слишком настойчиво заявлено Маймуни, чтобы Каббала не включила их также в сферу своей теории. Каббала претендовала на большую древность своих взглядов на эти вопросы; но их молодость и происхождение из другой системы мышления очевидны. Отталкиваясь от учения о том, что все души были созданы в самом начале, Каббала учила, что этим душам суждено вступить на земной путь, перейти в тела и оставаться связанными с ними в течение определенного периода времени. Душа во время своей земной жизни подвергалась испытанию на то, может ли она, несмотря на свою связь с телом, сохранить себя чистой от земной грубости. Если он может это сделать, то после смерти очищенным возносится в царство духов и становится частью мира Сфирот. Если, с другой стороны, оно становится запятнанным земностью, оно вынуждено возвращаться к телесной жизни (но не более трех раз), пока после повторных испытаний оно не сможет воспарить ввысь в чистом состоянии. На учении о переселении души, важном пункте каббалы, было основано ее учение о награде и наказании. Страдания, которым благочестивые, по-видимому, беспричинно, подвергаются на земле, служат цели очищения их душ. Следовательно, не следует подвергать сомнению Божью справедливость, если праведники несчастливы, а безбожники процветают. Поскольку большинство душ во время своего земного существования теряются в чувственности, забывая о своем небесном происхождении, и поэтому вынуждены странствовать по новым телам, случается, что большее число душ являются такими, которые рождаются свыше, в то время как новые души редко приходят на землю. Из-за греховности человека, из-за которой одни и те же души неоднократно вселяются в тела, великое искупление откладывается, поскольку новые души не могут появиться на свет, поскольку мир почти полностью заполнен старыми. Великое время благодати, духовного завершения мира, не может наступить до тех пор, пока все

сотворенные души не рождаются на земле. Даже душа Мессии, которая, как и другие, пребывает в духовном мире Сфирот в своем дочеловеческом существовании, не может появиться до тех пор, пока каждая душа не облечется в тело. Душа Мессии будет последней из душ, и поэтому Мессия придет только в конце дней. Тогда, наконец, наступит великий юбилей, когда все души, очищенные и облагороженные, вернутся с земли на небеса. Таким образом, продвижение и ускорение этого благодатного времени зависит от мудрости и религиозного поведения праведников. Таким образом, адепты Каббалы приобрели необычайную важность; они были поручителями не только за Израиль, но и за весь мировой порядок, ибо своим поведением они могли ускорить рождение души Мессии, последней в хранилище душ.

Каббала хвасталась, что она раскрыла тайну иудаизма гораздо лучше, чем Маймуни, и показала его связь с высшим миром и формированием будущего. У Каббалы было неограниченное поле для ее фантастических интерпретаций. В искажении Священных Писаний каббалисты превзошли александрийских аллегористов, агадистов, Отцов Церкви, а также еврейских и христианских религиозных философов. Азриэль, действительно, кокетничал с философией и пытался сделать Каббалу приемлемой для мыслителей. Но другой каббалист того времени, Якоб бен Шешет Герунди из Героны (писавший примерно в 1243 или 1246 году), намеренно противопоставил свои тайные знания объяснениям философов. Он отвергал любое перемирие с ними и не мог найти достаточного презрения к философствующим "еретикам и презирающим Закон". Херона, родина Эзры и Азриэля, Иакова бен Шешета и Нахмани, была первым теплым гнездышком для зарождающейся каббалы. Эта оккультная наука, которая появилась с расцветом, держится на обмане, в лучшем случае, на самообмане ее основателей. Его теория не стара, как она утверждала, а очень современна; во всяком случае, она встречается не в еврейской древности, а восходит к закату греческой философии. Каббала - это гротескное искажение еврейских и философских идей. Чтобы придать ей вид древней и достоверной, составители прибегли к мошенничеству. Они распространили каббалистическую рукопись, которая якобы была составлена заслуженным врачом-талмудистом Нечуньей бен ха-Каной и другими. Напрасно высокоуважаемый Меир бен Симон и рабби Мешуллам из Безье привлекли внимание к этой подделке, носившей название "Бахир" ("Светлый"), и приговорили ее к сожжению, поскольку в ней содержались богохульства против величия Бога; книга "Бахир" сохранила свои позиции и в более поздние времена использовалась как свидетельство великого возраста каббалы.

Труды Азриэля и Эзры во имя тайной науки могли бы иметь лишь плачевные результаты, если бы Нахмани не встал под их знамена. На первый взгляд, действительно трудно представить, как этот ясный, остроумный, тонкий мыслитель, который в области Талмуда обладал способностью проливать свет на все неясности, мог быть склонен присоединиться к приверженцам Каббалы и позволить ослепить себя ложным светом Бахира. Но при более глубоком рассмотрении его образа мышления это явление перестает быть парадоксом. Нахмани принадлежал к тому многочисленному классу людей, которые могут составить правильное суждение об отдельных объектах, но неспособны постичь великое целое. Философская линия рассуждений Маймуни отталкивала его из-за своей прозаичности; Каббала, с другой стороны, привлекала его, потому что его вера в чудеса и уважение к авторитетам находили в ней подпитку. Когда он, благочестивый раввин и глубокий талмудист, признал истинность Каббалы, ее авторитет утвердился; там, где Нахмани верил безоговорочно, менее одаренные не смели сомневаться. Поэт Мешуллам Эн-Видас Дафьера, противник маймунистов, соответственно, ставит его в один ряд с Эзрой и Азриэлем как защитника истины тайного знания.

"Сын Нахмана - наша твердыня, конечно,
Эзра и Азриэль знают скрытые вещи.
Они - мои священники; они освещают мой алтарь;
Они - мои звезды, которые никогда не перестают сиять;
Они могут вычислить значение Божьих слов,
Только из страха перед насмешниками они молчат".

Таким образом, Нахмани стал главным столпом Каббалы, тем более что он говорил о ней лишь вскользь и скрывал больше, чем раскрывал.

Таким образом, всего за четыре десятилетия после смерти Маймуни иудаизм разделился на три партии; и это было началом ретроградного движения, которое привело к деградации. Было установлено заметное разделение между философской школой, строгими талмудистами и каббалистами. Названные первыми, которые считали Маймуни своим вождем, стремились интерпретировать доктрины иудаизма рациональным образом; они либо придерживались аргументов своего лидера, либо выводили из его посылок смелые выводы, которые ускользнули от его внимания, или которые он не желал делать, и они почти полностью отошли от Талмуда. Строгие талмудисты занимались исключительно галахическими спорами и не имели никакого желания знакомиться с философскими понятиями; они испытывали отвращение к науке и исследованиям в области религии и толковали Агады в чисто буквальном смысле, но они также отвернулись от Каббалы. Наконец, каббалисты были предубеждены как против буквалистов-талмудистов, так и против рационалистов-маймунистов. Поначалу они поддерживали дружеские отношения с талмудистами, потому что их было мало, и выводы, расходящиеся с иудаизмом, которые можно было сделать из их системы, еще не были признаны, поскольку обоим приходилось сражаться с общим врагом. Поэтому каббалисты сначала направляли свои атаки исключительно против маймунистов, но к концу столетия каббалисты и талмудисты стали врагами, нападая друг на друга так же яростно, как раньше они нападали на своих общих противников, философов.

Последствия, с одной стороны, деградации евреев из-за папства, а с другой - внутренних разногласий, вскоре дали о себе знать и привели к печальному положению дел. Счастливое удовлетворение, радость, наслаждение оригинальной интеллектуальной работой, которая в сочетании с духовной деятельностью принесла такие прекрасные плоды, - все это давно ушло в прошлое. Печальная серьезность наполнила сердца испанских и провансальских евреев и, как свинцом, придавила каждое возвышенное устремление их душ. Радостные певцы замолчали, как будто ледяное дыхание мрачного настоящего внезапно заставило застыть их горячую кровь. Как может еврей изливать веселые мелодии песен с знаком бесчестия на груди? Неоеврейская поэзия, которая на протяжении трех столетий создавала такие благородные гениальные произведения, полностью погибла или оставила лишь увядшие листья. Сатиры и эпиграммы, которые маймунисты и антимаймунисты обрушивали друг на друга, были последними произведениями неоеврейской музыки Испании. Но эти стихи больше не бурлили смехом и весельем; они были полны серьезной логики и аргументации. Они больше не были похожи на эпиграммы эпохи расцвета поэзии, которые напоминали болтливых дев, но были похожи на сварливых ругательств, утративших очарование молодости. Сами поэты чувствовали, что источник неоеврейской поэзии исчерпан, и они питались воспоминаниями о ее Золотом веке.

Последними представителями неоеврейской поэзии были Иегуда Альхариси, неутомимый переводчик и горячий сторонник Маймуни, затем Джозеф бен Сабара и, наконец, Иегуда бен Саббатай. Эти трое мужчин, словно действуя в сговоре друг с другом, создали сатирический роман. Это состояло во введении вымышленных персонажей и использовании буйной риторики; но в их стихах больше натянутых попыток проявить остроумие, чем изящного мастерства. Альхаризи в своем романе "Тачкемони" под видом Хебера Кенита и в диалогах с поэтом вводит множество сюжетов, как юмористических, так и серьезных, смешивая рифмованную прозу со стихами и вплетая небольшие эпизоды. Этому метода придерживался также поэт Джозеф бен Сабара, вероятно, врач из Барселоны, в своем романе "Развлечения" (Шаашуим). Третий поэт этого класса, Иегуда бен Исаак бен Саббатай, также из Барселоны, считался Альхаризи одним из лучших мастеров этого искусства; его выступления, однако, никоим образом не оправдывают это мнение. Его диалог "Между мудростью и богатством" очень беден поэтическими идеями. Его сатирический роман "Женоненавистник" ненамного лучше; ему совершенно не хватало широких представлений своих современников.

Упадок неоеврейской поэзии был очень быстрым. После смерти Саббатай он пришел в еще более запущенное состояние, и прошло столетие, прежде чем появился достойный преемник. Первоначальная сила поэтического творчества угасла, и те, кто был знаком с манипулированием языком и мог составлять сносно хорошие рифмы, просто подражали работе своих предшественников. Абрахам бен Хасдай, маймунист из Барселоны, переписал с арабского перевода нравственный диалог между мирянином и кающимся человеком. Это он облек в форму на иврите под названием "Князь и назорей".

Бедный переписчик Берахья бен Натронаи Накдан, называемый на диалекте страны Криспия (процветал около 1230-1270 гг.), обратил свое внимание на басни, которые были популярны среди древних евреев. Он, однако, не был способен изобретать, но в основном развивал в неоеврейской форме произведения более ранних баснописцев. Среди его ста семи басен о лисе (Мишле Шуалим) очень мало оригинальных. Берахья хотел показать зеркало своим современникам, "которые отвергли истину и протянули золотой скипетр лжи"; растения и животные использовались для описания порочности человечества.

Единственное достоинство басен как Берахьи, так и Ибн-Сахулы, второстепенного поэта северной Испании (1245), который также весьма пылко морализировал в "Баснях древних времен" (Машал ха-Кадмони), а также нравоучительной повести "Принц и дервиш" Авраама бен Хасдая, состоит в удачном подражании библейскому стилю и в остроумном применении стихов Священного Писания к совершенно иному направлению мысли. Именно это, по мнению ученых, придает их языку оттенок незаурядного остроумия, привлекательности и пикантности. Сомнительно, следует ли включать Джозефа Эзоби в число поэтов того времени. Слишком много чести его произведениям, чтобы называть их поэзией; и они были бы молчаливо проигнорированы, когда упоминается неоеврейская поэзия, если бы не то, что благодаря частым расшифровкам и множеству копий в латинских и французских переводах к ним было привлечено внимание историка литературы, и они приобрели определенную известность. Джозеф Эзоби (или Эсоби) бен Чанан из Оранжа (близ Авиньона, около 1230-1250 гг.) посвятил своему сыну Самуилу эпиталию под названием "Серебряное блюдо" (Каарат Кесеф), в которой изложил наставления и правила жизни. Среди прочего, он повелел ему "держаться в стороне от мудрости греков, которая напоминала виноградную лозу Содомы и заронила семена болезни в разум человека". Он предложил ему изучать грамматику иврита и Библию, но уделять

свое внимание главным образом Талмуду. Этого достаточно, чтобы охарактеризовать человека и склад его ума. Стихи Джозефа Эзоби демонстрируют хорошее владение языком, но им не хватает как силы выражения, так и изящества; он один из тех разносторонних поэтов, которые возникли в то время в большом количестве, особенно в Провансе.

Различные отрасли науки выродились в постмаймуническое время даже больше, чем поэтическое искусство. Как могла процветать здравая экзегеза, когда и философы, и каббалисты соперничали друг с другом в утончении и неправильном толковании смысла Священного Писания, чтобы получить библейскую поддержку своих теорий? Грамматика иврита в то же время также пришла в упадок из-за тонких придирок философов и каббалистов; превосходные произведения прежних дней канули в лету. Дэвид Кимчи был последним толкователем и грамматиком на протяжении длительного периода времени. Нахмани, это правда, занимался изложением Священных Писаний, очень часто прибегал к помощи грамматики и демонстрировал следы правильной филологической теории; однако он культивировал эти разделы не ради них самих, а на службе предвзятому мнению, и особенно для оспаривания взглядов оппонента. Таким образом, великолепные гирлянды еврейской учености, сплетенные еврейскими испанскими мыслителями и искателями истины, постепенно поблекли.

ГЛАВА XVII.

ПУБЛИЧНЫЕ ОБСУЖДЕНИЯ И СОЖЖЕНИЕ ТАЛМУДА.

Папа Григорий IX—Император Фридрих II и еврейские ученые Иегуда Ибн Матка и Якоб Анатоли—Еврейское законодательство Фридриха Австрийского—Мученики Аквитании и Григорий IX—Людовик IX Французский и его вражда к евреям—Нападки на Талмуд—Отступник Николай—Донин-Диспут при французском дворе между Иехиэлем Парижским и Николасом—Донином-Иудой Мелунским—Сожженный в Париже Талмуд—Церковь и еврейские врачи—Моисей Ибн Тиббон и Шем—Тоб Тортози—Папская булла, оправдывающая евреев от Кровопролития-обвинение—Последние французские тоссафисты—Евреи Англии—Еврейский парламент—Альфонсо Мудрый и евреи Испании—Меир де Малеа и его сыновья—Еврейские астрономы Дон Джуда Коэн и Дон Заг Ибн Саид—Евреи Арагона—Де Пеньяфорте и отступник Пабло Кристиани—Первая цензура Талмуда—Спор Нахмани с Пабло—Влияние Нахмани—Караимы.

1236-1270 гг. н. э.

Пока продолжались эти внутренние разногласия, ядовитое семя, разбросанное папством по всему миру, приносило обильные злые плоды. Преследования евреев, которые до сих пор были лишь локальными, начали распространяться подобно заразе и с каждым годом становились все более жестокими и всеобщими. Иннокентий III, правда, стремился не к полному уничтожению евреев, а только к их деградации. Он желал низвести их до положения, более низкого, чем положение деревенских крепостных, для чего вся тяжесть средневекового общества, состоящего из князей, дворян высокого или низкого ранга, духовенства всех степеней, бюргеров и крестьян, должна была тяжело давить на них, причинять им тяжкие

страдания и низвести их до самого плачевного состояния. Унижение евреев доставляло огромное удовольствие низшим слоям народа, которые радовались, видя класс человеческих существ, стоявших еще ниже их самих, против которых они могли использовать свое неуклюжее остроумие и грубые кулаки. Этот народ, заклеянный Церковью и обществом отличительным знаком, рассматривался невежественной толпой как раса отверженных, которых можно было предать смерти, как грязных собак, без всякого чувства угрызания совести. Евреям приписывались всевозможные преступления, и им это приписывалось. Время от времени и в разных местах повторялись яростные нападки на евреев по обвинению в детоубийстве, причем обвинение было таким правдоподобным, что даже благожелательно настроенные христиане были полны сомнений и склонны верить сплетению лжи. Однажды случилось так, что между Лаудой и Бишофсхаймом (в Бадене) было найдено тело христианина. Кто были убийцы? Евреи, конечно. По этому совершенно необоснованному обвинению еврейские мужчины, женщины и дети обоих городов подверглись нападению толпы и духовенства и, не привлекаясь к суду, были казнены. Затем восемь ученых и благочестивых мужей были привлечены к ответу за предполагаемое убийство христианина (2 и 3 января 1235 г.); они были преданы казни и, вероятно, вследствие признаний, вырванных у них пытками, были казнены. Разграбление еврейских домов было неизменным сопровождением таких массовых убийств. Вслед за этим евреи из соседних округов умоляли папу Григория IX даровать им хартию, которая могла бы защитить их от произвола кровожадной толпы и фанатичных судей. В ответ он издал буллу ко всему христианскому миру (3 мая 1235 г.), в которой повторил и подтвердил конституцию папы Иннокентия III. Чувство справедливости существовало настолько слабо, что многие придерживались мнения, что наместник Христа позволил побудить себя опубликовать эту буллу, подкупив евреев крупной суммой денег. Однако, был ли этот папский указ продиктован любовью к справедливости или был результатом подкупа, как и многие предыдущие в пользу евреев, он остался мертвой буквой. Дух нетерпимости и ненависти к евреям, которому учили в школах и который проповедовали доминиканцы с кафедр, проникал в самую кровь людей, и самые благородные натуры не могли избежать заражения. Какое преимущество было для евреев в том, что они произвели на свет сравнительно наибольшее количество ученых, которые первыми сделали науку доступной для христиан, либо посредством переводов и изложений дидактических трудов на иностранных языках, либо благодаря своей собственной деятельности и открытиям, особенно в медицине? Они не получали никакой выгоды от снабжения торговых площадей товарами, а книжного рынка гениальными произведениями, поскольку христиане не выражали им никакой благодарности за их труд или отплачивали им раскалыванием черепов.

В качестве красноречивой иллюстрации отношения средневековья к евреям можно привести поведение по отношению к ним величайшего и наиболее культурного германского императора. Фридрих II, последний из императорской династии Гогенштауфенов, был самым добродушным и непредубежденным монархом первой половины XIII века. Будучи скорее сицилийцем, чем немцем, он питал симпатию к наукам и поддерживал гениальных людей с царственной щедростью. Он был заинтересован в переводе с арабского трудов по философии и астрономии, и для этой цели нанял много ученых евреев. Император поддерживал переписку с молодым еврейским ученым Иегудой бен Соломоном Коэном Ибн Маткой из Толедо (родился примерно в 1215 году, писал в 1247 году). Его ученость произвела настолько глубокое впечатление на императора Фридриха, что он задал ему ряд научных вопросов и выразил удовлетворение полученными на них ответами. Затем император, вероятно, побудил его приехать в Италию (Тоскану). Иегуда Ибн-Матка обладал правом свободного посещения императорского двора.

Император пригласил другого еврейского мудреца, Якоба Анатолия (Анатолио), покинуть Прованс и поселиться в его резиденции в Неаполе. Он назначил ученому ежегодную стипендию, чтобы тот мог в свободное время заняться переводом арабских трудов научного характера. Этот человек, полное имя которого было Якоб бен Абба-Мари бен Симон, или Самсон (процветал около 1200-1250 гг.), был зятем плодовитого переводчика, но бесплодного автора Самуэля Ибн-Тиббона, которого восхваляли маймунисты и ненавидели строгие талмудисты. Анатолий походил на него, как сын на своего отца, и в некотором роде продолжил его работу переводчика. Подобно Ибн-Тиббону, он не обладал никаким творческим гением, но был, так сказать, ремесленником в области философии, который переводил арабские труды на эту тему на иврит. Он прошел специальную подготовку для этой работы со своим тестем и другом-христианином Майклом Скотом. Он настолько преклонялся перед Маймуни, что причислил его к лику пророков, и, естественно, был полон гнева против тех, кто называл его еретиком. "Эти злобные фанатики, - заметил он, - осудили бы даже Давида и Асафа, если бы они жили в те времена". С помощью философских лозунгов он интерпретировал Священное Писание в духе Маймуни. Он также пытался, насколько это было возможно, отнести чудеса к естественным причинам и, короче говоря, был одним из тех людей, которые лишили иудаизм большей части его мистического характера. Следуя этому методу, он произносил публичные речи по субботам и праздникам, которые он собрал в один том (Malmed), который, несмотря на свою посредственность, стал любимой книгой ортодоксальных провансальских конгрегаций. Фридрих II поручил ему перевод трудов Аристотеля с комментариями арабского философа Аверроэса (Ибн-Рошда), доселе неизвестных христианам. Врач-христианин, вероятно, Майкл Скотус, придворный астролог императора, перевел эти труды на латынь, вероятно, под руководством Анатолия.

Исходя из всего этого, можно было ожидать, что император Фридрих питал благосклонные чувства к евреям, тем более что, если только часть обвинений, которые его современники выдвигали против его ортодоксальности, была правдой, он ни в коей мере не был убежден в истинах христианства. Папа Григорий IX, его смертельный враг, откровенно упрекнул его в том, что он публично заявил, что мир был введен в заблуждение тремя самозванцами - Моисеем, Иисусом и Магометом, из которых двое умерли почетной смертью, но третий закончил свои дни на кресте. Следовательно, вряд ли можно предположить, что император был глубоко оскорблен неверием евреев; и все же, несмотря на все это, император Фридрих был ничуть не меньшим врагом евреев, чем его антипод, фанатичный святой Людовик Французский. Непримируемый враг папства, всячески препятствовавший его начинаниям, он, тем не менее, исполнил в своем королевстве канонический указ, который исключал всех евреев из числа государственных служащих, сделав исключение только для некоего еврея-клерка монетного двора в Мессине. В своей столице Палермо он запер евреев в гетто - акт нетерпимости, который намного превосходил нетерпимость пап того времени. В Австрии евреям было разрешено занимать государственные должности под властью князей Бабенбергов. Доблестный эрцгерцог Фридрих I признал ценность евреев как создателей богатства, доверил заботу о своих финансах еврейским чиновникам и пожаловал им почетные титулы. Два брата, Леблин и Некело, были официально назначены камергерами герцога Австрийского. Фридрих I Австрийский (в 1244 году) издал королевский указ евреям своих владений, который по-видимому, был вдохновлен любовью к справедливости и человечности и который стал примером для других столь же настроенных правителей, желавших защитить своих еврейских подданных от травм и насилия. Этот статут, состоявший из тридцати пунктов, был направлен, в частности, на обеспечение

защиты еврейских жителей Австрии от убийств и посягательств. Если христианин убивал еврея, он должен был понести суровое наказание по закону; если он ранил его, он должен был быть вынужден заплатить большой штраф или лишиться руки. Если убийца еврея не мог быть осужден с помощью прямых доказательств совершения преступления, но веские косвенные улики указывали на содеянное им, то родственники или друзья еврея могли назначить защитника для поединка с обвиняемым. Христианин, совершивший жестокое нападение на еврейку, был приговорен к отсечению руки. Тяжкие обвинения, касающиеся личности или имущества евреев, не должны были определяться показаниями христианина, если только свидетель-еврей не подтвердил проступок. Христианин, похитивший еврейского ребенка с целью принудительного крещения, должен был быть наказан как вор. Статут Фридриха Доблестного также позволял евреям осуществлять свою собственную юрисдикцию, так что судьи страны не могли иметь над ними никакой власти. Синагоги и кладбища евреев также должны были пользоваться уважением христиан, и последние подлежали суровому наказанию за любое надругательство над ними. Статут также гарантировал всем евреям привилегию свободного проезда и свободной торговли по всей стране, а также право ссужать деньги под залог. Процентные ставки были ограничены, но им разрешалось быть достаточно высокими. Право принимать обеты, которое было предоставлено приверженцам еврейской религии, строго регулировалось как предмет, имеющий жизненно важное значение как для евреев, так и для герцога. Более того, этот указ ограждал их от уплаты грабительских сумм христианам за перевозку еврейских трупов с места на место. Эрцгерцог Фридрих заметил, что он предоставил эти привилегии евреям, чтобы "они также могли пользоваться его милостью и благими пожеланиями". Этот закон также оказался полезным для евреев других стран, поскольку в течение двадцати лет он был введен в Венгрии, Богемии, Великой Польше, Мейсене и Тюрингии, а позже и в Силезии.

Таким образом, герцог низшего ранга подал пример защиты евреев от произвола с помощью установленных законов. Могущественный император Фридрих II вслед за этим осудил Фридриха Доблестного за его дружелюбное отношение к евреям, и он, который сам был изгнан из Церкви, издал указ о том, что евреи Австрии должны быть строго отстранены от всех государственных должностей, чтобы раса, обреченная на вечное рабство, не угнетала христиан через своих должностных лиц. С особым удовлетворением он произнес приговор о том, что евреи, где бы они ни находились, были "servi camerae" императора. Он настолько строго придерживался канонических постановлений Латеранского собора против них, что был даже более строг, чем короли Испании, в исполнении закона, который обязывал евреев в его наследственных провинциях носить отличительный знак, и он задавил их бременем налогов. Это правда, что он разрешил тем, кто прибыл на Сицилию из Африки (откуда они бежали от фанатичной ярости Альмохадов), поселиться под его властью. Но хотя он в течение десяти лет переводил налоги из других колоний, он сразу же обложил еврейских иммигрантов тяжелыми поборами и ограничил их занятие сельским хозяйством. Он, действительно, обещал своим "servi camerae" особую защиту, но, тем не менее, относился к ним как к презираемой расе людей. С тех пор три силы христианства - князья, Церковь и народ - объединились, чтобы полностью уничтожить самую слабую из наций.

Когда папа Григорий IX отдал приказ о проповеди нового крестового похода, воины креста, собравшиеся в Аквитании, совершили нападение на еврейские общины Анжу, Пуату, Бордо, Ангулема и других городов, чтобы заставить их принять крещение. Но поскольку евреи оставались непоколебимы в своей вере, крестоносцы действовали по отношению к ним с

беспрецедентной жестокостью, растоптав многих из них копытами своих лошадей. Они не щадили ни детей, ни беременных женщин, а трупы оставляли непогребенными на съедение диким зверям и птицам. Они уничтожали священные книги, сжигали дома евреев и завладевали их имуществом. По этому случаю погибло более трех тысяч человек (летом 1236 г.), в то время как более пятисот приняли христианство. Выжившие евреи снова пожаловались папе на эту невыносимую жестокость. Папа счел себя обязанным направить письмо по этому поводу прелатам Церкви в Бордо, Ангулеме и других епископствах, а также королю Франции Людовику IX (сентябрь 1236 г.), в котором он выразил сожаление по поводу произошедших событий и указал, что Церковь не желает ни полного уничтожения евреев, ни их обязательного крещения. Что, однако, могли сделать случайные письма с увещеваниями против горького чувства отвращения к евреям, которое было возбуждено Церковью? Благородный и благожелательно настроенный монарх Людовик IX в остальном был настолько во власти своих предрассудков, что ему было невыносимо смотреть на еврея. Он всячески поощрял обращение евреев и позволял разлучать детей обращенных отцов со своими матерями, которые все еще придерживались иудаизма. У евреев было только одно средство, с помощью которого можно было унять разгоревшийся против них гнев, и это были деньги. В Англии, благодаря своему влиянию, они побудили короля Генриха III провозгласить на всей своей территории, что никто не должен причинять никакого вреда еврею. Но это средство оказалось обоюдоострым мечом, который обернулся против тех самых людей, которым оно должно было принести пользу. Чтобы собрать большие суммы денег, евреи были вынуждены взимать грабительские проценты и даже прибегать к мошенничеству. Таким образом, они навлекли на себя ненависть населения и подвергли себя дальнейшим безобразиям. Неоднократные жалобы на их ростовщичество побудили Людовика IX установить процентную ставку и во многих случаях перечислить часть долгов евреям. Но когда тот же король решил искоренить ростовщичество и созвал ряд баронов для принятия решения по этому вопросу, последние заявили, что крестьяне и торговцы не могут обойтись без займов у евреев и что евреи предпочтительнее христианских ростовщиков, потому что последние подавляют своих христианских должников еще более высокими ростовщическими процентами.

Посреди всех этих неприятностей, мелких обид и преследований было только одно место, где еврей мог чувствовать себя вполне счастливым и мог забыть о своих страданиях. Дом учености, где молодые и старые собирались вместе, чтобы изучать Талмуд, был их единственным пристанищем спокойствия. Поглощенные своим изучением, энтузиасты Талмуда совершенно забыли о внешнем мире с его ожесточенной ненавистью, его злобными законами и жестокими пытками. Здесь они были принцами, величие мысли окружало их чело ореолом, а восторг от духовной деятельности преображал их черты. Все их счастье состояло в том, чтобы решить какую-нибудь трудную проблему в Талмуде, или пролить свет на какой-нибудь неясный момент, или открыть что-то новое, ускользнувшее от внимания их предшественников. Они не искали ни должности, ни почестей в награду за свои глубокие исследования и не получали никакого осязательного вознаграждения за свои ночные бдения. Они хотели только удовлетворить свою сильную тягу к знаниям, удовлетворить свое чувство религиозного долга, в лучшем случае обеспечить себе награду в будущей жизни. Самым важным занятием для всех была учеба, а цветком всей учености был Талмуд. Как только ребенок начинал шепелявить, утром Пятидесятницы его вели из дома в синагогу или "школу" с завязанными глазами, чтобы они не столкнулись с чем-нибудь непристойным. Там ему был прочитан еврейский алфавит в обычном порядке, а также в обратном порядке, и несколько соответствующих стихов. В награду он

получил медовый пирог и яйцо, на которых были начертаны стихи из Священных Писаний. День, в который ребенок впервые познакомился с Законом, отмечался его родителями и всей паствой как праздничное событие. Если он оказывался хоть сколько-нибудь умен, ему разрешалось приступить к изучению Талмуда после того, как он провел некоторое время над Библией. Быть изучающим Талмуд считалось высшей честью. Позор был уделом невежд (Ам ха-Арез). Прилежный юноша провел много лет в доме учености, вплоть до своей женитьбы; и до конца его жизни зарабатывание средств к существованию считалось второстепенным делом, а изучение Талмуда - целью его существования. Это увлекательное изучение Талмуда, безусловно, было односторонним, но в нем было что-то идеальное. Рука врага до сих пор не вторглась в это внутреннее святилище. Светские власти не интересовались этим вопросом, духовенство не имело власти над домашними делами евреев; здесь само отлучение от церкви оказалось неэффективным.

Однако этот внутренний покой евреев вскоре был разрушен; даже из своего интеллектуального убежища они были изгнаны. Лидером движения был крещеный еврей, который натравливал светские и духовные власти на своих бывших единоверцев. Человек по имени Донин (или Дунин), талмудист из Ла-Рошели, на севере Франции, усомнился в достоверности Талмуда и устного закона. За это он был отлучен от церкви французскими раввинами. Не имея никакого положения ни среди евреев, ни среди христиан, Донин решил принять крещение и принял имя Николай. Преисполненный ненависти к раввинам и Талмуду, отступник решил отомстить обоим. Вероятно, по наущению духовенства, он стал зачинщиком великого самовнушения евреев и их писаний, и именно он стал причиной кровавых преследований в Пуату. Однако его жажда мести еще не была утолена. Донин, или Николас, отправился к папе Григорию IX и выдвинул обвинения против Талмуда, заявив, что он искажает слова Священного Писания и что в агадических частях можно найти позорные изображения Бога; что, несмотря на это, раввины ценили его выше, чем Библию, и, наконец, что он был наполнен оскорблениями в адрес основателя христианской религии и Девы Марии. Донин продемонстрировал папе римскому, что именно Талмуд препятствовал евреям принять христианство, и что без него они наверняка отказались бы от своего неверия. Чрезмерное почитание, которое составители Талмуда оказывали прежним законодателям, причиняло жестокие страдания. Не принимая во внимание мудрое замечание Абталиона "Вы, мудрецы, будьте осторожны со своими словами", они, в своем желании увековечить каждое высказывание, каждый знакомый разговор, каждое тривиальное противоречие и даже каждую шутку, сказанную кем-либо из танаим или амораим, включили их в Талмуд, думая, что внешний мир от этого не станет мудрее. Но грехи отцов легли на плечи детей. Из-за различных неосторожных заявлений Талмуд предстал перед судом для ответа на эти обвинения, и весь еврейский мир, который принял Талмуд как свое руководство в жизни, был привлечен к ответственности за его содержание. Это был первый раз, когда его обвинили таким образом, но в течение столетия обвинение повторялось часто и в более ожесточенном духе. Отступник сделал выдержки из Талмуда и сформулировал тридцать пять статей, на которых основывал свои обвинения. В некоторых из них утверждалось, что Талмуд содержит много грубых ошибок и нелепостей, а также ряд богохульств против Бога; в других утверждалось, что он поддерживает нечестность и двуличие в общении с христианами; третьи снова утверждали, что Талмуд оскорблял и богохульствовал Иисуса, Деву Марию и Церковь. По сравнению со злобными нападками, которые предпринимали евангелисты, Отцы Церкви вплоть до Иеронима и Августина, а также различные церковные ученые с намерением унижить и ранить евреев, несколько отрывков из Талмуда, касающихся Иисуса, кажутся безобидными шутками;

но Церковь вела успешную войну против синагоги и была очень чувствительна к любым неуважительным высказываниям. Однако в своих обвинениях против Талмуда Николас-Донин искажил правду. Он заявил, что талмудические писания учат, что убийство даже лучших из христиан является достойным поступком; что христианин, который отдыхает в субботу или изучает Закон, должен быть наказан смертью; что обманывать христиан законно; что евреям разрешено нарушать обещание, данное под присягой; и он сделал много других лживых утверждений.

Вина Талмуда, которая подразумевала вину евреев, казалась безошибочной папе Григорию, для которого отступник составил эти основания для обвинения и которому он сообщил их как устно, так и письменно. Он немедленно разослал главам Церкви во Франции, Англии, Кастилии, Арагоне и Португалии расшифровки списка обвинений, составленного Николаем, и приказал им конфисковать все экземпляры Талмуда — утром в первую субботу Великого поста, когда евреи собирались в своих синагогах, — и передать их доминиканцам и францисканцам. Он также написал монархам этих стран и призвал их поддержать Церковь своей светской властью. Папа далее призвал провинциалов двух монашеских орденов, имевших инквизиторскую власть над книгами и доктринами, подвергнуть проверке содержание талмудических сочинений; и если их суждение подтвердит обвинения Николаса-Донина, они должны были сжечь тома Талмуда (9 июня 1239 г.).

Таким образом, в ход было пущено новое оружие для уничтожения иудаизма, и если бы этот папский указ неукоснительно выполнялся, духовная жизнь евреев, которая была тесно связана с Талмудом, оказалась бы под угрозой в своей самой важной части. Папа передал Николаю специальное письмо для передачи Уильяму, епископу Парижа, в котором обвинял его в яростном преследовании Талмуда во Франции, главном средоточии талмудической эрудиции и первоначальной родине тоссафистов.

Однако, когда указ папы должен был быть приведен в исполнение, оказалось, что мнимый Наместник Бога на земле на самом деле не обладал, даже в зените своего могущества, тем большим влиянием, которым он должен был обладать. Только в тех местах, где были затронуты личные интересы и страсти, князья полностью осуществляли насильственную политику папы; в остальном, если только правители не отличались особым фанатизмом, на папские указы мало обращали внимания даже в средние века. Приказ Грегори конфисковать Талмуд был полностью проигнорирован в Испании и Англии, по крайней мере, нет никаких записей о каких-либо враждебных мерах в этих странах. Только во Франции, где одержимый священничеством и слабоумный Людовик IX, достигнув совершеннолетия, номинально взял бразды правления в свои руки, Талмуд был действительно конфискован. Евреи были вынуждены под страхом смертной казни сдать свои экземпляры (март 1240 г.). Затем Талмуд был предан суду. Король приказал четырем выдающимся раввинам северной Франции провести публичный диспут с Николаем либо для опровержения обвинений, выдвинутых против Талмуда, либо для признания того, что в нем содержатся оскорбления христианства и богохульства по отношению к Богу. Каждый из этих раввинов должен был быть допрошен отдельно и дать ответы обвинителю.

Четырьмя раввинами, которые были вызваны в качестве защитников Талмуда, были Иехиэль (Виво) из Парижа, Мозес из Куси, вернувшийся из своего посольства в Испанию, Иегуда бен Давид из Мелена и Самуэль бен Соломон из Шато-Тьерри. Иехиэль, который был более красноречив, чем его товарищи, и, кроме того, чаще вступал в богословские дискуссии с

противниками, принадлежавшими к Церкви, был вызван первым без сопровождения своих друзей. Его попросили не оспаривать выдвинутые против них обвинения, а признать, что они были основаны на правде. Диспут проходил на латыни при королевском дворе (5 Тамуза—25 июня 1240 г.) в присутствии епископов Парижа и Санлиса, многих доминиканцев и мудрой королевы-матери Бланш, которая практически стояла во главе дел. Сначала Йехиэль отказался отвечать. Он основывал свое возражение на конституции пап, которая гарантировала евреям независимость в их внутренних делах. Он отметил, что Талмуд был самой сутью их жизни, во имя которой многие евреи были готовы умереть. Королева, однако, развеяла его опасения, заверив, что их жизням ничего не угрожает; она защитит их, и от него требуется только ответить на заданные ему вопросы. Когда Николас потребовал, чтобы рабби Йехиэль дал клятву отвечать в меру своих знаний и способностей, поскольку в противном случае он мог попытаться извратить правду с помощью тонкостей и уверток, раввин отказался это сделать. Он сказал, что никогда в жизни не давал клятвы и что не будет поминать имя Бога всуе. После этого королева освободила его от необходимости давать клятву. Развернувшаяся дискуссия касалась двух вопросов: были ли в Талмуде аморальные чувства и оскорбительные пассажи против Божества и содержались ли в нем оскорбительные высказывания в адрес Иисуса. Йехиэль опроверг обвинение в богохульстве и безнравственности. Что касается второго из обвинений, он утверждал, что не может быть никаких сомнений в том, что в Талмуде было рассказано много одиозных фактов об Иисусе, сыне Пантеры; они, однако, имели отношение не к Иисусу из Назарета, а к человеку с похожим именем, который жил задолго до него. Он сам верил, что это заявление было правдой, и подтвердил его с торжественностью клятвы. Традиция и талмудическая хронология ввели его в заблуждение, заставив поверить, что Иисус, чье имя встречается в Талмуде, не тождествен основателю христианства. Йехиэль также утверждал, среди прочего, что Отец Церкви Иероним и другие Отцы Церкви, которые были знакомы с Талмудом, никогда не утверждали, что в нем содержатся чувства, враждебные христианской вере, и что Николас был первым, кто выдвинул эти ложные обвинения, движимый чувством злобы и мести своим бывшим единоверцам, которые изгнали его из своей общины из-за его ереси.

Допрос Йехиэля Парижского длился два дня, в течение которых еврейские общины постились и возносили молитвы Богу, чтобы отвратить несчастье от их голов. На третий день был допрошен второй раввин, Иуда из Мелуна, которому предварительно не разрешили посоветоваться с Йехиэлем, которого держали под стражей. В основном он согласился с утверждениями Йехиэля о том, что клеветнические пассажи в Талмуде, касающиеся Иисуса, не относились к человеку, который пользовался таким большим почетом у христиан, и что Талмуд был незаменим для религиозной жизни евреев. Двум оставшимся раввинам не требовалось проходить обследование. В результате этого трехдневного обсуждения (25-27 июня 1240 г.) комиссия, которая была назначена для проведения расследования Талмуда, приговорила его к сожжению на том основании, что Йехиэль и Иуда из Мелуна были вынуждены признать правдивость некоторых обвинений. Однако обвинительный приговор остался неисполненным. Похоже, что архиепископ Вальтер (Гуатье) Корнутус из Санса, прелат, пользующийся влиянием у короля, заступился за евреев и добился возвращения многих конфискованных томов их владельцам. Из христианского источника информации, которая была призвана оклеветать евреев, но которая лишь убедительно указывает на коррумпированность церковных сановников того времени, почерпнуто, что этот прелат был привлечен на сторону евреев взяткой. Французские евреи были преисполнены великой радости по поводу неожиданного завершения этого события, имевшего

для них такое жизненно важное значение, и отметили день, когда им вернули копии Талмуда, как день ликования. Но они начали ликовать слишком рано.

Прелат, который возвысил свой голос в пользу евреев, внезапно умер; фанатичные монахи увидели в этом ниспосланное небом наказание за его дружбу с евреями или убедили слабоумного и покладистого монарха, что это так. Вслед за этим он приказал разыскать тома Талмуда и подобные им сочинения и силой отобрать их у их владельцев. Двадцать четыре повозки из них были собраны в одном месте в Париже и преданы огню (пятница, Тамуз—июнь 1242 года). Два молодых человека, один провансалец, а другой немец, по имени соответственно Абрахам Бедареси и Меир из Ротенбурга, написали каждый по элегии на это событие. Французские евреи или французские исследователи Талмуда, которые воображали, что они могли бы существовать без Талмуда так же мало, как и без своей души, не оставались пассивными, спокойно перенося свое горе. Они обратились к папе Иннокентию IV, преемнику Григория IX, с просьбой разрешить им сохранить свои талмудические труды, без которых они не могли выполнять свои религиозные обязательства. Их петиция была удовлетворена. Новый папа издал указ о том, что они не должны быть лишены тех сочинений, которые не содержат ничего антагонистичного христианству (1243), и под это описание мог быть включен Талмуд, поскольку христианское духовенство не могло отличить одно произведение от другого. Фанатики, однако, среди которых был папский легат Одо из Шатору, продолжали агитировать против этого эдикта, пока не убедили папу санкционировать приговор, вынесенный Талмуду.

Горе французских евреев в связи с этими событиями было душераздирающим. Они чувствовали, что у них вырвали сами сердца. Благочестивые люди среди них соблюдали годовщину сожжения Талмуда как пост. Однако один хороший эффект возник из этих массовых методов уничтожения. Противники маймунистов были в определенной степени обезоружены, и яростные страсти сторон, вовлеченных во внутренний конфликт, на некоторое время утихли. Иона Герунди был единственным оставшимся в живых из главных противников маймунистического учения. Но незадолго до этого он передал труды Маймуни доминиканцам и францисканцам в Париже, чтобы те бросили их в огонь. Как только Ионе стало известно о жестокой враждебности монашеских орденов инквизиции к Талмуду, который он так высоко почитал, он очень глубоко пожалел, что использовал их в качестве орудия своей ненависти к Маймуни, и увидел в сожжении Талмуда божественное наказание за то, что он позволил огню поглотить труды Маймуни. Он был настолько потрясен осознанием своей несправедливости, что публично, в синагоге, признался в своем искреннем раскаянии и объявил о своем намерении совершить паломничество к могиле Маймуни, там, закутавшись в траур, пасть ниц и в присутствии десяти человек вымолить прощение у этого великого и благочестивого человека. С этой целью он отправился в путешествие, покинул Париж и остановился в Монпелье, где также публично признался в своем раскаянии по поводу своей процедуры против Маймуни. Этот акт примирил две стороны. Противники отбросили все чувства злобы и относились друг к другу как братья. В своих беседах он неоднократно упоминал имя Маймуни с уважением, подобающим имени святого человека. Это обращение имело тем большее значение, что Иона был раввинским авторитетом и автором нескольких талмудических трудов, которые пользовались высокой оценкой.

С этого времени вся история евреев чередовалась с ограничительными законами и кровавыми преследованиями, которые повторялись из года в год, то в одном месте, то в другом, но главным образом в Германии, где нетерпимая Церковь превратила кротких от природы людей в тигров.

Когда монголы и татары, свирепые воины Чингисхана, вторглись в Европу, разорили Россию и Польшу и проникли до границ Германии, евреев обвинили в тайной помощи этому врагу христианства. Вместо того, чтобы направить свои обвинения против императора Фридриха II и папы римского, которые, вовлеченные в упорную вражду, спокойно наблюдали за наступлением диких завоевателей, гнев введенного в заблуждение населения, основанный на необоснованных обвинениях в вине, был направлен против евреев Германии. Среди монголов действительно были еврейские солдаты из независимых племен Хорасана, или, как их называют легенды, остатки Десяти племен, которые были заперты Каспийскими горами. Знали ли немецкие евреи что-либо о своих родственниках среди монгольских орд? Было ли у них с ними какое-либо тайное соглашение? В Германии распространилась история о том, что евреи предложили поставлять монголам отравленную провизию. Под этим предлогом они пытались снабдить их всевозможным оружием, упакованным в бочки. Бдительный пограничник, у которого возникли подозрения, настоял на том, чтобы бочки были открыты, после чего заговор был раскрыт. Эта история была воспринята с общим легковерием и стала причиной многих страданий немецких евреев.

Как будто представители Церкви еще не причинили евреям достаточного вреда, они решили лишить их единственного оставшегося влиятельного положения в христианском обществе. Медицинская практика находилась в основном в руках евреев; действительно, почти у каждого князя и дворянина был свой личный врач-еврей, который обладал большим или меньшим влиянием на разум того, чье тело было доверено его мастерству. Духовенство, которое редко было кротким, как голуби, но часто исполненным хитрости, не могло вынести такого влияния евреев на могущественных правителей страны. Церковный собор в Безье был первым, кто обратил особое внимание на вопрос о врачебном искусстве евреев. Под председательством архиепископа Нарбоннского этот собор, который также подвергал всевозможным лишениям альбигойских еретиков, возобновил многие древние ограничения. Они постановили, что евреям не должно быть позволено иметь христианских слуг или сиделок, и что они не должны иметь права занимать доверительные должности. Они не должны были покидать свои дома в течение Страстной недели; они должны были ежегодно выплачивать Церкви сумму в размере шести динаров на каждую семью. На груди им было приказано носить отличительный знак в виде колеса, и им было запрещено продавать мясо в общественных местах. К этим законам был добавлен канонический указ о том, что христиане не должны обращаться к услугам еврейских врачей под страхом отлучения от церкви (май 1246 г.). Эти ограничительные постановления были повторены советом, состоявшимся на юге Франции, в районе, где евреи придавали особое значение искусству врачевания. Три поколения семьи Тиббон были наставниками христианских врачей, и теперь третьему члену семьи, Мозесу (который процветал в 1250-1285 годах в Монпелье), переводчику философских и медицинских трудов, было приказано прекратить практику среди пациентов-христиан. Другой писатель по медицине и врач-практик, Шем-Тоб бен Исаак из Тортозы (родился в 1206 году, написал свои труды примерно в 1261-1264 годах), выступил с публичными лекциями об искусстве врачевания перед христианской аудиторией в Марселе и познакомил их с результатами работы арабских школ. Этот врач представляет собой поучительный пример еврейского рвения к знаниям. В юности его обучали исключительно Талмуду; позже он оставил это изучение и стал купцом, совершал морские путешествия и добрался до последней оставшейся резиденции бывшего христианского иерусалимского королевства, Жана д'Акра (Акко). Здесь один из его единоверцев, занимавшийся изучением математики, упрекнул его в том, что он считал науку подчиненной

зарабатыванию средств к существованию. Из-за этого упрека, хотя ему было уже больше тридцати лет, Шем-Тоб Тортоси изменил свой жизненный план, поспешил из Акчо в Барселону и сделал учебу своим основным занятием, а зарабатывание средств к существованию - второстепенным. Он изучал медицину и стал настолько искусен, что смог переводить труды лучших арабских врачей и читать лекции об искусстве врачевания. Эти и многие другие еврейские врачи должны были теперь, во исполнение указа собора в Безье, быть изгнаны из храма, ключом к которому, можно сказать, они одни во всем христианском мире владели.

Однако, хотя Церковь держала души верующих в плену и в состоянии мистификации, их тела по-прежнему бунтовали против нее и ее решений. Следовательно, этот канонический закон не мог долго сохранять свою силу. Во время болезни даже самый фанатичный христианин обращался за помощью к умному еврейскому врачу. Когда Альфонсо, герцог Пуату и Тулузы, брат короля-фанатика Людовика IX, под покровительством которого проходили антиеврейские соборы в Безье и Альби, заболел каким-то глазным заболеванием, он был волей-неволей вынужден обратиться за помощью к Аврааму Арагонскому, искусному еврейскому окулисту. Лорд Люнель был вынужден приложить огромные усилия и обратиться за добрыми услугами к своему еврейскому агенту, чтобы убедить богатого и независимого врача-еврея оказать помощь французскому принцу. В Монпелье, где находится знаменитый медицинский колледж, еврейским врачам долгое время разрешалось сдавать экзамены, практиковать и даже давать наставления.

Частые массовые убийства евреев, которые в течение десяти лет происходили в Германии и Франции, особенно по обвинению в убийстве христианских детей, побудили немецкую и французскую конгрегации обратиться за защитой к папе Иннокентию IV и объяснить ему, что обвинение в том, что они использовали кровь и сердца людей, было лживой выдумкой, состряпанной исключительно с целью поиска повода для убийства и грабежа. В это время Иннокентий жил в частичном изгнании в Лионе, куда он был вынужден удалиться из-за своего спора с императором Фридрихом II. Он уступил мольбам евреев либо потому, что считал необходимым, ввиду своих натянутых отношений почти со всеми светскими властями, казаться справедливым, либо потому, что евреи щедро снабдили его средствами, на которые он был так жаден, чтобы позволить ему победить своих непримиримых противников. Его жадность к деньгам стала предметом едкой сатиры, описывающей, как богиня Пекуния правит миром, Церковь никогда не закрывает перед ней свои двери, а папа римский охотно принимает ее в свои объятия. Иннокентий IV направил лионскую буллу (5 июля 1247 г.) церковным сановникам Франции и Германии, в которой впервые были официально опровергнуты неоднократные необоснованные и дьявольские обвинения против евреев. "Некоторые представители духовенства, князья, знать и вельможи ваших епархий ложно разработали определенные безбожные планы против евреев, несправедливо лишив их силой их собственности и присвоив ее себе; они ложно обвиняют их в том, что они разделили между собой на Пасху сердце убитого мальчика. Христиане верят, что Закон евреев предписывает им это, в то время как в их Законе предписано обратное. На самом деле, в своей злобе они приписывают каждое убийство, где бы оно ни произошло, евреям. И на основании этих и других измышлений они преисполняются гнева против них, отнимают у них их имущество без какого-либо официального обвинения, без признания вины, без законного суда и осуждения. Вопреки привилегиям, милостиво дарованным им с апостольской кафедры, и противясь Богу и Его справедливости, они угнетают евреев голодом, тюремным заключением и другими пытками и страданиями; они подвергают их всевозможным наказаниям, а иногда даже обрекают на смерть, так что что евреи, хотя и живут

под властью христианских князей, находятся в худшем положении, чем были их предки в Египте при фараонах. Они вынуждены в отчаянии покидать землю, на которой жили их отцы с незапамятных времен. Поскольку мы рады, что они не будут огорчены, мы предписываем вам вести себя по отношению к ним дружелюбно и по-доброму. Всякий раз, когда вы заметите какие-либо несправедливые нападки на них, возмещайте их ущерб и не допускайте, чтобы в будущем их постигли подобные невзгоды ". Можно было бы предположить, что столь решительное осуждение обвинения в крови раз и навсегда сняло бы эти ложные обвинения. Но папство настолько пропитало сердца людей чувством ненависти к евреям, что мягкое выражение мнения того или иного папы пролетало мимо, как дуновение ветра.

Так называемый Святой Людовик был в буквальном смысле более папским, чем сам папа. Его слабый ум с готовностью поддерживал все фанатичные меры, принимаемые против евреев. Когда ему пришла в голову дикая идея отправиться в новый крестовый поход, он конфисковал имущество некоторых евреев, чтобы получить деньги на кампанию. Во время войны в Египте в поддержку крестового похода он был взят в плен (апрель-май 1250 года). Магометане насмеялись над ним за то, что он, самый христианский король, позволил врагам христианства оставаться в своем королевстве. После этого, выйдя на свободу, он издал указ об изгнании всех евреев, за исключением ремесленников, со своих наследственных земель. Однако его благоразумная мать, королева Бланш, вероятно, не обратила внимания на этот безрассудный приказ. Однако после ее смерти и последующего возвращения Людовика во Францию (декабрь 1254 г.) король всерьез взялся за изгнание евреев. Их земельная собственность, синагоги и кладбища, были конфискованы короной. То, что Филипп Август сделал из явно политических побуждений, Людовик, святой Церкви, сделал из фанатизма. Но в этот раз, как и в предыдущий раз, период изгнания был недолгим. Как и прежде, эдикт касался только тех евреев, которые проживали на территории самого короля; и даже тогда были исключены те, кто жил трудом своих рук. Несколько лет спустя изгнанникам было разрешено вернуться, и им были восстановлены их синагоги и кладбища.

Примечательно, что духовная деятельность французских евреев, остроумное изложение Талмуда тоссафистами, ни в какой степени не прекратилось из-за этих страданий, но продолжалось без помех еще некоторое время. Талмуд был сожжен; Людовик снова запретил его изучение, и все же в это самое время благочестивый странствующий проповедник Моисей из Куси написал свой великий труд о Законе. При этом он объединил в ясной, синоптической манере элементы Талмуда с религиозными предписаниями Библии, исходя из Кодекса Маймуни. Другой известный талмудист, Самуэль бен Соломон сэр Морел из Фалеза, подготовил новый сборник Тоссафота как раз в то время, когда Талмуд был запрещен (1252-1259); у него не было экземпляра Талмуда для работы, потому что доминиканские шпионы лишили его его, и он был вынужден полагаться на свою память. Более того, у Йехиэля Парижского в его академии было триста студентов Талмуда, которым читал лекции, вероятно, по памяти. Но эта деятельность не могла продолжаться долго; приходилось сталкиваться со слишком многими препятствиями. Французские конгрегации обнищали из-за частых требований денег и конфискации их имущества. В то время как раньше Франция посылала деньги на поддержку евреев в Азии, Йехиэль теперь был вынужден послать гонца в Палестину и соседние земли, чтобы закупить материалы для содержания своей академии. Йехиэль почувствовал себя обязанным покинуть свою родину и эмигрировать в Палестину (к Жану д'Акру). Он был одним из

последних представителей французской школы тоссафистов, которая развила в себе столько изобретательности и критической проницательности, но теперь постепенно приходила в упадок и приближалась к своему падению. Церкви удалось полностью уничтожить талмудический дух, который имел свой главный дом во Франции. Последние последователи школы тоссафистов во Франции были всего лишь компиляторами, которые стремились привести результаты трудов ученых прошлого в надлежащую форму и порядок. Движимый убеждением, что изучение Талмуда приходит в упадок и что даже раввины затрудняются принять правильные решения, Исаак бен Иосиф из Корбейля, ученик и зять Иехиэля Парижского, написал краткое руководство по таким религиозным обязанностям, которые имели практическое значение для евреев в их рассеянии (Семак). Он стремился сделать свою книгу как можно более популярной и приятной, поскольку в то время не мог рассчитывать на то, что она будет легко понята большинством людей в какой-либо другой форме, и он направил письмо конгрегациям Франции и Германии с просьбой сделать копии его работы и распространить знания о ней. Тоссафистский метод обучения погиб перед фанатизмом нищенствующих монахов и фанатизмом короля Людовика IX.

В Англии на протяжении долгого правления короля Генриха III (1216-1272) положение евреев становилось все хуже и хуже. Генри, действительно, не был тираном, как его отец, Джон Лэклэнд, и поначалу был доброжелательно расположен к евреям. Во время своего несовершеннолетия, пока регент держал бразды правления в своих руках, к евреям относились с большой снисходительностью. Шерифам были отданы приказы защищать их от насилия толпы; а духовенству были отданы четкие и внушительные приказы не брать на себя какую-либо власть над евреями. Генрих, или регент, разрешал иностранным евреям высаживаться и селиться в любой части Англии без уплаты какого-либо специального налога за эту привилегию; и он запретил местным евреям, на самом деле, не из каких-либо особо нежных чувств к ним, покидать страну. Генри, как и его отец, назначил главного раввина над всеми еврейскими общинами (*presbyter Judæorum*). Первым человеком, занявшим этот пост, был Джосеус (Хосе?); Аарон из Йорка сменил его, и последним, кто занимал этот пост, был Элиас из Лондона. Это назначение было пожизненным. Главный раввин Англии обладал очень большой властью над членами своей общины. В то же время он был королевским надзирателем (*justitiarius*) за доходами короны, которые поступали от евреев. Он, вместе с некоторыми коллегами-евреями и христианами, должен был вести реестр имущества английских евреев в списках (*rotuli*); следить также за уплатой налога на евреев в казну, называемую еврейской казной; а также передавать в королевскую казну имущество людей, умерших без наследников, причем это имущество переходило короне. Если главный раввин не хотел заниматься финансовыми вопросами, он мог назначить заместителя, наделенного всеми полномочиями. Наконец, он был наделен полномочиями отлучать от церкви членов своей общины, которые отказывались подчиняться его указам или которые не хотели вносить свой вклад в бремя общины. Генрих III поначалу энергично сдерживал нетерпимость Церкви. Однажды, когда архиепископ Кентерберийский, чтобы предотвратить общение между христианами и евреями, издал указ, запрещающий всем христианам под страхом церковного порицания продавать евреям любые продукты питания, король отменил этот запрет. В то время как толпы крестоносцев грабили и убивали французских евреев, Генрих прилагал все усилия, чтобы предотвратить распространение этого духа фанатизма по своим владениям.

Но такое внимательное отношение к евреям длилось недолго. Генрих III отличался безрассудной натурой и был очень экстравагантен. Он с готовностью прислушивался ко всему,

что советовали его друзья. Особенно им руководили легаты и финансовые агенты папы римского, которые были посланы грабить эту богатую землю и которые, подобно длительной эпидемии, нанесли большой ущерб Англии и вызвали восстания и гражданскую войну. С одной стороны, он остро нуждался в очень большой сумме денег, а с другой - влияние Церкви постоянно усиливалось. Чтобы пополнить свою почти пустую казну, Генрих обложил евреев подушным налогом, даже новорожденных младенцев. Часть каждого долга, заключенного между евреями и христианами, должна была поступать в королевскую казну. Поэтому долговые расписки евреев регистрировались и проверялись с подозрительной тщательностью, чтобы не допустить попытки обмануть его величество. Облигации должны были быть засвидетельствованы несколькими свидетелями, и их копия была передана на хранение в городской архив. Обычные налоги с евреев, однако, ненадолго удовлетворяли короля, который был по уши в долгах и очень расточителен в своих расходах. Огромные суммы вымогались из конгрегаций, то под одним предлогом, то под другим. Духовенство предоставляло такие возможности. Иногда евреев обвиняли в том, что они убивали своих крещеных братьев и делали обрезание мальчикам-христианам. По таким обвинениям отдельные лица или даже целые общины были брошены в тюрьму и освобождены только после уплаты крупного выкупа. Все это, однако, не представляет ничего нового. Нечто совершенно новое и оригинальное было сделано, когда король созвал еврейский парламент. Он разослал предписания всем английским общинам, приказав более крупным из них прислать шесть представителей из числа своих выдающихся мужчин, а более мелким - двух, которые должны были собраться перед королем в Вустере в воскресенье перед Великим постом. Еврейский парламент в Вустере насчитывал более ста членов. Король в своем послании заявил, что они должны посоветоваться ради своего собственного благополучия и благополучия его величества. Но едва ли возможно, чтобы евреи позволили убаюкать себя обманчивым обещанием о том, что им будут предоставлены свободы. Генрих собирал свой обычный парламент только тогда, когда ему срочно требовались припасы. Соответственно, он сообщил своему еврейскому парламенту, что тот должен собрать для него большие суммы денег, и евреи не посмели возражать. Наконец, парламент избрал заслуживающих доверия людей, которые должны были рассчитать денежные средства для каждой общины и проследить за их выплатой. Если распределенные суммы денег не поступали, сборщики привлекались к ответственности под страхом тюремного заключения для них самих, их жен и членов их семей. Когда, наконец, Генрих достаточно вымогал у евреев и чувство стыда помешало ему потребовать от них еще денег, он пообещал их на определенных условиях своему брату Ричарду, который относился к ним еще меньше.

Теперь Церковь приступила к своим каноническим вымогательствам и жестокостям. Духовенство убедило короля, который был их марионеткой, запретить евреям возводить какие-либо новые молитвенные дома; они не должны были произносить свои молитвы вслух в своих синагогах, и особенно они должны были носить бросающийся в глаза значок еврея на своей одежде. Было принято много других законодательных актов аналогичного характера. Жизнь евреев стала настолько невыносимой из-за этой двойной тирании Церкви и государства, что их главный раввин Элиас вместе с несколькими коллегами дважды заявлял королю от имени конгрегаций, что они не могут платить налоги, которые с них постоянно требовали, и они должны попросить разрешения покинуть страну. Как бы им ни было жаль покидать родную землю и покидать свои дома, они предпочитали это тому жалкому состоянию, в котором находились сейчас. Но это было бесполезно. Евреи были вынуждены оставаться в Англии против своей воли; они были вынуждены отдать свой последний фартинг и прибегнуть к

ростовщичеству, чтобы пополнить свою казну. Сохранившийся отчет дает некоторое представление о поборах, произведенных Генрихом III. Евреи должны были собрать в течение семи лет сумму в 422 000 фунтов стерлингов. Один еврей, Аарон Йоркский, был вынужден выплатить королю за семь лет сумму в 30 000 марок серебром, помимо 200 марок золотом королеве. Поскольку главный раввин Элиас был недостаточно строг в сборе денег для короля, Генрих сместил его и предоставил евреям привилегию выбирать своих собственных духовных лидеров за определенную сумму.

Тем временем и в Англии против евреев было выдвинуто обычное обвинение в детоубийстве. Доминиканцы со своим ядовитым красноречием рьяно требовали их наказания. Несколько из них были брошены в тюрьму, но францисканцы освободили их. Мэтью Пэрис, злобный хроникер того периода, замечает по поводу этого дела: "Ходят слухи, что дружба миноритов к евреям была куплена взяткой". На самом деле это утверждение доказывает не вину евреев в детоубийстве, а то, что францисканцы в кои-то веки позволили подкупить себя ради правого дела. Постоянная агитация фанатичных доминиканцев против евреев наполнила народ глубокой ненавистью к этой расе. В то время, когда палата общин была признана законом Третьим сословием и восстала против деспотического правления монарха, они напали на евреев в Лондоне, разграбили их сокровища и убили 1500 из них (Пасхальная неделя 1264 года). Уцелевшие евреи бежали в поисках безопасности в Тауэр, где король даровал им свою защиту; однако их дома попали в руки баронов-грабителей. Евреи настолько обнищали в результате этих нападений, что были не в состоянии платить обычные налоги, и Генрих был вынужден переводить платежи в течение трех лет, чтобы не довести их до состояния полной нищеты (1268). Кроме того, король и парламент запретили им покупать поместья за плату или, вообще, недвижимость у христианских владельцев (1270).

При поверхностном сравнении со своими собратьями в Англии, Франции и Германии евреи в Испании в то время казались живущими в раю. В Кастилии королем был Альфонсо X (1252-1284), которого даже современники называли Мудрым. Он испытывал настоящую и сильную привязанность к науке и поощрял ее изучение. Он подражал славе своих магометанских предшественников, Абдеррахмана III и Альхакема. Его отец, Фердинанд Святой — титул, всегда ассоциировавшийся с Нетерпимостью, — не был особенно милостив к евреям, но сын, который ни в чем не был с ним согласен, казалось, желал избрать другой курс действий. В войне против Севильи, которую он вел, будучи еще законным наследником престола, в его армии было много еврейских солдат. Когда этот город был захвачен, и округ делился между воинами, инфант Альфонсо хорошо заботился об интересах своих еврейских союзников. Он выделил им определенные земли, где они могли бы основать исключительно еврейскую деревню (Альдеа-де-лос-Джудиос). Он передал евреям Севильи три мечети, которые они превратили в синагоги. Последние, вероятно, помогли ему во взятии города, поскольку они были очень несчастны под властью альмохадов, будучи вынуждены жить как магометане. Большая часть города, которая была отделена от остальной части города стеной, принадлежала им (под названием Партернилья-де-лос-Джудиос). Из благодарности победителю конгрегация Севильи подарила ему ценный ключ художественной работы с надписью на иврите и испанском, которая гласила: "Царь царей открывается, царь земли войдет". Когда Альфонсо взойшел на трон, он доверил евреям многие важные официальные должности. Дон Меир де Малеа, который был образованным человеком и изучал Талмуд, был казначеем этого монарха и носил титул Альмоксарифа. Судя по всему, он выполнял свои обязанности на этом посту настолько превосходно, что его сын, Дон Заг (Исаак), сменил его на этом посту. В Кастилии на долгое

время вошло в обычай выбирать евреев в качестве канцлеров казначейства не только потому, что они были лучше информированы в финансовых вопросах, чем испанские идадьго, но и потому, что они управляли делами более надежным и умелым образом. Многие другие евреи были допущены ко двору Альфонсо. Он нанял врача-еврея, дон Иуду бен Мозеса Коэна, который в то же время был его астрономом и астрологом. У короля, который сам в значительной степени занимался изучением астрологии и алхимии, были астрономические труды и книга о свойствах некоторых камней, переведенная учеными евреями с арабского на кастильский. В этот период, как и в прежние времена, было очень мало христианских ученых, знакомых с арабским языком, хотя они были окружены арабами, и евреи здесь, как и в большинстве других мест, должны были обеспечивать средства общения. Церковники, которые не забыли латынь, затем перевели кастильскую версию, сделанную евреями, на язык Церкви. Король привык называть чтеца молитв в синагоге Толедо "своим мудрецом". Этим человеком был Дон Заг (Исаак) Ибн-Саид (Сид), один из самых выдающихся астрономов своего времени. Альфонсо поручил этому регенту, дону Загу, составить астрономические таблицы, работа над которыми делает имя этого монарха более известным, чем его военные подвиги и политическая мудрость. Вплоть до недавних открытий в астрономии те, кто занимался этим исследованием, пользовались "Таблицами Альфонсо", которые более уместно было бы назвать таблицами Зага или Саида. При дворе Альфонсо был третий еврейский ученый, Самуэль Галеви, чье имя связано с хитроумными водяными часами, которые он изобрел и изготовил по приказу короля. Представители Церкви, естественно, были очень возмущены тем, что евреи занимали такие важные посты при дворе, и вслед за этим папа Николай III со свойственным ему эгоизмом и самонадеянностью упрекнул короля в длинном списке грехов и указал, что многие беды возникли из-за того, что евреев предпочитали христианам.

Однако, хотя Альфонсо принимал ко двору многих культурных и способных евреев и использовал их таланты, все же положение евреев Кастилии под его правлением было отнюдь не таким благоприятным, как можно было бы ожидать на первый взгляд. Альфонсо не был полностью свободен от предрассудков своего времени. Дух ненависти к евреям, который был возбужден Иннокентием III, овладел им, как и императором Фридрихом II, на место которого он был избран определенной фракцией. Альфонсо заслуживал почетного звания "Мудрого" лишь в ограниченном смысле, поскольку действовал крайне неразумно в политических вопросах, а в своих отношениях с Церковью отнюдь не был столь просвещенным, как Фридрих II. В качестве одолжения духовенству или потому, что он был фанатиком, он наложил на евреев множество ограничений и довел их до деградированного состояния. Не совсем точно, был ли вестготский сборник законов (называемый *Forum Judicum*, *fuero juzgo*) переведен на кастильский Альфонсо или его отцом. Из этой коллекции испанцы почерпнули свою неистребимую ненависть к евреям. Ответственен за это Альфонсо или нет, тем не менее хорошо известно, что он стремился довести евреев до жалкого состояния серией собственных законодательных актов.

Он составил для всех народов своего королевства объемистый свод законов, разделенный на семь групп и написанный на кастильском языке (1257-1266). В этой работе много упоминаний о евреях, фактически целый раздел кодекса посвящен исключительно им. Там говорится: "Хотя евреи отрицают Христа, их терпят во всех христианских странах, чтобы они могли напомнить всем, что они принадлежат к той расе, которая распяла Иисуса. Поскольку их просто терпят, они должны вести себя тихо и ненавязчиво, не должны открыто проповедовать доктрины иудаизма и пытаться обратить кого-либо в свою религию". Закон Альфонсо предусматривал смертную казнь за обращение христианина в иудаизм. В нем утверждается, что в древние времена евреев

уважали и называли народом Божиим, но из-за своего нечестия против Иисуса они утратили это отличие, и ни один еврей никогда не должен был получить какого-либо достоинства или занять какую-либо государственную должность в Испании. Альфонсо включил в свой свод законов все возможные ограничения, которые когда-либо были изобретены фанатизмом и ненавистью против евреев. Им было запрещено строить новые синагоги, иметь слуг-христиан и вступать в смешанные браки с христианами. Евреи и еврейки должны были носить особый знак на своем головном уборе, и любой человек, замеченный без этого знака, был приговорен к уплате штрафа в размере десяти золотых монет, или, если он был беден, к получению десяти ударов бичом. Евреи и христиане не должны были ни есть вместе, ни мыться в компании. Альфонсо также ввел постановление о том, что евреи не должны появляться на улицах в Страстную пятницу. Мудрый Альфонсо поверил лживой истории о том, что евреи каждый год в Страстную пятницу распинали христианского ребенка, и поэтому издал закон, согласно которому любой, кто был признан виновным в этом преступлении, или тот, кто распял восковую фигуру в этот день, должен быть предан смерти. Напрасно папа Иннокентий IV заявлял о ложности этого обвинения и доказывал невиновность евреев. Когда было слышно, как папа благосклонно отзывался о евреях, его непогрешимость была дискредитирована даже культурным монархом, который поддерживал отношения с евреями. Трудно поверить, что король, державший частного врача-еврея, издал закон о том, что ни один христианин не должен принимать никаких лекарств, приготовленных евреями. Следует считать большой уступкой евреям то, что Альфонсо постановил, что их синагоги не должны оскверняться или бесчеститься, что их не следует принуждать к крещению, что их не следует вызывать в суд по их праздникам, а просто приносить клятву на Торе, без каких-либо дальнейших унижительных церемоний, которые иногда добавлялись в Германии.

Законы Альфонсо в отношении евреев в то время не имели практического значения; его кодекс приобрел силу закона лишь гораздо позже. Альфонсо сам нарушил те самые законы, касающиеся евреев, которые он установил, когда разрешил евреям занимать доверенные должности. Тем не менее, его сборник законов оказал самое пагубное воздействие на евреев Испании. Это установило канонический стандарт, подобный государственному, и способствовало превращению их рая в настоящий ад. Законы Альфонсо действуют и по сей день в Испанской Америке, в то время как его астрономические таблицы забыты.

Евреи в королевстве Арагон подвергались еще худшему обращению, чем в Кастилии. Здесь действовали два фактора, которые сделали их положение самым унижительным. Король Джейм (Яков I), правивший долгое время, имел владения на юге Франции и часто вступал в контакт с фанатичным Людовиком Сент-Луисом и его советниками. От них он перенял теорию надлежащего обращения с евреями. Он также смотрел на них, со всем их имуществом, как на движимое имущество государя, его "*servi camerae*", крепостных. Ни одному еврею не разрешалось становиться под защиту дворянина. В этом было преимущество: это выводило евреев из-под юрисдикции духовенства. Джейм издал закон, в котором прямо говорилось, что с евреями нельзя обращаться ни как с заключенными, ни как с рабами. Тем не менее, они подвергались произволу правящего монарха, который не был ограничен никакими законами или обычаями. Второе пагубное влияние исходило от Церкви и ее слепых фанатиков. Генералом доминиканцев был Раймонд де Пеньяфорте, собиратель папских декреталий, предшественник Торквемады, вся душа которого была поглощена задачей возвышения власти папства и непогрешимой Церкви над властью государства. Этот мрачный и злобный монах был духовником короля Джейма. Король Арагона много любил и сильно грешил, и поэтому

постоянно нуждался в своем отце-исповеднике и зависел от него; и хотя он не всегда подчинялся его воле в обращении с евреями и магометанами, он с радостью выполнял его приказания. Главной целью усилий Пеньяфорте было обращение евреев и магометан. В высших школах, управляемых доминиканцами, в Пеньяфорте преподавали также иврит и арабский, чтобы монахи-проповедники могли использовать свои знания этих языков для обращения в христианство.

Молодой человек из этого ордена по имени Пабло Кристиани, крещеный еврей, похожий по характеру на Николаса Донино, был первым миссионером-проповедником по обращению евреев. Он путешествовал по югу Франции и в других местах, приглашал евреев вступить с ним в дискуссию и стремился продемонстрировать им, что мессианский характер и божественность Иисуса подтверждены Библией и Талмудом. Поскольку его миссия увенчалась небольшим успехом или вообще не увенчалась, Де Пеньяфорте решил устроить публичный диспут об относительных достоинствах иудаизма и христианства при королевском дворе между Пабло Кристиани и Мозесом Нахмани, самым известным раввином Испании. Если раввин обратится в христианство, Пеньяфорте надеялся без каких-либо трудностей добиться всеобщего признания еврейскими общинами истин христианской веры. Нахмани получил письмо с приглашением от короля Джейма приехать в Барселону и принять участие в торжественном обсуждении (1263).

Появился Нахмани и, вопреки своему желанию, был вынужден заявить о своем желании принять участие в диспуте. Однако он сделал это с достоинством и представлял религию своих отцов перед христианским королем так же благородно, как Филон Александрийский за двенадцать столетий до этого в присутствии языческого императора. Вначале Нахмани сказал Джейму и своему духовнику Пеньяфорте, что он готов принять участие в этом конкурсе только при условии предоставления ему полной свободы слова, чтобы он мог встретиться со своим оппонентом на равных. Король согласился с этим условием. Когда Пеньяфорте вслед за этим заметил, что он не должен пользоваться этой свободой слова для того, чтобы поносить и богохульствовать христианство, он с достоинством ответил, что ему известны правила вежливости. Дискуссия между Нахмани и Пабло Кристиани, если сравнить ее с дискуссией между Иехиэлем и Николасом-Донином, ясно показывает превосходство испанских евреев над их братьями из северной Франции. Раввин Парижа и доминиканец Донин дрались как два свирепых боксера, нанося друг другу сильные удары кулаком, сопровождаемые бранью; раввин Жероны и доминиканец Пабло, с другой стороны, встретились как два образованных дворянина, которые наносили удары с видом вежливости и с должным соблюдением этикета изысканного общества.

Этот диспут в Барселоне длился четыре дня (начиная с 20 июля). Это происходило во дворце короля в присутствии всего двора и многих выдающихся духовных лиц, рыцарей и горожан. Среди зрителей, вероятно, было много евреев. Нахмани в самом начале четко определил вопросы, подлежащие обсуждению. Он отметил, что различий между иудаизмом и христианством было так много, что было бы целесообразно обратить внимание только на самые существенные из них. Тематами для обсуждения, которые он предложил, были, во-первых, явился ли Мессия или нет; затем, следует ли рассматривать Мессию, согласно библейским пророчествам, как Бога или как человека, рожденного от человеческих родителей; и, наконец, обладали ли евреи или христиане истинной верой. Король и все, кто был заинтересован в этом вопросе, выразили свое одобрение этому предложенному плану. Примечательно, что в то время как Николас-Донин обвинял Талмуд на том основании, что в нем содержались оскорбительные

нападки на Иисуса и христиан, Пабло Кристиани основывал свой аргумент на противоположном утверждении, что Талмуд признавал Иисуса Мессией. Это утверждение Нахмани, конечно, было легко опровергнуть. Главное доказательство Пабло основывалось на агадических отрывках, но Нахмани в начале обсуждения тщательно защищался от такого метода атаки, решительно заявляя, что он не верит в эти и другие агадические истории. Доминиканец теперь заявил, что такое толкование, которое он предложил, было ересью, как будто он лучше раввина знал, что в иудаизме ортодоксально, а что неверно. Его еврейский оппонент, однако, не позволил бы сбить себя с толку подобными замечаниями, и сказал в оправдание своей позиции, что еврею подобает верить в истинность Библии и в изложение Талмуда во всех аспектах религиозной практики; но, с другой стороны, он был совершенно свободен отвергать или принимать толкования Агад, которые следовало рассматривать только как проповеди (*sermones*), поскольку они соответствовали или противоречили его взглядам. Нахмани сделал еще одно смелое замечание. Он сказал, "что больше уважает христианского монарха, чем Мессию". Это заявление он обосновал тем, что для него и для всех евреев было более достойно соблюдать предписания своей религии, находясь под властью христианского правителя, в изгнании и терпя унижения и оскорбления, чем соблюдать их, живя в достатке и свободе под властью могущественного еврейского царя. Мессию следовало рассматривать не более чем как царя из плоти и крови. Нахмани не забыл выдвинуть важное возражение против мессианского характера Иисуса, которое использовалось древними авторами-полемистами. Все пророки предсказывали, что во времена Мессии среди человечества восторжествует более высокий уровень морали, и особенно то, что прекратятся все войны и кровопролитие. Но с момента явления Иисуса мир действительно наполнился насилием и несправедливостью. Христиане считались самыми воинственными среди народов, то есть людьми, пролившими больше всего крови. Затем, повернувшись к царю, Нахмани сказал: "Тебе и твоим рыцарям надлежит, о царь, положить конец всем твоим войнам, как того требует начало мессианской эры".

Когда Нахмани в течение трех дней с искренностью, сочетающейся с достоинством, дискутировал о доктринах христианства, евреи Барселоны умоляли его прекратить диспут, так как они опасались преследований доминиканцев. Многие рыцари и священнослужители также предостерегали его от того, чтобы его откровенность не заходила слишком далеко. Христианские жители Барселоны были заинтересованы в защите евреев и желали избежать любых провокаций. Нахмани рассказал королю о преобладающих чувствах, но пожелал продолжения спора. Поэтому интеллектуальный турнир был возобновлен. В конце концов победу одержал Нахмани, поскольку Пабло не смог справиться с его хорошо направленными аргументами. В конце обсуждения царь сказал Нахмани на частной аудиенции, что он никогда не слышал, чтобы столь искусно защищался столь несправедливый вопрос. Доминиканцы, однако, попытались распространить слух о том, что Пабло Кристиани ухитрился так ловко перехитрить своего противника, что последний, охваченный стыдом, тайно бежал. Нахмани не только не сбежал, но остался в Барселоне еще на неделю, поскольку распространился слух, что его величество и доминиканцы намерены посетить синагогу в следующую субботу. Они действительно появились в синагоге, и Пеньяфорте возобновил диспут там. Он проиллюстрировал доктрину Троицы вином, которое обладает свойствами цвета, вкуса и запаха и при этом является единством. Нахмани было нетрудно дать исчерпывающий ответ на эти и подобные аналогии, и в конце концов он вынудил исповедника царя сделать опасное признание, что идея Троицы была настолько глубокой тайной, что даже ангелы были неспособны постичь ее. Вслед за этим Нахмани заметил: "Если это действительно так, то не

следует упрекать людей, если они не могут превзойти ангелов в мудрости". Перед отъездом Нахмани снова был допущен на аудиенцию к королю и отпущен с дружеским прощанием. Король подарил ему триста мараведи в знак уважения.

Последствия этого спора в Барселоне были отнюдь не безобидными. Де Пеньяфорте был полон решимости ускорить обращение евреев и не позволял ничему отклонить его от своего твердого намерения. Он получил от короля Джейма охранную грамоту, которая позволила бы его протекже Пабло Кристиани отправляться в длительные миссионерские путешествия, и таким образом евреи оказались беззащитными перед капризом еврейского монаха-доминиканца. То, что не увенчалось успехом в Барселоне с таким противником, как Нахмани, возможно, будет успешным в других местах с менее искусными соперниками. Конгрегациям в Арагоне и прилегающих округах южной Франции было отдано строгое распоряжение вступить в дискуссию с Пабло Кристиани по его приглашению. Евреи должны были спокойно слушать его либо в своих синагогах, либо где бы то ни было, где бы они ни оказались, кротко отвечать на его вопросы и передавать ему все книги, какие ему потребуются для демонстрации. Они также должны были покрыть расходы на его миссию. Можно себе представить отчаяние евреев от таких требований. Победившие или побежденные, они подвергались пыткам и вымогательству.

Поскольку, несмотря на защиту, предоставленную ему королем, Пабло Кристиани не встретил сердечного приема среди своих бывших единоверцев, он пошел по стопам Николаса-Донина и осудил Талмуд, утверждая, что в нем содержатся отрывки враждебного содержания, направленные против Иисуса и Марии. Он отправился к папе Клименту IV и повторил ему обвинения против Талмуда. Папа по его просьбе издал буллу (1264 г.) епископу Таррагоны, предписывающую ему конфисковать экземпляры Талмуда и передать их на экспертизу доминиканцам и францисканцам; если они будут признаны богохульными, они подлежали сожжению. Пабло Кристиани, отступник, лично привез этого быка в Испанию. Вслед за этим король Джейм приказал (1264 г.) изучить Талмуд и вычеркнуть отрывки, содержащие оскорбления и клевету. Обязанность цензора была возложена на епископа Барселоны Де Пеньяфорте и трех других доминиканцев вместе с Пабло Кристиани. Эта комиссия отметила отрывки из Талмуда, которые подлежали уничтожению, и, таким образом, доминиканцы впервые ввели цензуру в отношении Талмуда в Испании. Цензура в Арагоне в целом была менее разрушительной, чем во Франции, где весь Талмуд был обречен на сожжение. Причина такой сравнительной мягкости объяснялась тем фактом, что Раймонд Мартин, член доминиканского ордена и совета цензоров, а также автор двух антиеврейских работ, был убежден, что несколько отрывков в Талмуде свидетельствуют об истинности христианства и, безусловно, являются традициями, идущими от Моисея, и что поэтому Талмуд не следует полностью уничтожать.

Пагубные последствия спора с Нахмани еще не были перечислены. Они затронули даже самого человека, который был аккредитованным представителем испанского иудаизма в эпоху после маймунизма. Нахмани оказался вынужден опубликовать для своих единоверцев правдивый отчет о происходящем в Барселоне, чтобы противостоять миссионерским махинациям Пабло Кристиани и осудить неоправданное тщеславие доминиканцев по поводу победы, которую они объявили одержанной в ходе диспута, состоявшегося при дворе.

Он не делал секрета из этого, но передал копию своей брошюры епископу Героны, и поскольку последний не высказал возражений, копии отчета об этом диспуте были разосланы в различные страны, где проживали евреи (около 1264 года). Как и следовало ожидать, Нахмани

этим поступком навлек на себя еще более яростную ненависть доминиканцев. Пабло Кристиани, получивший отчет о диспуте и понимавший иврит, отобрал из него отрывки, которые содержали грубые богохульства против христианской религии, и уведомил о них Де Пеньяфорте, своего начальника, фанатичного генерала доминиканцев. Затем последний совместно с братом-монахом возбудил уголовное дело и подал официальную жалобу королю на автора и его произведение. Дон Хайме был вынужден согласиться с обвинением; но он не доверил разбирательство суду, состоящему из доминиканцев, а созвал чрезвычайную комиссию и пригласил Нахмани (или, как его называли христиане, Бонаструк де Порте) защищать себя и распорядился, чтобы разбирательство проводилось в его присутствии. Нахмани оказался в очень неприятном положении, но его непоколебимая правдивость не подвела его. Он признал, что высказал много вещей против христианства в своей брошюре, но не написал ничего такого, что не использовал бы в своем диспуте в присутствии короля; и он попросил у короля и генерала доминиканцев свободы слова, чтобы высказывать эти вещи, и получил разрешение. Он не должен привлекаться к ответственности и осуждаться за выражения в его письменном отчете, которые остались без ответа в его устной защите.

Король и комиссия признали справедливость его оправдания; тем не менее, чтобы не провоцировать орден доминиканцев или Де Пеньяфорте, Нахмани был приговорен к изгнанию из своей родной страны на два года, а его брошюра была приговорена к сожжению. Инквизиция еще не достигла всемогущего положения. Доминиканцы, однако, ни в коем случае не были удовлетворены этим сравнительно мягким приговором, поскольку ожидали гораздо более сурового наказания. Похоже, что они намеревались вызвать Нахмани перед своим собственным трибуналом, где они, несомненно, приговорили бы его к смерти. Король Джейм оказал энергичное сопротивление этому проекту. Он дал Нахмани что-то вроде хартии, в которой говорилось, что он может быть обвинен в этом деле только в присутствии короля (апрель 1265 г.). Доминиканцы, естественно, были очень разгневаны мягкостью короля и очевидным посягательством на их судебную прерогативу решать вопросы жизни и смерти. Они обратились к папе Клименту IV с жалобой на то, что король позволил автору памфлета, грубо оскорбляющего христианство, остаться безнаказанным. Папа, который в то время затаил другие обиды на короля Арагона, обратился к нему с очень суровым посланием. Он упрекнул его в ряде грехов, приказав лишить евреев государственных должностей и подвергнуть суровому наказанию этого закоренелого злодея, который, приняв участие в религиозной дискуссии, опубликовал брошюру в качестве трофея за свою ересь (1266). Невозможно полностью установить, подчинился ли король папе в отношении Нахмани или нет, и каков был его приговор. Во всяком случае, судя по всему, ему было назначено одно наказание, а именно изгнание из страны. В возрасте семидесяти лет Нахмани покинул свое отечество, двух сыновей, школу и друзей и отправился в изгнание. Он отправился в Святую Землю, преисполненный такой же сильной тоски, как и его духовный родственник Иегуда Халеви. Он пошел на шаг дальше последнего, утверждая, что религиозный долг каждого еврея - жить в Иудее. Таким образом, судьба была к нему благосклонна, помогая ему выполнить приказ и исполнить его горячее желание. Он отправился в свое путешествие на корабле и высадился в Жан д'Акре (1267), который в то время все еще находился в руках христиан. Оттуда он поспешил отправиться в Иерусалим (9 июля—12 августа).

Чувства Нахмани были глубоко взволнованы, когда он увидел состояние Святой Земли и Священного города. Он испытал еще более сильное разочарование, чем Иегуда Халеви. Монголы или татары, правившие султаном Хулагу, совершили ужасные опустошения на этой

земле несколькими годами ранее (1260 год). Этот дикий монарх, завоевав восточный халифат, обратил свое внимание на Египетский султанат, захватил крепости на Евфрате, Дамаск, Алеппо и Баальбек и пробился в Палестину. Иерусалим превратился в груды развалин; все его жители покинули его (1260). Евреи связывали эти экстраординарные события со своими надеждами на Мессию. "Ненавистные, уродливые люди Востока", покорившие обоих угнетателей Израиля, последователей Иисуса и Магомета, возможно, приблизили бы для Израиля час искупления. Энтузиаст распространил новое откровение, которое, как говорят, было дано через Симона бар Йохая, медиума, к которому так часто обращаются мистики, и в нем говорилось, что опустошения монголов были страданиями, которые должны предшествовать пришествию Мессии.

Нахмани прибыл в Палестину через несколько лет после того, как монголы были изгнаны из страны султаном Египта. Он увидел множество руин и красноречиво описал их, сказав: "Чем святее место, тем больше его запустение; Иерусалим более пустынен, чем остальная Иудея, а Иудея, в свою очередь, более пустынна, чем Галилея". Евреи Святого Города были либо убиты, либо рассеяны; свитки Закона были спасены теми, кто бежал в Сихем. Две тысячи магометан и триста христиан снова поселились в Иерусалиме, но Нахмани обнаружил там только одну или две еврейские семьи, и, как и прежде, они пользовались привилегией заниматься красивым делом. Еврейские паломники, прибывшие в Иерусалим из Сирии, построили синагогу по предложению Нахмани. На Елеонской горе, напротив руин Храма, Нахмани выразил свою глубокую скорбь по поводу запустения Святого Города; но не песнь Сиона зародилась в его взволнованном уме. Нахмани не обладал божественным даром благодати, поэтическим гением Иегуды Халеви, фантазией, способной заново заселять пустыни, восстанавливать разрушенные царства, умирять скорбь и избавлять сердце от боли. Он выражал свой плач в стихах других поэтов.

Этот изгнанник из Испании не удовлетворился возведением синагог и организаций конгрегаций на земле, которая долгое время была его духовным домом, но он также основал там дом для изучения еврейской науки, которая вымерла там после завоевания Иерусалима крестоносцами. Он собрал вокруг себя круг учеников, и люди приходили толпами даже из района Евфрата, чтобы послушать его. Говорят, что даже караимы сидели у его ног, как, например, Аарон бен Иосиф Старший, который прославился в более поздние времена. Хотя Нахмани не был другом свободной научной мысли и полностью придерживался талмудического иудаизма, все же, как сын Испании, он приобрел достаточную общую культуру, чтобы удобрять пустыню восточных евреев. Даже его теория каббалы, которую он впервые перенес в Палестину, где она впоследствии распространилась повсюду, имела, по крайней мере, то достоинство, что представляла новые точки зрения, о которых его единоверцы, либо из-за своего невежества, либо из-за пристрастия к Талмуду, понятия не имели. Он стремился, по крайней мере, рационально объяснить иррациональное и таким образом боролся с глупостью и безразличием. Ему особенно удалось пробудить интерес к изложению Священного Писания, о котором восточные евреи были совершенно не осведомлены. С этой целью Нахмани написал свой комментарий к Библии, и особенно свою главную работу "Изложение Пятикнижия". В этой работе он задействовал свой особый гений, свой теплый и нежный нрав, свою силу ясного мышления и свои мистические мечты. Как и бесчисленные люди до и после него, он открыл свою собственную философию в этой Книге книг и истолковал ее со своей точки зрения. Он не придавал большого значения Каббале в своих Комментариях; просто слегка коснулся ее. Но именно своими небрежными намеками он преувеличил ее важность. Ограниченные,

восторженные умы жадно искали скрытый смысл этих предложений и больше обращали внимания на каббалистические намеки Нахмани, чем на четкие идеи, которые можно найти в его работе.

Метод толкования Нахмани не совсем избежал порицания его современников, главным образом потому, что в своих Комментариях он нападал на Маймуни и еще более яростно выступал против Ибн-Эзры. Приверженец философии и два ее восторженных студента написали опровержение его работ, предваряя его сатирой, в которой мистицизм Нахмани был особенно осмеян. Благочестивые люди, с другой стороны, высоко ценили его как особенно ортодоксального раввина, и точно так же, как его талмудические труды усердно читались и использовались, так и его Комментарии стали любимым предметом изучения мистиков.

Во время своего трехлетнего пребывания в Палестине Нахмани поддерживал переписку со своей родиной, благодаря чему Иудея и Испания были более тесно связаны. Он разослал копии своих работ своим сыновьям и друзьям и дал им описания состояния их вечно несчастной страны предков. Таким образом, он вновь пробудил горячую тоску по Святой Земле и побудил нескольких людей с восторженным складом ума эмигрировать туда. Нахмани умер, перевалив за семьдесят (около 1270 г.), и его останки были преданы земле в Чайфе, рядом с могилой Иехиэля Парижского, его товарища по несчастью, отправившегося в изгнание до него.

Нахмани оказал большее влияние на своих современников и последующую эпоху своей личностью, чем своими произведениями. Его многочисленные ученики, среди которых самым известным был Соломон бен Адрет, сделали учение Нахмани преобладающим среди испанских евреев. Вдохновенная и непоколебимая привязанность к иудаизму, глубокое уважение к Талмуду и полное подчинение его постановлениям, дилетантское знание науки того времени и философии, признание каббалы чрезвычайно древней традицией, к которой относились с уважением, но не как к исследовательской, - таковы отчетливо характерные черты испанских раввинов и представителей иудаизма в последующую эпоху. С тех пор испанские раввины редко занимались философией или какой-либо другой отраслью науки, или даже толкованием Библии. Их умы были посвящены только Талмуду, в то время как науками занимались только ученые, не являющиеся раввинами. Простой метод толкования Библии, которому учили Ибн-Эзра и Кимчи, был полностью забыт.

ГЛАВА XVIII. ЭПОХА СОЛОМОНА БЕН АДРЕТА И АШЕРИ.

Мученики в Германии—Евреи Венгрии и Польши—Собор в Буде—Евреи Испании и Португалии—Соломон бен Адрет, его характер и труды—Антиеврейские работы Раймунда Мартина—Новый антагонизм философии маймунизма—Давид Маймуни—Мозес Таку—Меир из Ротенбурга—Евреи Италии—Соломон Пети—Рудольф Габсбург—Эмиграция евреев из рейнских провинций—Страдания английских евреев—Изгнание евреев из Англии и Гаскони—Саад—Аддаула-Исаак Акчо .

1270-1306 гг. н. э.

Если бы еврейская история следовала хроникам, мемориальным книгам и мартирологам, ее страницы были бы заполнены описаниями кровопролития, она состояла бы из ужасных выставок трупов и выдвигала обвинения против доктрины, которая учит князей и народы становиться обычными палачами. Ибо с тринадцатого по шестнадцатый век преследования и массовые убийства евреев усиливались с ужасающей быстротой и интенсивностью и лишь чередовались с бесчеловечными декретами, издаваемыми как Церковью, так и государством, целью и смыслом которых было унижить евреев, заклеить их клеветой и довести до самоубийства. Описание пророком мученической смерти слуги Божьего, мессианского народа, исполнилось или было повторено с ужасающей буквальностью: "Он был угнетен и страдал, но не открывал уст своих: он веден, как агнец на заклание, и, как овца перед стригущими ее, нема, поэтому он не открывает уст своих. Он был взят из тюрьмы и от суда... за беззаконие моего народа он был поражен". Народы Европы подражали друг другу в проявлении своей жестокости по отношению к евреям; и всегда именно духовенство во имя религии любви разжигало эту неумирающую ненависть. Для евреев мало имело значения, жили ли они при строгом правительстве или при анархии, поскольку они страдали от первого не меньше, чем от другого.

В Германии они были убиты тысячами во время смут, которые после смерти императора Фридриха II и до коронации Рудольфа Габсбургского императором возникли из-за распри между гвельфами и гибеллинами. Каждый год пали мученики, то в Вайсенбурге, Магдебурге, Арнштадте, то в Кобленце, Зинциге, Эрфурте и других местах. В Синциге все члены общины были сожжены заживо в субботу в своей синагоге. Были немецкие христианские семьи, которые хвастались, что они сжигали евреев, и в своей гордыне присвоили себе название "поджариватель евреев" (Judenbreiter). Церковь хорошо заботилась о том, чтобы ее паства, вступая в близкие отношения с евреями, не обнаружила, что они похожи на других людей, и поэтому не прониклась к ним сочувствием. В Вене, во время борьбы за императорский трон Германии, собралось большое собрание церковников (12 мая 1267 г.) под руководством папского легата Гудео. Большинство немецких прелатов приняли в нем участие и уделили большое внимание вопросу евреев. Они торжественно подтвердили все канонические законы, принятые Иннокентием III и его преемниками для клеймения евреев. Евреям не разрешалось иметь слуг-христиан, их не допускали ни на какие доверительные должности, им не разрешалось общаться с христианами в пивных и банях, а христианам не разрешалось принимать какие-либо приглашения евреев или вступать с ними в дискуссии. Как будто немецкий народ хотел показать, что он может превзойти все нации в презрении к евреям, члены совета в Вене не удовлетворились приказом, чтобы немецкие евреи носили знак на своей одежде, но они заставили их надеть уродующий головной убор, остроконечную рогатую шляпу или кепи (pileum cornutum), что вызвало насмешки гаминов. Кровавые преследования были естественным результатом таких отличительных знаков.

Во Франции духовенство не считало нужным призывать своих князей угрозами к деградации евреев. Святой Людовик, по собственному почину, занялся этим делом. За год до своего авантюрного путешествия в Тунис, где он встретил свою смерть, он подчеркнул, по наущению своего горячо любимого Пабло Кристиани, еврея-доминиканца, канонический эдикт, предписывающий ношение значков. Он приказал, чтобы этот значок был изготовлен из красного войлока или шафраново-желтой ткани в форме колеса и носился на верхней одежде как на груди, так и на спине, "чтобы тех, кто был отмечен таким образом, можно было узнать со всех сторон". Каждый еврей, обнаруженный без этого знака, должен был быть наказан за первое нарушение потерей своей одежды, а за второе - штрафом в размере десяти ливров

серебра, подлежащим уплате в казну (март 1269 г.). Евреи северной Франции, привыкшие к дурному обращению и, так сказать, притупленные им, легко уступили; но не таковы евреи Прованса, которые, будучи образованными и находясь в дружеских отношениях с культурными христианами, не подчинились бы такому позору. До сих пор они ухитрялись не носить значок и думали, что смогут сделать это и в этом случае. Конгрегации юга Франции вслед за этим послали депутатов посоветоваться ради общего блага; и те, в свою очередь, выбрали двух выдающихся людей, Мардохея бен Иосифа из Авиньона и Соломона из Тараскона, которые должны были обратиться в суд и попытаться добиться отмены этого закона. Еврейских делегатов ждал успех, и они вернулись домой с радостной новостью о том, что указ, предписывающий ношение значка, был отменен. Но Филипп III, преемник Людовика, столь же фанатичный и недалекий, повторно ввел этот закон через год после своего восшествия на престол (1271). Доминиканцы очень заботились о том, чтобы это не было нарушено. Несколько выдающихся евреев, таких как Мордехай из Авиньона и другие, которые не подчинились этому позору, были заключены в тюрьму. Это ношение евреями значка оставалось в силе во Франции до момента их изгнания из страны.

Церковь преследовала сынов Иакова своей непримиримой ненавистью до самой границы между Европой и Азией. Народы Венгрии и Польши, которые еще не отказались от своего первобытного состояния варварства и воинственной свирепости, больше нуждались в услугах евреев, чем нации и государства Центральной и Западной Европы. Евреи, с их коммерческими привычками и практическими навыками, увидели изобилие продуктов в районах, лежащих на Нижнем течении Дуная, Вислы и по обе стороны Карпатских гор, использовали этот источник богатства и, таким образом, впервые придали ему ценность. Несмотря на рвение, с которым папство стремилось лишить евреев государственных должностей, несмотря на его усилия удержать их от получения арендной платы за работу соляных копей и от ведения хозяйства по чеканке монет и взиманию налогов в Венгрии, оно не могло изгнать их с должностей, на которых они были незаменимы для предотвращения растраты богатства страны. Венгерский король Бела IV, преемник Андрея II, движимый суровой необходимостью, поскольку опустошительные действия монголов привели к обнищанию страны, пригласил еврейских агентов. В интересах евреев, находившихся под его властью, Бела ввел закон австрийского короля Фридриха Доблестного, который защищал их от насилия толпы и духовенства, предоставлял им их собственную юрисдикцию и позволял им контролировать свои внутренние дела. Папство, однако, обратило свое внимание на карпатские районы, частично с целью разжечь новый крестовый поход против монголов, а частично для того, чтобы вернуть на римский престол с помощью обмана и силы раскольнических приверженцев Греческой церкви. Его духовные армии, доминиканцы и францисканцы, были отправлены туда, и они привили доселе терпимым мадьярам свой собственный дух фанатичной нетерпимости. Большое церковное собрание, состоящее из прелатов Венгрии и юга Польши, собралось в Буде (сентябрь 1279 г.). Этот созыв проходил под председательством Филиппа, который был папским легатом в Венгрии, Польше, Далмации, Хорватии, Славонии, Лодомерии и Галисии, и издал указ о запрете евреев в этих странах, который Церковь выполнила с логичной строгостью. Евреи и другие жители страны, не принадлежащие к Римско-католической церкви, должны были быть лишены права взимать налоги или занимать какие-либо государственные должности. Епископы и другие духовные лица высшей или низшей ступени, доверившие управление доходами своих епархий в руки евреев, должны были быть отстранены от своих священных должностей. Миряне, какого бы ранга они ни были, должны были подвергаться запрету отлучения от церкви до тех пор, пока они

не уволят еврейских подрядчиков и служащих и не дадут гарантии, что впредь они не будут принимать или удерживать таких людей, "потому что очень опасно разрешать евреям жить вместе с христианскими семьями и иметь близость с ними при дворах и в частных домах". Синод в Буде также постановил, что евреи обоего пола, проживающие на венгерской территории (которая включала Венгрию и провинции южной Польши), должны носить изображение колеса из красной ткани на верхней одежде с левой стороны груди, и что их никогда не следует видеть без этого значка. В течение того времени исключение евреев Венгрии и Польши из христианского общества имело мало практического эффекта, поскольку магометане и раскольничьи греко-католики разделяли их запрет. Эти последние также были отстранены от государственных должностей. Магометанам тоже было приказано носить значок желтого цвета. Влияние церкви еще не сделало мадьяр и поляков настолько нетерпимыми, чтобы перенять утонченные, жестокие обычаи как светского, так и обычного духовенства, которое отказало бы в огне и воде людям, не носящим красного или желтого знака. Первый урожай этого ядовитого фрукта был собран примерно полвека спустя. Последний король из рода Арпадов, Ладислав IV, ратифицировал и утвердил устав синода в Венгрии.

С подобным положением дел пришлось столкнуться на крайнем западе Европы, на Пиренейском полуострове. Поскольку магометане здесь также жили по соседству с христианами и евреями, Церкви было нелегко осуществить свою цель, продиктованную нетерпимостью, - сокрушить евреев. К этому следует добавить, что более высокая культура евреев и их участие во всех внутренних и внешних делах были здесь обстоятельствами в их пользу, и они вызывали уважение у своих врагов. Хотя Альфонсо Мудрый, король Кастилии, издал закон, запрещающий евреям занимать государственные должности, все же он сам продолжал назначать евреев на важные посты. Среди прочих, он назначил дону Зага (Исаака) де Малеа, сына дона Меира, королевским казначеем. Он был сурово упрекнут за это папой Николаем III (1279), но все же он не отстранил евреев от их должностей. Действительно, однажды он очень рассердился на дона Зага и вызвал у евреев в целом приступ ярости, вызванный его неудовольствием; это, однако, было не из уважения к Церкви, а проистекало из разладившихся семейных отношений. Под опекой дона Зага находились крупные суммы денег, принадлежащие государству, которые король предназначил для проведения военной кампании. Инфант Дон Санчо, вынашивавший враждебные намерения против своего отца, вынудил еврейского казначея передать ему государственные деньги. Король Альфонсо был крайне разгневан этим поступком и, чтобы преподать своему сыну урок, приказал арестовать дона Дзага, заковать его в цепи и таким образом скованным провести через город, где в то время находился Инфанте. Дон Санчо тщетно старался добиться свободы еврея Альмоксарифа, который страдал не по своей вине; но Альфонсо немедленно приказал казнить его (1280). Его неудовольствие обрушилось также на всех евреев Кастилии, которые были вынуждены искупить поступок своего родственника, который, конечно, нельзя назвать оплошностью. "Мудрый" король Альфонсо издал судебный приказ о том, чтобы все евреи заключались в тюрьму в определенную субботу, и взыскивал с них большие штрафы - 12 000 мараведи каждый день в течение установленного периода. Таким образом, конгрегации были созданы для пополнения пустой казны. Однако вскоре королю пришлось серьезно пострадать за жестокую несправедливость, которую он совершил по отношению к Дону Загу. Его сын, который был озлоблен против него из-за этого и воспринял жестокое обращение и казнь дона Зага как личное оскорбление, открыто восстал против Альфонсо и привлек на свою сторону большую часть знати, народа и духовенства. Несчастный король, который при восшествии на престол

предавался экстравагантным идеалам и надеялся, как император Германии, основать мировую монархию, к старости почувствовал себя настолько покинутым, что в отчаянии обратился к магометанскому принцу с просьбой прийти к нему на помощь, видя, что он "не может найти никакой защиты в своей собственной стране".

Положение евреев при доне Санчо, который взошел на трон после смерти своего отца, убитого горем, было терпимым, но зависело от каприза. Этот король был первым, кто упорядочил уплату налога на евреев (Juderia) конгрегациями Новой Кастилии, Леона, Мурсии и недавно приобретенных провинций Андалусии (ла Фронтера). До сих пор каждый еврей платил подушный налог в размере трех мараведи (тридцать динаро, около тридцати семи центов) в память о тридцати сребрениках, виновно заплаченных за смерть Иисуса. Дон Санчо собрал депутатов конгрегаций в Уэте и назвал общую сумму, которую каждый округ должен был внести в королевскую казну, предоставив депутатам распределить эту сумму между конгрегациями и семьями (сентябрь 1290 г.). Комиссия по недавно приобретенной территории в Андалусии состояла из четырех человек. Если эти люди окажутся неспособными прийти к соглашению, они должны были призвать на помощь комитет конгрегации (Альджама) Толедо, и особенно престарелого Дэвида Абудархама, вероятно, весьма уважаемого человека. Евреи королевства Кастилия, население которого насчитывало почти 850 000 душ, внесли 2 780 000 мараведи, часть из которых составляла подушный налог, а часть - налог на услуги. В этих провинциях насчитывалось более восьмидесяти еврейских общин, самая известная из которых находилась в столице Толедо, где вместе с прилегающими небольшими городами насчитывалось 72 000 евреев. Были также очень большие общины в Бургосе (почти 29 000), Каррионе (24 000), Куэнке, Вальядолиде и Авиле. Более 3000 евреев проживали в Мадриде, который в то время еще не достиг какой-либо степени значимости. Король предоставил некоторым евреям, которые были его особыми фаворитами, иммунитет от налогообложения. Это было причиной большого раздора, поскольку свобода, которой пользовались эти обычно богатые люди, ложилась тяжелым бременем на всю общину и на тех, кто был менее обеспечен мирскими благами.

В этот период евреи в новом королевстве Португалия находились в очень выгодном положении как при короле Альфонсо III (1248-1279), так и при короле Динише (1279-1325). Они не только были освобождены от канонических постановлений, обязывающих носить отличительный знак и платить десятину Церкви, но и видные люди среди них были назначены на очень важные должности. У короля Диниша был еврейский министр финансов по имени Джуда, главный раввин Португалии (Арраби Мур), который был настолько богат, что смог выделить большие суммы денег на покупку города. Евреям и магометанам было поручено карать мятежное духовенство, которое, по постоянному подстрекательству папства, стремилось изменить национальные законы в соответствии с каноническими решениями, разжигая таким образом ожесточенную вражду между монархией и Церковью. Чтобы примириться со сварливой церковью, король Диниз в конце концов уступил и ввел в своей стране канонические законы, но не предпринял серьезных попыток привести их в исполнение.

Таким образом, евреи Пиренейского полуострова, несмотря на растущие посягательства Церкви, несмотря на ее злое желание унижить их, а также фанатичные проповеди и диспуты нищенствующих монахов, сохраняли положение, превосходящее то, которое занимают евреи в остальных странах Европы. Здесь сильнее всего бился пульс духовной жизни, здесь формировался характер иудаизма, здесь возникали жизненно важные вопросы, которые обсуждались со страстной энергией и, наконец, решались. Здесь доктрины иудаизма стали

предметом жарких дебатов, и результаты учености испанских евреев лишь постепенно перешли во владение жителей других стран и континентов. Испания снова, как и в до-маймунистическую эпоху, была возведена в достоинство представителя иудаизма на протяжении двух столетий, и это было сделано замечательным гениальным раввином. Этим раввином был Соломон бен Авраам Бен Адрет из Барселоны (сокращенно - Рашба, родился около 1245 года, умер в 1310 году). Он был человеком проникательным и ясного понимания, полным моральной серьезности, чистой и непоколебимой веры, мягкого темперамента в сочетании с энергичным характером, который побуждал его с упорством добиваться всего, что, по его мнению, было правильным. Талмуд с его запутанными тропами и потаенными уголками, со всеми объяснениями и дополнениями испанской и французской школ тоссафизма представлял для Бен Адрета не больше трудности, чем букварь для ребенка, и он справлялся с этой огромной массой материала с такой легкостью, что вызывал изумление своих современников. Его честность в то же время ограждала его от той тонкой софистики, которая уже тогда начала применяться при толковании Талмуда. Бен Адрет в талмудических дискуссиях доходил прямо до сути вопроса и не опускался до использования стратагем или уверток. Испанец по происхождению, он не испытывал полного недостатка в знаниях общих наук и не пренебрегал некоторым вниманием к философии, пока она оставалась в пределах своей компетенции, признавала религиозные доктрины и не вторгалась с желанием стать правящей силой. Он чувствовал необходимость истолковать те агадические истории, которые оскорбляли своей простой буквальностью, и объяснить их рациональным образом. Таким образом, хотя, с одной стороны, он всего лишь проявлял дух терпимости к философии, с другой стороны, он испытывал глубокое уважение к Каббале, возможно, потому, что его учитель Нахмани отдавал ей такое большое почтение. Он признался, что не очень глубоко погружался в этот предмет, и утверждал, что его современники, которые занимались этим исследованием, также не были очень глубоко посвящены, и что их мнимые тайные традиции были пустым хвастовством. Он желал, чтобы Каббала преподавалась только тайно (эзотерически) и не излагалась публично. Однако величайшая сила Бен Адрета заключалась в его знакомстве с Талмудом, потому что он представлял для него, как и для его учителей, альфу и омегу всей мудрости. В этом он жил всей своей душой. Каждое талмудическое высказывание казалось ему непостижимым кладезем глубочайших знаний, и он верил, что для того, чтобы достичь его глубин, необходим ум, полностью поглощенный изучением.

Такова была природа человека, на которого была возложена задача высоко нести знамя иудаизма в эти крайне беспокойные времена и бороться с экстравагантными историями, которые возникали с двух сторон — от философов и от каббалистов. В течение сорока лет авторитет раввина Барселоны имел первостепенное значение в религиозных делах евреев не только в Испании, но и в других частях Европы, а также в Азии и Африке. Вопросы для принятия решения ему присылали из Франции, Германии, Богемии, Италии и даже из Сен-Жан-д'Акра (Акчо) в Палестине и из северной Африки. Студенты из Германии сидели у его ног, чтобы послушать, как он излагает Талмуд. Это тем более примечательно, что немецкие раввины гордились ученостью своей собственной страны и не признавали превосходства академий какой-либо страны над их собственной. Когда Давид, внук Маймуни, сильно нуждался, он обратился за помощью к Бен Адрету. Давид Маймуни (родился в 1233 году, умер в 1300 году), который, как и его отец и дед, был принцем (нагидом) над всеми общинами Египта, был оклеветан некоторыми злонамеренными врагами перед султаном Килавуном и обвинен в каком-то преступлении. Он наложил на своих недоброжелателей запрет на отлучение от церкви, но,

похоже, это не возымело действия. В любом случае, Давид надеялся оказаться в более безопасном положении, если ему удастся умиротворить султана денежными подарками. Он обратился к Бен Адрету и рассказал ему о своих страданиях; его просьба встретила готовый отклик. Бен Адрет отправил посланника с письмом к испанским конгрегациям для сбора средств, и все общины с радостью пожертвовали большие суммы денег в помощь внуку высокочтимого Маймуни. Всякий раз, когда в еврейских кругах происходило какое-либо важное событие, к Бен Адрету обращались за советом или помощью.

Уникальное отличие, которым пользовался раввин Барселоны, конечно, нельзя полностью отнести на счет его всесторонних знаний, поскольку в то время жило много ученых раввинов, и даже в Испании был один, равный ему. Его сокурсник и соотечественник Аарон Халеви (родился около 1235 г., умер после 1300 г.) был столь же хорошо знаком с Талмудом, также сочинял работы на эту тему и не уступал ему даже в светских знаниях.

Бен Адрет, тем не менее, осуществлял верховную власть над всеми конгрегациями, как дальними, так и ближними. Это превосходство было признано за ним из-за его энергичной, всегда готовой защиты иудаизма от нападок изнутри и извне.

Тучи, чреватые разрушениями, которые обрушились на евреев Пиренейского полуострова два столетия спустя, начали сгущаться во времена Бен Адрета. Средства, которые фанатичный генерал доминиканцев Раймонд де Пеньяфорте изобрел для обращения евреев, начали применяться. Попытки, предпринятые в Испании в период правления вестготов, с одной стороны, воздействовать на чувства князей и законодателей посредством антиеврейских сочинений, а с другой - убедить евреев отказаться от своей веры, возобновились в более широком масштабе. Теперь из института, который был основан Раймоном де Пеньяфорте с целью обучения доминиканских монахов еврейской и арабской литературе для использования в качестве средства обращения, вышел монах, который был первым человеком в Европе, отточившим учебное оружие для борьбы с евреями. Раймунд Мартин написал две книги, полные злобной враждебности против иудаизма, сами названия которых говорят о том, что против его приверженцев должны были быть применены тюремная камера и меч. Они называются "Уздечка для евреев" и "Кинжал веры" (*Capistrum Judæorum* и *Pugio Fidei*). Мартин обладал глубокими знаниями библейской и раввинской литературы и был первым христианином, который был лучше знаком с ивритом, чем отец Церкви Иероним. Он с легкостью читал агадические произведения, труды Раши, Ибн-Эзры, Маймуни и Кимчи и использовал их, чтобы показать, что не только в Библии, но и в раввинских трудах Иисус был признан Мессией и Сыном Божиим. Как и следовало ожидать, Раймунд Мартин придал особое значение аргументу о том, что еврейские законы, хотя и являются откровением от Бога, не предназначены для того, чтобы иметь силу вечно, и они утратят свою силу, особенно во времена Мессии. Чтобы продемонстрировать этот момент, он привел очевидные доказательства из агадической литературы Талмуда. Он также настаивал на том, что талмудисты исказили текст Библии.

Хотя "Кинжал веры" Раймунда Мартина не был ни острым, ни заостренным, и хотя книга настолько лишена духа, что ею нельзя было соблазнить ни одного человека, все же она произвела большое впечатление из-за количества знаний, представленных в ней. С помощью дополненного латинского перевода еврейских текстов христиане впервые смогли заглянуть в тайники еврейского мира мысли, который до сих пор был для них непроницаемой тайной. Доминиканцы, жаждавшие схватки, были снабжены оружием из этого хорошо

укомплектованного арсенала и наносили им прицельные удары, которые поверхностному наблюдателю казались наносимыми только в воздух, но которые Соломон бен Адрет расценивал как чреватые опасностью. Он очень часто брал интервью у христианских богословов и, похоже, у самого Раймунда Мартина. Он слышал от них различные заявления и всевозможные аргументы в доказательство божественного характера христианства и боялся, что это может побудить слабоумных и незрелых людей отказаться от еврейской веры. Чтобы противодействовать этому, он написал небольшую брошюру, в которой кратко опроверг все те аргументы, которые использовались в то время христианами против иудаизма. В этом опровержении и оправдании Бен Адрет проявил замечательный дух умеренности и спокойствия: ни одно горькое или страстное высказывание не вырвалось у него.

Его полемические высказывания против магометанского писателя гораздо более суровы. Этот автор с резкой критикой обрушился на три богооткровенные религии - иудаизм, христианство и ислам - и очень ловко направил свои стрелы против их слабых мест. Но защита Бен Адрета слаба: он доказывает правильность Библии на основе самой Библии и борется со своим критически настроенным оппонентом талмудическим оружием. Таким образом, он постоянно ходит по кругу, и ни в коем случае не добился славной победы. Деятельность Бен Адрета принесла лучшие результаты в рядах иудаизма, чем за их пределами. Его время было временем великого волнения, когда наука и религия расходились более неуклонно и заметно, чем прежде: благочестие с каждым днем расширяло пропасть между ним и мыслью; а мысль постоянно все больше и больше отделялась от сферы религии. Каббала, становясь все смелее, вмешивалась в ожесточенную битву мнений и религиозных верований и отбрасывала свои темные тени на тускло освещенную основу иудаизма. Старые вопросы, следует ли называть Маймуни еретиком или нет, следует ли избегать его философских трудов или действительно предавать их огню, или же их следует считать удовлетворительным изложением еврейских принципов, — эти вопросы теперь ожили с новой силой и снова вызвали разногласия. В Испании и на юге Франции раздор был погашен торжественным покаянием бывшего антимаймуниста Ионы I. Со времен Маймунизма раввины этих общин относились к Маймуни с большим почтением и, считая его идеи бесспорно способствующими укреплению религии, они использовали их с большим или меньшим мастерством и ясностью мысли. Даже самые ортодоксальные талмудисты в Испании и Провансе цитировали высказывания Маймуни в своих изложениях религиозных вопросов. Но битва за Маймуни и против него велась на другой сцене действия. В немецкой и итальянской общинах она заново воспламенила умы людей, проникла даже в Палестину и, так сказать, заключила в свои объятия весь иудаизм. Немецкие евреи, которые до сих пор не проявляли никакой симпатии к науке и которые ограничивали свои мысли узким кругом Талмуда, не были знакомы с работой активных духов Монпелье, Сарагосы и Толедо. Они не подозревали, что Маймуни в дополнение к своему своду религиозных законов, который они приняли, оставил труды более сомнительного характера. Теперь они были грубо разбужены от своего счастливого религиозного сна, и их умы были взбудоражены размышлениями о последствиях, связанных с маймунистической философией религии.

Человеком, который разжег эту ожесточенную борьбу, был ученый талмудист по имени Моисей бен Часдай Таку (Тахау?), который процветал примерно с 1250 по 1290 год. Эксцентричный ортодоксальный буквалист, он считал все философские и рациональные взгляды на иудаизм равносильными отрицанию истин Торы и Талмуда. Таку был вполне логичен в своем возражении. Он объявил еретиками не только Маймуни и Ибн-Эзру, но и гаона Саадию, потому что последний в своих трудах по философии был пионером на этом пути. Таким образом, новое

исследование зародилось у него; до него о нем ничего не слышали в еврейских кругах. Ведомый безошибочным инстинктом, Таку справедливо утверждал, что эти люди проложили путь караимам. Он утверждал, что неперенным долгом каждого благочестивого еврея, верящего в письменный и устный Закон, является держаться в стороне от их безумия. Моисей Таку, с его любопытными представлениями, конечно, не занимал изолированного положения среди немецких раввинов. Другие люди, воспитанные в той же школе, несомненно, были полностью согласны с ним: но не все они обладали достаточной смелостью или разносторонностью, чтобы принять участие в состязании с хорошо вооруженными представителями философской школы. Наиболее выдающимся среди них был Меир бен Барух из Ротенбурга на Таубере (родился в 1220 году, умер в 1293 году), на котором продолжали сиять последние лучи умирающей школы тоссафистов. Вероятно, он был первым официальным главным раввином в германском королевстве, возможно, получив этот титул от императора Рудольфа, первого представителя дома Габсбургов. Хотя его иногда причисляют к тоссафистам, все же его талмудические труды обнаруживают скорее всестороннюю эрудицию, чем оригинальность или остроту. Его ни в коем случае нельзя сравнивать с Бен Адретом; однако он был авторитетом в Германии и северной Франции. Его набожность была преувеличенной. Французские раввины договорились, что зимой христиане могут обогревать помещения в субботу. Меир из Ротенбурга не допустил бы, чтобы Суббота была осквернена таким косвенным образом. Поэтому он плотно запер дверцы печей в своем доме, потому что служанка несколько раз без приглашения разводила огонь. В целом, немецкие евреи были более щепетильны, чем евреи других стран; они, например, по-прежнему соблюдали пост в День Искупления два дня подряд.

Какую позицию заняли немецкие раввины в отношении осуждения философии и Маймуни, возрожденного Мозесом Таку, достоверно неизвестно, но можно сделать вывод из события, которое стало причиной большого скандала в других местах.

Французский или рейнский каббалист, эмигрировавший в Жан д'Акр (Акчо), был воодушевлен еще большим рвением, чем Моисей Таку. Этот человек, которого звали Соломон Пети, поставил целью своей жизни снова разжечь костер для массового сожжения трудов Маймуни и водрузить знамя Каббалы на могиле философии. В Акчо он собрал вокруг себя круг учеников, которых посвятил в знание тайного искусства и которым рассказывал удивительные истории, чтобы опорочить философию. Акчо в то время был настоящим гнездом каббалистов и мистиков, большинство из которых были учениками Нахмани. Хотя дни этого города, последнего оплота сильно сократившегося христианского Иерусалимского королевства, были сочтены, эти любители мистического искусства вели себя так, как будто им было суждено остаться здесь навсегда. Соломон Пети думал, что сможет заручиться достаточной поддержкой, чтобы рискнуть привести в исполнение свой план еще раз опубликовать осуждающий приговор маймунистическим трудам, запретить под страхом наказания любые научные исследования и отлучить от церкви людей, занимающихся независимыми исследованиями. Его фанатизм был особенно направлен против "Руководства" Маймуни (Море); по его мнению, оно заслуживало запрета, как и другие еретические произведения. Он заручился поддержкой многих последователей в Палестине в этой атаке на ересь. Кто бы не подчинился, когда голос Святой Земли заставил себя быть услышанным? Кто бы попытался оправдать то, что она осудила? Но фанатик Соломон Пети столкнулся с неожиданным противодействием.

Во главе восточных конгрегаций в то время стоял энергичный человек Ишаи бен Чиския, получивший от светских властей титул князя и экзиларха (Реш-Галута). Те общины Палестины, которые находились под властью магометан и египетского султана Килавуна, естественно, принадлежали к его епархии, и он также требовал повиновения от общины в Акчо, хотя она находилась в руках крестоносцев. Экзиларх Ишаи питал к Маймуни величайшее уважение и был в дружеских отношениях с его внуком Давидом, нагидом Египта. Как только он получил информацию о деяниях Соломона Пети, мистика из Акчо, он отправил ему резкое письмо и пригрозил отлучить его от церкви, если тот будет упорствовать в своих нападках на Маймуни и его труды. Несколько раввинов, которых Ишаи призвал, чтобы усилить вес их авторитета к своему, высказались в том же духе. Но Соломон Пети был не из тех, кто позволяет препятствиям одолевать себя. Он предпринял путешествие в Европу, посетил большие общины и рассказал раввинам и другим выдающимся людям об опасности маймунистических трудов. Он внушал им благоговейный трепет своим знанием Каббалы, сумел убедить многих присоединиться к нему и объявить в документах, скрепленных их подписями, что философские труды Маймуни содержали ересь, что они заслуживают того, чтобы их отложили в сторону или даже сожгли, и что ни один еврей не должен их читать. Нигде Соломон Пети не встречал такой сердечной поддержки, как у немецких раввинов. Они выразили свое одобрение его действиям в письмах, даже некоторые из тех, кто недавно был согласен с экзилархом Ишаи.

Будучи уверен в помощи немецких и некоторых французских раввинов, Соломон Пети отправился в свое обратное путешествие по Италии и попытался привлечь сторонников и в этой стране; но там он встретил наименьший отклик, поскольку точно так же, как Маймуни находил новых противников в Германии, так и его почитателей становилось все больше в Италии. Итальянские общины, которые до сих пор соперничали с немцами в невежестве любого рода, только пробуждались от своего оцепенения, и их недавно открывшиеся глаза обратились к свету, исходившему от Маймуни. Их политическое положение не было неблагоприятным; на самом деле, в окрестностях Святого Петра они находились в то время в более благоприятных обстоятельствах, чем кто-либо из евреев центральной Европы. Канонические законы против евреев нигде так не игнорировались, как в Италии. Небольшие штаты и муниципалитеты, на которые в то время была разделена страна, слишком ревностно относились к своей свободе, чтобы позволить духовенству оказывать какое-либо влияние на их внутренние дела. Город Феррара принял закон в пользу евреев, предоставляющий им многие свободы и содержащий пункт, гласящий, что ни папа, ни кто-либо другой не может уполномочить магистрата (подеста) лишать их этих привилегий. Не только король Сицилии Карл Анжуйский, еврейский врач Фаррадж Ибн Соломон, который под именем Фаррагут пользовался высокой репутацией ученого в христианских кругах, но даже сам папа нарушил канонический декрет, запрещавший кому бы то ни было получать медицинскую помощь от еврея. Один из четырех пап, правивших в течение короткого периода в тринадцать лет (с 1279 по 1291 год), доверил свою святую особу заботам еврейского врача Исаака бен Мордехая, носившего титул маэстро Гаджо.

Процветание, которым пользовалась Италия вследствие широкого распространения ее процветающей торговли, и любовь к искусству и поэзии, возникавшая в это время, во времена юности поэта Данте, затронули также итальянских евреев и пробудили их от их доселе бездействующего состояния.

Философские труды Маймуни оказали свое влияние на умы итальянских евреев в пользу более высокой культуры. Примерно в это же время они начали серьезно заниматься "Руководством", и

интеллектуалы читали лекции об этом глубоком труде. Истоки этого возрождения можно проследить до Анатолия, но Гиллеля Веронского следует считать основателем и распространителем научного метода среди итальянских евреев. У Маймуни не было более горячего поклонника, чем этот искренний и энергичный человек, который, хотя и был несколько ограничен в кругозоре, был чрезвычайно привлекателен. Гиллель бен Самуил Веронский (родился около 1220 г., умер около 1295 г.), ревностный ученик Ионы Герундия по Талмуду, никоим образом не разделял нетерпимого духа борьбы с ересью, который характеризовал его учителя. Он был свидетелем подлинного искупления последнего за то, что тот призвал на помощь доминиканцев в своем фанатичном нападении на труды Маймуни, и с тех пор Гиллель почти боготворил Маймуни. Он избегал односторонности талмуда и обратил свой ум также к общим наукам. Он настолько основательно овладел латинским языком — редкое достижение среди евреев того времени, — что мог с большой легкостью сочинять на латыни; он перевел работу по хирургии с этого языка на иврит. Действительно, на еврейский стиль Гиллеля повлияли особенности латинского синтаксиса. Он писал красивую, ясную, немногословную еврейскую прозу, полностью свободную от многословной фразеологии и витиеватых завитушек тогдашнего модного стиля. Сначала он занимался медицинской практикой в Риме, затем в Капуе и Ферраре, а в старости - в Форли.

Со всеми своими интеллектуальными способностями Гиллель был поглощен трудами Маймуни по философии религии, несмотря на это, он оставался верен своей религиозной вере, цепляясь за нее с большим упорством. Чудеса, описанные в Библии и Талмуде, не рассматривались им как причудливые аллегории, а, напротив, сохраняли свой характер реальных событий.

Примерно в это время в Италии жили два логических мыслителя: один итальянец по происхождению, Саббатай бен Соломон из Рима — в свое время очень выдающаяся личность — и другой испанец, эмигрировавший в Рим, Серачья бен Исаак, член известной семьи Бен Шалтиэль-Чен (Грасиан?), чей дом находился в Барселоне. Последний, известный как врач и адепт аристотелевской философии, был страстным противником веры в чудеса. Стремление итальянских евреев к знаниям хорошо иллюстрируется анекдотом, остроумно рассказанным итальянским еврейским поэтом. Еврейский ученый из Толедо прибыл в Перуджу с восьмьюдесятью книгами по науке — значительной библиотекой по тем временам - и, чтобы продолжить свое путешествие с большим комфортом, он связал их, запечатал и оставил в Перудже. Едва он покинул это место, как эти нетерпеливые искатели знаний, не в силах подавить свое любопытство, вскрыли посылку и завладели содержащимися в ней духовными сокровищами. Молодой поэт Иммануэль Роми, который, возможно, был замешан в этом деле, со всей энергией своего пылкого ума впитал дух, который Гиллель Веронский и Серачья-Чен извлекли для итальянских евреев из трудов Маймуни.

Совершенно очевидно, что в условиях этого возрождения культуры среди конгрегаций Италии каббалист Соломон Пети никак не мог найти поддержки в своих попытках привлечь сторонников для своего разоблачения Маймуни. Фанатик был достаточно умен, чтобы не обронить там ни слова о своих намерениях. Когда он прибыл в Жан д'Акр (Акчо) с письмами против Маймуни, написанными немецкими раввинами, он приступил к работе, чтобы побудить своих сообщников, которые были запуганы угрозами принца-раввина Дамаска, разжечь новую рознь и побудить их вынести приговор об отлучении от церкви философских трудов Маймуни. Каббалисты этого сообщества с готовностью согласились с его планом, приговорили "Руководство" Маймуни к сожжению и пригрозили отлучением от церкви всем, кто впредь будет изучать его. Каббала, несмотря на свою молодость, чувствовала себя настолько

могущественной, что вообразила себя способной искоренить прочно укоренившийся дух исследования из среды иудаизма. Похоже, что гробница Маймуни в Тверии была осквернена этими каббалистами. Вместо хвалебной надписи, выбитой на камне, они заменили: "Моисей Маймуни, отлученный еретик". Однако община в Акчо в целом не согласилась с этим позорным обвинением в ереси: в ней были горячие поклонники Маймуни и ярые противники его осуждения самопровозглашенными властями. Таким образом, в самом сердце общины вспыхнула ожесточенная борьба, которая фактически привела к дракам. Весть об этом раздоре быстро распространилась по странам, имеющим сообщение с Палестиной, и вызвала всеобщее негодование. Гиллель Веронский, который был свидетелем разрушительных последствий состязания о Маймуни во Франции, проявил огромную энергию, чтобы предотвратить повторение. Он отправил письма Давиду Маймуни и общинам в Египте и Вавилонии (Ирак) и предложил следующий план для того, чтобы раз и навсегда погасить разрушительное пламя разногласий, разжигаемое трудами Маймуни, которое так часто вспыхивало с новой силой. Он предложил, чтобы самые выдающиеся раввины евреев Востока собрались на синод в Александрии и призвали немецких раввинов, поддерживавших Соломона Пети, оправдать свое поведение. Если бы они могли доказать, что философские труды Маймуни содержали действительные ереси и концепции, противоположные Библии и Талмуду, что сам Гиллель считал невозможным, тогда было бы справедливо осудить труды Маймуни и изъять их из рук общественности. Если, однако, немецкие раввины не смогли защитить и обосновать свои обвинения в ереси, то они должны быть вынуждены, под страхом отлучения от церкви, подчиниться всеобщему вердикту о превосходстве "Руководства" Маймуни и воздерживаться в будущем от разжигания разногласий своим неприятием философии Маймуни. Раввины Вавилонии, обладавшие властью с незапамятных времен, должны были вынести приговор.

Эта энергичная акция в Европе и напряженные усилия Гиллеля на самом деле не были необходимы для того, чтобы помешать работе мистиков в Акчо. Соломон Пети и его каббалистическая фракция были изолированы на Востоке. Как только Давид Маймуни получил информацию об осуждении, вынесенном его деду, он отправился в Акчо, где заручился поддержкой части общины, выступающей против фанатизма. Он разослал письма всем конгрегациям, призывая их встать на защиту чести его деда от доминиканских евреев, охотников за ересью и узколобых каббалистов. Везде его встречали с одобрением. Принц Мосульского плена по имени Давид бен Даниэль, который вел свое происхождение от царя Давида и который был главой общин по ту сторону Тигра, заявил, что наложит на Пети строжайший запрет в виде отлучения от церкви, пока он не прекратит свои попытки вызвать беспорядки (Ияр, 1289). Одиннадцать раввинов его колледжа подписали эту угрозу в адрес охотника за ересью из Акчо. Экзиларх Дамаска Ишаи бен Чиския, который уже выступил с предупреждением против этих нападений на Маймуни, снова предпринял энергичные действия в этом вопросе. Вместе со своей коллегией из двенадцати единомышленников он объявил запрет на отлучение от церкви (Таммуз—июнь 1289 г.) не только против Соломона Пети и его сторонников, но и против любого человека, который осмеливался высказываться с презрением и неуважением к Маймуни или обвинял его труды в ереси. Всем лицам, у которых были какие-либо книги, враждебные Маймуни, было приказано как можно скорее передать их Давиду Маймуни или его сыновьям, чтобы они не могли быть использованы ненадлежащим образом. Если какие-либо лица, которые в то время проживали в Акчо или которые иммигрировали бы туда позже, отказывались подчиняться решениям Принца Плена и его коллег, каждый еврей

был обязан использовать все возможные средства, чтобы лишить этих людей возможности причинить какой-либо вред, и даже призвать на помощь светские власти.

Важная конгрегация Сафета также дала согласие с эдиктом в пользу Маймуни. Раввин города Мозес бен Иегуда Коэн вместе со своими коллегами и частью общины Акчо повторил на могиле Маймуни в Тверии формулу отлучения от церкви всех, кто продолжал свою упорную вражду против него, против тех, кто отказывался сдать труды, обвиняющие его в неортодоксальности, и особенно против всех, кто не подчинился решениям принца Плена, "видя, что те, кто разжигает раздор в общинах, отрицают Тору, которая проповедует мир, и они насмеются над Богом, который есть сам мир. " Все общины и раввины Палестины встали на сторону Маймуни. Члены общины Багдада, которые в это время грелись в лучах благосклонности видного еврейского государственного деятеля и во главе которых в качестве главы академии стоял Самуэль Коэн бен Даниэль, также высказались в том же духе (Тишри—сентябрь 1289 г.). Каббалисты Акчо были осуждены общественным мнением, и экзиларх Дамаска позаботился о том, чтобы ознакомить европейские сообщества с тем, что произошло. Свидетельства в пользу Маймуни были направлены в Барселону, вероятно, Соломону бен Адрету. Философ и поэт Шем-Тоб Фалакера, плодовитый писатель, воспользовался благоприятной возможностью, чтобы опубликовать оправдание "Руководства" Маймуни, заявив, что, по его мнению, лишь очень немногие, возможно, только один человек, который смог прочесть этот труд по философии религии в оригинале, мог бы отдать ему достаточную справедливость. Но в Испании Маймуни не нуждался в защитниках, поскольку редко кто осмеливался высказываться в уничижительных выражениях о его взглядах. Хотя набожные испанцы, возможно, кое-где находили к чему придираться, они, тем не менее, оказывали большое почтение имени Маймуни.

У немецких раввинов, которые поддерживали Соломона Пети, не было времени обратить внимание на проблему борьбы вокруг Маймуни. Они были слишком заняты своими собственными делами. Во время правления императора Рудольфа Габсбургского немецкие общины постигли такие серьезные проблемы, что они решились на массовую эмиграцию. Рудольф, который из бедного рыцаря превратился в правителя Германской империи, на самом деле не угрожал их жизням, но имел виды на их деньги. Его казна была пуста, и он нуждался в средствах, которые позволили бы ему подчинить гордую знать и заложить фундамент могущества дома Габсбургов. Евреи действительно ссудили большие суммы денег бедному герцогу, на которого неожиданно свалилась корона империи, причем одним из его кредиторов был Амшел Оппенгеймер. Но эти добровольные авансы не удовлетворили его и не помешали ему вымогать у них более крупные суммы. Каждой услуге, которую он оказывал им, и каждой защите, которую он им оказывал, предшествовала выплата значительного денежного подарка. Поскольку Рудольф всегда помнил о своем собственном преимуществе, знак благосклонности, проявляемый по отношению к евреям, регулярно сопровождался некоторыми ограничениями, чтобы он всегда мог держать их под своим контролем.

Он подтвердил привилегии старой конгрегации в Ратисбоне, которыми она обладала с древних времен, признав, среди прочего, что она может осуществлять свою собственную юрисдикцию в гражданских делах и что ни один из ее членов не может быть осужден за какое-либо преступление без подтверждающих показаний свидетеля-еврея. Однако по наущению епископа он издал указ, согласно которому евреи Ратисбона должны оставаться дома во время Пасхи, не показываться на дорогах, что "позорит христианскую веру", и запирают свои двери и окна. Для конгрегаций Австрии император Рудольф подтвердил статут в пользу евреев,

принятый эрцгерцогом Фридрихом Доблестным, который обеспечивал защиту от преследований и убийств. С другой стороны, год спустя он издал специальный указ для граждан Вены, в котором торжественно объявлялось о непригодности евреев к занятию государственных должностей. Папа Иннокентий IV снял с них обвинение в детоубийстве на Пасху. Папа Григорий X (1271-1278) по просьбе евреев издал буллу, в которой предписывалось, что их нельзя принуждать к крещению грубой силой и что не должно быть причинено никакого вреда их личности или имуществу. Император Рудольф утвердил эти буллы, добавив, что "неправда, что евреи питаются сердцем убитого ребенка в дни праздника Пасхи". Чтобы они могли жить под его защитой, уверенные в императорской милости, он подтвердил и повторил все эдикты, изданные папами в их пользу, особенно тот, который гласил, что евреи могут быть осуждены только на основании достоверных свидетельств евреев и христиан. Он также предоставил им множество других средств защиты и наказал некоторых убийц невинных евреев в Лорхе. Но поскольку немцы издревле привыкли к анархии, во время его правления возникло большое количество кровавых обвинений и массовых убийств евреев, которые император частично оставил безнаказанными, частично поощрял.

Примерно на Пасху в Майнце был обнаружен мертвый христианский ребенок, и теперь снова распространился лживый слух, что его убили евреи Майнца. Напрасно архиепископ Майнца Вернер, лорд-канцлер королевства, прилагал огромные усилия, чтобы успокоить возбужденную толпу, организовать обычный судебный процесс над обвиняемыми и выявить виновных. Христиане, которых вид трупа привел в ярость, напали на своих еврейских соседей на второй день Пасхи (или в предпоследний день Пасхи, 19 апреля 1283 года), убили десять человек и разграбили еврейские дома. Преследование было бы гораздо более кровавым, если бы архиепископ Вернер энергично не вмешался в защиту "своих" евреев. Сообщается, что император Рудольф приказал провести расследование этого дела позже и подтвердил приговор, вынесенный евреям, и снял с граждан Майнца всю вину. Говорят, что имущество, из которого они были разграблены, он конфисковал, однако, не в пользу своей собственной казны, а для распределения среди бедных; ибо он не хотел пользоваться никаким имуществом, приобретенным ростовщичеством, и не позволил бы Церкви использовать его. В других отношениях император Рудольф ни в коей мере не был добросовестным. В день нападения в Майнце в Бахарахе были казнены двадцать шесть евреев. Два года спустя (11 октября 1285 г.) душераздирающие страдания постигли мюнхенскую конгрегацию. В этом месте также было распространено ложное обвинение в том, что евреи купили христианского ребенка у пожилой женщины и убили его. Не дожидаясь судебного расследования этих обвинений, разъяренное население обрушилось на евреев и предавало смерти всех, кто попадался им в руки. Оставшиеся евреи искали убежища в синагоге. После этого приверженцы религии любви раздобыли какой-то легковоспламеняющийся материал, разложили его вокруг здания и подожгли молитвенный дом. Таким образом, сто восемьдесят человек, старых и молодых, были сожжены заживо. Вскоре после этого более сорока евреев из Обервезеля, близ Бахараха, и других в Боппарде были невинно убиты (1286). Обвинение против них состояло в том, что они тайно пустили кровь набожному человеку, прозванному в народе "добрым Вернером". Легковерные утверждали, что свет исходил от его трупа, из-за чего этот так называемый святой стал объектом паломничества. Император Рудольф, однако, некоторое время спустя лишил этого человека святости и снял с евреев вину за его смерть.

Не может быть никаких сомнений в том, что именно из-за ежегодно повторяющихся преследований, ненадежности своего существования и своего жалкого положения евреи

нескольких общин решили отряхнуть пыль Германии со своих ног и вместе со своими женами и детьми отправиться странствовать в поисках нового дома. Многие семьи из городов Майнц, Вормс, Шпайер, Оппенгейм и других в Веттерау покинули свои богатые владения, чтобы перебраться за море. Во главе этих эмигрантов стоял самый известный раввин Германии Меир из Ротенбурга, которого почитали как святого. Он также отправился вместе со всей своей семьей в Сирию (весна 1286 года). Ходили слухи, что в этой земле явился Мессия и избавит несчастный Израиль от его бед.

В это время все взоры на Востоке с удивлением взирали на еврейского государственного деятеля как на самую выдающуюся личность при дворе великого монгольского хана, чьи владения простирались от нижнего Евфрата и границ Сирии до Каспийского моря. Монголы, или татары, основали большое царство в Персии, которое лишь номинально подчинялось монгольскому и китайскому ханствам. После Хулагу, основателя этого королевства, и его сына Абаки (Абага) на престол взошел его второй сын, который принял ислам и принял имя Ахмед. Однако персидские монголы были недовольны таким ходом событий: Ахмед был свергнут с престола и предан смерти. Его преемником в персидско-монгольском царстве был Аргун, сын Абаки (1284-91). Аргун проявлял заметное отвращение к исламу и особую симпатию к евреям и христианам. У этого Великого хана был врач-еврей по имени Саад-Аддаула (возможно, то же самое, что и Мордехай Ибн-Альхарбия), человек, обладавший широкой образованностью, острым интеллектом, политической проницательностью и бескорыстным характером. Поскольку он часто имел дело с монголами, он был знаком с их языком так же хорошо, как и с арабским. У него была приятная внешность, очаровательные манеры и гибкость дипломата. У него также был вкус к поэзии и науке, и в более поздние годы он стал их покровителем. Саад-Аддаула практиковал в Багдаде, где Аргун очень часто бывал при своем дворе. Однажды Великий хан заболел, и Саад вернул ему здоровье. Он беседовал с врачом, которому был обязан своим выздоровлением, о государственных делах и узнал от него подробности состояния доходов, которые чиновники и придворные из скупости старательно скрывали от Великого хана. С этого времени Саад-Аддаула стал его любимцем и советником и шаг за шагом поднялся до положения высшего государственного чиновника.

Многие богатые евреи из районов Рейна и Мэна отправились в свое путешествие; и Меир из Ротенбурга добрался до Ломбардии вместе со всей своей семьей. Он ждал только членов своей паствы, чтобы сесть на корабль в Италии и вместе с другими изгнанниками взять курс на Восток, в безопасную гавань. К сожалению, Меира узнал крещеный еврей, который проезжал через тот же город в поезде епископа Базеля. По наущению епископа капитан Мейнхард из Герца взял его в плен и передал властям. Император Рудольф приказал поместить его под арест в башне Энсисхайма в Эльзасе (4 Таммуз—19 июня 1286 года). Император намеревался не наказывать беглого раввина, а обеспечить его безопасность и помешать ему эмигрировать. Он боялся, что из-за *массового* отъезда евреев имперский доход, получаемый от этих крепостных палаты ("servi cameræ"), понесет тяжелые потери. Таким образом, заключение Меира не было суровым. Ему разрешалось принимать гостей, давать наставления своим ученикам и выполнять все функции раввина, но ему не разрешалось покидать это место.

Однако немецкие евреи не могли чувствовать себя спокойно, пока их высокоуважаемый вождь оставался под стражей: поэтому они послали депутатов к императору Рудольфу, когда он посетил страну Рейн (в 1288 году). Будучи тогда, как обычно, нуждающимся в деньгах, он вступил с ними в переговоры. Евреи предложили ему 20 000 марок серебром, если он накажет

убийц евреев Обервезеля и Боппарда, освободит Меира из-под стражи и гарантирует им безопасность от зверств со стороны населения. Император согласился на их условия и наложил крупный штраф на граждан Обервезеля и Боппарда. Меир, однако, не был освобожден из тюрьмы либо потому, что император надеялся нажиться на уважении евреев к своему раввину и вытянуть из них большие суммы денег, либо, как рассказывают, потому, что сам Меир отказался быть освобожденным на этих условиях. Он опасался, что к прецеденту заключения раввинов в тюрьму за вымогательство выкупа у евреев будут часто прибегать в последующие времена, и поэтому еще на пять лет продержался под арестом. Из тюрьмы он отправлял ответы на адресованные ему запросы и написал там несколько произведений. Он умер в тюрьме, и преемники Рудольфа держали его тело непогребенным в течение четырнадцати лет, чтобы вымогать деньги у прихожан. В конце концов бездетный мужчина из Франкфурта по имени Зюскинд Александр Вимпфен выкупил тело за крупную сумму и похоронил его в Вормсе. Единственная награда, которую потребовал благородный Вимпфен, заключалась в том, чтобы его кости были положены рядом с благочестивым раввином.

Примерно в это же время евреи Англии пережили величайшее несчастье. Они были более несчастны, если это было возможно, чем немецкие евреи. Прежде чем быть изгнанными, они должны были пройти через все степени страданий. При восшествии на престол нового короля Эдуарда I у них появились перспективы на безопасное существование, поскольку этот монарх, полная противоположность своему отцу, был суров, но справедлив; он не оказывал им никаких милостей, но, с другой стороны, ничего у них не вымогал и, во всяком случае, был способен защитить их от нападков введенной в заблуждение толпы. Эдуард очень заботился о том, чтобы евреи его страны не страдали и не были подвержены капризам, и чтобы не было причинено никакого вреда ни их личности, ни их имуществу. Они могли бы продолжать жить в этом смиренном состоянии, согнувшись под бременем податей и изнуряя себя ростовщицеством для удовлетворения ненасытных требований королевской казны, если бы незначительное происшествие не сделало их объектом лютой ненависти монахов.

В Лондоне жил доминиканец по имени Роберт де Реддингж, который воспламенял умы людей своим красноречием с кафедры. Он изучал древнееврейский язык, развитию которого так много внимания уделял третий генерал ордена, Раймонд деПеньяфорте, чтобы дать монахам возможность обращаться с евреями с помощью своих собственных трудов. Но вместо того, чтобы обратить их в свою веру, монах-проповедник Роберт де Реддингж сам обратился в христианство. Он был вдохновлен настолько глубокой любовью к иудаизму, что подвергся обрезанию, принял имя Аггей и женился на прекрасной еврейке (лето 1275 года). Когда его призвали к ответу за отступничество, он с большой теплотой защищал свою новую веру. Король Эдуард передал его для наказания архиепископу Кентерберийскому. Что с ним сделали, неизвестно, но, по-видимому, он вместе со своей женой остался невредимым. Доминиканцы, однако, были разгневаны его обращением, поскольку считали отступничество одного из своих членов позорным пятном на своем ордене. Тронутые за живое насмешками над народом и их соперниками францисканцами, которые глубоко ненавидели их, монахи-проповедники стремились обрушить свою месть на евреев. Поскольку к королю можно было обратиться только через посредника, они обратили свое влияние на фанатичную, алчную королеву-мать Элеонору, и им это удалось. Она отождествляла себя с делом доминиканцев против евреев и не останавливалась до тех пор, пока английские евреи не осушили чашу скорби до дна. Сначала она изгнала евреев из города Кембридж, который принадлежал ей, и лично поощряла враждебное отношение к ним по всей стране, особенно среди христианских купцов.

Теперь началась, почти против воли короля, серия обременительных репрессий, которые казались бы невероятными, если бы они не были подтверждены свидетельствами заслуживающих доверия источников. До сих пор парламент не имел никакого отношения к евреям; они считались народом короля, над которым ни палата общин, ни дворянство не имели никакой власти. Однако как раз в это время, подстрекаемая доминиканцами и королевой-матерью, Палата общин приняла статут (называемый Статутом иудаизма), который дышит враждебным духом Церкви. Он категорически запрещал евреям заниматься ростовщичеством. Им разрешалось проживать только в королевских городах и местечках. Если бы им пришлось принудительно выплачивать долги по закону, они не могли бы испытывать затруднений, выходящих за рамки части имущества должника. Каждый еврей старше двенадцати лет должен был заплатить королю на Пасху сумму в три пенса. Палата общин строго следила за ношением еврейского значка, определила его размер и цвет (заменив желтый на белый) и запретила любые сношения с христианами. Как замечает английский писатель Тови, с евреями в Англии обращались так же, как с их предками в Египте, за исключением того, что вместо кирпичей им приходилось добывать золото. Это сравнение хорошо во всех отношениях, им ничего не было даровано, и все же они были обязаны предоставить полный перечень услуг. Даже за привилегию торговать им приходилось полагаться на благосклонность короля и платить за это определенную цену.

Вскоре врагам евреев представилась благоприятная возможность выдвинуть против них серьезные обвинения. Фальшивые монеты, импортируемые из-за границы, были в обращении в Англии; монета страны также часто чеканилась. Обвинение было направлено против евреев, что они были единственными изготовителями и распространителями фальшивых монет. Вследствие этого в пятницу, 17 ноября 1278 года, все евреи Англии вместе со своими женами и детьми были брошены в тюрьму, а их дома обысканы. Впоследствии было доказано, что многие христиане и даже некоторые лондонские аристократы были виновны в подделке монет королевства, и что во всем королевстве только 293 еврея были осуждены за преступление, в котором их обвиняли. Тем не менее, более 10 000 евреев пострадали за этот акт, и в то время как христиане, которые были замешаны в этом, за исключением трех, были освобождены после уплаты штрафа, 293 еврея были повешены, другие приговорены к пожизненному заключению, а третьи изгнаны из страны, а их имущество конфисковано. Но ненависть к ним не иссякла. Евреев продолжали обвинять в распространении фальшивых монет, и их враги пытались контрабандой завладеть ими, а затем, угрожая донести на них, вымогали у них деньги. Эдуард, который был знаком с этими интригами, издал закон (май 1279 г.), согласно которому обвинения в подделке монеты королевства могли быть выдвинуты только до мая следующего года, и таким образом положил конец всем этим обвинениям.

Однако враги евреев не уставали выдвигать против них новые обвинения. Вскоре стало известно, что евреи Нортгемптона распяли христианского ребенка. За это предполагаемое преступление многие евреи в Лондоне были разорваны на части лошадьми, а их трупы повешены на виселице (2 апреля 1279 года). Затем евреев обвинили в актах неуважения к христианским символам. Вслед за этим король издал указ, согласно которому богохульники должны были быть наказаны смертью. Однако, поскольку Эдвард знал своих людей, он добавил, что обвиняемые понесут наказание только в том случае, если будут признаны виновными на основании показаний честных, беспристрастных свидетелей преступления. Чтобы подтолкнуть евреев к богохульным действиям, доминиканцы придумали печально известную уловку. Они умоляли короля разрешить им проповедовать евреям с целью их

обращения. Они знали, что тот или иной из них проникнется рвением к своей религии и употребит оскорбительное выражение. Эдуард дал им это разрешение по просьбе приора (1280 г.) и предупредил евреев, чтобы они терпеливо слушали проповеди доминиканцев, без волнений, противоречий или богохульства. Чтобы способствовать их обращению, король даже пожертвовал деньги. Чрезвычайный закон, согласно которому евреи, перешедшие в христианство, должны были передавать свое имущество в казну, Эдуард частично отменил и постановил, что они могут оставить себе половину. Более того, он приказал построить дом для новообращенных представителей еврейской расы и обеспечил его доходом, который, однако, поступал в основном в карманы надсмотрщика. Философ-схоласт того времени предложил другое средство обращения евреев. Знаменитый францисканский монах Дунс Скотт (профессор Оксфорда, затем Парижа и Кельна), воспитавший свой разум мыслями еврейского философа Гебироля, считал, что долг короля, если он хочет проявить христианское рвение, - оторвать еврейских детей от их родителей и дать им воспитание в христианской вере. Более того, было совершенно оправданно принуждать самих родителей всевозможными угрозами подчиниться крещению. О том, с каким уважением евреи относились к христианству мирских и хищных пап, свирепых князей и чувственных монахов, свидетельствует особый случай. Одна еврейка пожаловалась королю, что ее собственные враги и враги ее мужа опорочили ее, назвав новообращенной, и она умоляла его возместить ей это оскорбление. В то время как королева-мать Элеонора по просьбе доминиканцев прилагала все усилия, чтобы настроить короля и народ против евреев, королева, также по имени Элеонора, оказала им свою милость. Она умоляла короля передать вакантный пост главного раввина английской конгрегации ее любимому Хагину (Хаим) Денлакресу. Король удовлетворил ее молитву и назначил Хейгина главным раввином со всеми полномочиями и привилегиями, которыми пользовались его предшественники (15 мая 1281 г.).

Когда король назначил Хейгина и его наследников главным раввином Англии, у него и в мыслях не было изгонять евреев из своего королевства. Постепенно, однако, фанатичная партия и его мать приобрели на него все большее влияние и нарушили его ясное восприятие. Эта партия в Англии, вероятно доминиканцы, предстала перед новоизбранным папой Гонорием IV, выдвинув серьезные обвинения против евреев в том, что они не только поддерживали дружеские отношения с христианами, но и поощряли возвращение крещеных евреев в иудаизм, приглашали христиан по субботам и праздникам в синагогу, заставляли их преклонять колена перед Торой и склоняли их принять еврейские обычаи. Соответственно, папа направил послание архиепископу Йоркскому и его легату, призывая их использовать все средства, чтобы положить конец этому неподобающему поведению. 16 апреля 1287 года в Эксетере состоялось церковное собрание, на котором были возобновлены все ненавистнические канонические резолюции против евреев. Две недели спустя (2 мая) король во второй раз приказал арестовать всех английских евреев вместе с их женами и детьми - акт, для которого невозможно установить причину. И он не отпускал их до тех пор, пока не получил большой выкуп. Три года спустя, в 1290 году, Эдуард, подстрекаемый своей матерью, издал указ от своего имени, без согласия парламента, о том, что все евреи Англии должны быть изгнаны из страны. Им дали срок до первого ноября, чтобы обменять их товары на деньги. Любой еврей, обнаруженный на английской земле после этой даты, подлежал повешению. Но до этого времени они должны были вернуть своим владельцам все залоговые христианских должников. Эдуард был достаточно мягок, чтобы убедить своих чиновников не приставать к евреям при их отъезде, и он предупредил парусных капитанов в пяти портах, чтобы они не оскорбляли их. Хотя их

передышка длилась до 1 ноября, 16 511 евреев Англии покинули страну к 9 октября.

Недвижимость, которую им не удалось продать, отошла королю. Несмотря на приказы короля, изгнанные евреи подвергались всевозможным жестокому обращению. Один капитан, нанятый для перевозки нескольких семей вниз по Темзе к морю, направил корабль к песчаной отмели и заставил их сойти на берег до начала прилива. Когда начался отлив, он снова сел на борт, и его матросы поднялись на борт, отчалили и презрительно крикнули отчаявшимся евреям:

"Взывайте к Моисею, который благополучно провел ваших предков через Красное море, чтобы он вывел вас на сушу". Несчастные люди погибли в волнах. Это дело дошло до ушей судей, и зачинщики были повешены как убийцы. Сколько подобных инцидентов могло произойти и остаться безнаказанными! Евреи Гаскони, которая в то время принадлежала Англии, также были изгнаны. Изгнанные евреи направили свои стопы во Францию, ближайшее убежище. Там они были впервые приняты Филиппом IV Красивым. Но вскоре после этого король и парламент совместно постановили, что евреи, изгнанные из Англии и Гаскони, должны покинуть территорию Франции к середине Великого поста. Они снова были вынуждены отправиться в паломничество; некоторые из них отправились в Германию, другие, вероятно, в северную Испанию.

Как будто злая судьба преследовала сыновей Иакова, подобно тени, не покидая их ни на мгновение, короткое счастье, которым пользовались евреи Азии благодаря Саад-Аддауле, вскоре обернулось разрушением. Врач Великого хана Персии обратил внимание на мошенническое поведение финансовых чиновников; за эту службу он был назначен комиссаром и отправлен в Багдад для расследования состояния доходов и привлечения мошеннических администраторов к ответственности (конец 1288 года). Саад-Аддауле удалось привести доходы в такой порядок, что он смог перечислить великому хану Аргуну значительные суммы, которых тот не ожидал. Аргун, любивший золото, был в восторге от своего еврейского комиссара и награждал его всеми возможными знаками отличия. Поскольку Саад-Аддаула действовал бескорыстно и заботился только о благе своего господина, он мог постоянно вносить в казну все большие суммы денег и таким образом завоевывал себе все большую благосклонность этого великого хана. В конечном счете Аргун назначил его министром финансов всей иранской (персидской) империи и присвоил ему почетный титул Саад-Аддаула, "Опора империи" (лето 1288 г.). Ему было приказано нанимать на должности только евреев и христиан, поскольку хан недолго любил магометан из-за их бунтарского настроения. Было естественно, что Саад-Аддаула нанял своих родственников, поскольку он мог лучше всего рассчитывать на их рвение помочь ему в его трудной должности. Благодаря верности, с которой Саад-Аддаула служил своему господину, он завоевал такое доверие, что почти все государственные дела проходили через его руки, и он имел право принимать решения, не обращаясь по этим вопросам к великому хану. Вероятно, с его помощью и по совету Аргуна установил дипломатические связи с Европой и даже с папой римским. С помощью европейцев магометане должны были быть изгнаны из Малой Азии, особенно из Палестины. Папа римский, однако, льстил себе надеждой, что Аргун станет членом католической церкви.

Еврейский министр, действительно, заслуживал высокой милости, которой удостоил его Аргун. Там, где до сих пор в империи царили вседозволенность и злоупотребление властью, он ввел закон и порядок. Военным капитанам было запрещено вмешиваться в отправку правосудия, судебным органам было рекомендовано защищать слабых и невиновных. Поскольку у монголов не было судебного кодекса, Саад-Аддаула ввел в действие магометанские законы в той мере, в какой они касались отправления гражданского и уголовного правосудия. Мирное население

благословило его за сохранность жизни и имущества, за которые они были ему обязаны. Саад-Аддаула также покровительствовал образованию, выплачивал солидную ренту ученым людям и поэтам и поощрял их в их литературных начинаниях. В результате литераторы превозносили его в прозе и стихах.

Восточные евреи чувствовали себя счастливыми и возвышенными благодаря возвышению своего единоверца на высший пост империи. Из самых отдаленных стран хлынул поток евреев в Персидское ханство, чтобы снискать расположение еврейского министра. Они единодушно сказали: "Бог возвысил этого человека в последние дни как Господа Искупления и для поддержания нашей надежды". Неоеврейская поэзия, возникшая на Востоке, но погрузившаяся в резкий диссонанс или вообще замолчавшая, похоже, восстановилась, чтобы возвещать его славу.

Однако Саад-Аддаула нажил себе много могущественных врагов благодаря своему решительному управлению и любви к справедливости и порядку. Магометане, лишенные всяких должностей, с глубокой досадой наблюдали, что евреи и христиане, которых они привыкли презирать как неверных собак, оказались в руках правительства. Более того, их священники и ученые мужи побуждали их к самой лютой ненависти к еврейскому государственному деятелю, которому они приписывали свое унижение. Соответственно, они распространили сообщение о том, что Саад-Аддаула обдумывает установление новой религии и провозглашение великого хана религиозным законодателем и пророком. Чтобы еще больше возбудить их фанатизм, они сообщили, что Саад-Аддаула завершил подготовку к экспедиции в Мекку, чтобы превратить священную обитель Каабу в храм идолопоклонства и снова обратить магометан в язычников. Орден измаилитских убийц, Ассасины, который был организован с целью предания смерти действительных или предполагаемых врагов ислама, немедленно тайно принял меры по устранению Саада-Аддаулы и его родственников. Но их заговор был раскрыт, и он был сорван им самим.

У еврейского министра было много противников даже среди монголов. Военачальники были разгневаны на него, потому что он ограничил их вольности. Заговор вынашивался и в монгольских кругах. Ходили слухи, что он поручил еврею Неглиб-Эддину отправиться в Хорасан и предать смерти двести самых выдающихся монголов; и что его родственник Шем-Аддаула получил инструкции убить многих священников и вождей города. К сожалению, Аргун серьезно заболел (ноябрь 1290 г.), и его болезнь послужила сигналом для недовольных составить заговор против Саад-Аддаулы и его приверженцев. Министр напрасно старался добиться выздоровления хана, ибо видел, что смерть последнего означала его собственную. Он даже тайно отправил гонца к сыну Аргуна, чтобы обеспечить его скорейшее возвращение ко двору, чтобы он мог захватить корону сразу после смерти своего отца. Получив известие об этих мерах предосторожности, монгольские магнаты, видевшие, что конец Аргуна близок, ускорили осуществление своего заговора. Они казнили Саад-Аддаулу (март 1291 г.) и убили всех фаворитов Аргуна. Аргун умер семь дней спустя. После этого заговорщики разослали гонцов по всем провинциям, приказав заковать родственников Саад-Аддаулы в цепи, конфисковать их имущество, а их жен и детей продать в рабство. Магометанское население также нападало на евреев во всех городах империи, чтобы отомстить им за унижение, которому они подверглись от монголов. В Багдаде произошли многочисленные столкновения между вооруженными отрядами магометан и евреев, и с обеих сторон многие были убиты и ранены.

Два месяца спустя большая еврейская община Сен-Жан-д'Акр (Акчо), которая незадолго до этого была повергнута в смятение Соломоном Пети, была полностью стерта с лица земли. Египетский султан Альмалек Алашраф предпринял кампанию по изгнанию последних крестоносцев из Палестины и Сирии. Он осаждал укрепленный город Акчо более месяца, а затем взял его штурмом (18 мая 1291 года). Были казнены не только все христиане, но и многие евреи, случайно оказавшиеся в городе. Другие были брошены в тюрьму, и среди них Исаак из Акчо, ревностный, но неинтеллектуальный каббалист, чья откровенность вынудила его, во многом против его воли, выставить ореол божественности, которым Каббала окружила себя, всего лишь ряженым.

КОНЕЦ ТОМА III.

СНОСКИ

1 Перевод Соломона Солиса Коэна, которому следует выразить благодарность за перевод большинства поэтических отрывков в этом томе. —[Ред.]

2 Перевод Эммы Лазарус.—[Ред.]

3 Перевод Эммы Лазарус.—[Ред.]

4 Меир означает светоносец или светило. -[Ред.]

Примечания переписчика

Пунктуация, переносы и орфография были приведены в соответствие, когда в этой книге было обнаружено преобладающее предпочтение; в остальном они не изменялись.

Были исправлены простые типографские ошибки.

Двусмысленные дефисы в концах строк были сохранены.

Непоследовательное использование заглавных букв и букв собственного имени в именах без изменений.

Непоследовательное использование точек после порядковых номеров не изменено.

Сноски перенесены из низа страниц в конец текста, непосредственно перед Указателем.

Индекс не был проверен на наличие правильных ссылок на страницы.

Обложка создана автором и размещена в общественном достоянии.

Страницы [v](#), [231](#): Краткое содержание глав относится к "Самуэлю бар Чофни", но все упоминания в тексте и Указателе относятся к "Самуэлю бен Чофни".

Страница [146](#): "Его сын Абу-Сахал Али (835-853)" диапазон дат кажется слишком коротким.

Страница 648: После слов "и для поддержания нашей надежды" добавлен отсутствующий заключительный кавычковый знак.

Страница 654: исправлена ошибка в алфавитной последовательности.

Страница 664: "Иудаизм: философия г" была напечатана именно так в оригинале.